БАЛКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ, ПОЛИТИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

inslav

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт славяноведения и балканистики

БАЛКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
Вып. 9

ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ, ПОЛИТИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА
1984

inslav

Редакционная коллегия:

Г. Л. АРШ, Ю. Д. БЕЛЯЕВА, В. Н. ВИНОГРАДОВ,
Л. Я. ГИБИАНСКИЙ, Ю. В. ИВАНОВА, Е. П. ЛЬВОВА,
Е. П. НАУМОВ, Д. Ф. ПОПЛЫКО

Б $\frac{0504000000-006}{042(02)-84}$ — 22—84—I

© Издательство «Наука», 1984 г.

inslav

Предисловие

Статьи настоящего сборника показывают рубежи, на которые вышла в последние годы советская балканистика в области изучения истории и истории культуры. Труд составлен с учетом проблематики V Международного конгресса по изучению стран Юго-Восточной Европы (Белград, сентябрь 1984 г.). Освещение в нем проблем древнего мира, средневековья, нового и новейшего времени, истории культуры, этнографии и фольклора свидетельствует о том, что балкановедческие исследования ведутся в нашей стране широким фронтом.

Открывается 9-й выпуск «Балканских исследований» статьей Вяч. Вс. Иванова «Древнебалканская культура и письменность», в которой на основе обобщения последних достижений балканской археологии делаются важные выводы относительно единства торгово-экономических отношений эгейской области в минойскую эпоху, об эволюционном ряде культур, завершением которого являются культуры критская и микенская, что и объясняет их зрелость. Автор отмечает возникновение в Юго-Восточной Европе еще в V—IV тысячелетиях до н. э. центров изобретения и распространения письменности, древнейших из известных науке, связывая это с быстрым экономическим развитием культур Карпато-Балканского региона, отвергая толкование этой письменности как исключительно сакральной, и проводит ее сравнение с протошумерской.

Более многочисленны в сборнике материалы по балканскому средневековью. Г. Г. Литаврин, Е. П. Наумов, М. М. Фрейденберг подводят в своих статьях итоги исследований по таким важным проблемам, как особенности становления раннефеодальных славянских государств, вопросы сословного деления, развитие торговли на Балканах в эпоху развитого социализма.

Обширен круг исследований периода новой истории. Здесь — проблемы воссоздания балканской государственности, попранной османскими завоевателями, причем даны они как в конкретно-историческом развитии (статьи С. И. Данченко и А. В. Карасева, Ю. А. Писарева), так и в типологическом анализе (статья В. Н. Виноградова); соотношение революции и реформ в ходе национального и социального развития (статьи В. Я. Гросула и Д. Ф. Поплыко). В последние годы у нас в определенной мере преодолено отмечавшееся ранее отставание в исследовании взаимосвязей и взаимовлияния общественной мысли России и Балкан. Об этом свидетельствует помещенная в сборнике статья И. С. Достян. Различные формы русско-балканского сотрудничества показаны в работах М. М. Залышкина, З. С. Ненашевой, В. И. Шеремета.

inslav

Разнообразно представлена в выпуске проблематика новейшего времени. Исследуются характерные для стран региона типологические схождения и национальная специфика в деятельности крестьянских партий (статья Т. Ф. Маковецкой и Т. А. Покивайловой), место и роль иностранного капитала (М. Д. Ерещенко). Блок материалов посвящен разным аспектам советско-балканских отношений в годы Великой Отечественной войны (статьи Г. М. Славина, Л. Я. Гибианского) и после нее. Статьи В. В. Зеленина и Н. Д. Смирновой, М. А. Мунтяна показывают некоторые стороны становления международных отношений нового типа, свойственных социалистическим государствам. Им противопоставляется выработка другого курса, курса на подчинение малых стран, которому империализм США стал особенно активно следовать после второй мировой войны.

Важным представляется раздел книги, посвященный историко-культурной проблематике, что отражает определенный поворот советских балканистов к изучению этих вопросов. Здесь — исследование А. И. Рогова, посвященное одному из важных аспектов культурных взаимосвязей Руси и Балкан в позднее средневековье, статьи Г. Л. Арша и И. И. Лещиловской о новогреческом и сербском просвещении, т. е. по проблематике, на которой сосредоточено сейчас внимание балканистов всего мира. Н. В. Злыднева и Е. П. Львова затрагивают в своих статьях интересные стороны современного искусства Югославии и Болгарии.

Традиционно советские ученые выступают на конгрессах по изучению Юго-Восточной Европы с докладами по этнографии и фольклору. В настоящем сборнике эта тематика представлена статьями Ю. В. Ивановой, В. С. Зеленчука и Б. Н. Путилова.

Таков круг проблем, освещаемых в 9-м выпуске «Балканских исследований».

В. Н. Виноградов

inslav

ИСТОРИЯ

ДРЕВНИЙ МИР И СРЕДНИЕ ВЕКА

Древнебалканская культура и письменность

Вяч. Вс. ИВАНОВ

Археологические открытия последних десятилетий на территории Греции, Болгарии, Румынии, Югославии, Венгрии полностью перевернули представления о начале и ходе развития неолитической и раннеметаллургической культур Юго-Востока Европы. Оказалось, что история последних неразрывно связана хронологически и географически с центрами культур Передней Азии эпохи неолита, медного и бронзового веков. Неолитическое селение VI тысячелетия до н. э. Неа Никомедия (как и Аргисса) в северной Греции синхронно с Хаджиларом VI в Малой Азии и свидетельствует о несомненности связей земледельческо-скотоводческой культуры Македонии и западной Анатолии [1]. Новейшие исследования по истории земледелия приводят поэтому к выводу о том, что два выделенных академиком Н. И. Вавиловым центра происхождения культурных растений — средиземноморский (включавший Юго-Восточную Европу согласно тому варианту идей Вавилова, который был выработан им к середине 30-х годов) и юго-западноазиатский — представляют собой по существу единый изначально цельный регион [2]. Следует заметить, что сам Н. И. Вавилов еще в 1926 г. отмечал, что его больше всего интересуют «Фессалия и Македония — два центра культуры хлебов» [3], которые, как установлено раскопками последних десятилетий, оказались действительно древнейшими очагами неолитического земледелия на Балканах [4]. Это еще раз подтверждает силу интуиции Вавилова. Стоит поэтому внимательнее вчитаться в письмо, написанное им 1 сентября 1926 г. на острове Крит: «Вчера видел вещи замечательные в Кносском дворце, 17—18 век до Р. Х., в зерновом хранилище из огромных глиняных чанов масса зерна, и в том числе Ervum ervilia, к[отор]ая и теперь возделывается на Крите. Получил ископае[мые] Er[va] ervilia. Ее называют здесь «iovi». Культура критская поразительна. 1900 лет до Р. Х. делали турнюры, парики, талии, чудные краски, ванны, канализацию. В ископаемом виде инжир, олива, виноград, ячмень, пшеница» [5]. Эта лаконичная характеристика критской культуры достаточно всеобъемлюща: в том, что касается художественной стороны быта, она совпадает с наблюдениями специалистов-искусствоведов. Так, Б. Р. Виппер пишет: «Господство женщин на Крите сказывается также в чрезвычайной роскоши одежды и своеобразной утонченности туалета. Критянки носили очень оригинальные одежды, параллели к кото-

inslav

рым мы найдем разве только в Венеции конца XV века или во Франции эпохи рококо. Обнаженная грудь и воротник. «à la Medici», чрезвычайно тонкая, туго стянутая талия, пестрая юбка с воланами; на голове часто берет или пышный тюрбан. Характерно, что на Крите и мужская мода находится под несомненным влиянием женского идеала. Критские мужчины бреют бороды и усы, но носят очень длинные волосы, часто украшенные пестрыми эгретами, и так же туго стягивают свою тонкую талию» [6]. И в курсе истории древнегреческого искусства, и в более ранних своих работах, касавшихся критской культуры в ее параллелях новейшей европейской [7], Б. Р. Виппер, как и многие другие исследователи, обращал внимание на загадочный «модернизм» древнекритского и более раннего эгейского кикладского искусства. К этому последнему Виппера привлекала «теория, согласно которой начальной стадией является натурализм, постепенно все более схематизирующийся до полной неузнаваемости реального прообраза». Соответствующие образцы кикладского искусства III тысячелетия до н. э., демонстрировавшиеся в Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве в январе 1980 г. на выставке архаического греческого искусства из музеев Греции, оставляют впечатление типологического сходства с геометризмом искусства европейского XX в. н. э.

Историко-экономический ключ к истории кикладской культуры найден в новейших металлографических работах, которые установили, что уже в 3500—2900 гг. до н. э. (ранний бронзовый век) и позднее, в 2900—2100 гг. до н. э. (вторая фаза кикладской ранней бронзы), Киклады были мощным центром металлургии свинца и серебра [8]. Эти новые открытия, имеющие исключительное значение для понимания истории древней металлургии Южных Балкан и ее исторической связи с еще более ранней металлургией Балкан (и Юго-Восточной Европы в целом) IV тысячелетия до н. э., сделаны благодаря интерпретации археологических материалов в свете экспериментальных данных. Экспериментальная археология позволяет оценить возможности, достигнутые в том или ином ареале культуры, с точки зрения уровня техники (определяющей в том числе и температуру, которая может быть достигнута в печах), необходимого для производства соответствующих предметов материальной культуры. По отношению к металлургии свинца, в частности, в эгейском ареале новые данные, полученные благодаря применению экспериментальных методов, позволяют подтвердить ранее высказанные предположения о весьма древней датировке времени производства этого металла, что связано с его низкой температурой плавления. Недавние эксперименты показали, что свинец может быть получен из сернистых свинцовых руд (галенита) в горящем костре из сухого дерева или угля при температуре ниже 800° С. Поскольку (в отличие от меди) свинец в чистом виде в природе встречается редко, его находки в древних поселениях Эгейского мира в настоящее время истолковываются как свидетельства начала ранней металлургии свинца.

Четыре свинцовые модели лодок, найденные в погребении ран-

inslav

некикладского периода (около 2800 г. до н. э.) на о-ве Наксос, недавно были подвергнуты изотопному анализу, показавшему, что они изготовлены из свинца, выплавленного из руд, добывавшихся на о-ве Сифнос. Последующие интенсивные раскопки на Сифносе показали, что руды начали разрабатываться не позднее рубежа IV и III тысячелетий до н. э. (даты проверены с помощью радиокарбонового и термолюминесцентного методов). Тем же изотопным методом установлено, что свинцовые руды области Лаурион (около 40 км к юго-востоку от Афин на юге п-ова Аттики), известные античным авторам, послужили основным источником для свинца, из которого изготовлены изделия на о-ве Тера близ Крита и на самом Крите среднеминойского и микенского периодов, а также предметы, привезенные из Микен в Египет во время 18-й династии, и часть изделий на Кикладских островах. Кроме уже упомянутых применений свинца на островах Эгейского моря, проведенное в последнее время обследование свинцовых изделий, датируемых поздним неолитом и ранним бронзовым веком, позволяет сделать вывод, что из него изготовляли и предметы хозяйственного назначения: ролики веретен, грузила для рыбацких сетей, проволоку (часто находимую в погребениях), а также печати и украшения — кольца и браслеты. Особый интерес представляют свинцовые гири для весов, распространенные по всему Эгейскому миру от Крита и прилегающих к нему островов (в частности, на о-ве Тера, где большое число этих гирь найдено в Акротири) до Киклад и материковой Греции. Недавно К. Петрузо обнаружил, что эти гири, свидетельствующие о торговом и экономическом единстве всей эгейской области, используют особую минойскую систему измерения веса, в основу которой положена единица, эквивалентная 61 г. Эти выводы, касающиеся металлургии свинца и ее использования, имеют и общее культурно-историческое значение. Они показывают, что вся эгейская область в минойскую эпоху была объединена торгово-экономическими отношениями. Культура Киклад, оставившая изумительные образцы архаического искусства (с типологической точки зрения воспринимаемые как продукт зрелой цивилизации, если даже не как свидетельство достижения поздних этапов циклического развития), в большой степени еще остается загадкой. Поэтому перечисленные открытия последних лет могут оказаться особенно ценным ключом для понимания технологического и экономического аспектов этой культуры. Выясняется, что система торгово-экономических связей, объединявших в это время весь эгейский мир, была наследием III тысячелетия до н. э.— времени расцвета кикладской культуры. Культура о-ва Тера, погибшая после гигантского извержения вулкана в середине II тысячелетия до н. э. (с чем связан и переход от позднеминойской культуры к микенской, соответственно от линейного письма А к письму В на Крите), отличалась чрезвычайно высоким уровнем развития (катастрофу, приведшую к гибели этой культуры, иногда считают реальным историческим прообразом платоновского рассказа о гибели Атлантиды). Исследования, о которых шла речь, позволяют проследить связь между культурами Крита, Теры и Киклад.

inslav

Обнаружение на Кикладских островах высокоразвитой культуры, связанной с производством серебра и торговлей им (в том числе с такими основными центрами цивилизации, как Египет), позволяет предположить, что эта культура была связующим звеном между позднейшим Критом (преемственная связь которого с кикладской культурой давно выявлена историками культуры) и более ранней Юго-Восточной Европой, являвшейся в IV тысячелетии до н. э. наиболее развитым центром металлургии. Тем самым культурная типология Крита, интересовавшая Н. И. Вавилова, приобретает большую временную глубину: Крит (а до него Киклады) представляет последнее звено в длинном эволюционном ряду, чем и объясняется зрелый характер его культуры.

Этот эволюционный ряд, завершаемый критской культурой (и позднейшей греческой микенской — в той мере, в какой эта последняя продолжала традиции более ранней минойской критской), открывается, по-видимому, названными в начале настоящей статьи древнейшими неолитическими поселениями Македонии и Фессалии. К ним примыкают древнейшие центры культур Старчево — Криш — Кереш — Караново (вторая половина VI—V тысячелетия до н. э.), в своем развитии давших высокоразвитую металлургическую культуру древних Балкан IV тысячелетия до н. э., далеко превосходившую синхронные ей переднеазиатские центры [9]. Об этой древнебалканской культуре иногда в последнее время говорили как о «пороге несостоявшейся цивилизации» [10]. Это определение верно, если иметь в виду наиболее явное географическое приурочение металлургической культуры Карпато-Балканской провинции. Но если принять допущение, по которому эта культура продолжается кикладской и критской (а следовательно, и микенской), то эта цивилизация все же состоялась (и, более того, находит продолжение в современной европейской). Но одна история металлургии (и вообще материальной культуры) не дает возможности ответить на вопрос о том, в какой мере реальны предполагаемые связи. Значительно большую достоверность излагаемая гипотеза приобретает в свете данных истории духовной культуры, в частности письменности.

Культуры Юго-Восточной Европы V—IV тысячелетий до н. э. представляют древнейший из обнаруженных до настоящего времени центров изобретения и распространения письменности, по возрасту превосходящий позднейший древнемесопотамский шумерский. Древность письменных знаков, сходных с шумерскими, но значительно более ранних, по отношению к Трансильвании была определена замечательной исследовательницей С. фон Торма более 100 лет назад [11]. Но хотя число не только находок предметов с отдельными знаками, но и целых надписей на протяжении раскопок во всех странах Юго-Восточной Европы непрерывно возрастало, тем не менее самый факт наличия этой ранее неизвестной письменности оставался под вопросом до открытия табличек в Tărtăria, относящейся к культуре Винча (Vinča). Сходство отдельных знаков на этих табличках с протошумерскими (слой Урук IVa) несомненно [12], так же как сходство обнаруживается и в разделении поверхности таблички на

inslav

части с помощью горизонтальных и вертикальных линий. Вместе с тем совпадает и общий лотографическо-силлабический характер письма протошумерской культуры Урук-IV и культуры Винча. Это следует, в частности, из общего числа знаков письменности (210), использовавшейся в этой последней [13].

Изучение протошумерской письменности, успешно начатое А. А. Вайманом [14], в последние годы (с учетом его выводов) существенно продвинуто вперед Грин [15]. Смысл большинства протошумерских знаков и содержание большинства текстов, представлявших собой документы хозяйственной отчетности, можно считать в общих чертах ясными. В частности, твердо установлено, что в текстах встречается большое число сочетаний знаков для чисел-цифр с обозначениями соответствующих счетных классов предметов, как и в аналогичных протоэламских текстах [16]. Некоторые из полученных при анализе протошумерских и протоэламских текстов результатов могут быть прямо использованы для отождествления соответствующих знаков письменности культуры Винча и некоторых из их комбинаций. Это прежде всего относится к числительным, знаки для которых отождествляются относительно легко, как и в других архаических системах письма. В системе письма Винча используются вертикальные знаки с числом вертикальных линий от 1 до 6, знаки № 1, № 31—35 по Винну. Предполагая использование соответствующих знаков как числительных, можно далее с большой долей вероятности предположить значение 10 для знака круга, знак № 135 по Винну. Еще более существенным представляется вероятное отождествление знака № 87 по Винну (крест, вписанный в круг) с аналогичным знаком, обозначавшим барана в протошумерских документах скотоводческой хозяйственной отчетности. Идя по этому пути, основанному на гипотезе о типологической и генетической связи древнебалканского и протошумерского (а также и протоэламского) письма, можно получить как первые чтения отдельных фрагментов надписей, так и вообще представление о характере письменных документов культуры Винча.

Если излагаемое понимание этих документов верно, то они представляют собой результат быстрого экономического развития культур Карпато-Балканского ареала. По мере того быстрого роста земледелия, скотоводства, ремесел (включавших уже и металлургию) и торговли, о котором с неопровержимой ясностью свидетельствуют археологические открытия последних лет, стало необходимым применение более совершенных средств учета, что и привело к появлению письменности, как это вскоре произошло и в Шумере.

Однако именно сопоставление с историей протошумерского письма ставит вопрос, ответ на который оказывается одной из неотложных задач древнебалканской археологии. Протошумерское письмо возникло как проекция на плоскости глиняного конверта тех миниатюрных скульптурных (трехмерных) символов предписьма, которые, как обнаружила Д. Шмандт-Бессера, служили для целей хозяйственного учета во всем ареале древних цивилизаций Передней Азии от Анатолии до Ирана и Египта в X—IV тысячелетиях до

inslav

н. э.[17] Хотя изображение архаического трехмерного знака предписьма на двумерной плоскости глиняного конверта появляется раньше самого письма (протошумерского и протоэламского), об этом последнем можно говорить только тогда, когда знаки письма отделились от проекций скульптурных символов предписьма[18]. Колоссальный период, отделяющий начало применения трехмерных скульптурных символов предписьма от их двумерных проекций и возникшего из них собственно письма, свидетельствует о существенном концептуальном различии между этими разными видами систем знаков.

Вопрос, возникающий перед археологией Карпато-Балканского региона, заключается в следующем: двумерные знаки слоя Урук-IVa имели в качестве своих предшественников трехмерные знаки (в частности, для чисел) в слое Урук-V[19]. Поскольку шумерское развитие от скульптурного предписьма к письму осуществлялось позднее появления древнебалканской письменности культуры Винча, можно предположить, что и письменные знаки этой последней возникли из трехмерного предписьма того же типа, что и раннемесопотамское; в таком случае сходство с протошумерским объясняется единством исходных скульптурных прототипов, восходящих к периоду начала неолитической революции в Западной Азии.

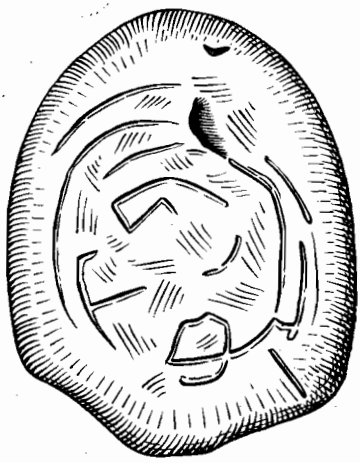
В августе 1982 г. во время поездки в Венгрию автору предоставилась возможность проверить эту гипотезу, которая ранее высказывалась в докладах и дискуссиях, в том числе при обсуждении халафского предписьма[20]. Выяснилось, что в Национальном музее в Будапеште в отделе, посвященном энеолиту (újkörkot), выставлено несколько миниатюрных трехмерных символов, в частности шариков (по излагаемой концепции счетных символов для десятков или для итогового суммирования) с дырками (необходимыми для их нанизывания на нить вместе с другими символами, как это наблюдается и в Передней Азии), найденных при раскопках на севере Венгрии в Sátoraljaujhely. Символы (значащиеся под № 89, 90, 94, 95, 102 в инвентарном списке) * по величине и форме точно соответствуют тем, которые Шмандт-Бессера обнаружила в материалах раскопок из Передней Азии. Сведения об аналогичных находках из других частей Венгрии (в частности, Bicske-Galagonyas) содержатся в новейшей археологической литературе[21]. Поэтому кажется вероятным, что при обследовании музеев других стран Карпато-Балканского региона может быть выявлено известное число сходных символов.

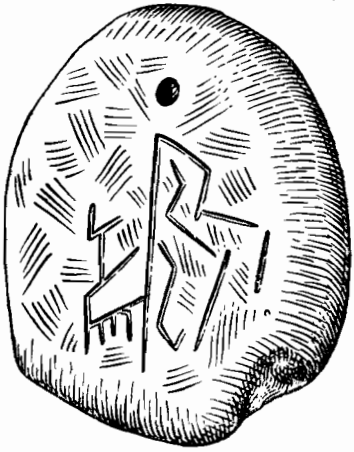
Согласно излагаемой точке зрения, на территории древнебалканских неолитических культур с самого начала их возникновения употреблялись трехмерные символы того же типа, которые еще раньше получили распространение в переднеазиатских очагах неолити-

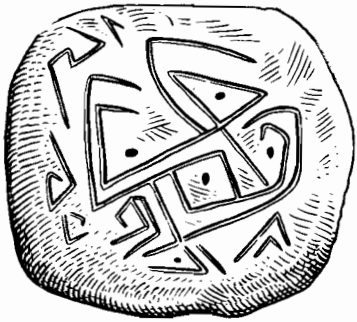
* Автор выражает признательность доктору Т. Кеменчей, познакомившему его с данными об этих образцах неолитических символов, а также доктору Ф. Хорвату, доктору О. Трогмайеру и профессору Г. Комороци за ценные сведения о других памятниках венгерского неолита и их возможной интерпретации, а также за библиографические справки.

inslav

Надпись древнебалканским письмом на ролике веретена из Дикилиташа, около Филипи, северо-восточная Греция, рубеж V—IV тысячелетий до н. э.







Плоский сосуд из Градешницы, около Врачи, западная Болгария, конец V тысячелетия до н. э. Надписи древнебалканским письмом на обеих сторонах сосуда

Надписи на предметах, предположительно весах, найденных в Шукоро-Торадюлё, к востоку от Секешфехервара, западная Венгрия, рубеж VI—V тысячелетий до н. э.

inslav

ческой революции (в том числе и в Анатолии, где на западе в Бельдиби соответствующие символы встречаются уже в VIII в. до н. э.). Переход от трехмерных символов к двумерным в Карпато-Балканском ареале, в IV тысячелетии до н. э. характеризовавшемся особенно развитым типом металлургии и в этом отношении превосходившем Месопотамию, осуществился раньше, чем в этой последней, причем не исключено влияние древнебалканских культур на (прото)шумерскую. В обеих частях тогдашнего цивилизованного мира — восточной (месопотамско-египетской, образовавшей единую непрерывную зону благодаря наличию промежуточных звеньев в Сирии и Палестине, где использовались такие же знаки предписьма, и тянувшейся на восток через Иран к Южной Туркмении, Афганистану и область зарождения протоиндийской культуры) и западной (карпато-балканской) — в IV тысячелетии до н. э. происходили однотипные изменения в хозяйстве, связанные с переходом от неолита к меди и ранней бронзе. Возникновение письма (древнебалканского, протошумерского, протоэламского, позднее египетского) было частью этого общего процесса, требовавшего реорганизации всей системы учета. Западная зона, опередившая восточную в хозяйственном отношении, могла оказаться более развитой и в том, что касается новой символики, использовавшейся для учета. Особенно существенным представляется единство системы письма на всей территории балкано-карпатского ареала.

Из сказанного следует, что широко распространенное в научной литературе толкование образцов древнебалканского письма только как сакральных не представляется обоснованным. Возможно, некоторые из надписей на таких предметах, как веретена, могли иметь магическое значение и выполняли не хозяйственную, а ритуальную функцию. Это значительно менее вероятно по отношению к таким предметам, как весы, и во всяком случае не кажется обязательным для сосудов. Употребление знаков, обозначающих числительные, по-видимому, характерно для всех этих типов предметов, что самым простым образом объяснялось бы при допущении хозяйственного назначения надписей, вполне естественного по отношению к таким предметам, как весы и сосуды, и вполне возможного и по отношению к веретенам, магическая функция которых была вторичной по сравнению с исходной хозяйственной. Предположение, что хозяйство и символика, имевшая функции учета, в своем развитии на древних Балканах опередили Месопотамию, еще не ведет с неизбежностью к выводу, согласно которому письмо могло использоваться и в функциях, выходящих за пределы учетно-экономических. Перенос средств, выработанных для выполнения этих функций, на надписи с религиозным назначением был бы шагом, намного опережавшим ход развития в Месопотамии.

Возможно, однако, что надписи могли обозначать имена, например в тех многочисленных случаях, когда они встречаются на глиняных фигурках. Однако окончательный ответ на это может быть дан только по мере дешифровки надписей, которая оказывается возможной благодаря наличию указанных древневосточных параллелей.

inslav

Их исследование необходимо и для уточнения наших знаний о структуре тех древнебалканских обществ, с которыми связано изобретение наиболее ранней письменности человечества. Этническое приурочение носителей древнебалканских культур (как и их возможных продолжателей на Кикладах и древнем Крите) остается до этой дешифровки делом гадания. Но следует заметить, что недавно высказанная гипотеза [22] об индоевропейском характере этих этнических групп плохо согласуется с данными о раннем контакте общеиндоевропейского языка с различными языками Древнего Востока, общесемитским и общекартвельским [23]. Более вероятным кажется предположение, согласно которому Балканы были древней областью расселения той семьи языков, к которой возводятся северокавказские, енисейские и сино-тибетские языки [24]. С рассматриваемой точки зрения особенно примечательно то, что в этих группах языков есть весьма ранние термины, обозначающие письмо * [25]. Это можно объяснить только допущением, по которому их носители и были создателями наиболее ранних из известных систем письма (и предписьма).

* Автор благодарен С. А. Старостину за ряд соображений, высказанных в этой связи.

1 *Меллаарт Дж.* Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М., 1982, с. 108—110; *Mellaart J.* The Neolithic of the Near East. L., 1975, p. 244—262.

2 *Андрианов Б. В.* Земледелие наших предков. М., 1978, с. 41.

3 *Резник С.* Николай Вавилов. М., 1968, с. 202—203; Научное наследство, т. 5. Николай Иванович Вавилов. Из эпистолярного наследия 1911—1928 гг. М., 1980, с. 284—286.

4 *Rodden R. J.* An early neolithic village in Greece.— Scientific American, 1962, v. 212, N 4.

5 Письма акад. Н. И. Вавилова Е. И. Барулиной.— Наука и жизнь, 1969, № 9, с. 66—68.

6 *Виннер Б. Р.* Искусство Древней Греции. М., 1972, с. 16, 36.

7 *Виннер Б. Р.* Проблема и развитие натюрморта. М., 1922.

8 *Gale N. H., Stos-Gale Z.* Lead and silver in the ancient Aegean.— Scientific American, 1981, v. 244, N 6, p. 176—192; *Иванов В. В.* История названий металлов в славянских и балканских языках. М., 1983.

9 *Черных Е. Н.* Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. С., 1978; *Тодорова Х.* Энеолит Болгарии. С., 1979.

10 *Черных Е. Н.* На пороге несостоявшейся цивилизации.— Природа, 1976, № 2, с. 58—69.

11 *Makkaj J.* The late Neolithic Tordos group of signs.— In: Alba Regia, 1969, X, p. 9—49.

12 *Falkenstein A.* Zu den Tontafeln aus Tartaria.— Germania, 1965, Bd. 43, Halbb. 2 and S. 269—273; *Gimbutas M.* Old Europe in the fifth millenium B. C.: The European situation on the arrival of Indo-Europeans.— In: The Indo-Europeans in the fourth and third millenium. Ann Arbor, 1982, p. 1—60; *Rosenkranz B.* Nichtalphabetische Schriften der antiken Welt. Köln, 1975, S. 10—12.

13 *Winn M. Mc.* The signs of Vinča culture: an internal analysis, their role, chronology and independence from Mesopotamia. Los Angeles, 1973; *Markotić V.* Some aspects of Neolithic religion in Southeast Europe.— In: Networks of the Past: Regional interaction in Archaeology. The University of Calgary archaeological Association, 1981, p. 151—169.

14 *Gimbutas M.* The gods and goddesses of Old Europe 7000 to 3500 B. C.: Myth, legends and cult images. L., 1974; *Вайман А. А.* О протошумерской письменности.— В кн.: Тайны древних письмен/Отв. ред. И. М. Дьяконов.

inslav

М., 1976, с. 578—585; *Он же.* Обозначение рабов и рабынь в протошумерской письменности.— ВДИ, 1974, № 2, с. 138—148; *Он же.* Знаки É и LÍL в протошумерских текстах из Джемдет-Насра.— В кн.: Переднеазиатский сборник. III. История и филология стран Древнего Востока. М., 1979, с. 57—59; *Vaiman A. A.* Über die Protosumerische Schrift.— Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae, 1974, v. 22.

15 *Green M. W.* Animal husbandry at Uruk in the archaic period.— Journal of Near Eastern Studies, 1980, v. 39, N 1, p. 1—36; *Green M. W.* The construction and implementation of the cuneiform writing system.— Visible language, 1981, v. XV, N 4, p. 321—344.

16 *Shmandt-Besserat D.* From tokens to tablets: a revaluation of the so-called «Numerical tablets».— Visible language, 1981, v. XV, N 4, p. 345—372.

17 *Shmandt-Besserat D.* The earliest precursor of writing.— Scientific American, 1978, N 238, p. 50—59; *Eadem.* An archaic recording system and the origin of writing.— Syro-Mesopotamian studies, 1977, 1/2, p. 31; *Eadem.* The earliest uses of slay in Syria.— Expedition, 1977, v. 19, p. 28—42; *Eadem.* The earliest uses of clay in Anatolia.— Anatolia studies, 1977, v. 27, p. 133—150; *Eadem.* Reckoning before writing.— Archaeology, 1977, v. 32, N 3, p. 22—31; *Eadem.* An archaic recording system in the Uruk-Jemdet Nasr Period.— American Journal of Archaeology, 1979, v. 83, p. 19—48; *Idem.* The envelopes that bear the first writing.— Technology and Culture, 1980, v. 21, N 3, p. 357—383; *Иванов Вяч. Вс.* Чатал-Гююк и Балканы: Проблемы этнических связей и культурных контактов.— В кн.: Balcanica: Лингвистические исследования. М., 1979, с. 35—38; *Гельб И. Е.* Опыт изучения письма: (Основы граммотологии). М., 1982, с. 324—328.

18 *Иванов Вяч. Вс.* Семиотические и культурологические аналоги фонологизации.— В кн.: Вторичные моделирующие системы. Тарту, 1979, с. 5.

19 *Brander M. A.* Siegelabrollungen aus den archaischen Bauschichten in Uruk-Warka. T. 1 (Freiburger altorientalischen Studien von B. Kierast, Bd. 7). Wiesbaden, 1979, S. 40—57, Tafel. 17.

20 *Перлов Б. И.* Новые данные о возникновении шумерской логографической письменности.— В кн.: Тез. докл. научной сессии, посвященной итогам работы Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина за 1979 год. М., 1980, с. 25—27.

21 Die aktuellen Fragen der Bandkeramik. Székes-fehérvár, 1972, S. 105.

22 *Дьяконов И. М.* О прародине носителей индоевропейских диалектов.— ВДИ, 1982, № 4, с. 24.

23 *Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В.* Древняя Передняя Азия и индоевропейская проблема: Временные и ареальные характеристики общеиндоевропейского языка по лингвистическим и культурно-историческим данным.— ВДИ, 1980, № 3.

24 *Старостин С. А.* Праенисейская реконструкция и внешние связи енисейских языков.— В кн.: Кетский сборник: Антропология. Этнография. Мифология. Лингвистика. Л., 1982, с. 144—237.

25 *Иванов В. В.* Тибетская грамматическая традиция в соотношении с санскритской.— В кн.: История лингвистических учений: Средневековый Восток. Л., 1981, с. 181—182.

inslav

Особенности становления раннефеодальных славянских государств на Балканах

Г. Г. ЛИТАВРИН, Е. П. НАУМОВ

Проблема конкретных проявлений и особенностей процесса формирования раннефеодальной славянской государственности на Балканах остается одной из наиболее сложных и актуальных в исторической науке [1]. Изучение этой проблемы до крайности затруднено чрезвычайной скудостью и фрагментарностью сохранившихся источников. Разногласия по этому сюжету среди исследователей еще значительны. И авторы данной статьи, не претендуя на рассмотрение проблемы в целом, намерены остановиться на некоторых методологических принципах подхода к ней, сосредоточив внимание на вопросе о специфике процесса становления государственных образований у балканских славян в течение VII—X вв.

Особенности этого процесса определялись, по нашему мнению, прежде всего тремя группами факторов. Во-первых, это различия в социально-экономической, общественно-политической и этнокультурной структуре славянских племенных союзов во время их расселения на территории будущих государственных образований. Во-вторых, это демографические, хозяйственные и географические особенности, характерные для разных районов Балканского полуострова ко времени поселения славянских племен. Это, наконец, в-третьих, те конкретные внутренние и внешнеполитические условия, в которых совершался у славян в каждом конкретном случае процесс становления органов государственной власти.

Рассмотрим последовательно эти три группы факторов, останавливаясь по преимуществу лишь на самом существенном, как оно нам представляется.

Сначала, однако, одна оговорка: в основном будет идти речь о Болгарии и сербских и хорватских княжествах; словенские земли оставлены вне рассмотрения, поскольку Карантанское и Паннонское (Блатенское) княжества рано потеряли свою независимость, войдя в состав Франкской империи и соответственно Германского королевства.

1. Согласно данным современной археологии и показаниям письменных источников, уровень общественно-экономического и культурного развития славянских племен в пределах всего заселенного ими ареала в I—VII вв. был в целом примерно одинаковым.

Хозяйственно-культурный тип славян этой эпохи характеризуется в основном как оседло-земледельческий [2]. Их участие в Великом переселении народов на его последних этапах не имело ничего общего с миграцией или сезонными передвижениями кочевых или полукочевых народов [3]: славяне передвигались поэтапно, не оставляя занятия земледелием, с многолетними остановками на пути миграционных трасс; их более частые переселения на незначительные

inslav

расстояния были связаны с используемой ими практикой подсечного земледелия.

Славяне возделывали в VI—VIII вв. пшеницу, рожь, ячмень, полбу, просо, овес. Им было знакомо и овощеводство, и выращивание плодовых деревьев. Скотоводство занимало также большое место в их хозяйственной деятельности, причем преобладало разведение именно крупного рогатого скота, свойственное оседлым народам [4].

Повсеместно славяне освоили металлургию железа, из которого изготовляли оружие и основные орудия труда: сошники, серпы, ножи, косы, топоры, долота и т. д.[5] Они ткали льняные и шерстяные ткани, занимались кожевенным делом и гончарным ремеслом, изготовляя лепную керамику без применения гончарного круга. Широко было распространено у славян столярное производство.

Общественное устройство славян определяется как последняя стадия «варварства», как строй военной демократии, непосредственно предшествующий оформлению государства. Процесс имущественной дифференциации и классообразования уже привел к выделению социальной верхушки, племенной аристократии, окружавшей вождя племени и уже определявшей формы и масштабы изъятия у свободных общинников-воинов прибавочного продукта, шедшего первоначально на общественные нужды (укрепление городищ, строительство оборонительных линий, содержание культовых сооружений, выкуп пленных и т. п.), а также устанавливавшей направление внешнеполитического курса. Славянские племена были объединены в территориальные военные союзы во главе с господствующим племенем, из которого происходил высший вождь союза, власть которого тяготела к превращению в наследственную. Входившие в союз племена обладали, однако, значительной независимостью в своей внутренней жизни и возглавлялись собственными вождями и старейшинами [6].

Тем не менее мы полагаем, что в общей картине славянского мира в конце V—VI вв. наметились различия, выразившиеся, в частности, в ускорении темпов развития тех контингентов славян, которые вступили в непосредственный контакт с Восточноримской (Византийской) империей, заселив земли по левому берегу Дуная. Славяне оставались здесь до поселения на территории империи, от 50 до 100 лет. В течение этого времени (по крайней мере с 527 г.) они совершили множество набегов на Византию, а иногда (как, например, анты) вступали с ней и в союзнические отношения.

Эти отношения (и враждебные, и мирные) с высокоразвитым цивилизованным государством тех времен играли роль катализатора общественного развития славян: они становились обладателями более совершенных орудий труда, оружия, предметов быта, изделий роскоши, знакомились с более развитой агротехникой и ремесленным производством, овладевали военным искусством византийцев, накапливали и осмысливали новую информацию в сфере организации общественной жизни. Высшая славянская знать обретала новые идеалы упрочения своего социального и общественного престижа.

inslav

Существенное значение имел, на наш взгляд, увод славянами в плен массы жителей империи: лишь часть их возвращалась за выкуп или попадала на рынки рабов; большинство же вливалось в славянское общество (зачастую на равных правах с бывшими их хозяевами), обогащая это общество своими производственными навыками и знаниями.

Большинство военно-политических союзов племен, участвовавших в заселении Балкан, обрели к этому времени постоянный характер, и переселение совершалось целыми союзами, безусловно, в какой-то мере организованно. Эти объединения получили в византийских (а затем и в латинских) памятниках название «Славиний» (или «Славий») [7].

В историографии продолжается дискуссия о степени этнокультурных отличий славян, занявших северо-западные районы Балканского полуострова (сербохорватская группа), и славян, принимавших участие в формировании Болгарского государства, а также поселившихся в других областях Восточных, Центральных и Южных Балкан (Фракия, Македония, Эпир, Фессалия, Пелопоннес, так называемая славяно-болгарская группа) [8]. Однако констатируемые лингвистами фонетические различия между диалектами языка обеих групп были, видимо, сами по себе незначительными, к тому же такого рода различия имелись и внутри каждой из двух указанных групп [9].

Важнее другое обстоятельство: славяне, обосновавшиеся впоследствии в Мисии, Фракии, Македонии и других более южных районах Балканского полуострова, в течение нескольких десятилетий обитали в левобережье Дуная, в непосредственной близости от империи, находясь с ней в постоянном контакте. Значительная их часть входила в крупные военно-территориальные союзы, сумевшие отстоять свою независимость во второй половине VI в. как от империи, так и от аваров. К концу этого века эти славянские земли считались аварами и византийцами экономически процветающими [10]. Славяне этого региона («склавины» византийских источников) находились то в мирных, то во враждебных отношениях с крупным военным славянским объединением антов, достигавшим левобережья дунайского устья. Во время войны устойчивые союзы «склавинов» объединялись, по-видимому, в крупные политические образования. Вполне вероятно, что в конце VI — начале VII в. среди этих союзов играл серьезную роль союз «Семь родов» (или «Семь племен»), непосредственно участвовавший затем в формировании Первого Болгарского царства. После понесенного антами в 602 г. поражения от аваров в этот союз влилась, как мы полагаем, часть и антских племен. Важно отметить также, что славяне левобережья Дуная рано вступили в контакт с протоболгарскими племенами и в VI в. совершили совместно с ними несколько набегов на империю.

Во время похода аваров против антов, пролегавшего, несомненно, через земли «склавинов», часть «склавинов» вступила, по всей вероятности, в союзнические отношения с империей и вскоре, возможно после разгрома аваров в 626 г. под Константинополем, по со-

inslav

глашению с Византией заняла Мисию и Малую Скифию, обязавшись оборонять ее от возможных вторжений врагов (прежде всего аваров) [11].

Условия жизни сербохорватских племен до их поселения на Балканах заметно отличались от условий «славяно-болгарской» группы. Во-первых, районы, из которых они двинулись на юг, преодолевая сопротивление ослабленного поражением 626 г. Аварского каганата, лежали, вероятно, близ южных пределов Одро-Висленского междуречья и в верховьях этих рек, т. е. были значительно удалены от границ Восточноримской (Византийской) империи. Ранние контакты с ней хорватов и сербов были мало вероятными. Сведениями о том, что они зависели от каганата и вместе с аварами могли участвовать в набегах на империю, наука не располагает. Во-вторых, оформление устойчивых военных союзов хорватов и сербов произошло не в ходе конфронтации с империей, а задолго до этого — об этом позволяют судить этнонимы обоих этих народов, свидетельствующие об их связях с иранскими племенами; возможно, хорваты и сербы некогда заселяли те области Восточной Европы, на которых проживали племена иранской группы. Важно, однако, что в VII в. наименования «хорваты» и «сербы» выступают уже как самоназвания (этнонимы), а не как этникопы. Следовательно, образованные обоими народами союзы имели уже длительную предшествующую историю. Несмотря на сходство языка и обычаев сербских племен, они расселились на Балканах, вероятно, в разное время и, может быть, происходили из различных районов «прародины» славян к северу от Карпатских гор [12].

Все сказанное оправдывает предположение, что предпосылки поступательного развития славян еще до их расселения на Балканах были более благоприятными именно для той их части, которая обитала в левобережье Дуная (они раньше вступили в непосредственный контакт с Восточноримской империей), чем для славян, осевших затем на северо-западе Балканского полуострова.

2. Отличались и условия, в которых оказались на Балканах славяне, населявшие впоследствии Болгарию, Хорватию и сербские княжества, несмотря на то что все эти территории входили в пределы издревле освоенных человеком и культивируемых земель, население которых испытало многовековое воздействие позднеантичной и ранневизантийской цивилизации; эти территории к тому же были расположены в основном в зоне значительно более мягкого (сравнительно с областями, лежащими к северу и северо-востоку от Дуная) средиземноморского климата.

Юго-Восточную Европу определяют в историографии как зону умеренного («уравновешенного») синтеза позднеримских общественных и «варварских» институтов, обусловившего специфику протекавшего здесь в VII—IX вв. процесса феодализации и формирования государственности. Это обстоятельство в отличие от остального «бессинтезного» ареала, занятого славянами, содействовало в целом ускорению темпов развития у всех южных славян [13]. Тем не менее эффективность происходившего синтеза общественного строя «варва-

inslav

ров» (славян) и местного населения была различной, убывая в направлении с юга на север и северо-запад, так как соответственно ослабевала в этом направлении и степень развитости на Балканах институтов позднеантичного и ранневизантийского общества.

Разумеется, все эти территории (входившие в состав имперских провинций Малая Скифия, Мисия, Паннония, Иллирик и Далмация) были разорены в ходе следовавших друг за другом в течение IV—VII вв. почти непрерывно вторжений готов, гуннов, протоболгар, аваров, славян. Местное фракийское и иллирийское население, подвергшееся к VI в. почти полной романизации и эллинизации, значительно поредело: оно частью укрылось в горах, отошло к югу под давлением «варваров», погибло в сражениях с ними либо было уведено в плен. Хозяйство на этих землях было расстроено, города пришли в упадок: часть их лежала в развалинах, часть была оставлена жителями, уцелевшие же (преимущественно на Черноморском и Адриатическом побережьях) аграризировались и утратили былое значение. Сравнительно дольше в течение V—VI вв. во власти «варваров» оказывались северо-западные, а не восточные и северо-восточные балканские провинции Восточноримской империи.

Влияние местного уклада на общественный строй славян находилось в прямой зависимости от степени сохранения на занятой ими территории автохтонного населения, живого носителя более развитых производительных сил. И в этом отношении положение было более благоприятным также в восточных и центральных районах Балканского полуострова, особенно во Фракии и Македонии. Как между Славиниями, возникшими здесь в последней четверти VI — первой половине VII в., так и внутри самих Славиний сохранялись поселения эллинизированных фракийцев и греков. В меньшей мере это было характерно для Мисии, но и здесь коренные жители еще оставались в сельской местности, особенно в горной, а на побережье (в приморских городах) они первоначально, видимо, преобладали над пришельцами (славянами и протоболгарами). Города по Дунаю в его нижнем течении (Никополь, Силистра-Доростол) и по Черноморскому побережью (Томи, Варна, Констанция и др.) не сумели сохранить своей независимости и в ходе постепенного возрождения торгово-ремесленной деятельности были вовлечены в экономическую систему Первого Болгарского царства [14].

Существенно отличалось положение на северо-западе Балкан ко времени поселения здесь хорватов и сербов. Прежде всего различие состояло в том, что хорваты и сербы составили лишь вторую волну славянских поселенцев, осевших в этом ареале, и их приход на Балканы датируют 30—40-ми годами VII в.[15]

Уже в конце VI — начале VII в. территорию будущей Хорватии заняли славяне, находившиеся под властью Аварского каганата, и хорваты в ходе расселения выдержали упорную борьбу с аварами, подчинив своему влиянию всех славян региона и возглавив обширный новый союз, в который вошли и остатки живших здесь аваров. Более многочисленное, чем аварское, иноэтничное население этого района представляли романизированные жители, которые несколь-

inslav

ко позже фигурируют в византийских источниках под названием «влахи» и которые составляли вместе с прямыми потомками римлян основное население приморских (адриатических) городов. Сюда, к береговой кромке, романизированное население было оттеснено аварами и славянами. Лишь часть его, главным образом в горных местностях, осталась во внутренних районах, но в силу своей малочисленности и разбросанности оно не играло серьезной политической роли и не создало в то время собственных этнополитических объединений.

Удержавшееся в некоторых уцелевших на Адриатике городах (Котор, Сплит, Задар и др.) романское население оказалось в VII—IX вв. вне сферы прямой власти хорватских и сербских политических объединений, их экономическое развитие не было непосредственно подчинено интересам формирующейся хорватской и сербской государственности: и в торговом отношении, и в политическом они более тесно были связаны с Византией и Италией [16].

Следовательно, есть основания говорить о значительной этнической (славянской) однородности населения северо-запада Балкан, а также о том, что это население в своей существенной части — в отличие от славян к востоку и юго-востоку от этого ареала — испытало, видимо, гораздо меньшее влияние местных форм общественной жизни.

Сходным было положение в районах, занятых сербами, которых, вероятно, во время расселения, так же как и хорватов, поддерживала против аваров Византия. Вскоре, однако, славяне этого региона оказались разделенными на большое количество племенных объединений, боровшихся за гегемонию и не обладавших явным перевесом сил над другими родственными союзами. Закреплению этнополитических различий сербских племен, упрочению в пределах ограниченных территорий разных общественно-культурных традиций содействовал и характер заселенных сербами земель: пересеченная высокими, покрытыми лесом горами, тесными ущельями и глубокими долинами местность создавала серьезные трудности для постоянных хозяйственных связей и политического взаимодействия между разными частями сербского региона.

Как и в Хорватии, здесь также приморский район, более благоприятный для экономического развития, оказался на длительное время — как раз в эпоху оформления сербской государственности — исключенным из процесса аккумуляции материальных средств и социальных сил, участвовавших в создании органов классового господства. Хозяйственная и социально-политическая структура этого района, унаследованная от ранневизантийской эпохи, тяготела к автаркии и к обеспечению условий автономного развития по типу итальянских приморских городов, связанных со средиземноморской торговлей [17].

Иными словами, и вторая группа кратко рассмотренных нами факторов (т. е. особенности местности, заселенной разными славянскими племенами и группами) позволяет прийти к заключению, что северо-западные районы Балкан по сравнению с центральными и

inslav

восточными представляли в VII—IX вв. менее благоприятный для хозяйственного и социального прогресса регион полуострова.

3. Сколь, однако, ни благотворно было воздействие двух комплексов рассмотренных выше факторов, обусловивших опережающие темпы формирования государственности у славян на востоке Балканского полуострова, на исход этого процесса решающее влияние оказывали те конкретные обстоятельства, в которых этот процесс совершался. Иначе говоря, те преимущества, о которых было сказано выше и которыми обладало население, объединившееся в составе Первого Болгарского царства, сами по себе не были столь велики, чтобы предопределить исход эволюции.

Доказательством этого тезиса является судьба Славиний, сложившихся в Македонии, Фракии, Фессалии и на Пелопоннесе. По своей социально-политической структуре они были не менее зрелыми, чем Славиния в Мисии — союз «Семь родов». Расположены же они были в местности, горазо более выгодной и с точки зрения природно-географических условий, и в отношении контактов с автохтонным населением империи и возможностей усвоения элементов производственной и социальной структуры более развитого византийского общества. Некоторые из этих Славиний в течение VII—IX вв. сохраняли независимость от империи или автономию во внутренних делах. Однако ни одна из них не превратилась в подлинное государственное образование. И причины этого, по нашему мнению, заключались прежде всего в том, что Византия оказывала на эти Славинии постоянное политическое и прямое военное давление, используя для этого целую систему средств — от проповеди христианства и мирных союзных договоров до организации карательных экспедиций.

Славинии в силу этого были лишены возможности мирного или военного объединения вокруг единого политического центра; предоставление Славинии статуса «архонтии» даже при сохранении внутренней автономии предполагало утверждение архонта со стороны императора, установление постепенно усиливавшегося контроля за политической ориентацией архонта, в особенности за его внешнеполитическими акциями. Расположенные поблизости от Славиний крупные византийские городские центры-крепости с сильными гарнизонами (Адрианополь, Фессалоника, Веррия, Ларисса, Коринф, Патры и др.) служили опорными пунктами империи в ее действиях против славян.

Существенным результатом византийского влияния на Славинии было ослабление единства их руководящего социального слоя: часть представителей племенной славянской аристократии проникалась идеалами византийской знати, тяготела к соединению с ней и к поискам своего места в имперской иерархии чинов и должностей.

Сохранявшие самостоятельность Славинии в условиях неравной борьбы с Византией истощали свои материальные и людские ресурсы, постоянные изнурительные войны вели к консервации общественной структуры таких Славиний, к замедлению их эволюции и в конечном счете к завоеванию их империей и постепенной ассимиляции славян греками[18]. Сходное положение было и в Карантании

inslav

(Хорутании), и у полабских славян, втянутых в ожесточенную борьбу с превосходящими по силе и организации социального и политического строя франками и германцами [19]. Не смогли упрочиться в VII—VIII вв. и Славинии, входившие в пределы Аварского каганата — примитивной военно-политической организации кочевников, обеспечивавшей их власть над земледельческим населением. Господствующий слой здесь в целом составляли авары, являвшиеся по преимуществу непроизводительным населением, занятым в основном функцией подавления, сбора дани и организации набегов на соседей [20].

Иной была ситуация в Мисии и Малой Скифии, на территории между Дунаем и Балканским хребтом. Среди славянских военно-территориальных союзов наиболее крупным был здесь союз «Семь родов», в который, видимо, входили как «склавины», так и анты, сохранявшие в пределах союза свою племенную структуру, имевшие собственных вождей и обладавшие автономией во внутренних делах. Это объединение находилось, возможно, в союзнических отношениях с империей, имело статус «федератов», т. е. обязывалось защищать дунайскую границу империи от аваров. Собственно византийских войск и гарнизонов, как и византийской администрации, на этой территории (кроме городов на Черном море) не было. Связи местной славянской аристократии с Константинополем были непрочными. Относительно самостоятельному развитию местных Славиний (прежде всего союза «Семь родов») содействовала и заметная естественногеографическая изоляция региона, огражденного со всех сторон морем, горами и крупной речной артерией.

И славяне этого региона, и протоболгары к последней четверти VII в. находились на последней стадии развития строя военной демократии. Как в том, так и в другом обществе процесс классообразования еще не привел к консолидации племенной аристократии в такую социальную силу, которая сумела бы преобразовать органы союзно-племенного управления в аппарат своего классового господства, превратить традиционные взносы соплеменников на общественные нужды и участие в строительстве укреплений в регулярно действующую систему податей и трудовых повинностей, а также ликвидировать или ограничить власть племенных вождей и старейшин и обеспечить повиновение центральной власти всех славян, входивших в союзное объединение, как и славян других племенных союзов в Мисии.

Однако поселение в географически замкнутом пространстве, на издревле входивших в состав империи землях, и союзные отношения с Византией должны были ускорить процесс разложения строя военной демократии: резко сузились возможности организации военных экспедиций, и накопление материальных ресурсов могло совершаться преимущественно за счет интенсификации внутреннего социально-экономического развития. В социальной структуре земледельческого славянского общества в Мисии в это время, по-видимому, уже созрели предпосылки для регулярного изъятия части прибавочного продукта в интересах господствующего социального слоя.

inslav

Напротив, хозяйственно-культурный тип полукочевого протоболгарского племенного союза, лишь переходившего к организации постоянных становищ с традиционными зимовищами и создаваемыми при них земледельческими хозяйствами,— тип, способный к воспроизводству условий своего существования, еще не мог обеспечить устойчивого возрастания прибавочного продукта без грабежа соседних народов и эксплуатации иноплеменных невольников. Однако в социально-политической сфере союзу Аспаруха, как и другим союзам кочевых и полукочевых народов, были присущи спаянная тесными родовыми связями четкая воинская организация, сильная ханская власть, опиравшаяся на аристократию выдающихся знатных родов. Почти все мужское население союза представляло собой постоянно готовое к бою войско, способное к тому же — сравнительно с земледельческим населением — более быстро и надежно обеспечить безопасность своих семей и имущества. Хозяйственный и социальный уклад этого общества отличался крайней замедленностью темпов развития, консервативностью своей структуры, которая сама по себе не могла лечь в основу устойчивой государственной системы.

Объединение этих двух народов (славян и протоболгар) в единую политическую организацию дало начало становлению качественно новой, более развитой социально-общественной системы. Произошло как бы взаимное восполнение недостаточно созревших институтов одного общества институтами другого. Экономический базис нового государственного образования составила, однако, структура земледельческого славянского общества — именно она обеспечивала упрочение социальных позиций формирующегося господствующего класса и регулярное поступление материальных средств в казну. Именно поэтому военный потенциал протоболгарского союза в свою очередь позволил быстро решить проблему объединяющего центра и форм организации центральной власти.

Славянская знать и протоболгарская аристократия оказались одинаково заинтересованными как в утверждении своего господства над массами трудового народа, так и в ликвидации опасности реставрации византийской и установления аварской власти в Мисии. Оттесненная на первых порах от участия в центральном аппарате власти, базировавшемся на институтах тюркского кочевого общества, славянская знать отстояла, однако, свои социальные и общественные позиции, сохранив под своей властью и юрисдикцией население Славиний, вошедших в новое объединение на правах автономии. В конце VII — первой половине VIII в. это государство еще отличалось неразвитостью и социальной и политической системы. Но с самого своего возникновения Первое Болгарское царство не может быть, по нашему мнению, уподоблено по своему типу восточному каганату, как, например, Аварскому. Протоболгары (находившиеся, впрочем, на более высокой ступени развития, чем авары) были не в состоянии низвести славян до положения невольников или бесправных данников, а славянские союзы — изгнать пришельцев. Огромную роль сыграли значительное численное преобладание славян и одинаково угрожавшая независимости славян и протобол-

inslav

гар опасность от аваров и Византии. Формы симбиоза двух народов оказались поэтому здесь более гибкими и приемлемыми для обеих сторон, чем в Аварском каганате [21].

В силу превосходства социально-хозяйственной структуры и значительного численного преобладания славян дальнейший процесс развития ознаменовался переходом протоболгар к оседлости и их ассимиляцией, в результате чего складывалась новая, стадиально боле высокая этническая общность — болгарская феодальная народность. Но развитие новой державы неоднократно, особенно в 50—60-х годах VIII в., осложнялось вспышками острых противоречий между знатью обоих народов и соперничеством внутри протоболгарской знати. Однако кризис был преодолен. Утрата протоболгарской аристократией своего господствующего статуса в государственном аппарате была предопределена всем ходом внутреннего развития страны.

В первой четверти IX в. были ликвидированы как особые привилегии родовой аристократии протоболгар, так и широкие права автономии славянской знати Славиний: государство получило новое административное деление — во главе комитатов стояли наместники, назначаемые центральной властью [22]. Социальные верхи обоих народов все быстрее сливались в единый господствующий класс. Эти процессы в целом нашли завершение в первом полустолетии после принятия христианства (865 г.), которое из фактора дезинтеграции, каким оно было в Болгарии в VIII — первой половине IX в., стало в качестве официальной религии могущественным орудием упрочения государственной системы, усиления центральной власти и укрепления формирующейся социальной системы феодализирующегося общества. Примечательно, что лишь с этого времени в государственной и общественной структуре болгарского общества стали различимыми признаки византийского влияния [23].

Обратимся теперь к северо-западным районам полуострова. Ни этническая относительная гомогенность населения хорватских земель (помимо самоназвания «хорваты», нам здесь известен лишь один термин «гудусканы» или «гачане»), ни ранние (уже в VII в.) попытки христианизации оказались недостаточными для упрочения и развития хорватских военно-территориальных союзов. Крупное объединение хорватов эпохи заселения ими своего региона распалось, видимо, к 70-м годам VII в. в результате вмешательства аваров, сумевших вновь усилить здесь свои позиции.

К сожалению, конкретный ход событий, которыми ознаменовался процесс становления хорватских государств, нам не известен. В сочинении Константина Багрянородного «Об управлении империей» сохранились лишь смутные и противоречивые известия, основанные на местных преданиях, которые отразили соперничество различных хорватских политических образований, борьбу возглавлявших их династий за верховенство и роль основного организующего центра в сфере укрепления государственной власти, а также в обеспечении единства хорватских земель. Эти предания, несмотря на их легендарный характер, принадлежат к памятникам исторической и обще-

inslav

ственно-политической мысли и как таковые подвергались, без сомнения, существенным и тенденциозным переработкам.

Во всяком случае в IX в. в хорватском ареале еще не сложилось единого государственного образования: существовало приморское (далматинское) княжество во главе с князем Борной и его преемниками, в котором особую роль играло племя гудускан (или гачан), а также Посавское княжество и Неретвлянское княжество (Константин Багрянородный называет его Арентанией или Паганией). Видимо, довольно долго ни одно из этих княжеств не достигало явного перевеса над другими. Не случайно поэтому, что нелегко сопоставить полный и хронологически точный перечень хорватских князей (в сочинении «Об управлении империей» назван сначала Порг, а из последующих князей — Трпимир и Крешимир, затем и другой Крешимир и Мирослав). На фоне этих неясных сообщений выделяются своей подробностью известия о клятве крестившихся хорватов папе римскому, о миссионерской деятельности св. Мартина и т. д., что свидетельствует, скорее всего, о влиянии латинского духовенства приморских городов Далмации на хорватскую политическую традицию, об ожесточенной борьбе княжеств за верховенство или разных родов за власть в одном и том же княжестве [24].

Процесс государственной консолидации задерживался также и вмешательством соперничавших за господство в этом регионе держав: Франкской империи, Византии, Венеции, а позднее Венгрии. Почти столетие, видимо, с конца VIII до конца IX в., Далматинская Хорватия находилась в разной степени зависимости от Франкской империи, а время от времени от Византии. Лишь в X в. Хорватия выступает как единое сильное королевство, объединявшее почти все хорватские земли. Однако сложность и замедленность процесса консолидации обусловили стойкость местных традиций в Далматинской и Посавской Хорватии, временное объединение не привело к сплочению этих двух княжеств в единую государственную систему. Положение вновь осложнилось вмешательством внешних сил: в 1000 г. далматинские города были ненадолго захвачены Венецией, и примерно в то же время снова отделилась Посавская Хорватия.

В не менее сложных условиях проходил процесс развития сербских княжеств. Прежде всего сыграла роль относительно бо́льшая политическая разобщенность сербских племен, несмотря на широкое распространение этнонима «сербы» на обширной территории уже в X—XI вв. Наличие нескольких почти равных по силе и обособленных военно-территориальных объединений определило длительность раннесредневекового полицентризма и устойчивость этносоциального партикуляризма. В IX—X вв. на территории современных Сербии, Боснии, Герцеговины и Черногории известны четыре княжества (архонтии или земли): Рашка, Захумье, Травуния (Требинье), Дукля (Зета). При этом внутри некоторых княжеств имелись области (Конавли, Босния), тяготевшие к выделению в самостоятельные княжества [25].

В ожесточенной борьбе этих центров сербской государственности между собой так же, как и в Хорватии, возникали политически тен-

inslav

денциозные исторические памятники, служившие юридическим обоснованием особых прав того или иного княжества или той или иной династии. Следы одного из таких источников, использованных Константином Багрянородным, ясно различимы в его труде «Об управлении империей»: это так называемая «Хроника сербских правителей». В ней, в частности, обосновывается законность верховной власти князей Сербии (Рашки) над соседними княжествами, в том числе над Паганией, хотя ее зависимость от Сербии была кратковременной и, скорее всего, формальной.

Нет, по всей видимости, достаточных оснований и для вывода о зависимости Травунии от властителей Сербии. В византийских источниках IX—X вв.[26] Травуния фигурирует как особое независимое княжество, что подтверждает и Летопись попа Дуклянина (Барский родослов)[27]. Трудно поэтому согласиться с встречающимся в литературе тезисом о ступенчатой, иерархической зависимости области Конавли от архонта Травунии, а архонта Травунии от правителя Сербии[28]. Конавли ко времени Константина Багрянородного уже составляла интегральную часть Травунии, а это княжество, как сказано, было независимо от Сербии. Утверждение Константина Багрянородного, что «архонты Травунии всегда были послушны архонту Сербии»[29], может быть истолковано в пользу временного династического верховенства (ибо сербский князь Властимир был тестем сына травунского жупана), оно, скорее всего, говорит нам о претензиях сербских правителей, а не об их реальной власти.

Процесс консолидации затруднялся и упомянутой выше тенденцией к выделению отдельных областей внутри княжеств в качестве новых государственных образований. Так обстояло дело с Боснией: в X в., согласно Константину Багрянородному, она составляла особую область Сербского княжества, а к середине XII в. это было уже самостоятельное государство, где начался процесс формирования новой южнославянской (боснийской) народности.

Существенное значение имели, наконец, вмешательство в дела сербских княжеств и прямая вооруженная агрессия Византии и Болгарии: в начале X в. (при Симеоне) Рашка временно была в зависимости от Болгарии, а в начале XI в. сербские земли ненадолго попали под суверенитет Византийской империи. Культурно-политическому единству сербских территорий мешала также и разница в толке христианства, исповедуемого населением: в прибрежном (адриатическом) регионе было сильно, как и в Хорватии, влияние папства и итальянских государств, господствовал латинский (западный) обряд, на землях к востоку от побережья — восточнохристианский (византийский).

Подводя итоги бегло осуществленному нами сопоставлению процессов становления и развития славянской раннефеодальной государственности на Балканах, мы должны, видимо, констатировать, что и конкретные условия, в которых эти процессы протекали на их раннем этапе, были в целом более благоприятными в восточном, а не в северо-западном регионе Балканского полуострова. Причем этническая гомогенность славянского населения — при всей ее важ-

inslav

ности — отнюдь не являлась в это время решающим фактором развития. Следует отметить также, что «уравновешенный» синтез, упомянутый выше, имел место именно в сфере социально-экономического развития балканских славян; что же касается государственного устройства, то влияние Византии отразилось тогда крайне слабо. Здесь отчетливо доминировали институты, развившиеся в ходе эволюции самого «варварского» общества.

[1] См., например: *Ферлуга Ј.* Византија и постанак најранијих јужнословенских држава.— Зборник радова Византолошког института, 1968, кн. 11; *Grafenauer B.* Die ethnische Gliederung und geschichtliche Rolle der westlichen Südslawen im Mittelalter. Ljubljana, 1966; *Ферјанчић Б.* Византија и Јужни Словени. Београд, 1966; *Королюк В. Д.* Особенности становления феодализма и формирования славянских раннефеодальных государств и народностей в Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европе.— Сов. славяноведение, 1970, № 5; *Ангелов Д.* Образуване на българската народност. С., 1971; Историја Црне Горе. Титоград, 1967. Кн. 1; *Ditten H.* Bemerkungen zu den ersten Ansätzen zur Staatsbildung bei Kroaten und Serben im 7. Jahrhundert.— In: Beiträge zur byzantinischen Geschichte im 9.—11. Jahrhundert. Praha, 1978; *Klaić N.* Povijest Hrvata u ranom srijednjem vijeku. Zagreb, 1975; *Zástěrová B.* Zu einigen Fragen aus der Geschichte der slawischen Kolonisation auf dem Balkan.— In: Studien zum 7. Jahrhundert in Byzanz. B., 1976; Историја српског народа. Београд, 1981. Књ. 1; *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Древнее славянское право: архаичные мифопоэтические основы и источник в свете языка.— В кн.: Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981, с. 10—31; *Мачинский Д. А.* Миграция славян в I тысячелетии н. э.: (По письменным источникам с привлечением данных археологии).— Там же, с. 31—52; *Гиндин Л. А.* К хронологии и характеру славянизации Карпато-Балканского пространства: (По лингвистическим и филологическим данным).— Там же, с. 52—96; *Иванова О. В.* Некоторые вопросы экономического развития славян в долинах Струмы и Вардара в VII—VIII вв.— Там же, с. 215—231; История на България. С., 1981. Т. 2; *Петров П.* Образуване на българската държава. С., 1981; *Литаврин Г. Г.* К проблеме становления Болгарского государства.— Сов. славяноведение, 1981, № 4; *Наумов Е. П.* Советская историография о возникновении и развитии Первого Болгарского царства.— В кн.: История и культура Болгарии. М., 1981; *Королюк В. Д., Литаврин Г. Г., Флоря Б. Н.* Древняя славянская этническая общность.— В кн.: Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982, с. 10—33; *Литаврин Г. Г.* Формирование этнического самосознания болгарской народности (VII — первая четверть X в.).— Там же, с. 49—82; *Наумов Е. П.* Возникновение этнического самосознания раннефеодальной хорватской народности.— Там же, с. 167—181; *Он же.* Формирование этнического самосознания древнесербской народности.— Там же, с. 181—195; *Третьяков П. Н.* По следам древних славянских племен. М., 1982; и др.

[2] *Herrmann I.* Siedlung, Wirtschaft und gesellschaftliche Verhältnisse der slawischen Stämme zwischen Oder/Neisse u. Elbe. B., 1968; *Ляпушкин И. И.* Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства (VIII — первая половина IX в.): Ист.-археол. очерки. Л., 1968; *Авдусин Д. А.* Материальная культура древней Руси.— ВИ, 1972, № 7.

[3] См.: *Плетнева С. А.* Восточноевропейские степи во второй половине VIII—X в.— В кн.: Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981, с. 62—82; *Она же.* Кочевники средневековья. М., 1982, с. 27 след.

[4] *Сымонович Э. А.* Культура карпатских курганов и ее роль в этногенезе славян.— В кн.: VIII Международный съезд славистов: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1978.

[5] *Колчин Б. А.* Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси. М., 1953.

inslav

[6] *Королюк В. Д., Литаврин Г Г., Флоря Б. Н.* Древняя славянская этническая общность, с. 18—21.
[7] *Литаврин Г. Г.* Славинии VII—IX вв.— социально-политические организации славян.— В кн.: Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1983.
[8] См., например: *Заимов Й.* Найстарите заселища на българските словени в балканските земи.— В кн.: Етногенезисът и културно наследство на българския народ. С., 1971, с. 51—56.
[9] *Иванов В. В.* Диалектные членения славянской языковой общности и единство древнего славянского языкового мира.— В кн.: Развитие этнического самосознания..., с. 216 след.
[10] Извори за българската история, т. III. Гръцки извори за българската история. С., 1958, т. II, с. 232, 281, 282, 286.
[11] *Тъпкова-Заимова В.* Нашествия и етнически промени на Балканите. С., 1966, с. 70 след., 90—97; *Ditten H.* Zur Bedeutung der Einwanderung der Slawen.— In: Byzanz im 7. Jahrhundert: Untersuchungen zur Herausbildung des Feudalismus. B., 1978, S. 78 ff.
[12] *Наумов Е. П.* Возникновение..., с. 169 след.; *Он же.* Формирование..., с. 182 след.
[13] *Удальцова З. В.* Византия и Западная Европа: (Типологические наблюдения).— В кн.: Византийские очерки. М., 1982.
[14] *Лишев С.* Българският средновековен град. С., 1970, с. 10 след.
[15] *Наумов Е. П.* Возникновение..., с. 168.
[16] См., например: Историја српског народа, књ. 1, с. 145—150 и др.
[17] *Наумов Е. П.* Формирование..., с. 184 след.
[18] *Литаврин Г. Г.* Славинии...
[19] *Санчук Г. Э.* Особенности формирования этнического самосознания у полабских славян (VI—X вв.).— В кн.: Развитие этнического самосознания..., с. 195—212.
[20] *Zástěrová B.* Les Avares et les Slaves dans la Tactique de Maurice. Pr., 1971, p. 31—35, 71—79.
[21] *Литаврин Г. Г.* К проблеме становления..., с. 40—45.
[22] *Гюзелев В.* Функции в ролята на кавхана в живота на първата българска държава (VII—XI вв.).— В кн.: Годишник на Софийския университет. История, 1967, т. 60, кн. 3; *Он же.* Ичиргу боилите на първата българска държава.— Там же, 1973, т. 65, кн. 3.
[23] *Ангелов Д.* Образуване на българската народност, с. 265 след.
[24] *Klaić N.* Povijest..., s. 36 i sl.
[25] Историја српског народа, књ. 1, с. 145 след.
[26] Византијски извори за историју народа Југославије. Београд, 1959, т. II, с. 14 след.
[27] *Шишић Ф.* Летопис попа Дукљанина. Београд, 1928, с. 320 след.
[28] *Грачев В. П.* Сербская государственность в X—XIV вв.: (Критика теории «жупной организации»). М., 1972, с. 209.
[29] Константин Багрянородный. Об управлении империей/Пер. Г. Г. Литаврина.— В кн.: Развитие этнического самосознания..., с. 296.

inslav

Государственная власть и сословное деление феодального класса на Балканах в XIII—XV вв.

(К истории феодальной социальной терминологии и иерархии)

Е. П. НАУМОВ

Целью данной работы является изучение малоисследованных или еще не разработанных в имеющейся литературе вопросов истории феодальной сословной терминологии в Юго-Восточной Европе, проблемы взаимоотношений центральной государственной власти и различных группировок и категорий господствовавшей верхушки средневекового общества. Для анализа этих сложных вопросов, по нашему мнению, весьма важно выяснить конкретное содержание, взаимосвязь и взаимозависимость наиболее показательных терминов той поры, существовавших для обозначения светской знати или отдельных ее прослоек в разных балканских государствах до османского завоевания (в данном случае особенно интересны наименования «архонты», «архонтологи» и «архонтопулы» в греческих источниках, «властели» и «властеличичи» — в южнославянских материалах того периода).

Для рассмотрения всех этих проблем в статье будут использованы сохранившиеся письменные источники XIII—XV вв. для территории Византийской империи, равно как и возникших в рамках ее балканских владений мелких государств латинских крестоносцев, далее Сербии, Боснии, в известной мере также и Далмации. В целях сравнения будут привлечены и доступные памятники по истории Болгарии той эпохи.

Исследование названных вопросов, на наш взгляд, представляет немалый интерес в плане выявления общих черт и локальной специфики развития феодальных отношений в Юго-Восточной Европе в период их расцвета. В данной связи речь идет не только о поиске определенных закономерностей социальной динамики средневекового общества на Балканах, но и о наблюдениях более широкого историко-сравнительного характера, поскольку обобщение наметившихся тогда явлений и выяснение эволюции феодального класса и взаимоотношений его с центральной государственной властью весьма ценно и для сопоставления с теми процессами развития феодального государственного и сословного строя, которые нам уже достаточно известны из материалов по странам Центральной Европы (Венгрии, Чехии и др.). Напомним здесь хотя бы о тех важных памятниках законодательства той эпохи в упомянутых странах («Золотая булла» 1222 г., статуты Казимира Великого, кодекс Карла IV и др.) [1], которые говорили о значительных этапах истории сословного государства и в некоторой степени уже сравнивались с соответствующими южнославянскими юридическими источниками (прежде всего с Законником Стефана Душана) [2].

inslav

Вполне понятно, однако, что уже имеющихся в историографии выводов и положений, основанных преимущественно на сербских свидетельствах [3], недостаточно для раскрытия нашей темы. Это обусловлено тем, что тема эволюции сословной и государственной системы имеет общебалканский характер ввиду определенной близости и сходства феодальной сословной терминологии в разных балканских государствах, вызванной, естественно, достижением к XIII в. разными землями полуострова примерно *одного* уровня развития феодализма.

Поэтому исходной точкой нашего анализа закономерно является начало XIII в., явившееся одним из самых важных этапов истории балканских стран вплоть до эпохи османского завоевания. В самом деле, достаточно здесь лишь упомянуть о значении 4-го крестового похода для Византии, когда захват латинскими рыцарями Константинополя и части владений империи (в 1204 г.) привел к созданию Латинской империи и целого ряда новых греческих государств — наследников прежней Византии [4]. Не менее значительным был этот рубеж и для южнославянских земель полуострова. Так, в Сербии этот период после создания единого Сербского государства (во главе со Стефаном Неманей и его преемниками) ознаменовал собой и переход от раннего к развитому феодализму [5]. В свою очередь, как известно, к этому времени относится и особый рост могущества Второго Болгарского царства, равно как и заметное усиление Боснии и становление ее политической самостоятельности.

К сожалению, недостаток материалов по внутриполитической истории Болгарии и Боснии той поры не позволяет нам выявить интересующие нас аспекты социальной динамики местного общества и взаимосвязь этих процессов с развитием феодальной государственности, в частности с усилением центральной власти (например, в период правления царя Калояна и бана Кулина). В бо́льшей мере, на наш взгляд, об этом можно судить на основании сохранившихся сербских источников первой половины XIII в.

Весьма примечательно, по нашему мнению, что уже в то время процесс укрепления единой сербской монархии и становления самостоятельной православной церкви (сербской архиепископии) сопровождался и формированием четких систем феодальной сословной терминологии. Вполне понятно, что господствующий класс государства Немани и первых Неманичей был чрезвычайно разнороден, а поэтому для сохранения контроля над разными кругами феодальной верхушки сербским монархам, вероятно, было важно выделять высшую знать («властели» или «князья»), противопоставляя им средних и мелких землевладельцев («боляре», «войники», иногда «слуги»). Однако соотношение сил внутри Сербского государства в тот период не оставалось неизменным, и этим, видимо, было вызвано стремление сербских правителей (в частности, королей Радослава и Владислава) перейти к *единому* наименованию всей светской знати («боляре»), что, быть может, следует расценить и как попытку несколько ослабить позиции могущественных вельмож («властелей») и их влияние в стране [6].

inslav

Любопытно, что такое же преобладание термина «боляре» мы замечаем и в официальной переписке правителей Боснии и Дубровника, что допустимо сопоставить с порой особого усиления в те годы на Балканах Болгарского царства (в частности, при Иване Асене II). Между прочим, о тесной связи данных изменений сословной терминологии с политикой правителей Сербии, Боснии и Дубровника в 30—40-х годах XIII в. говорит и тот факт, что в Хумском княжестве, напротив, термин «боляре» даже тогда не заменил наименования «властели» [7].

Таким образом, анализируя уже эти изменения сословных обозначений на материале официальных документов сербскохорватского языкового ареала (для первой половины XIII в.), мы можем вместе с тем обратить внимание на важную особенность феодальной терминологии Юго-Восточной Европы, т. е., с одной стороны, на распространение отдельных названий господствующего класса в *разных* государствах одновременно (так, например, «боляре» — в Болгарии, Сербии, Боснии, Дубровнике, Валахии и Молдавии), с другой — на появление славянских сословных терминов, сходных по своей социальной сути или тождественных с византийскими. Из числа таких славянских «ка́лек» для нашей цели особенно важен термин «властели», соответствующий византийскому названию «архонты» (о соотношении их весьма наглядно свидетельствует сравнение сербского и греческого текста Кормчей) [8]. Поставив таким образом вопрос о соответствии южнославянских и византийских сословных наименований, мы закономерно должны рассмотреть здесь положение разных групп и прослоек феодальной верхушки на территории Византийской империи, где после 1204 г. появились новые государства — Латинская империя и ее вассальные княжества западноевропейских рыцарей, Эпирское царство и Никейская империя, а на дальней восточной окраине — Трапезундская империя.

К сожалению, в этом случае знакомство с исторической литературой оставляет весьма противоречивое впечатление. Так, например, в советской историографии говорится о наличии двух основных прослоек светских феодалов Византии: провинциальной землевладельческой аристократии и столичной чиновной знати, слабой консолидированности господствующего класса (особенно в Эпире), а в пределах Латинской империи (в частности, в Морее) отмечаются также резкие различия в положении правящей латинской знати и подчиненных ей греческих архонтов и архонтопулов, равно как и существование иерархии внутри латинской верхушки [9]. Иное освещение данным проблемам сословной структуры в пределах греческих областей Балканского полуострова мы находим в зарубежной византинистике. Поэтому достаточно указать на вывод о существовании уже в начале XIII в. трех разных категорий византийской аристократии (т. е. магнатов, или высших господ, далее архонтов, или «архонтологи», наконец, «архонтопулов», или «низших архонтов») [10]. Более того, в иностранной литературе встречаются неодинаковые оценки и истолкование названного термина «архонтопулы»: либо в смысле официальной, вполне законченной и низшей по своему положению

inslav

в феодальной сословной иерархии прослойки светской знати, либо в смысле социального обозначения, вполне идентичного в действительности термину «архонты», а иногда даже в качестве названия (в обиходном языке) для «сына архонта» или «молодого аристократа», притом в соседних государствах, но вовсе не в самой византийской среде [11].

К тому же такая разноречивая характеристика важных проблем и обозначений сословной системы поздневизантийского феодализма осложняется и наличием сугубо источниковедческих трудностей и серьезных, все еще остающихся спорными вопросов. Ввиду расхождений в историографии следует вновь обратиться к анализу доступных нам источников, однако при этом нужно учесть тот факт, что для суждения о роли «архонтопулов» и «архонтологи» в Византии XIII в. мы располагаем лишь одним памятником, а именно стихотворной Морейской хроникой, возникшей в завоеванном латинскими крестоносцами Пелопоннесе в самом конце XIII или же в первой половине XIV в. [12] Иными словами, при рассмотрении текста Морейской хроники необходимо ответить и на очень трудные вопросы, т. е. насколько возможно данный, возникший через много лет спустя описываемых событий поэтический рассказ считать адекватным и надежным отражением реальных социальных процессов в этой части бывшей Византийской империи в начале XIII в. И еще — если мы сделаем вывод о действительном появлении в этом столетии особой сословной категории или термина «архонтопулы» (по материалам Морейской хроники) — возникает вопрос: не было ли это локальной особенностью социальной динамики в одном из уголков на окраине прежней державы ромеев, а вовсе не одной из общих закономерностей развития поздневизантийского общества? Наконец, в данной связи возможен и вопрос, нельзя ли это расценивать как один из многочисленных «архаизмов» или неточностей Морейской хроники [13], либо как один из примеров местной специфики, связанной с латинским завоеванием Пелопоннеса?

Разумеется, ответить на эти вопросы можно лишь на основании тщательного исследования *всего* текста этой хроники, и такой *системный* анализ тем более целесообразен, что обычно в литературе суждения по всему данному кругу проблем высказывались лишь в результате прочтения общеизвестного рассказа Морейской хроники о соглашении латинских завоевателей Пелопоннеса с местными греческими феодалами, которые согласились признать власть западных рыцарей на условиях закрепления за греческими «архонтопулами» их владений — проний [14]. Однако в этом случае, естественно, нельзя ограничиться только одним-единственным пассажем, а нужно также проследить употребление *всех* названных терминов (т. е. «архонты», «архонтопулы», «архонтологи» и др.) на протяжении *всего* памятника, изучить их соотношение и т. д.

Именно такой анализ Морейской хроники, по нашему мнению, дает возможность сделать ряд выводов, интересных и значительных для выявления реальной динамики феодальной верхушки той эпохи. Прежде всего о значимости в ту пору и конкретном содержании тер-

inslav

мина «архонтопулы». Действительно, это наименование встречается в хронике не только в названном описании договора латинских крестоносцев с греческими феодалами, но и в ряде других разделов [15]. Но как же следует наиболее точно перевести здесь обозначение «архонтопулы» и как оно соотносится с другими названиями западноевропейских и византийских аристократов? По всей видимости, «архонтопулы» (как в упомянутом рассказе о завоевании Мореи, так и в некоторых других разделах хроники) по своему *реальному* социальному статусу могут быть признаны практически тождественными с архонтами, т. е. другими представителями феодального класса. Иными словами, для всего данного периода (до рубежа XIII и XIV вв.) было бы преждевременно говорить о появлении *особой* категории светской знати — *низшей* прослойки феодального сословия, если судить лишь по материалам Морейской хроники.

Весьма показательно в этом смысле упомянутое описание соглашения латинских и греческих феодалов в начале XIII в., закрепившее за «всеми архонтопулами» принадлежавшие им пронии при условии военной службы и так называемого оммажа [16]. Между тем, повествуя о предыстории и практическом осуществлении этой договоренности, автор (или авторы) Морейской хроники упоминает не об «архонтопулах», а только об архонтах и о собравшемся в Андравиде всем «архонтологи Мореи» (т. е. дворянстве страны) [17]. Таким образом, если считать нужным строгое разделение и противопоставление архонтов «архонтопулам», создается прямо-таки непонятное положение: Жоффруа Виллардуэн обращается к архонтам с речью, он их убеждает покориться, более того, в состав совместной комиссии по наделению землями от греков выделяются тоже только архонты, однако в определении договора упоминаются лишь архонтопулы, а не архонты (или же архонты и «архонтопулы») [18]. Точно так же, если не считать оба этих термина идентичными по своему сословному значению в тот период, остается совершенно неясной и причина умолчания в хронике о признании латинскими завоевателями прав греческих архонтов на принадлежавшие им тогда и переданные новыми правителями пронии и другие земельные владения; понятно, что эти сомнения исчезают, если считать тождественными архонтов и «архонтопулов».

Об этом же свидетельствует и тот примечательный факт, что во всем памятнике нет параллельного употребления обоих обозначений, а напротив, «архонтопулы» упоминаются в отдельных разделах, где они так же равнозначны архонтам. В данном случае достаточно привести, например, рассказ о событиях в Константинополе после бегства Алексея III (1203 г.): тогда «архонтопулы» столицы, увидев, что крестоносцы уже врываются в город, освободили низложенного императора Исаака II и возвели его снова на престол [19]. Вполне понятно, что и в этом контексте было бы неверно говорить о «сыновьях архонтов» или «молодых аристократах», и гораздо более точен перевод (например, итальянской версии Морейской хроники), где говорится (в названных выше и друих местах) просто о «нобилях» или греческих «грандах» [20].

inslav

Напомним, однако, что нужно решить также, было ли такое значение термина «архонтопулы» только локальной особенностью феодального развития общества либо поэтической вольностью автора (или авторов) хроники. Иными словами, как соотносилось это сословное обозначение с реальными тенденциями социальной динамики в других частях Византийской империи, наконец, каково хронологическое соотношение рассмотренных свидетельств с другими, точно датируемыми памятниками Юго-Восточной Европы XIII в. В данном случае будет весьма полезным привлечение сербских материалов, которые в свою очередь помогут в какой-то мере решить вопрос о позиции государственной власти на Балканах к намечавшимся тогда процессам сословной динамики.

Так, например, заслуживает особого внимания грамота сербского короля Драгутина (издана в 1276—1281 или 1280—1281 гг.), в которой он именует дубровницких правителей-нобилей «властеличичами» [21]. Здесь особенно важны и интересны два следующих момента: во-первых, термин «властеличичи», соответствующий византийским «архонтопулам», появляется в Сербии после присоединения бывших владений Византии (г. Призрен и его округа), которое усилило внедрение греческих названий (или их ка́лек) в лексикон сербского двора. Во-вторых, это свидетельствовало не только о существовании сословного обозначения «архонтопулы» в общественной жизни западных областей Византии (в середине и начале второй половины XIII в.), но и отражало позицию сербского правительства. Весьма интересно, что во время проходившей тогда заметной перестройки сословной структуры феодального класса Сербии представители центральной государственной власти сочли возможными (правда, лишь на короткое время) и использование *нового* для державы Неманичей обозначения и даже употребление его в дипломатической переписке с Дубровником.

Все это, на наш взгляд, свидетельствует о том, что действительно термин «архонтопулы», зафиксированный в Морейской хронике, вовсе не следует рассматривать как *локальную* особенность феодального развития в латинском Морейском княжестве либо как изолированную особенность лексики данного поэтического памятника, прихоть автора (или авторов) этой хроники. Напротив, речь идет о широких линиях сословной динамики в масштабах всей западной части византийских владений на Балканах и тех ее проявлениях, которые, вероятно, нужно связывать с заметной консолидацией феодального класса в существовавших тогда здесь государствах, с ростом влияния тех феодальных родов, которые кичились полученными *по наследству* вотчинами и поэтому могли с гордостью подчеркивать, что они архонты не в силу пожалования какого-то правителя, а потому, что потомки архонтов, сыновья архонтов (архонтопулы).

Показательно, однако, что позиция государственной власти в этот период, как и в последующем, по отношению к этим глубинным процессам была неодинаковой. О позиции правительства Сербии (при Драгутине) уже было сказано выше; точно так же можно

inslav

предположить, что власти Ахейского (Морейского) княжества не выступили против данного сословного нововведения, поскольку архонтопулы, как мы указывали, встречаются в Морейской хронике наравне с другими наименованиями светской знати. Более того, именно здесь, в рассказе о Пелагонийской битве (1259 г.), мы находим упоминание «архонтопулов Деспотата»[22], что можно расценить как показатель существования этого социального термина и в Эпире.

Совсем иной была, по нашему мнению, позиция правительства Палеологов в восстановленной Византийской империи (1261—1453 гг.). Хотя уже Михаил VIII Палеолог щедро раздавал светским феодалам пронии в наследственное держание[23], что, на наш взгляд, находится в прямой связи с широким распространением термина «архонтопулы» именно во второй половине XIII в., тем не менее данное сословное обозначение вовсе не встречается в императорских грамотах Палеологов, и исключением служит лишь хрисовул Андроника II жителям Монемвасии (1316 г.), который в историографии расценивается как фальсификация[24]. Здесь можно предположить, что правители Византии опасались закреплением таких сословных нововведений еще более усилить позиции местной феодальной знати. Необходимо указать и на роль весьма сильных в Византии традиций римского права, исключавших подобные подразделения типично феодального характера и между прочим особенно популярных среди горожан.

Вряд ли можно признать случайным то немаловажное обстоятельство, что в обоих *новых*, притом полуофициальных сборниках действующего византийского права, которые были составлены в Фессалонике (в 1335 и 1345 гг.— сборники М. Властаря и К. Арменопула), по-прежнему на первом плане подразделение «ромеев» на рабов и свободных, причем «благородными» называются *вольнорожденные*, а вовсе не могущественные византийские вельможи (архонты, архонтопулы и т. п.)[25].

Примечательно, однако, что, несмотря на несомненное влияние дипломатических норм императорской канцелярии Палеологов и названных юридических сборников, отмеченные выше процессы сословной динамики в среде светской знати на Балканах в XIV в. приобретали все больший размах. Так, в Болгарии, как указывается в литературе, выступают боляре «великие» и «малые»[26]. Гораздо нагляднее ввиду наличия большего числа разнообразных источников мы можем проследить эти тенденции в Сербии второй трети XIV в. Именно здесь в связи с провозглашением Стефаном Душаном Сербо-греческого царства (1345 г.) и его стремлением обеспечить поддержку греческих вельмож в завоеванных Сербией бывших византийских провинциях, как известно, и была закреплена в официальной документации двучленная формула сословной структуры феодального класса (т. е. «властели и властеличичи» или «архонты и архонтопулы»), которая была также зафиксирована в Законнике Стефана Душана (1349 г.)[27]. Но, как справедливо было уже отмечено в литературе, эфемерность данной политической за-

inslav

дачи обусловила и недолговременность существования в Сербии «властеличичей» в качестве особой категории светской знати, а также быстрое исчезновение соответствующих постановлений из последующих списков Законника[28].

Не менее любопытен для характеристики всех этих тенденций социальной динамики и сословной терминологии на Балканах накануне и в период османской экспансии также тот факт, что после возникновения Боснийского королевства (1377—1463 гг.), включившего и часть сербских земель, здесь центральная власть пыталась ввести в официальный лексикон королевского двора Котроманичей специальное сословное понятие «властеличичи». Между тем данный термин в Боснии — в противоположность уже рассмотренной выше социальной ситуации в византийских областях (и, быть может, в Болгарии) — ввиду явного сопротивления высшей знати был быстро вытеснен даже из обихода королевской канцелярии, с чем связано и новое изменение его значения (он встречается потом уже в смысле «полномочный посол»)[29]. Впрочем, обозначение «властеличичи» появляется в XV в. не только в Боснии, но и в автономной далматинской области Полица (между городами Сплит и Омиш). Показательно, однако, и то обстоятельство, что этот термин встречается здесь лишь в ст. 23-а Полицкого статута, относящейся, по всей видимости, ко второй половине XV в., причем и в этом случае он идентичен с наименованием одной из прослоек «племенитых людей» (привилегированного класса этой области) — «властелей»[30]. Иными словами, в данном случае здесь мы наблюдаем то же соотношение терминов «властели» и «властеличичи», которое по существу своему отразилось и в Морейской хронике. В то же время для сословной терминологии Полицы характерны, на наш взгляд, такие особенности. Во-первых, здесь обозначение «властеличичи» оказалось весьма недолговечным, что, быть может, в какой-то мере было связано и с тем, что правящая верхушка «племенитых людей» уже была к середине XV в. разделена на две четкие прослойки, т. е. «властелей» и «дидичей»[31]. Во-вторых, сословная терминология полицкого общества примечательна преобладанием деминутивных понятий (т. е. дидичи, кметичи равнозначно кметам, влашичи так же равнозначно влахам), что мы вправе сопоставлять с аналогичными византийскими и славянскими терминами («архонтопулами» и др.) именно в плане отражения *наследственного статуса* представителей той или иной категории средневекового общества. В свою очередь тот факт, что в противовес перечисленным *производным* наименованиям сословное понятие «властеличичи» оказалось в Полице очень эфемерным, позволяет, вероятно, допустить, что появление его было связано с влиянием боснийской феодальной лексики, а в силу этого, быть может, он и воспринимался скорее как «иноземный», как непривычный.

Рассмотренные выше свидетельства балканских источников дают, по нашему мнению, возможность судить об определенных процессах сословного развития в рамках феодального класса разных государств XIII—XV вв. — о наметившемся выделении низшей кате-

inslav

гории светской знати, о подчеркнутом стремлении показать свою родовитость, наследственность своих прав и привилегий, с одной стороны, о неоднозначном отношении разных прослоек знати и феодальных правителей к этим тенденциям — с другой. Эти подспудные течения вызвали и любопытные изменения, нововведения в социальной терминологии: так, одни термины в заметной мере меняли свое содержание, поскольку появлялись другие, *новые* наименования («архонтологи» и др.), а давно известные слова разговорной речи («архнотопулы») приобретали *особое*, сословное значение и подкреплялись законодательными нормами, фиксировавшими их отличие от иных категорий правящей верхушки (такова была судьба сербских «властеличичей», известных из Законника Душана). О социальной значимости этих процессов в общебалканском плане, о взаимовлиянии именно этих новых сословных названий говорит нам история термина «архонтопулы», который в обиходном греческом языке (но не в официальной лексике!) широко распространился во всех византийских землях, а в славянском переводе и в Сербии, Боснии, даже в Полице. От Пелопоннеса и далекого Трапезунда до окраин Сплита — таковы рамки бытования этого термина. Даже на примере этого сословного обозначения мы можем понять, насколько сложна и противоречива была сословная динамика на Балканах той поры, насколько неоднозначны были тогда стремления центральной власти и отдельных прослоек и группировок светской знати в разных государствах региона, позиции их по отношению к самому факту сословных нововведений.

[1] См., например: История Венгрии. М, 1971, т. 1, с. 127—130, 157—159, 171, 205 и след.; История южных и западных славян. М., 1979, с. 73—74, 101, 103, 106—108 и др.

[2] См., например: *Тарановски Т.* Majestas Carolina и Душанов Законик.— Глас Српске Краљевске Академије, 1933, т. 157 (80); *Соловјев А. В.* Законик цара Стефана Душана 1349 и 1354 године. Београд, 1980, с. 11—12.

[3] См., например: *Соловјев А. В.* Законик...; *Наумов Е. П.* Господствующий класс и государственная власть в Сербии XIII—XV вв. М., 1975; *Он же.* Властеличићи.— Историја, 1976, № 1/2; *Он же.* Босански и хумски властеличићи.— Годишњак Друштва историчара Босне и Херцеговине, 1979, год. XXVIII—XXX.

[4] Подробнее см., например: История Византии. М., 1967, т. 3.

[5] См., например: *Наумов Е. П.* Господствующий класс..., с. 51 след.

[6] Там же, с. 82—83.

[7] Ср. также: *Наумов Е. П.* К истории феодальной сословной терминологии древней Руси и южнославянских стран.— В кн.: Исследования по истории славянских и балканских народов. М., 1972, с. 234.

[8] См., например: *Наумов Е. П.* Законник Душана и рецепция византийского права на Балканах.— В сб.: Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев, 1972.

[9] См., например: История Византии, с. 22 и след., 34 и след.; *Горянов Б. Т.* Поздневизантийский феодализм. М., 1962.

[10] См., например: *Ферлуга Ј.* Византијско племство и крсташи почетком XIII века.— Зборник радова Византолошког института, 1978, т. XVIII, с. 123—124; *Соловјев А. В.* Законик..., с. 12.

[11] *Schreiner P.* Ein Prostagma Andronikos' III. für die Monembasioten in Pegai (1328) und das gefälschte Chrysobull Andronikos' II. für die Monembasioten im Byzantinischen Reich.— Jahrbuch der österreichischen Byzantinistik, 1978.

inslav

Bd. 27, S. 223, Bem. 67; *Zakythinos D.* Le chrysobulle d'Alexis III Comnène empereur de Trebizonde en faveur des Venitiens. P., 1932, p. 35, 85; *Schmitt J.* The Chronicle of Morea. L., 1904.

[12] См., например: *Медведев И. П.* К вопросу о социальной терминологии Морейской хроники.— В кн.: Византийские очерки. М., 1977, с. 140, 147—148; История Византии, т. 3, с. 11—12.

[13] Ср.: *Медведев И. П.* К вопросу..., с. 146; *Božilov I.* La «Chronique de Morée» et l'histoire de Bulgarie au debut du XIIIe siècle (1204—1207).— Bulgarian Historical Review, 1977, N 2.

[14] См., например: История Византии, т. 3, с. 24; *Горянов Б. Т.* Поздневизантийский феодализм, с. 30, 40—41 (здесь перевод терминов «архонты» и «архонтопулы» не вполне точен и к тому же не совпадает в поэтической и прозаической форме); *Отрогорски Г.* О византијском феудализму. Београд, 1969, с. 171—172; *Медведев И. П.* К вопросу..., с. 141—142; *Ферлуга Ј.* Византијско..., с. 123.

[15] *Schmitt J.* The Chronicle..., v. 554, 1644, 3786, 5464.

[16] Ibid., p. 112—113, v. 1643—1648. (термин «архонтопулы» — в строке 1644). Ср. выше, примеч. 14.

[17] Там же, строки 1615—1642 и 1649.

[18] Там же.

[19] *Schmitt J.* The Chronicle..., p. 38, v. 554.

[20] *Hopf Ch.* Chroniques greco-romanes. P., 1873, p. 417. Ср. также перевод во французском тексте (*Медведев И. П.* К вопросу..., с. 141, примеч. 12 — греческие «жантильомы»).

[21] Ср.: *Наумов Е. П.* Властеличиќи, с. 87—88.

[22] *Schmitt J.* The Chronicle..., v. 3786.

[23] *Острогорски Г.* О византијском..., с. 203, 205.

[24] См., например: *Schreiner P.* Ein Prostagma...

[25] *Арменопул К.* Перевод Ручной книги Законов или так называемого Шестикнижия. СПб., 1854, ч. 1, с. 136—137 (титул. XVIII — О вольности) и др.; *Зигель Ф. Ф.* Законник Стефана Душана. СПб., 1872, ч. 1, с. 120, 134, 140; и др.

[26] См., например: *Ангелов Д.* Въпроси на феодализма в българските земи през XIII—XIV вв.— Исторически преглед, 1960, № 6, с. 69; ср.: *Флоря Б. Н.* Кормленые грамоты XV—XVI вв. как исторический источник.— В кн.: Археографический ежегодник за 1970 год. М., 1971, с. 115, ср. также с. 110—111.

[27] Подробнее см.: *Наумов Е. П.* Господствующий класс..., с. 133—134; *Наумов Е. П.* Властеличиќи, с. 94—95.

[28] *Соловјев А. В.* Законик..., с. 205—206; *Наумов Е. П.* Властеличиќи, с. 102.

[29] Подробнее см.: *Наумов Е. П.* Босански..., с. 21 и след.

[30] *Греков Б. Д.* Полица. М., 1951, с. 218 (ср. с. 36 и 219, где в переводе дан неточный термин «властелич», не включенный также и в терминологический словарь: см. с. 309).

[31] Там же, с. 36—46; ср. также: *Божиќ И.* Рец. на кн. Б. Д. Грекова «Полица».— Историјски гласник, 1956, № 1, с. 117—118.

Далматинцы в балканской торговле XIV—XVI вв.

М. М. ФРЕЙДЕНБЕРГ

На протяжении столетий значительная часть торговли, которую вели страны Балканского полуострова с внешним миром, совершалась через западное, далматинское побережье, и роль самих далматинцев в этом обмене была велика. В современной литературе из состава Далмации принято выделять Дубровник, и в этом обособ-

inslav

лении есть своя логика: с начала XV в. Дубровник развивается совершенно иначе, чем другие города побережья[1]. С этого времени разными становятся не только политическая организация, социальная характеристика и уровень хозяйственного развития тех и других, но и их роль в балканской торговле. Существующая литература достаточно выразительно характеризует это различие: в то время как изучение дубровницкой экономики (и в том числе и торговли) совершается самым интенсивным образом, исследование далматинской хозяйственной истории после XV в. не обнаруживает заметных успехов[2]. А между тем интерес ко всем остальным сторонам жизни позднесредневековой находившейся под властью Венеции Далмации все растет. Нам представляется возможным поставить вопрос о том, каким было соотношение вкладов, которые внесли дубровчане и жители других далматинских городов в торговлю на Балканах. Именно эту задачу мы и ставим перед собой в настоящей статье, ограничив сопоставление городами из северной Далмации — от Задара и до р. Неретва; жителей этих городов в последующем изложении мы для краткости будем именовать просто «далматинцами», сознавая всю условность этого термина (ибо Дубровник также принадлежит географической Далмации)[3].

Возможности ее полного решения достаточно ограниченны. Источников, способных пролить свет на историю балканской торговли далматинцев, значительно меньше, чем дубровницких, сохранившихся в Дубровницком архиве,— преимущества последнего с каждым десятилетием становятся все очевиднее[4]. И тем не менее нам представляется, что эта задача выполнима, хотя бы в порядке постановки проблемы и мобилизации материала для ее решения. Следует лишь ограничить рамки поиска, прежде всего территориально. Мы предполагаем исключить из рассмотрения греческие, албанские, валашские и молдавские земли, привлекая материал лишь с территории современных Сербии, Боснии, Болгарии — именно здесь, судя по нашим данным, активнее всего разворачивается деятельность дубровницкого купечества.

Сложнее установить хронологические границы избранного нами периода. Довести изложение мы считаем возможным до начала XVII в., т. е. до времени, когда начинается хозяйственный упадок Дубровника[5]. Не в последней степени этот упадок продиктован новой ситуацией, сложившейся в балканской торговле, и, таким образом, выбор этого рубежа органичен для нашей темы. Что же касается начала периода, то точкой отсчета в данном случае мог бы явиться 1189 год, когда боснийский бан Кулин даровал дубровчанам грамоту, разрешавшую им свободу торговли. А к 1230 г. относится первая грамота, пожалованная болгарским царем Иваном Асенем II тем же дубровчанам и предоставлявшая им широкие привилегии. Однако ни от конца XII, ни от начала XIII в. не сохранилось свидетельств о сколько-нибудь значительном проникновении выходцев с далматинского побережья в глубь полуострова. Эти свидетельства появляются позднее, лишь после того как далматинские города прошли два рубежа в своем развитии.

inslav

Во-первых, в последней трети XIII в. завершилось складывание всех городских структур, не только хозяйственной, но и общественной, административной, судебной; оно выразилось в утверждении коммунальных конституций-статутов, появлении собственного нотариата[6]. И во-вторых, после того как в 1358 г. был заключен так называемый Задарский мир, города освободились из-под власти Венеции и вступили в полосу независимого существования (для большинства городов оно продолжалось всего полстолетия) и одновременно в эпоху бурного хозяйственного подъема. С середины XIV в. экономическая жизнь в приморских коммунах северной Далмации становится столь полнокровной, что делается возможным отток человеческих сил и финансовых средств в соседние славянские страны.

Здесь действовало, впрочем, одно дополнительное обстоятельство. Выходцы с побережья расселялись в городах или поселениях городского типа, например вблизи рудников. Таким образом, возникновение городов в соседних славянских странах или, напротив, их отсутствие было важным предварительным условием далматинской колонизации на Балканах. Городские же поселения в Боснии, одной из близких к побережью славянских стран, возникают не ранее второй половины XIV в.[7] Это второе обстоятельство, позволяющее понять, почему, несмотря на раннюю разработку металлов в Боснии с первой половины XIV в., а в Сербии даже с XIII в.[8], массовые свидетельства о далматинцах на Балканах поступают лишь с начала XV в.

Мы можем, таким образом, подвергнуть рассмотрению данные, относящиеся к последним ста годам существования независимых славянских государств и первым полутора столетиям османского господства. Это было время, которое потребовало от далматинского купечества значительного умения приспосабливаться к сложным обстоятельствам, и история этого приспособления, по крайней мере по отношению к дубровчанам, хорошо изучена[9]. Мы считаем поэтому возможным отказаться от рассмотрения того, как происходили получение султанских фирманов, формирование режима наибольшего благоприятствования или установление контактов с османской администрацией. Главными для нас будут определение количественных критериев для характеристики интенсивности торговых связей и, если это возможно, сопоставление масштабов деятельности дубровчан и горожан из северной Далмации.

Массовые свидетельства об активности дубровчан в глубине полуострова, в частности в Боснии, относятся к первой трети XV в. (в Високом — с 1403 г., в Зворнике — с 1415 г., в Фойнице — с 1431 г.)[10], и только с этих лет создается возможность каких-то подсчетов. Однако для того чтобы реализовать эту возможность, следовало выработать новую методику, в первую очередь создать метод наблюдений за деятельностью отдельных личностей с помощью так называемых деловых биографий, а она начала применяться в югославской науке лишь с 50-х — начала 60-х годов XX в. Еще И. Божич в своей капитальной монографии об отношениях Дубровника с турками в XIV—XV вв.[11] не применяет метода под-

inslav

счета имен и не прибегает ни к каким статистическим выкладкам, их начала использовать лишь Д. Ковачевич-Коич в работе о боснийской торговле в средние века[12]. Правда, возможности исследователя в этом отношении ограниченны, ибо в его распоряжении находятся не описи городского населения, а лишь решения Малого совета дубровницкой коммуны о назначении арбитражных комиссий в балканские города для решения возникающих между дубровчанами тяжб. Поэтому все историки, использовавшие метод подсчетов, оговаривают, что число дубровчан бесспорно было бóльшим.

И тем не менее цифры дубровчан, только посетивших города Високо, Зворник и Фойница в первой половине XV в., производят внушительное впечатление. Так, в первом из них в 1412—1433 гг. побывало 370 дубровчан (среднюю цифру за год исчислить очень трудно: колебания весьма велики), во втором за 1415—1432 гг.— 640 человек, в третьем за 1430—1463 гг.— 365 человек. Еще более посещаемым был в г. Сребреница, ежегодно там бывало не менее ста дубровчан, а в 1434 г.— даже 484 человек (!)[13]. Аналогичную картину представлял и г. Приштина. С 1414 по 1453 г. здесь зафиксировано пребывание 1413 дубровчан, причем и здесь колебания числа приезжих из года в год очень велико — от 15 до 238 человек (в 1438 г., видимо, наступил «пик» интереса дубровчан к Приштине, нараставший несколько лет подряд). Чаще всего встречается цифра свыше ста человек в год, больше, чем в остальных внутрибалканских городах[14]. Таковы некоторые характерные черты проникновения дубровчан на Балканы до турецкого завоевания.

После завершения османских завоеваний свидетельств этого наплыва уже не встречается. Б. Храбак, подсчитавший число дубровчан, живущих в Смедереве в XVI в., определил, что в 20-х годах XVI в. в городе побывало 25 дубровчан, в 30-х — 15, в 40-х — 19, в 50-х — 18, в 60-х — 13, в 70-х — 19, в 80-х годах — 10[15]. Впрочем, в своем анализе он отказывается от методов, предложенных Д. Ковачевич-Коич, и группирует свои данные не по годам, а по десятилетиям, не сообщая, кстати, никаких имен. Мы лишены поэтому возможности установить, являются ли люди, скажем, 30-х годов новопоселенцами, или здесь сохраняется и какая-то часть старых жителей. Но очевидно, что Смедерево в XVI в. посещает гораздо меньше дубровчан, чем их посещало боснийские города в доосманское время.

Подсчитав количество далматинцев (из Дубровника и его округи), побывавших в Скопле, С. Антоляк пришел к выводу, что в XV в. город посетили 24 человека, а в продолжение XVI в.— уже 80 человек, среди них «чистых» дубровчан — 51 человек[16]. По его мнению, это четвертая часть всех дубровницких купцов, действовавших в XVI в. на Балканах. В данном случае он присоединяется к мнению Й. Тадича, высказанному еще в 30-х годах, что эта цифра равнялась 200[17]. Позднее сам Й. Тадич пересмотрел это мнение, решив, что в XVI в. Дубровник имел на территории Османской империи 30—40 колоний, в которых жило 300—400 человек[18]. Эта последняя цифра более соответствует современным

inslav

представлениям. В частности, по расчетам В. Винавера, только за 1600—1650 гг. на Балканах побывало около 700 дубровчан (не только купцов, но и их помощников и слуг), с 1670 по 1690 г.— около 300 (точнее, 277), даже в 1681—1688 гг. в Сербии был зафиксирован 71 дубровчанин, а в Болгарии — 48[19]. Учтем, что XVII век всегда считался столетием упадка дубровницкой торговли на Балканах, а его последние десятилетия были также и годами ожесточенной войны (1683—1699 гг.), и мы сможем судить о том, что дубровицкие поселения проявляют бо́льшую устойчивость, чем считалось ранее.

Естественно, что людей, не просто посещающих балканскую «глубинку», но постоянно живущих в ней, значительно меньше. Чтобы отыскать их, Д. Ковачевич-Коич предложила учитывать людей, чьи имена встречаются в актах более одного раза. Выясняется, что в Приштине из 1413 человек на протяжении сорока лет таких было всего 483, но зато многие из них бесспорно являются здесь постоянными жителями. Так, более пяти лет в городе проживало 26 человек, а более десяти — даже 97 (причем пятеро из этого числа — более 30 лет)[20]. Доля более или менее стабильно проживавших (т. е. неоднократно упомянутых) различна в разных городах. Так, в Високом она составляет 25,4%, в Зворнике — 36, а в Фойнице — даже 60,7%[21], всех этих людей можно отнести к числу жителей дубровницких колоний. В своей монографии о дубровницкой торговле Е. Вечева называет имена дубровчан, живших в колониях в болгарских городах XVI в. Так, в Провадии проживало около 10 взрослых мужчин (вычисляем, отправляясь от общего количества в 30 человек), в Силистре — 12—15, самая многочисленная колония отмечена в Софии: в 40-е годы там встречаются имена 24 человек, а в 50-е годы — даже 31 человек[22]. Для всех восьми болгарских городов в XVI в., обследованных Е. Вечевой, можно принять цифру в 90 постоянно проживавших колонистов-дубровчан.

Общая характеристика дубровницких колоний не является нашей целью. Что же касается их торговой деятельности, то вклад в нее вносили не одни профессиональные купцы, но и ремесленники. Так, в Зворнике среди 640 дубровчан источники отмечают 7 ворсильщиков, 6 портных, 5 ювелиров, 2 мясника и по одному кожевнику, сапожнику и судостроителю[23]. Комментируя эти цифры, мы можем высказать мысль, что мастера с побережья способствовали распространению в боснийском городе западных вкусов[24], а многочисленность ворсильщиков и портных объясняется тем, что они не городские, а сельские ремесленники. В Приштине из 1413 дубровчан, побывавших здесь за сорок лет (1414—1453), насчитывалось 18 ювелиров, 6 портных, 8 кожевников, 3 пекаря, 2 столяра и по одному ткачу, свечнику и ворсильщику[25]. О том, что такое соотношение ремесленников-дубровчан не было ни случайностью, ни особенностью XV в., свидетельствует то, что оно воспроизводится почти без изменений в Смедереве через сто лет: здесь работали только ворсильщики, портные, ювелиры и кожевники[26]. Воздействие приезжих ремесленников на местное производство было значительным.

inslav

Новейшие исследования доказали влияние дубровчан на развитие оружейного дела в Сербии[27], а из 34 ремесленных специальностей, имевшихся в Боснии в XIV—XV вв., иноземцы упоминаются в 25[28].

Каковы же масштабы прибыли, которую здесь извлекали дубровчане? К сожалению, сведения об этом очень отрывочны. Лишь в торговых книгах (а это сравнительно редкий источник) можно найти указания на высоту торговой прибыли. Так, судя по книге братьев Кабожичей, прибыль от доставки серебра из Боснии в Дубровник равнялась приблизительно 4—5%, а в Венеции — даже до 10%. Поскольку в течение года можно было совершить три торговых экспедиции, это значит, что ежегодная прибыль купца равнялась примерно 30%[29]. Сведения же о прибыли от продажи других товаров, в частности воска, в этой торговой книге отсутствуют[30].

А каковы были размеры дубровницкой торговли во внутренних районах полуострова? Для конца XIV в. об этом нет сколько-нибудь уверенных сведений, о размахе торговой деятельности можно судить лишь по размерам имущества, накопленного крупнейшим дубровницким финансистом при боснийском дворе Ж. Бокшичем — свыше 10 тыс. дукатов (весь торговый флот Дубровника в то время стоил около 7 тыс.)[31]. Братья Кабожичи за семь лет (1426—1432) вывезли воска на 31 тыс., а золота и серебра — на 138 тыс. дукатов[32]. Исходя из предположения, что на Балканах в то время действовало около 40 торговых домов, подобных Кабожичам, Й. Тадич предполагает, что одного серебра из обеих стран (т. е. Сербии и Боснии) ежегодно вывозилось на полмиллиона дукатов[33].

Для структуры балканского вывоза в XVI в. характерны исчезновение металлов и появление кож. Впрочем, кожи и ранее фигурировали в списках товаров, но только в XVI в. их вывоз принял массовый характер. Все дубровчане, жившие в колониях, особенно в болгарских землях, стали ориентироваться на закупку у местных жителей и вывоз бычьих, буйволовых, козьих и телячьих кож, часто требующих доработки, но иногда выделанных и даже покрашенных, называемых «кордовани», сафьян, «булгаро». Вывозили много мехов — овчин, медвежьих, волчьих, лисьих. Вырос вывоз кож в Дубровник и из соседних стран. Так, в середине XVI в. из-за высоких пошлин, введенных Габсбургами, поток венгерских кож повернул на Дубровник[34]. Известное место в балканском вывозе заняли также шерсть и воск, а грубое домотканное сукно («склавина»), столь излюбленное в XIII и XIV вв., отступило на задний план.

Главное же место в импорте составляли ткани. С начала XVI в. из Дубровника в глубь Балкан везли ломбардско-тосканские, а со второй половины — английские, особенно добротное и дешевое «керси». Именно это сукно стало главным предметом дубровницкого ввоза в другие балканские страны. Так, дубровницкая колония в Белграде в 1564 г. запрашивает с родины товаров на 40 тыс. дукатов, в следующем году — на 45 тыс., а еще через год — уже на 50 тыс.[35] Недаром именно Смедерево, близко расположенное к

inslav

венгерскому театру военных действий, становится одним из важных центров распространения керси на Балканах[36]. О керси чаще всего речь идет в перечнях имущества, они составляют содержимое большинства тюков, привозимых во вьюках,— один тюк составлял 8 кусков (pezze)[37], их расцветка — зеленая, красная, ярко-красная (scarlat) — обычно упоминается в актах. Ввоз керси, как и вывоз кож, становится одним из основных способов, с помощью которого составляются состояния дубровницкого нобилитета.

Каков объем этой торговли? В литературе широким доверием пользуется мнение Й. Тадича о том, что в мирные годы Дубровницкая республика вывозила с полуострова товаров на 200 тыс. дукатов, а ввозила на 150 тыс.[38] Здесь имеется в виду стоимость товаров, прошедших через дубровницкую городскую таможню. Однако в мирные годы далеко не все товары, вывозимые теми же дубровчанами, шли через таможню их родного города. Более показательны в этом смысле военные годы, когда дубровницкий порт становился единственным выходом для товарных масс, скопившихся на полуострове. Например, в 1571 г. таможня Дубровницкой республики собрала пошлин на 140 тыс. дукатов, что соответствует операциям примерно на 2,5 млн. дукатов[39]. Ярким контрастом к этим цифрам являются данные о размерах торговли, которые ведут города венецианской Далмации. Известно, что весь объем торговли, которую вел город Корчула в середине XVI в., составлял всего 9 тыс. дукатов, Задар — 14 тыс., Сплит — 25 тыс., Хвар — 70 тыс.[40] Сопоставление достаточно выразительное. Что же дает северодалматинский материал для сравнения с дубровницким? Оказывается, очень немногое.

Прежде всего неизвестна численность далматинцев, прибывавших в континентальные города или поселяющихся там. Нет данных о далматинских ремесленниках или торговых компаниях купцов. Относительно XIV в. имеются сведения лишь о единичных торговых экспедициях за пределы городов или закупке сравнительно больших партий скота[41] в далматинском Загорье или в Боснии. Грамоты соседних династов вроде той, которую пожаловал боснийский бан трогирянам в 1339 г. с разрешением свободно «идти, останавливаться и возвращаться» для торговли, к сожалению, не могут дать представления о размахе их торговой деятельности[42]. Можно обнаружить дома и лавки сплитских купцов в XV в. в отдельных боснийских городах (например, в Яйце)[43]. Мы знаем также, что трогиряне и спличане борются за перехват караванов, направляющихся к побережью[44]. И даже специальный анализ торговли задартинцев не устанавливает их проникновения в соседние области[45]. Это позволило Т. Раукару заключить, что континентальная торговля Задара в XV в. принципиально отличается от дубровницкой, задартинцы не создают ни устойчивых торговых поселений, ни даже опорных пунктов — эта торговля целиком находится в руках жителей внутренних областей[46].

Но, может быть, решительное преобладание дубровчан в балканской торговле объясняется просто лучшей сохранностью материа-

inslav

лов в Дубровницком архиве, чем, скажем, в задарском? Чтобы проверить эти предположения, можно обратиться к источникам совершенно иного происхождения — к свидетельствам иностранцев, в XVI в. во множестве проезжавших через балканские страны. Путевые записки, дневники, отчеты послов, курьеров, ученых, миссионеров давно известны в литературе, в наши дни они вновь становятся объектом пристального внимания — переводятся на современные языки, комментируются [47], проблема их истолкования оживленно обсуждается на страницах специальных изданий [48]. Возможности, которые открывает их внимательное изучение, действительно велики, но в данном случае мы предлагаем подвергнуть их рассмотрению, чтобы выяснить, о каких купцах чаще пишут в своих записках западные путешественники.

Этих путешественников немало: начиная с Ф. Петанчича, в 1501 г. написавшего книгу о своем путешествии в Константинополь, и до Вратислава из Митровицы, посетившего балканские страны в самом конце XVI в., сохранилось около трех десятков подобных сочинений [49]. Сведения о далматинцах и дубровчанах сохранили 13 из них. Из этого числа 12 говорят о дубровчанах и лишь в двух встречаются упоминания о далматинцах. Так, в Белграде вместе с турками, венграми, трансильванцами путешественник из Чехии замечает и «далматинцев» [50] (хотя, строго говоря, в их числе можно предполагать и дубровчан), а в г. Ниш отмечено пребывание купцов и портных из Шибеника [51]. О дубровчанах же свидетельства значительно более многообразны. Их пребывание фиксируется в Новом Пазаре, Скопле, Белграде, чаще же всего в Софии. Они отмечены как составная часть городского населения вместе с сербами, болгарами, греками и турками [52] как наиболее представительная часть иностранного купечества наряду с венецианцами, «латинянами» или «франками» [53]. Отмечают, что именно они владеют лучшими лавками или складами в городах, в Белграде в их руках находится «вся торговля» [54]. Они не только торгуют: в Скопле, например, дубровчане скупили много окрестных земель, разбили виноградники, на которых работают рабы [55]. Нередки свидетельства о том, что в одном городе (Софии) много дубровчан, а в другом (Нише) живет лишь один дубровницкий купец со слугой, что остальные дубровчане уехали или умерли [56]. Их церкви, обычно бывшие не только религиозными, но и деловыми и торговыми центрами дубровницких колоний, отмечаются многими авторами; нередко с точностью (в Софии — 70 мечетей, 12 православных храмов и один католический, у дубровчан) или с удивлением — в Белграде дубровницкая церковь вкопана в землю так глубоко, что и не заметить, и на праздники дубровчане собираются для потаенных тихих песнопений [57]. Дубровчане встречают гостей с запада у городских ворот, ходят в гости, оставляют ночевать [58]. Разница в сведениях о далматинцах и дубровчанах, как видим, очень существенна.

Чем можно объяснить это? Нам кажется, что преобладание дубровчан в балканской торговле объясняется рядом обстоятельств.

inslav

Прежде всего здесь сыграла роль географическая близость Дубровника к главным трассам сухопутной торговли на полуострове, отмечаемая в литературе со времен К. Иречека[59]. Нельзя игнорировать опыт общения с балканской «глубинкой», накопленный на протяжении столетий. Он складывался из передававшихся в патрицианских семьях из поколения в поколение секретов общения с местными жителями, знания рыночной конъюнктуры и личных знакомств. Не последнюю роль играли и социально-психологические качества дубровчан, которые всегда отличали их от жителей других городов побережья: их цепкость, напористость, жизнестойкость, деловая хватка и энергия. И наконец, для османского времени решающим оказались последствия того статуса, который приобрел Дубровник по отношению к Османской империи. Мы имеем в виду в данном случае только то льготное коммерческое обложение, которого добились дубровчане (понижение пошлины, уплату единовременного взноса — «джумрука» (гюмрука) и пр.) и которое обеспечило им такие преимущества в конкурентной борьбе.

Если же обратиться к еще одному разряду источников, а именно к донесениям (relazioni) венецианских чиновников в Далмации, то убеждение в пассивности далматинских купцов по сравнению с дубровчанами только укрепится — почти вся сухопутная торговля далматинских городов находится в руках влахов. «...Приход влахов в наши далматинские города очень полезен и для нашего государства и для подданных»,— писал дож Ф. Фоскари еще в 1428 г.[60] В Шибеник в середине XVI в. прибывало в день 500—600 влахов, «если прекратить этот обмен, то Шибеник... полностью пропал бы»[61]. Влахи появляются в Шибенике преимущественно для закупки соли[62], и если они не появляются в городе, то нет подвоза хлеба, мяса, сыра и других съестных припасов[63]. И фигура влахов «с лошадьми, которые перевозят товары», становится привычной для далматинского пейзажа[64]. Эти примеры легко было бы умножить. Таким образом, то, что заметил Т. Раукар в Задаре в XV в., оказывается характерным для многих северодалматинских городов и в XVI в.— поддержание их торговых связей осуществляется жителями из внутренних областей. Никаких признаков втягивания собственно северодалматинского купечества в эту торговлю заметить не удается. Напротив, торговцы из внутренних областей все уверенней становятся основным связующим элементом между городами венецианской Далмации и балканским хинтерландом. Этот процесс проявляется в самом конце XVI в.

В 1592 г. венецианские власти открыли заново перестроенную сплитскую гавань, и сюда немедленно хлынул поток традиционных балканских товаров из Сараева, Баня-Луки и других городов[65]. «Чаршия» боснийских городов с восторгом встретила открытие нового порта. Это произошло не только потому, что Сплит был поблизости или потому, что за Сплитом стоял необыкновенно широкий и емкий венецианский рынок, но и потому, что сплитское купечество не представляло для балканского такого грозного конкурента, как дубровницкое. И создание внутреннего рынка на Балканах это толь-

inslav

ко облегчало. Интерес к возникновению внутреннего рынка на Балканах в последние годы возрастает[66]. Возможно, таким образом, что возникновение внутреннего рынка на Балканах более способно объяснить не активность дубровницкого, а, как это ни парадоксально, пассивность северодалматинского купечества. Отказываясь от вторжения в торговые связи на местах, с известным безразличием представляя свои порты для вывоза балканских товаров, купечество из городов венецианской Далмации объективно больше способствовало формированию местного рынка, чем дубровчане с их сокрушительной и подавляющей энергией.

[1] *Фрейденберг М. М.* Средневековые города Далмации: исторические судьбы.— ВИ, 1982, № 10, с. 95—107.

[2] Можно назвать лишь монографию: *Raukar T.* Zadar u XV stoljeću: Ekonomski razvoj i društveni odnosi. Zagreb, 1977.

[3] В литературе, насколько нам известно, существует лишь попытка сопоставить социальную структуру Дубровника и Далмации в XVI в. (*Tadić J.* O društvenoj strukturi Dalmacije i Dubrovnika u vreme Renesanse.— In: Zgodovinski časopis. Ljubljana, 1953, letnik VI—VII, s. 552—565) и опыт параллельной характеристики их монетных систем (*Винавер В.* Преглед историје новца у југословенским земљама, XVI—XVIII век. Београд, 1970, с. 97—123). Сопоставлением их торговой деятельности никто не занимался.

[4] См. материалы конференции, посвященной 700-летию Дубровницкого архива — Zbornik Historijskog arhiva u Dubrovniku.— Arhivist, Zagreb, 1979, god. XXIX, broj 1—2.

[5] *Vinaver V.* Dubrovačka nova ekonomska politika početkom XVII veka.— In: Anali Historijskog instituta Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti (JAZU) u Dubrovniku (далее — Anali). Dubrovnik, 1956, sv. IV/V, s. 417—454.

[6] *Фрейденберг М. М.* Деревня и городская жизнь в Далмации XIII—XV вв. Калинин, 1972, с. 184 и след.

[7] См.: *Ковачевић-Којић Д.* Градска насеља средњовјековне Босанске државе. Сарајево, 1978, с. 52—53.

[8] *Динић М.* За историју рударства у средњовековној Србији и Босни. Београд, 1955—1962. Т. 1, 2.

[9] *Божић И.* Дубровник и Турска у XIV и XV веку. Београд, 1952.

[10] *Ковачевић-Којић Д.* Градска насеља..., с. 160—162.

[11] *Божић И.* Дубровник и Турска...

[12] Это сразу же отметила критика. См.: *Фрейденберг М. М.* Рецензия на кн.: Д. Ковачевић-Коић. Градска насеља средњовјековне Босанске државе. Сарајево, 1978.— СЭ, 1980, № 2, с. 179.

[13] *Ковачевић-Којић Д.* Градска насеља..., с. 160—162.

[14] *Ковачевић-Којић Д.* Приштина у средњем веку.— Историјски часопис (далее — ИЧ), Београд, 1975, књ. XXII, с. 56.

[15] *Hrabak B.* Dubrovački privrednici u Smederevu u doba Osmanlija.— Anali, 1979, sv. XVII, s. 207. Речь идет обо всех побывавших в городе, постоянно живущая колония много меньше, например в 70-х годах она включала лишь трех человек, в 80-х годах — даже двух.

[16] *Antoljak S.* Prilog proučvanju trgovačkih veza između Dubrovnika i Skopja u 15. i 16. stoljeću.— В кн.: Филозофски факултет на универзитетот Скопје. Годишен зборник. Скопје. 1959, кн. 10/11, с. 72—73.

[17] *Тадић Ј.* Дубровчани по Јужној Србији у XVI столећу.— Гласник Скопског научног друштва, Скопје, 1930, год. VII/VIII, № 3/4, с. 200.

[18] *Тадић Ј.* Дубровачка република.— В кн.: Историја народа Југославије. Београд, 1960, књ. 2, с. 213.

[19] *Винавер В.* Дубровачка трговина у Србији и Бугарској крајем XVII века (1660—1700).— ИЧ, 1963, књ. XII/XIII, с. 192—193.

inslav

[20] *Ковачевић-Којић Д.* Приштина..., с. 51—55.
[21] *Ковачевић-Којић Д.* Градска насеља..., с. 162.
[22] *Вечева Е.* Търговията на Дубровник с българските земи (XVI—XVIII вв.). С., 1982, с. 75 и след.
[23] *Kovačević-Kojić D.* Zvornik (Zvonik) u Srednjem vijeku.— Godišnjak društva istoričara Bosne i Hercegovine (далее — ГДИ БиХ). Sarajevo, 1967, god. XVI, s. 29—30.
[24] *Ковачевић Д.* Прилог проучвању занатства у средњевјековној Босни.— ГДИ БиХ, 1959, год. X, с. 284.
[25] *Ковачевић-Којић Д.* Приштина..., с. 60—61.
[26] *Hrabak B.* Dubrovacki privrednici..., s. 208—210.
[27] *Петровић Б.* Ватрено оружје на Балкану уочи и после Османског освајања у XIV—XV веку.— Гласник Цетињских музеја, Цетиње, 1970, књ. III, с. 83—112; *Она же.* Оружје и опрема средњовековног ратника у Србији. Београд: Историјски музеј Србији, 1980.
[28] *Ковачевић-Којић Д.* Градска насеља..., с. 220.
[29] *Тадић Ј.* Привреда Дубровника и српске земље у првој половини XV века.— Зборник филозофског факултета у Београду, 1968, X-1, с. 529.
[30] *Ковачевић-Којић Д.* О извозу воска из средњовјековне Србије и Босне преко Дубровника.— ИЧ, 1971, кн. XVIII, с. 143—154.
[31] *Kovačević-Kojić D.* Žore Bokšić, dubrovački trgovac i protovestijar bosanskih kraljeva.— GDI BiH, 1963, god. XIII, s. 289—310.
[32] *Ковачевић-Којић Д.* О извозу воска..., с. 145; *Тадић Ј.* Привреда..., с. 527.
[33] *Тадић Ј.* Привреда..., с. 531.
[34] *Pickl O.* Die Auswirkungen der Türkenkriege auf den Handel zwischen Ungarn und Italien im 16. Jahrhundert.— In: Die wirtschaftlichen Auswirkungen der Türkenkriege. Graz, 1971, S. 93—94.
[35] *Самарџић Р.* Мехмед Соколовић. Београд, 1971, с. 165—166.
[36] *Костић В.* Дубровник и Енглеска, 1300—1650. Београд, 1975, с. 111.
[37] *Вечева Е.* Търговията..., с. 184—188.
[38] *Tadić J.* Le commerce en Dalmatie et à Raguse et la décadence économique de Venise au 17e siécle.— In: Aspetti e cause del a decadenza economica veneziana nel secolo XVII. Venezia, Roma. 1960, p. 250; *Kellenbenz H.* Südosteuropa im Rahmen der europäischen Gesamtwirtschaft.— In: Die wirtschaftlichen Auswirkungen..., S. 32—33; *Винавер В.* Преглед..., с. 111—112.
[39] *Tadić J.* Le commerce..., p. 251—252.
[40] *Фрейденберг М. М.* Хварское восстание 1510—1514 годов.— ВИ, 1979, № 12, с. 110.
[41] См.: *Фрейденберг М. М.* Торговля далматинского города в XIII—XIV вв.— Сов. славяноведение, 1967, № 2, с. 30, примеч. 31.
[42] Codex diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae/Ed. by T. Smičiklas. Zagreb, 1912, vol. X, s. 494.
[43] *Raukar T.* Zadar..., s. 276, nota 93.
[44] *Novak G.* Povijest Splita. Split, 1958, knj. 1, s. 477.
[45] *Raukar T.* Prilozi o trgovačkom životu u Zadru XV stolijeća.— In: Spomenica Josipa Matasovića (1892—1962). Zagreb, 1972, s. 163—179.
[46] *Raukar T.* Zadar..., s. 276.
[47] См., например: *Самарџић Р.* Београд и Србија у списима француских савременика XVI—XVII в. Београд, 1961; Френски пътеписи за Балканите XV—XVIII в. С., 1975; Немски и австрийски пътеписи за Балканите XV—XVI в. С., 1979.
[48] Reiseberichte als Quellen europäischer Kulturgeschichte: Aufgaben und Möglichkeiten der historischen Reiseforschung/Hrsg. von A. Maczak, H. J. Teuteberg. Wolfenbüttel, 1982.
[49] Большинство из них было издано (или пересказано) еще П. Матковичем в последней четверти XIX в. *Matković P.* Putovanja po balkanskom poluotoku XVI vieka.— In: Rad Jugoslovenske akademije znanosti i umjetnosti (далее — Rad.). Zagreb, 1879, knj. 49 и след. (Далее будут называться имена путешественников, произведения которых пересказываются или переводятся Матковичем).
[50] Rad., 1891, knj. 130, s. 126 (Свидетельство Вратислава из Митровицы).

inslav

[51] *Дершвам Х.* Дневникът на Ханс Дершвам за пътуването му до Цариград през 1553—1555 г. С., 1970, с. 25.
[52] Rad., 1882, knj. 62, s. 95, 99 (Свидетельство К. Зена); Rad., 1881, knj. 65, s. 219 (Свидетельство Б. Рамберти); Rad., 1893, knj. 116, s. 15 (Свидетельство С. Герлаха); Rad., 1892, knj. 112, s. 215 (Свидетельство анонима из посольства Д. Унгнада).
[53] Rad., 1882, knj. 62, s. 99 (Свидетельство К. Зена); Rad., 1890, knj. 100, s. 134—135 (Свидетельство М. Пигафетта).
[54] Rad., 1893, knj. 116, s. 15 (Свидетельство С. Герлаха); Rad., 1896, knj. 129, s. 57 (Свидетельство М. Безольта); Rad., 1895, knj. 24, s. 66 (Свидетельство анонима из посольства Контарини).
[55] Rad., 1887, knj. 84, s. 69 (Свидетельство С. Герлаха).
[56] Rad., 1893, knj. 110, s. 43, 54 (Свидетельство анонима из посольства Контарини).
[57] Rad., 1895, knj. 124, s. 85 (Свидетельство анонима из посольства Контарини); Rad., 1890, knj. 100, s. 135 (Свидетельство М. Пигафетта).
[58] Rad., 1887, knj. 84, s. 90 (Свидетельство Я. Бетцека); Rad., 1895, knj. 124, s. 3 (Свидетельство анонима Соранцо); Rad., 1895, knj. 124, s. 66 (Свидетельство анонима из посольства Контарини).
[59] См., например: *Шкриванић Г.* Путеви у средњовековној Србији. Београд, 1974.
[60] Listine o odnošajih između južnoga slavenstva i Mletačke Republike, ed. Š. Ljubić.— In: Monumenta spectantia historiam Slavorum Meridionalium (MSHSM). Zagreb, 1882, IX, 235—236.
[61] Commissiones et relationes venetae/Ed. by Š. Ljubić. Zagreb, 1877, vol. II, s. 190.
[62] Commissiones.../Ed. G. Novak. Zagreb, 1964, v. IV, s. 144, 404.
[63] Commissiones.../Ed. G. Novak. Zagreb, 1966, v. V, s. 200.
[64] Ibid., s. 302.
[65] *Morpurgo V.* Daniel Rodriguez i osnivanje splitske skele u XVI stoljeću.— In: Starine JAZU. Zagreb, 1962, knj. 52, s. 185—249; 1966, knj. 53, s. 363—415; *Paci R.* La «scala» di Spalato e il commercio veneziano nei Balcani fra Cinque e Seicento. Venezia, 1971.
[66] Показателен в этом отношении доклад Н. П. Мапанчиковой на IX Всесоюзной конференции историков-славистов в Ужгороде в сентябре 1982 г. См.: Узловые вопросы советского славяноведения. Ужгород, 1982, с. 222.

inslav

Константин Ипсиланти и Первое сербское восстание (1804 — август 1807 г.)

Л. Е. СЕМЕНОВА

Национально-освободительное, антифеодальное восстание, вспыхнувшее в 1804 г. в Сербии во главе с Карагеоргием (Георгием Петровичем), послужило первой искрой широкого движения против власти султана, развернувшегося на Балканах в начале XIX в. Процесс разложения феодализма, зарождения элементов капиталистических отношений и формирования национальной буржуазии в странах Юго-Восточной Европы во второй половине XVIII — начале XIX в. имел своим следствием движение порабощенных балканских народов за национальное возрождение. В то же время этот процесс создавал объективные предпосылки общебалканских связей, которые имели большое значение для освободительной борьбы народов Юго-Восточной Европы. Безусловно, на развитие этой борьбы, определявшейся внутренними условиями и специфическими особенностями положения каждого из народов, в значительной степени оказывали влияние международная обстановка в Европе и ее юго-восточном регионе, политика держав в восточном вопросе, их отношения с Портой.

В истории общебалканских связей начала XIX в. несомненный интерес представляют валашско-сербские отношения в период Первого сербского восстания.

В исторической литературе уже отмечались связи валашского господаря Константина Ипсиланти (1802 — август 1806, декабрь 1806 — август 1807 г.) с восставшими сербами, его дружественные отношения с их вождем Карагеоргием[1]. Однако специально этот вопрос не изучался. Между тем публикации русских дипломатических документов, относящихся к началу XIX в.[2], а также архивные материалы позволяют более широко и полно осветить связи Ипсиланти с сербскими повстанцами и их руководителями, выявить его роль в контактах восставших с Россией, в осуществлении политики русского правительства по отношению к восстанию в Сербии.

Свидетельства о связях Ипсиланти с сербами относятся к самому началу восстания, когда Порта не принимала еще каких-либо решительных мер против сербских повстанцев, рассчитывая в конечном итоге использовать их успехи для восстановления своей власти в Белградском пашалыке. Ипсиланти с одобрением и уча-

inslav

стием отнесся к вспыхнувшему в Сербии восстанию. Рассматривая действия восставших в перспективе освободительной борьбы других балканских народов, он попытался помочь сербам дипломатическими средствами. Ипсиланти обратился к Порте с советом послать повстанцам подкрепление, мотивируя свое предложение желанием якобы содействовать восстановлению власти султана в пашалыке[3].

Развертывание восстания обеспокоило Порту. Она приказала боснийскому визирю Бекир-паше восстановить порядок в Сербии. В то же время султан уполномочил валашского и молдавского господарей Константина Ипсиланти и Александра Морузи выступить посредниками в переговорах с сербами. Ипсиланти направил в Сербию двух бояр, ключера Манолаке и кэминара Янку, молдавский господарь — великого спафария Василаки.

Переговоры Порты с восставшими продлились с июля по ноябрь 1804 г. и не дали никаких результатов. Сербы требовали предоставления Белградскому пашалыку широкой внутренней автономии в составе Османской империи. Часть сербских руководителей во главе с Карагеоргием выступала против соглашения с Портой, за решительную борьбу против власти султана. Не увенчалась успехом и миссия Бекир-паши.

Посредничество в переговорах Порты с восставшими дало возможность Ипсиланти непосредственно соприкоснуться с положением дел в Сербии. Будучи сторонником прорусской ориентации в освобождении балканских народов от власти султана, Ипсиланти, по всей вероятности, использовал свою миссию для того, чтобы склонить сербских повстанцев обратиться к России за помощью. Очевидно, не случайно некоторые современники считали его одним из вдохновителей сербского восстания[4], а султан впоследствии обвинил валашского господаря в подстрекательстве сербов к восстанию. Во всяком случае можно полагать, что именно под влиянием Ипсиланти вожди восставших установили связь с русским посланником в Константинополе А. Я. Италинским. Выработанное на собрании скупщины в Оструженице 3(15) мая 1804 г. письмо сербских старейшин с просьбой к русскому правительству ходатайствовать перед Портой об удовлетворении требований повстанцев было передано А. Я. Италинскому не без содействия Ипсиланти. На эту мысль наводит депеша А. Я. Италинского товарищу министра иностранных дел А. А. Чарторыйскому от 17(29) июня 1804 г. Извещая А. А. Чарторыйского о посылке ему названного письма сербских старейшин, русский посланник в Константинополе тут же сообщает, что получил через Ипсиланти известия о событиях в Сербии, что Карагеоргий «отказался от политики верности Порте» и «выступил против самой Порты с большим отрядом, находящимся под его командованием»[5].

В связи со всем этим представляется не случайным намерение русского правительства использовать Ипсиланти для ориентации восставших сербов на Россию. 18(30) сентября 1804 г. А. А. Чарторыйский предписывал генеральному консулу в Яссах А. А. Жерве в случае необходимости использовать Ипсиланти для того, чтобы

inslav

«внушить сербскому народу, что участие нашего двора в жребии их и посредничество онаго у Порты может наиболее соделать прочными права их, утверждения коих они теперь ищут, и при том дать им понять о необходимости, чтоб они для сего обратились с прошением на высочайшее имя к г-ну Италинскому...».

Ипсиланти согласился выполнить это секретное поручение русского правительства и направить с данной целью к восставшим под каким-либо посторонним предлогом верного человека со знанием сербского языка [6].

В условиях возраставшей военной угрозы со стороны Франции и распространения ее влияния на Балканах русское правительство в 1804—1805 гг. было заинтересовано в нейтралитете и поддержке Порты. Тяжелое внутреннее положение и усилившееся национально-освободительное движение балканских народов заставляли турецкое правительство в свою очередь искать сильного союзника. 23 сентября (5 октября) 1805 г. был заключен русско-турецкий союзный договор, подтверждавший условия договора 1799 г.

Стремясь сохранить мирные отношения с Турцией и избежать возможного повода для конфликта с ней, царское правительство не могло открыто поддержать сербское восстание. В существовавшей международной обстановке задача русской дипломатии на Балканах состояла в том, чтобы, не осложняя отношений с Портой, добиваться у нее дипломатическим путем осуществления мер, улучшающих положение подданных султану народов, что должно было, с одной стороны, способствовать усилению среди них русского влияния, с другой — противодействовать распространению профранцузских настроений.

Исходя из этого, русское правительство настойчиво, хотя и осторожно, искало пути для того, чтобы оказать помощь сербам, защитить их перед Портой. В выполнении такой задачи петербургский двор возлагал большие надежды на Константина Ипсиланти. Правительство Александра I не могло не знать о связях валашского господаря с сербскими повстанцами. Кроме того, оно учитывало, конечно, прорусскую ориентацию Ипсиланти, которая проявилась еще во время его пребывания на молдавском престоле (1799—1801 гг.) и которой оно придавало важное значение для укрепления русского влияния в Дунайских княжествах [7].

После того как в 1802 г. с помощью России Ипсиланти стал валашским господарем, его прорусская ориентация проявилась особенно явно. Петербургский двор со своей стороны был заинтересован в этом. Министр иностранных дел А. Р. Воронцов 2 (14) ноября 1802 г. писал А. Я. Италинскому о необходимости утвердить Ипсиланти «в приверженности России», использовав для этого также и дружеские отношения с господарем. «Чем более будем мы иметь причины полагаться на приверженность господаря сего,— писал А. Р. Воронцов,— тем полезнее для нас сохранение его в сем месте». В мае 1803 г. А. Р. Воронцов снова напоминал об этом русскому посланнику в Константинополе: «По приверженности господаря сего к России и по благонамеренности его вообще не оставляйте при

inslav

всяком случае с своей стороны подкреплять его». При этом русское правительство всячески стремилось к тому, чтобы не вызвать у Порты подозрения в неблагонадежности Ипсиланти. Это было особенно важно в условиях, когда французский посол в Константинополе с целью смещения господаря плел против него интриги [8].

Установившиеся с Константином Ипсиланти отношения позволяли русскому правительству надеяться на его посредничество в связях с восставшими сербами. И в этом смысле валашский господарь пользовался большим доверием русских правящих кругов. А. А. Чарторыйский в депеше от 17(29) декабря 1804 г. новому генеральному консулу России в Яссах И. Ф. Болкупову писал: «...с господарем Ипсиланти можете быть в откровенности по всем сим делам...» [9], (т. е. делам, связанным с восстанием в Сербии.— *Л. С.*).

Роль, которую русское правительство отводило Ипсиланти в проведении своей политики на Балканах, обусловило то обстоятельство, что связи валашского господаря с сербскими повстанцами стали важным фактором в осуществлении политики петербургского двора в отношении сербов. Ипсиланти в свою очередь был заинтересован в связях с сербами, в ориентации их на Россию и оказании помощи восставшим, в полной мере оценивая значение этого факта для освободительной борьбы всех балканских народов. При этом он не только учитывал значение военных действий восставших сербов для борьбы с видинским пашой Пазванд-Оглу, совершавшим опустошительные нападения на Валахию. Следует иметь в виду, что с успехами России на Балканах Ипсиланти прежде всего связывал планы укрепления своей власти в Дунайских княжествах, а также возможного включения в свои владения и Сербии. Во всяком случае, когда с началом в 1806 г. русско-турецкой войны он стал осуществлять власть фактически в обоих княжествах, в европейских дипломатических кругах в 1807 г. говорили о возможном распространении власти Ипсиланти и на Сербию [10].

Восставшие сербы и их руководители со своей стороны видели в Ипсиланти посредника в переговорах с Портой и в отношениях с Россией. Английский консул писал в 1807 г. из Бухареста, что сербы питают большую благодарность к Ипсиланти, который «работал в их пользу как у русских, так и в Порте». Сербы ценили содействие Ипсиланти в их делах. Русский консул в Бухаресте Л. Г. Кирико в донесении А. Я. Италинскому от 3(15) июня 1806 г. между прочим отмечал, что сербы «не перестают объявлять его высочество князя Ипсиланти своим благодетелем, который во всех случаях щедро одарял их неоспоримыми знаками внимания и отменной доброты» [11].

Особенно важно было содействие Ипсиланти в осуществлении связей сербских повстанцев с русским правительством. В начале сентября 1804 г. в Бухаресте находились сербские депутаты, направлявшиеся в Россию. Господарь помог русскому консулу оформить для них паспорта. 29 сентября (11 октября) в Петербург было доставлено прошение на имя Александра I об оказании помощи восставшим сербам. Русское правительство, следуя принципам своей

inslav

политики на Балканах, обещало сербской делегации поддержать перед Портой требования о предоставлении Сербии автономии в составе Османской империи. Петербургский двор рассчитывал склонить султана предоставить Сербии статус, аналогичный Дунайским княжествам при гарантии России и Австрии [12].

С этого времени появляется необходимость постоянных связей русского правительства с сербскими руководителями, регулярной и подробной информации о ходе восстания. Главным звеном в поддержании этих связей как для русских правящих кругов, так и для сербов становится Ипсиланти. В апреле 1805 г. генеральный консул России в Яссах И. Ф. Болкупов сообщал А. А. Чарторыйскому о создании надежной связи с сербами через Бухарест. Ипсиланти был связан с восставшими посредством своих и сербских нарочных, с петербургским двором — через русского консула в Бухаресте и генерального консула в Яссах, а также через русского посланника в Константинополе. Это позволяло валашскому господарю регулярно сообщать правящим кругам России подробную информацию о событиях в Сербии, о ходе восстания, о положении на Балканах.

Информация Ипсиланти была для русского правительства основным источником сведений о состоянии дел в Сербии, о чем свидетельствует, в частности, донесение Л. Г. Кирико от 25 сентября (7 октября) 1805 г. И. Ф. Болкунову в Яссы, в котором консул в Бухаресте подчеркивает значение связей с валашским господарем в получении сведений из Сербии [13].

Сербским военачальникам связь с Ипсиланти давала возможность быть в курсе предпринимаемых Портой акций против восставших, ее намерений, планов великих держав. Важное значение для руководителей восстания имело посредничество валашского господаря в урегулировании отношений с Портой.

Одновременно с подготовкой и вооружением повстанческих отрядов зимой и весной 1805 г. Карагеоргий и другие сербские вожди не прекращали попыток мирных переговоров с турецким правительством, надеясь на то, что поддержка Россией требований восставших заставит султана пойти на уступки. Весной и летом 1805 г. сербские военачальники неоднократно обращались к Ипсиланти с просьбой о посредничестве в переговорах с Портой, о содействии сербским депутатам в Константинополе. Сербская депутация, направлявшаяся в Константинополь с прошением к султану, в мае прибыла в Бухарест, где была принята валашским господарем, который оказал им практическую помощь в организации поездки. Через своих агентов в Константинополе Ипсиланти всячески поддерживал сербских представителей на переговорах с султаном. В мае 1805 г. Л. Г. Кирико писал А. Я. Италинскому, что Ипсиланти «не упустил ничего, дабы продвинуть и тайно облегчить их (сербских депутатов на переговорах в Константинополе.— *Л. С.*) дело».

Однако безрезультатность переговоров с Портой показала, что только решительные военные действия и освобождение всего Белградского пашалыка от турецкой власти смогут заставить султана пойти на соглашение с сербами. Решающим фактором должен был

inslav

стать захват восставшими Белграда. В таком плане перспективу освободительного движения в Сербии рассматривали и русские правящие круги[14].

Исходя из этого, русское правительство оказывало сербским повстанцам не только действенную дипломатическую поддержку, но тайно посылало им материальную помощь, пользуясь и здесь посредничеством Ипсиланти. Так, А. А. Чарторыйский, сообщая И. Ф. Болкунову 17(29) декабря 1804 г. о посылке 3 тыс. голландских червонных для передачи Карагеоргию на военные нужды, предлагал в случае необходимости воспользоваться услугами валашского господаря. В феврале 1805 г. деньги были пересланы сербам через доверенных лиц Ипсиланти. Русское консульство в княжествах в марте 1806 г. вновь прибегло к помощи Ипсиланти для передачи денег сербским повстанцам[15].

Сам Ипсиланти также тайно помогал сербам. Информируя А. Я. Италинского 4(16) мая 1804 г. о ходе сербского восстания, о нехватке у повстанцев боеприпасов, он сообщал о посылке им по просьбе коменданта Орсовы пороха и свинца. Судя по данным источников, иногда валашский господарь помогал сербам и деньгами. Так, прибывший в августе 1805 г. в Бухарест по пути из Константинополя Стефан Живкович просил Ипсиланти о денежной помощи. В июле 1806 г. сербские нарочные были на приеме у Ипсиланти и получили от него деньги. Имеются свидетельства о том, что в канун русско-турецкой войны 1806—1812 гг. валашский господарь, вдохновляя восставших, посылал им деньги, оружие и продовольствие[16].

В этот период Ипсиланти стал проявлять особую активность. В феврале — марте 1806 г. он подробно сообщал А. А. Чарторыйскому о военных планах Порты, о развертывании военных операций румелийского и боснийского пашей против восставших сербов, о положении дел в Сербии, о действиях повстанцев. Сербов валашский господарь предупреждал о турецких военных приготовлениях. Через чиновника русского консульства Волкова, бывшего в Бухаресте, он ходатайствовал об оказании сербам военной помощи и выражал готовность в случае вступления русских войск на территорию княжеств снабжать их необходимыми припасами.

Серьезное внимание Ипсиланти уделял созданию военных сил княжества. Он увеличил численность постоянного господарского и наемного корпусов, организовал корпус пандур *. Господарь формировал специальный отряд, командование которым он предполагал передать русскому офицеру. 26 февраля (10 марта) 1806 г. И. Ф. Болкунов писал А. А. Чарторыйскому: «Князь Ипсиланти через господина Кирика вновь ныне повторяет просьбу свою о снабжении его военным обер- или унтерофицером, которому бы можно было вверить команду над собираемым им казачьим лейб-корпусом, назначенным для охранения особы его светлости, который уже простирается за 60 человек из российской нации и к умножению коего ожидаются еще с некоторых сторон тако[го] ж сорта люди»[17].

* Пандуры — солдаты-пехотинцы.

inslav

На основании сведений, доставленных из Бухареста Волковым, И. Ф. Болкунов сообщал из Яссы 4(16) марта 1806 г. А. А. Чарторыйскому: «Князь Ипсиланти составил уже по сие время при своей особе корпус до 1500 человек, собранных из разных христианских мужественных народов, к коим и еще беспрестанно пристают новые и кои немедленно присоединятся в помянутом случае (вступления русских войск на территорию княжеств.— *Л. С.*) с частию имеющейся артиллерии к российскому войску» [18].

Учитывая складывающуюся в 1806 г. международную обстановку, Ипсиланти считал необходимым информировать русское правительство не только о своих военных приготовлениях, но и о положении дел на Балканах. В письме А. А. Чарторыйскому от 3(15) апреля 1806 г. он подробно анализировал события в Сербии, действия восставших, подчеркивал, что все балканские народы в своем освобождении от власти султана ждут помощи России [19].

После разгрома третьей антинаполеоновской коалиции под Аустерлицем в декабре 1805 г. усилилось влияние Наполеона не только в Европе, но и на Ближнем Востоке. В Константинополь прибыл новый французский посол Ф. Себастиани, перед которым была поставлена задача добиться союза с Турцией против России. Остановившись в Бухаресте по пути в Константинополь, он имел встречи с Ипсиланти. Будучи обеспокоен усилением влияния Франции на Балканах, Ипсиланти подробно информировал А. А. Чарторыйского о содержании своих бесед с Себастиани. Валашский господарь сообщал о намерениях Франции участвовать в урегулировании сербского вопроса, о попытках Себастиани склонить его на свою сторону и использовать для посредничества в примирении восставших сербов с Портой [20].

Тайные связи Ипсиланти с русским правительством и сербскими повстанцами, а также военные приготовления валашского господаря не могли долгое время оставаться незамеченными Портой. Предвидя возможность лишения Ипсиланти престола, русские правящие круги заранее принимали меры к обеспечению его безопасности и отъезда в Россию. Еще в январе 1806 г. А. А. Чарторыйский направил И. Ф. Болкунову секретное распоряжение о выдаче Ипсиланти и его семейству паспортов в случае, если ему придется оставить Валахию и выехать в пределы России или Австрии. Господарь также вел тайные приготовления к возможному отъезду. В феврале 1806 г. он переправил в Петербург деньги на имя А. А. Чарторыйского, который поместил их на отдельный счет в банке [21].

Узнав о решении Порты сместить Ипсиланти с валашского престола, А. Я. Италинский 11(23) августа 1806 г. предупредил об этом господаря. В ноте турецкого правительства Александру I от 14(26) августа Ипсиланти обвинялся во враждебном отношении к Турции и даже в «измене», выразившейся якобы в подстрекательстве сербов к восстанию и оказании им помощи [22].

В конце августа 1806 г. Ипсиланти вынужден был оставить Валахию и переселиться в Россию, рассчитывая при благоприятном стечении обстоятельств вернуться в Дунайские княжества. Он обра-

inslav

тился к русскому правительству с предложениями, из которых главным являлось немедленное вступление русских войск на территорию Молдавского и Валашского княжеств, чтобы не допустить преобладания Франции на Балканах. Среди других предложений бывшего господаря обращает на себя внимание мнение о необходимости оказания военной помощи восставшим сербам, создания военных сил княжеств, а также объединения Дунайских княжеств под властью Ипсиланти, который мог бы координировать свои действия с планами русского командования [23].

Русское правительство потребовало у Порты восстановления Ипсиланти и Морузи в должности господарей в Валашском и Молдавском княжествах. Хотя турецкое правительство и удовлетворило эти требования, но, подстрекаемое Францией, продолжало враждебные России действия. В соответствии с распоряжением Александра I русская армия под командованием И. И. Михельсона в ноябре 1806 г. вступила на территорию княжеств. 15 января 1807 г. Порта официально объявила войну России.

Вместе с русскими войсками в декабре 1806 г. Ипсиланти вернулся в Бухарест. Поручив ему также и управление делами в Молдавском княжестве ввиду самоотстранения Александра Морузи от власти, русское правительство рассчитывало на помощь Ипсиланти в снабжении армии продовольствием, в формировании добровольческих частей, на его «советы», которые могли быть полезными для русского командования. На Ипсиланти возлагались надежды и в вопросах взаимодействия с сербскими повстанцами. В начавшейся войне Ипсиланти видел реальную возможность оказания Россией всесторонней военной помощи восставшим сербам, связывая с исходом их борьбы перспективы освобождения от власти султана других балканских народов [24], он старался всеми способами содействовать в этом русскому командованию.

В условиях войны с Турцией русское правительство ставило задачу открытой военной поддержки восстания в Сербии. Главнокомандующий Дунайской армией И. И. Михельсон предложил Карагеоргию скоординировать действия восставших против султанских войск с планами русского командования и установить постоянную связь. Исходя из того что главным для сербов после овладения Белградом является захват Видина, Михельсон считал необходимым объединить усилия в районе Крайовы, куда просил Карагеоргия переправить 4 тыс. или 5 тыс. войска. Эти предложения отвечали намерениям сербских вождей. 9 декабря 1806 г. Карагеоргий, выражая И. Ф. Болкунову благодарность за денежную помощь, сообщал о захвате восставшими Белграда 30 ноября и готовности к совместным действиям с русской армией. Сербский руководитель сосредоточил часть своих военных сил для захвата пограничной крепости Шабац, отдельный отряд занял позиции со стороны Боснии, а отряд под командованием Миленко Стойковича закрепился на границах Видинского пашалыка, захват которого должен был обеспечить повстанцам связь с русскими войсками [25].

inslav

Овладев в начале 1807 г. Шабацем, последней турецкой крепостью в Сербии, восставшие окончательно разорвали отношения с Портой. Созванная Карагеоргием скупщина приняла решение продолжать войну в союзе с Россией. Для связи с русской армией в апреле 1807 г. в Бухарест прибыли три полномочных депутата от сербского Правительствующего совета, которые просили русское командование о помощи оружием, боеприпасами и о присылке чиновника для председательства в совете и управления делами, а также нескольких офицеров для обучения войск военному искусству. С целью координации действий восставших с планами русского командования и с просьбой о военном снаряжении в мае 1807 г. в Бухаресте снова были сербские представители. «Деньги, оружие, амуниция и искусные воины суть наши первыя надобности»,— писал Карагеоргий Михельсону 18 июня 1807 г. В июле того же года сербский предводитель послал своего полномочного в Бухарест с просьбой о материальной помощи восставшим. По распоряжению Александра I в Сербию был направлен действительный статский советник К. К. Родофиникин, с которым было отправлено 100 тыс. пиастров для покупки военного снаряжения [26].

Встречи сербских посланцев в Бухаресте с представителями русского командования происходили не без содействия Ипсиланти. Господарь помогал в случае необходимости русскому командованию в снабжении восставших деньгами и провиантом. Такая помощь была оказана, в частности, сербскому отряду Миленко Стойковича, испытывавшему острую нужду в продовольствии. И. И. Михельсон писал 25 января (6 февраля) 1807 г. министру иностранных дел А. Я. Будбергу о том, что обещал сербам снабдить продовольствием отряд Миленко и послать 5 тыс. червонных, которые будут взяты у Ипсиланти. В соответствии с указанием Александра I А. Я. Будберг поручил И. И. Михельсону отпустить деньги на нужды сербов за счет императорской казны, и если 5 тыс. червонных уже взяты у Ипсиланти, то вернуть ему их. Продовольствие же для отряда Миленко Стойковича предлагалось поставлять из Валахии. Будберг советовал Михельсону по всем этим вопросам договориться с Ипсиланти. В мае 1807 г. русское командование передало сербским депутатам 50 тыс. пиастров [27].

Для оказания военной помощи сербским повстанцам большое значение имели военные действия частей генерала И. И. Исаева, перед которым русское командование весной 1807 г. поставило задачу изгнать султанские войска из Олтении (Малой Валахии) и образовать единый фронт с сербами. В составе соединений И. И. Исаева вместе с русскими войсками сражались валашские добровольческие отряды, сформированные Ипсиланти.

В ходе военных операций на территории Дунайских княжеств русское правительство придавало важное значение формированию и действиям отрядов волонтеров. С заданием организовать добровольческие части в княжества были направлены представители русского командования. Значительная роль в этом деле отводилась также Ипсиланти. Сосредоточив в своих руках управление двумя

inslav

княжествами, он активно содействовал усилиям русского командования по созданию добровольческих соединений. Общее число волонтеров, набранных в Дунайских княжествах и участвовавших в операциях русских войск на первом этапе войны (1806 — август 1807 г.), достигло приблизительно 20 тыс.

В числе соединений И. И. Исаева в Олтении действовали отряды валашских пандур, составивших основную массу добровольцев в Валахии, а также отряды арнаутов *, Одним из отрядов пандур командовал будущий вождь революционного движения в Валахии в 1821 г. Тудор Владимиреску, храбрость и героизм которого, проявленные в ряде военных операций, не раз отмечались русским командованием. Среди частей Исаева находились и отряды волонтеров корпуса под командованием майора русской службы грека Николая Пангало. Этот волонтерский корпус, сформированный из числа греческих переселенцев юга России и пополнившийся в ходе начавшейся войны за счет добровольцев из балканских стран, поступил на службу к Ипсиланти в апреле 1807 г. В рядах его сражались молдаване, валахи, греки, русские, сербы, болгары. Среди созданных Ипсиланти в Валахии волонтерских формирований необходимо отметить полк солдат из сербских переселенцев, носивший название полка Карагеоргия [28].

Ипсиланти оказывал русскому командованию и материальную поддержку в содержании и снабжении волонтерских отрядов. В этой связи представляются чрезвычайно интересными сохранившиеся в советских архивах свидетельства о его помощи в снаряжении сербского гусарского полка под командованием полковника М. Милорадовича. 29 марта 1807 г. Милорадович доносил И. Михельсону о получении от Ипсиланти патронов и 1565 левов, предназначенных на жалованье, приобретение обмундирования и оружия [29].

В апреле 1807 г. части Исаева выступили из Крайовы и, перейдя р. Олт, предприняли действия, направленные на отвлечение турецких сил от Видина с целью облегчить положение сербских войск в низовьях Дуная. Установив связь с Миленко Стойковичем, Исаев развернул в мае 1807 г. операции, в результате которых его соединения переправились через Дунай на территорию Сербии и встретились с сербскими отрядами при Неготине. Объединенные силы нанесли 19 мая поражение войскам видинского Муллы-паши при селении Малайница на р. Штубик и перешли в наступление. Паша был вынужден с большими потерями отступить к Видину. Участие валашских отрядов в этих операциях под командованием Исаева дало Ипсиланти основание писать впоследствии о своей военной помощи восставшим сербам [30].

Рассматривая отношение Ипсиланти к Первому сербскому восстанию, его связи с восставшими, следует отметить, что политика, проводившаяся им, поддерживалась определенной группой бояр и

* Арнауты в Дунайских княжествах — наемные воины господарского корпуса. В период русско-турецких войн XVIII—XIX вв. так назывались добровольцы из числа других балканских народов.

inslav

духовенства, сторонников господаря. По свидетельствам французского консула в Бухаресте, валашские бояре с удовлетворением следили за действиями сербских повстанцев. 24 сентября 1804 г. консул сообщал Талейрану о поездке валашского митрополита Досифея в Сербию и о тайных его переговорах с руководителями восставших сербов [31].

Эти свидетельства подтверждаются фактами связей валашских бояр с сербскими руководителями, их посредничества в русско-сербских отношениях в период временного оставления Ипсиланти в августе 1806 г. господарского престола в Валахии и после окончательного его переселения в Россию. Когда в сентябре 1806 г. Александр I распорядился отправить в помощь сербам 13 тыс. червонцев, Ипсиланти не было в Валахии. Пересылке этих денег в Сербию содействовали прорусски настроенные бояре княжества. Через И. И. Михельсона деньги были переправлены И. Ф Болкунову в Яссы, который 7(19) ноября 1806 г. сообщал А. Я. Будбергу о состоявшейся в Бухаресте тайной передаче определенной суммы из этих денег доверенному человеку Карагеоргия [32].

Интересные данные о сочувствии и помощи представителей правящего валашского боярства и духовенства восставшим сербам содержатся в письме Карагеоргия от 1 апреля 1809 г., которое, судя по обращению, было адресовано валашскому митрополиту. Письмо написано в период, когда в результате возобновления русско-турецких военных действий османским силам удалось нанести с юга и востока тяжелые удары сербским отрядам и создать угрозу Смедереву и Белграду. В этих трудных условиях Карагеоргий обращается за материальной помощью к валашским боярам и духовенству. Очевидно, сербский вождь основывался при этом на ранее оказанной поддержке и помощи отдельных валашских бояр и духовных лиц восставшим сербам. Примечательно, что Карагеоргий в указанном письме называет фамилии девяти великих бояр княжества, к которым он обратился за помощью и которых, как он пишет, «благородная ревность за освобождение християнства и особита к нам любовь дают нам надежду, что они под управлением вашего высокопреосвященства скорим временем какую-нибудь милостыню собрать будут, которую мы из милости ваших рук вашего высокопреосвященства получить уповаем» [33].

Очевидно, митрополит и группа великих бояр Валахии, к которым обратился руководитель сербских повстанцев, пользовались таким влиянием в княжестве, что уже летом того же 1809 г. было принято постановление дивана об оказании денежной помощи Карагеоргию [34].

По-видимому, сочувствием определенной правящей группы валашского боярства к восставшим против султанского владычества сербам надо объяснить и тот факт, что при запрещении в 1808 г. вывоза соли из Валахии делалось исключение для Сербии, куда в том году было отпущено 2 млн. ока соли. В трудное для Сербии время 1809 г. сербские беженцы находили убежище в Валахии, и прежде всего в Олтении. Одной из форм помощи сербам был вы-

inslav

куп у турок сербских пленных и поселение их в Валахии. Источники говорят о наличии на территории Дунайских княжеств в начале XIX в. значительного числа сербских переселенцев. Часть из них осела в княжествах после роспуска волонтерских отрядов, в частности корпуса Пангало, который распался в 1808 г.[35]

Все эти, хотя и немногочисленные, данные свидетельствуют о позиции правящих слоев княжеств по отношению к восстанию в Сербии. Несомненно, что поддержка частью валашских бояр и духовенства политики Ипсиланти благоприятствовала его взаимоотношениям с Россией и восставшими сербами. Разумеется, в княжестве существовала и партия бояр, противников господаря, позиции которой усилились к лету 1807 г. в связи с изменением международной обстановки в результате заключения Тильзитского мира. Последовавшее после Тильзита русско-турецкое перемирие в Слободзее (12(24 августа) 1807 г.) предусматривало вывод русских войск из Дунайских княжеств. В этих условиях Ипсиланти теперь уже навсегда должен был покинуть княжества и переселиться в Россию.

Приведенные материалы о валашско-сербских отношениях в период Первого сербского восстания позволяют со всей определенностью говорить о существовании тесных связей между сербскими повстанцами и Константином Ипсиланти, которого поддерживала определенная часть бояр и духовенства, сторонников господаря. Несмотря на личную заинтересованность Ипсиланти в отношениях с сербами, объективно его помощь и посредничество во взаимоотношениях восставших с Россией и Портой имели большое значение для освободительной борьбы сербского народа. В то же время связи валашского господаря с сербскими повстанцами были важным фактором в осуществлении русской политики в отношении восстания в Сербии.

[1] *Panaitescu P.* Corespondenţa lui Constantin Ipsilanti cu guvernul rusesc, 1806—1810. Buc., 1933; *Iorga N.* Constantin—Vodă Ipsilanti şi revoluţia sârbească.— Revista istorică, 1921, VII, N 4—6; *Nistor I.* Relaţiile principilor Caragheorghe şi Miloş Obrenovici cu Ţara Românească.— Analele Academiei Române, memoriile secţiunii istorice, 1945, t. XXVII.

[2] Внешняя политика России XIX — начала XX века: Документы российского министерства иностранных дел. М., 1960—1963, Серия первая, т. 1—3 (далее — ВПР); Documente privind istoria Romîniei. Colecţia E. de Hurmuzaki. Buc., 1974. Seria nouă. IV. Rapoarte diplomatice ruse (1797—1806) (далее — DRn).

[3] Об этом валашский господарь сообщал русскому посланнику в Константинополе А. Я. Италинскому в письме от 7(19) марта 1804 г.— Архив внешней политики России (далее — АВПР), ф. Посольство в Константинополе, 1804, д. 35, л. 16—17.

[4] *Panaitescu P.* Corespondenţa..., p. 16—17.

[5] ВПР, т. 2, с. 91; В исторической литературе существует мнение об обращении руководителей восставших сербов к А. Я. Италинскому через константинопольского патриарха. См.: *Nistor I.* Relaţiile..., p. 326.

[6] Первое сербское восстание 1804—1813 гг. и Россия. М., 1980, кн. 1, с. 50—51, 53.

[7] Восточный вопрос во внешней политике России, конец XVIII — начало XX в. М., 1978, с. 56—57; *Достян И. С.* Россия и балканский вопрос. М., 1972, с. 42—62; *Гросул Г. С.* Дунайские княжества в политике России

inslav

1774—1806. Кишинев, 1975, с. 154—155; ВПР, т. 1, с. 58—59, 254—255, 287—288; т. 2, с. 589—594.

[8] ВПР, т. 1, с. 322—323, 433, 529—530.

[9] ВПР, т. 2, с. 249.

[10] См. письмо К. Ипсиланти А. А. Чарторыйскому от 31 января 1806 г.: *Gopčević Sp.* Russland und Serbien von 1804—1915. München, 1916, S. 30; *Panaitescu P.* Corespondenţa..., p. 18; *Nistor I.* Relaţiile..., p. 328.

[11] *Rosetti R.* Arhiva senatorilor din Chişinău.— Analele Academiei Române, mem. secţ. ist., 1909, t. XXXI, p. 515.

[12] Первое сербское восстание..., с. 248—249; ВПР, т. 1, с. 666; *Достян И. С.* Россия..., с. 50—52; *Попов Н. А.* Россия и Сербия. М., 1869, ч. 1, с. 31.

[13] АВПР, ф. Консульство в Яссах, 1805 г., д. 104, л. 72—73 об.; д. 122, л. 42 и об.

[14] Там же, ф. Главный архив, I-9, 1804—1806 гг., д. 5, ч. 1, п. 6, л. 34—36 об.; ф. Посольство в Константинополе, 1805 г., д. 863, л. 152—153; *Попов Н. А.* Россия и Сербия, с. 36; *Достян И. С.* Борьба сербского народа против турецкого ига, XV — начало XIX в. М., 1958, с. 163—164.

[15] ВПР, т. 2, с. 249—250; АВПР, ф. Главный архив, I-9, 1804—1806 гг., д. 5, п. 3 л,. 1—3. 10—11, 16—18.

[16] АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 2241, л. 752; ф. Посольство в Константинополе, д. 1391, л. 17—18; ф. Главный архив, I-9, 1804—1806 гг., д. 5, п. 6, л. 4 об.; см. также: *Iorga N.* Documente Callimachi. Buc., 1902, v. I, p. 6; *Jakchitsch G.* L'Europe et la résurrection de la Serbie. P., 1917.

[17] *Богишич В.* Разбор сочинения Н А. Попова «Россия и Сербия». СПб., 1872, с. 40—41, 44—45.

[18] *Oţetea A.* Tudor Vladimirescu şi mişcarea eteristă in ţările romîneşti, 1821—1822. Buc., 1945, p. 96; *Berindei D.* L'année revolutionnaire dans les pays roumains. Buc., 1973, p. 47; DRn, p. 608, 612—613.

[19] *Богишич В.* Разбор..., с. 46.

[20] Там же, с. 50—60; *Петров А.* Война России с Турцией, 1806—1812. СПб., 1885, т. 1, с. 34—39.

[21] *Vianu A.* Din corespondenţa lui Constantin Ipsilanti cu Rusia (1806).— Romanoslavica, 1964, X, p. 468—469; *Panaitescu P.* Corespondenţa..., p. 27—28.

[22] ВПР, т. 3, с. 702—704.

[23] *Panaitescu P.* Corespondenţa..., p. 30—36, 40—41; *Богишич В.* Разбор..., с. 47—50.

[24] ВПР, т. 3, с. 341—342; 402—403; *Петров А. Н.* Война..., с. 380—381; *Gopčević Sp.* Russland..., S. 39; *Iorga N.* Constantin-Vodă Ipsilanti..., p. 142.

[25] ВПР, т. 3, с. 478—479, 734—735, примеч. 336.

[26] *Дубровин Н.* Сербский вопрос в царствование императора Александра I.— Русский вестник, 1863, т. XLVI, с. 116—117, 119; Приложение А, с. 558; Приложение С, с. 559—560; *Panaitescu P.* Corespondenţa..., p. 18; Documente privitoare la istoria romînilor. De Hurmuzaki E. (далее — DR). Cernăuţi, 1938, v. XIX/2, p. 442.

[27] Dionisie Eclesiarhul.— In: Tezaur de monumente istorice. Buc., 1863, v. II, p. 23; ВПР. т. 3, с. 511, 594, 734—735, прим. 336.

[28] ВПР, т. 3. с. 390—391, 402—403; *Петров А. Н.* Война..., с. 391—392; *Гросул Г. С., Данилєнко Р. В.* К вопросу об участии волонтеров из Дунайских княжеств в русско-турецкой войне 1806—1812 гг.— Изв. Молд. фил. АН СССР. 1961, № 2, с. 7, 11; Documente privind istoria Romîniei. Răscoala din 1821. Buc., 1959, v. I, p. 40—43, 45—51, 141—143; *Şerban C.* Date cu privire la corpul ostaşesc de sub comanda maiorului Pangal (1807—1808).— Studii. Revistă de istorie, 1958, N 2; *Vîrtosu E.* Despre corpul de voluntari eleni creat în Bucureşti in 1807.— Studii şi materiale de istorie medie, 1963, V; *Bezviconi Gh.* Contribuţii la istoria relaţiilor romîno-ruse. Buc., 1962, p. 189; *Berindei D.* L'année revolutionnaire..., p. 49.

[29] Центральный государственный военно-исторический архив (далее — ЦГВИА), ф. 14209, оп. 5/165, св. 23, д. 35, л. 25, 26.

[30] *Panaitescu P.* Corespondenţa..., p. 100—101.

[31] DR, Buc., 1912, XVI, p. 660—661, 669, 705.

[32] Ист. архив, 1960, № 1, с. 119; ВПР, т. 3, с. 333, 373.

inslav

[33] Копия письма находится в отделе рукописей Библиотеки Академии СРР (ДССХII, 38). Письмо до сих пор не публиковалось. Ссылка на него: *Bezviconi Gh.* Contribuţii..., p. 189.
[34] ЦГВИА, ф. 14209, оп. 10/170, св. 3, д. 30, л. 19.
[35] *Халиппа И.* Описание архива сенаторов, председательствовавших в диванах княжеств Молдавии и Валахии с 1808 по 1813 г.— Тр. Бессарабской губернской ученой архивной комиссии. Кишинев, 1900, т. 1, с. 364, № 70; с. 365, № 77; с. 369—370, № 89; 1902, т. 2, с. 379, № 220; *Iorga N.* Izvoarele contemporane asupra mişcării lui Tudor Vladimirescu. Buc., 1921, p. 267—268.

Балканские проблемы в русской общественной мысли (конец XVIII — первая четверть XIX в.)

И. С. ДОСТЯН

Расширение общественно-политических связей между Россией и балканскими народами, находившимися под властью Османской империи, наблюдалось с конца XVII — начала XVIII в., со времени правления Петра I. В последних десятилетиях XVIII в. в русско-балканских контактах наметились существенные сдвиги. Это было следствием важнейших перемен во всем комплексе общественно-экономических и идеологических основ европейской жизни, а также появления в международных отношениях Европы так называемого Восточного вопроса. В области развития русско-балканских общественно-политических и идеологических связей обнаружились черты, нашедшие продолжение в следующем столетии.

Известно, что общественно-политические контакты с Россией сыграли большую роль в историческом развитии народов Юго-Восточной Европы в XIX в. Но они имели также значение для самой России, накладывая отпечаток на ее общественную и идейную жизнь. Это особенно стало заметным во второй половине XIX в., когда балканские события получили большой отклик среди широких слоев населения России. Но документальные материалы, публицистика того времени, мемуарная литература позволяют установить, что русская общественность — дворянская интеллигенция по преимуществу — проявляла интерес к народам, находившимся под властью Османской империи, к их национально-освободительному движению уже в последних десятилетиях XVIII и первой четверти XIX в. В образованных кругах шел процесс узнавания этих народов, их исторического прошлого и современного положения. Уже тогда формировался самостоятельный подход российской общественности к задачам политики и конкретным акциям царского правительства в отношении Турции и ее подданных, к Восточному вопросу в целом [1].

inslav

Сербская национально-освободительная революция 1804—1813 гг. и особенно греческая революция, начавшаяся в 1821 г., были теми событиями балканской жизни, которые нашли горячий отклик в России. Привлекали внимание и героическая борьба маленького черногорского народа за свою государственную самостоятельность, упорное стремление греков-ионийцев продлить жизнь своей полусамостоятельной республики, участие болгар, сербов, албанцев, молдаван и валахов в войнах с Османской империей на стороне России.

В XVIII—XIX вв. сохраняла полную силу христианская доктрина о взаимопомощи единоверцев-христиан, из которой вытекало убеждение о мессианской роли России по отношению к православным народам, находившимся под властью османов-мусульман. Но в то же время под воздействием процесса формирования наций и национальных культур распространялись представления об этническом и языковом родстве славян. Эти идеологические постулаты выступали не только как обоснование внешнеполитических задач и акций царизма, но стимулировали возникновение таких явлений, как эллинофильство * и идеи славянского единства. Последние были обращены в первую очередь к балканским славянам, в большинстве своем православного вероисповедания. Единоверие и «единоплеменность» с народами России, конечно, были прочно закреплены в сознании балканских подданных султана, порождая провиденциальный оптимизм, надежду на получение помощи извне в деле национального освобождения.

Таким образом, идеологические факторы неизменно влияли на общественно-политические связи и весь комплекс международных отношений в Юго-Восточной Европе.

При исследовании таких присущих русской общественной мысли явлений, как эллинофильство и идеи славянского единства, необходимо учитывать их связь с общеевропейскими идеологическими процессами, а также специфику их проявления в российских условиях. Идеалы Просвещения, классицизм как ведущее направление в литературе и искусстве привели к распространению в среде интеллигенции культа Древней Греции и Древнего Рима. Античность, почти забытая в средние века, стала предметом страстного преклонения. Поэтому образованные люди XVIII столетия в современных им греках видели потомков древнего талантливого народа. Но если для просвещенного англичанина или француза историческое право греков основывалось на существовании Древней Эллады, то для русского были ценны и воспоминания о связях Руси с Византией, о роли византийского наследия в становлении самобытной русской культуры. Византийская империя в пору ее расцвета рисовалась как символ былого величия православия, восстановить которое могла только Россия. Эллинофильские настроения в русском обществе имели различные социально-политические проявления, их содержание меня-

* Под этим термином мы понимаем общую симпатию к грекам, сочувствие их освободительной борьбе в отличие от термина «филэллинизм», имеющего в виду непосредственное участие иностранцев в греческой национально-освободительной революции 1820-х годов.

inslav

лось с течением времени. Так, в период правления Екатерины II они имели преимущественно элитарный характер, были распространены при дворе, но именно в то время нашли яркое выражение в так называемом греческом проекте с его подчеркнутой фаворитизацией греков при забвении интересов других балканских народов[2]. В. К. Тредьяковский, М. В. Ломоносов, А. П. Сумароков, М. М. Херасков, Г. Р. Державин воспевали успехи России в войнах с Турцией, предрекая «матушке-императрице» завоевание Царьграда и восстановление Греческого царства[3]. Позднее, в период греческой революции, эллинофильство заметно изменило свое содержание, стало гораздо более широким и демократичным идеологическим явлением, выражалось в оказании практической помощи греческим повстанцам, а иногда и в попытках принять личное участие в их борьбе за свободу.

На появление в России идей славянского единства, являющихся прежде всего следствием проходившего процесса формирования наций и национальных культур[4], также влияли общеевропейские идеологические течения: предромантизм, появившийся в России в 1760—1770-е годы и подготовивший почву для создания русской самобытной культуры, а затем и романтизм. В сознание русских образованных людей все отчетливее входили идеи национальной свободы и национальной самобытности. С развитием исторических знаний большее значение придавалось историческому праву каждого народа, что способствовало национальному самоутверждению.

Сильное влияние на русскую общественную мысль в отношении балканских народов оказывали международная обстановка и внешнеполитические акции правительства. Немалую роль играли русско-турецкие войны времени правления Екатерины II и возникновение Восточного вопроса, а затем — во время наполеоновских войн — резкое обострение противоборства великих держав в Юго-Восточной Европе и Восточном Средиземноморье. Войны, ареной которых являлась территория Европейской Турции, создавали условия для непосредственного общения русских солдат, офицеров, дипломатических чиновников с балканским населением, что позволяло составить представление об условиях жизни этих народов, их национальных особенностях, об общественно-политических задачах, перед ними стоявших. Много делала в этом отношении и балканская эмиграция в Россию. Выходцы из Греции, Сербии, Болгарии, Албании, Дунайских княжеств способствовали развитию интереса к своим народам, сохраняли патриотические чувства, что нередко сказывалось в их деятельности на новой родине.

Существенные сдвиги в содержании и формах общественных и культурных связей между Россией и балканскими народами наметились в конце XVIII — начале XIX в. под воздействием перемен в общественно-политической и идеологической жизни Европы, являвшихся последствием Великой французской революции. Представления о правах человека и целых народов, идеи национальной свободы и самобытности теперь быстрее и глубже входили в общественное сознание. Наполеоновские войны разрушали замкнутость и изолиро-

inslav

ванность европейских регионов, быстро расширяли непосредственное общение различных европейских народов.

Великая французская революция, найдя отзвук у некоторых греческих деятелей (например, у Ригаса Велестинлиса), не оказала прямого и немедленного влияния на население европейских провинций Турции. Но и на Балканах происходили важные общественно-экономические сдвиги: начались разложение феодальных отношений и развитие в некоторых областях капиталистического уклада. Освободительное движение народов, находившихся под властью Османской империи, не только расширилось, но и приобрело новые качества. Сербское восстание открыло эпоху массовой революционной борьбы за национальную независимость и восстановление самостоятельной государственности порабощенных народов. В России при росте общественной активности, внимания дворянской интеллигенции к внешнеполитическим проблемам события, происходившие в турецких владениях, не могли оставаться незамеченными.

Важным источником, позволяющим судить об особенностях и эволюции представлений российского общества о балканских народах, отношении к событиям, разворачивающимся в Европейской Турции на протяжении конца XVIII и первой четверти XIX в., является общественно-политическая литература и периодика этого времени.

В XVIII в., особенно в последней его трети, в России было издано значительное количество книг и статей, так или иначе затрагивающих балканскую тему, и русские читатели имели возможность получить элементарные сведения о балканских народах, их национальных особенностях, условиях жизни и т. д. Уже существовал определенный уровень таких знаний, наметилась специфика представлений о балканских народах, что в сочетании с конкретной внешнеполитической ситуацией накладывало отпечаток на взгляды по балканской проблеме некоторых русских мыслителей, общественных и культурных деятелей. С начала XIX в., в эпоху наполеоновских войн большую роль в распространении знаний о Балканах начала играть периодика, и в первую очередь журнал «Вестник Европы». Но информация, которая давалась в этой области, оставалась очень неполной, запоздалой, недостаточно достоверной, так как основывалась большей частью на сведениях иностранной прессы. Значительная часть публицистики по балканской тематике была переводной, однако стали появляться книги и статьи, написанные русскими по личным впечатлениям. В публицистике наполеоновских войн были сильно выражены антиосманские настроения, Турецкой империи предрекалось неминуемое падение в самом ближайшем будущем. Внимание уделялось задаче политической перестройки Юго-Восточной Европы, и в первую очередь перспективе возрождения Греции как независимого от Османской империи государства[5].

Среди мыслителей, общественно-политических и культурных деятелей конца XVIII в. и начала XIX в., проявивших интерес к народам, населяющим Юго-Восточную Европу, к общественно-политическим задачам, стоявшим перед ними, и к роли России в их осу-

inslav

ществлении, были люди, придерживавшиеся различных убеждений, знаменитые и почти неизвестные, такие, как выдающийся революционный мыслитель и писатель А. Н. Радищев, просветитель-демократ В. Ф. Малиновский, представитель придворного духовенства протоиерей А. А. Самборский, либерально настроенные юноши, близкие по взглядам к будущим декабристам А. С. Кайсаров и А. И. Тургенев и ряд других. Отношение всех этих деятелей к балканским проблемам предопределялось особенностями общей системы их взглядов.

Так, А. Н. Радищев, интерес которого к балканским делам возник под впечатлением русско-турецких войн и отчасти благодаря увлечению древнегреческой историей, будучи противником завоевательных войн, выступал и против экспансионистской политики Екатерины II в Восточном вопросе. Но вместе с тем он был поборником национального освобождения греков и других балканских народов[6].

А. А. Самборский, не чуждый просветительских идей, но проникнутый традиционными представлениями о мессианской роли России на Востоке, убежденный, что единственная православная великая держава обязана содействовать освобождению своих единоверцев, наоборот, выступал за активную политику в отношении Османской империи, за оказание практической помощи грекам, сербам и другим народам, находившимся под властью мусульманской Турции и католической Австрии. Он доказывал необходимость проводить такую внешнюю политику, которая повысила бы престиж России среди этих народов, и пытался тому лично содействовать[7].

Отношение В. Ф. Малиновского, человека передовых убеждений, к балканским проблемам основывалось на его своеобразных общественно-политических идеях. Мысль о необходимости коренных социальных преобразований, ликвидации классового и имущественного неравенства между людьми, об уничтожении войн и установлении на земле «вечного мира», новые для того времени идеи о праве каждого народа на государственное самоопределение — все это послужило базой для выдвижения Малиновским проекта коренного политического переустройства Европы, создания новых национальных государств и объединения их в федеративные союзы. Составной частью этого грандиозного проекта выступала идея о федерации славянских народов и греческом федеративном государстве[8].

Некоторые черты идеологии такого своеобразного и противоречивого деятеля, как В. Н. Каразин, который в первые годы XIX в. придерживался умеренно либеральных убеждений, его идеи о необходимости реформирования государственного устройства России повлияли, по всей вероятности, на существо выдвинутого им проекта создания «Царства славян» — югославянского монархического государства на конституционной основе[9].

На рубеже XVIII и XIX столетий, а особенно ощутимо с 1804 г. международная обстановка в Европе, экспансия наполеоновской Франции, одним из направлений которой были балканские владения Турции и Австрии, стимулировали интерес российского общества (а также и царского правительства) к балканским народам как воз-

inslav

можным союзникам в войнах против Франции, а затем и Османской империи. В этих условиях религиозная и этническая общность российских славян с балканскими народами невольно приобретала значение сплачивающего фактора.

Только что обнаружившаяся угроза экспансионистской политики Бонапарта, как можно предположить, была замечена таким внимательным наблюдателем политических событий своего времени, как А. Н. Радищев. Осознание им значения совместных акций славян при защите от внешней угрозы, вероятно, отразилось на замысле и идейном содержании его последнего незаконченного произведения, над которым он работал в 1801 и начале 1802 г.,— «Песнях, петых на состязаниях в честь древним славянским божествам»[10]. План политической перестройки в Европе на основе национальной общности населения В. Ф. Малиновского, выдвинутый им в 1803 г. в трактате «Рассуждение о мире и войне», возник, скорее всего, не без влияния усложнившейся в это время международной ситуации. Последняя особенно сильно воздействовала на внешнеполитические идеи В. Н. Каразина, С. М. Броневского, А. Полева.

Эти деятели в своих проектах и предложениях, выдвигаемых перед правительственными кругами Петербурга в 1804—1812 гг., исходили из задач использования славянских и балканских народов как союзников в войнах с Османской империей и Францией. Но такая задача неизменно связывалась с другой, чрезвычайно важной для самих этих народов,— с их национальным освобождением. Поэтому, например, учитывались требования, которые выдвигали вожди сербских повстанцев. Каразин доказывал необходимость основания крупного югославянского государства, Броневский[11] и Полев[12] выдвигали планы создания федерации славянских народов как барьера против дальнейшего расширения империи Наполеона. Эти деятели в отличие от Малиновского, во всем следовавшего демократическим и гуманистическим принципам, как бы сочетали в своих внешнеполитических идеях оборонительные цели с более или менее сильно выраженными экспансионистскими тенденциями. Однако практического применения выдвигавшиеся предложения не получали. Исключением в этом отношении являлись проекты Полева, оказавшие влияние на разработку плана военных действий на балканском фронте в кампании 1812 г. (так называемая адриатическая экспедиция), в осуществлении которого он должен был принять и личное участие.

Появление идей политического единения и совместных акций на международной арене народов, имеющих этническую или религиозную общность, хотя и обуславливалось специфической обстановкой в Европе эпохи наполеоновских войн, свидетельствовало о росте значения национальных проблем в идеологической жизни России, отражало особенности формирования русского национального самосознания, включавшего понимание роли этнической и конфессиональной принадлежности. Благодаря успехам в изучении отечественной истории большое значение стало придаваться наличию тесных связей России со славянами и балканскими народами в прош-

inslav

лом, из чего делался вывод о необходимости их сближения и в настоящем.

Горячим приверженцем такого сближения в области культуры, совместной борьбы за общественно-экономический прогресс выступал А. С. Кайсаров в неизданном предисловии к словарю славянских наречий [13]. Его идеи о необходимости культурной взаимности славянских народов и активной роли в этом молодой русской интеллигенции возникли в результате путешествия вместе с А. И. Тургеневым по югославянским землям с целью изучения славянской филологии.

В 1815—1825 гг. значительно расширились знания о балканских народах в российских образованных кругах благодаря публицистической литературе, в которой давалось описание различных областей Юго-Восточной Европы. Теперь книги и статьи по этой тематике чаще составлялись русскими писателями и публицистами, побывавшими в европейских провинциях Османской империи, общавшимися с их населением. В этом отношении примечательны книги В. Б. Броневского и П. П. Свиньина, посвященные экспедиции российской эскадры под водительством адмирала Д. Н. Сенявина в Средиземное море, в которых содержалось достаточно подробное описание греков, черногорцев, сербов [14].

Знания и представления о балканских народах, характерные для рубежа первой и второй четверти XIX в., можно проследить по обширной статье А. М. Спиридова, опубликованной в 1825 г. в журнале «Северный архив» [15]. Она была посвящена «народам славянского племени, обитающим в европейской части Турецкой империи», но к этим народам он причислял не только болгар, сербов, черногорцев, босняков, герцеговинцев, хорватов, но и албанцев, молдаван и валахов. Доказательствами этнической общности всех этих народов служили сходство языков (правда, албанский язык был в это время мало кому известен), нравов и обычаев, т. е. этнографических характеристик, единство веры (подразумевалось, вероятно, христианство без различия его вероисповеданий). Спиридов подчеркивал высокие нравственные качества балканских народов, их важную историческую роль в прошлом. При всей наивности характеристик и стремлении увеличить число славянских народов причислением к ним народов неславянских (в частности, молдаван и валахов, что в 1820-х годах было распространенной ошибкой) статья в «Северном архиве» впервые давала русскому читателю целостное представление о народах балканского региона, находившихся под властью Османской империи.

В распространении знаний о Балканах немалое значение имело также изучение, которое велось по линии российского министерства иностранных дел и военных органов. В составлении описаний отдельных областей и районов, в написании истории русско-турецких войн, которое было предпринято в штабе Второй армии, участвовали некоторые известные русские деятели либеральных убеждений, будущие декабристы.

inslav

Революционные события в Дунайских княжествах и Греции начала 1820-х годов встретили небывало широкий общественный отклик в России. Об этом красноречиво свидетельствует публицистика, в которой интерес к грекам, их национальному возрождению доминировал. Несмотря на цензурные ограничения, не было, кажется, журнала, который бы разделял правительственную позицию, высказывая неодобрение и осуждение восставших [16].

Сочувствие народам, отстаивавшим свою национальную свободу, убеждение, что именно Россия должна оказать им действенную помощь, открыто или в завуалированной форме выражали многие и консервативные и либерально настроенные деятели, невзирая на резкое осуждение правительством Александра I восставших. Но при этом лояльно настроенные люди, близкие к петербургскому двору, доказывали, что борьба христианских народов против султанской власти не имеет ничего общего с революционными выступлениями других европейских народов против своих «законных» суверенов. Декабристы же и близкие к ним по убеждениям деятели считали, что восстания в Дунайских княжествах и Морее, к которым, как ожидалось, присоединятся сербы и болгары,— явления того же порядка, что революции в Пьемонте, Неаполе, Испании, что подготавливаемое выступление против российского самодержавия.

Оказание помощи грекам, обоснованное традиционными доводами — экономическими и политическими интересами России, являлось одним из главных требований декабристов в области внешней политики. Нерешительные акции Александра I в Восточном кризисе 1820-х годов служили поводом для критики всего режима, для осуждения консервативных принципов Священного союза.

Характерно, что делались попытки представить и оценить последствия, которые будет иметь тот или иной курс русской политики в балканском вопросе. Но мнения в этом отношении расходились. Некоторые из идеологов дворянских революционеров полагали, что предстоящая война с Османской империей может создать благоприятные условия для революционного переворота в России. Такой точки зрения придерживался, например, П. И. Пестель, проявлявший большую заинтересованность с успехе балканских повстанцев и вместе с кем-то из этеристов обдумывавший конкретный план политического переустройства Юго-Восточной Европы [17]. М. Ф. Орлов, знавший о предстоящем выступлении этеристов под предводительством А. Ипсиланти, рассчитывал, что военная помощь борющимся за свое освобождение от султанской власти народам будет благоприятствовать и делу освобождения России от оков самодержавия. В противоположность этому Н. И. Тургенев полагал, что война с Турцией не может способствовать осуществлению общественно-политических преобразований в России, отвлечет внимание от внутренних проблем, потребует от народа новых жертв. Прежде чем помогать грекам, по его мнению, следовало освободить от крепостничества русских крестьян [18].

Движение дворянских революционеров в России и национально-освободительные восстания балканских народов развивались в раз-

inslav

ных условиях, общественные силы, в них участвовавшие, и их задачи также были отличными. Сходными были, однако, средства борьбы — ее революционные методы. Именно это привлекало внимание будущих декабристов и близких к ним деятелей к ходу греческого восстания и разворачивающемуся в непосредственной близости от русской границы выступлению этеристов во главе с Александром Ипсиланти, побуждало серьезно анализировать причины поражения последнего. Эти балканские события были рассмотрены в записке С. И. Тургенева «Заметки о восстании греков в Оттоманской империи в 1821 г.»[19] и в труде под названием «Обозрение происшествий в Молдавии и Валахии в 1821 г. и соприкосновенных к оным обстоятельств»[20], который был составлен в штабе Второй армии при участии активного деятеля Союза благоденствия И. Г. Бурцова. В его заключениях относительно несостоятельности замысла этеристов осуществить революционные задачи без участия народа, об ошибочности тактики Ипсиланти и отсутствии у него высоких нравственных качеств, таланта военного руководителя можно усмотреть отзвуки серьезных идеологических разногласий, наметившихся в движении декабристов в 1820—1821 гг. и приведших к распаду Союза благоденствия[21]. Тот факт, что в 1821 г. балканские народы не использовали благоприятной ситуации и не присоединились в своей массе к греческим революционерам, также привлекал внимание российской общественности. Причины этого явления со знанием дела были освещены в упомянутой выше статье А. М. Спиридова.

Греческая национально-освободительная революция явилась первым балканским событием, которое сыграло существенную роль в международных отношениях не только Юго-Восточной, но и Европы в целом, привлекла общественное внимание к дальнейшей судьбе всех христианских народов, находившихся под властью турок. Среди таковых греки были наиболее развитым в экономическом и политическом отношении народом, они поднялись на тяжелую вооруженную борьбу за свою свободу. Все это породило предположения, что именно греки займут ведущее положение в будущем балканском государстве. Такой взгляд был присущ, например, Пестелю и свидетельствовал как о его эллинофильских настроениях, так и о недооценке значения демократического решения национальных вопросов в принципе. Эллинофильские тенденции получили распространение особенно в самом начале революционных акций греков, когда их ошибки и просчеты, внутренние разногласия, ослаблявшие силы повстанцев, еще не выявились.

Небольшая декабристская организация — Общество соединенных славян — внесла в русскую общественную мысль идею о совместной борьбе славянских народов за свое социальное и национальное освобождение. Южные славяне должны были также принять участие в этой борьбе и войти в состав Славянского союза — демократического по внутреннему устройству государства. Такого рода план объединения славянских народов имел внешнее сходство с предложениями, выдвигавшимися еще во время наполеоновских войн. Но преемствен-

inslav

ной связи между ними не обнаруживается: идея единения славянских народов порождалась спонтанно, в результате осознания наличия этнической общности российских славян с зарубежными славянскими народами [22]. Это неизбежно наводило на мысль о возможности сплочения сил для осуществления важных задач, требующих общих усилий. Русские деятели времени наполеоновских войн видели эти задачи в защите от внешней угрозы, в усилении военной мощи России. Руководители Общества соединенных славян единение своей этнической группы считали средством достижения социального равенства и национальных прав. Уже тогда в среде, далекой от декабризма (конкретно у М. П. Погодина [23]), стали появляться и химерические идеи о присоединении всех славянских земель к Российской империи, которая в результате этого достигла бы небывалого расширения и мощи.

Кроме идей единения славянских народов, в среде российской интеллигенции распространялись представления об общности между собой славянских народов. Притом, когда речь шла о южных славянах религиозной общности как сплачивающему фактору придавалось не меньшее, если не большее значение, чем общности этнической. Но эта последняя уже ясно осознавалась исходя из таких определителей, как язык, происхождение, этнографические особенности. Правда, представления о составных частях славянской общности еще не были точными и ясными. В соответствии с распространенными руссоистскими представлениями в литературных и публицистических произведениях нередко создавался идеализированный образ славянских и балканских народов, наделенных высокими нравственными качествами, более тесно связанных в давние времена между собой, чем в современности, утерявших свое былое величие ввиду национального порабощения. В этой связи обращалось внимание на народы и национальные группы, которые сумели сохранить патриархальные устои, присущие некогда всем славянам, нравственную чистоту. Примером в этом отношении обычно служили народы и национальные группы горных, отрезанных от внешнего мира областей Балканского полуострова.

Приведенные материалы заставляют усомниться в справедливости давно утвердившегося в литературе мнения, что в русской общественной мысли идеи славянского единства и единения появились значительно позже, чем у малых и национально угнетенных народов. Они имелись и получили некоторое распространение уже в первой четверти XIX в., войдя в политическую программу целой тайной революционной организации, хотя и небольшой по численности, а поэтому после поражения движения декабристов сделались известными достаточно широко. Несмотря на то что представления о южнославянской этнической группе еще не были достаточными — так, например, Соединенные славяне обошли молчанием болгар, но причисляли к славянским народам (в некоторых вариантах плана) молдаван и валахов,— балканские славяне благодаря религиозной общности с российскими славянами занимали значительное место в идеях славянского единения.

inslav

Но не меньшую роль в это время играли эллинофильские тенденции русской общественной мысли. Культ национальной греческой свободы, так же как и идеи славянской общности и славянского единения, отражал рост национального самосознания, становился средством для укрепления собственных национальных чувств, вводил в общественное сознание идею национальной свободы и самобытности.

Судьба этих двух черт русской общественной мысли была различной: эллинофильство вскоре сошло на нет, идеи славянского единения вошли в такие идеологические системы, как славянофильство и панславизм, став как бы их предысторией. Эта предыстория включала идеологические явления очень многообразные по своему происхождению и социальной направленности. Среди них определенное место занимали проблемы, касающиеся южнославянских и всех балканских народов, связанных с Россией этническим и языковым сходством, общими культурно-историческими традициями.

[1] *Достян И. С.* Русская общественная мысль и балканские народы. От Радищева до декабристов. М., 1980, с. 3—4.

[2] О «греческом проекте» см.: *Миллер А. Ф.* Мустафа паша Байрактар. М.; Л., 1947, с. 66—67; *Маркова О. П.* О происхождении так называемого греческого проекта.— История СССР, 1958, № 4; *Станиславская А. М.* Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья, 1798—1807. М., 1962, с. 51—56; *Достян И. С.* Россия и балканский вопрос. М., 1972, с. 36—42.

[3] *Первольф И. И.* Славяне, их взаимные отношения и связи. Варшава, 1888, т. 2, с. 411—412.

[4] *Дьяков В. А., Марков Д. Ф., Мыльников А. С.* Некоторые узловые методологические вопросы истории мировой славистики.— В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов: VIII международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1978, с. 474—475; *Фрейдзон В. И.* Представления и идеи славянской общности в первой половине XIX в.— ВИ, 1979, № 9.

[5] *Достян И. С.* Русская общественная мысль..., с. 16—23, 116—146.

[6] См.: *Радищев А. Н.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1938, т. 1, с. 254, 316—318, т. 3, с. 437—438; *Достян И. С.* Русская общественная мысль..., с. 23—38.

[7] Памятники новой русской истории. СПб., 1872, т. II, отд. 2, с. 47—67; АВПР, ф. Канцелярия, д. 7891, л. 53—54, записка А. А. Самборского 22 марта (3 апреля) 1806 г; А. А. Самборский — Александру I 21 июня 1808 г.— Русская старина, 1876, № 11, с. 627—628.

[8] *Малиновский В. Ф.* Рассуждение о мире и войне. СПб., 1803. Ч. 1, 2; ч. 3 трактата см.: ЦГАДА, ф. 1261, д. 2822; АВПР, ф. Канцелярия, 1804, д. 7869; *Достян И. С.* «Европейская утопия» В. Ф. Малиновского.— ВИ, 1979, № 6.

[9] АВПР, ф. Канцелярия, д. 5074, л. 1—11. В. Н. Каразин — А. А. Чарторыскому 21 ноября (3 декабря) 1804 г. 28 ноября (10 декабря) 1804 г.

[10] *Достян И. С.* Русская общественная мысль..., с. 36.

[11] Записку С. М. Броневского см.: *Богишич В.* Разбор сочинения Н. Попова «Россия и Сербия».— В кн.: Отчет о 13 присуждении наград графа Уварова. СПб., 1872, с. 297—301.

[12] Различные произведения, записки и проекты А. Полева см.: ЦГВИА, ф. ВУА, д. 431, 18149; *Достян И. С.* Русская общественная мысль..., с. 81—93.

[13] *Лотман Ю. А.* Рукопись А. Кайсарова «Сравнительный словарь славянских наречий».— Труды по русской и славянской филологии, 1958, т. 1. Ученые записки Тартуского университета. вып. 65.

[14] *Броневский В. Б.* Записки морского офицера... СПб., 1818—1819. Ч. 1—4; *Свиньин П. П.* Воспоминания на флоте. СПб., 1818—1819. Ч. 1—3.

inslav

[15] *С-д-ов.* Краткое обозрение народов славянского племени, обитающих в европейской части Турецкой империи.— Северный архив, 1825, № 14/15.
[16] *Достян И. С.* Русская общественная мысль..., с. 160—170.
[17] Текст записки П. И. Пестеля «Царство Греческое» см.: *Достян И. С.* Балканский вопрос во внешнеполитических планах П. И. Пестеля.— Ист. зап. 1975, т. 96, с. 161—162.
[18] Архив бр. Тургеневых, вып. 5. Дневники и письма Н. И. Тургенева. Пг., 1921, т. 3, с. 279, 314, 317.
[19] *Barrat R.* «Notices sur l'insurection des Grecs contre l'Empire Ottoman», a russian view of the greek war of independance.— Balkan Studies, 1973, N 4.
[20] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 737.
[21] *Достян И. С.* О рукописи в красном переплете и ее авторе.— ВИ, 1975, № 12.
[22] *Нечкина М. В.* Движение декабристов. М., 1955, т. 2, с. 159.
[23] *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1888, кн. 1, с. 56.

Русско-турецкая торговля и балканские земли (конец XVIII — первая половина XIX в.)

В. И. ШЕРЕМЕТ

Установление регулярных торговых связей составляло одну из основных проблем в русско-турецких отношениях после Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г. На Юге России быстрее, чем в целом по стране, развивались капиталистические отношения, складывался новый экономический район, были необходимы безопасные и прочные экономические связи с сопредельными районами Османской империи и Южной Европой. Естественногеографические условия и вековые традиции натурального обмена близких по типу хозяйственных комплексов Юга России, Дунайских княжеств и территории, называвшейся в турецких документах XVIII—XIX вв. Румелией, определили преимущественное внимание в правительственных и коммерческих кругах России и среди торговцев Турции именно к этим районам с точки зрения ближайших после открытия Черного моря для русского торгового флота перспектив развития торговли. Если балканское направление политики России в новое время исследовано в советской историографии [1] и в ряде трудов ученых социалистических стран, то соответствующее направление внешнеэкономических связей России и Османской империи требует дополнительного изучения. Оценки положения на рынках Османской империи с учетом влияния политических отношений делались в разное время А. Д. Новичевым, А. Ф. Миллером, В. Я. Гросулом, Н. Миховым, Н. Тодоровым, Х. Глушковым, Стр. Димитровым, С. Дамяновым В. Паскалевой, В. Хаджиниколовым, М. Тодоровой.

Исследование места и роли указанного региона в торговых отношениях России и Османской империи на протяжении от Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г. до Парижского договора 1856 г. помо-

inslav

жет установить объективную картину вовлечения данного региона в экономические связи эпохи промышленного капитализма, уточнить формы и методы колониальной экспансии западноевропейских держав в формально независимой империи Османов.

В целях наиболее интенсивного использования права торгового судоходства в Черном и Средиземном морях, предусмотренного договором 1774 г., в России в 1775 г., накануне отправления в Турцию чрезвычайного и полномочного посольства Н. В. Репнина, был разработан новый таможенный тариф с Турцией. Предусматривалось «снижение пошлин на все турецкие («левантинские и греческие») товары, привозимые к портам Черного моря, а также отсюда вывозимые русские товары на 25% по сравнению с тарифом 1766 г., оставляя все европейские товары с прежней пошлиной»[2]. В 1776—1779 гг. были подтверждены льготы и привилегии для товаров, поступавших из Молдавского княжества, Валахии и других мест Европейской Турции. Стимулировался вывоз русских товаров в эти области. Первая партия железа и пшеницы была доставлена из Керчи в Константинополь осенью 1775 г. на казенный счет.

Три года спустя начала действовать русская торговая контора, сотрудники которой разъехались по Европейской Турции для сбора коммерческой информации, что соответствовало системе капитуляций, распространенных на Россию договором 1774 г. Поскольку турецкая сторона усмотрела в деятельности торговой конторы нарушение своих интересов, особенно в отношении прямых контактов с христианским населением на болгарских землях и в княжествах, Россия предприняла дополнительные шаги для укрепления правовых основ торговых отношений с Турцией. В Айналы-Кавакской изъяснительной конвенции от 21 марта 1779 г.[3] наряду с распространением на русских торговцев прав и привилегий, которыми пользовались коммерсанты Англии, Австрии и Франции, был определен тоннаж русских торговых судов, уточнены правила набора экипажей для русских судов из местного населения, преимущественно из греков и причерноморских болгар, которые охотно шли служить в российский флот. Стороны обязались в ближайшее время заключить особый торговый договор.

В развитие конвенции по инициативе России были предприняты меры для улучшения почтового сообщения (почтамт в Ольвиополе, новый торговый путь через Бендеры, Яссы, Бухарест), в Керчи, Херсоне, позднее в других городах были учреждены банковские конторы специально для торговли с Европейской Турцией и т. д. Совместное участие России и Турции в качестве средиземноморских держав в мероприятиях, предусмотренных Декларацией о вооруженном нейтралитете, в 1780—1782 гг. в определенной мере способствовало ограждению торговли на Средиземном море от европейских каперов и магрибских мавританских пиратов. 10 июня 1783 г. по предложению Турции в Константинополе был подписан русско-турецкий торговый договор, которому была уготована самая долгая жизнь из всех заключенных в то переменчивое время соглашений[4]. С дополнениями он действовал до 1846 г. Основанный на прецеден-

inslav

те франко-турецкого капитуляционного трактата 1740 г., Константинопольский договор имел ряд отличий. Так, сохранилась прежняя 25-процентная скидка с пошлины на турецкие товары, провозимые через европейскую границу. Российские купцы имели право свободной и беспошлинной торговли на всей территории Османской империи, равно как и турецкие — в России. Российские торговцы не прибегали к праву экстерриториальности, но взамен этого установленные договором 1783 г. льготы распространялись на любые суда, плававшие под российским флагом.

Не располагая собственным торговым флотом, Россия нанимала суда, плававшие в Черном море под османским флагом, но принадлежавшие преимущественно греческим владельцам. Несмотря на высокий фрахт и ненадежность греческих и болгарских малотоннажных судов (иметь и строить другие им запрещала Порта), торговля успешно развивалась, объективно способствуя укреплению экономических и политических связей русских предпринимателей и растущей торговой прослойки на Ионических островах, в приморских городах Балкан и Малой Азии. Постепенное увеличение числа судов под русским флагом (с 12—14% в 1784 г. до 31—32% в 1804 г.) [5] сопровождалось ростом числа моряков из жителей балканских земель — подданных Турции, поступавших вопреки сопротивлению турецких властей на русскую службу. Команды торговых судов набирались также из числа турецких подданных христиан — переселенцев в Россию после войн 1768—1774 и 1787—1792 гг.

Вплоть до греческой войны 1821—1829 гг. за освобождение от турецкого ига подавляющая часть хлебной торговли в Черном море и через проливы осуществлялась на греческих судах. Видный представитель османской историографии эпохи Танзимата Ахмед Джевдет-паша одну из причин греческого восстания 1821 г. видел именно в быстром развитии греческой торговли. Он подчеркивал, что команды многих русских торговых судов состояли из греков, которые, овладев морским искусством, вернулись на родину и начали морскую войну с турками [6].

Основными центрами морской торговли стали в течение 1770—1790 гг. Таганрог, Евпатория, Феодосия, Керчь, Херсон. В начале XIX в. на первое место выдвинулась Одесса. В Османской империи такими центрами были Константинополь, Смирна, Салоники, Варна. Крупными центрами сухопутной торговли были в конце XVIII в. Хотинская и Ясская ярмарки. Города Дубоссары, Григориополь и Овидиополь играли важную роль как склады товаров в русско-турецкой торговле. К 1820—1830 гг. эту роль взяли на себя Сливно и Узунджово.

Неуклонно рос товарооборот и особенно заметно номенклатура товаров — более чем в пять раз за последнюю четверть XVIII в. В 1782 г. в Константинополь и Румелию было ввезено товаров на 337 тыс. руб. серебром, в южные порты России — на 190 тыс. руб. серебром, что составило около 45% оборотов Юга России.

В 1802 г. из южных портов России было вывезено в те же пункты назначения товаров на 1532 тыс. руб. и ввезено на

inslav

1517 тыс. руб., что составляло 70—73% оборотов южной торговли. К началу XIX в. на европейские территории Османской империи приходилось около 2% общего вывоза из России. Для сравнения укажем, что доля Османской империи во внешней торговле Англии составляла в это время 0,2—0,3% [7]. Основными предметами русского экспорта на балканские земли в конце XVIII — начале XIX в. были промышленные изделия: «железо в деле», медные доски, проволока, сталь, чугун, котлы, якоря, гвозди и т. д. [8] После 1774 г. и до первого десятилетия XIX в. добротное русское железо вытеснило английское на рынках Европейской Турции, железо и железные изделия составляли от $^1/_3$ до $^1/_4$ стоимости всего русского экспорта в Турцию.

Потеснила русское железо русская пшеница. В 90-х годах XVIII в. Россия ежегодно вывозила преимущественно морем в Константинополь, Солоники, Смирну в среднем по 180 тыс. четвертей пшеницы (при общем вывозе в 403 тыс. четвертей в год), Закупки русского хлеба находились под контролем морского и таможенного ведомств Порты и поощрялись в целях ликвидации продовольственных затруднений в Константинополе, Адрианополе и создания запасов в придунайских крепостях. Воспользовавшись высокой конъюнктурой в Европе на продовольствие в период французской революции, Порта увеличила принудительные закупки в Дунайских княжествах, одновременно перепродавая в Европу, по нашим предположительным расчетам, до $^1/_3$ закупаемой в России пшеницы. Многочисленные запреты на экспорт пшеницы из пределов Османской империи, очевидно, не относились к привозной пшенице, реэкспорт осуществлялся с ведома и под контролем руководителя морского ведомства капудан-паши [9].

Османское правительство с 1790-х годов неоднократно пыталось полностью взять под контроль хлебный транзит через проливы. В октябре 1812 г. было выдвинуто требование, чтобы все суда под флагом России сгружали зерно в Константинополе в государственные амбары по минимальным ценам, близким тем, которые служили для оценки хлеба, принудительно поставлявшегося из Дунайских княжеств [10]. Аналогичные требования выдвигались вплоть до войны 1828—1829 гг. и серьезно осложняли торговые и политические отношения двух держав.

Торговый договор 1783 г. и неоднократно обновлявшиеся тарифы оказали существенное влияние на рост вывоза из балканских провинций в Россию. Виноградное вино из Санторина, Родоса и Дунайских княжеств, фрукты, уксус, шелковые и полушелковые ткани оценивались в 70—80-х годах на суммы 350—450 тыс. руб. К началу XIX в. эта цифра удвоилась [11]. В тарифе 1802 г. перечислено более 500 наименований товаров, которыми торговали Россия и Турция. Наибольшего развития ввозная торговля в Россию через европейскую границу достигла в годы русско-турецкого союза (1799—1805). Вместе с тем в конце первого десятилетия XIX в. отмечается сокращение привоза мануфактурных изделий из балканских провинций. Сказывалась конкуренция более дешевых европей-

inslav

ских товаров и отсутствие поддержки константинопольских властей местному производству.

Русско-турецкая война 1806—1812 гг. и континентальная блокада повлекли уменьшение русского экспорта в Европейскую Турцию. Порта жестко контролировала с осени 1806 г. всю торговлю с Россией как сухопутную, так и морскую. Однако острая нехватка хлеба в Константинополе и возможность через балканские территории осуществлять сравнительно безопасно и быстро торговые операции русскими товарами в Европе и европейскими в Южной России объясняют, почему русские торговцы и их партнеры — подданные Османской империи с большой выгодой обходили правительственные запреты, исходившие из обеих столиц, и торговля продолжалась в годы войны [12], быстро восстановилась и расширилась после Бухарестского мира. За период 1774—1812 гг. русско-турецкая торговля сложилась преимущественно как черноморская. Для Османской империи торговля с Россией, экономически гораздо более развитой и географически столь близко расположенной, была жизненно необходима. Россия была заинтересована в торговле с Турцией, так как это давало выход продукции всего русского Причерноморья. После вхождения Крыма в состав России (1783 г.) традиционные экономические связи региона окрепли и расширились. Балканские земли стали наряду с Черным морем главным связующим звеном русско-турецкой торговли этого периода. Как часть средиземноморской мировой торговли русско-турецкая торговля содержала элементы соперничества, объяснявшегося близостью типов хозяйственных укладов Османской империи и в ряде южных районов России, а также сходством там многих географических факторов, что определяло товарную направленность экспортных сельскохозяйственных культур.

В торговой войне европейских наций, начинавшейся, по словам К. Маркса, с отпадения Нидерландов от Испании и принявшей гигантские размеры в антиякобинской войне Англии [13], незавидное место поля боя принадлежало Турции. Борьба за балканские рынки Османской империи, торгово-политическое соперничество России и западноевропейских держав в зоне проливов и в Юго-Восточной Европе развернулась в 20—40-х годах XIX в. и наибольшей остроты достигла в канун Крымской войны.

Адрианопольский мир 1829 г. положил конец очередному восточному кризису [14]. Подтверждение торгового договора 1783 г. и открытие проливов для торгового судоходства всех государств (ст. VII Адрианопольского мира) устраняли видимые препятствия для дальнейшего развития русско-турецкой торговли как главной составной части черноморской и важной части средиземноморской торговли, для формирования комплекса международных торговых связей на этой основе.

Торговые отношения с Турцией в период 1820-х — начала 1850-х годов Россия строила с учетом сохранения целостности Османской империи при всемерном развитии своего культурно-политического влияния среди христианских подданных султана. Преимущественное внимание, которое оказывала Россия «европейскому тор-

inslav

гу», г. е. торговле с балканскими территориями в течение полувека (от Кючук-Кайнарджи до Адрианополя) со второй половины 1820-х годов, дополняется «азиатским направлением» — торговлей с анатолийскими территориями Османской империи.

С начала 1830-х годов все внимание царской администрации в Закавказье было направлено на борьбу с европейской конкуренцией на иранском рынке. Как одно из средств «покупщикам турецкоподданным» был разрешен «торг без свидетельства» на Черноморском побережье Кавказа. Достаточно прочные позиции греков и других христианских подданных Турции в морской торговле с русским Причерноморьем, казалось, должны были обеспечить их активизацию в благоприятной ситуации. Однако положение торговца-инонационала в Османской империи, тем более из мятежной христианской райи, было крайне уязвимо. Не защищенный системой национального законодательства, облагаемый в пределах Османской империи более высокими налогами, чем иностранный коммерсант, такой торговец-инонационал приобретал берат-грамоту, разрешавшую вести внешнеторговые операции на правах иностранца, втягивался в коммерческие операции с западноевропейскими партнерами, предлагавшими более выгодные условия, чем русские контрагенты (кредиты, процентные ставки, ассортимент товаров и т. д.) [15]. Пока в Петербурге строили утопические планы покорения «азиатцев русскими ситцами», система торговых отношений на европейский границе России и Турции изменялась под влиянием европейской промышленной революции и реформ в самой Османской империи гораздо быстрее, чем это осознавали царские сановники. Плохая организация нескольких ярмарок русских товаров, инертность османских властей, наконец, опустошительная эпидемия чумы и контрмеры английских коммерсантов свели на нет попытки царского правительства в середине 1830-х годов укрепить пошатнувшиеся торговые позиции России на Балканах. При этом недостаточно учитывалась постепенная переориентация Турции от союза с Россией 1833 г. на достижение военного союза с Англией.

Первым шагом Порты в этом направлении явилось согласие подтвердить режим капитуляций в англо-турецкой торговой конвенции (Балта-Лиманской) 1838 г. Одновременно режим свободной торговли стал частью политики реформ, провозглашенной гюльханейским актом 1839 г. Турция выразила пожелание, чтобы Россия наравне с другими державами на базе Балта-Лиманской конвенции пересмотрела торговый договор 1783 г.[16] Потребовалось восемь долгих лет, в течение которых балканские рынки оказались едва ли не полностью потерянными, чтобы новый договор (1846 г.) был заключен. Российские дипломаты в Константинополе и Лондоне с опасением отнеслись к англо-турецкой конвенции 1838 г. и в обращении Высокой Порты о пересмотре договора 1783 г. усмотрели еще одну «рискованную новацию, демократическую пропаганду вблизи российских портов» и рекомендовали «отнюдь не поспешать» К. В. Нессельроде, который решительностью и быстротой действий и без того отнюдь не отличался [17]. Медлили, полагая, что вывоз русского хле-

inslav

ба и других «сырых продуктов» в Англию и Турцию вне соперничества с английскими промышленными товарами на турецком рынке или с сельскохозяйственной продукцией Дунайских княжеств и Болгарии на английском рынке [18]. Выжидали, чем завершится борьба Австрии за изъятие Дунайских княжеств, Боснии и Герцеговины из сферы действия конвенции о свободной торговле. Полагали, что новая (Лондонская) конвенция 1841 г. о проливах будет отражать интересы России и что интересы русской торговли надежно обеспечены принципами наибольшего благоприятствования (1783 г.) и свободы коммерческой навигации в проливах (1829 г.). Тщетно привлекали внимание Департамента мануфактуры и торговли, самого министра финансов России глубокие и вдумчивые исследователи Турции М. П. Вронченко и П. П. Львов. Вместе со своим болгарским другом и спутником они посетили в 1834—1838 гг. и Европейскую и Азиатскую Турцию и убедительно доказали важность как балканского традиционного, так и совсем нового, малоазиатского рынка для развития в будущем русско-турецкой торговли [19].

Наконец, с октября 1842 г. был введен новый тариф для торговли с Турцией, включавший положение о беспошлинном транзите через турецкую территорию (фактически через проливы) хлеба из России, что существенно отличало этот тариф от тех, которые регулировали торговлю Турции с европейскими державами [20]. Но благоприятное положение русских торговцев (вплоть до нового договора 1846 г. они платили 3—5% пошлин вместо узаконенных в 1838 г. 9—12% пошлин) в сочетании с выгодным тарифом 1842 г. не привело к укреплению России на балканских рынках Османской империи. Стимулировался преимущественно зерновой экспорт через проливы при сокращении промышленного экспорта. Усиливались экономические противоречия России с Турцией, расширявшей однотипный с русским сельскохозяйственный экспорт в Англию, Австрию, Францию на торговых судах этих стран. Дипломатические представители этих стран в Константинополе, консулы в балканских городах требовали от османских властей более жесткого контроля над торговыми операциями русских подданных, включая провоз зерна и посредническую торговлю иностранными товарами во внутренних районах Османской империи.

В апреле 1846 г. в Балта-Лимане был подписан новый русско-турецкий торговый договор [21]. Формально включенный в серию фритредерских договоров, трактат 1846 г. содержал ограничения, которых турки не сумели добиться в переговорах с западноевропейскими партнерами. Так, был полностью запрещен «мелочный торг» — розничная торговля во внутренних рынках, равно как и торговля оружием (ст. X), владение ремесленными мастерскими и занятия ремеслами (ст. VI). Рыбой, табаком, вином, солью, квасцами могли торговать только османские подданные. Турция восстановила традиционное право временного эмбарго на экспорт зерновых (ст. IX), уничтоженное англо-турецкой конвенцией 1838 г. Действовавший до 1863 г. новый торговый договор между Россией и Тур-

inslav

цией был единственным из серии договоров, заключенных Турцией в 1838—1846 гг. на основе принципа свободной торговли, в котором были учтены исторически сложившиеся и необходимые для турецкой стороны внешнеторговые ограничения.

Однако ни трактат 1846 г., ни постановления российского правительства в защиту черноморской торговли не могли сдержать растущего влияния промышленно развитых капиталистических держав Европы на торговые отношения России и Турции. Динамика и содержание русско-турецкой торговли свидетельствуют о постепенном в 30—40-е годы и быстро прогрессировавшем в 50—60-е годы преобладании «азиатского» направления над «европейским» в русско-турецкой торговле. Доля торговли через азиатскую границу в конце 1820-х — начале 1830-х годов составляла около 3%; в начале 1860-х годов — 22% общего объема русско-турецкой торговли [22]. Темпы роста экспорта в Малую Азию существенно превышали прирост в русском экспорте в Европейскую Турцию, почти не изменявшемся на протяжении 1830—1848 гг. Торговля через европейскую границу составляла от 96% в начале 1830-х годов до 90% в начале 1840-х годов общего оборота с Турцией. За исключением 1834, 1854 и 1855 гг., баланс торговли в этом регионе складывался в пользу России; наиболее значительное положительное сальдо статистика отметила для 1830 г. (после заключения Адрианопольского мира) — в 5,5 млн. руб. ассигнациями, для 1835 г. (после подписания Петербургского протокола о выводе войск из Силистрии и других крепостей, занятых во время войны 1828—1829 гг.) — 2,6 млн. руб. ассигнациями, а также в 1850—1852 гг., когда экспорт превышал импорт на 1,8—2,6 млн. руб. ассигнациями.

Товарная структура сельскохозяйственной продукции Юга России в 30—60-е годы (зерновые, икра, масло и сало, живой скот) существенно не изменилась с конца XVIII — первой четверти XIX в. Среди зерновых первое место (более 90%) занимала пшеница, с 1846 г. Турция стала вторым по значению потребителем русской муки. В 50—60-е годы для потребления преимущественно в Константинополе, Адрианополе, Варне, Смирне ввозилось в среднем по 100 тыс. четвертей муки. Ввоз возрастал в годы стихийных бедствий (1848 г.— холера в Румелии) и по мере строительства в Адрианополе, Сливно нескольких предприятий по производству макаронных изделий. Закупленное в Италии оборудование требовало высококачественного помола пшеницы твердых сортов. В Болгарии и Дунайских княжествах преимущество отдавалось быстрее созревавшим мягким сортам местной пшеницы [23].

После Адрианопольского мира ускорилось экономическое развитие Дунайских княжеств, болгарских земель, были сняты ограничения на участие иностранцев в экспортной торговле в Европейской Турции, отменены регламентированные поставки хлеба из княжеств для снабжения Стамбула. Зерно стало вывозиться через Галац, Браилов (Брэилу), Варну, Салоники на судах английского и австрийского Ллойда в размерах, вполне сравнимых с вывозом России в Турцию [24]. Складывался один из двух центров столкновения интере-

inslav

сов Англии и России на Ближнем Востоке, отмеченных К. Марксом и Ф. Энгельсом [25].

Появление на европейских рынках в 40-х годах крупных партий — до 1,5—2 млн. четвертей турецкого хлеба — поддерживалось в значительной мере за счет поставок из России пшеницы (до 0,5—0,7 млн. четвертей), муки и зерновых для потребления населения. Для Константинополя (800 тыс. жителей), Адрианополя (более 100 тыс. населения) и прилегающих территорий требовалось 160—170 тыс. четвертей пшеницы. Часть хлеба шла на оплату натурой рабочим нескольких государственных фабрик, где денежная оплата не обеспечивала и трети прожиточного минимума [26]. 250—350 тыс. четвертей русской пшеницы уходило в Грецию, на Крит, на Ионические острова. В Западную Европу реэкспортировалось менее одной трети пшеницы из России. Два других вида экспортных товаров поглощались почти на 100% потребителями в Константинополе и окрестностях: масло (на 320—570 тыс. руб. серебром) и икра (до 70% всего вывоза из России).

Турецкий социолог Илькай Сунар справедливо отмечает, используя данные по экономике Балкан, что переход сельского хозяйства Европейской Турции к товарному производству отражал общемировые процессы в регионально специфической форме [27]. Однако следовало бы добавить, что главным тормозом этих процессов в империи в целом и в наиболее развитом экономически и социально регионе — на Балканах было само османское феодальное государство.

Не соперничество России, как утверждает буржуазная историография, а сохранение турецкого господства на Балканах препятствовало дальнейшему развитию экспортного потенциала житницы Османской империи (Румелии и Дунайских княжеств), развитию их устойчивых связей с потребителями. Консул России в Адрианополе Г. В. Ващенко с горечью описывает, как турецкие власти мешают развитию богатейшего края, препятствуют и собственно его экономическому развитию, и торгово-политическим связям с Россией [28].

В 30-х — начале 40-х годов еще сохранялся спрос на русские пилы и топоры, подковы и гвозди, латунную посуду, отличавшуюся дешевизной и хорошим качеством обработки. На эти же годы приходился максимум продажи меди в полуфабрикатах, изделий из меди и латуни. Со второй половины 1840-х годов эти товары практически не появлялись даже на крупной ежегодной ярмарке в Узунджово (Болгария). Налаживались добыча и обработка меди из рудников в Малой Азии. Однако более всего рос ввоз из Англии и Франции предметов обихода из сплавов меди, олова и свинца, которые благодаря массовому фабричному производству, умелому подражанию национальным образцам быстро заполнили рынки балканских стран. Устойчивый спрос на русские металлические изделия сохранялся в восточной Анатолии, где продолжали работать мастерские, применявшие русские заготовки, сюда переориентировалась значительная часть русского промышленного экспорта в Турцию.

Современники, а позднее исследователи отмечали большое значение в русском экспорте на Ближний Восток и Балканы тек-

inslav

стильных изделий. Однако продать сколько-нибудь значительные партии текстиля русским купцам удалось лишь в 1830 и 1834 гг. Со второй половина 30-х годов балканский рынок был практически потерян для русского текстиля. После Крымской войны то же случилось и с малоазиатским рынком.

Видное место в русском экспорте с середины 30-х годов заняла овечья шерсть. После организации в Сливно, Пловдиве, Адрианополе суконных фабрик и в связи с ростом вывоза шерсти с балканских территорий в Западную Европу начали закупаться в России партии высококачественной шерсти, а продаваться грубые, плохо обработанные сорта шерсти. К середине 50-х годов сукноделие в Османской империи не выдержало конкуренции с европейскими тонкими сукнами, но продолжали производиться традиционные грубошерстные сукна, широко использовавшиеся и населением Румелии, и для нужд армии. На экспорт в Европу пошла ангорская и мериносовая шерсть для модных тогда изделий из мохера, вырос спрос на месте на дешевую низкосортную шерсть [29].

При рассмотрении состава импорта из Европейской Турции обращает на себя внимание, что ввоз продовольствия (главная статья) по номенклатуре за три четверти века по существу не изменился. Свежие и сухие фрукты по суше и морем, через Варну, Таганрог и Одессу расходились по всей России. В середине 30-х годов до 40% всего импорта фруктов в Россию поступало из европейских территорий Османской империи, в 60—70-х годах эта цифра снизилась до 30—32% от объема закупавшихся Россией за рубежом фруктов.

В течение десятилетий население сопредельных территорий России и Турции, и особенно переселенцы из Турции, использовало привозные шелковые, шерстяные и бумажные изделия, привезенные из Турции. Однако царское правительство, с середины 30-х годов уделяя первоочередное внимание рынкам Среднего Востока и Китая, не сумело, да и не могло правильно оценить этого важного рынка, как не смогло представить последствия удвоившегося менее чем за десять лет притока имитировавших местные образцы английских хлопчатобумажных тканей только на одну ярмарку в Узунджово. Английские и австрийские ткани сначала продавались наряду с собственно турецкими, а затем и вытеснили их. В 40-х годах хлопчатобумажных изделий из Европейской Турции ввозилось в Россию в среднем на 268 тыс. руб. серебром в год, т. е. около 12% всего импорта из Европы, перед Крымской войной — на 326 тыс. руб. серебром (до 20,7% всего хлопчатобумажного импорта).

Несколько мануфактур и в Болгарии, и в Малой Азии (как, впрочем, и в Иране) «доводили» английские ситцы-заготовки, продавая их в Россию. В русских торгово-промышленных кругах неоднократно обсуждалось, как же отличать турецкие ситцы (поступавшие под сниженной пошлиной) от сделанных «под турецкие» [30].

По мере развития в балканских городах суконного производства (Сливно, Силистрия, Пловдив) в Россию стали поступать грубошерстные ткани типа аба, первые партии которой были закуплены

inslav

в 1847—1848 гг. Эта закупка перед Крымской войной составила до 15% общего ввоза в Россию шерстяных и суконных тканей, часть которых, как и в Турции, шла на нужды армии. Часть сукон, а также льняных тканей в начале 50-х годов стала поступать в Россию с казенных турецких фабрик, но война прервала эти поставки, а в Западной Европе их продукция сбыта не находила.

Главными центрами торговых операций были Одесса, Константинополь, Феодосия, Смирна, Салоники, Адрианополь, сформировавшиеся как таковые еще в начале XIX в. Прежние сухопутные центры торговли свое назначение утратили.

Как свидетельствуют источники, в 1830-х годах каждое четвертое судно, приходившее в русские черноморские порты с грузом из «турецких владений» (главным образом из балканских портов), и каждое третье, уходившее туда же, шло под османским флагом [31] Число судов под турецким флагом росло быстрее, чем под русским. В 1844 г. суда под османским флагом осуществляли около 24%, под русским — 21% всех перевозок.

После Крымской войны и нейтрализации Черного моря 57% судов, уходивших в турецкие воды и 46% прибывавших шли под флагом с полумесяцем, под русским флагом — соответственно 16 и 15% всех судов. Владельцами судов под флагом Османской империи были преимущественно австрийские, греческие и английские компании и коммерсанты, широко пользовавшиеся «удобным флагом» Турции как новой формой капитуляции, привнесенной эпохой промышленного капитализма, веком паровых двигателей на торговом флоте. Снижением Россией пошлин в 1841—1848 гг. с маломерных судов под флагом Османской империи для оживления собственно османского судоходства в западной части Черного моря воспользовались западноевропейские и богатые греческие судовладельцы. Пароходы-фрегаты как России, так и Турции на линиях Одесса — балканские порты не выдержали конкуренции [32].

Нейтрализация Черного моря после 1856 г. воспринималась в торгово-политических кругах Англии и Австрии как закат не только военного, но и коммерческого присутствия России в водах, омывавших Балканский полуостров. Активное железнодорожное строительство в Юго-Западной Европе, по мнению некоторой части представителей финансового капитала Западной Европы (группа Дж. Ротшильда, например), должно было еще более отдалить Россию от Балкан [33].

Несмотря на противодействие определенных округов в западноевропейских странах, торговля между двумя соседними странами продолжала развиваться. Укрепление торговых отношений в определенной мере отражало складывавшийся после 1856 г. курс Петербурга и Константинополя на отмену парижских ограничений. При этом черноморская торговля, а также развитие дунайского речного судоходства рассматривались в России как важные инструменты мира в Юго-Восточной Европе и на Ближнем Востоке [34].

За три четверти века от Кючук-Кайнарджийского до Парижского мира традиционные торговые связи России и Турции претерпели

inslav

значительные изменения. Балканские территории — главный район торгового обмена в последней четверти XVIII — первые два десятилетия XIX в. постепенно уступали место в ряде видов торгового обмена малоазиатскому направлению. В основе этого процесса лежали объективные процессы капиталистического развития Юго-Восточной Европы. Интеграция Османской империи в мировые экономические связи проходила в условиях деформирующего воздействия колониальной экспансии капиталистических держав, одним из направлений которой была стимуляция торгового соперничества России и ряда балканских земель на европейских рынках.

Вопреки колебаниям и непоследовательности царизма, откровенной враждебности османских властей в отношении хозяйственного развития народов Балкан русско-турецкая торговля объективно содействовала процессам социально-политического и экономического возрождения угнетенных народов европейских провинций Турции, пробуждению национального самосознания, вовлечению их в активное освободительное движение.

[1] См.: Итоги и задачи изучения внешней политики России/Отв. ред. А. Л. Нарочницкий. М.: Наука, 1981, гл. III—IV.

[2] Тариф о сборе пошлин с привозных и отвозных товаров при портах Черного моря. СПб., 1775.

[3] Текст Айналы-Каваксской конвенции 10(21) марта 1779 г. см.: *Дружинина Е. И.* Кючук-Кайнарджийский мир. М., 1955, с. 363—364.

[4] Полное собрание законов Российской империи (Собрание 1). СПб., 1830, т. XXI, № 15751. Подробнее о договоре 1783 г. см.: *Шеремет В. И.* К истории русско-турецкой торговли в конце XVIII — начале XIX в.— В кн.: Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Л., 1968, вып. 2.

[5] Рассчитано по таможенным ведомостям. См.: Центральный государственный исторический архив СССР (далее — ЦГИА), ф. Совет при высочайшем дворе (ф. 1146), оп. 1, д. 65, л. 31—31 об.; ф. 13, оп. 1, д. 151; оп. 2, д. 1479. Ведомости черноморских портов.

[6] Tarih-i Cevdet. Der-i Saadet, 1309 h., c. 2, S. 121. (араб. графика). Аналогичные мнения высказывают современные турецкие историки. *Salişik S.* Tarih boyunca türk-yunan ilişikleri ve Etniki Eterya. Istanbul, 1968, s. 150—152, 160; *Derin Ç.* Osmanlı devletenin siyasi tarihi.— Türk dunyası el kıtabı. Ankara, 1976, S. 997—999.

[7] Рассчитано по: Сборник антропологических и этнографических статей о России. М., 1868, кн. 1, с. 171; ЦГИА, ф. 13, оп. 1, д. 117, 151. Материалы комиссии о коммерции; *Storch H.* Historisch-statistischen Gemälde des russischen Reiches. Leipzig, 1803, Bd. 6, S. 181, 189, tabl. VIII; Commercial Tarrifs and Regulations. L., 1843, v. VIII. Ottoman Empire, p. 66—69.

[8] *Чулков М.* Описание российской коммерции. СПб., 1786, т. II, ч. 1, с. 592 и след.; *Wood A.* A History of the Levant Company. Oxford, 1939, p. 160.

[9] ЦГИА, ф. Канцелярия генерал-прокурора Сената (ф. 1374), оп. 1, д. 184, л. 50—54. Донесения русского консула в Яссах Северина; ф. Правительствующий Сенат (ф. 1379), оп. 1, д. 184, л. 24—26; [*Antoine S.-J.*]. Essai historique sur le commerce et la navigation de la Mer Noire. P., [1805], p. 205, 231—235; *Julliany J.* Essai sur le commerce de Marseille. P., 1832, t. II, p. 82–86; *Svoronos V. G.* Le commerce de Salonique au XVIIIe siecle. P., 1956, p. 275—277.

[10] См.: Внешняя политика России XIX — начала XX в. М., 1962, серия первая, т. VI, с. 594.

[11] *Чулков М.* Описание..., т. II, с. 594; *Дружинина Е. И.* Северное Причерноморье, 1775—1800. М., 1959, с. 88.

inslav

[12] Только за лето 1810 г. в Одессу было привезено на греческих судах под османским флагом товаров более чем на 7 млн. руб., в 1811 г. из Константинополя и портов Европейской Турции прибыло почти 300 судов. См.: *Шеремет В. И.* К истории..., с. 146—147.

[13] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 23, с. 760.

[14] Подробнее см.: *Шеремет В. И.* Турция и Адрианопольский мир 1829 г.: Из истории Восточного вопроса. М., 1975, гл. 1.

[15] *Paskaleva V.* La production marchande dans les terres bulgares au XVIIIe siecle.— Bulgarian Historical Review, Sofia, 1978, N 4, p. 40—50.

[16] Архив внешней политики России (далее — АВПР), ф. Отчеты МИД, 1842 г., л. 325—325 об.

[17] АВПР, ф. Канцелярия, 1841 г., д. 111, л. 497—499. Из переписки В. П. Титова и Ф. И. Бруннова.

[18] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1840 г., л. 36, об.; 1842 г., л. 324—327 об.

[19] Нами обнаружены архивные отчеты экспедиций М. П. Вронченко и Львова. Опубликована лишь часть их совместных путевых записок: Обозрение Малой Азии в нынешнем ее состоянии, составленное русским путешественником М. В. СПб., 1839—1840. ч. I, II.

[20] См.: Тариф о сборе пошлин с перевоза в турецкие области и вывозимых оттуда российскими подданными товаров. Гельсинфорс, 1843.

[21] Торговый трактат между е. в. императором всероссийским и е. в. императором аттоманским. Гельсинфорс, 1847.

[22] Подсчитано по: Государственная внешняя торговля России за 1828—1865. СПб., 1829—1866.

[23] АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 779 (Адрианополь), л. 22; *Янсон Ю.* Статистическое исследование о хлебной торговле в Одесском районе. СПб., 1870, Приложения; *Скальковский К.* Суэцкий канал и его значение для русской торговли. СПб., 1870, с. 100.

[24] *Неболсин Г. П.* Статистическое обозрение внешней торговли России. СПб., 1850, ч. 1, с. 151; *Farley J. L.* Modern Turkey. L., 1872, p. 194, 231—232.

[25] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 9, с. 11—14; т. 10, с. 605.

[26] *Тодоров Н.* Балканский город XV—XIX вв.: Пер. с болг. М., 1976, с. 274. Расчеты произведены по донесениям русских консулов в Адрианополе.— АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 735, 779, 817, 818, 594 (1842—1850 гг.).

[27] *Sunar J.* Antropologie politique et économique: l'Empire Ottoman et sa transformation.— Annales. Economies. Sociétés. Civilisations. P., 1980, N 3/4, p. 557.

[28] АВПР, ф. ГА-II$_3$, оп. 34, д. 4, л. 40—41. Г. В. Ващенко — В. П. Титову, 12(24) декабря 1845 г.

[29] АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 799, 587. По донесениям консула в Адрианополе Л. Фонтона посланнику В. П. Титову, март — декабрь 1844 г.; Annual Statement. L., 1855, p. 209, 211—212.

[30] *Журов Ф.* Влияние последней войны на внешнюю торговлю России. СПб., 1880, с. 15. Подробный анализ места и доли отдельных видов товаров по экспортно-импортным операциям см.: *Тодорова М.* О торговых и политических связях России с Османской империей во вторую четверть XIX в.— Bulgarian Historical Review, Sofia, 1978, N 1, p. 47—50.

[31] См.: *Шеремет В. И.* Русско-турецкие экономические связи в середине XIX в.— История СССР, 1978, № 6, с. 163.

[32] *Coons R. E.* Steamships, statesmen and Bureaucrats. Wiesbaden, 1975, p. 75—124.

[33] *Henderson W. O.* The industrial Revolution on the Continent. Germany, France, Russia, 1800—1914. L., 1961, p. 114—116.

[34] АВПР, ф. Отчеты МИД, 1856, л. 11.

inslav

Процессы образования государств в Юго-Восточной Европе в XIX — начале XX в.

(Некоторые проблемы типологии. Соотношение внутренних и внешних факторов)

В. Н. ВИНОГРАДОВ

Для процессов образования государств в Юго-Восточной Европе характерно наличие значительных общих или сходных типологических черт. Определялось это прежде всего приблизительно одинаковым стадиальным развитием, однотипностью задач по формированию национально-буржуазных государств. Говоря о примерно одинаковом уровне развития (с точки зрения формационной) разных районов Балкан, следует указать на его сильное отставание в начале XIX в. от Западной и в меньшей степени от Центральной Европы. И в этом проявилось прежде всего воздействие многовекового османского ига.

Переплетение национально-освободительных и национально-созидательных задач является общим для государственного строительства у различных балканских народов [1]. Все они на той или иной стадии национального освобождения выступали с оружием в руках. Образование государств происходило в ходе этой борьбы. Одновременно поднимались большие задачи антифеодального, социального плана. Вопросы взаимодействия национальных и социальных процессов неизменно встают при изучении истории Балкан конца XVIII — начала XX в. Уместно привести здесь высказывание В. И. Ленина: «Создание объединенных национальных государств на Балканах, свержение гнета местных феодалов, окончательное освобождение балканских крестьян всяческих национальностей от помещичьего ига,— такова была историческая задача, стоявшая перед балканскими народами» [2].

Обращает на себя внимание следующее обстоятельство. В 1804 г. вспыхнуло Сербское восстание — первое широкое, имевшее общебалканское значение антиосманское вооруженное выступление. В 1821 г. на вооруженную борьбу поднялось население Валахии. В том же году началась греческая национально-освободительная революция. С диапазоном всего в шестнадцать лет, ничтожным с точки зрения истории, пришел в движение чуть ли не весь Балканский полуостров. В этой синхронности одноплановых проявлений освободительной борьбы (конкретно — ее массовой вооруженной формы) нашли выражение общие или сходные черты социально-экономического и национального развития региона. Болгария и Албания вступили в фазу открытого вооруженного столкновения с Портой несколько позже. Объяснялось это рядом причин, в том числе близостью Болгарии к сердцу империи — Стамбулу, «повышенным вниманием» к сохранению «спокойствия» здесь; в Албании — исламизацией, особыми связями феодальной верхушки с Портой. Начало

inslav

вооруженной борьбы этих народов задержалось на несколько десятилетий. Но и пятьдесят лет с позиций истории не такой срок, чтобы выводить Болгарию, Боснию, Герцеговину, Албанию за рамки общих закономерностей.

Сколь бы ни были многообразны национальные проявления освободительных процессов, типологически они едины для всего региона. Кризис разных форм феодальной системы, появление ростков капиталистических отношений, опережающее развитие Балкан по сравнению с этническими турецкими районами составляло социально-экономическую основу балканского Возрождения. В культурной области оно проявлялось в подъеме национального самосознания, развития образования и литературы на родном языке, становлении национального искусства. Просвещение хронологически предшествовало открытому широкому проявлению национального протеста, перерастанию его в национально-освободительное движение. Это, с одной стороны, свидетельствовало о созревании социально-экономических и культурных предпосылок освобождения; с другой — подготавливало его идеологически. На раннем этапе деятели Просвещения (за исключением, возможно, греков как представителей народа, более развитого в экономическом плане и лучше подготовленного к восприятию «французских идей»), объективно приближая своими трудами освобождение, политических программ не составляли, и по понятным причинам: сперва на ниве просветительства подвизался узкий круг выходцев из господствующего класса, связанный с существовавшей системой феодальных отношений и даже иногда с османскими господствующими классами. В дальнейшем, по мере вовлечения в идеологическую деятельность представителей более демократических общественных слоев, Просвещение «политизировалось», планы освобождения, варианты воссоздания государственности стали его составной частью.

Движущей силой освободительных процессов и такого их проявления, как воссоздание государственности, являлось крестьянство, единственный класс, который в силу своей многочисленности и накопившегося в его недрах социального недовольства мог играть эту роль.

Сказать столь же определенно, что во главе движения стояла только буржуазия, нельзя по многим причинам. Промышленной буржуазии, как правило, наиболее решительной ее части, на Балканах практически не существовало. Ее место в процессах, ареной которых стал полуостров, заняли торговцы, а в некоторых случаях представители втянувшейся в товарное производство сельской верхушки. Велико было значение просветителей, книжников, как их именовали в XVIII в., вдохновителей и идеологов, из которых стала формироваться немногочисленная национальная интеллигенция. Национальная направленность буржуазных по своему социальному содержанию процессов способствовала вовлечению в них местных крупных нетурецких по происхождению землевладельцев (например, в Греции и Дунайских княжествах). Благодаря своему состоянию, образованию, общественному влиянию и международным связям пред-

inslav

ставители феодальных господствующих сословий заняли видное место в руководстве национальным движением, образовав его умеренно консервативное крыло. И если крестьянство толкало движение влево, к решительной ломке феодальной системы, то представители крупного землевладения в социальном плане тормозили его, изыскивая наиболее безболезненные для себя формы развития на путях компромисса между феодализмом и капитализмом.

За редким исключением рождение государств на Балканах или расширение их автономии и их объединение (например, Дунайские княжества) сопровожались аграрными реформами буржуазного характера различной глубины и интенсивности. Радикализм этих реформ зависел от двух факторов: степени вовлеченности масс в вооруженную борьбу с иноземными угнетателями; национальной принадлежности крупного землевладения. Ясно, что с требованиями, социальными настроениями вооруженной массы повстанцев правящие круги новых государств вынуждены были считаться. Следует учитывать также, что исторически на территории Сербии и Болгарии (отчасти в Греции и Албании) возникло османское, т. е. инонациональное, крупное землевладение. Его представители совмещали в одном лице национального и социального угнетателя и не имели в этих странах ни сколько-нибудь верных союзников, ни сколько-нибудь прочной опоры. Их изгнание, будучи актом национального освобождения, сопровождалось масштабными социальными мероприятиями, значительная часть принадлежавших им земель отошла к крестьянам. В Дунайских княжествах существовали только местные феодалы, в Греции, Албании, нетурецких мусульманских областях Босния и Герцеговина наряду с османским имелось греческое, албанское, боснийско-герцеговинское крупное феодальное землевладение. Социальные позиции этих слоев, вовлеченных в освободительное движение, оставались значительными и после достижения успеха в воссоздании государства или укрепления его автономии. В этом смысле положение народов с полной социальной структурой отличалось от ситуации в обществе, такой структурой не обладавшем. И это накладывало отпечаток на дальнейшее развитие молодых балканских государственных образований. Скажем, в Валахии революция 1848 г. была ослаблена тем, что попытка провести даже умеренную аграрную реформу разбилась о сопротивление местной боярской знати, что оттолкнуло от революции крестьянскую массу, о чем писал еще известный румынский революционер демократ Николае Бэлческу[3]. В дальнейшем объединение Дунайских княжеств происходило при значительной активности народа, но без вооруженной борьбы. И реформа 1864 г. в Румынии носила весьма умеренный характер. Пример иного рода — Болгария. Здесь крупное турецкое землевладение, не имевшее опоры внутри страны, пало еще до ее освобождения, а после этого события сельское хозяйство пошло не по тому пути развития капитализма, который В. И. Ленин именовал прусским,— с выкупом помещичьих земель, отработками и другими пережитками феодализма, а скорее по американскому — без отработок, выкупных платежей и т. д.

inslav

Социальная структура общества (т. е. в конечном счете степень его экономического и социального развития) оказывала непосредственное влияние на национальную программу. Принципом «разделяй и властвуй» Порта не пренебрегала, хотя и не достигла в его воплощении в жизнь такого мастерства, как Габсбургская монархия. В каждой балканской стране существовали слои населения, сотрудничавшие с Портой в экономическом и политическом плане. Албанская и боснийская феодальная верхушка, греческие фанариоты входили в элиту османских правящих сфер, местное боярство в Молдавии, Валахии, чорбаджии в Болгарии и коджабаши в Греции, богатая болгарская торговая буржуазия, высшее греческое духовенство имели многочисленные точки соприкосновения с турецким правлением. Эти общественные слои выступали даже на поздних этапах движения с неполной, урезанной программой освобождения, не выдвигавшей требования независимости. Примеров тому много: высшее греческое духовенство, ставшее важным промежуточным звеном османского господства, смягчавшее наиболее одиозные его формы, сохранило в районах за пределами Греции лояльность в отношении султана; организации крупной болгарской буржуазии (Добродетельная дружина и др.), связанной коммерческими узами с Константинополем, стояли на позициях компромисса и умеренности; румынские консерваторы, представлявшие в первую очередь помещичьи слои, не спешили рвать последние узы вассалитета.

Мы напоминаем эти факты не для того, чтобы идентифицировать позицию этих общественных слоев, а лишь с целью показать, что социальное положение той или иной прослойки отражалось не только на его социальной, но и на национальной программе.

С проблемами социальной структуры общества на Балканах связана проблема — революция или реформа, которая также имела общебалканские параметры и специфику. В Юго-Восточной Европе не было народной революции буржуазно-демократического типа в «чистом виде». Переплетенность социальных и национальных проблем в регионе вообще исключала возможность подобного явления; сложность социальных структур и отсталость развития по сравнению с Западом накладывали печать и на идеологию, и на политику балканской буржуазии.

Румынские исследователи А. Дуцу и П. Теодор в своем докладе на XV Международном конгрессе исторических наук, посвященном просветительству в Центральной и Юго-Восточной Европе, не отметили среди явлений, питавших здесь идеологию Просвещения, теорию «естественных прав»: за исключением Польши, «другие общества не выходили за рамки умеренных, легалистских путей, ведущих к реформам, а не к революции» [4]. Оговоримся, что данное высказывание содержит, на наш взгляд, известный элемент абсолютизации. К теории «естественных прав» положительно относилась балканская революционная демократия, еще заставшая эпоху Просвещения, и даже — в период революционности — буржуазные демократы. Но в целом ориентация балканского буржуазного общества не на

inslav

социальную революцию, а на реформу отмечена в приведенном высказывании правильно.

Запоздалое развитие балканской буржуазии приводило к тому, что она сталкивалась и контактировала во Франции, Германии и Великобритании с капиталистическими кругами, которые уже перестали быть носителями прогресса и главной задачей которых являлась борьба с рабочим классом. Процессы подъема и оформления буржуазии как класса, занимавшие в Западной Европе век-полтора, на Балканах были сжаты до жизни одного поколения. Поэтому ее «революционная молодость» (в социальном смысле) была быстротечной. А участие в национальном движении ряда стран феодальных кругов, прочность их социальных позиций, структура самого класса капиталистов, наличие в его составе сильной торговой и компрадорской прослойки, связанной материально с сельскохозяйственным производством, а в ряде случаев с его феодальными и полуфеодальными формами, нежелание посягать на «святая святых» — частную собственность, острота социальных противоречий и столкновений в деревне, а позднее и в городе — все это побуждало собственников различных категорий сплачиваться, с вниманием относиться к взаимным интересам, искать «средний», компромиссный путь, удовлетворявший разные прослойки вставшей у кормила правления элиты. Влияние идей французской революции XVIII в. на основные слои балканской буржуазии оказалось и запоздалым, и кратким, и поверхностным. От революционности они быстро перешли к реформизму, а от реформизма — к охранительной идеологии разных оттенков, от либеральной и консервативной — до открыто националистически-ретроградной. С точки зрения идеологической теория естественных прав занимала на Балканах не то место, что в Западной Европе на определенном этапе ее развития.

Зато теория «исторических прав» играла значительную роль в идеологическом багаже балканской буржуазии. Это было закономерно, если учесть пятивековую зависимость от Порты. «Образ прошлого» в виде самостоятельного сильного государства, упорно отстаивавшего свою независимость от иноземного вторжения, явился мощным стимулом освободительного движения. Традиции государственности являлись весомым фактором в национальной борьбе. Однако теория «исторических прав» интерпретировалась каждой общественной прослойкой в соответствии со своими классовыми и даже групповыми интересами, идеологическими концепциями и проводимой в данный момент политической линией. Консервативные круги проявляли поэтому особое внимание к патриархально-феодальной стороне жизни предков, особенно в системе управления и собственности. Широкие слои буржуазии приспособили теорию «исторических прав» к своим реформистским взглядам, ведя линию на создание и укрепление национальных государств под лозунгом не революционного свержения власти Порты, а возрождения издревле существовавшей государственности, что, кстати, было приемлемо и для правительств великих держав не только в эпоху Священного союза и подавления революции 1848 г., но и позднее. В дальней-

inslav

шем, по мере перехода на реакционные социальные позиции, вольная — в свою пользу — трактовка истории служила обоснованием претензии той или иной национальной буржуазии на преобладание в регионе Юго-Восточной Европы.

При всей сложности картины, при всей неоднозначности политических и социальных позиций участников движения на первый план выступало объединявшее их стремление к освобождению из-под османского ига, исторически изжившего себя и потому обреченного. Вспомним яркую характеристику К. Маркса и Ф. Энгельса: «Сохранить в Турции status quo! С подобным же успехом можно было бы попытаться приостановить на определенной стадии гниение трупа павшей лошади и предотвратить его полное разложение» [5].

В период открытого, массового национально-освободительного движения Балканы вступили в начале XIX в. Общебалканское значение имели два сербских восстания. В 20-е годы греческая революция явилась отправной точкой Восточного кризиса. На его развитие повлияло также Валашское восстание 1821 г. Впервые общеевропейский конфликт на Балканах начался не со столкновения великих держав, а с внутрибалканских процессов. В то же время Восточный кризис явился важнейшим переломным этапом в становлении государственности ряда народов Юго-Восточной Европы. Известна роль народных масс в процессе воссоздания Сербского, Греческого и Болгарского государств, в укреплении автономий и завоевании независимости Дунайских княжеств.

Но было бы ошибочно утверждать, что если народ — творец истории, то он на каждом данном этапе осуществляет свои национальные чаяния в полной мере. Исторические судьбы страны и народа, разумеется, решаются им самим. Но это вовсе не значит, что на каждом данном отрезке истории народ способен осуществить ее прогрессивно-поступательное движение. История пестрит «зигзагами», когда народ на десятки и даже сотни лет оказывается отброшенным назад либо в итоге завоеваний (гуннское, монгольское, османское), либо в результате поражения революции или восстания (скажем, крестьянской войны 1525 г. в Германии) или комбинации внешних и внутренних факторов. Балканы никоим образом не исключение. И здесь далеко не всегда тот или иной народ мог один (и даже в сотрудничестве с соседями) добиться оптимального решения стоявших перед ним исторических задач. XIX век дает показательные примеры. Первое сербское восстание было подавлено; восстание 1821 г. в Валахии под водительством Тудора Владимиреску тоже; греческое восстание в 1825—1827 гг. находилось на краю гибели; революция 1848 г. в Валахии потерпела поражение (имеется в виду конкретный исход этих событий, а не их большое положительное влияние на дальнейшее развитие Балкан). Все вооруженные выступления в Болгарии вплоть до Старозагорского (1875 г.) и Апрельского (1876 г.) были потоплены в крови. Попытка сербского княжества в 1876 г. бросить вызов Порте и в сотрудничестве с боснийско-герцеговинскими и болгарскими повстанцами

inslav

и черногорской армией вступить с ней в схватку окончилась, несмотря на героизм и жертвы войска и народа, неудачей. Понадобилось ультимативное вмешательство Петербурга, чтобы остановить турецкое наступление.

Что касается соотношения сил в Юго-Восточной Европе, то, несмотря на прогрессирующее ослабление Османской империи, Порта на протяжении трех четвертей XIX в. сохраняла преобладание. Первая широкая успешная акция объединенных балканских сил против нее, осуществленная самостоятельно, без поддержки извне, относится к 1912 г., к первой балканской войне.

Высказанное соображение ни в коем случае не означает ни умаления, ни недооценки значения теории народ — творец истории. Но летопись Балкан показывает и громадную роль внешнего фактора в решении объективно стоявших исторических задач. Известно, что советская историография на основании изучения и анализа конкретного материала пришла к выводу об объективно прогрессивном значении русско-турецких войн для истории Юго-Восточной Европы[6]. Это именно общий вывод, потому что, растаскивая историю по кусочкам и смешивая субъективный фактор — агрессивные и ретроградные планы царизма — с историческим значением русско-турецких войн, можно прийти к иным умозаключениям. Примеров реакционной политики царизма много: планы раздела Балкан после Тильзитского мира 1807 г.; согласие на вторжение турецких войск в Валахию в 1821 г.; участие в подавлении там революции в 1848 г.; наконец, стремление опереться на Балканах на консервативные политические силы (что не всегда удавалось на практике). Но эти отрицательные явления, к которым можно прибавить ряд им подобных, не могут, по мнению советских историков, в совокупности своей перевесить объективно положительный для Юго-Востока Европы факт ослабления Порты в ходе войн с Россией, что являлось необходимой предпосылкой национального освобождения балканских народов.

Решающие внешнеполитические точки балканской истории XIX в. почти все были связаны с русско-турецкими войнами: первое упоминание сербской автономии в международно-правовом документе — Бухарестский мир 1812 г.; воссоздание греческой государственности, укрепление и расширение автономии Дунайских княжеств и Сербии — Адрианопольский мир 1829 г.; возрождение Болгарского государства, международное признание независимости Сербии, Румынии и Черногории — Берлинский трактат 1878 г. В этих актах, пусть в неполной и несовершенной степени, фиксировались достижения освободительного движения, принимавшие уже необратимый характер. Ведь даже после крымского поражения царизма Парижский мир подтвердил, а в некоторых пунктах расширил права балканских народов. Известный болгарский историк академик Д. Косев писал: «Каждому образованному человеку хорошо известно, что в конце концов после почти вековой борьбы балканских народов, всегда связанной в решительные моменты с Россией и с русско-турецкими войнами, они получают освобождение, хотя и не полное,

inslav

и создают самостоятельные балканские государства, а Россия не получает и клочка земли на Балканском полуострове»[7].

Общей закономерностью в процессе становления балканской государственности можно считать весьма важное значение международного фактора. Рельефно проявилась отрицательная роль политики статус-кво, курса на сохранение в неприкосновенности европейских владений Османской империи, проводниками которого являлись Великобритания и Австрия. Положительным моментом являлось прогрессирующее ослабление османского владычества в Юго-Восточной Европе, чему в немалой степени способствовали русско-турецкие войны. И не случайно во всех без исключения вооруженных столкновениях между Россией и Турцией на стороне первой выступали добровольческие соединения балканских народов или повстанцы, а в 1877—1878 гг.— регулярные армии Румынии, Сербии и Черногории[8]. Попытки валашских унионистов организовать легион в помощь Турции в ходе Крымской войны явились исключением, не нарушившим, на наш взгляд, общего явления. Османские власти не верили, что в ходе войны 1853—1856 гг. им удастся заручиться поддержкой населения Дунайских княжеств; валашские эмигранты, прибывшие для создания легиона, были высланы из пределов империи. Эта акция многоопытных османских сановников показывает, что они не считали возможным привлечь румынский народ на свою сторону[9].

Явно прослеживается типологическая общность в этапах становления государственности, а именно через ступень автономии (или укрепления и расширения автономии) к полной независимости. Важное значение при этом имел исторический опыт, в частности средневековый — не была забыта республика Дубровник (Рагуза). В этом явлении существование такой «опорной точки» государственности в Юго-Восточной Европе, как Дунайские княжества, имело первостепенное значение как в качестве образца, которому надо следовать, так и в смысле реальной поддержки — сербские, болгарские, албанские эмигранты находили на земле княжеств, а в дальнейшем Румынии гостеприимное убежище и были окружены симпатией прогрессивной общественности. С 30—40-х годов XIX в. подобную роль стала играть и Сербия. Эта общая черта — через автономию к независимости — почти не знает исключений. В ходе восстания греческого народа был сразу же выдвинут лозунг независимости; однако тяжелые поражения повстанческой армии в дальнейшем заставили греков снять это требование (обращение к Ч. Стрэтфорд-Каннингу в 1825 г., обращение к британскому правительству в 1826 г.). При этом греческое правительство выражало желание получить для своей страны статус существовавшей в средние века Дубровницкой (Рагузской) республики, обладавшей очень широкими правами. Предоставление Греции в дальнейшем независимости объяснялось сложными отношениями и соперничеством между так называемыми державами-гарантами и не вытекало непосредственно из соотношения сил Греции и Турции.

inslav

Подъем освободительного движения поставил в практическую плоскость вопрос о сотрудничестве и взаимопомощи отдельных ее национальных компонентов. Типологическая общность и его буржуазный характер создавали для этого предпосылку. Ни одно из крупных народных выступлений на Балканах нельзя назвать узконациональным; в каждом участвовали выходцы из соседних земель. И каждое в свою очередь оказывало влияние на окружающие страны, особенно если оно увенчивалось созданием или укреплением очагов государственности. Роль Сербии, Греции и Дунайских княжеств, позднее Румынии в этом смысле очень велика. Это одно направление в историческом развитии Балкан. Вспомним такие факты, как участие многочисленных добровольцев из балканских стран в греческой революции 1821—1829 гг., заключение в 1867 г. балканского союза, широкое общественное движение в Румынии и Греции в поддержку восставших в 1875—1876 гг. боснийцев, герцеговинцев и болгар, вступление тогда же Сербии и Черногории в войну против Турции, участие Румынии в войне 1877—1878 гг. Сотрудничество порой охватывало и консервативные круги (согласие черногорского князя на вхождение страны в состав Сербии, предложение Карлу Румынскому болгарской короны и т. д.).

Теоретическую разработку и обобщение идея балканского сотрудничества нашла в различных планах балканской конфедерации, которые разрабатывали представители буржуазии периода ее подъема, в программах революционных демократов (Н. Бэлческу, Х. Ботев, С. Маркович). В дальнейшем эта идея нашла свое новое воплощение в вынашивавшемся социалистическим движением Балкан плане федеративной балканской республики.

Но нельзя игнорировать и другого ряда явлений. Во главе движения, особенно на первых его этапах, стояли верхние слои тогдашнего балканского общества, объективно являвшиеся носителями буржуазно-гегемонистских устремлений. В условиях многонародности полуострова, этнической неразмежеванности во многих районах, переплетения исторических судеб их населения эти тенденции проявляли себя в великогреческих, великосербских, а в дальнейшем в великорумынских, великоболгарских и великоалбанских идеях. В то время как народы боролись за свое государственное утверждение, эти идеи находились в тени; но в эмбриональной форме, в виде стремления, умонастроения среди определенных и влиятельных идеологов и руководителей движения, мечтавших о возрождении Балкан под эгидой возглавляемого ими государства, они существовали. Черты эти прослеживаются даже в высшей степени демократической конституции, составленной видным греческим революционером Ригасом Велестинлисом в конце XVIII в., в «Начертании» И. Гарашанина, в трактовке «исторического права» в пользу того или иного народа.

Уже в 1821 г. произошло трагическое столкновение между руководителями греческого и валашского движения, А. Ипсиланти и Т. Владимиреску, имевшее итогом гибель последнего. Сербский князь Милош Обренович занял выжидательную позицию в отноше-

inslav

нии греческой революции. В годы Крымской войны правящие круги Сербии и руководители болгарского движения проявляли стремление к сотрудничеству с Россией, а румынского — с Францией. Балканский союз 1867 г. не выдержал испытания временем. Ко времени Восточного кризиса 1875—1878 гг. он как межгосударственный акт был мертв. Румынское правительство не поддержало Сербию в войне против Турции и провозгласило нейтралитет. Осторожно-выжидательную позицию заняли влиятельные правящие круги Греции, и в этом ее поощрял Лондон. Греческий ученый Е. Кофос пишет: «Хотя идея балканского братства и не утратила в известной мере своего блеска, курс на столкновение, а не на сотрудничество становился все более и более определяющим в балканских отношениях» [10]. По мере становления буржуазных государств в Юго-Восточной Европе начались прямые столкновения между ними. Уже в 1885 г. сербские войска напали на Болгарию. Война 1913 г. явилась по сути дела схваткой за передел полуострова между недавними союзниками. Стремление к расширению сферы своего господства в разных формах — от прямых территориальных захватов до внедрения капитала в экономику определенных регионов и финансового, а затем и политического их закабаления — имманентно присущая капитализму черта. Относительная слабость той или иной национальной буржуазии отнюдь не лишает ее политику указанных свойств. Иногда превращение Балкан в «пороховой погреб Европы» приписывается исключительно политике великих держав. Такое мнение высказывалось, например, в докладе профессора М. Экмечича «Решение кризиса. Берлинский конгресс 1878 г. и после» [11] на XV Международном конгрессе исторических наук. Подобный взгляд представляется односторонним. Юго-Восточная Европа стала одной из «горячих точек» континента не только по причине захватнических планов и соперничества Германии, Австро-Венгрии, Великобритании, Франции, России и Италии, но и потому, что правители этих государств имели возможность использовать сталкивавшиеся интересы и стремление к преобладанию на полуострове пришедшей к власти национальной балканской буржуазии, ее тягу к «округлению» своих владений за счет соседей. Все это благоприятствовало вмешательству в балканские дела и обостряло обстановку в Юго-Восточной Европе.

Советская историография стоит на позиции дифференцированной оценки роли народных масс и буржуазии на завершающем этапе создания объединенных национальных государств, приходящемся на годы первой мировой войны. Святое дело объединения трактуется в трудах советских историков как движение глубоко народное по истокам и прогрессивное по историческому значению. Но они подчеркивают, что сербская, болгарская, греческая, румынская буржуазия, стоявшая во главе государств, выходила при этом за этнические рамки, во-первых, и использовала политическую власть для того, чтобы закрепить в объединенном государстве свое классовое господство, во-вторых.

inslav

[1] См.: *Арш Г. Л.* Этеристское движение в России: Освободительная борьба греческого народа в начале XIX в. и русско-греческие связи. М., 1970; *Он же.* И. Каподистрия и греческое национально-освободительное движение. М., 1976; *Виноградов В. Н.* Россия и объединение румынских княжеств. М., 1959; *Он же.* Очерки общественно-политической мысли в Румынии. Вторая половина XIX — начало XX в. М., 1975; *Гросул В. Я.* Реформы в Дунайских княжествах и Россия (20—30-е годы XIX в.). М., 1966; *Гросул В. Я., Чертан Е. Е.* Россия и формирование Румынского независимого государства. М., 1969; *Достян И. С.* Борьба сербского народа против турецкого ига. М., 1958; *Она же.* Россия и балканский вопрос. М., 1972; *Карасев В. Г.* Сербский демократ Живоин Жуевич. М., 1974; *Конобеев В. Д.* Българското национално-освободително движение. София, 1972; *Никитин С. А.* Очерки по истории славян и русско-балканских связей в 50—70-е годы XIX в. М., 1970; Освобождение Болгарии от турецкого ига. М., 1953; Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы: В 3-х т. М., 1961—1967; Балканские исследования. М., 1978. Вып. 3. Освободительное движение на Балканах.; Первое сербское восстание 1804—1813 гг. и Россия. Документы: В 2-х т. М., 1980—1983; *Писарев Ю. А.* Образование югославского государства. М., 1978; *Он же.* Сербия и Черногория в первой мировой войне, 1914—1916. М., 1969; *Он же.* Освободительное движение югославянских народов Австро-Венгрии в 1905—1914 гг. М., 1959; Россия и национально-освободительная борьба балканских народов: Документы. М., 1978; Балканские исследования. М., 1978. Вып. 4. Русско-турецкая война 1877—1878 гг. и Балканы; *Сенкевич И. Г.* Россия и Критское восстание 1866—1869 гг. М., 1970; *Сидельников С. И.* Болгарский революционный центральный комитет. Харьков, 1970; *Станиславская А. М.* Россия и Греция в конце XVIII — начале XIX в. М., 1976; *Улунян А. А.* Болгарский народ и русско-турецкая война 1877—1878 гг. М., 1971; *Он же.* Апрельское восстание 1876 г. в Болгарии и Россия. М., 1978; *Хитрова Н. И.* Черногория в национально-освободительном движении на Балканах и русско-черногорские отношения. М., 1978; *Чорний В. П.* Апрельское восстание 1876 г. Львов, 1976; Юбилей дружбы. Кишинев, 1969; и др.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 38.

[3] *Bălcescu N.* Opere. Buc., 1964, v. IV, p. 281.

[4] XV Congres International des sciences historiques: Rapports. Buc., 1980, t. 2, p. 396.

[5] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 9, с. 5.

[6] Информационные обзоры по данной проблеме см.: Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в. М., 1978; *Бочкарева С. И., Вяземская Е. К.* Россия и Балканы в XVIII — начале XX в.— В кн.: Основные проблемы балканистики в СССР. М., 1979.

[7] Нов. и новейш. ист., 1979, № 5, с. 36—37.

[8] См. указанные в сноске 1 работы В. Д. Конобеева, А. А. Улуняна, А. И. Станиславской, Н. И. Хитровой, сборники документов, Балканские исследования (вып. 3, 4); *Арш Г. Л.* Албания и Эпир в конце XVIII — начале XIX в. М., 1963; *Дружинина Е. И.* Кючук-Кайнарджийский мир 1774. М., 1955; *Семенова И. В.* Россия и овободительная борьба молдавского народа в конце XVIII в. Кишинев, 1976; *Гросул В. Я.* Дунайские княжества в политике России, 1774—1806. Кишинев, 1975; и др.

[9] *Rosetti C.* Gînditorul. Omul. Buc., 1969, p. 274.

[10] *Kofos E.* Greece at the Crossroads.— International symposium: The Last Phase of the Eastern Crisis (1878—1881). Volos, 1981.

[11] *Ekmečič M.* Solution of a Crisis: The 1878 Berlin Congress and after.— In: XV Congres..., t. 2, p. 308—328.

inslav

Реформы и революции на Балканах в XIX в.

В. Я. ГРОСУЛ

XIX век вошел в историю балканских народов как век перехода от феодализма к капитализму, значительного усиления национально-освободительных движений и становления национальных государств, как век складывания буржуазных наций. Среди тех важнейших характерных черт, которые отличают XIX век, особое место принадлежит национальным и социальным революциям, а также крупным социальным преобразованиям в результате ряда реформ. Роли реформ и революций в разрешении основных задач, стоявших перед балканскими народами, их соотношению между собой и степени эффективности в деле разрешения этих задач и посвящается данная статья. Выявление этого соотношения, как нам думается, поможет и в вопросе классификации как революционных движений, так и реформ, что, впрочем, должно стать объектом специальных исследований.

К началу XIX в. Балканы, некогда бывшие колыбелью европейской цивилизации, с точки зрения развития производительных сил, политического устройства и уровня духовной культуры были наиболее отсталым регионом Европы.

Однако в конце XVIII — начале XIX в. на Балканах обозначились качественные изменения, связанные в одних районах в большей степени, в других — в меньшей с начавшимся развитием капиталистических элементов в результате внутренних социально-экономических сдвигов и под влиянием передовых капиталистических государств. В XIX в. можно выделить четыре этапа в решении основных социально-экономических и национально-освободительных задач, стоявших перед балканским населением различных областей и районов, которые в основном совпадают с этапами развития балканской политической мысли[1]. Первый этап охватывал приблизительно первую треть XIX в. и завершился созданием первого независимого национального государства в этом регионе — Греции. Второй этап продолжался от 1830 г. до середины 50-х годов, т. е. до Крымской войны. Третий — от середины 50-х годов и до заключения Берлинского мирного договора 1878 г. и четвертый — с конца 70-х до конца 90-х годов XIX в., т. е. до начала эпохи империализма, условной гранью которого можно считать на Балканах греко-турецкую войну 1897 г.

Данная периодизация охватывает изменения, происшедшие в ходе как революций, так и в итоге реформ. Реформы столь же закономерны в мировой истории, как и революции. И те и другие неизбежны, но их результаты различны по степени широты и глубины своего воздействия на общественный прогресс. Основоположники марксизма-ленинизма никогда не отрицали значения реформ, но они видели их ограниченный характер и неспособность разрешения кардинальных вопросов жизни. В. И. Ленин дал классическое определение соотношения реформ и революций. Он писал:

inslav

«Всякая реформа лишь постольку и является реформой (а не реакционной и не консервативной мерой), что она означает известный шаг, „этап“ к лучшему. Но *всякая* реформа в капиталистическом обществе имеет *двойственный* характер. Реформа есть уступка, которую делают правящие классы, *чтоб* задержать, ослабить или затушить революционную борьбу, чтобы раздробить силу и энергию революционных классов, затемнить их сознание и т. д.»[2]. В. И. Ленин в этой работе подчеркнул, что реформа есть «*побочный продукт* революционной классовой борьбы пролетариата»[3].

Таким образом, марксисты ни в коей мере не отрицают значения реформ, отмечая при этом их ограниченный характер. Типологизация реформ на Балканах является одной из задач исторической науки, и мы частично коснемся ее в нашей статье, поскольку в литературе не всегда проводится различие между реформами и отдельными правительственными актами (указами, постановлениями и пр.), по своему существу к реформам не относящимися. В статье разбираются как межформационные, так и внутриформационные революции и реформы нового времени. Порой трудно дать оценки тем или иным крупным революционным движениям, иногда встречаются затруднения в их классификации, т. е. отнесения к разряду революций или, допустим, крестьянским войнам. Необходимо четко выявлять причины, задачи, движущие силы, результаты и историческое значение революций или других крупных революционных выступлений. Победоносная буржуазная революция требует наличия всех этих компонентов[4]. Но, кроме того, существуют и незавершенные, потерпевшие поражение революции. Однако при анализе таких революций столь же необходимо выявление и причин, и задач, и движущих сил, и результатов, и их реального исторического значения, как правило заключающегося в прокладывании пути к последующим существенным преобразованиям.

Типология революций в марксистской литературе разработана значительно лучше, чем типология реформ. Обращение к балканскому региону представляет значительные возможности как с точки зрения выявления соотношения революций и реформ (прежде всего степени их эффективности в деле реализации основных задач, стоявших перед балканскими народами), так и с точки зрения их классификации.

В самом конце XVIII — начале XIX в. на Балканах произошли события, положившие начало процессам, которым было суждено продолжаться все XIX столетие. Они отражали борьбу революционного и реформистского путей разрешения основных социально-экономических и политических задач балканского общества. В 1797 г. видный греческий революционер-демократ Ригас Велестинлис вырабатывает политическую программу для всех балканских народов, которая предусматривала ликвидацию османского господства и проведение коренных демократических преобразований в регионе. Он составил проект конституции будущего государства, которое должно было возникнуть на развалинах Османской империи и бросил призыв к объединению балканских народов. Более того, Ригас присту-

inslav

пил к реализации своей программы, встав на путь революционной борьбы[5], прерванной ранней его гибелью.

Но уже в самом начале XIX в. развертывается Первое сербское восстание — крупнейшее народное движение, равного которому на Балканах прежде не было: по своему размаху и задачам оно приближалось к национальной революции. В литературе отмечается, что, после того как восстание, прежде направленное преимущественно против янычар, «переросло в национально-освободительное движение против султанской Турции, за создание независимого сербского государства, оно приобрело характер антифеодальной аграрной революции»[6].

В тот период происходит конкретная реализация серии реформ, проведенных как сверху — султанским правительством, так и — в отдельных балканских районах — местными правителями. На Ионических островах образуется первая балканская республика нового времени; в 1799 г. здесь вводится первая конституция на Балканах[7]. Эта республика находилась под покровительством российского императора и султана и проведенные реформы осуществлялись совместными усилиями представителей русской администрации и местного населения. Продолжением и развитием этих реформ на Ионических островах явилась введенная там в 1803 г. новая конституция. Впервые в Юго-Восточной Европе нового времени проводились мероприятия, значение которых выходило за узкоместные рамки.

В конце XVIII — начале XIX в. зарождается турецкий султанский реформизм. Хотя некоторые турецкие историки, например Т. Тунайя, относят зарождение вестернизации Турции к началу XVIII в., однако лишь ко времени царствования Селима III (1789—1807) наблюдаются первые заметные попытки преобразований государственных институтов[8]. Мероприятия Селима были столь многочисленными, что даже получили название «низам-и джедид», т. е. «новая система»[9]. Турецкий правительственный реформизм зарождался в сложных условиях борьбы со сторонниками старого порядка: янычарами, улемами, другими представителями феодальных слоев, считавшими всякое нововведение общественного и государственного порядка преступлением против веры[10]. Коран стал теоретическим оружием турецких консерваторов в борьбе против любых сторонников преобразований, даже из числа знати и самого султана. Этот социально-психологический фактор в мусульманских странах был столь существенным, что его преодоление потребовало весьма продолжительного времени, и, видимо, потому турецкий реформизм был сколь-нибудь заметным именно в высших кругах и лишь во второй половине XIX в. распространился на другие слои населения.

Однако преодолеть отсталость, прежде всего военную, Османская империя могла лишь путем реформ, потому реформизм был закономерен. В то же время его исторические перспективы были ограниченными, поскольку он был направлен на сохранение Османской империи, власти султана и феодальных порядков.

inslav

Первое сербское восстание привело к временной ликвидации турецкого феодального землевладения и турецкой административной системы управления в Сербии. Руководители восстания планировали введение конституции, которой должны были стать «Основания правительства сербского», выработанные деятелями восстания и их русскими советниками[11]. Однако разгром в 1813 г. восстания не позволил решить эти задачи. В 1815 г. вспыхнуло Второе сербское восстание, явившееся прямым продолжением Первого. Это восстание позволило сербам получить особые права в системе Османской империи, но оно не привело ни к полной ликвидации феодальных порядков, ни к независимости, ни к объединению сербских земель. Буржуазные преобразования, начавшиеся в Сербии еще во время Первого восстания, не были завершены и в период Второго восстания, и процесс перехода к капитализму с помощью реформ растянулся в Сербии на несколько десятилетий. Восстания заметно ослабили зависимость сербского народа от султана; в результате русско-турецкой войны и Адрианопольского мира 1829 г. Сербия получила довольно широкую автономию, что способствовало ускорению экономического и культурного развития.

Наиболее значительной революцией на Балканах в первой трети XIX в. была греческая. Начавшись в 1821 г., она продолжалась почти десять лет. Эпидаврский органический статут 1822 г. стал первой конституцией новой Греции, которая в соответствии с его постановлениями становилась независимым государством, были провозглашены буржуазные свободы и правопорядок. Важной особенностью греческой революции явилось сочетание национально-освободительной борьбы с гражданскими войнами, что объяснялось социальной неоднородностью лагеря восставших.

Греческая национальная революция победила благодаря напряженной борьбе греческого народа. Существенную роль играла и внешняя помощь. На последних этапах революции, когда положение Греции было особенно тяжелым, она получила определенную помощь со стороны Англии и Франции и особенно России, добившейся от Турции признания автономии Греции и прекращения многолетней греко-турецкой войны. По Адрианопольскому миру Порта признала воссозданное Греческое государство, а в 1830 г. по постановлению Лондонской конференции держав Греция стала первым независимым государством на Балканах.

Из других наиболее крупных народных выступлений первой трети XIX в. обращают внимание восстания 1821 г. в Дунайских княжествах. Восстание этеристов, главным образом греков, под руководством А. Ипсиланти не имело здесь глубокой опоры в народных массах, хотя и получило некоторую поддержку молдаван, валахов, болгар, сербов, албанцев[12]. Оно было быстро подавлено турецкими войсками, но послужило сигналом к крупным выступлениям в самой Греции. Более широкий размах приобрело восстание в Валахии под руководством Тудора Владимиреску. Оно носило антифанариотский, антибоярский и антитурецкий характер[13] и приближалось по своему значению к национальной революции. В буржуазную

inslav

революцию оно, однако, не переросло, поскольку процесс формирования национальной буржуазии только начался. Восставшие крестьяне, составлявшие основную движущую силу движения, не смогли добиться ликвидации феодальных порядков.

Условия для буржуазной революции в Валахии еще не созрели, ибо конфликт между производительными силами и производственными отношениями не дошел до такой степени, которая требует социального и политического переворота, т. е. передачи власти другому классу. В рамках феодального способа производства при соответствующих реформах имелись еще возможности для развития, что и произошло после Адрианопольского мира 1829 г., когда в Валахии и Молдове наблюдался довольно значительный экономический подъем[14].

1821 год принес Балканам и другой урок. Руководители восстания Тудора Владимиреску вступили в противоречие с А. Ипсиланти и другими вождями этеристов, в результате чего Владимиреску погиб, а его отряды были разгромлены турецкими войсками. Такая же участь постигла затем этеристов. Трагический исход обоих восстаний показал наличие разных национальных задач и свидетельствовал об объективной необходимости сплочения сил разных национальностей в борьбе против Порты.

В первой трети XIX в. на Балканах имели место выступления и восстания и иного плана. Известна, например, длительная борьба против турецкой центральной власти двух крупных албанских пашей: Махмуда Бушати и Али Тепелена. Возглавляемое ими движение носило прежде всего характер феодального сепаратизма, но они, как отмечается в литературе, в некоторой степени отразили и национальные устремления албанского народа[15] и способствовали усилению антиосманской борьбы албанцев, греков и сербов[16]. В первые десятилетия XIX в. произошли на Балканах и выступления менее широкого масштаба, например восстание Э. Влахаваса в Фессалии в 1808—1809 гг., движение болгар в период русско-турецкой войны 1828—1829 гг., восстания 1821 и 1827 гг. в Боснии и Герцеговине и др.

Можно с полным основанием сказать, что столь широких и результативных движений, как в первой трети XIX в., прежде в балканских районах не было. Их итогом явились создание независимой Греции, автономной Сербии, укрепление автономии Дунайских княжеств, дальнейшее расшатывание турецкого господства на Балканах в целом. Эти движения заставили султанское правительство еще больше задуматься над проведением внутренних реформ. Селим III, неустанно трудившийся на ниве реформ и достигший поначалу некоторых успехов, пал в 1807 г. жертвой заговора реакционеров. Практически все его нововведения были отменены, и новый султан Махмуд II вернулся к ним лишь в 1826 г.

В первые десятилетия XIX в. под руководством русской администрации были проведены реформы в Дунайских княжествах. Они привели к принятию первой боярской конституции — Органических регламентов, к частичной крестьянской реформе, созданию неко-

inslav

торого подобия представительного образа правления, воссозданию национальных регулярных армий и пр. При всем этом реформы носили паллиативный характер. Предоставив некоторые возможности для развития буржуазных отношений, они не отменили, а лишь видоизменили феодальные отношения (произошла как бы их европеизация) в главной сфере производственных отношений — аграрной, создав, однако, основание для последующих социальных конфликтов [17].

Примечательно, что в то время реформы предприняли и некоторые мятежные паши. Али-паша также был не против европеизации и даже независимо от Порты вступал в сношения с европейскими державами. При нем получила развитие в Албании и окрестных районых чифликчийская система, во многом отражавшая европеизацию феодальных отношений. Однако подобные процессы на Балканах в первой трети XIX в. никак нельзя сравнивать по их влиянию на социальные отношения и политическую и экономическую жизнь с крупными народными движениями. Они способствовали лишь изменению характера феодальных отношений, но не вели к их ликвидации. Эти реформы несколько укрепляли автономию отдельных районов, в том числе и национальную, но не могли привести к независимости балканских народов. Реформы же султанских властей ставили важнейшей задачей консервацию османского господства на Балканах.

После Адрианопольского мирного договора и прекращения русско-турецкой войны и войны в Греции на Балканах происходит заметный спад освободительных выступлений. «Спокойствие», однако, было относительным и не распространялось на все районы. Наиболее крупным движением этой поры явилась Валашская революция 1848 г., свидетельствовавшая о глубоком кризисе феодализма в этом княжестве. Но революция не сумела решить важнейший вопрос — аграрный — и была подавлена объединенными силами внешней и внутренней контрреволюции, крупным валашским боярством, с одной стороны, царизмом и султанской властью — с другой.

Примечательно, что в начале XIX в. преобразования на Балканах проводились под сильным воздействием французской революции XVIII в., впоследствии ощущалось определенное влияние революции 1830 г. во Франции, а валашская революция, как и усиление революционных движений в некоторых других районах Юго-Восточной Европы, испытала явное влияние революций 1848 г. в Европе.

В этот период появляются новые черты в народных движениях. Заметно усилились социальные выступления в тех районах, где задачи национального характера были в значительной степени решены. Так, в независимой Греции в ответ на бюрократизацию и увеличение налогов, на усиление гнета новых эксплуататорских верхов в 30-х годах происходит ряд восстаний. Это крестьянские восстания 1834, 1836, 1838 гг., сентябрьское вооруженное восстание 1843 г. в афинских воинских частях, побудившее короля Оттона, представителя баварской королевской династии, пойти на принятие новой конституции [18].

inslav

Не прекращались в 30—50-е годы и выступления против реформ центральных турецких властей. Подобные выступления были и раньше, и жертвой одного из них пал султан Селим III, но с 30-х годов активное сопротивление султанским реформам стало проявляться и в районах, населенных не только турками. В 1831 г. происходит восстание в Боснии под предводительством капитана Гуссейна, затем в Албании[19], причем их участники решили пойти на Стамбул с целью восстановления, как они заявляли, истинной веры. Оба восстания получили отзвук и в других районах. Они носили явно консервативный характер, но, расшатывая османскую систему, они ослабляли зависимость балканских народов от Порты.

Период до середины 50-х годов отмечен рядом восстаний, различных по своему характеру и размаху. Кроме уже упоминавшихся движений, можно, например, отметить албанские выступления 1843—1844 и 1847 гг., Герцеговинское восстание 1852—1853 гг. под руководством Л. Вукаловича, поддержанное черногорцами, болгарские восстания в западной и северо-западной Болгарии в 1835—1837 гг., Нишское восстание 1841 г., Брэильское 1841—1843 гг., Видинское — 1850 г. Ряд крестьянских восстаний происходит и в Молдавском княжестве, где в начале 1848 г. складывается революционная ситуация, не переросшая, однако, в революцию. Значительные социально-политические потрясения происходят в 30—40-х годах в Сербии.

Итогом всех этих выступлений было дальнейшее ослабление османской военно-феодальной системы во всех ее звеньях: экономической, политической и военной. Это побуждало турецких реформаторов во главе с Решид-пашой предпринимать более энергичные действия по модернизации государства. Начало новому периоду реформ положил Гюльханейский хатт-и шериф (ноябрь 1839 г.). В историю Османской империи он вошел под названием танзимата. Танзиматские реформы касались многих областей социальных отношений, образования, культуры, военного дела. Они провозглашали сохранность личности и имущества. Было несколько упорядочено судебное дело, модернизированы вооруженные силы, обновлен административный аппарат[20]. Власти, осуществлявшие эти реформы, не могли, да и не хотели проведения коренных преобразований, и к началу 50-х годов Османская империя продолжала оставаться феодально-абсолютистским государством, которому в той или иной степени подчинялась значительная часть Юго-Восточной Европы. Ограничение и затем отмена барщины в 1843 и 1848 г. в Боснии и Герцеговине и признание крестьян лично свободными не были осуществлены на практике. Это наблюдалось и в Албании, и в Болгарии, и в других районах, непосредственно подчиненных турецкой администрации.

Серия реформ проводилась и в странах, находившихся в вассальной зависимости от султана. В Сербии сельская и торговая буржуазия в борьбе против княжеской власти добивается принятия в 1835 г. первой сербской конституции — так называемого Сретенского устава, которому предшествовало выступление старейшин,

inslav

поддержанных народом. Эта конституция действовала всего полтора месяца и была отменена князем. Через три года была введена новая конституция (Турецкий устав), одобренная султаном, менее радикальная, чем прежняя, но просуществовавшая с некоторыми изменениями до 1869 г. В 1844 г. в Сербии был принят гражданский законник, т. е. углублялся процесс становления государственного аппарата буржуазного характера, сохранявшего, впрочем, многое от феодальных методов управления.

Некоторые реформы проводятся в Дунайских княжествах после событий 1848 г. Они очень поверхностно касались и аграрных отношений. Ряд мероприятий централизаторского и просветительного характера проводит правитель Черногории, сохранявшей фактическую независимость от Порты, Петр II Петрович Негош. В 1831 г. здесь учреждается Сенат, затем преобразуются судебные и полицейские органы, окончательно отменяется кровная месть и вводится всеобщий налог, заменивший прежние денежные и натуральные налоги. Петр II проводил эти преобразования, подавляя сепаратистские движения племенных старейшин.

В Греции еще при правлении Иоанна Каподистрия (1827—1831 гг.) велась работа по централизации власти, что было настоятельно необходимо в условиях борьбы с Османской империей. Во время революции и после нее был в некоторой степени разрешен аграрный вопрос, но значительная часть земли перешла к новым крупным землевладельцам, сохранявшим полуфеодальные методы эксплуатации крестьянства и наемных рабочих. Конституция 1844 г. установила ответственное министерство, избирательное право с соответствующим имущественным цензом, двухпалатный парламент, равенство граждан перед законом и пр. Далеко не все, что обещала эта конституция, претворялось в жизнь, но в тот период она была наиболее демократической на Балканах, способствуя усилению влияния национальной буржуазии. В целом реформы, проводившиеся в автономных или независимых от Порты странах Юго-Восточной Европы, были глубже и осуществлялись успешнее, чем в самой Турции, и способствовали более быстрому развитию здесь капиталистических отношений. Первопричиной реформ, однако, были прежде всего народные восстания.

С началом Крымской войны и вплоть до Берлинского конгресса 1878 г. Балканы вступают в полосу кровопролитных войн и крупных народных восстаний. Заметно оживилось движение болгар, пытается выступить на стороне России Греция, которой это помешали сделать Англия и Франция, усиливаются столкновения на черногорско-турецкой границе[21] и движение герцеговинцев и пр. Балканские народы считали, что Крымская война может способствовать усилению национально-освободительного движения и укреплению их позиций. После нее одна за другой следуют несколько войн и крупных восстаний против султана. В 1857—1858 и 1861—1862 гг. вспыхивают новые герцеговинско-боснийские восстания, сопровождаемые черногорско-турецкими войнами. В 1866—1869 гг. идет борьба между турецкими войсками и критскими повстанцами, поддерживаемы-

inslav

ми добровольцами из других стран, в том числе балканских, особенно из Греции. Вторая половина 60-х годов ознаменовалась и активизацией деятельности болгарских повстанческих чет. В 70-х годах разразилось наиболее мощное Герцеговинско-боснийское восстание, продолжавшееся в 1875—1878 гг. и положившее начало новому Восточному кризису. В тесной связи с этим восстанием происходит сербо-черногорско-турецкая война 1876 г., Старозагорское (1875 г.) и Апрельское восстания в Болгарии (1876 г.), восстания 1875—1877 г. в Албании[22]. В военных действиях русско-турецкой войны 1877—1878 гг. участвовали румынские, черногорские, сербские, болгарские, а также греческие воинские подразделения. Для балканских народов эта война означала войну за национальное освобождение, и действительно она привела к независимости Румынии, Сербии, Черногории и воссозданию Болгарского государства.

Период с середины 50-х до конца 70-х годов ознаменовался подъемом национально-освободительных движений. Но это было время не только национальных выступлений, приближавшихся по своим задачам и масштабности к национальным революциям. Хотя и в меньших размерах имели место и движения социального характера. Среди них наиболее значительной была греческая революция 1862 г., разразившаяся в условиях резкого обострения и финансового положения страны и недовольства широких народных масс королевским правительством. Оттон был свергнут, и на его место был посажен датский принц Георг I, вынужденный признать новую конституцию 1864 г.

Ряд значительных выступлений социального порядка происходит и в Румынии: крестьянское движение 1862 г. под руководством М. Мэлэеру, республиканское выступление 1870 г. в Плоешти и др. В Сербии усиливается борьба консерваторов и либералов и выделяется революционно-демократическое течение во главе с С. Марковичем. Результатом внутренних потрясений было принятие здесь новой умеренно либеральной конституции 1869 г. В этот период на Балканах ощущалось не только воздействие процессов объединения Германии и Италии, т. е. влияние движений национально-освободительного характера, но и Парижской Коммуны 1871 г. Именно в это время в Юго-Восточной Европе ощущается воздействие и российского революционного движения[23].

Период 50—70-х годов обозначился также рядом реформ. Танзиматские преобразования нашли продолжение в новом султанском рескрипте (хатт-и хамаюне) 1856 г., не только подтвердившем основные положения Гюльханейского акта, но и выдвинувшем некоторые новые задачи. В 1858 г. в Турции были приняты уголовный и земельный кодексы, в 1864 г.— закон о вилайетах, т. е. о новых административно-территориальных единицах, в 1869 г.— гражданский кодекс и т. д. Одной из особенностей турецких реформ этого периода было стремление распространить их и на территории, заселенные нетурецким населением[24]. В числе важнейших задач рескрипта 1856 г. было желание предотвратить национально-освободительные движения посредством новых, ненасильственных мето-

inslav

дов[25]. Примером этого явилась деятельность Мидхата-паши в Болгарии. Другая важная особенность турецкого реформизма той поры — это появление наряду с правительственным реформизмом, поощрявшимся и направлявшимся султанами и такими их приближенными, как Мустафа-паша Байрактар, Решид-паша, Мидхат-паша, реформизма оппозиционного. Наиболее значительным его течением явилось движение «новых османов» — первых турецких конституционалистов, длительное время подвергавшихся преследованиям, благодаря воздействию которых была принята первая турецкая конституция 1876 г.[26] Конституция эта, как и многие другие новые установления от имени султана, осталась мертвой буквой. В целом реформы второго этапа танзимата, начавшегося после 1856 г., имели незначительный результат как в турецких районах, так и на землях, населенных другими народами: аграрный закон 1858 г. в Боснии и Герцеговине, например, не приостановил нарастания новых, более мощных выступлений[27]; преобразования в Болгарии не ослабили возмущения болгарского народа османским господством и пр.

Большое значение имели реформы в автономных или независимых от Порты землях. Произошло объединение сперва в форме личной унии, под скипетром князя Александра Иоанна Кузы, а затем и слияние Молдавского и Валашского княжеств и образование нового государства в Юго-Восточной Европе — Румынии. Аграрная реформа 1864 г. стала условной гранью между феодальной и капиталистической Румынией. Ее проведение было вызвано не только экономической необходимостью, но и предшествовавшими ей народными движениями, а также и внешним воздействием (в частности, реформой 1861 г. в России). В конце 50-х — начале 60-х годов в Румынии осуществляется серия административных и прочих реформ, которые увенчала румынская конституция 1866 г.— конституция буржуазного характера, но, как отмечают исследователи, не соответствовавшая социально-экономическому устройству страны, сохранявшему значительные феодальные пережитки[28]. В Сербии, как уже отмечалось, вводится конституция 1869 г., а в Греции — конституция 1864 г. Все эти акты, хотя никогда полностью не соблюдались, были, несомненно, более действенными, чем турецкая конституция 1876 г. Процесс более быстрого экономического, социально-политического и культурного развития этих стран в 50—70-х годах не только продолжался, но и усилился.

Конец XIX в. не ознаменовался столь крупными выступлениями, как греческая революция, сербские восстания или восстания в Болгарии, Боснии и Герцеговине. Это объясняется тем, что ряд задач национально-освободительного характера уже был решен, а социальные противоречия еще не дошли до такой стадии, чтобы вызвать глубокие революционные процессы.

В Турции, наоборот, устанавливается при Абдул-Хамиде (1876—1909 гг.) самодержавно-деспотический режим, известный под названием «зулюм» (тирания). В основу своей политики Абдул-Хамид поставил религиозно-политическую идеологию панисламизма, кото-

inslav

рую он пытался использовать как во внутренней политике, в том числе в районах, населенных нетурецким населением, так и во внешней политике, распространив ее на мусульманское население в нетурецких районах. Попав в финансово-экономическую кабалу от европейских держав, султанское правительство не было способно как-либо оздоровить производительные силы страны. Оно всячески сдерживало развитие культуры и народного образования и не шло даже на те незначительные прогрессивные меры, которые одобрялись предшествовавшими султанами. Правление Абдул-Хамида наглядно показало, что эволюционный путь развития страны путем частичных реформ для Турции невозможен и покончить с феодализмом и мракобесием смогут только турецкие революции.

Уже летом 1878 г. один из руководителей «новых османов», Али Суави бей, предпринимает попытку восстания в Стамбуле с целью свержения султана, но безуспешно. Движение, направленное на ограничение власти султана, однако, не прекратилось. В 80-х годах создается буржуазно-революционная организация «Единение и прогресс», среди прочих целей поставившая и задачу союза с угнетенными национальностями[29],— новое явление в истории турецкого освободительного движения. В 1897 г. члены этой организации устроили первую политическую демонстрацию в Стамбуле. Жестокие преследования не сломили ее активности: именно представители этой организации, известные также под названием младотурок, встали во главе первой турецкой революции — младотурецкой революции 1908 г.

Наиболее примечательными движениями в других районах Юго-Восточной Европы в этот период были критские восстания 1887, 1895 и 1896—1897 гг. под лозунгом объединения с Грецией, боснийско-герцеговинские восстания 1878, 1879 и 1881—1882 гг., направленные против власти Австро-Венгрии, соединение Восточной Румелии с Болгарией, вызвавшее также сербо-болгарскую войну 1885—1886 гг., движение Албанской (Призренской) лиги конца 70-х — начала 80-х годов[30]; выступления македонских четников, греко-турецкая война 1897 г. Все эти события в большей или меньшей степени носили национально-освободительный характер. Однако известны в этот период и выступления с ярко выраженной социальной направленностью. Таким было Тимокское восстание 1883 г. в Восточной Сербии, в процессе которого крестьянское движение сомкнулось с протестом городской бедноты, а также выступлениями сельской и городской буржуазии. В Румынии в 1888 г. произошло крупное крестьянское восстание; в ряде мест его поддержали рабочие и представители социалистического движения[31].

В Албании наиболее крупное крестьянское восстание происходит в 1884—1885 гг.[32], а в Болгарии крестьянское движение усиливается в 90-х годах. Последние десятилетия на Балканах ознаменовались расширением рабочего движения, а также становлением социалистического движения. Свидетельством его зрелости было образование в 1891 г. Болгарской социал-демократической партии и в 1893 г. Социал-демократической партии рабочих Румынии.

inslav

В 80—90-х годах появляются рабочие организации в Сербии, руководителями которых были сербские социалисты, образовавшие в 1903 г. Сербскую социал-демократическую партию. Таким образом, несмотря на то что еще не все задачи национально-освободительного характера были решены, с конца XIX в. усиливаются выступления народных масс города и деревни против буржуазии и крупных землевладельцев. В конце этого века на Балканах ощущается влияние немецкой социал-демократии и — чем дальше, тем больше — российского революционного движения.

Как и прежде, определенные реформы «сверху» проводились в странах Балканского полуострова, освободившихся от султанского господства. В 1898 г. Порта после нового восстания на о-ве Крит и войны с Грецией предоставила административную автономию острову, что было важным шагом на пути его объединения с Эллинским королевством. Рост внутреннего недовольства побудил сербское правительство в 1888 г. принять новую, более демократическую конституцию [33], и, хотя реакционные круги в 1893 г. вернули страну к конституции 1869 г., движение протеста охватило широкие общественные круги — от рабочего класса до либеральной буржуазии; военный переворот привел к смене династии и возвращению в 1903 г. к конституции 1888 г.

Определенные преобразования в конце XIX в. проводятся в Черногории в государственном управлении и административном устройстве (замена Сената Государственным советом, некоторые аграрные преобразования, принятие «Имущественного законника Черногории», реорганизация вооруженных сил и пр.) [34]. В Греции некоторые преобразования в конце XIX в. проводят обе конкурировавшие буржуазные политические группировки: Трикуписа и Делиянниса. Х. Трикупис и его сторонник Феотокис обращали заметное внимание на развитие путей сообщения, реформирование налоговой, судебной системы, развитие народного образования. Все эти преобразования вели к определенному укреплению позиции буржуазии и ликвидации некоторых пережитков феодализма. Балканские государства превращались в буржуазно-монархические со значительной степенью зависимости от иностранных держав.

Для крупных социальных потрясений во главе с пролетариатом еще не созрели предпосылки. В одних странах капитализм развивался по восходящей линии, в других шло укрепление буржуазных элементов.

Основные задачи социально-экономического и политического характера в XIX в. решались на Балканах, как правило, революционным путем. Задачи, с которыми эти страны пришли в XX в.,— социальное освобождение, ликвидация монархического строя, освобождение от засилья капиталистических держав — также подлежали решению именно путем революции.

Балканская история XIX в. при определенной специфике в области соотношения реформ и революций в то же время развивалась в русле основных закономерностей, присущих всемирно-историческому развитию. В XIX в. на Балканах имели место межформацион-

inslav

ные революции (греческая революция 20-х годов), внутриформационные (греческая революция 1862 г.) и незавершенные революции (валашская революция 1848 г.). Там разворачивались такие крупные освободительные движения, как Первое и Второе сербские восстания, восстание Тудора Владимиреску, Герцеговинско-боснийское восстание 1875—1878 гг., Апрельское восстание 1876 г. в Болгарии, в которых крестьянские войны переплетались с национальными выступлениями и которые в большей или меньшей степени по своим задачам, характеру и значению приближались к национальным революциям. XIX век был свидетелем множества крестьянских восстаний, прокладывавших дорогу революционному разрешению национальных и социальных задач. Вместе с тем имели место и феодальные мятежи и порой отдельные выступления консервативного характера, которые свидетельствовали о том, что не всякое движение способствовало социальному и политическому прогрессу.

Революциям и революционным выступлениям на всем протяжении XIX в. сопутствовали многочисленные реформы. Выделяются межформационные реформы (крестьянская реформа 1864 г. в Румынии или реформы в Болгарии после русско-турецкой войны 1877—1878 гг.), реформы внутри феодального общества, способствовавшие изменению формы феодализма (реформы после Адрианопольского мира в Дунайских княжествах), охранительные феодальные реформы, наиболее характерные из которых были проведены турецкими султанами. Огромное число народных движений и проведенных реформ на Балканах в XIX в. ставит таким образом специальную задачу их последующей четкой классификации, что должно явиться предметом специальной работы.

[1] *Трайков В.* Идеологически течения и програми в национално-освободителните движения на Балканите до 1878 године. С., 1978, с. 10.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 15, с. 107.
[3] Там же, с. 108.
[4] См.: *Поршнев Б. Ф.* В. И. Ленин о ранних буржуазных революциях.— Новая и новейшая история, 1960, № 2; *Даниленко Д. И.* Социальная революция. М., 1964; *Селезнев М. А.* Социальная революция: (Методологические проблемы). М., 1971.
[5] *Арш Г. Л.* Ригас Велестинлис — греческий революционер-демократ, борец против османского ига: (Его практическая революционная деятельность).— Балканский исторический сборник, Кишинев, 1968, 1, с. 7—8.
[6] Советская историческая энциклопедия. М., 1967, т. 10, с. 1020.
[7] *Станиславская А. М.* Россия и Греция в конце XVIII — начале XIX в. М., 1976, с. 5.
[8] *Желтяков А. Д.* К вопросу о вестернизации Турции в новое время: (По концепции турецкого историка Т. Тунайя).— В кн.: Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Л., 1968, вып. 11, с. 127—128.
[9] *Миллер А. Ф.* Краткая история Турции. М., 1948, с. 42.
[10] *Желтяков А. Д.* К вопросу о вестернизации..., с. 126.
[11] *Достян И. С.* Россия и балканский вопрос. М., 1972, с. 67.
[12] *Тодоров Н.* Филики етерия и българите. С., 1965, с. 30—101.
[13] *Adăniloaie N.* 140 de ani de la răscoala coudusă de Tudor Vladimirescu.— Studii, 1961, N 3, p. 551.
[14] *Emerit M.* Les paysans roumains depuis le traité d'Andrinople jusqu'a la libération des terres (1829—1864). P., 1937, p. 193—217.

inslav

[15] *Миле Л. К.* Освободительное движение албанского народа против турецкого ига в период Танзимата (30—70-е годы XIX в.): Автореф. канд. дис. М., 1961, с. 21.
[16] *Арш Г. Л.* Албания и Эпир в конце XVIII — начале XIX в. М., 1963, с. 336—343.
[17] *Гросул В. Я.* Реформы в Дунайских княжествах и Россия. М., 1966, с. 6; 315—317; 382—383.
[18] *Логачев К. И.* Греческое общество в 30—50-х годах XIX в.— В кн.: Социальная структура общества в XIX в. Страны Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1982, с. 295.
[19] История Югославии. М., 1963, т. 1, с. 363.
[20] *Новичев А. Д.* История Турции. Новое время, т. III, ч. 2 (1839—1853). Л., 1973, с. 188—198.
[21] *Хитрова Н. И.* Черногория в национально-освободительном движении на Балканах и русско-черногорские отношения в 50—70-х годах XIX в. М., 1979, с. 111.
[22] *Сенкевич И. Г.* Албания в период Восточного кризиса (1875—1881 гг.). М., 1965, с. 68, 84.
[23] История Парижской коммуны 1871 года. М., 1971, с. 710—723; *Гросул В. Я.* Российские революционеры в Юго-Восточной Европе (1859—1874 гг.). Кишинев, 1973, с. 499—505.
[24] О распространении танзиматских реформ на провинции Османской империи см.: *Engelhardt Ed.* La Turquie et le Tanzimat ou histoire des réformes dans l'empire ottoman. P., 1882, t. 1, p. 53, 76, 89, 105—110.
[25] *Фадеева И. Е.* Мидхат-паша: Жизнь и деятельность. М., 1977, с. 18.
[26] *Петросян Ю. А.* Младотурецкое движение (вторая половина XIX — начало XX в.). М., 1971, с. 88—96.
[27] *Кондратьева В. Н.* Русские дипломатические документы об аграрных отношениях в Боснии и Герцеговине. М., 1971, с. 38.
[28] *Мадиевский С. А.* Политическая система Румынии. Последняя треть XIX — начало XX в. М., 1980, с. 165.
[29] *Миллер А. Ф.* Краткая история Турции, с. 117.
[30] *Сенкевич И. Г.* Албания..., с. 132—142; 157—179; *Иванова Ю. В.* Северная Албания в XIX — начале XX в. М., 1973, с. 21—22.
[31] *Виноградов В. Н.* Очерки общественно-политической мысли в Румынии. М., 1975, с. 247; История Румынии, 1848—1917. М., 1971, с. 312—314.
[32] *Арш Г. Л., Сенкевич И. Г., Смирнова Н. Д.* Краткая история Албании. М., 1965, с. 112—113.
[33] История Югославии, т. 1, с. 497.
[34] Там же, с. 520.

Русские архивные материалы о политике Франции в Дунайских княжествах (1830—1848 гг.)

Э. А. ДЖАПАРИДЗЕ, Н. В. КАБАКОВА

В 30-е годы XIX в. резко активизировалась политика Франции в Дунайских княжествах, на то были веские причины, в том числе внутриполитические. После разгрома Наполеона роль Франции на Балканах стала второстепенной. Слабый, опиравшийся на дворянство режим реставрации ориентировался вне страны на поддержку царизма; он и думать не смел о том, чтобы бросить Петербургу

inslav

вызов в столь опекаемой последним области, как Юго-Восточная Европа.

Положение изменилось после революции 1830 г. во Франции. К власти пришла крупная торговая, промышленная и банковская буржуазия, заинтересованная в экономической и колониальной экспансии. Николай I относился к «королю-буржуа» Луи-Филиппу Орлеанскому как к узурпатору. Официальные русско-французские отношения были испорчены; отпал такой прежде сдерживающий фактор, как стремление не раздражать Петербург. Париж во внешней политике стал ориентироваться на Англию.

Финансовая аристократия развивает чрезвычайную энергию в области колониальной политики, нашедшую выражение в настойчивом соперничестве с Англией на Ближнем Востоке, в упорной защите своих позиций в Сирии и Египте. В 30-е, а особенно в 40-е годы Франция становится важным фактором в балканской политике. Районом столкновения экономических и политических интересов — уже не с Великобратинаией, а с Россией — становятся Дунайские княжества. До нас дошли многочисленные свидетельства о все возрастающей заинтересованности Франции в укреплении торговых и культурных связей с княжествами. Французские путешественники, писатели, дипломаты отмечали, что княжества — это тот уголок Оттоманской империи, где французский капитал смог бы обосноваться с наибольшей выгодой для себя [1].

Интересны в этом отношении записки, составленные французскими консулами Лаганом (1829 г.) [2], Буале-Комптом, французским дипломатом в Константинополе (1834 г.) [3], отчеты консулов Кашле и Губера (1838—1839 гг.), Герса (1848 г.). Все они содержат немало сведений о ресурсах княжеств, об их лесах и быстрых реках, по которым можно сплавлять древесину, запасах железных и медных руд, плодородных землях, на которых произрастает пшеница, о тысячах голов скота. В отчетах консулов есть и предложения о развитии торговли Франции с княжествами [4].

С целью упрочения своего положения и влияния Франция учредила консульство в Галаце. Уже в 30-х годах возникают французские торговые дома. Объединение «Братьев Педамонти», например, осуществляло торговые операции с Марселем, Ниццей, Тулоном, Кале и Алжиром, объединение «Братьев Панди Арженти» поддерживало связи с Одессой, Константинополем, Смирной, Марселем и Лондоном [5]. В 1842 г. французы построили в Яссах паровую мельницу, лесопильный завод и фабрику клепки. Продукция этих предприятий вывозилась во Францию [6].

Расширение французской торговли со странами Юго-Восточной Европы, и в частности с Дунайскими княжествами, ставило своей целью подорвать русское и австрийкое влияние в этих областях и укрепить свое положение в Молдове и Валахии. Упрочению экономического и политического влияния Франции чрезвычайно способствовали высокий авторитет французской науки и культуры, престиж ее революционных традиций в глазах прогрессивных кругов Молдовы и Валахии.

inslav

Идеи «свободы, равенства, братства», внесенные Францией в духовную жизнь в конце XVIII в., ставили ее во главе европейского прогрессивного движения, привлекали к ней передовые силы других стран. После июльской революции 1830 г. усилилось проникновение в общественное сознание представителей интеллигенции балканских народов учения французских просветителей, призывавших к переустройству общества на новых, буржуазных началах, к борьбе за свободу, равенство и гражданские свободы.

Влияние идей Великой французской революции на формирование общественной мысли в княжествах шло различными путями: через непосредственное общение с представителями французской общественности, через французскую литературу, которая имела широкое распространение в княжествах, и прессу. Большую роль в оживлении общественного движения в Молдове и Валахии сыграли французы Ж. Ваян, Ф. Кольсон, Тавернье и другие, долгое время жившие там. Их статьи и книги, посвященные истории, культуре княжеств знакомили западноевропейского читателя с жизнью Дунайских княжеств.

Разнообразными были формы французского идеологического воздействия. Ставка делалась на либеральную часть боярства, нарождающуюся буржуазию как на проводников этого влияния. Особое значение придавалось связям с интеллигенцией княжеств, идейной выразительницей прогрессивных интересов и потребностей своей страны, с молодежью, отсюда открытие французских школ * (четырех — в Яссах, двух — в Бухаресте, одной — в Галаце) [8], предоставление субсидии театру, участие в различных обществах, возникающих в Молдове и Валахии.

Довольно значительное число молдаван и валахов завершало свое образование за границей, главным образом во Франции. Ведущее положение Франции на арене европейской революционной борьбы притягивало к ней передовые силы других стран. Воздействие французской культуры, литературы на мировоззрение и вкусы поколений людей являлось серьезным моментом формирования общественного мнения. «Сестра наша великая стояла у истоков всех наших больших свершений политики». «Париж зажег огонь румынской национальности в своих школах, объединил и оказал поддержку. Влияние французское у нас в крови», так думали многие представители интеллигенции в Молдове и Валахии [9]. Это настроение поддерживалось живущими в княжествах французами, статьями во французской прессе. «В княжествах говорят и пишут только по-французски, читают книги только французские, в театр ходят только на французские пьесы»,— с удовлетворением писал в своем донесении французский консул Дюкло из Бухареста [10]. Другой француз вторит ему: «Наши костюмы и наш язык распространены даже в начальных классах. Нет народа в мире... где бы наш язык находил такое распространение, как в Яссах и Бухаресте» [11].

* Касса, из которой получала средства на образование неимущая молодежь, находилась под покровительством французского консула [7].

inslav

Следует сразу же оговориться, что здесь везде идет речь о ничтожном проценте образованного населения княжеств. Что касается широких слоев крестьянства и городских низов, поголовно неграмотных и бившихся в нужде, то им было не до приобщения к французской культуре, они в театр не ходили, читать и на своем родном языке не умели.

Распространение французского влияния в образованных слоях населения княжеств вызывало тревогу русских дипломатов на месте и недовольство в Петербурге. Явная тенденция к усилению французских позиций, экономических и особенно идеологических, порождала у царского правительства глубокую озабоченность. В письме П. Д. Киселеву, возглавлявшему русскую администрацию в Молдове и Валахии в 1829—1834 гг. и до конца своих дней сохранившего живой интерес к судьбе княжеств, вице-канцлер К. В. Нессельроде сообщал о недовольстве царя «дебатами в Яссах в пользу парижских раненых в июльские дни» (1830 г.). В Петербурге расценили этот факт как результат пропаганды французов, книги которых распространились во все уголки земли[12]. Виконт де Граммон передавал из Бухареста: «Речи некоторых членов ассамблеи больше содержат сведений об истории Франции, чем об их стране», и далее сообщал о том, что «французский консул присутствует на заседаниях и оппозиция группируется вокруг него. Большое влияние имеют брошюры Ж. Ваяна*, автора нескольких памфлетов, запрещенных цензурой»[13].

Многие документы, отложившиеся в русских архивах, свидетельствуют о беспокойстве, внушаемом Петербургу превращением княжеств в арену активной антирусской агитации со стороны западноевропейских консулов и всякого рода проводников западного влияния. Очень интересна записка И. Липранди, в которой автор, говоря об усилившемся интересе западных держав к княжествам, приводит интересные примеры. По его наблюдениям, «Молдавия стала быть беспрерывно посещаема людьми, известными как принадлежащими к антирусской партии, она обратила на себя внимание и пропаганды. Боале Конты, Укворты**, Жирардены... были в Молдавии, искали сделать связи, поселить доверенность к антирусской партии, отклонить тех, которые еще были проникнуты искреннею признательностью и тайным чувством преданности к покровительствующей державе... посеять в молдаванах мысль, что их благо и благосостояние их отечества не зависят только от одного покровительства России, но, напротив... что Европа обратила на них свое влияние...». И еще один вывод, подтверждавший усиление интереса Франции и Англии к Молдове и Валахии, содержался в записке И. Липранди: «... до сего времени английские консулы в Яссах были людьми совершенно

* Ж. Ваян — один из руководителей заговора Дм. Филипеску в Валахии (1840 г.) и тайной организации «Сыны колонии Траяна» в Молдове (1841 г.), автор трехтомной «Истории Румынии», директор коллежа Св. Саввы в Бухаресте.

** Так в тексте. Автор записки имеет в виду Буа ле Комта, Уркарта.

inslav

ничтожными, избиравшимися из иностранных подданных, проживавших в Яссах, а теперь они избираются из людей с отличными дарованиями в Англии». В Яссы назначен консулом Гертнер, прямо из канцелярии Пальмерстона, оттуда же и секретарь консульства сэр Джон Лайд, принадлежавший к знатной английской фамилии. То же можно сказать и о назначении французского консула — он сын известного и знаменитого египетского консула Мимо [14].

В рассматриваемый период французским консулом в Бухаресте был Билекок, которого русский консул характеризовал как человека, строившего «химерические планы разрушить старое и законное влияние России в этой стране...» [15]. Но, судя по тому влиянию, которое этот консул имел на господарей княжеств, на его роль в либеральной оппозиции, на его вмешательство во внутренние дела Валахии в период кризиса 1841—1842 гг., планы этого представителя Франции были отнюдь не химерическими. Донесения из княжеств полны тревоги. Русский консул в Бухаресте Я. А. Дашков сообщал в Петербург: «Билекок ищет новые средства влияния, которое иностранные государства могут использовать с целью создать мнение, противоположное нашим» [16], французский консул тайно действует, «чтобы провоцировать Порту вмешиваться в дела княжеств, чтобы парализовать действия России в пользу поддержания законности и порядка в духе Органического регламента» [17]. При этом французские представители не гнушались переступать границы истины и приписывали Петербургу замыслы, которых у него не было.

Россия представлялась страной, стремящейся захватить княжества, посадить на престол своего ставленника *. Ей приписывали провоцирование движений болгар, сербов, греков, проживавших на территории княжеств. Французские консулы поддерживали всякую оппозицию, которая ориентировала княжества на западные держа-

* В 1841—1842 гг. во Франции широко обсуждался вопрос о намерении России объединить княжества и поставить во главе их графа П. Д. Киселева, бывшего главой русской администрации в княжествах 1829—1834 гг. «Молдо-валахи рассчитывают на достижение независимости,— писал французский консул Юбер посланнику в Константинополе Понтуа.— Но добьются ли они ее? Это более чем сомнительно, если они призовут графа Киселева. Это будет протекторат... молдо-валахи и боятся будущего, которое им приготовит квазирусская администрация, если великие державы останутся безразличными к их судьбе и оставят их (*Hurmuzaki E.* Documente..., v. XVII, p. 804—805). О «вероятном согласии русского императора на кандидатуру Киселева в Валахию и о поддержке Молдовы» сообщал в Париж Билекок (*Hurmuzaki E.* Documente..., v. XVII, p. 812). Подобные слухи имели распространение по всей Европе и широко обсуждались в самих княжествах, и, по мнению некоторых иностранных корреспондентов, «после лишения Гики господарского сана... все мнения избирателей склоняются в пользу Киселева». Сам же П. Д. Киселев высказался по этому поводу следующим образом: «...так как Гика свергнут по влиянию русского правительства, о чем известно целой Европе, то несовместно было бы замещать его русским подданным, как будто бы самое низвержение прежнего господаря последовало именно с этой целью... об избрании его и речи быть не может. Государь одобрил это мнение...». Пушкинский дом (ИРЛИ), Архив А. В. Головнина, № 39, ф. 208, л. 7.

inslav

вы[18]. Первым проявлением такого рода явилось либеральное движение во главе с Ионом Кымпиняну (1838—1839 гг.). Важную роль в нем играл секретарь французского консульства в Бухаресте Ф. Кольсон. Будучи доверенным лицом И. Кымпиняну, он вел переговоры с молдавским господарем М. Стурдзой по вопросу занятия им господарского престола и в Валахии (1838 г.). Встреча Ф. Кольсона и М. Стурдзы состоялась в 1838 г. Господарь Молдовы, осмотрительный и крайне осторожный, понимающий свою зависимость от царского правительства, временами заигрывал с представителями западных государств. На этот раз перспектива стать господарем объединенных княжеств заставила его на некоторое время забыть об осторожности. Несмотря на то что переговоры между М. Стурдзой, французским консулом Юбером и Ф. Кольсоном велись тайно, в Петербурге вскоре стало известно о них. По поступившим сведениям, «стороны договорились обо всех демаршах, которые нужно было предпринять в Лондоне и Париже»[19], чтобы склонить общественное мнение и, если возможно, и правительства двух стран в пользу плана, который намереваются осуществить в княжествах[20].

На самом деле М. Стурдза с самого начала повел двойную игру. Он не дал прямого согласия стать господарем объединенных княжеств, а заявил лишь, что он согласен на объединение княжеств и уничтожение иностранного влияния[21]. Результатов переговоры не имели.

Важное место в планах И. Кымпиняну занимало сотрудничество с польской эмиграцией. Он встречался с ее представителями в Константинополе, Париже и Лондоне. Польская эмиграция поддерживала идею объединения Молдовы и Валахии, так как рассчитывала путем создания такого государства создать барьер между Россией и Балканами. Княжества были своеобразным связующим звеном между польской эмиграцией в Европе, Константинополем и Польшей. Глава ее консервативного крыла (именно с этой частью эмиграции поддерживал связи И. Кымпиняну) А. Чарторыйский рассматривал установление связей с «национальной партией Кымпиняну и вообще с представителями княжеств как один из наиболее важных аспектов своей иностранной политики». Поляки вместе с французским и английским консулами в княжествах организовывали и оказывали всяческое содействие поездке И. Кымпиняну и Ф. Кольсона в Константинополь, Англию и Францию.

В феврале 1839 г. И. Кымпиняну тайно выехал в Константинополь, получив рекомендательные письма от английского консула в Бухаресте и французского консула в Яссах*, к послам Англии и Франции в Стамбуле лорду Д. Понсонби и адмиралу Руссэну и письмо польского эмиссара в княжествах Воронича к главе польской эмиграции в Константинополе В. Хшановскому. Он пробыл в турецкой столице около месяца и встречался с Понсонби и Руссэном.

* Французский консул в Бухаресте маркиз Шатожирон не только не присоединился к «демаршу своих коллег, но выразил свое резкое недовольство...» (АВПР, ф. Консульство в Бухаресте, д. 608, 1838 г., л. 140).

inslav

встречи принесли Кымпиняну разочарование. Он не обнаружил никакого подлинного интереса к судьбе Дунайских княжеств со стороны высокопоставленных дипломатов. Англия, Франция, Россия, Австрия были поглощены назревавшим на Ближнем Востоке кризисом, вызванным столкновением султана и его могущественного вассала, египетского паши Мухаммеда-Али.

Молдо-валашские дела были тогда периферией европейской политики, не они предопределяли расстановку сил держав. Личные симпатии и поддержку отдельных деятелей, в том числе и занимавших официальные посты во французском консульском аппарате, Кымпиняну, и не он один, был склонен принимать за проявление официальной поддержки французского правительства. На самом же деле на активность этих лиц из Парижа смотрели сквозь пальцы и даже ее поощряли, поскольку она способствовала упрочению в Бухаресте и Яссах французского влияния, но связывать себя формальными обязательствами и вступать в ссору с царизмом и Габсбургским двором не желали. Французский посланник в Константинополе Руссэн дал понять Кымпиняну, что Франция не может оказать в настоящий момент никакой поддержки... [22].

В апреле 1839 г. Кымпиняну уехал в Париж. Приезд его был в известной степени подготовлен статьями, брошюрами о княжествах, которые опубликовал во французской прессе бывший секретарь французского генерального консульства в Бухаресте, ближайший соратник Кымпиняну, один из авторов всех документов валашской оппозиции Ф. Кольсон. В Париже Кымпиняну встречался и имел беседы с Тьером и наиболее влиятельными членами обеих палат, министрами *. Он вручил им записку, в которой от имени своих сторонников обращался с призывом к Франции поддержать восстание в обоих княжествах, которое должно произойти было одновременно с восстанием в польских провинциях [23]. Проблема обсуждалась на заседании французского парламента [24]. Несмотря на теплый прием, оказанный Кымпиняну во французской столице, ему ясно дали понять, что никакой поддержки княжества не получат, Франция не хотела конфликта с Россией.

Такой же бесплодной была поездка Кымпиняну и в Лондон. Отказав в помощи Кымпиняну, западные державы по сути дела выдали его властям. Но это не помешало французскому консулу затем выступить в его «защиту»: «Полковник Кымпиняну должен быть освобожден... депутат Валахии должен быть немедленно освобожден из тюрьмы, боярин должен быть наконец вместе со своей семьей и со своими друзьями» [25].

В 1840 г. в Валахии было создано тайное общество по типу обществ, существовавших во Франции и Италии в эти годы, которое, по словам видного общественного деятеля княжеств И. Гики, должно было сыграть роль «отважного человека и вызвать народное вос-

* Ион Кымпиняну имел в Париже беседы с главой республиканской партии при Луи Филиппе Этьеном Гарнье, будущим президентом Временного правительства в 1848 г., Дюпоном де л'Эр и др.

inslav

стание в час, наиболее благоприятный с точки зрения международной ситуации».

Одним из организаторов этого общества был француз Ж. Ваян, приехавший в Валахию в качестве преподавателя в семью господаря и долгие годы проживший здесь. Наблюдая жизнь господствующего класса, тяжелое, бесправное положение крестьянства, он не остался равнодушным к судьбе княжеств, которые он считал своей второй родиной. Разделяя прогрессивные взгляды своих соотечественников, он стремился привить любовь к свободе, независимости и своим ученикам в коллеже Св. Саввы в Бухаресте. Некоторые из его учеников (Н. Бэлческу, Ч. Боллиак) стали членами тайного общества, руководимого Дм. Филипеску и Ж. Ваяном, другие (И. Гика, К. Росетти, Хр. Телль и др.) принимали активное участие в подготовке революции 1848 г. в княжествах.

При обыске у многих членов общества были обнаружены запрещенные книги, изданные во Франции, такие, как «Венгрия и Валахия» Е. Тувенеля, статьи Ф. Кольсона, обличавшие администрацию княжеств, напечатанные в газете оппозиции «National».

Общество 1840 г., руководимое Дм. Филипеску и Ж. Ваяном, занимает важное место в цепи событий, подготовивших революцию 1848 г. в княжествах. Руководители общества сформулировали революционную программу, которая в дальнейшем, по словам Ваяна, осуществлялась в ходе революции 1848 г.

После раскрытия тайного общества Дм. Филипеску в Бухаресте Ж. Ваяну, с помощью французского консула Билекока и при молчаливом согласии господаря А. Гики удалось бежать в Молдову.

По прибытии в Яссы Ж. Ваян устанавливает связи с представителями передовых кругов, с такими, как К. Негруцци, М. Когэлничану, А. Руссо и др.[26] О приезде в Яссы Ваяна, одного «из наиболее активных деятелей революционной пропаганды», специально уведомлял Я. А. Дашков своего коллегу в Яссах К. А. Коцебу[27].

В мае 1841 г. официально было объявлено о раскрытии в Молдове тайного общества, которое называлось «Сыны колонии Траяна северо-восточной провинции Молдовы», или «Северная ложа»[28]. Как и предполагали русские консулы, Ж. Ваян и в молдавской столице продолжал свою деятельность. Он был организатором и вдохновителем этого общества. Цель свою члены его видели в уничтожении тирании и аристократии, в «объединении наших румынских братьев» и «установлении режима свободы и любви к родине», девиз общества — «Братство и равенство»[29].

Хотя Ваяну удалось скрыться из Ясс до раскрытия общества, он был арестован в Галаце. Правда, вскоре он был освобожден по поручительству французского консула Виоле и отправлен в Константинополь. Ему навсегда был запрещен въезд в Молдову, так же как в Валахию.

В 1842 г. после восстаний болгар в Брэиле и Галаце, после ареста главы либеральной оппозиции Кымпиняну и раскрытия заговора Филипеску в Валахии сложилась трудная (с точки зрения Петер-

inslav

бурга) ситуация. Для выяснения создавшегося положения в Бухарест прибыли чрезвычайные полномочные: от России—генерал Дюгамель, от Порты—Шекиб-эффенди. Французский консул Билекок имел беседу с представителем Османской империи. «Цель этой встречи,— по мнению русского консула,— настроить Порту против России, убедить Шекиб-эффенди, что правительство России покровительствует тайным организациям, возникающим в княжествах, Болгарии, Сербии, Билекок пытался убедить турецкого комиссара, что оппозиция бояр в ассамблее тоже дело рук России»[30]. Нечего и говорить, что все это было домыслом. Под впечатлением беседы турецкий эмиссар пришел к определенному выводу, который и сообщил генералу А. О. Дюгамелю: «После заключения Ункяр-Искелесского договора вся Европа против России, начиная с этого времени не только в Валахии, но и во всех без исключения уголках Турции французские агенты не прекращают плести интриги и сочинять тысячи выдумок с единственной целью— навредить России»[31].

В ответ на обвинения, выдвинутые французским консулом, турецкий представитель резонно заявил: «...здравомыслящий человек не может верить в то, что Россия способствовала волнениям как в Валахии, так и в Молдове у своих границ». Далее Шекиб-эффенди продолжал: «...правительство России очень сильное и очень лояльное, чтобы прибегать к подобным способам»[32].

После избрания господарем Валахии, вопреки желаниям западных держав, Г. Бибеску Билекок «ищет новые пути, чтобы поддержать свое влияние»[33]. Характерно при этом, как это явствует из послания Буркэне, французского посла в Турции, что Францию мало заботило положение дел в Валахии: «Мы поддерживаем принца Гику, потому что не хотим успеха Санкт-Петербурга»[34].

Вопрос об образовании молодежи, которому правительство Франции придавало особое значение, был еще одной горячей точкой в отношении Франции и России в княжествах. Много молодых людей из княжества учились во французских коллежах, часто получая стипендии французского правительства. Рассматривая обучение молдовалашской молодежи в своих учебных заведениях как дело полезное и необходимое, как канал распространения французского влияния на язык, литературу, идеи, новый французский консул в Бухаресте Нион усмотрел в намерении русского правительства пригласить молодых людей из Молдовы и Валахии учиться на факультет права в Санкт-Петербург * опасное предприятие. Стремление русского правительства помочь создать в княжествах собственные высшие

* В русских учебных заведениях балканская молодежь получала самые различные специальности, пополняя ряды национальной интеллигенции. Мировоззрение их формировалось не только и не столько под влиянием официальной русской идеологии. Студенты из балканских стран вступали в различные контакты с прогрессивной общественностью России. Многие воспитанники высших учебных заведений России стали видными деятелями национального освобождения, участниками культурно-просветительского движения, им принадлежит видное место в развитии культуры балканских народов. См.: *Степанова Л. И.* Вклад России в подготовку болгарской интеллигенции в 50—70-е годы XIX в. Кишинев, 1981.

inslav

учебные заведения рассматривалось в Париже только как способ помешать молодежи из княжеств обучаться во Франции. Французские газеты пускались на всякого рода выдумки. Так, некоторые органы печати писали о том, что молдавское правительство собирается принять закон, который будет предусматривать лишение гражданских и политических прав каждого молдавского подданного, обучающегося во Франции. После этого французскому консулу в Яссах Кодрика пришлось давать своему министру разъяснение: на самом деле молдавское правительство рассматривало только состояние образования в княжестве и никаких запретов не налагало [35].

Русское правительство, боясь «очень опасных для социального порядка доктрин», распространенных во Франции, пыталось убедить господарей не посылать молодежь Молдовы и Валахии за границу, а «подумать о средствах для хороших школ в самих странах». «Состояние образования в княжествах таково,— отмечали русские консулы,— что молодежь, желающая учиться, должна искать университеты за границей» [36].

Несмотря на все старания Санкт-Петербурга и господарей, большая часть молодежи ехала продолжать свое образование во Францию. В конце 1845 г. в столице Франции по инициативе представителей Молдовы М. Когэлничану и Скарлата Вырнава и Валахии Иона Гики и Константина Росетти было создано Общество румынских студентов в Париже. Его целью было помочь молодежи, «которая могла бы оказать родине большую помощь», продолжать образование [37]. Молодые валахи и молдаване, члены Общества, посещали лекции прогрессивных французских историков Эдгара Кине и Жюля Мишле, в которых говорилось об идеях свободы и демократии, содержались высказывания против иностранного господства и прославлялось национальное движение.

И французское и русское правительство не оставили без внимания эту новую организацию, созданную уже за пределами княжеств. И те и другие выражали сомнение в том, что это Общество было создано только с целью оказания помощи неимущей талантливой молодежи. Французский консул в Бухаресте Нион пишет Гизо о том, что Общество, которое поддерживает «оживленные контакты с газетами, охваченными пропагандистским духом, страсти отдельных его членов не замедлят преобразовать общество студентов в политический клуб». И если в «Париже правительство бдительно, сильно и способно пресечь все опасные намерения», то «произойдет ли то же самое в княжествах, когда они туда вернутся?». Это, пожалуй, единственный случай, когда мнения русских и французских представителей сходились.

В оценке планов Общества русские дипломаты проявили полную солидарность со своими французскими коллегами. По их мнению, члены Общества объединились для изучения конституционных принципов и по возвращении на родину «будут стремиться к распространению принципов, которыми они руководствовались во время получения образования» [38].

inslav

Действительно, Общество румынских студентов в Париже было центром идеологической подготовки революции в княжествах. Члены Общества развернули широкую пропагандистскую кампанию во французской прессе в пользу независимости и объединения княжеств. Прогрессивная французская пресса в свою очередь публиковала статьи о княжествах как французов Ж. Ваяна, Ф. Кольсона, П. Батайярда, так и самих румын. В этих изданиях помещали свои статьи о Молдове и Валахии К. Росетти, И. Гика, Д. Брэтиану, Н. Бэлческу.

Вспыхнувшая в феврале 1848 г. революция в Париже не оставила румынскую молодежь, находящуюся во Франции, равнодушной. Они были в отряде Э. Кине, который штурмовал Тюильри. Румынская молодежь восторженно приветствовала провозглашение республики [39].

Надо отметить, что во французской прессе 30—40-х годов наряду с материалами указанного выше плана появляются заметки и статьи об антиправительственных выступлениях в России, проявляется определенный интерес к общественной, культурной и научной жизни России. Ш. Сен-Жюльен, преподававший французскую литературу в 30—40-х годах XIX в. в Петербургском университете, впервые высказал мысль о двух Россиях: «...русская нация имеет свое существование, совершенно независимое от политики своего правительства, и, вместо того чтобы судить о нации a priori, надо присмотреться к ее общественной жизни, изучить ее характер, нравы и обычаи» [40].

Обширный архивный материал, хранящийся в советских архивах, наглядно показывает истинные цели французского правительства в Дунайских княжествах. Вся политика правящих кругов ее была направлена на упрочение влияния Франции, с этой целью использовались национальные движения, поддерживалось любое недовольство против России. Этим же целям служило и культурное влияние Франции в Молдове и Валахии, которому она придавала большое значение.

Но все это, безусловно, относится только к официальной Франции, которая, не считаясь с истинными интересами молдо-валашского народа, проводила политику, объективно направленную на подчинение княжеств своему капиталу. Прогрессивная, демократическая Франция, верная революционным традициям, предоставляла страницы своих газет представителям Дунайских княжеств, помещала в своей прессе материалы, знакомившие западного читателя с историей и современным положением народа, резко критиковала правительство и правящий класс княжеств. Эта часть французского общества приветствовала стремление молдован и валахов к свободе и независимости. Из ее рядов вышли французы, принимавшие и непосредственное участие в их национально-освободительном движении.

[1] *Touvenel E.* La Hongrie et la Valachie. P., 1840, p. 254—271.
[2] *Hurmuzaki E.* Documente privitoare la Istoria Românilor. Buc., 1913, v. XIII, p. 263—275.

inslav

[3] Ibid., p. 334—344, 363—367.
[4] АВПР, ф. Консульство в Бухаресте, д. 467, 1846 г., л. 62 об.
[5] Албина Ромыняскэ, 1837, 5 септ, № 25, p. 15—16.
[6] *Савин Т.* Иностранный капитал в Румынии. М., 1950, с. 38—39.
[7] *Hurmuzaki E.* Documente.., v. XVII (1825—1846), p. 971.
[8] АВПР, ф. Консульство в Бухаресте, д. 636, л. 315 об.
[9] *Breazu J.* Şcoala România din Franţa. S. l., 1930, p. 3.
[10] *Hurmuzaki E.* Documente... Buc., 1913, v. XVII, p. 946—957, 969, 972.
[11] Ibid., Buc., 1911, v. XV, p. 671.
[12] Пушкинский дом (ИРЛИ), ф. Архив П. Д. Киселева, 29.7.167 (Кис. 256), К. В. Нессельроде — П. Д. Киселеву, 21 апреля 1831 г., л. 53 об.— 54.
[13] Там же, 29.7.11 (Кис. 100), Д. М. Граммон — П. Д. Киселеву, 17 января 1844 г., л. 159—163, 171—171 об., 172.
[14] АВПР, ф. ГА, I-9, 1833 г., д. 10, ч. 1 (1833—1847 гг.), л. 9—11 об.
[15] Там же, Я. А. Дашков — К. В. Нессельроде, 3(15) августа 1843 г., л. 247 об.
[16] АВПР, ф. ГА, I-9 (1842—1853 гг.), д. 9, Дашков — Нессельроде, 19(31) октября 1843 г., л. 27.
[17] АВПР, ф. Консульство в Бухаресте (1842 г.), д. 706, Я. А. Дашков — К. В. Нессельроде, 31 мая 1842 г., л. 137.
[18] *Дамянов С.* Френско-руските противорения на балканите и дейноста наполската емиграция (1830—1848).— Исторически преглед, 1974, № 1, с. 57.
[19] АВПР, ф. Консульство в Бухаресте, д. 632, 1839 г., л. 26—29.
[20] Там же, л. 108 об.
[21] *Hurmuzaki E.* Documente..., v. XV, p. 732—734.
[22] АВПР, ф. Консульство в Бухаресте, д. 608, 1838 г., л. 80 об.
[23] Там же, д. 632, 1839 г., л. 138—139.
[24] *Vladuţ C.* Ion Câmpineanu. Buc., 1973, p. 181.
[25] *Hurmuzaki E.* Documente..., v. XVII, p. 804.
[26] АВПР, ф. Консульство в Бухаресте, д. 682, 1841 г., л. 12; АВПР, ф. ГА, I-9, д. 11, 1834—1851 гг., л. 55—55 об.; *Platon G.* Mouvements sociaux et Politiques avant 1848.— Revue des études Sud-Est européennes, 1970, v. I, t. XVII, p. 948.
[27] АВПР, ф. ГА, I-1; д. 433, л. 44.
[28] АВПР, ф. Консульство в Бухаресте, д. 682, л. 53; *Platon G.* Mouvements..., p. 953.
[29] АВПР, ф. ГА, I-9, д. 5, ч. 1, 1840—1855 гг., л. 187 об.
[30] АВПР, ф. ГА, I-9, д. 10, ч. 11, 1837—1854 гг., л. 18—19.
[31] Там же, А. О. Дюгамель — К. В. Нессельроде, 30 июня 1842 г., л. 20—20 об.
[32] Там же, л. 13, 18 об.— 19.
[33] АВПР, ф. ГА, I-9, д. 10, ч. 1, 1833—1847 гг. Я. А. Дашков — К. В. Нессельроде, 3(15) октября 1843 г., л. 247 об.
[34] *Hurmuzaki E.* Documente..., v. XVII, p. 902.
[35] *Hurmuzaki E.* Documente..., v. XVIII, p. 5.
[36] АВПР, ф. ГА, V-A_2, 1839 г., д. 161, л. 27.
[37] *Hurmuzaki E.* Documente..., v. XVIII, p. 30—31.
[38] АВПР, ф. Консульство в Бухаресте, д. 766, К. В. Нессельроде — Я. А. Дашкову, 25 апреля 1846 г., л. 22—23 об.
[39] *Balcescu N.* Opere. Corespondenta. Buc., 1964, v. IX, p. 86; Anul revoluţionar 1848. Buc., 1950, p. 140.
[40] Revue des Deux Mondes, 1847, t. XX; Цит. по: *О. В. Орлик.* Передовая Россия и революционная Франция. Первая половина XIX в. М., 1973, с. 276.

inslav

Основные этапы развития сербской буржуазной государственности и Россия (1858—1903 гг.)

С. И. ДАНЧЕНКО, А. В. КАРАСЕВ

Благодаря двум восстаниям в 1804—1813 и 1815 гг., представлявшим собой первую буржуазно-национальную революцию на Балканах[1], сербский народ добился в Белградском пашалыке ликвидации турецкой военно-феодальной системы и с помощью и при поддержке России получил в 1830—1833 гг. широкую внутреннюю автономию. Это был первый этап становления и развития сербской буржуазной государственности, завершившийся введением так называемого турецкого Устава (конституции), дарованного в 1838 г. султаном в форме хатт-и шерифа.

1838—1858 годы представляют собой второй этап в развитии национальной государственности сербского народа. В области социально-экономических отношений в этот период Сербия встала на путь капиталистического развития. Аграрный переворот[2], гражданский законник 1844 г. и закон о цехах 1847 г.— таковы важнейшие вехи становления буржуазных отношений в автономном княжестве. Что касается внешнеполитического утверждения нового государства на этом этапе, тут необходимо отметить, во-первых, появление в 1844 г. плана создания «Великой Сербии», т. е. освобождения от османского ига и объединения сербского народа под эгидой монархической Сербии («Начертание» И. Гарашанина), плана, ставшего программой действий сербской буржуазии в сфере внешней политики и во второй половине XIX — начале XX в., а во-вторых, замену в 1856 г. единоличного русского покровительства над вассальной Сербией коллективной гарантией держав, подписавших Парижский мирный договор, что привело к усилению влияния Австрии.

К концу 50-х годов кризис уставобранительского режима (от серб. «уставобранители» — защитники конституции), регламентировавшегося консервативными положениями Устава 1838 г., достиг своего апогея. Покончить с реакционным господством олигархии призвана была Свято-Андреевская скупщина 1858—1859 гг., которая открыла новый этап развития сербской буржуазной государственности, продолжавшийся до 1903 г. Третий этап развития сербского буржуазного государства отчетливо делится на два периода: от Свято-Андреевской скупщины до обретения Сербией полной независимости в 1878 г. в результате двух сербско-турецких войн 70-х годов и русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и от Берлинского конгресса до государственного переворота 1903 г.

Главными чертами развития сербской буржуазной государственности на третьем этапе, определяющими его хронологические рамки, были: появление на общественной арене страны в 1858 г. органи-

inslav

зованной политической силы в лице либералов — представителей первого общественно-политического течения чисто буржуазного толка; образование буржуазных политических партий в 1881 г., их эволюция и межпартийная борьба, приведшая в конечном итоге к государственному перевороту 1903 г. Третий этап характеризуется эволюцией сербского буржуазного государства от авторитарного режима князя Михаила Обреновича к установлению буржуазной парламентской монархии, окончательно закрепленной конституцией 1903 г. Важнейшей особенностью этого исторического отрезка было появление новой социальной силы — рабочего класса. В конце XIX — начале XX в. создаются предпосылки для соединения рабочего движения с социализмом и образования в 1903 г. Сербской социал-демократической партии.

В области внешнеполитических отношений определяющими вехами третьего этапа являлись: во-первых, организация Сербией Балканского союза в 60-х годах XIX в. и ликвидация турецких крепостей на ее территории в 1867 г.; во-вторых, завоевание при определяющем участии России полной национальной независимости и государственного суверенитета в 1878 г. и, наконец, в-третьих, создание предпосылок для освобождения Сербского государства в начале XX в. от экономической и политической зависимости от Австро-Венгрии.

За почти полувековой период в области экономического развития Сербия прошла путь от отсталой, полупатриархальной, чисто аграрной крестьянской страны с неполной социальной структурой (отсутствовало дворянство) до относительно развитого в капиталистическом отношении государства с растущей машинной индустрией и банковской системой. На рубеже двух веков капиталистический способ производства получил в Сербии значительное развитие, хотя в целом страна оставалась аграрно-промышленной. Этому в конце XIX — начале XX в. способствовал прилив иностранного капитала, что, однако, вело к росту экономической зависимости от более развитых стран. После переворота 1903 г. национальная финансово-промышленная буржуазия заняла господствующее положение в экономике и политике страны.

Социально-экономические сдвиги в конечном итоге определяли динамику развития сербской государственности во второй половине XIX — начале XX в.

В настоящей статье предпринята попытка раскрыть в общих чертах содержание третьего этапа развития сербской государственности и показать позицию официальной России по отношению к этому процессу. Такого рода попытка делается впервые в историографии, поскольку существующие труды лишь косвенно затрагивают поставленную проблему. Несмотря на наличие ряда работ о развитии сербского буржуазного государства и его институтов, в югославской и отечественной историографии нет специальных исследований, освещающих отношение России к становлению и развитию сербской государственности в рассматриваемый период [3].

inslav

У истоков этого этапа стояли идеологи сербского либерализма (Е. Груич, М. Янкович, Р. Алимпич и др.), стремившиеся перенести идеи буржуазной государственности, воспринятые ими в Западной Европе, где они получили образование, на сербскую почву. Сложившийся на Свято-Андреевской скупщине политический блок либералов и сторонников династии Обреновичей добился свержения князя Александра Карагеоргиевича (1848—1858 гг.) и восстановления на престоле Милоша Обреновича. Олигархический режим уставобранителей был ликвидирован. Либералы попытались утвердить на скупщине разработанный ими радикальный проект о народной скупщине, по которому скупщина становилась важнейшим инструментом сербской государственности. Без ее согласия нельзя было бы издавать новые законы или изменять существующие, князь и правительство были бы ответственны перед скупщиной, получавшей право законодательной инициативы. Она созывалась ежегодно; избирательное право не ограничивалось имущественным цензом[4]. Однако этот проект встретил решительное противодействие консерваторов во главе с И. Гарашаниным, и в результате закулисных сделок и компромиссов с консерваторами лидеры либералов, опасавшиеся революционного взрыва народных масс, 8 декабря 1858 г. приняли закон о скупщине, по которому этот представительный орган получил лишь совещательные права.

Оценивая итоги Свято-Андреевской скупщины с точки зрения развития сербской государственности, можно утверждать, что первоначальный проект закона о скупщине представлял собой первую попытку введения принципа буржуазного парламентаризма в организацию государственного управления страны.

В 1860 г. сербским князем стал сын Милоша Обреновича Михаил, взошедший на престол с амбициозной программой укрепления личной власти и создания «Великой Сербии». Серьезным препятствием на пути утверждения авторитарного режима была конституция 1838 г., по которой главная роль в управлении страной принадлежала олигархическому Государственному совету. Князем была сделана попытка прозондировать почву у европейских правительств относительно возможности ее отмены. В Петербурге ему был дан совет, не отменяя формально конституцию, свести ее на нет принятием ряда новых законов[5]. В соответствии с полученным советом в 60-е годы в Сербии были разработаны законы, обеспечивавшие формирование нового государственного устройства сверху донизу и установление автократического режима князя Михаила. В 1861 г. Преображенская скупщина приняла закон о Государственном совете, ставивший последний под полный контроль князя. В 1862 г. был издан закон об изменении центрального управления сербского государства, создавался совет министров. Министры назначались князем и были ответственны только перед ним. Закон о наследовании престола 1861 г. дал князю право в завещании определять своего наследника. В том же году был издан закон о народной скупщине, еще более ограничивавший ее права,— она превратилась в бесправный совещательный орган при князе и созывалась раз в три года[6].

inslav

К 1866 г. относится принятие специального закона об общинах, поставившего их под непосредственный контроль полицейских властей [7].

Опираясь на консерваторов, князь Михаил начал наступление на либералов: в 1864 г. был разогнан Великий суд во главе с Е. Груичем, затем было распущено Общество сербской словесности, а в 1867 г. разогнан белградский съезд Объединенной сербской молодежи (Омладины) — официально культурно-просветительской, а фактически общественно-политической организации, главенствующую роль в которой играли либералы.

Отношение России к развитию сербской государственности в 60—70-е годы не было однозначным. Естественно, правящим кругам Российской империи были ближе по духу консервативные элементы; в Сербии они опирались на крупную торговую буржуазию, высшее чиновничество и духовенство. В 60-х годах главной задачей русской дипломатии оставалась ликвидация ограничительных статей Парижского мирного договора. Россия добивалась укрепления своего влияния на Балканах, подорванного Крымской войной. В этот период русская дипломатия оказывала активную поддержку национально-освободительной борьбе балканских народов, рассчитывая ослабить Порту и добиться изменения статус-кво, установленного Парижским мирным договором. Важную роль в этих планах призвана была сыграть Сербия.

Основным критерием, определявшим отношение русских правящих кругов к той или иной политической группировке или деятелю в Сербии, являлась их внешнеполитическая ориентация, совпадение их внешнеполитических программ с интересами России. Русская дипломатия приветствовала свержение Александра Карагеоргиевича, проводившего проавстрийскую внешнюю политику. Вместе с тем реформаторские устремления сербских либералов внушали русским официальным кругам серьезные опасения.

Князь Михаил сразу же завоевал симпатии в России амнистией ряда политических деятелей, изгнанных из Сербии по решению Свято-Андреевской скупщины, и назначением пенсий ранее уволенным консервативным чиновникам [8]. По мнению министра иностранных дел А. М. Горчакова, князь Михаил считал, что «для Сербии одна Россия по чувствам единства веры и племени может быть искреннею и бескорыстною доброжелательницею» [9].

Русское правительство было заинтересовано в стабилизации внутриполитического положения в Сербии, так как это способствовало бы укреплению ее внешнеполитических позиций. Законы 60-х годов, ликвидировавшие на деле основные положения конституции 1838 г. и укреплявшие власть сербского князя, и прежде всего закон о создании многочисленного народного войска, были восприняты Портой и поддерживающими ее западными державами как покушение на сюзеренные права Османской империи по отношению к Сербии. Они потребовали отмены «незаконных» мероприятий. В этих условиях Россия решительно выступила в защиту Сербии, оказав ей дипломатическую поддержку [10].

inslav

Во внешней политике на протяжении 60-х годов Сербия ориентировалась на Россию. Русская дипломатия решительно поддержала идею создания Балканского союза. В этот период Сербское княжество стало главной опорой русской политики на Балканах. Россия оказывала Сербии финансовую помощь и способствовала перевооружению ее армии [11]. Большое значение имела поддержка России и при ликвидации турецких крепостей на территории Сербии. Однако в конце 1867 г. князь Михаил, стремясь присоединить к Сербии мирным путем Боснию и Герцеговину, в своей внешней политике переориентировался на Австро-Венгрию, что привело к ухудшению русско-сербских отношений.

В конце 60-х годов в сербском народе нарастает недовольство усилившимся налоговым гнетом и реакционной внутренней политикой правительства. Этим воспользовались противники князя Михаила — 29 мая 1868 г. он был убит заговорщиками. Глава регентства при новом князе малолетнем Милане Обреновиче — Й. Ристич, возглавлявший правое крыло либеральной политической группировки, выдвинул программу умеренных реформ, важнейшей частью которой стала конституция 1869 г., представлявшая собой ее политическое кредо. По новой конституции Сербское княжество провозглашалось наследственной конституционной монархией с народным представительством. Законодательная власть делилась между князем и скупщиной, при этом прерогативы князя были гораздо шире: он назначал всех чиновников, окончательно утверждал законы. Личность князя объявлялась неприкосновенной, и он не был ответственным в своих действиях перед скупщиной. Последняя созывалась один раз в год. Без ее одобрения нельзя было изменять или отменять существующие законы, а также издавать новые. Согласие скупщины было необходимо при изменении и введении новых налогов. Вместе с тем министры несли ответственность перед скупщиной лишь в случае совершения уголовных преступлений. Избирательное право было ограничено, четвертая часть всех депутатов не избиралась, а назначалась князем [12].

В конце 60-х — начале 70-х годов на основании новой конституции были приняты законы о выборах в народную скупщину, о печати, об ответственности министров. Эти законы также носили умеренный характер и значительно уступали либеральным проектам конца 50-х годов.

Подводя итоги, следует сказать, что, несмотря на свою ограниченность, конституция 1869 г. была шагом вперед по сравнению с Уставом 1838 г., так как открывала более широкий простор для развития в Сербии буржуазного парламентаризма. Тем не менее она не отвечала полностью социально-экономическим и политическим изменениям, происшедшим в Сербии за 30 лет.

Конституция 1869 г. подверглась критике со стороны левых сил. Наиболее глубокий ее критический разбор был дан идеологом сербской революционной демократии Св. Марковичем. В статье «Сербские обманы» первый сербский социалист показал, что главной чертой новой конституции являлся принцип монархизма, который

inslav

«остается священным и неприкосновенным». «Нельзя примирить «народную династию» и «свободу народа»,— писал он [13]. Монархия, по мнению Марковича, полностью изжила себя в Сербии и должна быть заменена республикой. Его революционно-демократическая программа решения главной исторической задачи сербского народа исходила из неизбежности общенародной революции на Балканах и создания на развалинах Османской и Австрийской империй федерации свободных республик. В области внутригосударственного устройства Маркович выдвинул принцип народного суверенитета и общинного самоуправления [14].

Русские правящие круги вначале отрицательно отнеслись к идее создания новой конституции в Сербии [15], полагая, что «либеральная партия, стремящаяся к новизне и негодующая на все старые порядки» [16], будет требовать слишком радикальных перемен. Однако, убедившись в весьма умеренном характере конституции 1869 г. и видя стремление регентов к улучшению русско-сербских отношений, русская дипломатия начала оказывать поддержку либеральным правительствам. Проявлением улучшения отношений России и Сербии явилась поездка в 1871 г. князя Милана в Ливадию на свидание с русским императором Александром II.

70-е годы XIX в. ознаменовались мощным подъемом национально-освободительного движения балканских народов. Автономное Сербское княжество оказалось в центре этого движения. В условиях обострения Восточного вопроса внутриполитические проблемы отодвинулись на задний план. Стремление различных общественно-политических группировок добиться изменения конституции 1869 г. в этот период успеха не имело. В годы Восточного кризиса (1875—1878 гг.) Сербия дважды воевала с Портой: в 1876 и 1877—1878 гг.

Берлинский договор 1878 г., провозгласивший полную независимость Сербского княжества от Оттоманской империи, явился важной вехой в развитии сербской государственности. Начался новый этап в истории Сербии — отныне свободного государства.

Развитие капитализма достигло такого уровня, что центральное место в политической жизни страны после освобождения заняла торгово-промышленная буржуазия. Вместе с тем в начале 80-х годов активизировалась мелкая буржуазия города и деревни. Это привело к образованию сербских партий: правящей напредняцкой («прогрессивной»), либеральной и радикальной.

Напредняцкая партия сформировалась из представителей младоконсервативной политической группы, образовавшейся в результате эволюции консервативного общественно-политического течения. Возглавляемая представителями буржуазной интеллигенции, в 80-е годы она выражала интересы верхушки сельской и торгово-ростовщической буржуазии, связанной с австрийским рынком, предпринимателей, а также высшей чиновничьей бюрократии.

Либеральная партия образовалась из либералов, эволюционировавших вправо еще в конце 60-х годов. Ее социальной базой являлись крупные торговцы, заинтересованные в развитии внутреннего рынка и ослаблении иностранной конкуренции, а также высшее ду-

inslav

ховенство. За 11 лет пребывания у власти либералов от их программы 1858 г.— «свобода внутри и независимость вовне» — не осталось и следа. На первый план теперь глава партий Й. Ристич и его сторонники выдвигали внешнеполитические требования, отказавшись от внутренних реформ, что привело к падению их политического авторитета.

Наиболее многочисленной и самой популярной в народе была радикальная партия, отражавшая на первом этапе своего развития интересы крестьянства. Основатели партии, бывшие сторонники Св. Марковича, в конце 70-х — начале 80-х годов эволюционировали от революционного демократизма к буржуазному радикализму. Продолжая называть себя последователями Марковича, радикалы выхолостили революционное содержание его программы переустройства Сербии, используя угрозы перехода к революционным действиям лишь в целях давления на правящие круги. Симпатии и поддержку широких крестьянских масс основатели и вожди партии завоевали благодаря активной пропаганде буржуазно-демократических требований и защите интересов мелких производителей в условиях развивающегося капитализма. После подавления Тимокского восстания 1883 г. начинается процесс постепенного перерождения радикальной партии из прогрессивной мелкобуржуазной в буржуазную, отражавшую интересы сельской буржуазии, крупных торговцев, предпринимателей и банкиров.

Главным вопросом внутреннего развития Сербского государства после завоевания независимости была конституционная реформа. Действия князя (с 1882 г. короля) Милана, направленные на укрепление личного режима, наталкивались на все возраставшее стремление сербской буржуазии к усилению своего влияния в политической жизни Сербии, упрочению буржуазной государственности. В начале 80-х годов напредняцкая и радикальная партии вырабатывают свои проекты новой конституции, неоднократно поднимают вопрос о конституционной реформе в народной скупщине.

Идеалом политической системы для напредняков была конституционная монархия. В каждом проекте и предложении этой партии с конца 70-х годов, когда она выступала еще как политическая группировка, присутствовало положение о создании в Сербии двухпалатного народного представительства (скупщина и сенат) взамен однопалатного (скупщина). Ее руководители настаивали на предоставлении избирательного права чиновникам и адвокатам, на некотором расширении буржуазно-демократических политических прав и свобод, усилении государственного контроля за деятельностью общин.

В отличие от проектов напредняков проект конституции радикальной партии 1883 г. провозглашал принцип народного суверенитета, что, однако, находилось в противоречии с положениями о сохранении в Сербии монархии и правах короля. Радикалы, решительно выступившие против создания верхней палаты (сената), стремились к значительному по сравнению с конституцией 1869 г. расширению прерогатив народной скупщины и уравнению ее в правах с королем,

inslav

укреплению народного войска, требовали конституционных гарантий политических прав и свобод, расширения местного самоуправления.

Что касается либералов, то в начале 80-х годов у них не было конституционных проектов. Их политические идеалы получили воплощение в конституции 1869 г.

В противовес проектам буржуазных партий в этот период демократические и социалистические группы предлагают свои программы переустройства Сербии. В начале 80-х годов широкую программу общественных реформ, включавшую и изменение конституции, выдвинула небольшая социалистическая группа во главе с Д. Ценичем. Наряду с положениями о необходимости замены в будущем существующей несправедливой общественной системы строем, основанным на принципах «свободы и равенства», практическая программа сербских социалистов, рассчитанная на ближайшее время, включала широкое народное самоуправление, предоставление высшей законодательной власти народной скупщине, избираемой на основе всеобщего избирательного права, экономические реформы в интересах крестьян и ремесленников, неограниченное право участия народа в государственных делах. Вместе с тем проведение этих реформ предполагалось при сохранении в Сербии монархии [17]. Эта программа, как и вся система взглядов Д. Ценича, носила во многом утопический характер, но в отличие от проектов радикалов она содержала требования по улучшению экономического положения народа и предоставления ему широких политических прав.

За переустройство Сербского государства на демократических началах выступал в начале 80-х годов и известный революционер, социалист и народный трибун В. Пелагич. Вслед за Св. Марковичем его программа предусматривала предоставление народной скупщине высшей законодательной власти, всеобщее избирательное право, расширение самоуправления общин [18].

Следует отметить, что в начале 80-х годов соотношение сил было не в пользу сторонников изменения конституции. Обеспокоенный ростом популярности радикальной партии, представлявшей в этот период интересы крестьянства, мелких торговцев и ремесленников, король Милан стремился расширить прерогативы своей власти, опираясь на поддержку правящих кругов Австро-Венгрии. Развитие сербской государственности после Берлинского конгресса было осложнено усилением влияния монархии Габсбургов на все стороны экономической и политической жизни. Правящие круги Австро-Венгрии не были заинтересованы в укреплении и развитии Сербского государства. Сильная Сербия, имеющая дружественные связи с другими балканскими странами, представляла серьезную угрозу для их агрессивных планов.

В 80-е годы Австро-Венгрия, не отказавшись от новых завоеваний на Балканах, стала все более широко использовать экономические и политические рычаги проникновения в этот регион. Этой политикой она обеспечила свое преобладающее положение в Сербии в 1878—1903 гг. [19] Немаловажную роль в этом процессе, несомнен-

inslav

но, играло географическое положение Сербии, окруженной, по выражению современника, «как бы железной цепью со стороны Австро-Венгрии» [20]. Связав сербское сельское хозяйство со своим рынком, монархия Габсбургов получила надежное средство влиять и на политическую жизнь страны. Это понимали руководители русской дипломатии. В частности, министр иностранных дел России А. Б. Лобанов-Ростовский писал в 1895 г., характеризуя сложившуюся в 70—80-е годы обстановку на Балканах: «Охватывая Сербское королевство с двух сторон, Австро-Венгрии стоит только запереть свою границу, чтобы сербские произведения не имели сбыта на запад. Сознание этой материальной зависимости тяжким бременем ложится на сербский народ. Оно, несомненно, способствовало к порабощению бывшего короля Милана австрийской политикой и к возникновению так называемых напредняков, сторонников сближения Сербии с Австро-Венгрией» [21].

Проавстрийская политика сербских правящих кругов нашла наиболее яркое выражение в заключении князем Миланом без ведома скупщины и правительства тайной конвенции с Австро-Венгрией в 1881 г. Сербия отказалась от претензий на Боснию, Герцеговину и Нови-Пазарский санджак. Без предварительного согласования с Габсбургами она не могла вступать в переговоры и заключать соглашения с другими государствами.

Политика России в отношении Сербии в значительной степени была обусловленна изменением международной обстановки после Берлинского конгресса.

Основными задачами русской внешней политики в 80-е годы были урегулирование отношений с Германией и Англией, возобновление Соглашения трех императоров и укрепление русского влияния в Болгарии [22]. В связи с этим Россия была вынуждена отказаться от активных действий в западной части Балканского полуострова, в частности в Сербии. Но вместе с тем царское правительство считало недопустимым примириться с усилением австрийского влияния в княжестве и признавало необходимым противодействовать этому всеми возможными средствами [23].

В противовес Австро-Венгрии, вынашивавшей планы закабаления Сербии с тем, чтобы использовать ее в качестве трамплина для дальнейшей экспансии на Балканах, Россия, как и в предшествовавший период, была заинтересована в укреплении национальных государств, получивших независимость благодаря ее дипломатической и военной поддержке. Вместе с тем русское правительство стремилось дипломатическими средствами ослабить австрийское влияние в балканском регионе. Развитие и укрепление славянских государств, постепенно освобождавшихся от австрийской «опеки» и способных противостоять экспансионистской политике монархии Габсбургов, вполне соответствовали этим задачам. Кроме того, в балканских государствах, и прежде всего в Сербии, Россия видела возможных союзников на случай международных осложнений. Таким образом, объективно интересы России на Балканах и потребности исторического развития балканских государств в данном слу-

inslav

чае Сербии совпадали. Это имело важное значение для развития сербской буржуазной государственности.

Задачами борьбы с австрийским влиянием на Балканах объясняется стремление России опереться на те политические силы в Сербии, которые выступали против Австро-Венгрии. В данном случае ими были сербские радикалы. Напредняки, связанные торговыми и промышленными интересами с Австро-Венгрией и проводившие проавстрийский курс, не вызывали доверия в Петербурге. Либералы во главе с Й. Ристичем, пользовавшимся авторитетом в русских общественных и славянофильских кругах, в 80-е годы не имели почти никакого влияния в политической жизни Сербии. Что же касается радикальной партии, то вначале отношение к ней в правящих кругах России было настороженным и даже негативным. Опасения вызывали якобы «нигилистическое» прошлое ее вождей и «революционный дух» программы. Отношение к радикалам менялось постепенно, по мере поступления из Белграда информации от русских дипломатических представителей о деятельности партии, антиавстрийская направленность которой импонировала русским правящим кругам. После подавления Тимокского восстания 1883 г., когда под влиянием репрессий и гонений в радикальной партии усиливается умеренное оппортунистическое течение, выражавшее готовность к компромиссу с другими партиями в целях достижения власти, радикалы начинают признаваться той силой, на которую Россия может опереться внутри самой Сербии в борьбе с австрийским влиянием и с помощью которой могут быть восстановлены дружеские русско-сербские отношения. Как свидетельствуют документы, хранящиеся в советских архивах, в ряде случаев русское правительство оказывало поддержку радикалам (например, в период эмиграции лидеров партии после 1883 г.), сочувственно относилось к их планам по ограничению произвола короля Милана и проведению конституционной реформы, но неизменно сдерживало их стремления совершить переворот в Сербии, считая его преждевременным, могущим привести к нежелательным внешнеполитическим последствиям [24].

Поражение в войне с Болгарией в 1885 г. изменило соотношение политических сил в Сербии в пользу сторонников конституционной реформы. Под влиянием внешнеполитических неудач и падения авторитета внутри страны король Милан был вынужден пойти на уступки. К участию в выработке проекта новой конституции были привлечены представители всех политических партий, и прежде всего радикальной. Стремление ее лидеров во что бы то ни стало достичь власти и пойти на компромисс с двором являлось достаточной гарантией того, что требования радикалов при составлении новой конституции будут более умеренными по сравнению с их проектом 1883 г.

Согласно принятой в декабре 1888 г. конституции Сербское королевство объявлялось наследственной конституционной монархией с народным представительством. Скупщина получила значительную законодательную инициативу, право контролировать государственный бюджет; была установлена ответственность министров пе-

inslav

ред парламентом; гарантировались буржуазные права и свободы. Вместе с тем сохранялся имущественный ценз, а принцип самоуправления был проведен лишь частично — отсутствовали статьи о введении срезского самоуправления, за что ратовали в начале 80-х годов радикалы [25].

Новая конституция означала крупную победу сербской буржуазии, получившей более широкие возможности для участия в управлении государством. Решающая роль в ее выработке и принятии принадлежала радикальной партии, с именем которой связан этот важный этап развития сербской буржуазной государственности.

Следует отметить, что конституция 1888 г. не отвечала в полном смысле интересам крестьянских масс, главной движущей силы радикального движения в 80-е годы. В ней провозглашались лишь политические права, но отсутствовали статьи, затрагивавшие экономические вопросы, в чем были заинтересованы крестьяне и ремесленники, составлявшие $^{9}/_{10}$ населения Сербии и за что выступали в конституционном комитете и скупщине представители левых радикалов (Р. Тайсич, Д. Катич и др.). Крестьянский депутат С. Милошевич заявил, что сербский народ ждет совсем другой конституции и что ему как народному представителю придется принести в качестве «рождественского подарка» своим избирателям лишь известие об автокефальности сербской церкви [26]. Вместе с тем, как справедливо замечает югославский историк Др. Янкович, «хотя буржуазный демократизм и парламентаризм, введенные конституцией 1888 г., служили прежде всего буржуазии, они в значительной степени способствовали тому, что угнетенные народные массы активно вошли в политическую жизнь страны и заняли в ней свое место» [27].

В период своего правления (с февраля 1889 г. по август 1892 г.) радикалы разработали систему мероприятий, призванных воплотить в жизнь конституцию 1888 г. Принятые прогрессивные законы о выборах народных депутатов, о порядке работы народной скупщины, об ответственности министров, об общинах, печати, собраниях и союзах [28] явились важным шагом вперед на пути политического развития Сербии. Законодательная деятельность радикального кабинета Н. Пашича, его меры по упорядочению финансов и улучшению экономического положения страны вызывали неизменное одобрение русских правящих кругов [29].

Конец 80-х — начало 90-х годов — период улучшения русско-сербских отношений. Демонстрацией этих перемен явились поездки в Россию Н. Пашича, Й. Ристича и юного короля Александра и оказанный им теплый прием при дворе и в общественных кругах. Проявлением братских чувств сербского народа к русскому явился сбор пожертвований в пользу русских крестьян, пострадавших от засухи и неурожая в 1891 г.[30]

90-е годы в истории Сербии характеризовались усилением реакционных тенденций в политической жизни. После 1 апреля 1893 г., когда молодой сербский король взял власть в свои руки, а в Сербию возвратился бывший король Милан, ставший фактическим правителем государства, реакционный режим Обреновичей переходит в

inslav

наступление на завоевания буржуазии и возвращает утраченные в предшествующий период позиции. Радикалы устраняются от власти. Короли Александр и Милан стремятся править «вне партийных соображений», опираясь на так называемые нейтральные, т. е. преданные монархии, министерства. Была отменена конституция 1888 г. и прогрессивные законы 1889—1892 гг. и восстановлена конституция 1869 г.; скупщина стала послушным орудием королевской власти, были разогнаны политические партии и принят ряд реакционных законов.

В 90-е годы правящие круги России, верные своей прежней позиции, прилагают немало усилий для стабилизации внутриполитической жизни Сербии в соответствии со своими взглядами и представлениями. Так, министр иностранных дел России А. Б. Лобанов-Ростовский писал: «Мы стараемся сдерживать сербских деятелей всех оттенков в пределах законности, предостерегая их от пагубных последствий антидинастических интриг, неминуемо ведущих к внутренним и внешним замешательствам» [31]. Беспокойство русской дипломатии вызывало возобновление проавстрийского внешнеполитического курса правящих кругов Сербии, противоречившего, однако, интересам той части сербской буржуазии, которая стремилась к освобождению от экономической и политической зависимости от Австро-Венгрии и связывала свои планы по объединению всех земель, населенных сербами, вокруг королевства с поддержкой России. Это непримиримое, исторически обусловленное противоречие использовалось русской дипломатией. Обращая на это внимание, русский посланник в Белграде Р. Р. Розен писал: «...неизбежное влияние Австрии умеряется и удерживается в совершенно безопасных для русских интересов пределах уже тем обстоятельством, что политические интересы Австрии естественно и прямо противоположны интересам Сербии и всему тому, что для сербов составляет идеал будущего, достижение которого... возможно лишь при содействии и покровительстве России, так что в конце концов политика, опирающаяся на Россию, должна становиться обязательною для всякой партии в Сербии...» [32]. Стремление России к установлению своего влияния в Сербском королевстве в конце XIX в., когда оформлялись враждебные блоки империалистических государств, было связано с поиском будущих союзников на случай европейской или мировой войны.

Развитие сербской государственности с середины 90-х годов было отмечено ослаблением влияния радикалов на политическую жизнь Сербии и усилением позиций напредняков. В связи с этим изменилось отношение русских правящих кругов к сербским партиям, что проявилось в признании ими возможности для России поддерживать не только радикалов, но и напредняков, так как в этот период их усилия были направлены на укрепление государства, принятие новой конституции и упрочение русско-сербских отношений [33].

В конце 90-х годов вновь происходит ухудшение русско-сербских официальных отношений в связи с попыткой короля Милана использовать совершенное на него покушение в июне 1899 г. для распра-

inslav

вы с все еще популярной в стране радикальной партией. Тем не менее от смертной казни лидеры радикалов были спасены благодаря дипломатическому вмешательству России и других европейских государств [34].

В начале XX в. русско-сербские отношения несколько улучшились. Немаловажную роль в этом сыграли удаление Милана из Сербии и стремление короля Александра добиться признания Россией его крайне непопулярной в стране женитьбы. В Петербурге с одобрением встретили действия сербских правящих кругов, направленные на улучшение отношений с другими балканскими государствами, а также принятие (хотя и в октроированной форме) конституции 1901 г., представлявшей смесь установлений двух конституций — 1869 и 1888 гг. Новая конституция являлась вынужденной уступкой абсолютизма Обреновичей сербской буржуазии, недовольной различного рода ограничениями на пути буржуазного развития Сербии. Она носила менее прогрессивный характер, чем конституция 1888 г.,— впервые вводила двухпалатную систему (скупщина и сенат); в ней отсутствовали положения об ответственности министров перед народным представительством, предусматривалось ограничение прав и свобод сербских граждан [35]. Но даже эта конституция постоянно нарушалась королем Александром. Его стремление добиться укрепления автократического полицейски-бюрократического режима Обреновичей побуждало сербскую буржуазию покончить с ним и утвердить в Сербии династию Карагеоргиевичей. Опасения буржуазии вызывал и рост социалистического и рабочего движения, все более заявлявшего о себе в конце XIX — начале XX в. различными акциями политического характера. Рабочие и ремесленники под руководством социалистов в петициях народной скупщине выдвинули свою программу демократизации общественной жизни: всеобщее право голоса, расширение прерогатив скупщины, вынесение принятых ею законов на всеобщее голосование и др.[36] В начале XX в. отмечается рост республиканских настроений в Сербии: лозунг республики не раз выдвигался во время студенческих и социалистических демонстраций. На опасность этой тенденции для «внутреннего порядка» указывало сербским правящим кругам правительство царской России, стремившееся, особенно в связи с обострением обстановки на Дальнем Востоке, к ослаблению политической напряженности на Балканах.

После совершенного 29 мая 1903 г. политического переворота к власти в Сербии пришла умеренная часть торгово-промышленной буржуазии, подавившая республиканское движение и поспешно возведшая на престол Петра Карагеоргиевича. Ее политическим видам наиболее отвечала конституционная монархия. В стране была восстановлена конституция 1888 г., открывавшая широкие возможности для буржуазного развития общества и закреплявшая политическое и экономическое господство национальной буржуазии.

Подводя итоги, можно сформулировать следующие основные выводы.

inslav

В рассматриваемый период внутриполитический фактор являлся одним из важнейших в развитии сербской буржуазной государственности. В результате поступательного развития капитализма и общественно-политической борьбы в конце XIX в. в стране сложились условия для перехода к буржуазному парламентаризму, что и было реализовано конституцией 1888 г. Общая линия развития сербской буржуазной государственности в изучаемый период характеризовалась постепенной эволюцией от авторитарного режима князя Михаила к установлению конституционной монархии и буржуазному парламентаризму.

Определяющим моментом отношения России к развитию сербской государственности во второй половине XIX — начале XX в. являлась ее балканская политика, ориентированная на укрепление влияния России в этом регионе путем поддержки национальных государств. Официальная Россия поддерживала на Балканах прежде всего консервативные круги, близкие ей по духу, но она вынуждена была считаться и с либеральными и радикальными буржуазными группировками, если они проявляли готовность к укреплению русско-сербских отношений. Неизменная поддержка Россией освободительного движения сербского народа и укрепления его государства создавала благоприятную обстановку для дальнейшей консолидации нации во второй половине XIX — начале XX в.

[1] См.: *Карасев В. Г.* Буржуазно-национальные революции на Балканах и русско-турецкая война 1877—1878 гг.— В кн.: Россия и Восточный кризис 70-х годов XIX в. М., 1981.

[2] См.: *Наумов Е. П.* К истории аграрного переворота в Сербии в 30-х годах XIX века.— Сов. славяновед., 1971, № 5.

[3] *Ђорђевић М.* Преглед развитка политичких и правних установа Србије од краја XVIII до почетка XX века. Ниш, 1977; *Он же.* Postanak i primena Ustava Srbije od 1901. godine.— Zbornik pravnog fak. u Nišu, 1970, sv. IX; *Ćirić-Bogetić L.* Novija politička istorija jugoslovenskih naroda (Tematski pregled do 1912. godine). Beograd, 1971; *Čulinović F.* Državnopravna historija jugoslovenskih zemalja XIX i XX vijeka. Zagreb, 1959, knj. 2; История Югославии. М., 1963. Т. 1; Историја српског народа: Од првог устанка до Берлинског конгреса, 1804—1878. Београд, 1981. Књ. V. Т. 1; Istorija Jugoslavije. Beograd, 1972; Istorija država i prava jugoslovenskih naroda (do 1918. godine). Beograd, 1967; *Јанковић Др.* Историја државе и права Србије у XIX веку. Београд, 1955; *Он же.* О политичким странкама у Србији XIX века. Београд, 1951; *Јовановић Сл.* Друга влада Милоша и Михаила. Београд, 1933; *Он же.* Влада Милана Обреновића. Београд, 1934. Књ. I—III; *Он же.* Влада Александра Обреновића. Београд, 1934—1936. Књ. I—III; *Милићевић Ј.* Јеврем Грујић. Историјат светоандрејског либерализма. Београд, 1964; *Поповић М.* Порекло и постанак Устава од 1888 године. Београд, 1939; *Он же.* Борба за парламентарни режим у Србији. Београд, 1939; *Продановић Ј.* Историја политичких странака и струја у Србији. Београд, 1947. Књ. I; *Он же.* Уставни развитак и уставне борбе у Србији. Београд, 1936; *Раденић А.* Светоандрејска скупштина. Београд, 1964; *Стојичић Сл.* Нови крајеви Србије, 1878—1883 (Државноправно и политичко изједначење новооослобођених крајева со доратном кнежевином Србијом). Лесковац, 1975; *Она же.* Уставни развитак Србије, 1869—1888. Лесковац, 1980; и др.

[4] *Продановић Ј.* Уставни развитак..., с. 125—127.

[5] Архив внешней политики России (далее — АВПР), ф. Отчеты по МИДу, 1860, л. 229, 229 об.

[6] *Продановић Ј.* Уставни развитак..., с. 144—145.

inslav

[7] История Югославии, т. 1, с. 481.
[8] АВПР, ф. Отчеты по МИДу, 1860 г., л. 228.
[9] Там же, л. 228 об.
[10] Там же, 1862 г., л. 177—179.
[11] См.: *Карасев А. В.* Из истории русско-сербских отношений в 60-х годах XIX в.— Сов. славяновед., 1978, № 2.
[12] Текст конституции см.: *Продановић J.* Уставни развитак..., с. 185—203.
[13] *Маркович Св.* Избр. соч. М., 1956, с. 87—116.
[14] Там же (статьи «Народная скупщина»; «Уезд»; «Община»; «Суд и правосудие»; «Финансы»).
[15] АВПР, ф. Отчеты по МИДу, 1868 г., л. 179—179 об.
[16] АВПР, ф. V-A_2, д. 255, л. 72.
[17] *Ilić D.* Mita Cenić. Beograd, 1960; *Раденић А.* Ценић као издавач социјалистических листова 80-тих година у Београду — Годишњак града Београда, 1962—1963, књ. IX/X, с. 376—377.
[18] *Поплико Д. Ф.* Васа Пелагић: Основне етапе његовог идејног развитка. Нови Сад, 1982, с. 117—119.
[19] *Чубриловић В.* Србија и Аустрија у XIX веку.— В кн.: Међународни научни скуп «Велике силе и Србија пред први светски рат», одржан 13—15 септембра 1974. Београд, 1976, с. 21.
[20] АВПР, ф. Политархив, 1892 г., д. 455, л. 4—4 об.
[21] Там же, 1895 г., д. 466, л. 1 об.— 2.: А. Б. Лобанов-Ростовский — Р. Р. Розену, 25 мая 1895 г.
[22] История дипломатии. М., 1963, т. 2, с. 145.
[23] См.: *Сказкин С. Д.* Конец австро-русско-германского союза. М., 1974, с. 26.
[24] АВПР, ф. Политархив, 1886 г., д. 434, л. 207: А. И. Персиани — Н. К. Гирсу, 10 сентября 1886 г.; 1887 г., д. 437, л. 8—8 об.: Персиани — Гирсу, 24 января 1887 г.; ф. Генеральное консульство в Белграде, д. 70 — Отчет за 1887 г.
[25] Текст конституции см.: *Продановић J.* Уставни развитак..., с. 306—336.
[26] *Јанковић Др.* Историја државе и права Србије у XIX веку. Београд, 1955, с. 144.
[27] Там же, с. 146.
[28] *Јовановић Сл.* Влада Александра Обреновића. Београд, 1934, књ. I, с. 2—56.
[29] См., например: АВПР, ф. Политархив, 1892, д. 452, л. 106 об.: А. И. Персиани — Н. К. Гирсу, 24 марта 1892 г.
[30] См. об этом: АВПР, ф. Политархив, д. 452, л. 82—86: Персиани — Гирсу, 25 февраля (8 марта) 1892 г.; Славянское обозрение, 1892, № 2, с. 237.
[31] АВПР, ф. Политархив, 1895 г., д. 466, л. 4 об.: А. Б. Лобанов-Ростовский — Р. Р. Розену 25 мая 1895 г.
[32] Там же, д. 464, л. 146 об.— 147; Розен — Лобанову-Ростовскому, 11 июля 1895 г.
[33] Там же, л. 149—149 об.
[34] См.: АВПР, ф. Политархив, 1899 г., д. 2854, 2856.
[35] Текст конституции см.: *Продановић J.* Уставни развитак..., с. 380—397.
[36] *Вукомановић М.* Радничка класа Србије у другој половини XIX века. Београд, 1972, с. 300—321.

inslav

Революция и реформа в идеологии балканской революционной демократии (60—70-е годы XIX в.)

Д. Ф. ПОПЛЫКО

Первые социалисты на Балканах были прежде всего революционерами-демократами. В эпоху буржуазных преобразований они выражали интересы трудящихся масс. Как известно, идеологи и руководители революционно-демократического течения не только призывали к вооруженному свержению османского ига в тех областях Юго-Восточной Европы, где оно еще сохранялось, но многие из них лично участвовали в национально-освободительном движении с оружием в руках. Однако далеко не всегда в указанный период балканские социалисты обращались к своим народам с призывами к немедленному вооруженному выступлению; они создавали также программы реформирования современного им общественного строя. Исследование их представлений о революции и реформе, соотношении и месте первой и второй в их идеологической концепции, взглядов представителей революционно-демократического направления в сопоставлении с позициями революционной буржуазии на Балканах представляет определенный интерес, так как способствует выяснению исторической роли революционной демократии в переломный период 60—70-х годов XIX в.

Рассмотрению очерченного круга проблем помогает обращение к трудам В. И. Ленина, который уделял вопросам революции и реформы большое внимание в силу их огромной значимости для выработки правильной тактики революционной партии в буржуазной революции, на пороге которой в начале XX в. стояла Россия. В. И. Ленин, творчески развивая теоретическое наследие в этой области К. Маркса и Ф. Энгельса, широко использовал богатый фактический материал истории западноевропейских буржуазных революций и опыт национально-освободительных движений на Балканах, в том числе 70-х годов XIX в. Ленин исходил из определения революции как «эпохи общественного переворота» [1]. Он особо предостерегал от неверного представления революции «в форме единичного акта»: ее всегда характеризует, писал он, несколько «быстрых смен более или менее сильного взрыва и более или менее сильного затишья» [2].

Такое толкование революции дано Лениным в полном, широком значении понятия. Когда же он говорил о необходимости насильственной ломки устаревшей надстройки, то употреблял понятие революции в узком значении слова, показывая соотношение восстания и революции как части и целого. Он писал по этому поводу: «Революция, в узком, непосредственном значении этого слова, есть именно такой период народной жизни, когда веками накопившаяся злоба... прорывается наружу в *действиях*, а не словах, и в действи-

inslav

ях *миллионных народных масс,* а не отдельных лиц»[3]. В данном случае Ленин особенно выделял массовость как главнейший признак революции.

Все сказанное выше относится и к эпохе буржуазных преобразований на Балканах, где в силу социально-экономических и общественно-политических особенностей развития она растянулась более чем на столетие (1804—1918 гг.) и проходила в несколько этапов: революционные периоды сменялись «периодами так называемого мирного развития», как четко формулировал Ленин, подчеркивая, что классовая борьба шла и в периоды «мирного» развития[4].

Одним из революционных периодов на Балканах были 60—70-е годы. Условия для буржуазных преобразований особенно быстро начали созревать после Крымской войны. Уже с конца 60-х годов в османских владениях складывались предпосылки революционной ситуации, а в начале 70-х годов появились все признаки революционной ситуации. В государствах же, обладавших определенной самостоятельностью, наблюдался высокий национально-демократический подъем. Все это привело к мощному Восточному кризису 1875—1878 гг., принявшему международный характер.

Острый кризис феодализма, с одной стороны, и развитие капиталистических производственных отношений — с другой, вызвали массовое разорение мелкого производителя и ухудшение сверх обычного положения народных масс. Обострение социальных противоречий дополнялось осложнением противоречий политических, национальных, религиозных. На гребне могучей антифеодальной народной волны и появилась здесь революционная демократия, часть представителей которой придерживалась социалистических убеждений.

Однако известно, что революционная ситуация возникает тогда, когда создается общенациональный кризис, когда не только народные массы, но и все другие составляющие общество классы недовольны существующим строем и желают его изменения. На Балканах, за исключением узкого социального слоя, связанного экономическими и политическими узами с Османской империей (типа полуфеодальных чорбаджиев), а также высшего духовенства из греческих фанариотских кругов, не было общественных сил и отражавших их идеологию политических деятелей, которые не считали бы необходимым освобождение своей нации от османского гнета. Но пути достижения этой цели все они представляли различно. Здесь вновь уместно вспомнить замечания В. И. Ленина о том, что в периоды революционного подъема и в ходе революционной борьбы революцию «признают все», но «именно в такие периоды проявляется с наибольшей силой непосредственная роль разных классов в определении форм социальной жизни», происходит «самостоятельное выступление разных классов, стремящихся по-своему создать новую надстройку»[5]. Ленин подчеркивал, что «всего яснее выступает деление всякого общества на политические партии во время глубоких, потрясающих всю страну, кризисов»[6].

inslav

Обратимся к балканской действительности. В течение десятилетия — с конца 60-х до конца 70-х годов прошлого века — здесь все более четко определялись, главным образом в государствах и в среде эмигрантов из османских провинций на их территории (в Бухаресте, Стамбуле, Одессе, Нови-Саде, Белграде и т. п.), различные политические платформы. Возникло большое число проектов, программ и планов освобождения от османского гнета и решения национального вопроса в целом[7], однако революционные проекты, вышедшие из буржуазных кругов, были единичны.

При определении революционности мы исходим из принятого в советской историко-философской литературе критерия, выработанного с учетом понимания революции как формационной категории: революционность — это признание непримиримости противоречий между новым и старым классами и сознание необходимости революционного разрешения этого противоречия[8]. Применяя этот критерий, с полным основанием можно считать революционерами представителей левого крыла организации Объединенной сербской молодежи (Омладины) во главе со Св. Милетичем, действовавших на территории Воеводины, Сербии, Боснии, далее герцеговинца М. Любибратича, боснийцев Г. Бабича, П. Узелаца, В. Видовича, болгар Г. С. Раковского, Л. Каравелова (в определенный период его сотрудничества с В. Левским), часть группы «Молодая Болгария», грека Л. Вулгариса. Их роднили между собой нетерпимость к национальному гнету, ненависть к Османской империи, стремление к созданию независимых национальных государств, ориентация на вооруженное восстание широких народных масс. Общим для большинства этих национальных деятелей было также игнорирование или недооценка социального вопроса. Так, омладинцы, будучи революционерами в отношении к инонациональному феодальному классу Османской империи, не выступали за ликвидацию «своих», воеводинских латифундистов, а боснийские революционеры даже вступали в союз с местными феодалами, обещая им сохранение их собственности ради получения согласия на поддержку национально-освободительного движения в вооруженной форме[9]. Поскольку революционеры, о которых идет речь, не выдвигали отдельной социальной программы, мы считаем возможным утверждать, что они выступали за национально-политические революции на Балканах. Однако такая характеристика недостаточна. Нельзя при этом упускать из вида положение В. И. Ленина о том, что «всякий политический переворот, если это не смена клик, есть социальная революция,— вопрос только в том, социальная революция *какого класса*»[10]. Переворот, при котором власть из рук феодалов передается в руки буржуазии, он характеризовал как «социальную революцию буржуазии», эпоху же национальных движений XIX в. определял как «эпоху буржуазно-демократических революций»[11]. Следовательно, применительно к балканским политическим революционерам мы считаем возможным употреблять ленинский термин «революционеры буржуазии». Все названные выше деятели являлись революционерами буржуазии на Балканах, различия между

inslav

ними были лишь в последовательной или непоследовательной революционности. Известно, как высоко ставил Ленин буржуазных революционеров французской революции конца XVIII в., поддерживая столь же высокую оценку, данную им Ф. Энгельсом. Ленин называл их «великими французскими революционерами буржуазии» за то, что из всех деятелей буржуазных революций они сделали максимум в деле уничтожения феодализма[12]. Балканская буржуазия не обладала такой классовой силой, чтобы максимально уничтожить феодальный строй (в одних областях) или ликвидировать остатки средневековья (в других частях полуострова), хотя отдельные ее представители типа Г. Раковского или М. Любибратича являлись последовательными революционерами буржуазии, выступали от имени ее наиболее радикальных слоев на Балканах. Боснийские же революционеры, консервативные в социальном вопросе, являют собой пример непоследовательных революционеров буржуазии на полуострове.

Революционная демократия, выступавшая подобно революционерам буржуазии за национально-политическое освобождение и объединение разорванных наций, причем силами народа и насильственным путем (что, заметим, составило основу для их союза в этой борьбе), в то же время коренным образом отличалась от революционной буржуазии. Национально-политическое освобождение было для революционеров-демократов неотделимо от решения социального вопроса в интересах трудящихся города и деревни, более того, без решения второго вопроса во многом для них терялся и смысл первого. Революция национальная и социальная одновременно — таков был лозунг в борьбе за освобождение османских провинций на Балканах у Св. Марковича и его сторонников в Сербии и Воеводине — Дж. Лёчича, Дж. Миятовича, П. Джорджевича, а также у П. Тодоровича (в начальный период его деятельности); у В. Пелагича и его сподвижников М. Хрвачанина, З. Бостанчича, К. Угринича; в Болгарии — у В. Левского и Хр. Ботева, за которыми шли Г. Бенковский, П. Волов, Г. Апостолов, Н. Обретенов, И. Драсов и др.; у румынских социалистов Н. Зубку-Кодряну, К. Доброджану-Герп, Н. Судзиловского, Е. Лупу; у греческих деятелей, объединившихся в Афинах вокруг газеты «Ергатис» («Работник»), независимо от того, были ли они революционерами-демократами эгалитаристского (как В. Пелагич в начале 70-х годов и В. Левский) или социалистического типа (как Св. Маркович, Хр. Ботев, позднее В. Пелагич, первые румынские и греческие социалисты). Вопрос о собственности — центральный вопрос всякой революции — был для революционеров-демократов главным. Однако эгалитаристы считали, что землю следует распределить равномерно между крестьянами в частную собственность, а социалисты являлись сторонниками общественных, коллективных форм земельной и фабрично-заводской собственности.

Таким образом, революционеры-демократы выступали на Балканах за самую последовательную буржуазную революцию в экономических отношениях. Широко известно положение В. И. Ленина о

inslav

том, что «интересы крестьянской массы это и есть интересы самого полного, быстрого и широкого „развития буржуазного общества", развития „американского", а не „прусского"» [13].

Столь же последовательны были революционеры-демократы и в области национально-политических отношений. В отличие от революционеров буржуазии, выступавших или за парламентскую республику, или за сохранение монархии (например, власти Обреновичей или Карагеоргиевичей в Сербии), не чуждых часто национализма, идеологи демократической революции являлись убежденными сторонниками демократической республики и подлинно демократического решения национального вопроса на принципах полного равенства и добровольного выбора судьбы каждым из народов. Отсюда — их лозунг союза не монархических правительств, а народов Балкан в борьбе за национальное освобождение, призыв к созданию федерации свободных наций после освобождения, к разрыву с буржуазным национализмом.

Итак, проблема революции занимала в идеологии балканской революционной демократии центральное место в силу того, что сущность этой идеологии «заключается прежде всего в признании непримиримости противоречия между угнетенными и угнетателями, в сознании необходимости революционного разрешения этого противоречия» [14]. Революционеры-демократы наиболее последовательно выражали назревшие задачи буржуазно-демократической революции на Балканах и ближе всего сумели подойти к правильному пониманию революции в полном объеме этого понятия как формационной категории. Так, Св. Маркович в своей программной книге «Сербия на Востоке» писал, что Первое сербское восстание сыграло для Сербии роль революции, поскольку в стране произошли глубокие политические и экономические перемены; в начале XIX в. он так же убежденно выступал за необходимость глубоких и всесторонних перемен в Османской империи [15].

Балканская революционная демократия выступала за улучшение социально-экономического положения масс и резко критиковала общественно-политический антинародный строй в балканских государствах Сербии, Румынии, Греции, Черногории, подлежащий уничтожению, но не через восстание, а путем преобразований. Это заставляет нас обратиться к проблеме реформы в системе взглядов балканских революционеров-демократов.

Как известно, Ленин давал следующее определение понятию «реформа»: «Реформами называются такие перемены, которые *не* отнимают власти в государстве из рук старого господствующего класса», «реформы — суть уступки, получаемые от господствующего класса, при сохранении его господства» [16]. Говоря о соотношении революции и реформы, Ленин подчеркивал, что «понятие реформы, несомненно, противоположно понятию революции; забвение этой противоположности, забвение той грани, которая разделяет оба понятия, постоянно приводит к самым серьезным ошибкам во всех исторических рассуждениях». Одновременно он предостерегал от другой возможной ошибки. «Но эта противоположность,— писал он,—

inslav

не абсолютна, эта грань не мертвая, а живая, подвижная грань, которую надо уметь определить в каждом конкретном случае»[17]. Понятно, что революционеры-марксисты никогда не отрицали роли реформ в развитии общества, не были их принципиальными противниками. Ленин писал об этом так: «Всякая реформа лишь постольку и является реформой (а не реакционной и не консервативной мерой), что она означает известный шаг, „этап" к лучшему»[18]. Таким образом, Ленин учит диалектическому и конкретно-историческому подходу к реформе, необходимости уметь определять ее мнимую или подлинную сущность.

Проблема реформы представала перед революционными демократами различными своими гранями, поскольку XIX в. на Балканах с полным правом можно назвать не только эпохой революций, но и эпохой реформ. Исторически обусловленная необходимость преобразований в Османской империи нашла выражение в системе реформ (танзимате). В отношении к угнетенным балканским народам Порта также была вынуждена считаться с реальной действительностью. На Балканах росло и крепло антиосманское национально-освободительное движение, и держать населявшие их народы в подчинении нельзя было более одним насилием. Начиная с хатт-и шерифа 1839 г., и особенно после хатт- и хумаюна 1856 г., Порта объявила ряд общих и местных реформ (от Саферской наредбы 1859 г. до фирмана о независимой болгарской церкви 1870 г., ираде для Боснии и Герцеговины 1876 г. и др.). Эти реформы, говоря словами В. И. Ленина, являлись «побочным продуктом революционной борьбы»[19] балканских народов. Это были уступки, «приемлемые для угнетателей», предпринятые «для избежания революции», и потому хотя и были реформами, т. е. шагом вперед, но носили двойственный характер, преследуя цель задержать, ослабить, задушить революционную борьбу за прогресс[20].

Отношение к реформам Порты у революционеров-демократов было сугубо отрицательным. Христо Ботев остался равнодушен даже к решению церковного вопроса в Болгарии, считая его незначительным для народных масс. Правда, негативное отношение к этим реформам не исключало использование их революционерами-демократами в своей пропагандистской работе для разоблачения лицемерия официальных обещаний. Так поступал, например, Пелагич, широко цитируя хатт-и хумаюн 1856 г., по которому райе было даровано равноправие с османами[21].

Отрицательное отношение революционной демократии к реформам Порты основывалось на убеждении в том, что они не могут кардинально решить проблему освобождения угнетенных народов. Подобные реформы господствующего класса Ленин ярко характеризовал как «уступки, всегда неискренние, всегда половинчатые, часто совершенно лживые и кажущиеся, обыкновенно обставляемые рядом более или менее тонко прикрытых ловушек»[22]. Практика убеждала революционеров-демократов в том, что провозглашаемые султаном реформы на деле оставались пустой фразой.

inslav

Но, кроме Порты, на Балканах существовали силы, которые также выступали с предложениями реформ в империи и боялись революции и вооруженного народа, в лучшем случае «сбрасывали» народ со счетов, не веря в его возможности. Это уже были реформы и реформаторы иного рода. Таких реформаторов в 60—70-е годы XIX в. на Балканах было великое множество. Если кратко охарактеризовать их, то надо отметить следующее: авторами проектов являлись представители крупной консервативной и отчасти средней либеральной буржуазии, боярство, династические круги. Князь Михаил в Сербии, князь Николай в Черногории, сербский либерал В. Йованович, руководитель правого крыла Омладины М. Полит-Десанчич, Добродетельная дружина (Хр. Георгиев), Тайный центральный болгарский комитет (ТЦБК) и Болгарское человеколюбивое настоятельство (К. Цанков и др.), представители официальных кругов Греческого королевства (А. Кумундурос, И. Х. Трикупис), фанариоты, идеологи греческих финансовых кругов в Стамбуле, румынские либералы и радикалы (М. Когэлничану, К. Россети, И. Брэтиану), А. Фрашери в Албании и многие другие — все они выступали за мирное освобождение от османской зависимости, выдвигая требование получения или упрочения автономии под скипетром султана, даже обретения независимости, но предпочтительно путем мирного решения национального вопроса, ориентируясь при этом на дипломатические средства, поддержку великих держав, на союзы балканских правительств и лишь в крайнем случае на войну, но никогда не допуская мысли о народных восстаниях. У В. И. Ленина мы находим точную типологическую характеристику буржуазного либерализма, вполне объясняющую позицию либералов и в балканских условиях. Он писал: «Классовые интересы буржуазного либерализма требуют *только* реформ, ибо буржуазия боится „бури“ больше, чем реакции»[23]. Характерна, например, позиция Болгарского благотворительного общества. Когда в конце 1876 г. его руководители пришли к выводу о том, что никакие реформы Порты не смогут улучшить положения райи, они в своей новой программе обратились не к революционным методам борьбы, а к европейским государствам с просьбами о предоставлении независимости Болгарии. Всем реформаторам, о которых идет речь, был свойствен национализм, иногда доходивший до шовинизма.

Революционная демократия не поддерживала ни один из этих проектов; все они для социалистического направления были однозначно неудовлетворительны и нереальны. И действительно, Порта не собиралась ни мирно уступать своих территорий, ни добровольно делиться властью с буржуазией своих балканских владений. Она игнорировала дуалистические проекты болгарской буржуазии, оставляла без ответа прямые обращения к султану (такие, как, например, мемуар П. Кисимова или меморандум А. Фрашери), не шла навстречу попыткам правительств Сербии, Черногории, Румынии или Греции путем переговоров прийти к решению национального вопроса.

inslav

Позиция революционной демократии была правильной потому, что вопрос национального освобождения балканских народов мог рассматриваться тогда только как революционный. Здесь еще раз уместно обратиться к наблюдениям В. И. Ленина. Он писал, что бывают ситуации, которые следует оценивать как объективно революционные, и вопросы, которые стоят объективно только революционно. Это бывает тогда, когда ситуация или вопросы отражают «объективные задачи революции». Из подобных ситуаций, отмечал Ленин, нет выхода мирным путем, путем реформ, так как пути реформ, выводящего из кризиса, не существует. Есть только один путь — революционный [24]. Ленин особо подчеркивал, что «простым буржуазным обманом является проповедь реформ для решения вопросов, которые историей и действительным политическим положением вещей поставлены революционно» [25].

Что касается реформ, проводимых тогда правительствами балканских государств, обладавших большей или меньшей степенью независимости, внутри своих стран, то революционеры-демократы не выступали их принципиальными противниками. Однако их не удовлетворял характер и сущность этих реформ — их половинчатость, забвение коренных интересов трудящихся масс. Они выступали со своими программами преобразования. Суть их заключалась в требовании широкой демократизации всего общественного строя на основе народного суверенитета и общинного самоуправления, демократического решения национального вопроса, социальных преобразований в интересах трудового народа [26]. В балканских государствах революционеры-демократы использовали такие институты, как парламенты — скупщины, народные собрания, для борьбы за свои программы. Так, Св. Маркович написал несколько программ, представленных сербской скупщине. Исследователи называют его поэтому «великим социальным реформатором» [27].

Попытаемся оценить тактику революционеров-социалистов в данном случае. Идеалом общественного устройства для них являлся социализм, т. е. строй, основанный на трудовом принципе и коллективной собственности и осуществляющий подлинную свободу, равенство и братство между людьми. Социалисты данного толка не различали этапов в эпохе буржуазных преобразований, знали лишь одну социалистическую, по их терминологии, народную революцию. Они стремились миновать капиталистическую фазу развития общества. Однако деятельность их протекала в эпоху антифеодальных, буржуазных революционных преобразований на Балканах. Правильно почувствовав разницу между историческими задачами, стоявшими перед провинциями Османской империи и балканскими государствами, прошедшими ту или иную стадию буржуазных преобразований, они не смогли сформулировать задачу последних, состоявшую в создании условий для развитого капитализма, но верно почувствовали, что социалистическая революция еще не стояла у них на пороге. Известно положение В. И. Ленина о том, что в некоторые периоды истории главной становится борьба за ре-

inslav

формы. Такая «борьба законна и нужна в определенных границах», писал он, например, при отсутствии революционной ситуации[28]. В подобной ситуации на Балканах революционеры-демократы выступали «за демократический переворот», который В. И. Ленин считал обязательной стадией развития капиталистического общества по пути к социализму; другого пути, как путь буржуазной свободы и буржуазного прогресса, нет и быть не может, подчеркивал он[29]. В условиях, когда определенные буржуазные завоевания были осуществлены, а социалистическая революция была делом будущего, у революционеров-демократов создавались возможности для отвоевания уступок у господствующих буржуазных и буржуазно-феодальных классов в пользу народа. «Революционеры,— писал В. И. Ленин,— никогда не откажутся, конечно, от борьбы за реформы, от захвата хотя бы неважной и частной вражеской позиции, *если* эта позиция усилит их натиск и облегчит полную победу»[30]. Однако бороться за реформы, как отмечал Ленин, можно по-разному. Революционер борется за них не «всячески», а только по-революционному, и не за всякую реформу, а лишь за такое улучшение положения масс, которое повышает их способность вести классовую борьбу[31]. Он разъяснил свою мысль следующим образом: в отличие от оппортунистов и реформистов подлинный революционер не должен ограничиваться борьбой за реформы как таковой, а обязан подчинять ее борьбе за революцию, «не делая своими» половинчатых буржуазно-реформистских лозунгов, выдвинутых для избежания революции[32].

Анализ борьбы балканской революционной демократии с позиций этих принципиальных ленинских установок позволяет сделать вывод, что и в вопросе о сущности и роли реформы в развитии общества ее идеологи были близки к научному пониманию проблемы.

Говоря о демократической тенденции в русском освободительном движении, «сознательно враждебной либерализму»,— что без натяжек может быть применено и к балканской действительности — В. И. Ленин остановился на исторической роли революционеров-демократов периода буржуазных преобразований. Он отмечал, что они, казавшиеся в свое время («и долгое время спустя») «беспочвенными одиночками, *оказались* на деле неизмеримо более «почвенными»,— оказались тогда, когда созрели противоречия», бывшие в их время «в состоянии почти зародышевом»[33]. Произошло это в силу их глубокого проникновения в суть явлений, обусловленного их классовой позицией. Именно о них, пишет Ленин, история сохранит память «как о передовых людях эпохи»[34].

Проблемы революции и реформы, следовательно, по праву занимали центральное место в идеологии балканской революционной демократии 60—70-х годов XIX в.; в решении этих вопросов балканские социалисты находились на самом левом фланге освободительного движения на Балканах. Об этом ярко свидетельствуют слова Св. Марковича: «Практический смысл социализма для внутреннего и внешнего развития сербского народа состоит в следую-

inslav

щем: социальное преобразование внутри на основе народного суверенитета и общинного самоуправления; революция в Турции и федерация на Балканском полуострове. Такова ясная программа, которую выдвинули социалисты в Сербии с того момента, когда они появились как общественные деятели»[35].

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 135; т. 26, с. 56.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 177.
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 321.
[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 17, с. 42.
[5] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 304; т. 11, с. 119; т. 16, с. 23—24.
[6] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 21, с. 276.
[7] Подробнее см.: *Трайков В.* Идеологически течения и програми в национално-освободителните движения на Балканите до 1878 година. С., 1978, с. 250—416.
[8] См.: *Ойзерман Т. И.* Формирование философии марксизма. М., 1962, с. 74.
[9] *Ektečić M.* Ustanak u Bosni, 1875—1878. Sarajevo, 1960, s. 49, 141—142.
[10] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 120.
[11] Там же, т. 24, с. 385, 386; т. 32, с. 120.
[12] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 17, с. 46—47; т. 38, с. 367.
[13] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 15, с. 228.
[14] *Ойзерман Т. И.* Формирование..., с. 74.
[15] См.: *Маркович Св.* Избр. соч. М., 1956, с. 354—355, 425—428.
[16] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 164.
[17] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 167.
[18] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 15, с. 107.
[19] Там же, с. 108.
[20] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 7, с. 208; т. 15, с. 82, 107.
[21] См.: *Поплыко Д. Ф.* Васа Пелагич и Россия: Из истории сербской революционной мысли. М., 1983.
[22] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 7, с. 313.
[23] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 164.
[24] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 143; т. 32, с. 407.
[25] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 285.
[26] Подробнее см.: *Карасев В. Г.* Светозар Маркович.— В кн.: Маркович Св. Избр. соч., с. 41—42; программы Св. Марковича см.: Там же, с. 784—790; *Поплико Д. Ф.* Васа Пелагић: Основне етапе његовог идејног развитка. Нови Сад, 1982, с. 42—132; *Мошану А. К.* Социалистическое движение в Румынии (середина 70-х — начало 90-х годов XIX в.). Кишинев, 1977, с. 45—66; и др.
[27] См.: *Трайков В.* Идеологически течения..., с. 320.
[28] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 378, 379.
[29] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 11, с. 102.
[30] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 65.
[31] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 368.
[32] Там же, с. 62; т. 7, с. 208; т. 15, с. 107—108; т. 30, с. 290; т. 39, с. 113 и др.
[33] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 168.
[34] Там же.
[35] *Маркович Св.* Избр. соч., с. 749.

inslav

Военно-политическое сотрудничество между Румынией и Россией в войне 1877—1878 гг.

(По материалам русских и румынских газет)

М. М. ЗАЛЫШКИН

Во время вооруженного конфликта 1877—1878 гг. между царской Россией и султанской Турцией была провозглашена полная государственная самостоятельность Румынии. Вскоре румынская армия выступила на стороне России. Военные действия румынских сил вошли в историю страны под названием Войны за независимость. Вместе с русскими войсками румынские солдаты и офицеры самоотверженно сражались за свободу своей родины. В историю русско-румынского боевого содружества было вписано немало ярких страниц. Политика России объективно способствовала осуществлению национальных устремлений румынского народа. Поддержка со стороны русской армии обеспечила успех вооруженной борьбы румын за утверждение государственной самостоятельности своей страны.

Историки, исследующие войну за независимость Румынии, русско-румынское военно-политическое сотрудничество и роль России в создании суверенного Румынского государства, располагают широкой источниковой базой. Одним из менее всего изученных до сих пор источников остается современная событиям русская и румынская периодическая печать. Между тем многие издававшиеся в то время в Петербурге, Москве и Бухаресте газеты были довольно хорошо информированы о событиях на Балканах, внешнеполитической позиции Румынии и отношениях ее с Россией. Эти газеты публиковали передовые статьи и международные обозрения, а чаще всего полученные от собственных корреспондентов телеграммы, сообщения, заметки и очерки, в которых освещались различные аспекты русско-румынских отношений в период русско-турецкой войны и постепенное вовлечение в нее Румынии, общий ход военных действий и совместные операции русских и румынских войск, роль вооруженных сил России в разгроме османской армии.

Несмотря на возникавшие, зачастую весьма существенные, расхождения между печатными органами разных направлений, почти все они, учитывая внешнеполитическую обстановку и ориентируясь на курс правительственных кабинетов или так или иначе принимая его во внимание, помещали на своих страницах материалы, которые свидетельствовали о сближении России и Румынии, завершившемся в конечном счете военным союзом обоих государств. Ведущие русские и румынские газеты того времени, отражая не только позицию влиятельных политических кругов, но и в различной степени настроения общественных слоев той и другой страны,

inslav

высказывались в своем большинстве (что не исключало разноречивых оценок конкретных проблем) в пользу укрепления дружественных, союзнических отношений между Россией и Румынией.

В настоящей статье использованы официальные органы: выходившие в Петербурге «Правительственный вестник» и газета генерального штаба «Русский инвалид», в Бухаресте — «Мониторул офичиал» («Правительственный вестник»), а также наиболее крупные российские буржуазно-либеральные газеты (издававшееся А. С. Сувориным «Новое время», «Голос» А. А. Краевского, «Санкт-Петербургские ведомости» и в меньшей степени «Русские ведомости») и румынская печать — главный орган правящей либеральной партии «Ромынул» («Румын»), радикальный «Телеграфул» («Телеграф»), формально «независимый», но фактически поддерживавший правительство «Орьян» («Восток»). Кроме того, отчасти использованы выражавшие интересы консервативно-помещичьих кругов «Московские ведомости» и румынские оппозиционные (консервативные) газеты «Тимпул» («Время») и «Пресса».

*

Объявление Россией весной 1877 г. войны Османской империи не было неожиданностью для румынского правительства. К этому времени начатые еще в конце 1876 г. переговоры представителей великих держав и Турции о проведении реформ в ее европейских провинциях окончательно зашли в тупик. 31 марта, следуя телеграфному предписанию из Петербурга, русский дипломатический представитель в Бухаресте Д. Ф. Стюарт доверительно сообщил премьер-министру И. Брэтиану, что в самом ближайшем будущем разрыв с Портой «почти неизбежен» [1]. Орган оппозиционной правительству либералов консервативной партии «Тимпул» сообщал: «В столице господствует мнение, что война между Россией и Турцией вспыхнет через несколько дней». Поддерживавший кабинет И. Брэтиану радикальный «Телеграфул» предупреждал: «Угроза миру очень велика и наступил момент, когда потеряна почти всякая надежда избежать войны» [2].

2 апреля 1877 г. румынский князь Карл созвал коронный совет для обсуждения «внешнеполитических обстоятельств». На него были приглашены не только члены кабинета, но и некоторые другие видные либеральные деятели, в том числе председатель собрания депутатов К. А. Росетти. Подавляющее большинство участников совета высказались за заключение подготовленного еще осенью 1876 г. соглашения с Россией о пропуске русских войск через территорию княжества к будущему театру военных действий. Ни о ходе обсуждения, ни о его результатах в румынской печати не сообщалось, но бухарестскому корреспонденту газеты «Русские ведомости» удалось получить сведения о том, что на совете решительно возобладало мнение в пользу соглашения с Россией [3].

4 апреля новый румынский министр иностранных дел М. Когэлничану и Д. Ф. Стюарт подписали политическую и военную кон-

inslav

венции. До их ратификации они оставались секретными. Российское правительство впервые заключало такого рода соглашение о пропуске русской армии на Балканы. Газета «Голос», отмечая позднее значение этого акта, писала, что Россия, вступая в войну против Турции, обязана была заключить с Румынией «особый договор, создать русско-румынскую конвенцию[4], в которой необходимо было предусмотреть по возможности хотя бы главнейшие нужды армии, условия ее перевозки и продовольствия, но вместе с тем сохранить... с Румынией хорошие, дружественные, союзнические отношения. Без такой конвенции,— заключала газета,— нам и воевать было бы невозможно»[5].

В основу русско-румынского соглашения был положен принцип равноправия договаривающихся сторон. Выступая уже во время войны перед жителями Бухареста, К. А. Росетти напомнил о значении соглашения и благоприятной для Румынии позиции России: «К нашему счастью, Россия заключила с нами конвенцию и отнеслась к нам как равной с ней державе»[6]. Политическая конвенция обеспечивала защиту суверенных прав Румынии, военная регламентировала продвижение русской армии через территорию княжества. Правящие круги России фактически рассматривали Румынию как страну, свободную от власти Порты. Газета «Телеграфул» подчеркивала позднее: «...мы заключили конвенцию с Россией, которая признала за нами права независимого государства»[7].

В сложившейся международной обстановке соглашение 4 апреля отвечало интересам как России, так и Румынии. Оно создало, с одной стороны, предпосылки для дальнейшего их сближения. Перед русской армией был открыт свободный путь к Дунаю, ей была обеспечена поддержка румынских властей и населения княжества. С другой стороны, и Румыния могла больше не опасаться осложнений, которыми грозило углубление Восточного кризиса: соглашение надежно обезопасило страну от вторжения османских войск.

Такая угроза давно уже висела над Румынией. Еще в декабре 1876 г., когда срыв Портой Константинопольской конференции по мирному урегулированию балканских проблем вызвал резкое обострение русско-турецких отношений, газета «Русский инвалид» предупреждала, что «в случае открытия военных действий турецкая армия, несмотря ни на какие протесты, перейдет на румынский берег». Месяц спустя в политическом обозрении, помещенном на страницах «Санкт-Петербургских ведомостей», отмечалось, что «занятие Валахии турецкими войсками дело решенное»[8].

Опасения относительно переправы турецких войск через Дунай еще больше усилились весной 1877 г. В начале апреля русские газеты не раз сообщали о намерении Порты использовать территорию Румынии в качестве плацдарма против русских войск. Румынская печать обратила особое внимание на выступление в британской палате общин заместителя главы Форин оффис Бэрка, который заявил, что Порта вправе на законном основании ввести свои войска в пределы княжества, так как оно входит в состав Османской империи[9].

inslav

Известия о возможном вступлении в княжество османской армии вызвали там сильнейшее беспокойство. Возникшая сначала среди придунайских жителей тревога достигла столицы. «Ромынул» писал, что в Бухаресте многие горожане «охвачены страхом перед турецким нашествием». «В Бухаресте господствует настоящая паника,— сообщали «Санкт-Петербургские ведомости» [10].

Одним из наиболее важных стратегических пунктов, которым в первую очередь попыталось бы овладеть турецкое командование, считался порт Калафат. Возле самого города и в его окрестностях были заблаговременно возведены укрепления и установлены артиллерийские батареи. Весной 1877 г. оборонительные работы были продолжены. Корреспондент газеты «Новое время» высоко оценивал военное значение Калафата, откуда успешно могла быть подвергнута обстрелу находившаяся напротив него за Дунаем турецкая крепость Видин. «Румынские позиции,— отмечал журналист,— сильно господствуют над турецкими». Готовясь к занятию Калафата, турки, по сведениям газеты «Русский инвалид», сосредоточили в Видине и близлежащей местности 55-тысячную армию [11].

Другим уязвимым стратегическим пунктом был Барбошский мост через реку Серет. По этому мосту (длина его составляла 246 м) проходила единственная в то время линия, соединявшая железные дороги России и Румынии и пересекавшая с севера на юг территорию княжества: от пограничной станции Унгены через Яссы и дунайский порт Брэилу до Бухареста (далее она продолжалась вдоль всей Валахии до самой западной ее части). Недалеко от Барбоша на побережье Дуная находился крупный портовый город Галац. По имевшимся в Бухаресте и Петербурге сведениям, османские войска, обладавшие крупной флотилией военных судов, намеревались сразу же после начала войны с Россией захватить или по крайней мере разрушить Барбошский мост. «Мост через Серет нужно защитить во что бы то ни стало и со всем искусством...» — предупреждала незадолго до войны газета «Новое время» [12]. К началу апреля возле моста были возведены два земляных форта, но они не могли служить надежной защитой от нападения турок.

Кроме Калафата и Барбоша, высадка турецких десантов считалась вполне вероятной также в Галаце, Джурджу и ряде других пунктов. Впрочем, в Константинополе не исключали пока и другого варианта: военные приготовления и дипломатический нажим Порты могли повлиять, казалось, на позицию правящих кругов княжества и заставить их пойти в той или иной мере навстречу ее антирусским планам. Не обошлось и без прямых угроз: в петербургских газетах появились сообщения об адресованном Бухаресту предупреждении Порты, из которого следовало, что, как только русская армия перейдет границу княжества, туда будут введены османские войска [13].

Официальным курсом кабинета либералов оставалось в это время сохранение нейтралитета. Заняв пост министра иностранных дел, М. Когэлничану направил дипломатическим представителям за границей циркуляр, подтверждавший проведение такого курса. Изла-

inslav

гая этот документ, газета «Русский инвалид» отмечала: «Политика Румынии будет стремиться к тому, чтобы не нарушить ни одного из национальных интересов, сохранить мир и соблюсти строгий нейтралитет» [14]. Однако политика нейтралитета в действительности вовсе не отвечала национальным интересам, и румынское правительство на деле все дальше отступало от принятых вначале перед западноевропейскими державами и Турцией обязательств. Важным шагом на пути к окончательному отказу от нейтралитета было соглашение с Россией. Но оно не предусматривало военного союза с ней Румынии. В княжестве в то время было много влиятельных противников такого шага.

О настроениях среди сторонников правительства свидетельствовали суждения некоторых газет, предостерегавших от вооруженной поддержки действий России. «Ромынул» в редакционной статье осудил «оставшихся в явном меньшинстве» приверженцев «авантюристической политики», к которой, по словам газеты, прибегли год назад сербы. Не время, забыв о всякой осторожности, пускаться в авантюру, писал «Телеграфул», которая «поставила бы под угрозу существование Румынии» [15]. В намерения румынских правящих кругов не входило немедленное вступление в войну против Турции. Русский военный представитель в Бухаресте полковник Бобриков сообщал в начале апреля, что князь Карл «поднимет оружие против турок только в исключительном случае наступления их в княжество» [16].

Принятие мер предосторожности понадобилось еще до начала войны. Заключив конвенции с Россией, румынское правительство было вынуждено принять ряд оборонительных мер на случай нападения из-за Дуная. 6 апреля был принят декрет о мобилизации армии. Правительство решило стянуть войска к побережью Дуная, чтобы отразить, если потребуется, попытки турок переправиться на левый берег реки. Часть военных сил предназначалась для защиты Бухареста [17]. В Калафат были посланы подкрепления. Корреспондент «Нового времени» в Вене телеграфировал: «...Румыния окажет посильный отпор вторжению турок до прихода русских войск» [18].

12 апреля 1877 г. Россия объявила войну Турции. Русские войска, вступив на территорию Румынии, начали продвижение к Дунаю. К концу того же дня передовые кавалерийские части, совершив 100-километровый марш, достигли Галаца и заняли Барбошский мост через Серет. Газета «Санкт-Петербургские ведомости», отмечая важное значение этой операции, писала: «Главная артерия всего пути действий... уже занята нашими войсками и, надо думать, что... она будет прикрыта от всякого внезапного нападения турецких войск» [19]. 13 апреля русский авангард продвинулся до Брэилы. К 22 апреля русская армия взяла под свою защиту почти всю восточную часть левобережья Дуная [20].

Продвижение русских войск сильно затруднили неблагоприятные погодные условия, весеннее половодье и бездорожье. Корреспондент «Русских ведомостей» писал в конце апреля из Бухареста:

inslav

«С самого вступления русских войск в Румынию начались дожди, продолжающиеся с малыми перерывами до настоящего времени; вода в Дунае поднялась и затопила прибрежья; дождем размыло во многих местах дороги...». Главнокомандующий Дунайской армией докладывал Александру II: «Вследствие необыкновенного разлития рек и продолжительных дождей грунтовые дороги распустились, а многие мосты как на этих, так и на железных дорогах несколько раз сносило напором воды» [21]. В Яссах вышедшая из берегов река Бахлуй затопила городские предместья, под водой оказалась часть железнодорожной линии Унгены—Яссы. По свидетельству участников похода, многие передовые отряды, перейдя границу, шли «буквально по колено в воде, а некоторые части, раздевшись, брели две версты по воде, доходящей иногда по плечи». Даже кавалерии «приходилось двигаться иногда по горло в воде» [22].

Румынское правительство, поскольку конвенции с Россией еще не были утверждены парламентом, заявило формальный протест против ввода в княжество русской армии. Положение осложнилось тем, что официальное извещение о начале войны ввиду неожиданного отъезда Стюарта в Кишинев (для встречи императора) было передано румынскому правительству с опозданием [23]. Оно тем временем распорядилось, чтобы префекты уездов не вступали в официальные отношения с русским командованием. На заседании кабинета министров было решено даже «с целью избежать конфликта» отвести войска с побережья Дуная [24].

Впрочем, возникший инцидент удалось ликвидировать довольно быстро. Румынские государственные деятели не могли не принять во внимание сложившихся чрезвычайных обстоятельств. Выступая 16 апреля в только что созванном парламенте, министр иностранных дел М. Когэлничану подчеркнул, что соглашение с Россией было подписано еще 4 апреля, а военное командование, вводя войска в Румынию, исходило из стратегических расчетов, поскольку османские генералы разработали далеко идущие планы занятия княжества [25]. Русские «заявили, что пришли к нам как друзья и считают румынское правительство дружественным,— писала газета «Ромынул».— Разве мы должны встретить их как врагов, в то время как интересы страны требуют, чтобы они прошли через нее возможно быстрее, чтобы военные действия не коснулись нашей земли?» [26].

Однако отведенные с южной границы румынские войска не сразу были возвращены обратно. Правительство мотивировало свое решение стремлением избежать «переноса военных действий в глубь страны». Но такой рискованный шаг вызвал немало противоречивых откликов и нареканий как в самой Румынии, так и в России. Правда, российская печать, включая официальные органы, воздержалась в большинстве случаев от каких-либо комментариев. Одной из немногих газет, на страницах которой были высказаны справедливые, хотя и запоздалые, опасения по поводу действий румынского правительства, оказались «Русские ведомости». В помещенной там в конце апреля корреспонденции из Бухареста отмечалось, что «Ка-

inslav

лафат и прочие укрепленные пункты на Дунае, укреплявшиеся с такой лихорадочной поспешностью, были оставлены войсками и таким образом предоставлены на произвол судьбы... Турки могли бы свободно, без малейшего препятствия, перейти Дунай, занять лучшие стратегические позиции...» [27].

Румынская армия снова заняла исходные рубежи вдоль границы с Турцией лишь через несколько дней после одобрения в середине апреля парламентом соглашения с Россией. 22 апреля санкционированные главой государства конвенции были опубликованы в «Правительственном вестнике» [28]. В тот же день «Ромынул» в передовой статье дал им высокую оценку: соглашение с Россией, писала газета, «является актом большого значения, благодетельным со всех точек зрения, и надо сказать, что правительство заслужило признательность родины» [29].

Но главное заключалось не в том, что соглашение с Россией было результатом здравой политики находившихся у власти либералов — оно отражало чувства и чаяния народных масс. Ратификацией конвенций о пропуске русских войск завершился важный этап сближения между Румынией и Россией — период закрепления официальным соглашением взаимных обязательств на время войны с Турцией. Что же касается практической реализации конвенций, то они фактически были введены в действие сразу после начала войны — их выполнение взяли на себя русская армия и население княжества.

Вступавшие в Румынию войска почти всюду встречали дружелюбное отношение местного населения, проявлявшего к ним искреннюю симпатию. Корреспондент «Русских ведомостей» сообщал, что «жители оказывают самый радушный прием русским воинам, угощают их... всем, что только могут найти лучшего». Газета «Новое время» из номера в номер публиковала во время войны «Дневник корреспондента» — автор его В. Буренин, прибывший в Румынию весной 1877 г., отмечал позднее, что «простой народ, по словам людей, близко его изучивших... положительно тяготеет к России» [30].

Дружественные отношения между населением Румынии и русской армией в дальнейшем развивались и крепли. Корреспондент «Санкт-Петербургских ведомостей» свидетельствовал: «...румыны принимают нас так радушно и с таким вниманием, какого я никак не мог себе представить». На страницах газеты «Голос» регулярно печатались «Военно-политические письма из Румынии» — их автор Д. Рудин, далеко не всегда отличавшийся точностью оценок, пришел тем не менее к такому верному выводу: «Народ нам положительно сочувствует как давно знакомому, могущественному и единоверному соседу...». В другом письме он отмечал: «Образцовая дисциплина наших войск, значительный капитал, вносимый ими ежедневно в край, и ласковое обращение войск с населением совершенно расположили жителей в нашу пользу» [31].

Высокая дисциплинированность войск и уважение ими национальных чувств местных жителей действительно сыграли большую роль в сложившихся между ними отношениях. Бухарестская «Прес-

inslav

са», орган оппозиционной «партии центра», поместила письмо из Галаца, отправленное в газету через неделю после начала войны. В письме сообщалось: «Русская армия продолжает проходить (через город.— *М. З.*) каждый день. По отношению к властям и населению она сохраняет прежнюю уважительную и благожелательную позицию. Мы не слышали ни от кого ни одной жалобы на солдат или их начальников...». Консервативный «Тимпул» опубликовал письмо жителя Ясс: сожалея по поводу «печального зрелища» — появления русских войск, он признавал тем не менее, что в городе сохраняется «полный порядок», а «деликатность офицеров и дисциплина солдат успокоили его обитателей». Их особенно расположило в пользу русских, отмечалось в письме, то обстоятельство, что во время наводнения кавалеристы бросались в воду, чтобы спасти утопающих, и «вырвали многих несчастных из объятий смерти» [32].

Соблюдая условия соглашения, русские части не вступали в столицу княжества, обходя ее в пешем строю по окрестным дорогам. «Мы получили твердые заверения в том, что русская армия не войдет в Бухарест»,— писал «Телеграфул». Министр иностранных дел М. Когэлничану при обсуждении конвенций в парламенте особо подчеркнул этот примечательный факт. Газета «Ромынул» решительно опровергла появившиеся ложные слухи о занятии города русскими войсками [33].

Соглашение предусматривало возмещение российским правительством всех расходов на нужды армии. Финансовые расчеты производились наличными и звонкой монетой. Летом 1877 г. хорошо осведомленный «Голос» информировал читателей: «Начиная от нашей границы войскам действующей армии на Дунае приходится расплачиваться за все металлическими знаками, золотом или серебром». Специальный корреспондент «Московских ведомостей» сообщал, что русские войска «ничего у румын не брали реквизиционным порядком, за все платили наличными деньгами. Румынские газеты не переставали рассыпаться в похвалах такому поведению русских» [34].

Одной из главных причин теплой и радушной встречи русской армии была та поддержка силой оружия, которую только Россия могла тогда оказать Румынии против Турции. Еще в начале 1877 г., после резкого обострения румыно-турецких противоречий, чуть не вызвавшего вооруженный конфликт, корреспондент газеты «Новое время» Н. Каразин писал из Бухареста: «Страх перед туркой — это в Румынии явление хроническое... Скоро ли придут русские — это вопрос дня, который вертится на языке у каждого...» [35].

Такой вопрос был снова и еще острее поставлен весной 1877 г. Русская армия оправдала возлагавшиеся на нее надежды. В самом начале войны, как извещал петербургский «Правительственный вестник», русский авангард, «заняв берег Дуная более чем на сто верст, прикрыл его частыми постами и разъездами, так что с их появлением прибрежные жители могут уже спокойно возвратиться к своим обыденным работам и занятиям». «Ромынул» информировал обеспокоенных жителей столицы: «После отвода от Барбоша наших частей и артиллерии туда для охраны моста прибыли многочислен-

inslav

ные русские войска с мощными орудиями». Ввод в Румынию русских войск постепенно рассеял страх населения перед османскими грабежами и зверствами. «Санкт-Петербургские ведомости» писали, что «волнение умов в Букареште и остальной Румынии улеглось... Паника уступила место спокойствию...» [36].

Важным результатом действий русской армии было усиление в княжестве давних стремлений к освобождению от османской зависимости. Многие румыны связывали с приходом русских войск надежды на полное избавление от власти Порты. Благоприятная позиция России не вызывала сомнений. Провозглашение 9 мая независимости княжества было единодушно отмечено российской столичной печатью. Подчеркивалось и значение для этого акта русско-турецкой войны. «Новое время» указывало, что Румыния фактически свободна «с того дня, когда первый русский аванпост переправился через Прут» и новый ее статус — это «первый осязательный успех русского оружия на Дунае». Разрыв вассальных уз Румынии «является первым важным последствием войны между Россией и Портою,— писали «Санкт-Петербургские ведомости».— ...Самостоятельная, независимая Румыния вполне удовлетворяет историческим целям России» [37].

Хотя соглашение 4 апреля не предусматривало военного союза между Россией и Румынией, оно не ограничивало путей и форм дальнейшего сотрудничества армий обеих стран. Такое сотрудничество стало постепенно складываться уже в первый месяц войны.

В начале мая передовые русские части вышли к южной границе Румынии [38]. Находившиеся на территории княжества войсковые соединения России насчитывали к этому времени около 170 тыс. человек. Численность румынских войск первой линии (без милиции и вспомогательных частей) составляла примерно 50 тыс. человек [39]. Главные румынские силы, по предварительной договоренности с русским командованием, были сосредоточены в западной части Валахии — Олтении. Обороняя ее от османских войск, они прикрывали также правый фланг русской армии. Последняя в свою очередь обеспечивала безопасность всей остальной границы княжества восточнее Олтении. «Санкт-Петербургские ведомости» с удовлетворением констатировали: «Румынская армия примкнула к нашей и... заняла передовые позиции». Отношения между русскими и румынскими войсками «нельзя считать иными, как самыми дружественными»,— отмечали «Московские ведомости» [40].

Обе армии сильно сблизила вызывающая позиция Турции. Тотчас же после ратификации русско-румынских конвенций Порта разорвала официальные отношения с княжеством. Во второй половине апреля османские войска фактически начали военные операции почти по всей линии Дуная. Русские и румынские газеты пестрели сообщениями о налетах турецких вооруженных отрядов на левый берег Дуная, пиратских действиях кораблей военного флота и обстреле румынских портов и прибрежных населенных пунктов. Перечисляя все эти факты, «Санкт-Петербургские ведомости» выра-

inslav

жали уверенность в том, что «Румыния не сегодня, так завтра открыто станет на сторону России и примет участие в войне с Турцией»[41].

К такому решению, помимо враждебных действий османских войск, побуждали также глубокое беспокойство и возмущение жителей княжества, требовавших дать отпор османским посягательствам. «Санкт-Петербургские ведомости» писали, что «во всей Румынии господствует сильное раздражение против турок» и оно «растет вследствие варварского образа ведения Турцией войны». «Нейтралитет не имеет больше никакого оправдания, когда мы атакованы вражескими ордами»,— подчеркивал «Телеграфул». «Нам по существу объявлена война»,— предупреждал «Ромынул». Страна «не может дольше оставаться в бездействии, подставляя себя турецким снарядам. Она вынуждена защищаться»[42].

Румынское правительство решило принять ответные меры. Военное командование, старавшееся сначала избегать пограничных конфликтов, распорядилось, чтобы размещенные близ Дуная части оказывали решительное сопротивление нападениям турок. Начавшиеся ружейные перестрелки сопровождались артиллерийской канонадой. Орудия Калафата открыли огонь по Видину. На страницах «Ромынула» сообщение об обстреле турецкой крепости было выделено крупным шрифтом. «Пушки наших фортов начали отвечать»,— торжествовала газета. Корреспондент «Нового времени» телеграфировал, что «батареи, устроенные при Калафате, бомбардировали Видин. Город горит во многих местах». «Телеграфул» предлагал крепость эту «сжечь дотла и сровнять ее с землей»[43].

В переходе румынских войск к активной обороне большая роль принадлежала русской армии. Решительная поддержка с ее стороны и бурный рост в стране настроений в пользу вооруженного отпора османским силам побудили румынские правящие круги открыто порвать с отброшенной уже на деле политикой нейтралитета.

Позиция правительства была подкреплена решением парламента. В последних числах апреля в результате острых прений обе его палаты (собрание депутатов и сенат) приняли почти одинаковые резолюции, которые констатировали, что между Румынией и Турцией существует «состояние войны», вызванное агрессивной политикой Порты. Однако в ходе дебатов было высказано немало категорических суждений в пользу одних только «оборонительных» действий, против «авантюристической политики» и «наступательного союза» с Россией[44]. По-разному представляла себе реализацию решения и румынская печать. Оппозиционная «Пресса», например, признавая, что парламент своевременно узаконил «право страны на оборону», ставила вместе с тем ему в заслугу то обстоятельство, что он «не предрешал слишком определенно будущего». А радикальный «Телеграфул», который совсем недавно возражал против того, чтобы «страна вступала в какой бы то ни было союз», теперь призывал «без колебаний пойти вперед» и «не останавливаться перед Дунаем», чтобы решительно пресечь на будущее любые угрозы безопасности княжества[45].

inslav

В стране крепло убеждение, что лишь военный разгром заставит Порту отказаться от своего сюзеренитета. Газета «Ромынул» — решающее влияние на ее позиции оказывали К. А. Росетти и его единомышленники — призывала подтвердить не только словом, но и делом право на создание независимого государства. За активное участие в войне, которая окончательно утвердит независимость княжества, высказывался также «Телеграфул»[46]. На его страницах (а затем и в газете «Ромынул») было помещено письмо прославленного итальянского народного героя Дж. Гарибальди: он писал одному из румынских друзей (в прошлом участнику движения за объединение Италии), что румыны, как и другие балканские народы, «должны бороться под знаменем свободы, пока полумесяц не будет изгнан за Босфор»[47].

Всем ходом событий на повестку дня был выдвинут вопрос о военном союзе между Румынией и Россией. Официальные переговоры о тесном взаимодействии румынской и русской армий были начаты еще во второй половине апреля. Однако на пути к такому соглашению возникло немало препятствий. Сразу же определить приемлемые для обеих сторон условия эффективного сотрудничества оказалось довольно трудно. Предложения командования Дунайской армии о привлечении румынских войск к активным боевым операциям встречали возражения Горчакова, опасавшегося международных осложнений, прежде всего вмешательства Австро-Венгрии. К доводам канцлера прислушивался и Александр II. Румынское правительство выдвинуло со своей стороны ряд трудновыполнимых претензий — они включали гарантию защиты от воинственных планов Вены и выплату денежной компенсации пропорционально численности посланных за пределы княжества солдат[48]. Камнем преткновения оказался также вопрос о самостоятельных действиях на отдельном участке фронта не имевшей еще боевого опыта румынской армии. Выдвинутые кабинетом либералов условия лишь укрепили царское правительство в стремлении воздержаться от вовлечения Румынии в войну вне ее собственной территории.

Ни русским, ни румынским журналистам были, разумеется, не известны подробности этих секретных переговоров. Но на страницах газет, выходивших в Петербурге, Москве и Бухаресте, не было недостатка в статьях и заметках в пользу тесного боевого содружества армий обеих стран. В княжестве со времени заключения 4 апреля соглашения с Россией, писал позднее «Ромынул», «общественное мнение прошло несколько стадий, все больше и больше склоняясь к активному сотрудничеству» румынской армии с русской[49].

В конце мая завершилось стратегическое развертывание русских войск в Румынии. Готовность их к наступлению на Балканах укрепила в княжестве решимость тех, кто хотел содействовать успеху русского оружия. В пользу союза с Россией располагали также военные действия 100-тысячной Кавказской армии, одержавшей первые крупные победы. «Ромынул» отмечал, что эти победы будут иметь «благоприятные последствия» для разрешения балканских

inslav

проблем. Об успехах русской армии на Кавказе информировал своих читателей и «Телеграфул». Он выступал за продолжение на Балканах объявленной Турции войны. Переход за Дунай в союзе с Россией, писала газета, «мы считаем необходимым»[50].

Установленные между русскими и румынскими войсками контакты были главной, но не единственной формой складывавшегося военно-политического сотрудничества. Еще до войны российское правительство предоставило Румынии денежные субсидии. Они приобретали особое значение в условиях обострившегося весной 1877 г. финансового кризиса, который потряс всю денежно-кредитную систему страны. В начале апреля для пополнения румынской казны было передано 300 тыс. руб. серебром (около 1 млн. лей) — часть доходов от находившихся в Бессарабии имений румынских монастырей[51]. Сообщения об этом появились как в русской, так и в румынской печати. К началу мая было выплачено 2 млн. лей[52].

В Бухарест в счет будущего займа было отправлено также два бочонка золота — всего 250 тыс. руб. (в пересчете на национальную монету 1 млн. лей)[53]. По условиям займа полученные деньги должны были вычитаться из общей суммы платежей по соглашению о проходе через Румынию русских войск. Эти платежи серьезно пополнили государственную казну. Согласно заявлению в парламенте М. Когэлничану, только за железнодорожные перевозки войск и военного снаряжения в первый месяц войны русское командование уплатило 1,5 млн. лей, а к концу мая доходы по этой статье превысили 6 млн. лей[54]. Истраченные в Румынии русской армией на различные нужды крупные средства ослабили денежный кризис. В каком положении оказались бы финансы страны, восклицал «Ромынул», «если бы в денежное обращение не поступили миллионы, выплаченные русской армией за всякого рода продукты, фураж, скот и т. д.?»[55].

Финансовые неурядицы и проводимая правящими кругами Румынии в начале Восточного кризиса политика нейтралитета отрицательно сказались на боеспособности румынских войск. Во многих вновь сформированных частях не хватало оружия, боеприпасов и другого военного снаряжения. Значительное количество его было получено из России. Уже к началу мая в Румынию было доставлено 32 тяжелых орудия, 4 вагона (1057 пудов) пороха, 25 тыс. ружей и 3600 тыс. патронов[56]. Корреспондент газеты «Русский мир» сообщал из Бухареста, что привезенная туда для румынской армии батарея осадных шестидюймовых (152-мм) орудий «служит предметом удивления». «Телеграфул» писал, что доставляемые к Дунаю крупнокалиберные русские орудия «привлекают к себе внимание необыкновенными размерами»[57].

Русская тяжелая артиллерия сыграла большую роль в успешных действиях против турецких военных кораблей и в установлении контроля за судоходством на Дунае. В конце апреля возле Брэилы навесным артиллерийским огнем был взорван крупный турецкий корвет. К этому времени русско-румынское военное сотрудничество стало осуществляться также в ходе действий Дунайской речной

inslav

флотилии. В начале войны для операций на Дунае русские войска располагали лишь небольшим числом мелких судов[58]. В апреле русскому командованию были переданы во временное пользование стоявшие на приколе в устье Прута румынские военные суда: два колесных парохода, канонерская лодка и минный катер[59]. На этом катере лейтенант Дубасов в сопровождении трех русских катеров предпринял в середине мая дерзкую ночную атаку против одного из самых крупных турецких мониторов. Подорванный шестовыми минами двух головных катеров монитор затонул. В операции добровольно принял участие майор Мурджеску, прежний начальник румынской флотилии. Вместе с русскими военными он был награжден орденом[60]. Позднее Мурджеску участвовал в постановке на Дунае минных заграждений, а затем в качестве лоцмана в разведывательном плавании вверх по реке отряда военных судов[61]. Корреспондент «Нового времени» писал, что среди русских моряков Мурджеску, «очевидно, „свой": с ним все на ты, его все любят и отзываются о нем с большим уважением и дружбою»[62].

В середине июня 1877 г. русско-турецкая война вступила в новый этап: главные силы русской армии форсировали Дунай у Зимницы (Зимничи) и развернули в нескольких направлениях наступление против турецких войск. Место проведения этой операции сохранялось в строгом секрете. Были приняты меры безопасности против нападения кораблей османской военной флотилии. После осуществления переправы газета «Русский инвалид» сообщала, что «одно из труднейших военных предприятий — переход армии через большую, обороняемую войсками и броненосным флотом реку — успешно выполнено... войсками действующей армии, и они вступили в пределы Болгарии»[63].

Форсирование Дуная русскими войсками вызвало многочисленные отклики в румынской печати. Переправа у Зимничи имеет очень важное значение, подчеркивал «Телеграфул», «так как здесь, от Силистрии до Видина, сосредоточены крупные силы турецкой армии». «Ромынул» особо отметил в передовой статье благоприятный исход этой сложной операции. Действиям России Румыния «может желать только успеха,— писала начавшая выходить летом 1877 г. газета «Восток».— Все победы служат ее (Румынии.— *М. З.*) делу. Каждое продвижение вперед русских войск становится для нее новой гарантией»[64].

Правящие круги России и Румынии еще не пришли тогда к окончательному соглашению о военном союзе, но сотрудничество между вооруженными силами обеих стран продолжало расширяться. Накануне форсирования Дуная румынские батареи начали вместе с русскими методичный обстрел позиций турок. «Новое время» сообщало: «...во всех пунктах, где только нами или румынами воздвигнуты батареи, последние открыли страшный огонь. Внимание турок внезапно было обращено на все решительно пункты их оборонительной линии»[65]. Об участии румын в трехдневном артиллерийском обстреле османских позиций сообщили и бухарестские газеты[66].

inslav

В первых числах июля, во время штурма русскими войсками Никополя, румынские артиллеристы, поддержав огонь русских батарей, начали бомбардировку крепости с левого берега Дуная[67]. К этому времени в связи с наступательными операциями русской армии некоторые румынские пехотные и артиллерийские части перешли реку Олт и заняли оставленные русскими войсками близлежащие позиции на побережье Дуная. Небольшой румынский отряд с целью рекогносцировки переправился даже через Дунай и благополучно возвратился обратно[68].

Первые серьезные успехи русской армии после форсирования Дуная — захват крепости Никополь, быстрое продвижение в глубь Болгарии, переход через Балканы передового отряда генерала Гурко — заметно увеличили в Румынии число сторонников активного участия в войне против Турции. По свидетельству одного из бухарестских корреспондентов «Голоса», вопрос о предстоящей переправе за Дунай «вызвал бурную полемику в стране и в печати, которые разделились на два лагеря...»[69]. Однако опасения относительно «пагубных последствий» такого шага находили все меньше поддержки в княжестве. Даже среди отвергавших «слишком опрометчивые» действия консерваторов возрастало влияние более реалистично рассуждавших политиков. Преобладание поборников наступления против османской армии было очевидным.

В конце июня — начале июля тон проправительственных газет становился все более воинственным. Необходимо, отмечал «Ромынул», «ответить туркам войной на войну, которую они сами объявили». В передовой статье газеты «Восток» подчеркивалось, что «кампании, которую кое-кто считает неосторожной, а некоторые — бесполезной, горячо желает большинство нации...». Сообщая об успешных действиях русских войск, «Телеграфул» призывал «вступить как можно скорее на путь, продиктованный национальным достоинством, и предоставить слово румынской армии», чтобы доказать стремление румын к собственной независимости и их готовность поддержать освободительные устремления других угнетенных Портой народов[70].

Внезапная неудача штурмов 8 и 18 июля русскими частями сильно укрепленных турецких позиций вокруг Плевны, обороняемых получившим серьезные подкрепления гарнизоном во главе с опытным военачальником Османом-пашой, сыграла свою роль в упрочении русско-румынских отношений. В Бухаресте события под Плевной, вопреки расчетам многих европейских дипломатов, отрезвили ряд румынских политиков, которые надеялись одно время, ограничившись оборонительными действиями, воспользоваться затем плодами военной победы России. В Петербурге неудача в сражении за Плевну поневоле умерила или даже вовсе рассеяла былые сомнения тех государственных деятелей, которые вначале предпочитали воздерживаться от прямого военного союза с Румынией ввиду противодействия западных держав и особенно из-за угрозы возможного, казалось, вооруженного конфликта с Австро-Венгрией. Осложнение хода боевых операций за Дунаем способствовало в конечном счете

inslav

дальнейшему углублению русско-румынского военного сотрудничества.

16—17 июля по предложению русского военного командования одна из румынских дивизий переправилась через Дунай и вступила в только что отбитый у турок Никополь [71]. Переправа румынских частей облегчила переброску подкреплений русским войскам под Плевной и вызвала одобрительные комментарии русской и румынской печати. Газета «Восток» настаивала, чтобы румынская армия «всеми своими силами содействовала успеху русской». «Санкт-Петербургские ведомости» с удовлетворением отмечали: «Участие румынской армии в борьбе указывает, что в русской главной квартире перестали стесняться соображениями о том, что скажут в Вене, как посмотрят там на то или другое действие». Ясский корреспондент «Голоса» выражал уверенность в том, что «румыны теперь не захотят ограничиться одним водружением своего знамени на валах павшей крепости... и будут искать случая сразиться с турками» [72].

Эти слова не замедлили подтвердиться — начатые за Дунаем боевые операции румынских войск перерастали в войну за национальную независимость. Пресса едва поспевала фиксировать развитие событий. 20 июля корреспонденты «Нового времени» телеграфировали из Бухареста, что находившаяся в Болгарии румынская дивизия «выступила из Никополя по направлению к Плевне». В Румынии одной из первых передала эту новость газета «Восток». Специальный корреспондент «Санкт-Петербургских ведомостей» сообщал во второй половине июля, что в Бухаресте «все жадно следят за движением румынских войск». Автор «Военно-политических писем из Румынии» Д. Рудин упоминал тогда же в очередной корреспонденции: «Газеты полны патриотических напутственных фраз и увещаний войскам...» [73]. К началу августа их авангард занял позиции возле Плевны и вскоре завязал бои на этом участка фронта. 12 августа началась переправа через Дунай второй румынской дивизии [74]. Через несколько дней было достигнуто окончательное соглашение о совместных действиях против Плевны русских и румынских войск.

После июльских неудач действовавшим на этом направлении Западным отрядом Дунайской армии стал командовать генерал-лейтенант Зотов. Помимо 30 тыс. русских войск, ему было подчинено также 9 тыс. румынских [75]. Во второй половине августа под Плевной были сосредоточены главные силы румынской армии — около 35 тыс. солдат и офицеров. Туда же непрерывно поступали пополнения из России. Численность осаждавших Плевну русских и румынских соединений возросла до 87 тыс. человек, а количество приданных им артиллерийских орудий достигло 424 (на долю румын приходилось 108) [76]. С середины августа эту группировку номинально возглавил князь Карл (Зотов был переведен на должность начальника штаба), но руководство военными операциями фактически оставалось за русским командованием. Всего в рядах Дунайской армии насчитывалось к этому времени более 210 тыс. русских войск. С румынской стороны активное участие в боевых операциях, вклю-

inslav

чая обсервационный корпус в Олтении, могло принять до 55 тыс. человек[77].

Военный союз Румынии с Россией имел особый внутриполитический аспект. Российским официальным кругам пришлось против обыкновения опереться в княжестве не на выражавших главным образом интересы крупных земельных собственников консерваторов, а на представлявших различные слои буржуазии либералов. Известным влиянием среди них пользовались мелкобуржуазные радикалы во главе с К. А. Росетти. Их по старой памяти, еще со времени революции 1848 г., иногда называли даже «красными». Это название распространяли порой и на либералов в целом. Ориентации на них вслед за правящими кругами придерживалась и русская печать — от официальных органов и «Московских ведомостей» до наиболее крупных буржуазно-либеральных газет. Такая ориентация зависела в первую очередь от внешнеполитических установок румынской правительственной партии и оказавшихся в оппозиции консерваторов. Находясь у власти в самом начале Восточного кризиса, они придерживались политики строгого нейтралитета и, рассчитывая на поддержку западноевропейских держав, стремились добиться независимости путем дипломатических переговоров. Во время войны, оставаясь в оппозиции, консерваторы использовали любые поводы для критики действий либералов. Одним из главных ее объектов был курс по отношению к России. Газетная полемика то несколько затухала, то разгоралась с новой силой.

Оценки этой полемики русской либеральной печатью в большинстве случаев совпадали — позиция консерваторов и их антиправительственные выпады решительно осуждались, а недавнее правление выставлялось в самом неприглядном виде. Автор помещенной в «Новом времени» обширной корреспонденции констатировал, что консервативная партия, «состоящая почти исключительно из крупных бояр ... за свое шестилетнее правление чуть не довела до погибели Румынию...». Специальный корреспондент «Санкт-Петербургских ведомостей» сообщал из Бухареста: «Румынская оппозиция ведет... свою личную борьбу с правительством из-за власти», ее представители «поднимают знамя раздора в румынском обществе», хотя «патриотизм их не идет далее министерского портфеля». В «Военно-политических письмах» Д. Рудина отмечалось, что оппозиция «своим поведением и злобной критикой способствует распространению неудовольствия...»[78].

Сильное раздражение русских газет вызвало сопротивление консерваторов посылке румынских войск за Дунай. Рудин не скрывал возмущения тем, что «оппозиция не переставала кричать против румынского участия...». «Новое время» напоминало читателям, что «консервативная оппозиция с самого начала войны высказала свое нерасположение к участию в ней румынских войск». В передовых статьях «Санкт-Петербургских ведомостей» не раз поднимался вопрос о позиции Румынии: она, писала газета, «некоторое время колебалась и, подчиняясь нашептываниям своих оракулов консервативной партии, мечтала о каком-то нейтралитете», но в конце

inslav

концов пренебрегла их призывами, убедившись в том, что «только сближение с Россией может довести Румынию до той независимости, о которой она мечтает» [79].

Поддержка правивших княжеством либералов и даже примыкавших к ним радикалов была единодушной — на этот счет не возникало сколько-нибудь серьезных сомнений. Посетивший Бухарест еще летом 1876 г. издатель «Нового времени» Суворин тогда же пришел к выводу, что «красные по большей части сочувственно относятся к России». Прибывший в Румынию весной 1877 г. корреспондент той же газеты напоминал, что «здешняя демократическая партия... более симпатизирует русским, чем боярская». Специальный корреспондент «Голоса» так объяснял позднее причину благоприятной России позиции либералов: после того как политическая власть перешла из рук помещиков к либеральной партии, одной из главных ее целей стало достижение независимости — «оттого-то она и пошла вопреки боярской партии навстречу России...». В публиковавшихся на страницах «Санкт-Петербургских ведомостей» военных известиях подчеркивалось, что либералы «без участия консерваторов и даже наперекор их желанию» вступили в войну с Турцией [80]. Д. Рудин выражал опасение по поводу внешнеполитических действий оппозиции в том случае, если бы она одержала верх над либералами: консерваторы, по его мнению, могли разорвать союз с Россией и «вовсе отречься от обязательств, принятых на себя их предшественниками» [81].

Вместе с тем в российских официальных кругах и периодической печати высказывались определенные сомнения относительно внутриполитической программы либералов и особенно радикалов. Хотя во время войны газеты, по понятным соображениям, воздерживались от прямых выпадов против румынской правящей партии, она не избежала критических замечаний по ее адресу.

Показательна в этом отношении позиция корреспондента либеральствующего «Голоса» Д. Рудина. Он признавал, что «красные радикалы» в Букареште, как их презрительно честит [оппозиционная.— *М. З.*] печать... знают цену принятого ими на себя обязательства» и «добросовестно относятся к своим русским союзникам». Наряду с этим корреспондент высказывал опасения относительно возможного, по его мнению, «злоупотребления либеральными учреждениями» [82]. Сожалея, что «журнализм в Румынии не стеснен никакими цензурными мерами» и, пользуясь этим, многие газеты «отзывались крайне пренебрежительно» о князе Карле, Рудин превозносил его как «либерального и просвещенного» правителя. Корреспондент «Голоса» осуждал «злоупотребление печатным словом» в Румынии [83–84]. Поддержка либералов сочеталась у него, таким образом, с защитой монархических устоев и антидемократических порядков.

Как бы ни накалялись в Румынии политические страсти и какой бы оборот ни принимала межпартийная борьба, война за независимость делала свое дело — она приобрела общенациональный и всенародный характер. С переходом румынской армии к активным боевым операциям началось широкое взаимодействие русских и

inslav

румынских вооруженных сил. Самое суровое испытание сотрудничество между ними выдержало под Плевной.

Во второй половине августа обстановка на Балканском театре военных действий снова стала изменяться в пользу России. 22 августа русские войска после 12-часового боя заняли расположенный южнее Плевны город Ловчу (Ловеч). Русские газеты расценивали эту операцию как переход в наступление главных сил Дунайской армии. «Взятие Ловчи, хорошо укрепленной турками, имеет большое стратегическое значение»,— писал румынский «Телеграфул»[85]. Важное значение в ходе военных действий сыграла самоотверженная оборона Шипки русскими частями и дружинами болгарского ополчения. Попытки османских войск овладеть Шипкинским перевалом провалились. «Сражение было крайне ожесточенным, но оно имело благоприятный для русской армии исход»,— сообщал «Телеграфул». Газета «Восток» писала о «героической стойкости русских», подвиги которых «достойны античных времен». Она отмечала также храбрость болгарских добровольцев и помощь местного населения[86].

30 августа был предпринят третий по счету с начала осады штурм Плевны. Румынские войска должны были атаковать сильно укрепленный Гривицкий редут. Две попытки овладеть им не имели успеха. На помощь румынским батальонам пришли Архангелогородский и Вологодский полки. Последний частью сил произвел обходный маневр и ударил в тыл оборонявшим укрепление туркам. Преодолев глубокий ров и взобравшись на бруствер редута, наступавшие вступили в рукопашную схватку. Она закончилась полной победой. Занявшие редут румынские и русские части отразили все контратаки неприятеля и закрепились на отбитых у него позициях. В качестве трофеев были захвачены два турецких знамени и пять орудий[87].

Взятие Гривицкого редута стало одним из ярких проявлений русско-румынского боевого содружества. Многие участники атаки были награждены русскими и румынскими орденами. «Румынские войска дерутся отлично, про наши и говорить нечего: примеры геройства бесчисленны»,— телеграфировал из-под Плевны один из русских журналистов. В сражении под Плевной, писал находившийся в действующей армии В. И. Немирович-Данченко, румыны «показали себя молодцами... С тех пор они для русских здесь товарищи по оружию и союзники... Везде с ними братаются, к ним чувствуют уважение»[88].

Во время штурма 30 августа удача сопутствовала сначала и наступавшему с юга отряду генерал-майора Скобелева. После напряженного трехчасового боя русские войска, несмотря на сильный огонь неприятеля, овладели двумя турецкими редутами. Но Осман-паша бросил туда свежие силы. Отбив несколько контратак и не получив подкреплений, отряд Скобелева был вынужден оставить завоеванные позиции. Наступавшие с юго-востока русские части, встретив упорное сопротивление противника, не смогли продвинуться вперед[89].

inslav

Третий штурм Плевны из-за плохой подготовки и просчетов командования снова не принес решающего успеха. И русские и румынские войска понесли тяжелые потери. По официальным данным, с 26 августа по 2 сентября было убито, ранено и пропало без вести более 12,5 тыс. русских и около 3 тыс. румынских солдат и офицеров[90]. Неудача штурма со всей остротой поставила перед командованием вопрос: как действовать дальше? На состоявшемся в начале сентября военном совете было решено установить «возможно [более] тесную блокаду армии Османа-паши» и помешать ей в то же время «усиливать свои позиции новыми укреплениями»[91].

В середине сентября для руководства осадными работами вокруг Плевны из Петербурга прибыл известный военный инженер генерал-адъютант Э. И. Тотлебен. Он был назначен помощником князя Карла.

В приказе войскам, осаждавшим Плевну, Э. И. Тотлебен указывал: «Вступив в исправление означенной должности, предписываю, на основании приказания его высочества начальника отряда, по всем делам службы в командном отношении обращаться ко мне»[92]. В обзоре военных действий, опубликованном в конце сентября «Русским инвалидом», отмечалось, что русские и румынские войска перешли «к более медленному, но более верному способу ведения атаки на плевненские позиции посредством постепенного приближения к ним подступами»[93].

Большую роль в осуществлении блокады Плевны сыграли кавалерийские рейды по коммуникациям и тылам войск Османа-паши. В сентябре за реку Вид, к западу от Плевны, был направлен сводный кавалерийский отряд под командованием генерал-лейтенанта Крылова, куда наряду с русскими входили четыре румынских полка[94]. В передовой статье «Голоса» с удовлетворением отмечалось, что благодаря эффективным действиям кавалерии «блокада армии Османа-паши из номинальной мало-помалу обращается в фактическую»[95]. В октябре кавалерия Плевненского отряда (ею командовал генерал-адъютант И. В. Гурко) провела несколько успешных операций по захвату укрепленных пунктов вокруг Плевны. В этих операциях участвовали и румынские кавалерийские части. Действия отряда Гурко, писал «Русский инвалид», «имели решающее значение в вопросе о действительном обложении армии Османа-паши, которая может теперь считаться вполне отрезанной и от Софии, и от Видина, сообщения с которым наблюдаются русско-румынским отрядом»[96].

В конце октября, ко времени полного окружения Плевны, осаждавшие ее войска насчитывали 122 тыс. русских и 37,6 тыс. румынских солдат и офицеров. Румынский артиллерийский парк состоял из 118 орудий, а общее число их достигало 632[97]. Наряду с военными действиями, направленными на блокаду Плевны, вокруг нее продолжались интенсивные осадные работы. В отдельных пунктах производились атаки на оборонительные укрепления турецкого гарнизона. В очередном военном обзоре «Русский инвалид» констатировал, что фланги Плевненского отряда «постепенно продвигаются

inslav

вперед, стесняя все более район расположения армии Османа-паши...»[98].

Во время военных действий против Плевны румынские войска продолжали получать из России помощь вооружением, а румынское правительство — финансовую поддержку. Только поставки боеприпасов с августа по декабрь включительно составили, по неполным данным, 5 млн. патронов, 11,5 тыс. снарядов, около 3 тыс. пудов пороха. Летом 1877 г. румынскому правительству была вторично предоставлена денежная ссуда в размере 750 тыс. золотых руб. (3 млн. лей). После выплаты осенью 1877 г. нового взноса общая сумма достигла 2 млн. руб. (8 млн. лей)[99]. Кроме того, из доходов находившихся в Бессарабии имений румынских монастырей в казну княжества, по сведениям русских газет, было внесено 7 млн. руб.[100] Серьезным пополнением румынского бюджета стали также платежи за использование русской армией железных дорог: за счет денежных поступлений от русского командования доходы намного превысили расходы[101].

Почти одновременно с установлением блокады Плевны изменилась в пользу русских войск и обстановка на Кавказском театре военных действий. Там еще в начале октября были разбиты главные силы османской армии во главе с Мухтаром-пашой. Румынская газета «Восток» предсказывала, что эта «блестящая победа» русских войск повлечет за собой «такой же успех в Европе». «Телеграфул» отмечал «сокрушительное поражение турок» и выражал надежду на скорое окончание военных операций в Азии[102]. После проигранного в октябре сражения намечавшаяся турецким командованием переброска подкреплений с Кавказа на Балканы стала невозможной. 6 ноября пала осажденная русскими войсками крепость Карс. На следующий день известие об этом появилось в русской печати. Чуть позже об успешном штурме крепости сообщили бухарестские газеты. «Карс взят в результате 12-часового боя...» — писал «Ромынул». Эта победа — прямое последствие недавнего «ужасающего разгрома» Мухтара-паши, напоминал «Восток»[103].

В ноябре блокада Плевны была упрочена благодаря занятию румынскими войсками придунайского города Рахово (Оряхово) — к востоку от Видина. В упорных боях за этот город приняли участие также русский полк улан и русская конная батарея[104]. Оценивая взятие Рахова, «Русский инвалид» писал: «Пункт этот... имел немаловажное значение для Османа-паши на случай, если бы он решился пробиться к Видину...»[105].

Осенью 1877 г. военное сотрудничество между Россией и Румынией приняло самые широкие за время войны размеры, приобрело особенно тесный и дружественный характер. Газета «Ромынул» с гордостью отмечала, что союз между румынской и русской армиями «опирается на почетную основу, которая называется полем сражения». Одна из передовых статей «Санкт-Петербургских ведомостей» была специально посвящена русско-румынским отношениям. «Теперь,— подчеркивала газета,— когда немногочисленная армия князя Карла получила огненное крещение, когда она своими дейст-

inslav

виями под Плевной и под Раховом обнаружила свои прекрасные качества, между Россией и Румынией образовалась связь, не только созданная договорами, но и братством по оружию»[106].

Во второй половине ноября стало очевидным, что падение Плевны — вопрос самого ближайшего времени. Осману-паше не приходилось рассчитывать на какую-либо помощь извне. Ему оставалось только сложить оружие или же, покинув Плевну, прорываться сквозь кольцо блокады к труднодоступному Видину. Паша выбрал второй вариант.

Ночью 28 ноября турецкие войска вышли из Плевны, оставив там арьергардные части, и направились к реке Вид. Они перешли ее по уцелевшему каменному мосту и другому, заново сооруженному из деревянных повозок. На рассвете, оттеснив сторожевые посты, турки атаковали передовые русские позиции в трех верстах от моста. Завязался жестокий бой. Находившийся на передней линии Сибирский гренадерский полк, не выдержав отчаянного натиска на не смог отразить неприятельской атаки. Турки достигли второй лимного превосходившего его численностью противника, отошел назад. Подоспевший на выручку Малороссийский гренадерский полк также нии обороны. В бой вступили Астраханский и Фанагорийский гренадерские полки. С фланга ударил Самогитский полк. К месту сражения были двинуты основные силы гренадерского корпуса генерала Ганецкого. Атака турок захлебнулась. Гренадеры стали теснить нападавших. Угроза прорыва миновала. Турецкие войска повернули вспять. Они отступали к исходной позиции атаки — левому берегу Вида[107].

К Виду стягивались и резервные части, временно оставленные Османом в Плевне. С трех сторон, преодолевая с боями ослабленное сопротивление противника, а то и просто занимая оставленные им бесполезные теперь укрепления, в Плевну вступали русские и румынские войска. Они двигались к западной части бывшего лагеря Османа-паши. Сравнительно сильное противодействие было оказано турками, оборонявшими расположенный перед румынскими позициями стратегически важный Опанецкий редут: он возвышался над мостом через Вид и мог держать под обстрелом часть долины реки. К полудню эта долина была заполнена полностью окруженными турецкими войсками. Оказавшись под перекрестным ружейным и артиллерийским огнем, они были вынуждены прекратить сопротивление. Возле моста через Вид, где находился раненый Осман-паша, несколько раз поднимался белый флаг, пока в тумане его не заметили наступавшие русские полки. После затянувшихся из-за некоторых формальностей переговоров с генерал-лейтенантом Ганецким командующий турецкой армией официально объявил о капитуляции всех подчиненных ему частей[108].

Первые известия о падении Плевны появились в русских газетах уже на следующий день. Опубликованная 30 ноября телеграмма российского Международного агентства гласила: «Осман-паша сдался. Плевна в руках русской и румынской армии»[109]. Об одержанной победе тотчас же сообщила и румынская печать. Впечатля-

inslav

ла численность взятых в плен турецких войск — около 44 тыс. человек, в том числе более 2 тыс. офицеров [110].

В Румынии падение Плевны было отмечено в ряде городов торжественными празднествами. До Бухареста известие о капитуляции Османа-паши дошло к вечеру того же дня. «Весть эта,— телеграфировал корреспондент «Голоса»,— вызвала общее ликование; город моментально осветился иллюминацией». «Воодушевление было полное, и народное торжество продолжалось далеко за полночь»,— сообщал корреспондент «Санкт-Петербургских ведомостей» [111]. По главным улицам Бухареста, украшенным румынскими и российскими государственными флагами, прошла многолюдная процессия с факелами и фонарями. Перед зданием русского дипломатического представительства состоялась массовая манифестация. Румынский оркестр исполнил российский гимн. В шествии по городу и манифестации у консульства приняли участие многие оказавшиеся в Бухаресте русские военные [112].

Боевые заслуги русских участников осады Плевны были отмечены не только национальными, но и высокими румынскими наградами: учрежденным после провозглашения независимости орденом «Звезда Румынии» и медалью «За воинскую доблесть». Многие отличившиеся в операциях под Плевной румыны были в свою очередь награждены русскими орденами, в том числе георгиевскими крестами. В конце ноября, в день годовщины учреждения этого ордена, состоялись богослужение и званый обед, куда были приглашены все находившиеся под Плевной георгиевские кавалеры. Среди присутствовавших оказалось около 100 румын [113].

Потеря Плевны и капитуляция армии Османа-паши намного приблизили поражение Порты. Главный вклад в эту крупную военную победу внесли русские войска. «Могущество и героизм русской армии, известные всей Европе еще со сражений самых давних времен,— подчеркивал «Ромынул»,— проявились и теперь, при взятии этого второго Гибралтара». Русские газеты со своей стороны высоко оценивали союзническую помощь румынских войск. Первенствовал здесь на этот раз «Голос». Д. Рудин отмечал незадолго до падения Плевны: «Среди неожиданностей нынешней кампании одним из величайших сюрпризов для всех было отличное поведение и храбрость молодой румынской армии». Другой корреспондент «Голоса» решительно выступил против принижения западной прессой военных заслуг румынских войск. «Зачастую трудно бывало сдерживать справедливое негодование на туркофильство некоторых органов европейской печати,— писал он,— не брезгавших изливать потоки брани и злых насмешек над молодою армией княжества... Не сомневаюсь, что теперь, когда достаточно уже наглядно проявились боевые качества армии... качества, достойные боевой традиции княжества, нападки эти прекратятся, особенно после того как о румынах отозвались с лестной похвалою генералы русской армии, люди, во всяком случае достаточно компетентные в военном деле...» [114]

В ноябре—декабре 1877 г. на страницах русской печати снова все чаще стала подниматься проблема независимости Румынии: она

inslav

не сводилась лишь к поддержке принятого еще в мае парламентского акта — его практическое осуществление требовало включения конкретного пункта в будущий мирный договор с Портой и признания нового статуса княжества западноевропейскими кабинетами. Политика в этом вопросе российского правительства не вызывала сомнений — ни о каком возврате союзного государства к прежней вассальной зависимости не могло быть и речи. Но позиция западных держав внушала немалые опасения. Это подтвердил дипломатический инцидент, связанный с возвращением князя Карла в Бухарест после падения Плевны.

Известие о приезде в столицу после продолжительного отсутствия главы государства поставило перед членами дипломатического корпуса деликатный вопрос: следует ли им присутствовать при официальной встрече Карла? Как сообщали «Санкт-Петербургские ведомости», «вопрос этот был серьезно обсужден, и многие дипломаты остались при том мнении, что им не подобает встречать князя, а следует держаться в стороне от всяких оваций». Некоторые дипломаты заявили даже, что не могут «признавать за Румынией прав воюющей стороны, пока правительства их продолжают считать ее вассальным государством Турции; идти же на встречу князя Карла значило бы фактически признавать Румынию независимым княжеством...». В результате на железнодорожном вокзале князя из всех иностранных дипломатов встречали только барон Стюарт и персонал российского консульства. «Странно, что господа поверенные в делах,— комментировали этот инцидент «Санкт-Петербургские ведомости»,— ...оказываются столь щекотливыми в вопросе, фактически уже решенном безвозвратно... Напрасно! Подобные демонстрации с их стороны не поведут ни к чему. Великие события уже свершились, вернуть их нельзя» [115].

Залогом окончательного обретения Румынией независимости было прежде всего активное участие румынской армии в военных действиях против султанской Турции. Другим важным фактором утверждения независимости княжества была военно-политическая поддержка Румынии со стороны России. Один из корреспондентов «Голоса» писал в начале ноября из Ясс: «Румыны чрезвычайно счастливы и по справедливости могут гордиться лестными отзывами о доблести своей молодой армии... Безмолвное пока, но полное признание румынской независимости со стороны России также радует румын». «Санкт-Петербургские ведомости» напоминали накануне падения Плевны, что румыны «вполне оправдали название союзников и потому могут смело рассчитывать на поддержку России, если бы какой-либо из европейских держав вздумалось наложить свой запрет... на изменение нынешнего политического положения» Румынии. Установившееся русско-румынское боевое содружество, выражала уверенность газета, является гарантией того, что «при заключении мира Россия не отделит своего дела от дела румын» [116].

Такую уверенность еще более укрепило взятие союзными войсками Плевны. «Новое время», не указывая имени автора, опубликовало в начале декабря статью «одного из русских дипломатов»,

inslav

занимавшего, как следовало из редакционного примечания, высокий пост в министерстве иностранных дел. В статье подчеркивалось, что требование о признании независимости Румынии «должно быть безусловно поддержано. На полях Плевны и Рахова румыны завоевали право на самостоятельность» [117].

Падение Плевны резко изменило соотношение сил воюющих сторон — позиции Порты были серьезно ослаблены, угроза ее поражения стала реальной. Однако решающие события были еще впереди. Исход войны зависел в первую очередь от действий русской Дунайской армии. В декабре русские войска на Балканах насчитывали в общей сложности около 400 тыс. человек. Кроме того, на Кавказском театре действовало до 100 тыс. человек. Общая численность занятых в войне против Турции русских войск — включая части, предназначенные для обороны Черноморского побережья, и соединения, размещенные в тылу Дунайской и Кавказской армий,— превышала 940 тыс. человек [118].

После взятия Плевны командование Дунайской армии приняло решение, не мешкая, совершить переход через Балканы. В декабре отряд генерала Гурко, преодолев в мороз и вьюгу перевалы западных Балкан, обратил в бегство османские войска и освободил Софию. Со страниц румынских газет не сходили телеграммы о переходе отряда Гурко через Балканы и стремительном броске к Софии. «Ретировались ли турки по приказу из Константинополя,— язвительно вопрошал «Восток»,— или же не решились померяться силами с генералом, который, словно ураган, готов был, по своему обыкновению, смести любое сопротивление?» [119]

К этому времени с так и не взятых турками Шипкинских высот перешли в наступление войска генерала Радецкого. В их состав входили и болгарские дружины. Спустившись с гор, войска с хода вступили в бой. Сражение развернулось у южного склона Балкан. Османские войска потерпели сокрушительное поражение. Румынские газеты поместили специальные сообщения о Шипко-Шейновском сражении. «После сдачи Плевны и перехода русских через Балканы турецкие войска совершенно пали духом»,— констатировал «Телеграфул» [120].

На завершающем этапе войны русские войска, преследуя отступавшую по всему фронту османскую армию, устремились к Филиппополю (Пловдиву) и Адрианополю. Румынские газеты писали о «невероятно быстром» переходе русских частей через Балканы, об их «головокружительном марше» к Константинополю, о «блистательных победах» русского оружия и «полном разгроме турецкой армии», о «невозмутимом героизме» русских и их «удивительной стойкости» [121]. Но самую яркую оценку зимнему походу Дунайской армии за Балканы дала газета «Восток». Она обратилась к античному эпосу: «Троянская война, которая выглядела только забавой по сравнению с нынешней русско-турецкой кампанией, обрела своего знаменитого певца, сумевшего ее восславить. Но какой Гомер будущих времен смог бы воспеть события, гораздо более величественные, чем те, которые обессмертили Агамемнон, Улисс и Ахиллес?» [122].

inslav

Румынская армия после капитуляции Османа-паши предприняла наступление к северо-западу от Плевны, по направлению к остававшимся в руках турок Видину и Белградчику. Румынские войска блокировали в январе 1878 г. обе эти крепости, взяв штурмом прикрывавшие Видин укрепления под Смырданом. В последнем перед заключением перемирия с Портой обзоре военных действий «Русский инвалид» сообщал: «Румыны выбили турок из всех передовых укреплений, окружающих Видин, и закончили обложение этой крепости»[123]. Численность румынской действующей армии составляла в это время свыше 50 тыс. человек, а вооруженные силы в целом — вместе с милицией и вспомогательными частями — насчитывали около 100 тыс. солдат и офицеров[124].

Весомый вклад в войну 1877—1878 гг. внесли и другие балканские народы. Во многих сражениях приняли участие болгарское ополчение и вооруженные четы. 1 декабря 1877 г. против Порты вновь выступила сербская армия. Не прекращали начатых еще летом 1876 г. вооруженных действий против Турции черногорские войска. В январе 1878 г. русское командование от имени участвовавших в войне союзных государств заключило с представителями Порты соглашение о перемирии.

Самые тяжелые жертвы в войне против султанской Турции понесла Россия — число убитых и раненых составило около 200 тыс. человек. Потери румынской армии превысили 10 тыс. человек[125]. Значительными были потери и других союзных с Россией войск. Но военный разгром султанской Турции открыл путь к окончательному утверждению независимости Румынии и созданию на Балканах других суверенных национальных государств.

Основные результаты освободительной борьбы румын и южных славян были закреплены продиктованными Порте российским правительством условиями мира. Подписанный 19 февраля (3 марта) 1878 г. в Сан-Стефано прелиминарный мирный договор между Россией и Турцией предусматривал для Румынии полную государственную самостоятельность. Создание суверенного Румынского государства было подтверждено состоявшимся летом 1878 г. в Берлине конгрессом европейских держав. Завоеванная Румынией при решающей поддержке России государственная независимость княжества получила международное признание.

[1] Архив внешней политики России (АВПР), ф. Канцелярия, 1877 г., д. 17, л. 181.
[2] Timpul, 1877, 1 aprilie; Telegraful, 1877, 5 apr.
[3] Русские ведомости, 1877, 15 апр.
[4] Газеты того времени обычно писали о конвенции в единственном числе, имея в виду соглашение в целом.
[5] Голос, 1877, 25 июня (7 июля).
[6] Supliment la Românul, 1877, 10 noemb.
[7] Telegraful, 1877, 22 sept.
[8] Русский инвалид, 1876, 18 дек; Санкт-Петербургские ведомости, 1877, 18(30) янв. Валахия — до 1859 г. самостоятельное княжество — составляла южную часть Румынии.
[9] Românul, 1877, 11—12 apr.; Timpul, 1877, 12 apr.

inslav

[10] Românul, 1877, 11—12 apr.; Санкт-Петербургские ведомости, 1877, 12(24) апр.
[11] Новое время, 1877, 30 мая (11 июня); Русский инвалид, 1877, 15 апр.
[12] Новое время, 1877, 11(23) февр.
[13] Новое время, 1877, 1(13), 9(21) апр.; Голос, 1877 1(13), 9(21) апр.
[14] Русский инвалид, 1877, 6 апр.
[15] Românul, 1877, 7 apr. Речь шла о войне Сербии против Турции; Telegraful, 1877, 10 apr.
[16] Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877—1878 гг. на Балканском полуострове. СПб., 1904, вып. V, с. 120.
[17] Правительственный вестник, 1877, 13(25) апр.
[18] Новое время, 1877 10(22) апр.
[19] Санкт-Петербургские ведомости, 1877, 20 апр. (2 мая).
[20] Правительственный вестник, 1877 15(27) апр.; Русский инвалид, 1877, 26 июня.
[21] Русские ведомости, 1877, 11 мая; Правительственный вестник, 1877, 28 июня (10 июля).
[22] Санкт-Петербургские ведомости, 1877, 26 июля (7 авг.); Московские ведомости, 1877, 4 мая.
[23] См.: *Паренсов П.* Из прошлого: Воспоминания офицера генерального штаба. СПб., 1901, ч. 1, с. 209, 217—218.
[24] Monitorul oficial al României, 1877, 13(25) apr. Это постановление днем позже было опубликовано и в других румынских газетах.
[25] Monitorul oficial al României, 1877, 5(17) mai, p. 3001—3002.
[26] Românul, 1877, 13 apr.
[27] Русские ведомости, 1877, 26 апр.
[28] Monitorul oficial al României, 1877, 22 apr. (4 mai). Конвенции опубликовали также другие столичные газеты.
[29] Românul, 1877, 22 apr.
[30] Русские ведомости, 1877, 11 мая; Новое время, 1877, 11(23) июня.
[31] Санкт-Петербургские ведомости, 1877, 8(20) авг.; Голос, 1877, 23 авг. (4 сент.), 29 июня (11 июля).
[32] Pressa, 1877, 23 apr.; Timpul, 1877, 22 apr.
[33] Telegraful, 1877, 15 apr.; Monitorul oficial al României, 1877, 29 apr. (11 mai), p. 2845; Românul, 1877, 25—26 apr. Установленное ограничение было отменено лишь после того, как сама Румыния приняла активное участие в войне.
[34] Голос, 1877, 6(18) авг.; Московские ведомости, 1877, 15 июля. Позднее расходы на нужды армии, согласно условиям конвенции, покрывались также бонами казначейства с обязательной оплатой их в течение двух месяцев. См.: Голос, 1877 10(22) сент.
[35] Новое время, 1877, 13(25) февр.
[36] Правительственный вестник, 1877, 7(19) июня; Românul, 1877, 15 apr.; Санкт-Петербургские ведомости, 1877, 19 апр. (1 мая).
[37] Новое время, 1877, 13(25) мая; Санкт-Петербургские ведомости, 1877, 14(26) мая.
[38] Русский инвалид, 1877, 26 июня; Правительственный вестник, 1877, 28 июня (10 июля).
[39] Memoriile regelui Carol I al României (de un martor ocular). [Buc., 1912], v. IX, p. 73, 80.
[40] Санкт-Петербургские ведомости, 1877, 7(19) мая; Московские ведомости, 1877, 13 мая.
[41] Санкт-Петербургские ведомости, 1877, 26 апр. (8 мая).
[42] Санкт-Петербургские ведомости, 1877, 1(13) мая; Telegraful, 1877, 27 apr.; Românul, 1877, 28 apr.
[43] Românul, 1877, 27 apr.; Новое время 1877, 28 апр. (10 мая); Telegraful, 1877, 30 apr.
[44] Monitorul oficial al României, 1877, 15(27) mai, 8(20), 10(22) iunie, p. 3264—3266, 3691—3692, 3707, 3750—3752.
[45] Pressa, 1877, 1 mai; Telegraful, 1877, 21 apr., 5 mai.
[46] Românul, 1877, 2—3 mai; Telegraful, 1877, 5 mai.
[47] Telegraful, 1877, 5 mai; Românul, 1877, 8 mai.
[48] Освобождение Болгарии от турецкого ига: Документы. М., 1964, т. 2, с. 67—68.

inslav

[49] Românul, 1877, 22 iunie.
[50] Românul, 1877, 19 mai; Telegraful, 1877, 24, 25, 31 mai.
[51] Возмещению подлежала часть доходов бывших имений только так называемых преклоненных монастырей, управлявшихся прежде не местным, а греческим духовенством. См.: Новое время, 1877, 22 апр.; Московские ведомости, 1877, 20 апр.
[52] Independența României: Documente. Buc., 1977, v. II, partea 1, p. 370.
[53] Documente privind istoria României. Războiul pentru independență. Buc., 1952, v. II, p. 305, 348.
[54] Monitorul oficial al României, 1877, 3(15) iulie, p. 4235.
[55] Românul, 1877, 16, 17 mai.
[56] Documente privind războiul pentru independența, v. II, p. 447—448.
[57] Цит. по: Московские ведомости, 1877, 10 мая; Telegraful, 1877, 24 iunie.
[58] См.: Русско-турецкая война 1877—1878. М., 1977, с. 88.
[59] См.: Голос, 1877 12(24) апр.
[60] Об этой смелой операции наряду с русскими писали и румынские газеты. См.: Românul, 1877, 16—17 mai; Telegraful, 1877, 17, 18 mai; Monitorul oficial al României, 1877, 7(19) iunie.
[61] Правительственный вестник, 1877, 14(26) июня; Голос, 1877, 29 июля (10 авг.), 1(13) авг.
[62] Новое время, 1877, 15(27) июня.
[63] Русский инвалид, 1877, 20 июня.
[64] Telegraful, 1877, 17 iunie; Românul, 1877, 18 iunie; L'Orient, 1877, 22 juin (4 juillet).
[65] Новое время, 1877, 17(29) июня.
[66] Românul, 1877, 16, 17, 18 iunie; Telegraful, 1877, 16, 17 iunie.
[67] См.: Санкт-Петербургские ведомости, 1877, 10(22) июля; Telegraful, 1877, 6, 13 iulie; L'Orient, 1877, 7(19) juillet.
[68] См.: Санкт-Петербургские ведомости, 1877, 6(18), 10(22), 13(25) июля; Новое время, 1877, 9(21) июля; Telegraful, 1877, 6 iulie; L'Orient, 1877, 17(29) juillet.
[69] Голос, 1877, 6(18) авг.
[70] Românul, 1877, 24 iunie; L'Orient, 1877, 26 juin (8 juillet); Telegraful, 1877, 7 iulie.
[71] Românul, 1877, 18—19 iulie; Telegraful, 1877, 19 iulie; Русский инвалид, 1877, 19 июля.
[72] L'Orient, 1877, 20 juillet (1 août); Санкт-Петербургские ведомости, 1877, 25 июля (6 авг.); Голос, 1877, 30 июля (11 авг.).
[73] Новое время, 1877, 21 июля (2 авг.); L'Orient, 1877, 22 jullet (3 août); Санкт-Петербургские ведомости, 1877, 3(15) авг.; Голос, 1877, 10(22) авг.
[74] См.: Новое время, 1877, 4(16), 11(23), 19(31) авг.; Голос, 1877, 10(22), 17(29), 19(31) авг.; Românul, 1877, 31 iulie; Telegraful, 1877, 15 aug.; L'Orient, 1877, 2(14), 4(16), 15(27) août.
[75] *Зотов П. Д.* Война за независимость славян в 1877—1878 гг.— Русская старина, 1886, т. 49, с. 428.
[76] Описание русско-турецкой войны 1877—1878 гг. на Балканском полуострове. СПб., 1906, т. IV, ч. 2, с. 2; СПб., 1903, т. V, с. 81.
[77] Русско-турецкая война 1877—1878 гг., с. 134; Независимость Румынии. Бухарест, 1977, с. 78—79.
[78] Новое время, 1877, 7(19) июля; Санкт-Петербургские ведомости, 1877, 10(22) авг.; Голос, 1877, 24 сент. (6 окт.).
[79] Голос, 1877, 14(26) сент.; Новое время, 1877, 27 сент. (9 окт.); Санкт-Петербургские ведомости, 1877, 4(16) нояб., 23 нояб. (5 дек.).
[80] Новое время, 1876, 22 июля (3 авг.); 1877, 28 мая (9 июня); Голос, 1877, 8(20) июня; Санкт-Петербургские ведомости, 1877, 13(25) авг.
[81] Голос, 1877, 18(30) авг.
[82] Голос, 1877, 19(31) окт., 18(30) авг.
[83—84] Голос, 1877, 25 июля (6 авг.), 31 авг. (12 сент.), 24 сент. (6 окт.).
[85] Голос, 1877, 24 авг. (5 сент.), 28 авг. (9 сент.); Московские ведомости, 1877, 26 авг., 2 сент.; Telegraful, 1877, 26 aug.
[86] Telegraful, 1877, 13 aug.; L'Orient, 1877, 15(27) août.

inslav

87 Правительственный вестник, 1877, 28 сент. (10 окт.), 11(23) ноября; Русский инвалид, 1877, 18 сент.
88 Санкт-Петербургские ведомости, 1877, 7(19) сент.; Новое время, 1877, 21 сент. (3 окт.).
89 Русский инвалид, 1877, 2, 4 сент.; Русско-турецкая война 1877—1878 гг., с. 144—146.
90 Голос, 1877, 5(17) сент.; Московские ведомости, 1877, 7 сент.
91 Русский инвалид, 1877, 11 сент.; Правительственный вестник, 1877 1(13) окт.
92 Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877—1878 гг. на Балканском полуострове. СПб., 1904, вып. 46, с. 15; Independența României: Documente. Buc., 1977, v. 1, p. 230.
93 Русский инвалид, 1877, 25 сент.
94 Telegraful, 1877, 18 oct.; Русский инвалид, 1877, 18 нояб.
95 Голос, 1877, 25 сент. (7 окт.).
96 Русский инвалид, 1877, 23 окт.
97 Описание русско-турецкой войны... СПб., 1911, т. VII, ч. 1, с. 494.
98 Русский инвалид, 1877, 6 нояб.
99 Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА), ф. 485, д. 760, л. 5; Documente privind războiul pentru independență, vol. II, p. 640; Buc., 1953, v. III, p. 56, 213, 271; Buc., 1953, v. IV, p. 617—618; Buc., 1953, v. VI, p. 633.
100 См.: Голос, 1877, 16(28) нояб.; Московские ведомости, 1877, 24 нояб.
101 Românul, 1877, 27 aug., 4 noembrie; Голос, 1877, 12(24) нояб.
102 L'Orient, 1877, 10(22) oct.; Telegraful, 1877, 26, 28 oct.
103 Românul, 1877, 8 noemb.; L'Orient, 1877, 10(22) novemb.
104 См.: Русский инвалид, 1877, 22 нояб.; Санкт-Петербургские ведомости, 1877, 5(17) дек.; L'Orient, 1877, 28 novembre (10 déc.).
105 Русский инвалид, 1877, 13 нояб.
106 Românul, 1877, 14 oct.; Санкт-Петербургские ведомости, 1877, 23 нояб. (5 дек.).
107 Правительственный вестник, 1877, 29 дек. (1878, 10 янв.); Санкт-Петербургские ведомости, 1878, 11(23) янв.; Русский инвалид, 1878, 28 янв.
108 Новое время, 1877, 11(23) ноябр., 1(13) дек., 25 дек. (1878, 6 янв.); Голос, 1877, 8(20), 10(22), 13(25) дек.; Правительственный вестник, 1877, 29, 30 дек. (1878, 10, 11 янв.); Русский инвалид, 1878, 28 янв.
109 Новое время, 1877, 30 нояб. (12 дек); Голос, 1877, 30 нояб. (12 дек.).
110 Голос, 1877, 15(27) дек.; L'Orient, 1877, 4(16) déc.
111 Голос, 1877, 1(13) дек.; Санкт-Петербургские ведомости, 1877, 8(20) дек.
112 Московские ведомости, 1877, 1 дек.; Санкт-Петербургские ведомости, 1877, 8(20) дек.; Românul, 1877, 30 noemb.; Telegraful, 1877, 30 noemb., 1 dec.
113 Telegraful, 1877, 4 dec.
114 Românul, 1877, 1 dec.; Голос, 1877, 16(28) нояб.; 1878, 1(13) янв.
115 Санкт-Петербургские ведомости, 1878, 1(13) янв.
116 Голос, 1877 10(22) ноября; Санкт-Петербургские ведомости, 1877, 23 нояб. (5 дек.).
117 Новое время, 1877 2(14) дек,
118 Русско-турецкая война 1877—1878 гг., с. 202—203, 221, 257; *Бескровный Л. Г.* Русское военное искусство XIX в. М., 1974, с. 337, 342; Описание русско-турецкой войны 1877—1878 гг. ... СПб., 1912, т. VIII, ч. 1, с. 3, 624—625; Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны..., вып. IV, с. 78.
119 L'Orient, 1877, 27—30 dec. (1878, 8—11 jan.).
120 Telegraful, 1878, 3 ian.
121 L'Orient, 1878, 2(14), 11(23) janv.; Telegraful, 1878, 13 ian.
122 L'Orient, 1877, 25 déc. (1878, 6 janv.).
123 Русский инвалид, 1878, 22 янв.
124 Описание русско-турецкой войны 1877—1878 гг. ..., т. VIII, ч. 1, с. 4, 636; România in războiul de independență, 1877—1878. Buc., 1977, p. 91, 470.
125 Русско-турецкая война 1877—1878, с. 257; Страницы истории румынской армии. Бухарест, 1975, с. 155; România in războiul de independență, p. 470.

inslav

Славянский вопрос и буржуазно-дворянские общественные круги России на рубеже XIX и XX вв.

З. С. НЕНАШЕВА

В системе идеологических контактов между российскими буржуазными и дворянскими кругами и зарубежным славянством одной из важных проблем в конце XIX — начале XX в. стал вопрос о сближении славянских народов на буржуазной основе, а также выработка новой идейно-политической интерпретации идеи славянской общности применительно к условиям XX в.

Заметные изменения в отношении к этой проблеме произошли в самом конце XIX в. Вовлечение балканских стран и Турции в сферу влияния Германии расценивалось крепнувшей и приобретавшей все больший вес в политической жизни национальной промышленной буржуазией Болгарии и Сербии как угроза ее дальнейшему развитию [1]. Создание в 1890—1891 гг. Пангерманского союза, поставившего целью оживление старого «Дранг нах Остен» и «Дранг нах Зюд-Остен», активизация с середины 90-х годов пангерманской пропаганды, все более тесное сплочение Германии с Австро-Венгрией вызывают чувство обеспокоенности славянских народов Габсбургской монархии и Балканского полуострова за свою дальнейшую судьбу [2].

Оформление в 1891—1893 гг. франко-русского союза привело к новой расстановке сил в европейской и мировой политике. Славянские народы Центральной и Юго-Восточной Европы оказались включенными в зону политической борьбы двух крупнейших военно-политических блоков: России и Франции, с одной стороны, Германии и Австро-Венгрии, позднее Италии — с другой. В борьбе этих противостоящих друг другу коалиций предстояло решить и специфические проблемы, стоящие перед угнетенными славянскими народами. В этих условиях все определеннее стал вырисовываться поворот во внешней политике буржуазии славянских наций в сторону России. Так, резкий рост антиавстрийских настроений на рубеже веков стал характерен для Сербии [3]. В этот же период наблюдается заметное укрепление русско-болгарских связей, что привело в 1896 г. к восстановлению дипломатических отношений между Россией и Болгарией [4].

Все это послужило импульсом для активизации русофильских настроений в славянских странах Юго-Восточной Европы. Дальнейшее развитие австро-германских отношений, способствовавшее усилению германизаторской политики в Австро-Венгрии, вызывало все возрастающее сопротивление славянских народов этой части империи, особенно чехов и словенцев. Рост оппозиционных тенденций в среде славянской либеральной буржуазии сопровождался усилением

inslav

внимания к идее славянской общности. Одновременно шел процесс осознания необходимости славянского сближения.

Уже на праздновании в 1898 г. в Праге 100-летнего юбилея со дня рождения Франтишека Палацкого славяне Цислейтании придали идее славянской общности ярко выраженный политический характер [5]. Постепенно эти взгляды приобретали все более широкое общественное звучание. Характерно, что действовавшие и вновь возникавшие многочисленные славянские организации довольно четко выражали свое отношение к идее славянской общности. Так, ее реальным воплощением в Болгарии стала «Славянская беседа». Она выступала в первую очередь против усиливающегося в Болгарии германского влияния [6].

Следует заметить, что зарубежные славяне ставили в прямую зависимость актуальность славянского сближения с возрастающей германской угрозой. Это обстоятельство учитывали российские общественные деятели. В свою очередь рост германской экспансии на Балканы способствовал оживлению интереса в определенных российских общественных кругах к вопросам балканской политики [7]. Этот процесс происходил в сложных условиях, поскольку, несмотря на начавшееся ослабление с середины 80-х годов XIX в. германофильского течения в правящих кругах России и обострение русско-германских противоречий, прогерманские тенденции все еще сохраняли достаточно сильные позиции. Более того, начавшаяся в 1904 г. русско-японская война и подъем революционного движения в стране заставили царизм искать дружбы с Германией [8].

Весьма неоднозначно расценивались в Петербурге и взаимоотношения с Австро-Венгрией. Острую критику либералов вызывала «неблаговидная роль» Австро-Венгерской империи на Балканах. Однако антиавстрийские настроения части русской общественности в период, когда было подписано очередное русско-австрийское соглашение (Мюрцштегская программа 1903 г.), означавшее продолжение курса сотрудничества между двумя монархиями на Балканах, шли вразрез с официальной правительственной политикой.

В России интерес к славянскому вопросу ширился в русле общего развития буржуазно-либерального движения в конце XIX — начале XX в. [9], когда «заметно активизировалась деятельность буржуазно-интеллигентских групп в Москве и Петербурге» [10]. Пересмотр идеологических концепций российского либерализма, расширение его социальной базы приводит к тому, что славянский вопрос как один из компонентов внешней политики попадает в зону внимания буржуазно-либерального лагеря. Вовлечение в борьбу по вопросам внешней политики либеральных кругов российской буржуазии множит число сторонников славянского сближения, но уже на буржуазной основе.

Первые симптомы возрождения интереса к проблеме славянского сближения появились в конце XIX в. Так, стремление выработать новый подход к идее славянской общности было характерно для членов кружка «Молодая Россия», возникшего в 1896 г. в Петербурге [11], для молодых славянофилов «Славянской беседы» [12],

inslav

кружка, который «отличался лишь самообразовательным узконаучным характером». Если кратковременность существования кружка «Молодая Россия» не позволяет говорить о каких-то реальных результатах его деятельности, то стремление «к выработке нового славянского мировоззрения» членов «Славянской беседы» оказало определенное идеологическое воздействие на трактовку славянского вопроса в первые годы XX в.

Между тем С.-Петербургское славянское благотворительное общество, объединявшее ряд консервативных светских и церковных деятелей, в 1900 г. было передано в ведение министерства внутренних дел. Разумеется, это не способствовало его идейному обновлению. В том же году был изменен Устав общества. Прежний Устав 1877 г. акцентировал основное внимание на благотворительной деятельности. Параграф 1 нового Устава гласил, что «общество имеет целью содействовать развитию славянской взаимности и духовному единению славян с Россией»[13]. Однако по существу общество сохраняло традиции 80-х годов XIX в. В этом смысле характерно заявление, сделанное в мае 1903 г. Н. П. Игнатьевым: «Политикой мы не занимаемся — она всецело принадлежит правительству»[14]

Славянское взаимно-вспомогательное общество в Москве (с 1899 г. Славянское вспомогательное общество), открытое в декабре 1894 г., занималось в очень ограниченных масштабах благотворительной деятельностью. Крайне малочисленное — в 1896—1900 гг. число его членов колебалось от 27 до 65 человек,— оно систематически испытывало финансовые трудности. В ежегодных отчетах общества неизменно говорилось о его идейной аморфности, о слабых связях со студентами из славянских стран, обучавшимися в Москве, о полнейшем отсутствии каких-либо контактов с зарубежными славянами[15].

В России на рубеже XIX и XX вв. не существовало печатного органа, в котором бы славянская тема была центральной, подобно 50—70-м годам XIX в. Она сохраняла еще некоторое звучание в официозных «Московских ведомостях», «Санкт-Петербургских ведомостях», журнале «Русский вестник» и некоторых других изданиях монархического и буржуазно-монархического направления, а также в «Новом времени»[16]. Общая платформа сотрудников названных изданий распространялась и на трактовку славянского вопроса. Подчеркивая тесную связь с С.-Петербургским славянским благотворительным обществом, членами которого являлись А. Башмаков, А. Будилович, П. Кулаковский, Д. Голицын и некоторые другие «дежурные авторы», задававшие тон в славянских рубриках, эти издания зачастую проповедовали панславистские настроения[17].

Либеральная печать конца XIX — первых лет XX в.— старые авторитетные журналы либеральной ориентации «Русская мысль», «Вестник Европы», народническое «Русское богатство», либерально-буржуазные газеты «Русские ведомости», «Россия», «Русское слово» — довольно регулярно помещала материалы информационного характера из славянских стран и земель. На страницах этих изданий возможность сближения славянских народов еще не рассматривается как реальность. Общее настроение либералов передано

inslav

автором заметки по поводу 25-летия со времени начала русско-турецкой войны, помещенной в «Вестнике Европы». Он отмечал, что «славянское единение давно уже перешло у нас в область утраченных иллюзий»[18]. Публицисты либерально-буржуазного толка связывали разработку идеи славянской общности со славянофильством и деятельностью последователей славянофилов в последней трети XIX в. Полагая, что идеология славянофильства окончательно сошла с политической арены, они не считали актуальным и пропаганду идеи славянской общности. В этой связи характерна позиция, высказанная в журнале «Русская мысль», где подчеркивалось, что «эпигоны славянофильства сумели настолько дискредитировать идею славянской взаимности, что о ней неловко и вспоминать»[19].

Однако подобное отношение к славянскому вопросу, слабая деятельность славянских обществ в условиях нового подъема интереса к славянскому сближению у зарубежных славян уже не удовлетворяли отдельных представителей российской общественности. Так, в первые годы XX в. все чаще высказывалось пожелание о необходимости активизировать деятельность славянских обществ и «приняться за более широкое изучение славянства»[20]. Было принято решение о возобновлении издания специального журнала «Известий Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества». Впрочем, в либеральных кругах эта новость была встречена без особого энтузиазма, поскольку редакция журнала оставалась верна тем принципам, «которые легли в основание общества и оставались неизменными в течение 35 лет его деятельности»[21]. В сущности журнал продолжал оставаться выразителем взглядов «старых», правых консервативных кругов.

В таких условиях разные по своим убеждениям сторонники славянского сближения в России — политически активное поколение славистов, публицистов, деятелей культуры и науки — использовали для обсуждения межславянских отношений страницы журнала «Славянский век», выходившего в Вене с июля 1900 г. на русском языке. Его редактор Д. Н. Вергун, принадлежавший по своим взглядам к умеренно правым кругам, вплоть до 1905 г. являлся представителем С.-Петербургского телеграфного агентства в Австро-Венгрии и на Балканах. С самого начала этому изданию отводилась роль посредника в межславянских отношениях. Он был призван защищать славянские культурные интересы, способствовать распространению русского языка и оживлению торговых связей между Россией, Австро-Венгрией и странами Балканского полуострова[22]. Кроме того, была поставлена утопическая, националистическая по сути, задача выработать некое наднациональное общеславянское мировоззрение на буржуазной основе[23].

На обсуждение были поставлены проблема общеславянского языка как языка общения славянских народов, вопрос о принципах и основах славянского сближения и др.

Необходимость общеславянского языка как «связующего звена для общеславянской культуры»[24] в начале XX в. признавала лишь небольшая часть славянских деятелей. Так, в пользу принятия рус-

inslav

ского языка в качестве языка межславянского общения высказывался историк В. И. Ламанский[25]. В основном же подобная позиция вызывала серьезные сомнения либо возражения известных русских и зарубежных славистов, славянских политических деятелей[26].

Обсуждение вопроса о принципах и основах славянского сближения вылилось в дискуссию между консервативным и формирующимся либеральным течением.

Сторонники славянского сближения, придерживавшиеся умеренных и либеральных взглядов, выступившие на страницах журнала «Славянский век», провозгласили в качестве своей главной практической цели «способствовать культурному общению всех славянских племен на началах полной равноправности». Они называли себя «неославянофилами». Выдвигая на первый план «не идею единоверия, а идею единокровия, идею языка, народа и племени», они видели в своей теории качественно новое содержание по сравнению со «старославянофильством»[27]. Действительно, они довольно последовательно отказались от гипертрофирования конфессиональных факторов, патриархальщины, отрешились от учения о мессианской роли славян в европейской культуре, от идеи противопоставления Востока и Запада, т. е. наиболее реакционных постулатов славянофильства.

Наиболее выразительной являлась позиция И. В. Каменского, высказанная им в серии статей и брошюр, опубликованных в 1902—1903 гг.[28] Призывая к межславянскому сближению, Каменский ссылался на стремление славянских народов к взаимному познанию и взаимообогащению славянских культур. В области политической он выступил против «естественного права» каждого народа на национальное существование и развитие, в том числе и на национальный суверенитет. Он критиковал и концепцию государственного исторического права, имевшую много приверженцев в среде буржуази и славянских наций. Славянские народы, по его мнению, «при полной равноправности и самостоятельности каждого из них», должны были образовать на этническом принципе Всеславянский союз. Дипломатическим языком союза, т. е. языком межнационального общения, был бы один из славянских («наиболее подходящий русский») или французский язык. Земские выборные представители отдельных славянских народов (пропорционально количеству населения) могли бы собираться на «всеславянскую думу» для обсуждения и решения дел, касающихся «всего славянства».

Считая ошибочным положение славянофилов о противопоставлении «западноевропейскому католицизму и протестантизму безукоризненного, по их мнению, православия», Каменский призывал к отказу от церковно-религиозных привилегий православной части населения. Он полагал, что эти привилегии являлись определенной преградой для воплощения в жизнь идеи единства славянских народов и признавал необходимость такой «жертвы» в пользу западного славянства[29]. Во всем этом сказались умеренно либеральные воззрения автора.

inslav

Стремление как-то подновить догматы о «самобытности» России было характерно не только для «неославянофилов». Например, А. А. Башмаков, член правления С.-Петербургского славянского благотворительного общества, в письме к редактору «Славянского века» также отмечал, что он рассматривает «идею славянского единства за пределами государственности и церковности». Реакционный автор письма полагал, что «мерило русское — православие, самодержавие, народность — не может совпадать в полной тождественности с мерилом общеславянской истории...». При этом панславизм в политике был заменен «наиболее естественной идеей объединения на культурно-племенной почве, без преследования целей государственного и церковного единства» [30], т. е. национализмом в идеологической области.

Об умеренности высказываемых на страницах журнала взглядов свидетельствует положительная оценка старшего цензора иностранных газет и журналов, поступающих в Россию, В. И. Кривоша первых номеров «Славянского века» как издания «с очень симпатичными статьями, которые цензируются и читаются с удовольствием». Единственно, что не устраивало русскую цензуру,— это публикация на обложках объявлений о продаже запрещенных брошюр и книг [31].

Между тем общая умеренно либеральная направленность журнала не удовлетворяла ни либералов, ни правые, так называемые славянофильские круги. Предметом критики либералов стала поставленная редакцией утопическая, националистическая по существу задача — выработать некое наднациональное общеславянское мировоззрение. Либеральные сторонники «Русской мысли» считали эту задачу иллюзорной. Последователи позитивизма, они требовали учета «социально-исторических и экономических условий» [32].

Представители панруссистского направления в славистике, такие, как А. С. Будилович, И. С. Пальмов, В. Н. Кораблев и др., в силу своей консервативности стояли за «решение великих вопросов о бытии и будущем целых славянских народностей» с точки зрения «национально-исторических задач России» [33]. Впрочем, в их деятельности была позитивная сторона. В определенной степени благодаря их увлеченности славистикой поддерживались интенсивные контакты со многими славянскими научными и культурными центрами. Созданию благоприятного идеологического микроклимата вокруг славянского вопроса способствовала деятельность славистов либерального направления. Так, Предварительный съезд русских филологов в Петербурге (1903 г.), где одержали победу либералы, вышел за национальные рамки. Включив в повестку дня насущные вопросы славистики (например, об издании ряда монографий под общей рубрикой «Энциклопедия славяноведения», о составлении нового церковно-славянского словаря, о создании славянской библиографии, о путях улучшения преподавания славистических дисциплин в российских университетах и др.), он имел важное значение для развития славяноведения в России [34], стимулировал интерес к славянским народам в широких кругах российской обществен-

inslav

ности, способствовал оживлению интереса к идее славянской общности среди деятелей науки.

Взглядам деятелей консервативного направления были ближе «Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества». В этом смысле характерна статья «Русская внутренняя политика и славянский вопрос». По мнению автора, проведение ряда либеральных преобразований во внутриполитической жизни России должно было оказать «самое решительное влияние» и на отношение русского общества к славянским народам. Правые круги отдавали себе отчет в том, что абсолютистская Россия в глазах славянских народов заметно потеряла свой авторитет. Однако, несмотря на некоторую внешнюю модификацию, суть, конечная цель правых консервативных кругов на этом этапе оставалась прежней — достижение «единства политических интересов России и западного и южного славянства» [35], иными словами, преобладание здесь царизма.

Новые явления, вызванные поражением России в русско-японской войне, начавшейся первой русской революцией, в международной и общественно-политической жизни России, Австро-Венгрии, славянских народов балканского региона способствовали укреплению контактов между буржуазией разных славянских наций. При этом в выступлениях либеральных славянских деятелей становится все более четко выраженной ориентация на новые формы сотрудничества. Эта линия наметилась в годы первой русской революции.

Русская либеральная буржуазия в поисках средств давления на правительство стремится найти поддержку среди широких общественных кругов, выдавая себя за сторонника «национальной» внешней политики. Преследуя свои собственные экспансионистские интересы, однако искусно прикрывая их, она берет на себя роль «защитника» славянских народов «от наступающего германизма», пытается приспособить идею славянской общности к новым условиям. Несомненно, это была реакция либералов на революцию в России и на подъем демократического движения в Габсбургской монархии и на Балканах.

Осенью 1905 г. за «новую славянскую политику» выступил В. Сватковский, сотрудник либеральной газеты «Русь» [36–37]. Создается впечатление, что на этот раз для русских либеральных деятелей было наиболее характерно стремление скоординировать свои планы с намерениями зарубежных славянских политиков. Об этом говорит то обстоятельство, что Сватковский, прежде чем выступить с предложением образовать Славянский союз, совершает длительную поездку по славянским землям.

Цели Славянского союза как политической организации были сформулированы достаточно абстрактно. Он проектировался для практического осуществления «всеславянского единения как мирного противовеса наступательным планам воинствующего пангерманизма». Союзу предстояло объединить «без различия партий и исповеданий» всех тех, кто верил «в спасительность славянской идеи». Ближайшая задача во внутренней политике, которую пред-

inslav

стояло выполнить, заключалась в «упорядочении» польского — предоставление автономии Царству Польскому — и украинского вопросов. Что касается внешней политики, то установление тесных отношений с зарубежным славянством — заключение таможенной унии с балканскими славянскими государствами и Австро-Венгрией — представлялось как наиболее желанная перспектива.

В апреле 1906 г. в журнале «Ла ревю слав» он выступает против лозунга «Православие, самодержавие и народность» и выдвигает следующие принципы «новой славянской политики»: равенство больших и малых народов с точки зрения национального и экономического развития, свобода вероисповедания, равноправие всех народов, которые присоединились бы к «славянскому миру» [38]. Но и здесь В. Сватковский лишь наметил очертания союза славянских народов, взаимоотношения которых строились бы на принципах равенства в национальном, культурном и экономическом развитии, что гарантировалось автономией каждой национальной единицы и федерацией всей совокупности членов.

Стремление внести коррективы в политику правительства, в частности в отношения со славянскими народами, было характерно и для некоторых депутатов 1-й Государственной думы. В мае 1906 г. М. М. Ковалевский, основатель партии «демократических реформ», предложил в подготовленный на имя царя адрес внести дополнение, в котором бы отмечалось, что «обновленная Россия» проявит «особую заботливость о близких нам славянских народностях, защищая их от всевозможных попыток ограничить их свободу и самоопределение» [39].

Следует подчеркнуть, что русские проекты сближения славянских народов исходили из кругов антигермански настроенной российской либеральной буржуазии и либеральной интеллигенции. Так, в 1906 г. в Москве была предпринята попытка создать «небольшой кружок лиц», в который вошли известные либеральные деятели, видные представители русской либеральной интеллигенции. Среди них были редакторы крупного общественно-литературного журнала «Русская мысль» В. А. Гольцев и В. М. Лавров, один из редакторов либеральной газеты «Русские ведомости», академик Д. Н. Анучин, историк культуры А. Н. Новицкий и др. Члены этого кружка также считали, что «на смену выродившемуся славянофильству, потерявшему все краски панславизму должно прийти новое течение, которое основывалось бы на вере в рост культуры и прогресс славянства» [40].

Но вполне «европейская» либеральная фраза прикрывала экспансионистские цели российского капитализма.

После 1905 г. либеральная идеология приобретает довольно четко выраженные буржуазно-империалистические и националистические черты [41]. В работе «О праве наций на самоопределение», написанной в феврале—мае 1914 г., В. И. Ленин отметил: «Национализм великорусский, как и всякий национализм, переживает различные фазы, смотря по главенству тех или иных классов в бур-

inslav

жуазной стране. До 1905 года мы знали почти только национал-реакционеров. После революции у нас народились *национал-либералы*.

На этой позиции стоят у нас фактически и октябристы и кадеты (Кокошкин), т. е. вся современная буржуазия»[42]. Активизация сторонников славянского сближения соответствовала не только внешнеполитическому курсу российской буржуазии и помещиков, но и не противоречила направленности умеренно буржуазных реформ, провозглашенных правительством Столыпина[43]. Она стала одним из направлений буржуазных партий в борьбе за общественное мнение. На смену, по выражению В. И. Ленина, грубо воинствующего и черносотенного национализма царской монархии пришло «оживление *буржуазного* национализма»[44]. Это сказалось в статье П. Струве, который в «Русской мысли» заявил, что «единственная политическая сила в среде славянского племени... Россия должна взять на себя гегемонию в славянском мире, должна стать объединяющим центром славянства»[45]. Эти экспансионистско-панславистские настроения Струве получили дальнейшее развитие в статье «Великая Россия» (январь 1908 г.), по поводу которой В. И. Ленин в газете «Пролетарий» писал, что опубликовавший подобную статью журнал должен был бы называться не «Русская мысль», а «Черносотенская мысль». В. И. Ленин подчеркивал, что П. Б. Струве «вовремя позаботился о том, чтобы под эту практику подвести прочную теоретическую опору»[46].

Перед Россией, по мнению Струве, стояла «колоссальная задача объединить весь Восток Европы под сенью славянского союза». В таком «культурном союзе», основанном «не на насилии, а на духовно-культурной общности», «национальные особенности племен получили бы полный простор для дальнейшего саморазвития, в результате которого создается одно гармоническое целое»[47].

Борьба вокруг славянского вопроса в 1906—1907 гг. шла в общем русле борьбы за внешнеполитическую ориентацию России. Либеральные сторонники сближения славянских народов оказались в крайне сложном положении. С одной стороны, они должны были поддерживать австро-русское сближение. В этом направлении выступала славянская буржуазия Габсбургской монархии. В то же время они приветствовали активизацию балканской политики российского самодержавия, что в перспективе означало обострение австро-русского соперничества за влияние на Балканах. Так, с началом таможенной войны Австро-Венгрии против Сербии (январь 1906 г.) в русской буржуазно-помещичьей печати началась кампания за разрыв австро-русского соглашения[48]. Противники и сторонники сближения с Австро-Венгрией вновь активизировались в связи с переменами в российском МИД — назначением на пост министра А. П. Извольского и заменой ряда дипломатических представителей в Габсбургской монархии и балканских странах.

С того момента сторонники славянского сближения оказались в лагере приверженцев внешнеполитического курса Извольского. Как известно, новый министр иностранных дел России высказался за заключение нового, более выгодного для России соглашения с

inslav

Австро-Венгрией о разделе сфер влияния на Балканах. В таких условиях на повестку дня был поставлен вопрос о созыве общеславянского съезда. Это было началом нового витка в оживлении интереса к славянскому сближению.

[1] Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в. М., 1978, с. 243; *Туполев Б. М.* Экспансия германского империализма в Юго-Восточной Европе в конце XIX — начале XX в. М., 1970, с. 322—323.
[2] *Коржалка И.* О характере и особенностях пангерманизма в Германии и Австро-Венгрии в конце XIX в.— В кн.: Славяно-германские отношения. М., 1964, с. 79—94; *Туполев Б. М.* Австро-Венгрия в планах пангерманистов в конце XIX — начале XX в.— Там же, с. 55—134; «Дранг нах Остен» и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, 1871—1918. М., 1977, с. 27.
[3] История Югославии. М., 1963, т. 2, с. 498—499.
[4] *Мартыненко А. К.* Русско-болгарские отношения в 1894—1902 гг. Киев, 1967, с. 9.
[5] *Колейка Й.* Славянские программы и идея славянской солидарности в XIX и XX вв. Pr., 1964, с. 84.
[6] *Киркова Л.* Идея славянской солидарности и общество «Славянская беседа» в Софии с 1878 по 1917 г.— In: Études historiques IV. à l'occasion du VIe congrés internationales des études slaves prague. Sofia, 1968, p. 331—351.
[7] Архив Академии наук СССР. Ленинградское отделение (далее — ААН СССР, ЛО), ф. 115, оп. 1, д. 8, л. 2—5.
[8] *Бестужев И. В.* Борьба в России по вопросам внешней политики, 1906—1910. М., 1961, с. 127—178; *Бовыкин В. И.* Очерки истории внешней политики России. Конец XIX в.— 1917 г. М., 1960, с. 58; «Дранг нах Остен» и народы..., с. 139—142.
[9] *Лаверычев В. Я.* Общая тенденция развития буржуазно-либерального движения в России в конце XIX — начале XX в.— История СССР, 1976, № 3, с. 47; *Черменский Е. Д.* Земско-либеральное движение накануне революции 1905—1907 гг.— История СССР, 1963, № 5, с. 41—60; *Щацилло К. Ф.* Русский либерализм на рубеже двух веков.— В кн.: В. И. Ленин о социальной структуре и политическом строе капиталистической России. М., 1970, с. 160—192; и др.
[10] *Лаверычев В. Я.* Общая тенденция развития..., с. 47.
[11] Центральнный государственный исторический архив СССР (Далее — ЦГИА СССР), ф. 776, оп. 8, д. 125, л. 132.
[12] Славянский век, 1904, № 59, л. 527.
[13] С.-Петербургское славянское благотворительное общество. Состав Совета, список членов. СПб., 1913; Ленинградский государственный исторический архив, ф. 400, оп. 1, д. 990.
[14] Славянские известия, 1905, № 5/6, с. 520.
[15] Славянское взаимно-вспомогательное общество: Отчеты за 1894—1901 гг. М., 1894—1902.
[16] *Есин Б. И.* Русская легальная пресса конца XIX — начала XX в.— В кн.: Из истории русской журналистики конца XIX — начала XX в. М., 1973, с. 60, 65.
[17] Московские ведомости, 1899, № 239, № 55, с. 3; 1904, № 34, с. 3 и др.
[18] Вестник Европы, 1900, № 10, с. 790.
[19] Русская мысль, 1901, № 7, с. 218.
[20] Санкт-Петербургские ведомости, 1902, № 129, с. 3.
[21] Известия С.-Петербургского славянского благотворительного общества, 1903, № 8, с. 1.
[22] Славянский век, 1904, № 89, с. 526.
[23] ААН СССР, ЛО, ф. 35, оп. 1, д. 4—10. Письма Д. Н. Вергуна — В. И. Ламанскому за 1900—1903 гг.; Отдел рукописей ИРЛИ (Пушкинский дом), ф. 572, д. 87, л. 3. Д. Н. Вергун — П. А. Кулаковскому, 27.2.1900.
[24] Славянский век, 1900, № 19, с. 23.

inslav

[25] *Ламанский В. И.* Можно ли уподобить Россию Австро-Венгрии в вопросе о народностях.— Славянский век, № 11/12, 1900, с. 2—8.
[26] Славянский век, 1900, № 15, с. 37; № 17, с. 3—5; 1901, № 39/40, с. 441; 1902, № 25, с. 4—7.
[27] Славянский век, 1901, № 33/34, с. 269.
[28] *Каменский И. В.* Панславизм, пангерманизм и панроманизм в XX столетии: Историко-политические очерки. Одесса, 1902; *Он же.* Тезисы панславизма.— Славянский век, 1903, № 59, с. 323.
[29] *Каменский И. В.* Славянская идея и клерикализм.— Славянский век, 1902, № 24, с. 4.
[30] Славянский век, 1900, № 3, с. 1; № 14, с. 14—18.
[31] ЦГИА СССР, ф. 909, оп. 1, д. 170, л. 2.
[32] Русская мысль, 1900, № 12, с. 453.
[33] См. рец. А. Н. Папина на кн.: *Грот К. Я.* Об изучении славянства: Судьба славяноведения и желательная постановка его преподавания в университетах и средней школы. СПб., 1901.— Вестник Европы, 1901, № 1, с. 401—407.
[34] *Лаптева Л. П.* Развитие славяноведения в России с 90-х годов XIX в. по 1917 г.— В кн.: История на славистиката от края на XIX и началото на XX век. София, 1981, с. 34; *Она же.* Петербургский съезд русских славистов в 1903 г.— В кн.: Исследования по историографии славяноведения и балканистики. М., 1981, с. 261—279.
[35] Славянские известия, 1904/1905, № 3, с. 265—267.
[36–37] Русь, 1905, 2 дек., с. 2.
[38] La revue slave, P., 1906, N 1, p. 7—9.
[39] Государственная дума: Стенографический отчет. Сессия I, 1906, т. 1, с. 220.
[40] Известия Общества славянской культуры. М., 1912, т. 1, кн. 1/2, с. 117.
[41] *Тютюкин С. В.* «Оппозиция его величества»: (Партия кадетов в 1905—1917 гг.).— В кн.: В. И. Ленин о социальной структуре и политическом строе капиталистической России, с. 195.
[42] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 318.
[43] *Дякин В. С.* Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907—1911 гг. Л., 1978, с. 26—48.
[44] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 322.
[45] Русская мысль, 1906, № 11, с. 119.
[46] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 459.
[47] Русская мысль, 1908, № 1, с. 146.
[48] *Бестужев И. В.* Борьба в России..., с. 183.

Образование Югославского государства

(Итоги изучения и новые материалы)

Ю. А. ПИСАРЕВ

1 декабря 1918 г. в 8 часов вечера в особняке Кршмановича на Теразии в полуразрушенном войной Белграде состоялось официальное провозглашение объединенного югославского государства, которое было названо Королевством сербов, хорватов и словенцев (с. 1929 г. Югославией).

В Югославии и других странах на эту тему написана значительная литература, изданы многочисленные документы, опубликованы воспоминания современников. По каким же направлениям развивалась историография?

inslav

Первые исследования о возникновении нового государства появились вскоре после окончания мировой войны 1914—1918 гг. и принадлежали перу современников: государственных деятелей, дипломатов, военных, а также историков и публицистов. В югославской историографии этого периода, по словам большого знатока литературы профессора Д. Янковича[1], наблюдались два основных течения: сторонников великосербской концепции и их противников.

Наиболее видными представителями первого направления были историк Джордже Еленич, профессор Белградского университета Владимир Чорович и бывший помощник министра иностранных дел Йован Йованович[2]. Они немало сделали для освещения истории возникновения югославского государства, но переоценивали роль династии Карагеоргиевичей и сербского правительства Н. Пашича в деле объединения югославянских территорий вокруг Сербии, недооценивая в то же время унионистские устремления других югославянских народов: хорватов, словенцев и черногорцев. Сербия, по их концепции, была «вторым Пьемонтом», а Югославия — наследницей средневекового сербского государства Душана Сильного. Работы этих историков служили обоснованием централистского решения югославянской проблемы в интересах великосербской буржуазии.

Другое течение в югославской буржуазной историография представляли историки и публицисты из несербских территорий королевства, прежде всего хорваты и словенцы. Самым крупным среди них был профессор Загребского университета Фердо Шишич. В 1920 г. он первым в Югославии издал сборник «Документы о создании Королевства сербов, хорватов и словенцев»[3], материалы которого свидетельствовали о том, что образование Югославии — дело рук не одного только сербского правительства и политических партий Сербии, но и политических партий югославянских земель Австро-Венгрии и организаций югославянской эмиграции во главе с лондонским Югославянским комитетом. Аналогичные взгляды высказывались в сочинениях членов этого комитета Хинко Хинковича, Николы Стояновича, Богумила Вошняка, Анте Мандича и Милана Марьяновича.

Различие во взглядах представителей двух направлений в историографии выходило за рамки научных споров. Речь шла о столкновении двух политических концепций государственного строительства в Югославии. В 1921 г. в стране разрабатывалась первая конституция и вставал вопрос о будущих формах государственного устройства: будет ли оно федерацией при равенстве всех народов или централизованным государством при диктатуре сербской монархии и гегемонии сербской буржуазии.

Развитие событий пошло по второму пути. В 1929 г. в стране произошел военно-монархический переворот, были ликвидированы остатки национальных свобод, а в официальной историографии утвердилась великодержавная точка зрения. В 1933 г. с таких позиций была издана «История Югославии»[4], где создание объединенного государства трактовалось в духе Дж. Еленича и М. Джорджевича.

inslav

Однако историческая мысль не прекратила своего развития и в условиях королевской диктатуры. При Белградском, Загребском и Люблянском университетах, а также в Сербской академии наук и искусств группы радикально настроенной интеллигенции и профессуры продолжали углубленно изучать упомянутую проблему. В 30-е годы в Югославии появился ряд новых работ о создании Королевства сербов, хорватов и словенцев, самыми значительными из которых были исследования выдающегося ученого-географа Йована Цвийича, президента Сербской академии наук [5]. Цвийич высказал идею интеграции югославянских народов на равной основе. Важное значение имела публикация профессором Ф. Шишичем в 1937 г. фундаментального исследования «Югославянская мысль. История идеи югославянского народного объединения и освобождения» [6], в которой был дан развернутый анализ зарождения и развития унионистского движения среди югославян и показано, что образование в 1918 г. государства сербов, хорватов и словенцев произошло не на пустом месте, а явилось итогом многовековой борьбы югославян за свое объединение.

Однако даже наиболее объективные среди югославянских буржуазных историков не поднимали коренного вопроса о роли народных масс в борьбе за объединение и о значении революционного фактора, способствовавшего ликвидации реакционной империи Габсбургов, на развалинах которой были созданы новые государства, в том числе Югославия.

Важной проблемой, которая также обходилась буржуазными историками, является вопрос о влиянии двух русских революций 1917 г.— Февральской и особенно Великой Октябрьской — на развитие революционных процессов в югославянских землях Австро-Венгрии, на Балканах и в Европе в целом.

Уже свержение царизма в России послужило стимулом для роста антимонархических и антивоенных движений в Дунайской империи.

Граф Чернин, министр иностранных дел Австро-Венгрии, представил 12 апреля 1917 г. императору Карлу I секретный доклад о развитии этих движений, особенно в славянских землях. «Русская революция,— писал он,— влияет на наших славян» [7].

Встревожен был и сам император. 19 марта резиденцию Карла в Бадене посетил наместник Боснии и Герцеговины генерал Саркотич, оставивший следующую запись в дневнике: «Вчера был у юного императора, который заявил, что.. мысли о мире занимают его день и ночь. Перейдя к разговору о русской революции, он сказал, что оценивает ее как событие, последствия которого трудно предвидеть» [8].

Действительно, революция в России и общая ситуация в стране способствовали усилению левого, революционного течения в социалистическом движении. Многие низовые социалистические организации Словении, Боснии, Хорватии и г. Триеста обратились к трудящимся с призывом пойти по пути русской революции. Так, в резолюции собрания словенских и итальянских социалистов г. Триеста,

inslav

принятой 8 апреля, говорилось, что победа революционного народа России служит «великим примером для трудящихся всех стран»[9].

Лидер Хорватской крестьянской партии Степан Радич в статье «Почему русская революция имела успех?», опубликованной в газете «Дом», говоря о свержении царизма в России, выдвинул требования ограничить власть венгерского короля в Хорватии[10].

Еще большее влияние на подъем революционного движения в монархии Габсбургов оказала Великая Октябрьская социалистическая революция. Тот же С. Радич в статье «Новый этап русской революции», помещенной в газете «Дом», отмечал три завоевания революции, которые могут служить примером и для югославян: выход России из войны, передача земли крестьянам и осуществление социальных мероприятий в интересах народных масс[11].

Октябрьская революция имела для югославянских народов важнейшее значение и в деле создания ими национального государства.

Впервые вопросы о международном влиянии двух русских революций стали предметом изучения марксистских югославских историков и политических деятелей. Так, находившийся в 30-е годы в СССР Филип Филипович (Бошко Бошкович) написал ряд принципиально важных статей о влиянии Октября на развитие революционных процессов в Югославии. Аналогичные выводы были сделаны в трудах того периода И. Броз Тито и других руководителей Компартии Югославии.

После социалистической революции в Югославии начался подлинный расцвет исторической науки, многие ученые стали заниматься этой проблематикой[12]. Отличительной их чертой была попытка вскрыть глубинные процессы освободительных и объединительных движений, показать их социально-политический характер, установить общие закономерности и специфические особенности борьбы югославян за создание своего государства. Однако к выполнению этих задач югославские историки приступили не сразу. В первое десятилетие после создания ФНРЮ происходило лишь становление марксистской историографии, велись поиски основной тематики, а историки пользовались преимущественно источниками и литературой довоенного периода — упомянутыми работами буржуазных авторов.

Большое значение для развития исторической науки в стране по изучаемой проблеме имели предпринятые в Югославии публикации документов о создании югославянского государства[13], вооружившие исследователей источниковой базой, а также обращение ученых к принципиально важной теме — истории революционной борьбы народных масс, что в свою очередь было неразрывно связано с темой о международном влиянии Великой Октябрьской социалистической революции в России.

В 60—70-е годы в Югославии появились новые глубокие работы, посвященные этой проблематике: труды видных историков Ф. Чулиновича, Б. Храбака, Д. Шепича, Ф. Клопчича, В. Стругара, Б. Кризмана, С. Димитриевича, Д. Янковича и других исследователей[14].

inslav

*

Что можно сказать об изучении истории создания югославянского государства на Западе?

В западной историографии, освещающей эту проблему, имеется несколько течений. Самыми видными представителями либерального направления в литературе 20—30-х годов были три крупных историка: руководитель кафедры Школы славянских исследований при Лондонском университете Роберт Уильям Ситон-Уотсон, академик Пражской академии наук Милада Паулова и профессор Сорбонны Эмиль Оман[15]. Их перу принадлежит ряд работ, не потерявших своего значения до настоящего времени. Основанные на широком круге источников, они с объективных позиций освещают деятельность сербского правительства и югославянской политической эмиграции по созданию объединенного югославянского государства.

Современные советские историки К. Б. Виноградов, Е. В. Лихач и С. В. Туманова[16], отмечая вклад этих ученых в историографию проблемы, вместе с тем указывали на известную ограниченность их концепции, имея в виду недооценку историками роли народных движений.

Еще в большей мере это можно сказать о консервативном направлении в западной историографии. Представители этого направления вообще игнорируют фактор революционной борьбы народных масс. Некоторые австрийские историки утверждали даже, что монархия Габсбургов была приемлемой «моделью» решения югославянского вопроса и что в ее рамках будто бы имелись все условия для свободного развития югославянских народов. На этих позициях стояли и такие видные буржуазные исследователи 40—60-х годов, как Х. Ханч и Г. Бенедикт. К ним близки по своим взглядам американский историк 20—30-х годов Г. Барнс и современный американский историк Р. Кэнн[17].

Часть историков, напротив, оправдывала разрушение монархии Габсбургов и создание вместо нее новых национальных государств, в том числе Югославии, приписывая это, однако, не борьбе народных масс, а действиям держав Антанты. Историки преувеличивали значение мирной программы Вильсона — так называемых 14 пунктов, утверждая, что будто бы она, а не Великая Октябрьская социалистическая революция в России и вызванные ее примером революционные процессы в самой монархии привели к крушению монархии. Отдельные авторы переоценивали роль Парижской мирной конференции 1919 г., заявляя, что Югославия самим фактом своего существования обязана Версальскому договору.

При этом обходились общеизвестные факты об империалистических целях «версальских миротворцев», которые, перекраивая карту Европы, создавали «санитарный кордон» против Советской России. Королевская Югославия, по их расчетам, должна была служить одним из звеньев этой системы. Англия, Франция и США на Парижской мирной конференции отнюдь не обеспечили полностью государственной границы Югославии, оставив за ее пределами ряд

inslav

территорий, тяготевших к новому государству. Они санкционировали захват Италией в ноябре 1918 г. части Далмации и Хорватского Приморья на основе Лондонского договора 1915 г. По словам академика В. Чубриловича, «мощные консервативные силы на Западе до конца войны были противниками разрушения Габсбургской монархии»[18], т. е. по существу создавали препятствия воссоединению югославянских территорий Австро-Венгрии с Сербией и Черногорией. Югославские историки Б. Кризман и Д. Живоинович[19] в своих работах, развивая ту же мысль, показали, что державы Антанты во время войны делали ставку на заключение сепаратного мира с Австро-Венгрией с целью раскола Центральной коалиции, игнорируя югославянский вопрос. С апологией политики США и Антанты в отношении Югославии, напротив, выступали историки 30—50-х годов С. Фей, Р. Бейкер (США), Гуч и Темперли (Англия)[20].

Наконец, вопросами создания югославского государства занимались представители реакционного течения в западной историографии, самыми рьяными из которых в 30—40-е годы были нацистские историки А. Вегерер, Л. Биттнер и Г. Юберсбергер. Их лженаучные концепции были опровергнуты советскими историками К. Б. Виноградовым и Ф. Нотовичем[21].

В последние годы в связи с обострением идеологической борьбы, международной реакции против стран социализма произошло новое оживление реакционного течения в буржуазной историографии, в том числе и по югославянской проблеме. «Патриархом» этого течения оказался все тот же Г. Юберсбергер, опубликовавший в 1958 г. антиюгославскую книгу «Австрая между Россией и Сербией. К югославянскому вопросу и вопросу о возникновении первой мировой войны»[22].

Вслед за Юберсбергером с аналогичными концепциями выступили западногерманский ультрареакционный публицист С. Поссони и австрийский публицист Ф. Вюртле. Все трое бездоказательно пытались обвинить Сербию в провоцировании первой мировой войны, заявив, что Белград в своем стремлении создать объединенное югославское государство вел подрывную деятельность против Австро-Венгрии и организовал в этих целях сараевское убийство[23].

Вместе с тем на Западе после второй мировой войны сформировалось радикальное течение, в работах представителей которого находит отражение и проблема создания югославского государства. В их числе — профессор Бременского университета Эммануэль Гейс, а также австрийский историк Ф. Фелльнер, американский историк Г. Халльгартен, шведский историк В. Карлгрен и др.[24]

К тому же направлению следует отнести видного исследователя международных отношений периода первой мировой войны Фрица Фишера (ФРГ) и последователей его школы[25]. В своих трудах они прослеживают империалистическую политику Центральной коалиции на Балканах, показывая, что кайзеровская Германия была зачинщицей войны, а монархия Габсбургов — врагом югославянских народов.

inslav

*

В СССР написан ряд работ, посвященных коренным вопросам создания югославского государства, предыстории и последствиям этого исторического события.

Среди них большое значение имеют исследования по проблеме возникновения первой мировой войны и роли Сербии в ней, т. е. по тому вопросу, который, как уже отмечалось выше, до сих пор тенденциозно трактуется реакционной буржуазной историографией.

Первая мировая война, как показывают в своих работах советские историки, привела к углублению внутриполитического кризиса Австро-Венгерской монархии, создала предпосылки для ее распада, способствовала вызреванию революционной ситуации, что в свою очередь явилось одним из важнейших факторов образования югославянского государства на обломках империи Габсбургов, потерпевшей не только военное поражение, но и взорванной изнутри народной революцией [26].

С этим вопросом тесно связан вопрос о международном влиянии Февральской и особенно Великой Октябрьской социалистической революции в России, способствовавших перерастанию революционной ситуации в монархии Габсбургов в революцию.

Целостная марксистская концепция по проблеме «Революция 1917 г. и югославянские народы» была дана советскими учеными во втором томе «Истории Югославии» (М., 1963) и во «Всемирной истории» (1961, т. 8). Те же вопросы нашли отражение в обобщающих коллективных трудах «Советская Россия и капиталистический мир в 1917—1923 гг.» (М., 1957) и «Международное значение Великой Октябрьской революции» (М., 1968).

По данной важнейшей проблеме в СССР написан ряд индивидуальных монографий, большое количество журнальных статей. Она освещается также в обобщающей работе «История южных и западных славян» (М., 1979).

Большое внимание советских ученых привлекла тема солидарности трудящихся Югославии с Республикой Советов, особенно вопрос об их участии в Октябрьской революции и гражданской войне в России. Среди борцов за дело Октября было немало будущих югославских коммунистов, руководителей революционного движения в Югославии. В СССР на эту тему издана коллективная монография «Интернационалисты, трудящиеся зарубежных стран — участники борьбы за власть Советов» (М., 1965). Опубликован также ряд индивидуальных работ (В. В. Зеленин, В. Н. Казак, М. А. Кольге, С. П. Мовчан и др.).

С названной проблемой самым непосредственным образом связана проблема коммунистического движения в Югославии. Руководители КПЮ — Филип Филипович, Иосип Броз Тито и др. — вели революционную деятельность в России, восприняв идеи Великого Октября. На территории Советской России были созданы организации югославских коммунистов, сыгравшие значительную роль в со-

inslav

здании в 1919 г. КПЮ. В 1973 г. в СССР была опубликована коллективная монография «В. И. Ленин и образование коммунистических партий в странах Центральной и Юго-Восточной Европы», одна из глав которой посвящена вопросу о влиянии ленинизма на рабочее движение в Югославии (авторы Г. М. Славин и М. М. Сумарокова).

Историками СССР предпринята попытка исследовать малоизвестный вопрос об отношении Советского правительства к югославянскому освободительному и унионистскому движению накануне и во время создания Королевства сербов, хорватов и словенцев, т. е. в конце 1917—1918 гг.— непосредственно после Октябрьской революции в России.

Советское государство с первых же дней своего существования определило принципы внешней политики, основанные на уважении суверенитета народов, их равенства и права на самоопределение вплоть до государственного отделения, что отвечало интересам югославянских народов Австро-Венгрии, которые вели борьбу за независимость, и народов Сербии и Черногории, стремившихся освободиться от чужеземной оккупации. Советское правительство, не признавая эту аннексию, продолжало сохранять с Сербией дипломатические отношения, отмечая, что ее народ вел оборонительную войну против агрессии, защищая свою независимость.

*

Автором статьи найдены в архивах СССР и других стран интересные документы и материалы, которые позволяют проследить политику Республики Советов по отношению к Сербии[27]. В их числе — воспоминания сербских дипломатов — посланника М. Спалайковича и специального эмиссара главы сербского правительства Н. Пашича в Советской России Р. Йовановича. Они рассказывают о своих встречах с В. И. Лениным. М. Спалайкович писал, что во время встречи дипломатического корпуса с В. И. Лениным 1 января 1918 г. в Смольном руководитель Советского государства решительно осудил агрессию Центральной коалиции против Сербии и Черногории и дал высокую оценку освободительной борьбе югославян[28]. Р. Йованович встретился с В. И. Лениным в перерыве между заседаниями IV Чрезвычайного съезда Советов в марте 1918 г. «В. И. Ленин в беседе со мной,— вспоминал он,— проявил такое глубокое понимание нашей национальной борьбы против турок и Австро-Венгрии, что далеко оставил позади всех государственных деятелей старой России». Р. Йованович писал, что Советское правительство и лично Ленин всегда оказывали помощь борющейся Сербии. «Я как представитель сербской миссии,— констатировал Р. Йованович,— получил от Советской власти «личные гарантии», мог свободно разъезжать по всей России, за границу и обратно. Руководитель Восточного отдела НКИД сказал мне, что я единственный официальный представитель, кому революционная Россия верит во всем»[29].

inslav

О большом внимании, которое уделяло Советское правительство югославянским народам, говорит и то, что по его распоряжению при НКИД был создан специальный Югославянский отдел, который финансировал издание газет и литературы на сербскохорватском и словенском языках [30]. На территории РСФСР существовали многочисленные организации и общества югославянских эмигрантов и бывших военнопленных, получившие возможность открытой пропаганды идей национального и социального освобождения и создания своей государственности.

Колоссальное значение для югославян имел ленинский Декрет о мире. 22 декабря 1917 г. в «Известиях» была опубликована статья журналиста из Боснии Ж. Нежича, который сотрудничал с сербской миссией в Петрограде. «Советский Декрет о мире,— говорилось в статье,— прекрасная основа для справедливого окончания войны на Балканах. Каждый югослав может подписаться под ним обеими руками» [31].

Высокую оценку мирной инициативы Советского правительства на страницах «Известий» дал и председатель эмигрантского Югославянского комитета в Лондоне А. Трумбич, будущий министр иностранных дел Королевства сербов, хорватов и словенцев, который отнюдь не был сторонником Советской власти. Он противопоставил советскую программу мира империалистической программе Центральной коалиции, заявив, что только первая может обеспечить югославянам национальную свободу, в то время как вторая рассчитана на сохранение тюрьмы народов — монархии Габсбургов [32].

Редакция «Известий» и сербская миссия в Петрограде получили большое количество писем от югославян — военнопленных и эмигрантов, в которых подчеркивалось значение Декрета о мире для югославянских народов. «Революционная Россия борется за мир на основе самоопределения народов,— говорилось в одном из них.— Пролетариат России стоит за освобождение народов от империалистического ярма обеих воюющих коалиций» [33].

Советская делегация на Брестской конференции отстаивала право югославянских народов самим решать вопрос о своей государственной принадлежности. 4 декабря 1917 г., на первом же заседании конференции, она предложила принять декларацию о целях мира, положив в ее основу принципы советского Декрета о мире. 11 декабря советская делегация внесла предложение о возвращении Сербии и Черногории оккупированных территорий, а 16 декабря поставила вопрос об участии в работе конференции представителей югославян и других неравноправных народов Австро-Венгрии. Югославянская и чешская фракции австрийского рейхсрата в совместном заявлении от 18 декабря поддержали это предложение. «Мы хотим, как того требует большевистская власть и как нам самим кажется правильным, чтобы мир был заключен самими народами» [34].

В январе 1918 г. в адрес советской делегации в Бресте пришел ряд телеграмм от Югославянского комитета в Лондоне и от фракции югославян в австрийском рейхсрате, в которых были сформули-

inslav

рованы три главных требования: 1) заключение демократического мира; 2) признание прав народов на самоопределение вплоть до государственного отделения; 3) включение в будущее югославянское государство территории, на которой проживают сербы, хорваты и словенцы, с выходом к Адриатическому морю. Советская делегация полностью поддержала эти требования [35].

На Брестской конференции было достигнуто соглашение об обмене военнопленными и гражданскими лицами, что имело большое значение для югославян. Точное число югославян-военнопленных, находившихся на территории Советской России, неизвестно, но, по приблизительным данным, их было около 200 тыс. Всем им была предоставлена возможность вернуться на родину или по собственному желанию отправиться на Салоникский фронт, где Сербия продолжала войну за освобождение от оккупантов. «Большевистская власть,— сообщал верховному командованию сербской армии сербский военный атташе в Петрограде Б. Лонткиевич,— соглашалась с тем, что мы можем забрать из России всех наших людей и отправить их в Салоники, признав, что на Салоникском фронте ведется борьба за национальную оборону Сербии от империалистической агрессии. Такой точки зрения придерживался В. И. Ленин» [36].

По просьбе сербского правительства и учитывая пожелания самих югославян, Советское правительство оказало им содействие в эвакуации на родину.

Советское правительство делало все для того, чтобы сохранить добрососедские отношения с Сербией, однако правящие круги Сербского королевства под давлением Антанты взяли курс на разрыв. В июле 1918 г. Советскую Россию покинул посланник М. Спалайкович, в Москве осталась лишь часть сербской миссии во главе с Р. Йовановичем. Последний был сторонником развития добрососедских отношений с Советской Россией, не соглашаясь с враждебной политикой регента Александра Карагеоргиевича, находившегося под влиянием Антанты.

Й. Йованович считал, что идейные разногласия не должны служить препятствием к дипломатическим контактам. 14 ноября 1918 г. он обратился к Г. В. Чичерину с просьбой позволить ему оставаться в РСФСР, чтобы представлять интересы своей страны. «Нам нужно действовать солидарно во всем, что идет на пользу делу свободы наших государств и наших народов»,— заявлял он. Советское правительство приветствовало это намерение. 21 ноября НКИД уведомил Р. Йовановича, что ему разрешено присутствовать на заседаниях ВЦИК и что он получает право пользоваться прерогативами дипломатического представительства [37].

Советское правительство и после образования Королевства сербов, хорватов и словенцев стремилось поддерживать с Югославией дипломатические отношения, но ее реакционные круги пошли по другому пути. Лишь в 1940 г. произошла нормализация отношений.

Подводя итоги сказанному, следует еще раз подчеркнуть, что, как показывают приведенные выше материалы, Советское правительство высоко оценило борьбу югославян за свое освобождение и

inslav

объединение, горячо приветствуя образование независимого югославянского государства.

Интересным, но недостаточно изученным вопросом является вопрос о демократических проектах создания югославского государства и том влиянии, которое оказывали на их разработку передовая мысль Европы и русские революции.

Наиболее прогрессивными были проекты сторонников республики. Подавляющая их часть принадлежала бывшим военнопленным-югославянам австро-венгерской армии, вернувшимся на родину из Советской России. К концу 1918 г. их число превысило 200 тыс. человек. Будучи очевидцами, а многие участниками Октябрьской революции, они выдвигали программу создания так называемой социальной республики, под которой понималась рабоче-крестьянская республика. При этом предусматривались разные ее формы — от унитарно-централизованного государства до федерации равноправных республик. Власть во вновь созданном югославском государстве, согласно проектам, должна была принадлежать трудящимся классам, имелась в виду система демократического централизма, широкая выборность всех органов самоуправления. Левые, революционные социалисты стояли за создание Советов по русскому образцу, представители радикальной интеллигенции ратовали за народные советы или народные комитеты, избираемые населением на основе всеобщего избирательного права. Как правило, однако, республиканцы не имели четкой идеологической платформы, ограничиваясь общей постановкой вопроса о демократизации государственного строя.

Еще более расплывчатыми были программы многочисленных групп либеральной буржуазной интеллигенции, которые выдвигали задачи создания конституционно-демократической республики с широкими автономными правами национальных районов, но недостаточно ясно представляли себе, чем будет эта республика: федерацией или централизованным государством.

В Сербии и среди югославянской политической эмиграции большим влиянием пользовались «Югославянская демократическая лига» и общество «Свободная Сербия». Они объединяли в своем составе представителей буржуазной интеллигенции и студенчества.

Первая высказывалась за конституционную монархию с автономией национальных областей, наделенных равными правами с сербами, вторая выдвигала идею буржуазной республики по образцу Швейцарии.

Развитие событий, однако, пошло по другому пути. Сербской крупной буржуазии, опиравшейся на поддержку монархии и располагавшей военными силами, удалось осуществить объединение югославянских земель «сверху», вокруг Сербии. В результате объединения было создано Королевство сербов, хорватов и словенцев, переименованное в 1929 г. в Королевство Югославия. Несмотря на частичное решение этой задачи, сам факт воссоединения воедино разрозненных ранее югославянских народов имел прогрессивное значение. Была преодолена их вековая разобщенность, ликвидиро-

inslav

ван чужеземный гнет Османской и Австро-Венгерской монархий, образован единый национальный рынок, создана новая возможность для развития производительных сил и национальной культуры.

[1] *Јанковић Д.* Радови о стварању Југословенске државе објављени између два рата.— Југословенски историски часопис, (далее — ЈИЋ), Београд, 1966, № 3/4, с. 91—103.

[2] *Јеленић Ђ.* Нова Србија и Југославија. Београд, 1923; *Чоровић В.* Велика Србија. Београд, 1924; *Он же.* Уједињење. Београд, 1928; *Јовановић Ј.* Стварање заједничке државе Срба, Хрвата и Словенаца. Београд, 1928—1930, Књ. I—III.

[3] *Шишић Ф.* Документи о постанку Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. Сплит, 1920.

[4] Историја Југославије. Београд, 1933.

[5] *Чубриловић В.* Јован Цвијић и стварање Југославије.— Југословенски народи пред први светски рат. Београд, 1967, с. 989—1102.

[6] *Шишић Ф.* Југословенска мисао. Историја идеје југословенског народног уједињења и ослобођења. Загреб, 1937.

[7] *Czernin O.* Im Weltkrieg. B., 1919, S. 198—204.

[8] Državni arhiv Socijalističke republiki Hrvatske, f. Dnevnik S. Sarkotića, 1917, 20. III.

[9] Edinost. Trst, 1917, 9. IV.

[10] Dom, 1917, 2. V.

[11] Dom, 1917, 14. XI.

[12] *Јанковић Д.* О послератним радовима за историју стварања Југословенске државе 1918.— ЈИЋ, 1962, № 2, с. 1—20.

[13] *Јанковић Д., Кризман Б.* Грађа о стварању Југословенске државе, т. I—II. Београд, 1964; *Кризман В.* Грађа о немирима у Хрватској на крају 1918.— Хисторијски зборник, Загреб, 1957, № 1—4; *Стулли Б.* Прилози грађи за историју револуционарног покрета морнара на нашој обали 1917—1918.— Архивски вијесник, Загреб, 1970, № 10.

[14] *Чулиновић Ф.* Одјеци Октобра у југословенским крајевима. Загреб, 1957; *Храбак Б.* Октобарска револуција и стварање Југославије.— Преглед, 1967, № 11; *Шепић Д.* Октобарска револуција и југословенско питање у Аустро-Угарској 1917—1918.— Хисторијски зборник, Загреб, 1958—1959, № XI/XII, с. 7—47; *Клопчић Ф.* Одмеви Октобарске револуције в Словении лета 1917—1920.— Слободна пота, 1957, № 8; *Стругар В.* Социјалдемократија о стварању Југославије. Београд, 1965; *Кризман Б.* Стварање Југословенске државе.— Преглед, 1958, № 11/12; *Димитријевић С.* Велика Октобарска социјалистичка револуција и развитак класне борбе и револуционарног покрета на југословенским територијама у току светског рата и у новоствореној заједничкој држави. Београд, 1968, с. 1—118; *Јанковић Д.* Октобарска револуција и југословенско питање.— Анали правног факултета у Београду, 1967, с. 407—414; *Он же.* Дејство Октобарске револуције на политички фактори југословенског уједињења.— ЈИЋ, N 1/4, с. 64—70.

[15] Seton-Watson i jugosloveni. Zagrebi/London, 1976; *Paulova M.* Jugoslovenski odbor. Zagreb, 1925; *Haumant E.* La formation de la Yougoslavie. P., 1930.

[16] *Виноградов К. Б.* Буржуазная историография первой мировой войны. М., 1962, с. 197—198; *Он же.* Очерки английской историографии нового и новейшего времени. Л., 1975, с. 170—174; *Лихач Е. В.* Буржуазное общественное мнение Великобритании и югославянский вопрос в 1916—1918 гг.— Сов. славяновед., 1979, № 5, с. 29—44; *Туманова С. В.* Р. У. Ситон-Уотсон как историк югославянских народов: Автореф. канд. дис. М., 1981, с. 9—20.

[17] *Hantsch H.* Die Geschichte Österreichs, 1648—1918. Graz; Wien, 1953. Bd. II; *Benedikt H.* Monarchie der Gegensätze. Wien, 1947; *Barnes H.* The Genesis of the World War: An Introduction to the Problem of War Guilt. N. Y., 1950. V. I, II.

[18] *Чубриловић В.* Јован Цвијић..., с. 998.

[19] *Кризман Б.* Стварање...; *Живојиновић Д.* Америка, Италија и постанак Југославије. 1917—1919. Београд, 1970.

inslav

[20] *Fay S.* The Origins of the World War. N. Y., 1924; *Baker R.* Woodrow Wilson: Life and Letters. N. Y., 1927—1939. V. I—VIII; *Gooch G. P.* Before the War. L., 1938. V. I.

[21] *Виноградов К. Б.* Буржуазная историография..., с. 63—64; *Нотович Ф.* Фашистская историография о «виновниках» мировой войны.— В кн.: Против фашистских фальсификаторов истории. М.; Л., 1939.

[22] *Übersberger H.* Österreich zwischen Russland und Serbien: Zur südslawischen Frage und der Entstehung des ersten Weltkrieges. Köln; Graz, 1958.

[23] *Possony S.* Zur Bewältigung der Kriegsschuldfrage. Köln, 1968; *Würthle F.* Die Spur führt nach Belgrad. Wien, 1975.

[24] *Karlgren W.* Iswolsky und Aerenthal vor der bosnischen Annexionkrise. Uppsala, 1955.

[25] *Fischer F.* Griff nach der Weltmacht. Düsseldorf, 1962.

[26] *Naročnicki A. L., Pisarev J. A.* Dosadašniji rezultati i perspektive izučavanja istorije Jugoslavije u SSSR—u.— JIC, 1975, N 1/2, s. 131—152; *Писарев Ю. А.* Сербия и Черногория в первой мировой войне 1914—1918 гг. М., 1968, с. 368; *Емец В. А.* Очерки внешней политики России, 1914—1917. М., 1977, с. 367; *Ростунов И. И.* Русский фронт первой мировой войны. М., 1976.

[27] *Писарев Ю. А.* Советско-сербские отношения в период Бреста и югославянская проблема.— ВИ, 1973, № 8, с. 29—38.

[28] Државни архив Државног Секретаријата иностраних послова СФРЈ (далее — ДАДСИП), ф. Посланство у Петрограду, 1918 г., д. 9.

[29] Архив Српске академије наука и уметности (далее — АСАНУ), № 8939/2, 9829.

[30] См.: *Зеленин В. В.* Под красным знаменем Октября. М., 1977.

[31] Известия ВЦИК РСФСР, 1917, 22 дек.

[32] *Писарев Ю. А.* Советско-сербские отношения.., с. 31.

[33] Архив Института радничког покрета Југославије, ф. Југословени и Октобарска револуција, № 147.

[34] Документы внешней политики СССР. М., 1957, т. 1, с. 39.

[35] Мирные переговоры в Брест-Литовске. М., 1920, т. 1, с. 8—9.

[36] Архив војно-историјског института Југословенске народне армије, п. 3, књ. 26, л. 201—203. АСАНУ, № 9839.

[37] АСАНУ, № 8939/2.

inslav

Крестьянские партии в политической структуре Болгарии и Румынии в первой четверти XX в.

Т. Ф. МАКОВЕЦКАЯ, Т. А. ПОКИВАЙЛОВА

В настоящей работе предпринимается попытка определить роль и место в политических структурах Болгарии и Румынии двух партий: Болгарского земледельческого народного союза – БЗНС, возглавившего широкое крестьянское движение за радикальные демократические преобразования в обществе, и царанистской партии Румынии, пользовавшейся значительным влиянием в крестьянстве, фактически отражавшей интересы сельской буржуазии. Авторы ставят перед собой задачу выяснить характер их деятельности и ее значимость в конкретных условиях каждой из стран.

Отдельные аспекты данной проблемы в большей или меньшей степени получили отражение в работах советских исследователей, посвященных как специально крестьянским партиям, так и рассмотрению проблем общегражданской истории упомянутых стран [1]. Свой весомый вклад в ее разработку внесли болгарские и румынские историки [2].

Социальные доктрины обеих крестьянских партий базировались на основных постулатах мелкобуржуазного варианта аграризма, сложившегося в конкретных социально-экономических условиях ряда стран Центральной и Юго-Восточной Европы. В них получили отражение идеи некапиталистического, «особого» крестьянского пути развития общества, сохранения частной собственности в форме мелкой крестьянской собственности как наиболее оптимального ее регионального варианта и основы социального прогресса, а также идея крестьянского кооперативного государства как соответствующего условиям аграрных стран со слаборазвитой промышленностью. Важное место в аграристской концепции постепенно стало отводиться отрицанию возможности союза рабочего класса и крестьянства. Все эти положения в общем и целом были подчинены задаче обоснования первостепенной и исключительно самостоятельной роли села в социально-экономическом и политическом развитии общества.

Определенное влияние на характер различий социально-политических доктрин БЗНС и царанистской партии оказывало политическое развитие Болгарии и Румынии, национальная государственность которых в рассматриваемый период имела собственный облик и сложившиеся традиции. Это, в частности, проявилось в решении каждой из партий такого важного вопроса, как форма будущего крестьянского государства. Лидеры БЗНС единственно возможным

inslav

считали республиканское его устройство, в то время как царанистское руководство усиленно декларировало свою лояльность в отношении монархии.

В сравнении с болгарской румынская социально-политическая структура отличалась большей консервативностью, поскольку значительный удельный вес в ней приходился на элементы предшествующей — феодальной формации. Это было связано с особенностями развития капитализма в каждой из стран, где исход буржуазно-демократических революций был различным. Румыния несла на себе груз существенных полуфеодальных пережитков, которые наиболее остро давали о себе знать в ее аграрном строе, сказывались на определенных сферах жизнедеятельности общества, проецировались на национальную политическую структуру.

Исход русско-турецкой войны 1877—1878 гг., объективно сыгравшей роль буржуазно-демократической революции в Болгарии, привел к ликвидации здесь экономического и политического засилья феодальной Османской империи, что расчистило поле деятельности для национальной буржуазии, повлияло на характер аграрных отношений, закрепив на длительный период как преобладающее мелкое крестьянское землевладение, мелкотоварное производство.

В общем и целом политическая структура Болгарии в значительной степени определяла свое лицо в период борьбы за обеспечение национального суверенитета, в условиях существования многообразного сочетания классов и групп формировавшегося капиталистического общества. Эти десятилетия были отмечены прогрессом в утверждении новой экономической формации в Болгарии, социальная структура которой сохраняла в основном мелкобуржуазный облик. Здесь, помимо формировавшейся торгово-промышленной буржуазии, существовала огромная армия мелких товаропроизводителей, которую составляли прослойки мелкого и среднего крестьянства, ремесленников и т. д.

Нарастание процесса первоначального накопления привело к пауперизации и частичной пролетаризации широких масс мелких сельских собственников, части середнячества, ремесленников, к образованию рабочего класса, значительные слои которого еще продолжали сохранять свои связи с мелкотоварным производством[3]. Сельское же хозяйство, занимая позиции ведущей отрасли национальной экономики, было менее благоприятной почвой для утверждения новых производственных отношений. Будучи отсталым и мелкотоварным, оно оставалось основным объектом внимания сильных экономически и довольно многочисленных представителей торгово-ростовщического капитала, а начиная с первого десятилетия XX в. болгарское село попадает в поле зрения как иностранного, так и зарождавшегося национального монополистического капитала. В стране создается огромная армия сельскохозяйственных рабочих, а также малоземельных крестьян, которую не были в силах поглотить ни еще маломощное промышленное производство, ни слабо капитализировавшееся сельское хозяйство. Таким образом, во весь рост вставала проблема перенаселенности болгарской деревни.

inslav

Ввиду того что социальная и политическая структура Дунайских княжеств не была основательно нарушена османским завоеванием, как это было в Болгарии, по сути лишившейся «своего» класса феодалов, в ходе становления Румынии как суверенного государства здесь одновременно утверждались два господствующих класса: полуфеодальный — в лице помещиков — и новый — капиталистический — в лице различных отрядов национальной буржуазии. Утратившая к тому времени свою революционность, слабая экономически национальная буржуазия определила для себя в качестве основного курс на союз с крупным землевладением, постепенно укрепляя в нем свои позиции и выйдя на первое место [4].

Такая особенность в развитии социально-классовой структуры Румынии определяла то, что весь ее социально-экономический уклад в гораздо большей степени, чем болгарский, в течение длительного времени нес на себе бремя докапиталистических форм хозяйства, их переплетения с набиравшими силу капиталистическими отношениями.

Земельная реформа 1864 г. не уничтожила до конца феодальные отношения в сельском хозяйстве; сохранявшееся крупное помещичье землевладение, безземелье и малоземелье основной массы крестьян составляли основу для существования значительных феодальных и полуфеодальных пережитков в нем. В пореформенный период крестьянство располагало лишь 30% обрабатываемой земли, а остальные 70% приходились на долю помещиков и государства; после нескольких проведенных под напором крестьянских восстаний «наделений» (за выкуп) удельный вес крупного землевладения несколько снизился, составив перед первой мировой войной около 50% от общего земельного фонда. Обремененные долгами и выкупными платежами, маломощные крестьянские хозяйства являлись объектом эксплуатации со стороны помещиков, арендаторов-посредников, государства, а со временем и формирующейся национальной буржуазии, в значительной мере связанной с крупной земельной собственностью. В конце XIX — начале XX в. совершался медленный переход помещичьего хозяйства к капиталистическому способу производства, сопровождавшийся укреплением связей с мировым рынком и усилением ограбления румынской деревни со стороны иностранного капитала [5]. Внутри крестьянства осуществлялся процесс классовой дифференциации, разорения и экспроприации части его, служившей источником пополнения пролетариата, а в еще большей степени пауперизировавшейся в силу слабого развития промышленности. Как и в Болгарии, в Румынии аграрный вопрос вырастал в сложнейшую социально-экономическую и политическую проблему.

По существу центром политической структуры Болгарии и Румынии являлся монархический институт, наделенный в обеих странах значительными прерогативами. В Болгарии этот «рудимент феодального государственного механизма», адаптируясь к новым социально-экономическим условиям, мог искать надежную опору, как показала история, главным образом среди формировавшейся национальной буржуазии; поле деятельности главы болгарского государ-

inslav

ства очерчивалось рамками буржуазно-монархического союза, в котором монарх редко утрачивал ведущую роль. Задачи и возможности румынского монарха были несколько иными. На долю последнего, оказавшегося перед лицом двух господствующих классов, объективно выпадала роль арбитра и балансира в государственно-политическом механизме, что способствовало консервации сложившегося порядка.

Болгарская политическая структура в период формирования и развития национальной государственности отличалась большей мобильностью, нежели румынская.

При всей относительности буржуазно-демократических свобод, провозглашенных в 1879 г. Тырновской конституцией и часто тут же сужавшихся нормативными актами и политической практикой, болгарское общество имело более демократическую основу для формирования политического режима, с самого начала приобретавшего буржуазное содержание. В стране существовало всеобщее (для мужского населения) избирательное право, менее отягощенное, чем в Румынии, цензовыми ограничениями; состав однопалатного парламента избирался в ходе прямых выборов. Правда, в условиях слабой политизации населения в течение ряда десятилетий участием в выборах по сути и ограничивалось его политическое самовыражение (корректировавшееся, как правило, центральной исполнительной властью посредством давления на электорат со стороны ее местных органов) [6]. Конституция узаконивала право на создание политических партий, что было реализовано болгарским обществом в весьма многообразной форме.

В то время как в Румынии на политической арене надолго закрепилась монополия двух партий — консервативной (выражавшей главным образом интересы латифундистов) и либеральной (в ней преобладала промышленная и банковская буржуазия с довольно сильным помещичьим крылом), в Болгарии уже в первые годы XX в. составилась довольно пестрая партийно-политическая мозаика. В конце XIX — начале XX в. здесь формируются шесть партий, которые одна за другой входят в буржуазный политический лагерь. На этот же период приходится и образование партии рабочего класса (основана в 1891 г.). Сложившиеся в ней два течения в 1903 г. оформились в самостоятельные политические объединения: Болгарскую рабочую социал-демократическую партию (тесных социалистов) — БРСДП (т.с.), партию марксистского направления, и реформистскую оппортунистическую — Болгарскую рабочую социал-демократическую партию (широких социалистов) — БРСДП (ш.с.) *.

В Румынии социал-демократическая партия была основана в 1893 г. с довольно сильным тяготением к реформизму. На ее состоянии сказался процесс дифференциации рабочего движения, выражавшийся в борьбе между революционным и оппортунистическим течениями.

* В 1908 г. БРСДП (ш.с.) была переименована в Болгарскую рабочую социал-демократическую партию (объединенную) — БРСДП(о).

inslav

Помимо названных, в политическую структуру Болгарии вливаются и мелкобуржуазные политические образования: БЗНС (1899 г.) и Радикально-демократическая партия — РДП (1902 г.). Они своеобразно преломляли в общенациональном контексте идеи различных направлений народничества и формировали в эти годы свой весьма отличавшийся друг от друга программный позитив. Если у радикалов он распространялся на все слои болгарского общества, то у «земледельцев» в качестве основного объекта внимания выделялось крестьянство, достаточно выраженную к тому времени дифференциацию которого они всячески затушевывали, представляя его как единое и самое многочисленное «сословие». Уже в первом десятилетии существования Союза в его программных документах, в работах «земледельческих» лидеров формулировалась основная задача партии: достижение социальной справедливости исходя из положения об исключительной роли крестьянства в производстве материальных благ, в соответствии с чем обосновывалось исключительное право последнего на политическое лидерство в обществе. Но установление крестьянской власти намечалось как сравнительно отдаленная перспектива.

Действенность социально-политической доктрины крестьянской партии проявилась довольно быстро — в конце первого десятилетия своего существования БЗНС стал самой многочисленной партией страны; таким образом, для буржуазных политических сил постепенно усложнялась проблема обеспечения массовой базы.

В отличие от политически искушенных основных партий Румынии болгарским буржуазным партиям, представлявшим экономически господствовавший класс, были присущи слабость идейно-теоретического арсенала, нестабильность состава, непринципиальные отличия одной от другой, сводившиеся в основном к различной внешнеполитической ориентации. Вполне естественно, что они нуждались в реальной опоре, каковой для них мог быть только монарх, а если персонифицировать — Фердинанд Саксен-Кобург-Готский (был на престоле в 1887—1918 гг.), непосредственно заинтересованный в союзе с политическими представителями болгарской буржуазии, интенсивно укреплявшей свои экономические позиции. Поскольку лидерство в данном блоке почти всегда оставалось за монархом, это послужило одной из причин проявления авторитарности в политической жизни буржуазной Болгарии. Значительным слоям болгарского общества монархический институт в течение десятилетий (особенно до рубежа веков) представлялся организующим началом. Это создавало трону социальную опору, в которой крестьянство было наиболее многочисленной категорией.

Но массовые крестьянские выступления 1900 г. против введения полуфеодальной натуральной десятины были выражением назревавшего конфликта между крестьянством и болгарским буржуазным государством (в данном случае прямо ассоциировавшимся с его главой), сосредоточившим основное внимание на развитии капиталистической промышленности, а основные налоговые тяготы перекладывавшим на плечи широких слоев села. Последнее в условиях

inslav

слабого развития государственных кредитных институтов оставалось беззащитным перед натиском со стороны торгово-ростовщического капитала. Это и послужило исходной базой для постепенного укрепления антимонархических настроений среди крестьянства, для формирования в дальнейшем контравторитарной тенденции в политической жизни болгарского общества. Добавим, что эту тенденцию питали довольно развитые русофильские настроения среди части представителей молодой нации, противодействовавшие до известной степени проавстрийским и прогерманским внешнеполитическим тяготениям Фердинанда.

Контравторитарная тенденция складывалась из ряда компонентов, занимавших в ней различный удельный вес; по степени своей значимости и влияния на политическую жизнь болгарского общества она, безусловно, уступала своему антиподу и в конечном итоге не смогла стать препятствием на пути утверждения в Болгарии своеобразного варианта режима личной власти монарха, не сумевшего обеспечить себе абсолютное превалирование. Таким образом, перед сменявшими друг друга в правительствах буржуазными партиями открывались весьма ограниченные и довольно слабо использовавшиеся возможности для относительной и непоследовательной конфронтации с монархом. В этот период в условиях становления в организационном и теоретическом отношениях рабочего и крестьянского движений политически лидировавшая верхушка проявляла себя главным образом в рамках сложившегося буржуазно-монархического альянса, т. е. проблема социальной напряженности не имела достаточной остроты, чтобы концентрировать на себе основное внимание политической элиты.

Специфическое интегрирование монархического института в политическую структуру Болгарии сказывалось на деятельности всех политических институтов в целом, ограничивая их фактические возможности. Но несомненным остается факт, что утверждавшаяся в стране после ее освобождения система власти выражала интересы укреплявшейся экономически болгарской буржуазии. И хотя в этих условиях деятельность ряда политических институтов приобретала ущемленный характер, устанавливавшаяся в Болгарии политическая демократия являлась национальным вариантом буржуазно-демократического режима.

Политический режим, существовавший в этот период в Румынии, можно охарактеризовать как буржуазно-помещичий, поскольку реальная власть предоставлялась помещикам и буржуазии. Монархический институт, имея опять-таки значительные прерогативы и реальную власть, выражал интересы буржуазно-помещичьей олигархии — компромисса и одновременно союза между помещиками и буржуазией — и являлся инструментом, способствовавшим обеспечению ее классового господства.

Вполне закономерным в политических условиях Болгарии было появление широкой и весьма разобщенной демократической оппозиции сложившейся системе власти, БРСДП (т.с.), БРСДП (ш.с.), БЗНС и стали теми организующими центрами, которые с различной

inslav

степенью последовательности, определявшейся их идейно-теоретическими установками, формировали фронт борьбы с утвердившейся в стране политической практикой.

БЗНС уже с первых лет своего существования много усилий отдавал этой борьбе, что сказалось как на социально-политической доктрине Союза, так и на его практической деятельности.

До первой мировой войны «земледельцы» активно использовали узаконенную конституцией, хотя и регламентировавшуюся политической практикой, возможность проявлять себя на политическом поприще. Их деятельность носила преимущественно оппозиционный характер. В эти годы БЗНС решал очень сложные вопросы пробуждения политического сознания у широких слоев болгарского села, привлечения их на свою сторону, укрепления партийно-организационной структуры, а также нейтрализации буржуазного влияния на часть крестьянства, в течение ряда лет поставлявшего неустойчивую, но обширную избирательную клиентуру для сменявших друг друга у власти партий. Политический аспект «земледельческой» идеологии получает наибольшую разработанность.

В этот период БЗНС в целом ограничивал борьбу за социальную справедливость конституционными рамками[7], одну из многообещающих предпосылок существенных социальных преобразований видел в изменении политической структуры болгарского общества. По-своему оценивая реальную действительность, лидеры Союза ставили вопрос о том, что в создавшихся условиях особую важность приобретает замена политических партий, неверно ориентирующих основные слои общества — «сословия» — в их социальной деятельности, экономическими организациями[8]. Причем следует подчеркнуть, что речь шла в первую очередь и главным образом о буржуазных политических партиях, поскольку подобная теоретическая и практическая постановка вопроса об отношении к ним вытекала из общей «земледельческой» концепции социально-политического развития Болгарии, предусматривавшей основательное переустройство существовавшего буржуазного государства в определенном национальной спецификой мелкобуржуазном ключе.

В то же время подобная позиция в отношении буржуазных партий была составной общей позиции в отношении режима личной власти, на категорическом отрицании которого антимонархический БЗНС в значительной мере концентрировал свою теорию и политическую деятельность. Одно из радикальных средств борьбы в этом плане крестьянская партия видела в поднятии политического престижа и расширении фактических полномочий постепенно обезличивавшихся в условиях режима личной власти представительных органов всех уровней — от Народного собрания до общинных управлений.

Буржуазный парламент представлялся «земледельцам» важнейшим инструментом для решения собственных как конкретных, так и более общих, отдаленных целей и задач. Именно этим объясняются активное подключение Союза к выборам в Народное собрание, стремление стать значительной парламентской силой, а также рас-

inslav

ширить фактические возможности высшего органа политического представительства. В подобном же духе была выдержана и «земледельческая» политика в отношении местных представительных органов: программное положение БЗНС о децентрализации системы власти предусматривало превращение их в истинно самоуправительные органы, а практическая деятельность в этом плане сосредоточилась на попытках отвоевать у правящих буржуазных партий позиции на местах.

Таким образом, формировавшаяся идеология, а также политическая практика БЗНС были попытками отрицания политической структуры, которая сложилась в Болгарии до первой мировой войны.

Экстремальные условия, созданные первой мировой войной, привели к серьезным изменениям в социально-экономической и политической структуре Болгарии и Румынии. Война обнажила и необычайно обострила социальные антагонизмы, а также способствовала углублению противоречий внутри господствующих классов. Это вызвало поляризацию политических сил в обществе, послужило причиной их серьезной перегруппировки.

Нарастание в условиях империалистической войны революционного процесса в России от буржуазно-демократического к его высшему этапу — Великой Октябрьской социалистической революции сказалось на всех сторонах развития рассматриваемых стран, стимулировало здесь необычайно мощный революционный подъем, складывание революционной ситуации. Крайнее обострение социальной напряженности привело к стремительному росту выступлений рабочего класса, крестьянства, усилению брожения в армии, способствовало пробуждению необычайной политической активности многочисленных отрядов мелкой буржуазии, сохранявшей позиции весьма значимой социальной категории.

Кризис «верхов» приобрел здесь отчетливые формы. В Болгарии он выразился в полном разладе отработанной системы власти, в течение десятилетий обеспечивавшей бесспорный политический приоритет экономически господствующему классу. В Румынии он сказался в девальвации методов осуществления политической власти, поставив правящие круги перед жесткой альтернативой: эффективный паллиатив в виде определенных социально-экономических и политических уступок или крушение существующего строя. Революционный подъем имел в каждой из стран свои конкретные проявления. В Болгарии в конце первой мировой войны он вылился в революционную ситуацию. Вынесшие на себе тяготы трех почти беспрерывных войн, усугубившиеся процессом монополизации национальной экономики, широкие массы стали необычайно восприимчивыми к идеям радикальных социальных преобразований, которые в пролетарском и мелкобуржуазном варианте выдвигали две наиболее демократические политические силы общества: БРСДП (т. с.) и БЗНС. Активная антивоенная агитация этих партий, все более действенная под влиянием примера революционной России, привела к взрыву революционно-демократических выступлений трудящихся.

inslav

Позиция «нейтралитета», занятая руководством БРСДП (т.с.) во время Владайского солдатского восстания (сентябрь 1918 г.), одного из самых напряженных моментов революционной ситуации, серьезно сказалась на характере развития и разрешения последней. Эта партия, переживая тогда болезнь «теснячества», придерживалась мнения, что социалистическая революция не является непосредственной задачей болгарского пролетариата, не ставила вопроса о превращении империалистической войны в гражданскую. Она еще не понимала необходимости революционного союза рабочего класса и крестьянства[9].

То обстоятельство, что руководство восстанием, осуществлявшимся под лозунгом установления республики, приняли на себя лидеры радикального течения в БЗНС — А. Стамболийский и Р. Даскалов (хотя это шло вразрез с «земледельческими» установками, предусматривавшими парламентские методы борьбы за власть), в глазах широких слоев крестьянской страны постепенно утверждало Союз в целом как политическую партию решительных действий, способную взяться за осуществление серьезных социальных перемен. Одним из первых серьезных доказательств усиления популярности БЗНС стал тот факт, что менее чем через два месяца после поражения восстания представленная у власти часть утратившего политическую стабильность буржуазного лагеря была вынуждена согласиться на включение в состав коалиционного правительства объявленного вне закона А. Стамболийского.

Революционные события ускорили выход страны из войны, сыграли важную роль в отречении Фердинанда от престола (3 октября 1918 г.), привели к падению режима личной власти. Достаточно дифференцированная к тому времени болгарская буржуазия, оказавшись перед кризисом буржуазного государства, была вынуждена политически консолидироваться. Процесс консолидации был весьма сложным. На него оказывали воздействие два таких существеннейших фактора, как ультимативное требование масс наказать виновников национальной катастрофы, а также необходимость для побежденной страны предстать на международной конференции по выработке условий мирного договора, имея правительство, составленное из партий, не причастных к прежнему внешнеполитическому курсу.

В итоге четко обозначился процесс серьезного ослабления существовавшей в течение десятилетий политической доминанты. Из борьбы за удержание власти выбывали скомпрометировавшие себя германофильские «либеральные» партии, постепенно утрачивала свои позиции соправящего фактора демократическая партия[10]: для ее представителей в мае 1919 г. не нашлось места в очередном правительстве широкой коалиции.

В то же время принципиально неоднородный, сложный по составу левый политический лагерь * значительно усилил свои позиции. Причина этого явления крылась в резкой политизации общества,

* К левому лагерю принадлежали БЗНС, БРСДП(о), РДП; на его особом — самом левом фланге находились «тесняки».

inslav

проявлявшейся прежде всего в сильном полевении масс — их активном притоке в левые партии.

Такая расстановка классовых и политических сил сделала неизбежным разлад складывавшегося в течение десятилетий механизма власти, а также его последующую существенную коррекцию в совершенно новом, нетипичном для национальной разновидности буржуазно-демократического режима ключе, принципиально менявшем содержание деятельности органов власти на всех уровнях.

Усиление левых партий в правительствах широкой коалиции, с помощью которых буржуазия пыталась стабилизировать свои позиции, означало постепенное утверждение новых сил в высшем эшелоне власти.

Явный перевес левых сказался на результатах парламентских выборов в августе 1919 г., что свидетельствовало о дальнейшем сужении политических возможностей болгарской буржуазии. Получивший 85 депутатских мандатов БЗНС оставил далеко позади всех своих политических соперников. К этой победе «земледельцы» шли с обновленной социально-политической доктриной, где центральным стало положение о готовности крестьянства стать руководящей силой в общенациональном масштабе. «Тесняки», располагая 47 депутатскими мандатами, образовали вторую по численности парламентскую фракцию [11].

Сложности взаимоотношений между левыми политическими партиями определили то обстоятельство, что впервые поставленный в прямую зависимость от результатов парламентских выборов состав нового правительства фактически не отражал расстановку классовых и политических сил в стране. Каждой из этих партий БЗНС, не набравший необходимого парламентского большинства, предлагал войти в правительственную коалицию. БКП (т. с.) *, после своего первого съезда пересматривая свое отношение к крестьянству, еще не имела достаточной практики работы в деревне и не выработала верной оценки массовой крестьянской партии, каковой являлся гетерогенный по составу БЗНС, объединявший в своих рядах широкие слои эксплуатировавшегося населения. Расценивая Союз как партию сельской буржуазии, «тесняки» считали невозможным для себя сотрудничать с ней в рамках одного кабинета. БРСДП (о) ответила «земледельцам» отказом из-за неудовлетворенных претензий на важнейшие министерства.

В результате партнерами БЗНС в новом кабинете (составлен 6 октября 1919 г.) оказались две буржуазные партии: народная и прогрессивно-либеральная, не имевшие серьезной парламентской опоры.

Правительственная программа, обращенная прежде всего к широким слоям трудящегося и эксплуатируемого населения страны, была результатом усилий всего левого лагеря. Но наиболее четко в ней звучали распространявшиеся прежде всего на экономически наиболее уязвимые категории сельского населения программные уста-

* С мая 1919 г. так стала называться БРСДП (т. с.).

inslav

новки БЗНС и решения его XV съезда (июнь 1919 г.), на котором в качестве руководящего утвердилось радикальное течение во главе с А. Стамболийским.

Уже в первые месяцы деятельности новой власти XVIII ОНС приняло ряд законов, направленных прежде всего на стабилизацию экономического положения болгарской деревни. Как правило, все они ущемляли интересы различных категорий буржуазии, крупной прежде всего. В то же время отказ правительства удовлетворить требования поставленных в чрезмерно тяжелые материальные условия многочисленных отрядов железнодорожников и почтово-телеграфных служащих привели к конфликту между ними. Этот конфликт был фактическим продолжением столкновений в условиях революционного подъема почтовиков и транспортников с буржуазным государством. С конца декабря 1919 г. по середину февраля 1920 г. страну сотрясала невиданная по своему размаху стачка железнодорожников, переросшая с 29 декабря по 3 января во всеобщую политическую стачку.

Болгарская буржуазия, не будучи в силах справиться с прогрессировавшим кризисом всей системы власти, свои надежды на предотвращение полного краха буржуазного государства связывала с БЗНС, который возглавляли еще недавно преследовавшиеся ею «бунтари». Именно поэтому буржуазные политики оказали серьезную поддержку «земледельческим» министрам, практически занимавшимся вопросами прекращения стачки [12].

Поражение этого выступления пролетариата вскрыло весьма своеобразное положение: две полярные силы болгарского общества — буржуазия, уже неспособная нанести решительный удар революционному лагерю, и болгарский пролетариат, еще неспособный завоевать власть,— как бы уравновешивали друг друга [13].

Именно в таких условиях БЗНС настоял на новых парламентских выборах, на которых в марте 1920 г. он одержал внушительную победу, в результате чего было сформировано однопартийное «земледельческое» правительство. Эти вторые послевоенные парламентские выборы — своеобразный итог развития внутриполитической борьбы в течение всего послевоенного периода. Они свидетельствовали о дальнейшем падении престижа буржуазного лагеря в целом и укреплении лидирующего положения двух наиболее массовых партий трудящихся: БЗНС (получил 110 депутатских мест) и БКП (т.с.) (завоевала право на 50 депутатских мандатов, 9 из которых она была лишена) [14].

Таким образом, революционные события привели к тому, что в политической практике буржуазной Болгарии создавался прецедент превращения в первостепенный политический фактор мелкобуржуазной крестьянской партии, оттеснившей от государственного управления традиционные буржуазные силы.

В сложившейся ситуации в ранг общегосударственной возводилась идеология крестьянской партии, лидеры которой получили возможность руководить практическим приложением «земледельческой» теории. Состояние послевоенной экономики, расстановка сил

inslav

на политической арене, а также внешнеполитическое положение Болгарии как побежденной страны неизбежно вносили свои коррективы в практическую деятельность БЗНС, в осуществление его доктрины.

Перед правящей партией в качестве первоочередной встала проблема создания собственной системы власти. Возникла потребность в конкретном решении вопроса об отношении к монархии. В условиях широкого регламентирующего вмешательства со стороны контролирующих органов Антанты Союз не имел практических возможностей радикально изменить форму государственного устройства, поэтому усилия концентрировались главным образом на фактическом сужении формально сохранявшихся прерогатив монарха; в политической практике «земледельцы» последовательно проводили курс на обезличивание Бориса как главы государства. В этот период он перестал использовать свои полномочия в отношении Народного собрания, так как вопрос о роспуске очередного состава парламента и назначения даты выборов нового решали руководящие органы БЗНС. Бессменный глава всех «земледельческих» правительств А. Стамболийский лишь ставил царя в известность об этом. Объективная реальность была таковой, что монарх не мог пользоваться правом вето в отношении принимавшихся парламентом законов. Он не решал вопросы назначения и смещения министров; правительства отчитывались перед съездами БЗНС, от которых они получали мандат на свою деятельность и т. д.

Фактически все звенья государственной власти самых различных уровней замыкались на правительственную партию, во все большей степени пытавшуюся подчинить свою социальную политику интересам мелкого и среднего крестьянства,— Союз становился центром политической структуры страны. Правда, в отношении Народного собрания такое утверждение не безусловно, поскольку в условиях режима БЗНС не отменялся буржуазно-демократический принцип «свободной политической игры», т. е. за всеми партиями формально сохранялось право на политическую деятельность. Но весь комплекс социально-экономических мер новой власти, направленных против носителей торгово-спекулятивного, ростовщического, а также монополистического капитала, ограничивал реальные возможности прежде всего политических представителей болгарской буржуазии, сужал социальную базу БРСДП(о) и РДП, апеллировавших к «экономически слабым слоям» общества. И лишь БКП (т. с.) в сложившейся политической атмосфере получила возможность действовать в более благоприятных, чем прежде, условиях, хотя «тесняки» и «земледельцы» оставались в состоянии острой идеологической конфронтации, часто перераставшей в конфронтацию политическую.

Вполне естественно, что в центре своей обширной преобразовательной программы «земледельцы» поставили вопрос о путях и методах поднятия общего уровня ведущего сектора национальной экономики — сельского хозяйства. Она носила такой многосторонний и разветвленный характер, что фактически превращалась в план переустройства всей системы экономических и социальных отноше-

inslav

ний в болгарском обществе. В двух законах, задачей которых была серьезная коррекция аграрных отношений в Болгарии,— законе об увеличении государственных земельных площадей (принят в июне 1920 г.) [15] и законе о трудовой земельной собственности (принят в апреле 1921 г.) [16] — получила выражение основная идея социально-политической доктрины БЗНС — идея «выравненной», справедливо упорядоченной собственности, т. е. мелкой и средней трудовой крестьянской собственности. Такая ее форма, по представлениям лидеров БЗНС, служила исходной платформой для создания наиболее справедливой общественно-экономической и политической структуры — для «истинной демократии» [17].

На основании этих законов устанавливался максимум землепользования — 300 декаров для собственников, вкладывавших труд в обработку земли, а также от 40 до 100 декаров для лиц, непосредственно ее не обрабатывавших. Наделы, превышавшие нормы, вместе с землями Болгарского сельскохозяйственного и Народного банков, а также неиспользовавшимися государственными, спорными общинными и неизъятой частью монастырских земель поступали в специальный государственный фонд, из которого и осуществлялось наделение участками (за оплату) безземельных и малоземельных крестьян. Аграрная реформа ударила по интересам крупных земельных собственников прежде всего потому, что выплата компенсации за отчужденные участки производилась по довоенным расценкам; она особенно задевала ту часть сельской буржуазии, которая сдавала в аренду свои земли, эксплуатируя таким образом экономически наиболее уязвимых представителей болгарского села [18].

Значительная роль в усовершенствовании национальной социально-экономической структуры, в организации отпора ростовщическому и торгово-спекулятивному капиталу, а в течение ряда лет и монополистическому капиталу отводилась «земледельцами» кооперации. С ее помощью они надеялись прийти к более гармоничной хозяйственно-экономической структуре, в которой бы проявились «лучшие стороны частной и общественной форм собственности». За годы правления БЗНС появилась целая сеть кооперативных объединений [19], в том числе таких, как государственно-кооперативные, которым новая власть уделяла особое внимание, поскольку таким образом делалась попытка изменить направление экономической деятельности государства, превратить его в покровителя болгарской деревни. Это осуществлялось в духе теоретических построений БЗНС, где государству отводилась роль одного из важнейших рычагов в коррекции социально-экономической структуры, путем вмешательства последнего в сферу производства и распределения в пользу непосредственных производителей, прежде всего и главным образом крестьянства [20].

Эта политика в сочетании с налоговой политикой «земледельцев», затрагивавшей капиталы банков, торговых учреждений, промышленных и сельскохозяйственных предприятий, акционерных обществ и т. д., значительно ограничивала возможности торгово-спекулятивного капитала, замедляла темпы утверждения в национальной эко-

inslav

номике монополистического капитала, при этом нарушались связи представителей последнего с государственным аппаратом, ранее осуществлявшиеся через лидеров политических партий.

Весьма радикальные по замыслу многочисленные реформы БЗНС определялись общей направленностью деятельности Союза, сильно окрашенной антибуржуазной декларативностью. Они и в действительности задевали интересы всех слоев болгарской буржуазии, и особенно крупной городской буржуазии, однако не вели к коренной ломке сложившихся отношений ни в сфере производства, ни в сфере распределения. Не имея достаточных материальных средств и опыта в проведении таких важных мероприятий, испытывая постоянное давление со стороны контрольных органов Антанты, «земледельцы» не смогли довести задуманный ими план преобразований до значительных практических результатов. Допуская наемный труд, провозглашая частную собственность незыблемой основой любого общественного строя, признавая необходимость для болгарской экономики притока иностранного капитала[21], они полагали, что, переустроив по своим представлениям институт частной собственности, смогут сделать решительный шаг в направлении главной цели БЗНС — установления «крестьянской» демократии. Эта задача не противоречила и другому варианту ее формулировки, которую давал А. Стамболийский в 1920 г.: «Мы не хотим похоронить этот строй, но не хотим и оставить его с теми язвами и пороками, которые наблюдаем у него сейчас»[22]. Это была утопическая концепция удержания собственности на определенном уровне.

Экономический эффект от применения законов о важнейших реформах был далеко не таким значительным, как поначалу рассчитывали на это лидеры БЗНС. К примеру, в фонд трудовой земельной собственности планировалось изъять 2 250 000 декаров, а до июньского переворота 1923 г. в него поступил лишь 352 451 декар; из 18 298 семей, получивших к тому времени наделы, только 298 человек формально были признаны владельцами, остальные значились нанимателями[23]. Недостаточно эффективной была деятельность слабо подготовленных и не всегда последовательных фискальных органов, осуществлявших налоговую политику «земледельцев», и т. д.

Гораздо более значительным был политический эффект, произведенный реформаторской деятельностью «земледельцев». Это прежде всего проявилось в расширении и полевении социальной базы Союза, в которую влились различные прослойки мелкой буржуазии города, в росте рядов БЗНС. За период между XV (июнь 1919 г.) и XVII (июнь 1922 г.) своими съездами он при очень сильном крене влево его социального состава численно увеличился с 77 268 до 150 838 членов[24]. Расширение социальной базы Союза, в том числе за счет определенных прослоек городской мелкобуржуазной среды, самым непосредственным образом было связано с социальной политикой БЗНС. Помимо опеки различных категорий крестьянства, с социальной дифференциацией которого лидеры режима не могли не считаться на практике (несмотря на сохранение в идейном ар-

inslav

сенале БЗНС прежнего тезиса о неделимости села), у новой власти существовала и вторая линия деятельности — помощь «экономически слабым слоям». Революционные события послевоенных лет, мощное стачечное движение в течение 1919 и в начале 1920 г., в котором основной руководящей силой выступала БКП (т.с.), заставляли крестьянскую власть уделять более серьезное, чем прежде, внимание пролетарским и мелкобуржуазным слоям города.

И хотя в годы режима БЗНС не принималось специального законодательства в пользу рабочих, материальное положение различных категорий эксплуатировавшегося населения города несколько улучшилось. Этому способствовали принятие законов об облегчении жилищного кризиса, а также ряд мер, осуществленных в поддержку ремесленников, в частности прекращение сбора налога на ремесла после узаконивания прогрессивно-подоходного налога.

Таким образом, налицо были объективные факторы для закрепления БЗНС как фактического центра политической структуры. Но вполне естественно, что конституирование крестьянской партии в таком качестве привело к сильным изменениям партийно-политической структуры страны. В борьбе со значительной и многоплановой оппозицией «земледельцы» пускали в ход тезис о правомерности и неизбежности установления в стране «крестьянской» демократии как более соответствующей социальной структуре болгарского общества, нежели диктатура буржуазии или диктатура пролетариата. Однако в условиях режима БЗНС это не приобрело характера последовательного наступления со стороны правящей партии. В действовавшем законодательстве не было положений, официально запрещавших какую бы то ни было политическую партию, хотя психологическая атмосфера была очень сложной для противников новой власти. В итоге режим БЗНС противопоставил себя всем без исключения политическим течениям — как возможным союзникам слева — БКП (т.с.) и БРСДП (о), так и правому — буржуазному лагерю. Идеализация сословных постулатов, боязнь за собственную, стремительно возросшую и в то же время рыхлую массовую базу, отсутствие достаточной организационной спаянности лишали Союз гибкости в отношениях с представлявшими рабочее движение партиями, каждая из которых черпала свои кадры в тех же социальных слоях, что и БЗНС. Реформисты из БРСДП (о) стали на путь сближения с правым лагерем. Накопленный опыт беспринципных политических компромиссов способствовал тому, что БРСДП (о), борясь «за восстановление попранной демократии», в ходе многочисленных выборов стала в открытую блокироваться с буржуазными партиями. В итоге уже с лета 1920 г. буржуазный политический лагерь находился в состоянии организационной перестройки и поиска идейной платформы для борьбы с режимом БЗНС. Тогда же был сформулирован лозунг, под которым должна была осуществляться его консолидация,— «За восстановление попранной конституции!». Первоначальные основы идейной платформы стали складываться из различных формул отрицания важнейших положений сословной теории и программы БЗНС, а также из излагавшихся в общем виде тре-

inslav

бований прекращения социально-экономической и политической практики режима БЗНС. Сюда же в обязательном порядке добавлялся и антикоммунизм.

В том же году три «либеральные» фракции слились в национал-либеральную партию, а народная и прогрессивно-либеральная образовали Объединенную народно-прогрессивную партию. Задачи борьбы с мелкобуржуазной крестьянской диктатурой, черты которой во все большей степени приобретал режим БЗНС, и определили содержание их программ. Очень разношерстные, с различным политическим прошлым, объединявшие в своих рядах экономически довольно дифференцированную буржуазию, партии правой оппозиции наконец определили для себя тот основной стержень, на который ее различные течения старались нанизывать свои антиземледельческие идеи. Им стал антиземледельческий этатизм.

В конечном итоге не сумевшие слиться в единый идейно-организационный поток, трудносовместимые в рамках одной организации компоненты правой оппозиции — от наиболее левого ее представителя (РДП) — до праворадикальных сил в лице «Народного сговора» сошлись на предельно утилитарной, сиюминутной платформе — отрицании системы власти БЗНС, отрицании режима в целом.

Не имея возможности противостоять «земледельцам» с помощью легальных средств борьбы, буржуазный лагерь, мобилизовав правооппозиционные силы, в июне 1923 г. осуществил переворот. Насильственное свержение режима БЗНС показало, что попытка крестьянской партии утвердить мелкобуржуазную крестьянскую диктатуру и с ее помощью заложить основы новой политической демократии мелкобуржуазного типа имела серьезные масштабы, поскольку основным содержанием деятельности крестьянской власти было стремление создать условия для смены носителей экономической, а соответственно и политической власти. В итоге очерчивавшаяся политическая демократия приобретала нагрузку альтернативности сложившемуся национальному варианту буржуазной демократии. Правда, в период существования «земледельческого» режима успешно удалось обеспечить лишь политическую сторону этой проблемы, в то время как в экономическом плане крестьянская власть, пытавшаяся выражать противоречивые интересы болгарского села, не сумела создать себе прочных позиций.

Особенность революционной ситуации в Румынии определялась тем, что она складывалась в условиях оккупации значительной части страны войсками центральных держав. Русская союзническая армия, расположенная на неоккупированной территории Румынии и находившаяся в состоянии революционного брожения, оказывала революционизирующее влияние на трудящихся Румынии. Неоднократно выступления румынского пролетариата находили прямую поддержку революционных солдат русской армии, выливаясь в совместные манифестации. Забастовочное движение румынских рабочих приобретало все более политический характер, а антипомещичьи выступления крестьянства в деревне грозили принять размах «новой (после 1907 г.— *Авт.*) крестьянской войны». В то же время захват

inslav

значительной части территории Румынии немецкими войсками усиливал желание румынских солдат освободить страну от оккупантов, порождая так называемую «траншейную психологию», что снижало до известной степени накал революционной борьбы[25].

В отличие от Болгарии, где, как отмечалось выше, прерогативы монарха значительно сузились, в Румынии влияние монархического института не только сохранилось, но даже усилилось, чему значительно способствовала проантантовская ориентация румынского короля Фердинанда[26].

Весть об Октябрьской социалистической революции в России, лозунги Советского правительства, Декреты о мире и земле находили горячий отклик среди рабочих и крестьян. Чтобы направить революционную энергию масс в легальное русло и не допустить перерастания революционной ситуации в революцию, господствующие классы Румынии наряду с испытанными средствами террора стали активно прибегать к социальному маневрированию. В центре этой политики находились аграрная реформа и введение всеобщего избирательного права. В ноябре — декабре 1918 г. было введено всеобщее (хотя и с существенными ограничениями) избирательное право и принят декрет об аграрной реформе. И если в 1918 г. было объявлено о предполагающейся экспроприации (за выкуп) 2 млн. га у крупных землевладельцев, то по закону 1921 г. было экспроприировано около 6 млн. га, что составило 66% земельных угодий, принадлежавших помещикам, владевшим свыше 100 га. Однако и после реформы крупное землевладение не было ликвидировано. В законе 1921 г. имелись многочисленные оговорки, которые предоставили помещикам возможность сохранить по 200—500 га земли, а во многих случаях и более 500 га. По официальным данным, в руках крупных собственников (владевших свыше 100 га земли) сохранилось 27,7% земельных угодий (включая леса), причем более половины этих земель (17,1%) приходилось на крупные латифундии, площадью свыше 500 га[27].

В пореформенный период в румынской деревне продолжали существовать полуфеодальные методы эксплуатации крестьянства, на плечи которого легли также огромные выкупные платежи. Реформа не устранила крупное помещичье землевладение, земельный голод и аграрную перенаселенность. Значительная часть крестьян, подлежавших по закону наделению, земли не получила, а многие из тех, кто ее получил, вынуждены были продать или заложить свои участки. Тем не менее возможности для капиталистического развития в сельском хозяйстве были расширены. Однако развитие пошло в основном по пути медленного внутреннего капиталистического преобразования помещичьего хозяйства. Кроме того, аграрная реформа позволила зажиточной верхушке села увеличить свои угодья и укрепить политические позиции.

Часть средств, полученных помещиками в качестве выкупных платежей на землю, была направлена в промышленность и способствовала ее развитию, что вело к ускорению процесса обуржуазивания всей экономической и политической структуры общества. В по-

inslav

литическом плане аграрная реформа на какое-то время притупила накал классовой борьбы в деревне.

Проведенные в условиях революционного подъема аграрная и избирательная реформы преследовали прежде всего «охранительные цели», но их последствия сказались на всей социально-экономической и политической структуре. В отличие от Болгарии эти изменения протекали в более консервативных формах — в направлении приспособления существующих структур к нуждам капиталистического развития.

Специфика революционного кризиса в Румынии проявилась также в крушении под воздействием революционных выступлений масс существовавшей партийно-политической структуры, в ликвидации многолетней политической монополии двух ведущих партий буржуазно-помещичьего блока, в выходе на политическую арену ряда новых формирований буржуазного толка, зачастую, как это показали последующие события, неспособных к сколько-нибудь самостоятельной деятельности [28].

Ослабление в результате аграрной реформы экономических и политических позиций помещиков привело к тому, что консервативная партия по существу распалась и перестала быть одной из двух партий, чередовавшихся у власти. На расчищенное поле деятельности устремился новый, весьма пестрый по своему составу буржуазный политический поток. Так, в предвыборную борьбу в 1922 г. вступили 14 политических партий и организаций. Состояние кризиса переживала и вторая из ведущих в довоенный период партий — национал-либеральная (НЛП); шел процесс сужения ее массовой базы, вызванный отходом от нее значительных слоев средней и мелкой буржуазии. Последние пытались создать свои политические организации, чтобы оказывать давление на крупную буржуазию с целью ограничения ее экономической и политической монополии (такой партией стала царанистская) или же с помощью социальной демагогии и национализма отвлечь массы от революционного движения, примером чего являлась реакционная организация «лига народа» под руководством генерала А. Авереску. Появились многочисленные партии и группы под различными вывесками «национальных», «народных», «демократических», «крестьянских» и т. д. Сюда же подключается национальная партия под руководством Ю. Маниу, выражавшая интересы румынской промышленной буржуазии Трансильвании.

Постепенное усиление крупного капитала, прежде всего финансово-промышленного, сохранение и после аграрной реформы значительной части земельной собственности в руках крупных землевладельцев привели в политическом плане к укреплению союза между крупной буржуазией, землевладельцами и монархом уже с иной расстановкой сил в нем, к сохранению буржуазно-помещичьей олигархии, политическим центром которой стала НЛП. Монархия в этом союзе стала оплотом консервативно-реакционных сил [29].

Но как ни различались между собой реформационные буржуазные и мелкобуржуазные партии и организации, основную свою задачу

inslav

они видели в приходе к власти с целью сохранения существующего строя, в упрочении капиталистического господства.

Единственной политической силой, которая выступила за ликвидацию капиталистических отношений и явилась подлинным выразителем интересов трудящихся и эксплуатируемой части населения, была Коммунистическая партия Румынии, созданная в мае 1921 г. на основе принципов марксизма-ленинизма. Но возможности для ее деятельности были ограниченными, поскольку в тот период она проходила сложный путь организационного оформления и политического становления и вскоре после возникновения была объявлена вне закона.

Вместе с тем в условиях размаха революционного движения, введения всеобщего избирательного права (хотя в нем сохранялся ряд цензов и ограничений, а его практическое использование сопровождалось злоупотреблениями), включения в политическую жизнь, и прежде всего в состав электората, новых слоев населения буржуазные и мелкобуржуазные партии и организации в поисках средств проникновения в состав правящего эшелона вынуждены были обращаться к активизировавшимся массам.

Проведение аграрной реформы усилило позиции сельской буржуазии, стремившейся создать собственную партию, с помощью которой она могла бы оказывать влияние на экономическое и социально-политическое развитие общества; такая партия должна была выглядеть в глазах крестьянских масс выразительницей их интересов. В декабре 1918 г. по инициативе И. Михалаке была создана царанистская (крестьянская) партия. В июне 1919 г. партия стала издавать свою газету «Цара ноуэ» («Новая страна»). Первоначально костяком партии явились руководящие кадры сельской кооперации и народных банков, находившихся в тот период в руках кулачества. В отличие от БЗНС, ориентировавшегося на «крестьянское сословие», социальный состав царанистской партии был необычайно пестрым: сельская буржуазия, средние слои города, буржуазная и мелкобуржуазная интеллигенция (адвокаты, профессура, сельские учителя и священники) и т. д. В дальнейшем происходило расширение ее социальной базы за счет мелкого и среднего крестьянства. Но руководство в партии всегда находилось в руках представителей сельской буржуазии и буржуазной интеллигенции [30].

Аграрная реформа привела к оживлению разного рода мелкобуржуазных теорий, предлагавших консервацию крестьянской собственности и реформирование существующего строя. Царанисты по существу с самого начала подключились к общему реформаторскому потоку. И хотя все группы буржуазии были едины в этом основном своем стремлении, между ними существовали различия во взглядах на меру уступок, на пути и средства сохранения старого строя. Критикуя ограниченность реформ, предложенных либералами, руководство царанистской партии заявило о своем стремлении «осуществить глубокие и серьезные реформы без потрясений и анархии» [31].

inslav

Пытаясь усилить влияние на крестьянство, царанисты выступали под антимонополистическими, общедемократическими лозунгами*. Острие некоторых из этих требований было направлено против либералов, например требования ликвидации жандармерии, находившейся в руках НЛП и «славившейся» жестокими расправами в деревне, или национализации Национального банка, контролируемого семейством Брэтиану, возглавлявшим также и НЛП. В то же время было совершенно очевидным стремление лидеров царанистской партии противодействовать революционному движению, распространению большевизма, а также складыванию союза рабочего класса и крестьянства, противопоставляя революционным идеям свои реформистские принципы.

В политическом плане идеологи царанистов выдвигали утопическую идею «крестьянского государства»[32]. Они обосновывали эту идею тем, что крестьянство является большинством населения страны и в силу этого оно, равно как и его политический представитель (в качестве какового подавалась исключительно царанистская партия), должно было занять центральное место в социальной и соответственно политической структуре Румынии. «Царанистская партия является партией крестьян, которых она организует с целью завоевания политической власти посредством классовой борьбы»,— заявляло руководство царанистов. Причем классовую борьбу оно понимало весьма своеобразно: лишь как борьбу против олигархии, против традиционных партий, прежде всего либеральной партии, за представительство в парламенте, и как идею социального равновесия и классовой солидарности «с целью нормальной», т. е. мирной, эволюции общества[33].

Благодаря доктрине, программе и широкой пропаганде своих идей царанистская партия приобрела в первые послевоенные годы значительное влияние на массы. На выборах в ноябре 1919 г. царанисты добились значительных успехов: по числу полученных на выборах голосов их партия стала третьей в Румынии и второй после НЛП в пределах «старого королевства». 61 депутат от этой партии вошел в парламент, а ее лидер И. Михалаке стал министром сельского хозяйства. Впервые в истории Румынии правящая НЛП, контролируя административный аппарат, не сумела обеспечить себе большинства мест в парламенте. Сказалось действие всеобщего избирательного права. Было сформировано правительство Парламентского блока из представителей национальной партии, возглавляемой Ю. Маниу, царанистской партии и национально-демократической под руководством Н. Иорги. Войдя в правительство, царанистская партия явилась инициатором выработки нового законопроекта об аграрной реформе. Правительственная программа, представленная

* Ликвидация крупного землевладения и передача земли в трудовую собственность крестьян по сниженным ценам, развитие кооперации, поддержка народных банков, введение прогрессивно-подоходного налога, национализация Национального банка, децентрализация местного управления, замена жандармерии сельской полицией, развитие образования и здравоохранения и т. д.

inslav

комиссией, в которую вошли депутаты царанистской партии, содержала ряд требований буржуазно-демократического характера[34]. В то время проявился решительный разрыв между заявлениями и практической деятельностью лидеров царанистов. Более того, программные установки партии были вскоре изменены с целью завоевания доверия правящих кругов.

Законопроект об аграрной реформе, с которым выступили депутаты-царанисты, был радикальнее декрета, принятого в 1918 г. Но и он сводился в основном к ограничению помещичьей собственности и не соответствовал программным заявлениям крестьянской партии «о передаче всех земель в трудовую собственность крестьянству». Помимо сохранения крупных земельных угодий до 100 га сельскохозяйственной площади, оговаривались случаи, когда помещичья собственность сохранялась и в размерах 250—500 га. В противоречие с принципами «трудовой собственности» вступало и положение о необходимости создания «образцовых крестьянских хозяйств» и наделении в связи с этим отдельных категорий крестьянства и другого сельского населения (учителей, священников, служащих, торговцев) участками от 25 до 50 га, т. е. формирование крепких кулацких хозяйств, способствовавших расширению социальной опоры царанистской партии. Тем не менее румынский король Фердинанд, не желая, чтобы закон об аграрной реформе исходил от имени царанистов, и стремясь отсрочить экспроприацию помещичьих земель, не утвердил этот законопроект, используя предоставленное ему конституцией право вето. В этих условиях лидеры царанистской партии, боясь революционных выступлений масс, призвали крестьянство к «сохранению спокойствия»[35].

В области государственного устройства руководство царанистской партии выступало за фактическое расширение в рамках конституционной монархии полномочий и роли парламента, ограниченного палатой депутатов при ликвидации сената, концентрировавшего, как правило, самые консервативные силы. В то же время оно выступало против республиканской формы правления, заявляя, что крестьянство — опора династии[36]. Но даже робкие и непоследовательные намеки царанистских лидеров на необходимость ограничения прав монарха привели к прямому конфликту между ними и королем, поддержанным реакционной верхушкой крупной буржуазии и помещиков, а также к отставке правительства Парламентского блока после трех месяцев его пребывания у власти. И если БЗНС, будучи в течение полутора лет соправящей и более трех лет правящей партией в Болгарии, пытался на практике осуществить широкую программу демократических преобразований, то царанистская партия за 8 лет своего существования лишь однажды вошла в коалиционное правительство, пробывшее у власти всего три месяца, и не смогла пойти дальше широковещательных программ реформ, оставшихся на бумаге.

Перестав быть соправящей, царанистская партия оставалась в составе парламентской оппозиции и боролась за то, чтобы вернуться к власти. Однако парламентская оппозиция оказывала весьма

inslav

слабое влияние на формирование политики правительства, так как введение всеобщего избирательного права в Румынии не оказало существенного влияния на соотношение представительных и исполнительных органов власти. Парламент оставался по-прежнему органом, подчиненным королю и правительству [37].

Стремление блокироваться с самыми различными группировками буржуазии постепенно становится основным приемом царанистских лидеров. Логическим завершением такой политики явились усиление правого соглашательского течения в царанистской партии и падение ее престижа. В 1926 г. произошло ее объединение с национальной партией (Ю. Маниу), что означало идеологическое подчинение царанизма как мелкобуржуазного течения буржуазному аграризму. Фактически образовалась новая партия — крупной буржуазии и аграриев, ставшая второй после НЛП буржуазно-помещичьей партией в Румынии.

В конечном итоге осуществилась концентрация верхушки оппозиционной буржуазии и по сути возврат к двухпартийной системе с усилением ее буржуазного характера.

Подводя краткий итог изложенному, следует отметить, что БЗНС и царанистская партия существенно отличались как по характеру, так и по их роли и месту в национальных политических структурах. В общем и целом это определялось главным образом существенными отличиями социально-экономических структур двух стран, каждая из которых проходила свой особый путь развития в капиталистическом направлении и обусловливала появление крестьянских партий на политической арене.

В Румынии незавершенность буржуазно-демократической революции обусловила сохранение в крупных размерах помещичьего землевладения, что определило прежде всего антифеодальный характер крестьянского движения. В Болгарии, где на десятилетия в качестве преобладающего закрепилось мелкое крестьянское землевладение, представители которого, как и достаточно дифференцированное село в целом, подвергались эксплуатации со стороны торгового и ростовщического капитала, а также специфически ощущали на себе процесс монополизации национальной экономики — крестьянское движение приобретало широкий общедемократический характер с известной антикапиталистической направленностью.

Разный характер политических режимов, сложившихся до первой мировой войны в каждой из этих стран, являлся одной из главных причин разновременности появления крестьянских партий на политической арене, а также их неодинаковой значимости в политической жизни болгарского и румынского общества.

В условиях революционного подъема в конце первой мировой войны одна из рассматриваемых партий — БЗНС сумела стать ядром политической структуры своей страны и предприняла попытку изменить социально-политический облик существовавшего буржуазного государства. Взамен сложившейся политической демократии буржуазно-демократического содержания она предлагала свой, мелкобуржуазный вариант политического режима.

inslav

А вторая — царанистская партия не выходила за рамки специфически трансформированных в национальных условиях буржуазных представлений о путях развития аграрной страны и была более сдержанной в своих требованиях, ограничиваясь целями усовершенствования существовавших социально-экономической и политической структур и стремясь лишь усилить буржуазно-демократическую окраску существовавшего политического режима. Фактически она вливалась в общий буржуазный политический поток, целью которого была ликвидация элементов предшествующей формации, тормозивших капиталистическое развитие страны.

[1] *Киршевская А. Н.* Реформы правительства Земледельческого союза в Болгарии и их крах.— Учен. зап. Ин-та славяноведения, 1954, т. X; *Горанович М. М.* Крах Зеленого Интернационала. М., 1967; *Он же.* Аграрный кризис и распад Аграрного блока. М., 1971; *Покивайлова Т. А.* Царанистская партия в идейно-политической борьбе в Румынии после Октябрьской революции. М., 1974; *Гришина Р. П.* Возникновение фашизма в Болгарии, 1919—1925 гг. С., 1977; *Носкова А. Ф.* К вопросу об аграризме и крестьянском движении в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в межвоенный период.— Сов. славяновед., 1981, № 2; *Михутина И. В.* О месте крестьянских партий в политической эволюции стран Центральной и Юго-Восточной Европы между первой и второй мировыми войнами.— Сов. славяновед., 1982, № 2; и др.

[2] *Йоцов Я.* Класи и партии у нас до 1923 г.— Исторически преглед, 1948/1949, № 2; *Он же.* Социално-икономическият облик на България през 1919—1923 г.— Известия на Института по история, 1968, т. 20; *Он же.* Период правления Болгарского земледельческого народного союза (1919—1923).— In: Actes du premier congres international des études balkaniques et sud-est européennes. Sofia, 1970, v. V; *Топалов В.* Основаване на Българския земеделски народен съюз.— Известия на Института по история, 1960, № 8; *Беров Л.* Социална основа на режима на БЗНС през 1918—1923 г.— Исторически преглед, 1972, № 2; *Димов Д. Рачев.* Началото на историческия път. Селското движение и селската партия в България до войните. С., 1976; *Велев А.* Главни реформи на земеделското правителство. С., 1977; *Радулов С.* Управлението на БЗНС и българската буржоазия. С., 1981; *Ornea Z.* Ţărănismul. Studii sociologic. Buc., 1969; *Rusenescu M., Saizu I.* Viaţa politică în Romania, 1922—1928. Buc., 1979; *Scurtu I.* Din viaţa politică a României, 1918—1926. Intemeierea şi activitatea partidului ţărănesc. Buc., 1975; *Simion N.* Confruntări între principalele concepţii social-politice burgheze din perioada interbelică României cu privire la dezvoltarea acesteia.— In: Cercetări istorice. Iaşi, 1976; *Savu A.* Sistemul partidelor politice din România, 1919—1940. Buc., 1976.

[3] См. подробнее: *Бирман М. А.* Формирование и развитие болгарского пролетариата, 1878—1923 гг. М., 1980, с. 55—87.

[4] *Виноградов В. Н.* Очерки общественно-политической мысли в Румынии. М., 1975, с. 169—173, 183; *Мадиевский С. А.* Политическая система Румынии. Последняя треть XIX — начало XX в. М., 1980, с. 237—241.

[5] История Румынии, 1848—1917. М., 1971, с. 319—335.

[6] См. подробнее: *Маковецкая Т. Ф.* Буржуазный парламентаризм в Болгарии: становление и развитие (от освобождения страны от османского ига до ее вступления в первую мировую войну).— В кн.: История и культура Болгарии. М., 1981.

[7] *Стамболийски А.* Политически партии или съсловни организации? С., 1909, с. 410, 411, 417; *Он же.* Избрани произведения. С., 1979, с. 93, 95, 97—98.

[8] *Стамболийски А.* Политически партии..., с. 8, 173—174, 179, 184, 190—198, 205—212, 213—220, 221—223, 225—232, 252—260; *Он же.* Избрани произведения, с. 73—74, 78—80, 92—93, 95, 138—139, 280—281, 297—298, 302—303 и след.

inslav

[9] История на Българската комунистическа партия. С., 1981, с. 184.
[10] В июне 1918 г. ее лидер А. Малинов возглавил правительство, следовавшее прежнему прогерманскому внешнеполитическому курсу.
[11] О результатах выборов в XVIII ОНС см. подробнее: Статистика на изборите за народни представители за XVII, XVIII и XIX Обикновени Народни събрания. С., 1928, с. 57.
[12] *Георгиев В.* Буржоазията и транспортната стачка 1919—1920 г.— Известия на Института по история на БКП, 1979, т. 41, с. 67—88.
[13] *Бирман М. А.* Революционная ситуация в Болгарии в 1918—1919 гг. М., 1957, с. 370, 379.
[14] Об итогах этих выборов см. подробнее: Статистика на изборите..., с. 89—90.
[15] Дневници на XIX ОНС, I извънредна сесия (далее — И. С.). С., 1921, кн. II, с. 1317—1318.
[16] Дневници на XIX ОНС, I редовна сесия (далее — Р. С.). С., 1923, кн. IV, с. 2974—2978.
[17] *Стамболийски А.* Избрани произведения, с. 228—232, 235—236.
[18] История на България. С., 1964, т. 3, с. 74.
[19] Уже в 1922 г. в стране было 1731 кредитных, потребительских и другого вида кооперации (Икономиката на България до социалистическата революция. С., 1969, т. 1, с. 495). К началу 1923 г. кооперативное движение объединяло 250 тыс. человек. См.: *Матеев Б.* Движението за кооперативно земеделие в България при условия на капитализма. С., 1967, с. 34.
[20] *Стамболийски А.* Политически партии..., с. 19—20, 170—172, 236—243; *Он же.* Избрани произведения, с. 224—225, 234, 237.
[21] *Стамболийски А.* Избрани произведения, с. 219, 221.
[22] Дневници на XIX ОНС, I и. с., кн. II, с. 1057.
[23] Икономиката на България..., с. 484.
[24] Земеделско знаме, 1919, 8 июня; 1922, 9 июня.
[25] *Виноградов В. Н.* Румыния в годы первой мировой войны. М., 1969, с. 215.
[26] *Мадиевский С. А.* Политическая система Румынии..., с. 264.
[27] *Şandru D.* Reforma agrară din 1921 în România. Buc., 1975, p. 35, 39, 73—77, 250; *Murgescu C., Hurezeanu D.* Les réformes agraires en Europe après la première Guerre Mondiale. Comité international de sciences historiques: Rapports, II, Chronologie. Buc., 1980, 10—17 août, s. 671—673.
[28] См. подробнее: *Виноградов В. Н.* Великая Октябрьская социалистическая революция и кризис буржуазно-помещичьих партий в Румынии. М., 1974, с. 2—10.
[29] *Rusenescu M., Saizu I.* Viaţa politică..., p. 29, 34.
[30] *Scurtu I.* Din viaţa politică..., p. 15, 19—20, 22—23, 27—28, 56—57.
[31] Ţara nouă, 1919, 10(23) iun.
[32] Ţara nouă, 1919, 13(26) oct.
[33] Ţara nouă, 1919, 23 iun. (6 iul.), 23(26) oct.; Proect de program al Partidului Ţărănesc din România: Aprobat de Congresul General din 20—21 noembrie. Buc., 1921, p. 9—10.
[34] История Румынии, 1918—1970. М., 1971, с. 42.
[35] *Şandru D.* Reforma agrară..., p. 64—65; *Scurtu I.* Din viaţa politică..., p. 36—38.
[36] Ţara nouă, 1919, 25 aug. (7 sept.); 1(14) sept.; 13(26) oct.
[37] *Savu A.* Sistemul partidelor politice..., p. 28.

inslav

Роль иностранного капитала в Румынии, Болгарии и Югославии накануне второй мировой войны

М. Д. ЕРЕЩЕНКО

Балканы всегда были особо чувствительным нервным узлом в развитии международных отношений, играя, по определению В. И. Ленина, роль «важного соединительного звена между Европой, всей Азией и частью Африки» [1]. На Балканах сталкивались и переплетались интересы крупнейших европейских держав, и внешнеполитическая стабильность этого региона в значительной степени определялась в зависимости от того, насколько уравновешивалось здесь влияние ведущих империалистических группировок. При всей сложности международной обстановки в предвоенные годы одним из факторов, воздействовавших на развитие межимпериалистических противоречий, бесспорно являлась борьба за влияние в Юго-Восточной Европе, которая велась как между Германией и западными державами — Англией и Францией, так и внутри фашистского блока между Германией и Италией.

Изучая механизм подготовки второй мировой войны, нельзя обойти вниманием и комплекс тех внешнеэкономических факторов, которые сыграли весьма значительную роль в ориентации интересующих нас балканских стран на европейской арене. Выбор Румынии, Болгарии и Югославии для изучения поставленной проблемы определяется в данном случае их особо важным положением в качестве экономико-стратегического центра региона, благодаря чему они рассматривались их западными покровителями как своеобразный испытательный полигон соперничества империалистических держав. Кроме того, возможная сопоставимость общих уровней развития этих трех стран позволяет выявить направленность и механизм экономической экспансии международного капитала в сравнительном плане. Наконец, учитывались и различия их внешнеполитического положения в предвоенный период: Румыния и Югославия входили в систему блоков Малой и Балканской Антанты, этих «бастионов французской дружбы» [2], Болгария же оставалась вне союзов, что делало ее наиболее уязвимой в условиях обострения межимпериалистической борьбы. Основываясь на уже опубликованных документах и исследованиях и не претендуя на полную исчерпанность всех вопросов поставленной проблемы в своем изложении, автор ставит перед собой задачу выяснить, какие тенденции и процессы, порожденные участием иностранного капитала в экономической жизни этих стран, предопределили в конечном счете «приспособление политики к экономике» [3].

Бросая ретроспективный взгляд на экономическое развитие Румынии, Болгарии и Югославии в конце 30-х годов, можно заметить много сходных черт в их хозяйственных системах. Они имели от-

inslav

крытую экономику — плод позднего и зависимого развития капитализма,— чутко реагирующую на изменения мировой конъюнктуры, с ярко выраженной асимметрией между внутренней и внешней сферой хозяйственной ориентации, поскольку ее структура была крайне несбалансированна. Соотношение промышленности и сельского хозяйства в их национальных доходах за 1939 г. выражалось следующим образом: в Румынии — соответственно 38,5 и 41,1%, в Болгарии — 8,6 и 52,1, в Югославии — 20,6 и 46% [4]. Как видим, по своей структуре эти страны оставались аграрными, с недостаточно развитой промышленностью, которая хотя и испытала в предвоенное десятилетие известный подъем (связанный с модернизацией традиционных для каждой страны отраслей, прежде всего в добывающей и перерабатывающей промышленности, а также ростом вторичного сектора: строительство, электроэнергетика, транспорт, связь и т. д.), однако не могла удовлетворить потребности населения даже в товарах первой необходимости. Например, в Болгарии национальное производство (с учетом мощности предприятий, монополизированных международным капиталом) покрывало в 1938 г. спрос на наиболее распространенные промышленные товары на 88%, в Румынии в тот же год на $^3/_4$ от потребности [5]. В целом хозяйственная система балканских стран не подверглась существенным изменениям к концу межвоенного периода, в ней господствовали монотоварные, преимущественно аграрно-сырьевые структуры. Нефтяная промышленность Румынии занимала первое место в капиталистической Европе и шестое в мире по добыче нефти, в Югославии — добыча сурьмы, меди и хрома превышала уровень капиталистической Европы и достигала наивысших мировых показателей по свинцово-цинковым и молибденовым рудам. В Болгарии преимущественные позиции попрежнему принадлежали пищевой промышленности, производство которой составляло более 51% всей валовой промышленной продукции в 1939 г., в то время как на производство молодых развивающихся базовых отраслей болгарской промышленности приходилось всего 11% (топливно-энергетическая отрасль, металлургия, машиностроение, химическая, включая и резиновую, промышленность) [6].

Если сравнивать показатели национального дохода и дохода на душу населения рассматриваемых стран и ведущих европейских капиталистических государств, то даже приукрашенная буржуазная статистика впечатляюще отражает уровень экономической слабости и отсталости балканской периферии накануне второй мировой войны: например, Англия превосходила Румынию (наиболее развитую в промышленном отношении на Балканах) по национальному доходу в 34 раза, по доходу на душу населения — в 14 раз, Германия соответственно — в 18 и 5 раз, Франция — в 13 и 6 раз [7]. Именно в отсталости экономического развития балканских стран заложен синдром их зависимости в отношениях с центрами мирового капиталистического хозяйства.

Исторически сложившиеся мирохозяйственные отношения Запада с балканскими странами множеством нитей связывали экономи-

inslav

ческое развитие последних с интересами и целями могущественного иностранного капитала. Направленность этих интересов, как то: получение экономических выгод, защита политических приоритетов и реализация стратегических задач противоборствующих союзов международного капитала, накладывала отпечаток на основные формы и способы его внедрения в этом регионе. Занимая важнейшие позиции в экономике Румынии, Болгарии и Югославии в конце 30-х годов, иностранный капитал в решающей степени подчинил своему господству производственную и финансовую сферы национальных хозяйств. Каждое шестое предприятие румынской промышленности принадлежало или финансировалось иностранными монополиями, удельный вес иностранного капитала в отдельных отраслях экономики Румынии составлял от 70 до 95%, под контролем иностранных банков в 1939 г. находилось почти 50% промышленного капитала и более 30% банковского капитала, до 70% капиталов страховых обществ, в целом же иностранные монополии ежегодно присваивали себе около четверти национального дохода Румынии [8].

Наиболее важные отрасли болгарской промышленности — пищевая, перерабатывающая, горнодобывающая, зарождавшееся химическое производство — были на 80—100% монополизированы иностранным капиталом, на его долю приходилась в 1939 г. почти 1/4 часть всех акционерных вложений [9].

Участие иностранного капитала в югославской экономике в том же году определяется следующим образом: капиталовложения в промышленности в среднем составляли 51,3% (в горнорудной промышленности этот показатель был гораздо выше), в кредитной сфере — 44,5, в акционерных обществах — до 61% [10]. Можно заметить, что данная схема отражает не только степень зависимости, но в определенной мере и форму «интериоризации» зависимости балканских стран, поскольку международный монополистический капитал в силу своего господствующего положения здесь стал одним из главных внутренних факторов их развития.

Структура иностранного капитала по национальному признаку была представлена во всех трех балканских странах почти однозначно до рубежа 1938—1939 гг.: преимущественные позиции в производственной сфере занимал капитал англо-французских фирм, а последующие места с некоторыми вариациями в каждой из этих стран принадлежали бельгийскому, чехословацкому, австрийскому, американскому и швейцарскому капиталу, причем если учесть посредническую роль бельгийских и швейцарских фирм, то доля крупнейших западных монополий — основных капиталоносителей для рассматриваемых стран — предстает еще более значительной. Это прежде всего международные монополии «Роял Датч-шелл» и «Стандард ойл», английский трест «Виккерс», компании Форда и чехословацкая «Шкода», англо-бельгийская корпорация «Империал кемикэл индастриз» и известный трест «Интернейшнл телефон энд телеграф». Участие же германского капитала в экономике Румынии, Югославии и Болгарии вплоть до 1938 г. было весьма незначительным: только 0,88% всех иностранных вложений в Югославии, менее 2% от сум-

inslav

мы иностранного капитала, инвестированного в Румынии[11]. В Болгарии доля германских вложений в акционерные общества с иностранным капиталом не достигала тогда и 15% [12].

Приведенные данные, вероятно, не отражают реального соотношения сил в системе международного монополистического капитала, поскольку были различными формы и сферы его участия в каждой стране, создавались ассоциированные монополии на основе унии местного и иностранного капитала. Но известная слабость позиций германского капитала во внутреннем секторе экономик балканских стран в тот период была связана с общей стратегией противоборства ведущих западноевропейских государств и гитлеровского рейха. В условиях модернизации и перестройки экономики страны на военный лад германские финансово-промышленные монополии не имели «свободы рук», и прежде всего свободных капиталов для усиления экспансии своих интересов в этом регионе. Вместе с тем англо-французским деловым кругам до определенного времени удавалось воспрепятствовать оживлению активности германского капитала на европейской арене и сохранять экономическую и политическую гегемонию в отношениях с балканскими странами. Разразившийся в 1937 г. кризис в экономических центрах мирового капиталистического хозяйства значительно осложнил и внес особую противоречивость в дальнейшее развитие их связей с Юго-Восточной Европой.

Зависимое положение экономики балканских стран осложнялось в условиях нового циклического кризиса тем, что, испытывая засилье западной системы иностранного капитала, для реализации своего экспорта они вынуждены были искать надежные и емкие внешние рынки. Причем, как показала практика развития внешнеэкономических отношений на Балканах в предвоенный период, соотношение факторов зависимости стран этого региона от капитала и от торговли весьма быстро изменилось в пользу второго показателя. Вероятно, необходимо учитывать при характеристике этой тенденции тот факт, что при ограниченном потенциале хозяйственной системы слаборазвитых балканских стран их экономический механизм оказался более чувствительным к преимуществам стабильного рынка и возможностям увеличения внешней торговли. Эта тенденция получила подтверждение в условиях активизации экономической стратегии германского империализма и последовавшего затем углубления противоречий между ведущими «действующими лицами» на Балканах.

На первом этапе своей торговой экспансии Германия сумела использовать благоприятные условия, возникшие в период применения санкций против Италии в связи с ее агрессией в Эфиопии. Переориентировав на себя значительную часть торговли балканских стран с Италией, Германия стала самым крупным и наиболее важным их внешнеэкономическим партнером. Так, в 1936 г. экспорт балканских стран в целом увеличился в Германию на 77,9% по сравнению с 1934 г., тогда как доля Англии, Франции, США и Италии вместе взятых сократилась на 7,6% [13]. В 1938 г. торговля Румынии, Болгарии и Югославии с Германией определялась следующим об-

inslav

разом[14]: импорт Румынии — 36,8%, Болгарии — 52, Югославии — 39,4, соответственно экспорт 26,5, 67,8*; 42%. Для сравнения отметим, что доля Англии и Франции вместе взятых составляла тогда в импорте Румынии — 15,8%, Болгарии — 4 и Югославии — 7,1%[15].

В условиях жестких валютных ограничений Германия была заинтересована в клиринговой системе расчетов с балканскими партнерами, соглашаясь при этом даже на некоторые привилегии для поставщиков (как то: сохранение более высоких цен на сельскохозяйственные продукты этих стран, освобождение их от пошлины), обеспечивая себе возможность продавать там свои промышленные товары, которые не могла сбыть на мировом рынке. Правительства Румынии и Болгарии одними из первых приняли клиринговую систему безналичных взаимных расчетов с Германией, в 1934 г. Югославия согласилась заключить многосторонний торговый договор с ней, условия которого закрепляли привилегии для дальнейшего развития немецкой торговой политики. При реализации этих клиринговых соглашений сложилась парадоксальная ситуация: платежное сальдо Германии было постоянно пассивным, несмотря на активный торговый баланс. Слабые, зависимые балканские страны выступали в роли кредиторов германской экономики, и суммы замороженных долгов были немалые. Например, задолженность по клирингу Югославии в конце 1938 г. составляла 225 млн. динаров, а через год — уже 520 млн.[16]; долг Болгарии в 1939 г. выражался в сумме 1783 млн. левов, из-за обесценения германской марки и роста цен на импортируемые из Германии товары страна понесла ущерб от неравноправной торговли накануне войны в 2,7 млрд. левов[17].

Другим методом немецкого экспансионизма по отношению к торговле с балканскими странами являлась перепродажа некоторых их товаров на мировом рынке по более высоким ценам, вместе с тем ряд импортируемых самой Германией товаров она сбывала затем на Балканах. Например, поставляла на мировой рынок болгарский табак, югославскую медь, а этим странам предлагала закупленный в Индии хлопок, африканский каучук и т. п., в результате таких операций получая дополнительную иностранную валюту.

Аншлюс Австрии и особенно оккупация Чехословакии привели к значительному усилению позиций германского капитала в странах Юго-Восточной Европы. Во-первых, устранив соперников с арены внешней торговли, фашизм еще туже связал балканские страны с германским рынком. Во-вторых, захватив австрийские и чехословацкие капиталовложения, германские монополии резко увеличили свое участие в производственной сфере, в кредитной системе балканских государств. Был осуществлен рост в 3 раза германских активов в Югославии, и к началу войны Германия заняла третье место в структуре всего иностранного капитала вслед за Францией и Англией. Особенно заметно стало германское влияние в югославской промышленности, сырьевые отрасли которой были весьма цен-

* Данные на 1939 г.

inslav

ными для немецкой экономики. Под контроль германского капитала перешли 20 горно-металлургических предприятий, разработка бокситовых месторождений, Германия выкупила акции французского общества по эксплуатации медных рудников, а в текстильной промышленности на ее долю приходилось до $^1/_3$ всего иностранного капитала, что почти равнялось сумме давно преобладавших здесь капиталов Швейцарии, Англии и США. В химической промышленности закрепил свои позиции концерн «ИГ Фарбениндустри», крупнейший сталелитейный завод в Зенице зависел от кредитов Круппа. МИД Германии в 1938 г. выступил с инициативой создания особого немецкого банка в Югославии; тогда же были использованы связи бывших австрийских банков, выкуплены акции бельгийского банковского капитала, присоединен пражский «Унион банк» и таким образом было создано Общеюгославское банковское объединение, 90% акций которого оказалось у германского капитала[18]. Позднее в связи с оккупацией Франции Германия увеличила свой потенциал за счет собственности французских монополий, и не только в Югославии, но в целом на Балканах.

Потеснив на рубеже 1938—1939 гг. западноевропейский капитал, Германия смогла упрочить позиции и в болгарской экономике. Немецкие фирмы подчинили своему контролю крупнейшее горнорудное производство страны — общество «Пирин» и всеми средствами старались воспрепятствовать созданию конкурирующих местных однопрофильных предприятий. Когда болгарская фирма «Бр. Сеченски» хотела организовать производство красителей, германский концерн «ИГ Фарбениндустри» помешал этим планам. В ходе конкурентной борьбы германское фармацевтическое общество «Байер» поглотило болгарское предприятие по производству медикаментов; подобная же участь постигла и велосипедный завод в г. Перник. Отлив капитала западных держав отмечался накануне войны и в банковской сфере Болгарии. Так, три крупнейших банка — Франко-бельгийский, Балканский и Генеральный — уменьшили свои активы более чем в 4 раза и в конечном итоге приняли решение о слиянии, создав смешанный Франко-болгарский банк. После оккупации Чехословакии германский капитал взял под контроль Англо-пражский банк в Софии, превратив его в новый Германо-болгарский кредитный банк, опору германских позиций в банковской системе Болгарии[19].

Но с экономической точки зрения Болгария имела для Германии гораздо меньшее значение, чем ее соседи — Югославия и Румыния с их запасами стратегического сырья, продовольствия и особым геополитическим положением в юго-восточном регионе Европы. Поэтому усилия германского империализма по отношению к этим странам были направлены не только на то, чтобы закрепить свою монополию в их внешней торговле и ориентировать то или иное производство на потребности немецкой экономики. Гитлер не скрывал перспективной задачи германской экспансии в этом регионе: «Если отвлечься пока от немецких Судет, то балканские страны являются нашей целью»[20]. И сразу после Мюнхена германская

inslav

дипломатия перешла в решительное наступление, чтобы окончательно подорвать политические и экономические связи балканских стран с Западом и, заключив с ними долгосрочные кабальные соглашения, превратить их в аграрно-сырьевые придатки германской экономики и пристегнуть тем самым к военной колеснице агрессивных планов гитлеровской верхушки. Используя внешнеполитическое балансирование их правящих кругов в период мюнхенского кризиса, германский фашизм преследовал цель путем форсированной экономико-дипломатической экспансии усилить на Балканах свои стратегические позиции, заставив их правителей, власть предержащих, «дозревать» до логического союза с фашистской «осью».

В начале 1939 г. сгустились тучи на балканском горизонте. В центре сложной дипломатической игры оказалась Румыния. Воспользовавшись финансово-экономическими трудностями монархо-фашистского режима и принимая во внимание внешнеполитические колебания румынских господствующих классов между двумя блоками европейских держав, Германия предложила румынскому правительству подписать широкое долгосрочное экономическое соглашение. Естественно, что перед фактом угрозы возросших аппетитов германского капитала часть румынской буржуазии, сохранявшая тесные связи с западными монополиями и традиционную политическую приверженность Западу, стала искать возможность заручиться поддержкой своих покровителей в лице Англии и Франции. Однако обострение международной обстановки и угроза безопасности самих этих держав заставляли теперь англо-французскую дипломатию рассматривать перспективы отношений с балканскими странами с точки зрения конъюнктуры их торга с Германией, используя их в целях обеспечения «справедливого баланса интересов» в этом регионе[21]. Ничего общего с защитой интересов самих балканских стран политика англо-французских «мюнхенцев» не имела. Основной принцип действий западной дипломатии — стремление любой ценой избежать прямой конфронтации с гитлеровской Германией, чтобы убедить ее повернуть агрессию на Восток,— был подтвержден развитием событий в середине марта 1939 г. Ликвидировав чехословацкое государство, германский фашизм получил огромные преимущества в военно-стратегическом отношении: его войска отсекали Юго-Восточную Европу и далеко выдвинулись на Восток. В этих условиях румынское правительство, по словам бывшего министра иностранных дел Г. Гафенку, избрало «только один путь отвратить германскую угрозу — ...взаимопонимание с рейхом»[22]. Так, 23 марта 1939 г. было заключено соглашение «Об укреплении экономических отношений между Румынским королевством и Германским рейхом», предоставлявшее последнему неограниченную монополию в области румынской экономики.

Соглашение обязывало Румынию разработать план экономического развития на ближайшие 10 лет в полном соответствии с требованиями и интересами германской экономики. Сельское хозяйство страны должно было ориентироваться на потребности германского спроса, обеспечивая прежде всего поставки зерна, мяса и техниче-

inslav

ских культур. Развитие промышленности ограничивалось только отраслями нефтяной, горной и лесной индустрии. Предусматривалось также создание смешанных румыно-германских акционерных обществ в отдельных сферах румынской экономики, представлявших особый интерес Германии, например совместная разработка месторождений хрома, марганца, бокситов и другого минерального сырья. Ряд статей соглашения был прямо связан с подготовкой румынской экономики к планировавшейся германским фашизмом войне против СССР. Так, румынская сторона брала на себя обязательство предоставить в своих портах «свободные зоны», которые могли использоваться гитлеровцами в любых целях. Германия же обязывалась обеспечить поставки оборудования для румынской военной промышленности и вооружения для армии с целью переоснащения вооруженных сил страны по гитлеровскому образцу.

В секретном приложении к документу на Румынию возлагалось обязательство принять меры к увеличению добычи и переработки нефти в интересах германского вермахта, поощрять деятельность германо-румынских нефтяных и сельскохозяйственных компаний. Немецкие монополии получали доступ в румынские банковские общества.

Компартия Румынии разоблачила грабительский характер соглашения 23 марта 1939 г., справедливо рассматривая его как «первый шаг на пути к потере национальной независимости» страны[23].

В свою очередь германские правители считали румыно-германский договор образцом для утверждения своего господства и расширения влияния в юго-восточном регионе Европы[24]. Вероятно, выбор и времени, и страны — Румынии, участницы бывших союзов распадавшейся англо-французской системы безопасности, был сделан гитлеровской Германией совсем не случайно, ибо с точки зрения экономических и политико-стратегических последствий заключение одного из первых столь всеобъемлющих соглашений открывало Германии путь на Балканы как сферу «жизненных интересов», показывая при этом, что политика германского фашизма, выявившая теперь суть его геополитической заостренности в этом регионе, преследовала и другую цель, а именно подорвать региональное сотрудничество, подталкивая правительства балканских стран на противоборство друг с другом. Весьма четко акценты этой региональной стратегии видны на примере германской инициативы в поставках вооружения на Балканы.

Когда во второй половине 30-х годов Германия начала вывозить оружие, для каждой из балканских стран были определены особые принципы удовлетворения германских условий. Соглашения с Румынией предусматривали требования Германии об увеличении поставок нефти вне клирингового расчета. На переговорах с Югославией в марте 1939 г. о предоставлении кредита для покупки вооружения германская сторона выдвинула политическое условие — о выходе из Лиги Наций и присоединении к антикоминтерновскому пакту. Хотя югославское правительство на том этапе эти требования отклонило, тем не менее ход переговоров повлиял на принятие им решения об

inslav

отказе от англо-французских гарантий. В отношении Болгарии германские планы поставок вооружения связывались с получением дополнительных поставок свинцовых и медных руд, зерна, мяса, но вместе с тем гитлеровские заявления о готовности оснастить оружием болгарскую армию для боевых действий рассчитаны были и на то, чтобы заставить остальные балканские страны осторожнее, с оглядкой на Германию, выбирать свою внешнеполитическую линию летом 1939 г.[25] Вывоз германского оружия не прекратился и после начала войны, что определялось, скорее всего, двумя моментами: во-первых, роль балканских стран в качестве поставщиков сырья и продуктов для Германии значительно возросла; во-вторых, та форма нейтралитета, которую они избрали, вполне устраивала Германию. В Берлине даже не скрывали этого, отмечая: «Зачем нам брать румынскую нефть путем оккупации страны с огромной затратой сил и средств, когда мы можем иметь ее почти с доставкой на дом и без трудностей — по обычным торговым каналам»[26].

Происшедшая позже трагедия народов тех стран, которые оказались участниками агрессивного германского блока, подтверждает ленинскую мысль о том, что механизм подготовки империалистической войны «показывает нам примеры того, как удается втянуть маленькое, независимое политически государство, силой финансовых связей и экономических интересов, в борьбу между великими державами»[27]. Вместе с тем история второй мировой войны наглядно подтвердила, что фактором внешнеполитической и экономической зависимости нельзя оправдать предательство фашистских правящих кругов балканских стран, ввергнувших их вопреки интересам народов в пучину войны. Решительная борьба народов Югославии против политики национального предательства буржуазного правительства и германо-фашистских захватчиков с самого первого дня войны, антифашистские восстания в 1944 г. народов Румынии и Болгарии показали, что трудящиеся массы этих стран, руководимые коммунистическими партиями, в жестоких боях и ценой многих жертв сумели не только довести освободительную борьбу до победного конца и с помощью Советского Союза освободиться от фашистского ига, но и взять судьбы своих стран в собственные руки.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 17, с. 227.
[2] *Michel-Durandin C.* La France et les Balkans en 1934.— Studia balcanica, 1975, N 9, p. 14.
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 51.
[4] *Puia I.* Le developpement de l'industrie roumaine dans les annees qui ont precedé la seconde guerre mondiale.— Revue roumaine d'histoire, 1971, N 3, p. 500; *Stajić S.* Nacionalni dohodak Judoslavije 1923—1939 u stalnim i tecućim cenama. Beograd, 1956, tabl. VII; Икономиката на България до социалистическата революция. С., 1969, т. 1, с. 585.
[5] Икономиката на България.., с. 584; *Puia I.* La developpement..., p. 496.
[6] Большая советская энциклопедия, 3-е изд., 1970, т. 3, с. 485.
[7] *Puia I.* Le developpement.., p. 502.
[8] Istoria economiei naţionale a României. Buc., 1961, v. 2, p. 613; *Grîndea D.* Despre venitul naţional în capitalism. Buc., 1956, p. 244, 252.
[9] *Бошкович Б.* Балканы и международный империализм. М., 1936, с. 35; Икономиката на България..., с. 608.

inslav

[10] *Mirković M.* Ekonomska historija Jugoslavije. Zagreb, 1968, s. 340.
[11] *Pătrăşcanu L.* Problemele de bază a României. Buc., 1945, p. 127; *Гудаков В. В.* Экономическая экспансия фашистской Германии в Югославию во второй половине 30-х — начале 40-х годов XX в.— Сов. славяновед., 1982, № 6, с. 31.
[12] Икономиката на България..., с. 608.
[13] *Аврамовски Ж.* Экономические и политические цели немецкого вывоза вооружения в балканские страны накануне второй мировой войны.— Studia balcanica, 1973, N 7, p. 103.
[14] Anuarul statistic al României 1939 şi 1940. Buc., 1940, p. 602—603; Икономиката на България.., с. 590; Внешняя торговля Федеративной Народной Республики Югославии за 1939, 1950—1954 гг. М., 1956, с. 35—36.
[15] Икономиката на България.., с. 590; *Mirković M.* Ekonomska historija..., s. 373; Anuarul statistic..., p. 602—603.
[16] *Живкович Н.* Проникновение немецкого капитала и его позиции в Югославии накануне второй мировой войны.— Studia balcanica, 1973, N 7, p. 157.
[17] Икономиката на България..., с. 590.
[18] *Dimitrijević S.* Strani kapital u privredi bivšej Jugoslavije. Beograd, 1958, s. 161, *Гудаков В. В.* Экономическая экспансия..., с. 32.
[19] *Натан Ж., Беров Л.* Монополистическият капитализъм в България. С., 1958, с. 236, 240, 287.
[20] *Toscano M.* Le origine diplomatiche del Patto d'Acciaio. Firenze, 1956, p. 19.
[21] *Волков В. К.* Мюнхенский сговор и балканские страны. М., 1978, с. 204, 205.
[22] *Varga V.* Atitudinea guvernului român burgheze-moşieresc faţă de tratativele anglo-franco-sovietice din anul 1939.— Studii, 1960, N 4, p. 64.
[23] Documente din istoria Partidului Comunist din România, 1917—1944. Buc., 1951, p. 302.
[24] Анатомия войны. М., 1971, с. 193.
[25] Documents on German Foreign Policy (1918—1945). Ser. D (1937—1945). L., 1951, v. VI, N 851; *Аврамовски Ж.* Экономические и политические цели..., с. 113.
[26] I Documenti diplomatici italiani. Ser. 9. Roma, 1947, v. I, p. 28.
[27] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 102.

О советско-югославском Договоре о дружбе и ненападении (1941 г.)

Г. М. СЛАВИН

5 апреля 1941 г. в Москве был подписан Договор о дружбе и ненападении между Советским Союзом и Югославией. Спустя несколько часов, на рассвете 6 апреля, сотни германских бомбардировщиков обрушили свой груз на спящий Белград. Началась война, в ходе которой фашистские агрессоры — Германия и Италия — в течение 12 дней оккупировали Югославию.

Почему советско-югославский договор был заключен лишь в самый канун так называемой апрельской войны и какую роль он сыграл в развернувшейся вскоре освободительной борьбе народов Югославии против фашистских поработителей? Чтобы ответить на эти

inslav

вопросы, нужно напомнить, как складывались советско-югославские отношения в довоенный период.

Советское правительство всегда выступало за нормализацию отношений с королевской Югославией, как и с другими балканскими государствами. Однако с первых дней создания буржуазного югославского государства его внешняя политика носила явно выраженный антисоветский характер. Достаточно сказать, что Югославия одной из последних в Европе установила дипломатические отношения с Советским Союзом. Лишь в конце марта 1940 г. югославский посланник в Анкаре, выполняя указание своего правительства, обратился к послу СССР в Турции с предложением об установлении дипломатических отношений, подчеркнув при этом, что Югославии грозит опасность со стороны Италии. Ответ гласил, что СССР хочет мира и сохранения статус-кво на Балканах[1]. Это означало, что Советский Союз по-прежнему против империалистических планов вовлечения Югославии в войну.

Начало развитию отношений между СССР и Югославией было положено в мае 1940 г., когда после предварительных переговоров в Москве были подписаны советско-югославский Договор о торговле и мореплавании, протокол к нему о торговом представительстве СССР в Югославии и временной торговой делегации Югославии в СССР и Соглашение о товарообороте и платежах на 1940—1941 гг.[2]

В июне 1940 г. советско-югославские дипломатические отношения были установлены.

И в Югославии и в СССР общественность приветствовала этот акт. «Сообщение об установлении нормальных дипломатических отношений встречено народами обеих стран с глубоким удовлетворением»,— отмечала газета «Труд»[3].

Когда 26 июня 1940 г. в Белград прибыл первый дипломатический представитель Советского Союза В. А. Плотников, тысячи людей собрались у вокзала, чтобы встретить посланца страны социализма. В столице прошла манифестация, демонстранты провозглашали лозунги о союзе с СССР[4].

Однако югославские правящие круги продолжали придерживаться своего реакционного, враждебного Советскому Союзу курса. Так, например, в Югославии не была разрешена деятельность Общества друзей СССР.

Характеризуя политику находившегося тогда у власти правительства Цветковича—Мачека, V конференция КПЮ в октябре 1940 г. отметила, что оно не считается с требованиями народа опереться в это тяжелое время на Советский Союз, сотрудничать с ним и заключить договор о взаимной помощи. Напротив, предательские и капитулянтские элементы в правительстве и вне его открыто действуют в пользу держав «оси», торгуют независимостью страны, ведут яростную кампанию против Советского Союза[5].

Пытаясь лавировать между двумя воюющими блоками, югославское правительство все больше склонялось к сотрудничеству с гитлеровской Германией. Оно игнорировало усилия Советского Союза, направленные к сохранению мира на Балканах, к тому, чтобы не дать

inslav

фашистским агрессорам втянуть страны Юго-Восточной Европы в орбиту войны. Оно не сделало выводов из заявления Советского правительства от 17 октября 1940 г., поручившего своему полпреду в Белграде информировать югославское правительство о том, что Советский Союз «сочувствует Югославии и борьбе югославского народа за свою политическую и экономическую независимость» [6].

Правители Югославии шли все дальше по пути подчинения блоку фашистских государств. В октябре 1940 г. было заключено неравноправное германо-югославское торговое соглашение, облегчавшее экономическое закабаление Югославии. В феврале 1941 г. премьер Цветкович и министр иностранных дел Цинцар-Маркович были вызваны в Берхтесгаден к Гитлеру, потребовавшему присоединения Югославии к Тройственному пакту. «Эта поездка,— писала белградская правительственная газета «Време»,— представляет собой новое подтверждение желаний Югославии продолжить путь, по которому она шла до сих пор. Этот путь является путем тесного сотрудничества с державами оси» [7].

По указке властей югославская печать пыталась игнорировать Советский Союз и создавать у читателей впечатление, будто СССР не представляет из себя фактора, на который Югославия могла бы рассчитывать.

Ясно, что такой курс югославского правительства не предусматривал заключения какого-либо соглашения с Советским Союзом, тем более пакта о взаимопомощи.

4 марта 1941 г. югославский принц-регент Павел тайно отправился в Берхтесгаден. Чтобы подтолкнуть регента к угодному решению, Гитлер доверительно сообщил ему о готовившемся нападении на Советский Союз [8].

25 марта 1941 г. правительство Цветковича—Мачека подписало протокол о присоединении Югославии к Тройственному пакту. Казалось, Гитлер и Муссолини достигли своей цели в отношении Югославии — страна превращалась в формального союзника держав фашистской «оси». Однако это был, как говорит югославская пословица, «рачун без крчмара» — расчет без хозяина.

Трудящиеся Югославии осознавали опасность, которая грозила стране в результате навязанного союза с фашистскими державами. Коммунистическая партия разъясняла, куда ведет подчинение гитлеровской Германии [9].

22 марта И. Броз Тито, возглавлявший ЦК КПЮ, получил от генерального секретаря Исполкома Коминтерна Г. М. Димитрова депешу в связи с подготовлявшимся присоединением Югославии к Тройственному пакту: «Рекомендуем занять решительную позицию против капитуляции перед Германией. Поддерживать движение за всенародный отпор политике военной агрессии. Требовать дружбы с Советским Союзом» [10].

В духе этих рекомендаций и действовала Компартия Югославии. По всей стране прокатилась волна народных демонстраций, во главе которых шли коммунисты. Демонстранты требовали отказа от соглашения с фашистскими агрессорами и заключения договора о

inslav

дружбе с миролюбивым Советским Союзом. В Белграде 27 марта 1941 г. состоялась многолюдная демонстрация под лозунгами: «Долой Гитлера и пакт!», «Да здравствует свободная Югославия!», «Да здравствует Советский Союз!».

29 марта 1941 г. Г. М. Димитров снова обратился к И. Броз Тито, подчеркивая, что «основная задача партии сейчас состоит в том, чтобы неутомимо разъяснять свои взгляды и всесторонне подготовлять себя и массы» [11].

Массовые выступления против присоединения к Тройственному пакту показали, как велика ненависть к фашизму, каким огромным авторитетом у народов Югославии уже тогда пользовался Советский Союз.

Окончательное подчинение страны гитлеровской Германии обеспокоило ту часть югославской буржуазии, которая была связана с Англией и ее союзниками. Используя волну народного возмущения, группа высших офицеров осуществила государственный переворот. 27 марта 1941 г. правительство Цветковича—Мачека было свергнуто, к власти пришло правительство генерала Д. Симовича. Несовершеннолетнего наследника престола Петра II провозгласили королем, и он «узаконил» государственный переворот.

Правительство Симовича было сформировано из представителей различных буржуазных слоев, причем в его состав вошли и деятели, питавшие симпатии к странам «оси». Генерал Симович отмечает в своих мемуарах, что М. Нинчич был назначен на пост министра иностранных дел с учетом того, что он пользовался репутацией «друга немцев и личного друга Муссолини» [12]. Новое правительство не собиралось коренным образом менять политику своих предшественников. На первых порах Симович намерен был продолжать лавировать на международной арене. Министр Нинчич получил инструкции заверить Берлин и Рим в том, что протокол о присоединении Югославии к Тройственному пакту остается в силе. Одновременно велись переговоры с Великобританией о возможности организации обороны страны с использованием английских войск и военной помощи [13].

Следует отметить, что в связи с приходом к власти правительства Симовича премьер-министр Великобритании Черчилль начал разрабатывать далеко идущие планы. Он немедленно направил министра иностранных дел Идена и начальника имперского генерального штаба генерала Дилла в Афины, полагая, что представляется «блестящая возможность создать, наконец, коалицию Великобритании и трех балканских стран (Турции, Греции и Югославии.— *Г. С.*), способную заставить немцев воздержаться от наступления на Балканах» [14]. Черчилль рассчитывал таким образом подтолкнуть Гитлера к нападению на Советский Союз. Он писал Идену в Афины 28 марта 1941 г.: «Не считаете ли Вы возможным, что в случае создания единого фронта на Балканском полуострове Германия могла бы счесть более целесообразным взять свое в России, учитывая полученные нами многочисленные сообщения о сосредоточении крупных сил в Польше...» [15].

inslav

Одновременно Черчилль обратился к Рузвельту с предложением «побудить югославов разгромить итальянцев в Албании, что приведет к результатам огромной важности, и дать им хорошее вооружение». «Я верю, что Вы займете аналогичную позицию,— писал Черчилль,— и поддержите новое правительство обещанием мощной американской помощи» [16].

Но новое югославское правительство избегало дать какой-либо повод Германии и Италии для агрессии. Генерал Симович призвал граждан «отказаться от манифестаций, могущих создать трудности в наших отношениях с соседями, с которыми мы и в будущем желаем оставаться также в мире и дружбе» [17]. Югославский премьер отклонил предложение встретиться с Иденом, а генералу Диллу заявил, что решил «не предпринимать шагов, которые могли бы быть расценены как провокационные в отношении Германии» [18]. Посол Югославии в Берлине Иво Андрич, отозванный было в Белград, возвратился 31 марта 1941 г. в Берлин и еще раз заверил Риббентропа в лояльности своего нового правительства в отношении Германии.

Однако эти заверения Гитлер игнорировал. Мартовские события в Югославии нарушили расчеты германского генерального штаба, готовившегося к осуществлению плана «Барбаросса» и полагавшего, что после присоединения Югославии к Тройственному пакту южный, балканский фланг обеспечен. Но югославский народ ясно показал, что не намерен отдать свою страну в распоряжение фашистских главарей. И хотя Германия не сделала в Белграде никаких официальных заявлений, машина фашистской агрессии в тот момент была уже пущена в ход. Едва получив известие о государственном перевороте в Югославии, Гитлер в тот же день, 27 марта, сообщил верховному командованию вооруженных сил Германии, что решил принять все меры для того, чтобы разгромить Югославию в военном отношении и сокрушить ее как государство, не принимая во внимание «могущих последовать со стороны нового правительства заявлений о лояльности» [19].

Поэтому все старания правительства Симовича «умиротворить» фашистского главаря были безуспешны.

События 27 марта, отмечают югославские историки, имели двоякий смысл. Для правящей буржуазии они явились попыткой с помощью перемены власти уменьшить накал народного негодования и не допустить возможной революционной развязки. Лавируя на международной арене, правящие круги Югославии надеялись, выиграв время, в конце концов найти устраивавшее их решение.

Для югославского революционно-демократического движения события 27 марта ознаменовали переход руководящей роли в общественной жизни Югославии к рабочему классу и его авангарду — Коммунистической партии [20].

Отметим попутно, что Черчилль в своих мемуарах о второй мировой войне пытался отрицать роль Коммунистической партии Югославии в событиях 27 марта и утверждал, что «национальное движение в Белграде возникло стихийно» [21]. Но он ничем не подкрепил

inslav

и не мог подкрепить свое утверждение. Многочисленные факты и документы показывают, что организатором и руководителем народного движения против правительства капитулянтов, против вовлечения Югославии в фашистскую орбиту была КПЮ [22].

В докладе Коминтерну о положении и событиях в Югославии И. Броз Тито в мае 1941 г. писал: «Приход к власти правительства Симовича был охарактеризован партией как успех народной борьбы, как шаг вперед в этой борьбе на пути к достижению тех целей, за которые выступала партия и которых добивался народ» [23].

Воля народа была выражена в воззвании ЦК Коммунистической партии Югославии от 30 марта 1941 г. В нем содержалось требование к правительству расторгнуть предательский и капитулянтский договор о присоединении к Тройственному пакту и установить тесные дружественные связи с Советским Союзом [24].

Под давлением народных масс правительство Симовича обратилось к Советскому правительству с просьбой о заключении договора о дружбе и получило положительный ответ. Главой делегации был назначен посланник Югославии в Москве М. Гаврилович. 3 апреля 1941 г. к нему присоединились прибывшие из Белграда двое уполномоченных: Б. Симич и Д. Савич.

Советская дипломатия поддержала Югославию, оказавшую сопротивление фашистской угрозе [25]. Во время переговоров разногласия возникли лишь по поводу формулировки статьи 2 проекта договора, гласившей, что в случае если одна из договаривающихся сторон подвергнется нападению со стороны третьего государства, то другая договаривающаяся сторона будет придерживаться по отношению к ней политики нейтралитета и дружбы. Югославская делегация предложила вместо «политики нейтралитета» записать обязательство и далее поддерживать дружественные отношения со стороной — объектом агрессии [26].

Советское правительство одобрило предложенное изменение проекта. Советский Союз подтвердил свою решимость заключить договор и помочь Югославии остаться вне сферы войны, оказать ее народам морально-политическую поддержку.

4 апреля 1941 г., когда уже шли переговоры с югославской делегацией, нарком иностранных дел СССР В. Молотов информировал германского посла Шуленбурга о предстоявшем заключении договора. Шуленбург, разумеется, знал, что очередной акт гитлеровской агрессии вот-вот начнется. Поэтому он заявил в ответ наркому, что «сомневается в том, что момент, выбранный для подписания договора, являлся бы особенно благоприятным». Однако германскому послу было указано, что «Советское правительство обдумало свой шаг и приняло окончательное решение» [27].

5 апреля 1941 г. Договор о дружбе и ненападении между СССР и Югославией был подписан. Как отмечено в «Истории дипломатии», формулировка статьи 2 отличалась от обязательств, содержавшихся обычно в такого рода документах. Она обусловливала проведение политики дружественных отношений к стороне, подвергшейся нападению.

inslav

6 апреля, в день опубликования договора, Советское правительство через наркома иностранных дел сделало новое предупреждение Германии[28]. Но в это время фашистские самолеты уже бомбили Белград, несмотря на то что он был объявлен открытым, необороняемым городом[29]. И все же Договор о дружбе и ненападении сыграл важную роль в развернувшейся вскоре борьбе народов Югославии за свободу и независимость. Вместе с тем он еще раз подтвердил в то напряженное время, что все борцы против фашизма и сторонники демократии могут рассчитывать на поддержку и помощь Советского Союза. Советско-югославский договор имел огромный международный резонанс.

«Подписанный 5 апреля в Москве советско-югославский Договор о дружбе и ненападении оценивается мировой печатью как акт крупного международного значения и большой исторической важности. Договор явился новым убедительным доказательством притягательной силы принципов мирной политики Советского Союза»,— писала «Красная звезда»[30]. Даже Черчилль вынужден был признать, что заключение договора «во всяком случае было нечто вроде дружелюбного жеста» со стороны СССР[31]. Но отклики на договор свидетельствуют о необъективности этой оценки. Даже прогитлеровская пресса признавала большое значение пакта, подписанного в Москве. В нейтральной Швейцарии газета «Нейе цюрхер цейтунг» 7 апреля 1941 г. отмечала, что заключение русско-югославского договора при существующих обстоятельствах имеет явно выраженный демонстративный характер. Турецкая печать расценила пакт как свидетельство «открытого неодобрения Советским Союзом германских действий», отмечая, что «этот важный документ заслуживает особенного внимания и имеет большое значение»[32]. Шведская «Ню даг» в передовой статье от 7 апреля 1941 г. называла московское соглашение новой блестящей демонстрацией мирной политики Советского Союза и смелым выражением симпатий тем странам, которые, подобно Советскому Союзу, борются против расширения войны.

В Англии советско-югославский договор оценивался как событие, имеющее исключительно важное значение. Газета «Ньюс кроникл» писала: «Ни один документ не мог с такой силой укрепить решимость балканских стран к сопротивлению германскому господству»[33]. В Соединенных Штатах государственный секретарь Хэлл назвал московское соглашение «положительным актом». Американское заявление нашло отражение в югославской печати[34].

Хотя начавшееся 6 апреля 1941 г. фашистское вторжение в Югославию лишило Советский Союз возможности оказать ей материальную помощь, моральное значение договора было очень велико. Это признавал и премьер Симович, подчеркивавший 12 апреля 1941 г. в своем обращении к народам Югославии факт дружбы с СССР[35]. Министр иностранных дел эмигрантского правительства Югославии в августе 1941 г. в инструкции своим дипломатам указывал, что советско-югославский договор продолжает действовать[36]. Но главным было отношение к договору трудящихся Югославии — уверенность в дружбе братского советского народа играла большую роль в укреп-

inslav

лении и развитии народно-освободительного движения. Один из видных деятелей Коммунистической партии Югославии, Б. Зихерл, отмечал, что «договор о дружбе, заключенный с Советским Союзом, не мог в результате быстрого разгрома югославской армии принести какую-либо непосредственную пользу, но его моральное воздействие было чрезвычайно важно для мобилизации народных масс на освободительную борьбу против иностранных фашистских захватчиков и их слуг» [37].

Отмечая первую годовщину советско-югославского договора в дни, когда народно-освободительная война в Югославии уже развернулась, радиостанция «Свободная Югославия» говорила, что «договор открыл новую эру в отношениях между братскими народами ... вселил веру и надежду в души тысяч людей, узнавших о его заключении в самый тяжелый час для нашего народа». 28 апреля 1942 г., возвращаясь к советско-югославскому договору, та же радиостанция подчеркивала, что «симпатии русского народа были и остаются на стороне народов Югославии» [38].

Подписывая договор с Югославией в сложной международной обстановке, в период дальнейшего развертывания второй мировой войны и в наиболее критический момент развития событий на Балканах, Советский Союз подтвердил свое дружественное отношение к народам Югославии, выразил солидарность с ними в их борьбе за свободу и независимость. Как отмечено в «Истории внешней политики СССР», «договор повсюду справедливо расценивался как публичная поддержка Югославии и официальное осуждение Советским Союзом гитлеровской агрессии» [39].

Поэтому и по сей день так убедительно звучит проверенная временем оценка, данная «Правдой»: «Советско-югославский договор войдет в историю международных отношений как яркий документ мира, как свидетельство активной борьбы Советского Союза за мир» [40].

[1] См.: *Винавер В.* Спољнополитичка позадина успостављања југословенско-совјетских дипломатских односа 1940 године.— В кн.: Зборник Матице српске за друштвене науке. Нови Сад, 1966, № 45, с. 47.
[2] Внешняя политика СССР: Сб. док. М., 1946, т. IV, с. 504.
[3] Труд, 1940, 26 июня.
[4] *Севостьянов П. П.* Перед великим испытанием. М., 1981, с. 225.
[5] Komunistička partija Jugoslavije, 1919—1941: Izabrani documenti. Zagreb, 1959, s. 178.
[6] История дипломатии. М., 1975, т. IV, с. 157.
[7] Време, 1941, 16 фебр.
[8] *Milovanović N.* Generali izdaje. Beograd, 1977, t. 1, s. 167.
[9] *Čulinović F.* 27 mart. Zagreb, 1965, s. 240.
[10] *Broz Tito J.* Sabrana djela. Beograd, 1979, t. 6, s. 213.
[11] Ibid., s. 215.
[12] Arhiv Vojno-istorijskog Instituta JNA (далее — AVII), k. 8[a], br. reg. 2/1, s. 83.
[13] *Čulinović F.* 27 mart, s. 341.
[14] *Батлер Дж.* Большая стратегия. Сентябрь 1939 — июнь 1941. М., 1959, с. 417.
[15] *Churchill W. S.* The Second World War. Boston, 1950, v. III. The Grand Alliance, p. 151.

inslav

[16] Roosevelt and Churchill. Their secret wartime correspondence. L., 1975, p. 136.
[17] Политика, 1941, 28 марта.
[18] *Churchill W. S.* The Second World War, v. III, p. 153.
[19] Нюрнбергский процесс: Сб. материалов. В 2-х т. М., 1952, т. 1, с. 353.
[20] См.: Преглед историје Савеза комуниста Југославије. Београд, 1963, с. 310.
[21] *Churchill W. S.* The Second World War, v. III, p. 154.
[22] См. подробнее: *Ćulinović F.* 27 mart, s. 223—237, 304—322; Četrdeset godina. Beograd, 1961, knj. 5, s. 5—100.
[23] *Брозо Тито И.* Избр. ст. и речи. М., 1973, с. 70—71.
[24] *Broz Tito J.* Sabrana djela, t. 6, s. 186.
[25] См.: *Севостьянов П. П.* Перед великим испытанием, с. 227.
[26] *Hoptner J. B.* Yugoslavia in Crisis, 1934—1941. N. Y.; L., 1962, p. 272—280.
[27] История дипломатии, т. IV, с. 157.
[28] Там же, с. 158.
[29] Известия, 1941, 5 апр.
[30] Красная звезда, 1941, 10 апр.
[31] *Churchill W. S.* The Second World War, v. III, p. 155.
[32] Правда, 1941, 9 апр.
[33] News Chronicle, 1941, Apr. 7.
[34] Jutro, 1941, 9 apr.
[35] Правда, 1941, 13 апр.
[36] AVII, k. 208, br. reg. 16/4—I.
[37] *Ziherl B.* Stara i nova Jugoslavija. Beograd, 1945, s. 85—86.
[38] Arhiv CK SKJ, f. Slobodna Jugoslavija. Emitovano, 5.4.1942, 28.4.1942.
[39] История внешней политики СССР, 1917—1980: В 2-х т. М., 1980, т. 1, 1917—1945, с. 142.
[40] Правда, 1941, 6 апр.

Югославский вопрос в антигитлеровской коалиции и позиция СССР (1941—1942 гг.)

Л. Я. ГИБИАНСКИЙ

Югославский вопрос, ставший одной из наиболее значительных международных проблем в Юго-Восточной Европе в годы второй мировой войны, возник на рубеже 1941—1942 гг. в связи с острым, принявшим вооруженный характер столкновением двух противоположных социально-политических сил югославского общества: народно-освободительного движения (НОД), руководимого Коммунистической партией Югославии (КПЮ), и военно-политической организации четников во главе с Михайловичем, выступавшей при поддержке и от имени югославского эмигрантского королевского правительства.

Начальная фаза югославского вопроса привлекла значительное внимание историографии[1]. Однако некоторые стороны данной темы, связанные с позицией СССР, не получили еще достаточного освещения; их трактовка в ряде работ зарубежных авторов не учитывает советских источников, находится под влиянием превратившихся в стереотип версий, не находящих документального подтверждения.

Столкновение между НОД и четниками, как известно, вспыхну-

inslav

ло с начала ноября 1941 г., когда уже почти четыре месяца шла руководимая КПЮ борьба против фашистских захватчиков, превратившаяся в массовое восстание. Рассматривая НОД через призму крайнего антикоммунизма как наиболее опасного военного и политического конкурента своим планам восстановления довоенной Югославии с ее реакционно-монархическим порядком, четническое руководство нарушило существовавшее с конца сентября частичное взаимодействие с партизанскими силами НОД в Сербии и начало против них широкую военную операцию в районе наиболее крупной, освобожденной от оккупантов территории с центром в Ужице («Ужицкая республика»), где находился партизанский Верховный штаб во главе с генеральным секретарем КПЮ И. Броз Тито. Несмотря на конечные антиоккупационные цели, Михайлович предпочел вступить в тайные контакты с оккупационно-квислинговским режимом в целях объединения усилий по борьбе с НОД.

Поскольку партизаны не только отбили нападение четников, но и, нанеся последним мощный удар, окружили штаб Михайловича, тот, обманувшийся в своих расчетах использовать ожидаемое содействие оккупационно-квислинговского режима (гитлеровцы отвергли в тот момент сотрудничество с ним, требуя простой капитуляции), в первой половине ноября 1941 г. через имевшуюся у него радиосвязь сообщил югославскому эмигрантскому правительству в Лондоне, будто он подвергся нападению партизан, которые, по его утверждению, лишь делают вид, что борются с оккупантами, и запросил о срочной помощи как военными, так и политическими средствами. В военном плане речь шла о переброске англичанами по воздуху оружия и боеприпасов четникам, в политическом — о том, чтобы СССР и Англия, две ведущие союзные державы, находившиеся тогда в войне с Германией, обратились в передачах Московского радио и Би-Би-Си на сербскохорватском языке с призывом к примирению между партизанами и четниками и объединению их под единым командованием. Помощь оружием и боеприпасами должна была непосредственно изменить соотношение сил в пользу четников в вооруженном столкновении между ними и партизанами — об этом откровенно говорилось в радиотелеграммах Михайловича. А объединение под единым командованием подразумевало прямое подчинение партизан Михайловичу, отряды которого рассматривались эмигрантским правительством в качестве «королевской армии на родине» и который перед этим получил также фактическое британское признание: в конце октября в его штаб прибыла миссия связи, заброшенная месяцем раньше в Югославию англичанами по согласованию с эмигрантским правительством (миссия Хадсона). Руководство НОД до ноябрьского столкновения само выступало за создание объединенного оперативного штаба партизан и четников в целях борьбы против оккупантов, причем, как говорил впоследствии И. Броз Тито, он предлагал Михайловичу стать начальником такого штаба. От создания совместного органа Михайлович тогда отказался. Теперь же его план состоял в простом включении партизанских отрядов в четнические формирования под его собственным командованием. Прак-

inslav

тически это означало бы ликвидацию НОД как военно-политического фактора.

Получив послания четнического предводителя, югославское эмигрантское правительство, а затем и правительство Англии, к которому оно обратилось за поддержкой, предложили в середине ноября Правительству СССР выступить в пользу прекращения конфликта между партизанами и четниками, подчинив партизанские силы Михайловичу как «национальному вождю», и направить НОД соответствующие рекомендации [2].

Тем самым проблема взаимоотношений НОД и четнического движения была поставлена как вопрос межсоюзнических отношений в антигитлеровской коалиции.

В западной, особенно британской, историографии получила распространение точка зрения, выраженная наиболее рельефно У. Дикином [3], сводящаяся к тому, что правительство Англии выступило за объединение партизан и четников, руководствуясь интересами усиления антигитлеровского фронта в Югославии, а настаивало на объединении именно под главенством Михайловича, поскольку не располагало тогда достаточной информацией о действительном положении в стране и было введено в заблуждение сообщениями Михайловича, представлявшего себя вождем масштабного движения Сопротивления, официально признанного югославским правительством в эмиграции. В югославской же историографии высказывалось мнение, что британское правительство поддерживало Михайловича вовсе не из-за доверия к его сообщениям, что правительственные органы знали о действительном положении в Югославии [4]. Некоторые югославские авторы, как отмечал Й. Марьянович, даже ставили нападение четников на партизан в начале ноября 1941 г. в прямую связь с прибытием несколькими днями раньше к Михайловичу Хадсона, в частности с полученной через него четническим руководством рекомендацией англичан, что нужна борьба «югославов за Югославию», а не «коммунистический мятеж для России» [5].

Документальный материал, введенный к настоящему времени в оборот в историографии, включая и рассекреченные с 1972 г. документы из государственного архива Великобритании, не дает оснований для крайних выводов. Из него видно, что британское правительство действительно стремилось к примирению и объединению партизан и четников и что было бы неоправданным упрощенчеством считать его заинтересованным в четническом нападении на партизан, а тем более инициатором этого. Документальный материал свидетельствует и о том, что осенью 1941 г. правительство Англии располагало довольно ограниченной и достаточно противоречивой информацией о положении в Югославии и не имело отчетливого представления о подлинном развитии событий. Но одновременно тот же материал показывает, как это пишут Э. Баркер и У. Дикин, что по крайней мере с октября — начала ноября 1941 г. разведывательная и дипломатическая службы Великобритании располагали все-таки известными данными как о том, что важнейшим фактором борьбы против оккупантов является НОД, а четники не проявляют активно-

inslav

сти (это сообщал и Хадсон), так и о некоторых четнических контактах с оккупационно-квислинговским режимом. Если даже эти сведения рассматривались как недостаточные или не вполне определенные, то и в таком случае следует, что при имевшейся неясности в Лондоне тем не менее не испытывали сомнений в ориентации именно на Михайловича. Стало быть, свести причину британской позиции исключительно к неинформированности было бы не меньшим упрощенчеством. Ни та же Э. Баркер, ни видный представитель официозной английской историографии Л. Вудвард не могли пройти мимо документальных свидетельств, что британская ориентация на Михайловича предопределялась целями социально-политической стратегии, стремлением поддержать четников как политический противовес НОД, противовес перспективе революционных перемен, вступления Югославии после войны на путь социализма и установления ею тесных связей с СССР[6]. План примирения и объединения партизан и четников под главенством Михайловича означал как раз такой вариант единого антигитлеровского фронта в Югославии, который одновременно был нацелен на фактическую ликвидацию НОД как самостоятельного фактора, на создание преобладающих позиций для четников и королевского правительства в эмиграции.

Обращения британского и югославского эмигрантского правительств, адресованные в середине ноября 1941 г. Советскому правительству, ставили перед ним сложную задачу.

В СССР всемерно поддерживали борьбу, развернутую НОД против оккупантов. Советские средства массовой информации приступили к ее широкому освещению. По подсчетам советских историков В. В. Зеленина и Г. М. Славина, уже в июле 1941 г., когда восстание только начиналось, «Правда» поместила 26 материалов о положении в Югославии, «Известия» — 30, «Труд» — 22, «Красная звезда» — 27. С этого времени сообщения и статьи о народно-освободительной борьбе в Югославии превратились в постоянный компонент содержания советской прессы, радиопередач. Начиная с июля 1941 г. сведения о действиях югославских партизан регулярно включались в сообщения Совинформбюро. Борьбе в Югославии давалась самая высокая оценка, указывалось, что югославские партизаны и Красная Армия, хотя и отделенные большим расстоянием, борются плечом к плечу. То же подчеркивалось в заявлениях руководящих партийных, государственных, военных деятелей СССР, в частности в речах и статьях К. Е. Ворошилова, Ем. М. Ярославского, С. К. Тимошенко летом — осенью 1941 г. Одновременно НОД само получило в Советском Союзе, а через СССР и в международном плане политическую и пропагандистскую трибуну. Когда по инициативе советских общественных организаций и деятелей с лета — осени 1941 г. в Москве стали проводиться широко пропагандировавшиеся всеславянские митинги, антифашистские митинги молодежи и другие аналогичные мероприятия, к участию в них были привлечены и активно выступали в качестве представителей НОД югославские коммунисты, работавшие в руководящих органах Коминтерна. Помимо передач Московского радио на сербскохорватском языке, 11 ноября

inslav

1941 г. начала вещание созданная на территории Советского Союза в рамках радиосети Коминтерна радиостанция «Свободная Югославия»[7].

Все это приобрело значение важной политико-пропагандистской и моральной поддержки НОД, популяризации народно-освободительной борьбы, чем дальше, тем все больше оказывалось противовесом мифу о Михайловиче как герое Сопротивления, который начал создаваться западными, прежде всего британскими, средствами информации вместе с пропагандистскими органами югославского эмигрантского правительства. Миф поддерживался тем, что о борьбе НОД против оккупантов не упоминалось, а действия партизан приписывались Михайловичу.

Вместе с тем в СССР считали желательным сотрудничество различных противостоящих фашистским захватчикам сил в порабощенных странах Европы, в том числе и в Югославии, независимо от политической ориентации. Эта позиция ВКП(б) и Советского государства была целиком идентична установке Коминтерна, разделявшейся руководством КПЮ и НОД, которое и было инициатором имевшего место с конца сентября 1941 г. частичного взаимодействия с четниками. В СССР не располагали первоначально достаточными данными о четниках. Радиосвязь находившихся в Советском Союзе руководящих органов Коминтерна с руководством КПЮ и НОД, как известно, была в тот период не прямой, а осуществлялась через подпольную радиостанцию в Загребе, и депеши, направляемые туда через курьеров от ЦК КПЮ и партизанского Верховного штаба во главе с И. Броз Тито с освобожденной территории в западной Сербии, должны были преодолеть неблизкий и в условиях оккупации весьма сложный путь, что мешало получению в Москве оперативных и достаточно регулярных сведений. Пока не стало известно о борьбе четников против НОД и их контактах с оккупационно-квислинговским режимом, сообщения зарубежных средств информации, характеризовавшие четников в качестве борцов Сопротивления, рассматривались в СССР как свидетельство расширения антигитлеровского фронта в Югославии. Тем более что в отдельных сообщениях, которые Тито направил руководству Коминтерна в конце сентября — первой половине октября, говорилось о сотрудничестве с четниками в борьбе против оккупантов[8]. Некоторые из сообщений о четниках летом — осенью 1941 г. попадали в советскую печать и радиопередачи, внося туда отдельные ошибки вплоть до случаев отождествления четников с партизанами[9]. Когда же в ноябре 1941 г. четники вступили в борьбу с партизанами, а Лондон вместе с югославским эмигрантским правительством обратился к Советскому правительству, не было возможности сколько-нибудь быстрого обмена информацией между руководством КПЮ и НОД, с одной стороны, и Москвой — с другой. Более того, связь между ними, по мнению исследовавших этот вопрос югославских историков Й. Марьяновича, М. Лековича, П. Морачи, временно нарушалась и ее удалось восстановить лишь в начале 1942 г., когда только, видимо, и было передано в Москву составленное Тито сообщение о нападении чет-

inslav

ников на партизан и о сотрудничестве Михайловича с оккупационно-квислинговским режимом в борьбе против НОД[10].

Сказанное свидетельствует об ошибочности утверждений некоторых югославских мемуаристов и авторов историко-публицистических работ, например В. Дедиера или В. Велебита, будто в течение всего 1941 г. имелась непрерывная регулярная радиосвязь ЦК КПЮ и партизанского Верховного штаба с руководством Коминтерна, вследствие чего в СССР неизменно были «детально и точно» информированы о ситуации в Югославии и Советское правительство «получало детальные ежедневные отчеты» о ней. Между тем подобные утверждения восприняты за достоверные многими западными историками, считающими, как Ф. Оти или У. Робертс, что в конце 1941 г., когда британское и югославское эмигрантское правительства адресовались к СССР, последний располагал уже полученной от Тито информацией о действиях Михайловича[11].

В действительности же Советское правительство такой информацией не располагало, а потому не имело оснований занять в ответ на обращения британского и югославского эмигрантского правительств отрицательную позицию в отношении Михайловича[12]. Не имело оно также оснований отрицательно реагировать на предложение об урегулировании конфликта между партизанами и четниками и об их объединении в борьбе против оккупантов. Но настояния эмигрантского правительства и стоявшего за его спиной правительства Англии в пользу подчинения партизан четникам шли вразрез с советской политикой поддержки НОД. Выступая в пользу единого фронта всех антигитлеровских сил, в том числе в Югославии, Советский Союз вместе с тем занимал по отношению к событиям в Югославии позицию, стержнем которой была именно солидарность с НОД, с борьбой его партизанских сил. Даже когда летом—осенью 1941 г. в СССР рассматривали четников как движение, противостоящее оккупантам, и в советских средствах информации появлялись соответствующие сообщения о четниках из западной прессы, число таких публикаций было невелико, основное же место отводилось материалам о партизанах.

Не соответствует действительности пущенное в оборот В. Дедиером еще в начале 50-х годов и подхваченное западной историографией утверждение, будто не только в Англии, но и в СССР «говорили только о Драже Михайловиче»[13]. Об абсурдности данного постулата ясно свидетельствовал большой фактический материал, приведенный В. В. Зелениным и Г. М. Славиным во второй половине 60-х — начале 70-х годов[14]. Случаи же, когда в советских средствах информации излагались западные сообщения персонально о Михайловиче как деятеле Сопротивления, были единичны, например за весь период по декабрь 1941 г. «Правда» поместила всего два таких сообщения, «Известия» — три[15]. В материалах, не заимствованных из зарубежной печати, а публикуемых от имени советских средств информации, речь шла только о партизанах[16].

Обращения британского и югославского эмигрантского правительств к СССР порождали сложную проблему: в условиях, когда

inslav

Советский Союз, ведя тяжелейшее сражение под Москвой, направлял усилия на упрочение антигитлеровской коалиции, особенно отношений с Англией, выступавшей в тот момент его основным союзником, решению этой задачи не соответствовала полемика с Лондоном о путях взаимодействия НОД и четников против врага. Осложняющим моментом было и то, что на признании главенства Михайловича настаивало эмигрантское правительство, формально представлявшее тогда в антигитлеровской коалиции югославскую государственность.

В этих обстоятельствах и при отсутствии надежной информации Советское правительство вообще не дало в тот момент ответа ни британскому, ни югославскому эмигрантскому правительствам. А на последовавшие повторные их обращения сообщило в конце 1941 г. — начале 1942 г. англичанам, что у него нет связи с Югославией и руководимым коммунистами партизанским движением, а югославскому эмигрантскому правительству — что не считает подходящим вмешиваться в восстание в Югославии. Это позволяло уклониться от нежелательных тогда споров с Лондоном, а вместе с тем практически отвергнуть его план. Так это и расценили в Форин оффис, сделав в середине января 1942 г. вывод, что русские «не хотят послать инструкции, которые бы мешали коммунистическим партизанам» [17].

Однако много лет спустя возникли совершенно иные версии событий, привязанные их авторами к тому факту, что в середине ноября 1941 г. руководство НОД остановило контрнаступление партизан, окруживших штаб Михайловича, и пошло на переговоры с ним, приведшие к заключению 20 ноября нового соглашения (позднее также нарушенного четниками). Согласно одной из этих версий, выдвинутой также В. Дедиером в начале 50-х годов, решение руководства НОД было принято под воздействием передачи Московского радио на сербскохорватском языке, где говорилось о Михайловиче как о «вожде всех сил Сопротивления» в Югославии [18]. Хотя Дедиер не приводил текста передачи и не указывал ее времени («однажды вечером»), данная версия получила распространение в югославской, а затем западной историографии. На основании утверждения Дедиера, выступавшего в качестве очевидца, делался вывод о «советской поддержке» британской позиции в пользу объединения НОД с четниками под руководством Михайловича, что повлияло на НОД и, как, к примеру, формулировал Б. Петранович, «спасло Михайловича от уничтожения» [19]. У некоторых историков и мемуаристов эта версия трансформировалась в другую — будто, как писала Ф. Оти, Тито прямо получил в ноябре 1941 г. «приказы из России» по поводу соглашения с Михайловичем «об объединенном командовании». Никаких доказательств, фактов при этом не приводится. Нет их и в мемуарах Э. Карделя, утверждавшего без какой-либо конкретизации, в виде лишь общего постулата, что Советское правительство «требовало» от руководства НОД объединения партизан с четниками в «общую армию под командованием Дражи Михайловича» [20].

inslav

Абсолютная неконкретность второй из названных версий не дает возможности рассматривать ее всерьез, ибо ни один источник не упоминает о подобных «приказах» или «требованиях». Непонятно, как они вообще могли дойти, если учесть упомянутые сложности в отношении связи руководства НОД с Москвой в ноябре 1941 г. К тому же вопрос о создании объединенного командования в виде совместного оперативного штаба, чьим начальником был бы Михайлович, ставился самим руководством НОД еще до ноября.

Что же касается сведений, содержащихся в первой версии, то главное из них — будто отказ от штурма штаба Михайловича и переговоры с ним были обусловлены передачей Московского радио — никак не подтверждается оставшимися от того времени документами руководства НОД. Сообщая о принятом решении в самый момент событий — 16 и 17 ноября 1941 г. — руководящим органам НОД в Хорватии и Словении, И. Броз Тито вовсе не упоминал о Московском радио, а указывал совершенно иную причину: это предпринимается «из-за сербского народа», на который предательское выступление четников против партизан «произвело самое глубокое впечатление». В письме Тито руководству НОД Словении 2 января 1942 г. говорилось, что решение было принято «в интересах упрочения освободительной борьбы сербского народа»[21]. На упомянутые документы уже обращалось внимание в фундаментальных работах Й. Марьяновича и П. Морачи о восстании 1941 г. Хотя в данных работах повторялась версия Дедиера, обосновывавшаяся лишь ссылкой на него самого, однако в отличие от этой версии назывались и совершенно иные причины решения руководства НОД, среди которых в качестве важнейшей указывалась та, что разгром штаба Михайловича не решил бы проблемы, а скорее мог нанести ущерб освободительной борьбе в условиях, когда еще не решена была задача политического разоблачения и изоляции четников в значительных массах сербского народа[22]. К такому выводу Тито пришел еще до ноябрьского столкновения с четниками. А когда в середине ноября принималось решение о переговорах с Михайловичем, он отмечал, что уже перед тем «в ходе четнического нападения на партизан наш штаб несколько раз пытался призвать Дражу Михайловича к прекращению братоубийственной войны»[23]. С этой констатацией версия Дедиера оказывается в явном противоречии.

Выдвигая ее, Дедиер в качестве единственного документального обоснования ссылался на указание Тито от 25 ноября 1941 г. подпольной радиостанции в Загребе «передать срочно» руководству Коминтерна, что Московское радио сообщает совершенно неверные сведения о Михайловиче, распространяемые лондонским радио[24]. Однако здесь ничего не говорится, что решение отказаться от ликвидации четнического штаба и вступить с ним в переговоры обусловлено радиопередачей из Москвы, а дается другая причина: «Мы только из-за Лондона отказались от того, чтобы полностью ликвидировать Дражу Михайловича»[25]. Очевидно, Тито принимал во внимание развернутую в тот момент югославским эмигрантским правительством в Лондоне и британскими органами пропаганды,

inslav

включая Би-Би-Си, публичную кампанию поддержки Михайловича как якобы руководителя югославского Сопротивления.

В самом документе от 25 ноября Тито не пояснил, какие неверные сведения о Михайловиче и когда передало Московское радио, но упомянул, что оно использовало сообщения, распространяемые лондонским радио. Видимо, речь шла о передаче, где фигурировали те единичные сообщения о Михайловиче как деятеле освободительной борьбы в Югославии, которые, как мы говорили выше, в то время попадали в советские средства информации из западных. Возможно, их появление в передаче из Москвы воспринималось руководством КПЮ и НОД как фактор в пользу достижения договоренности с Михайловичем. Но уже в названных выше фундаментальных работах югославских историков о восстании 1941 г. был сделан вывод, что это во всяком случае не могло быть единственной причиной, обусловившей, согласно Дедиеру, решение о переговорах с четниками. Если же судить по приведенным выше тогдашним документам руководства НОД, причем даже не публичным, а сугубо рабочим, то ни одной из зафиксированных в них причин версия Дедиера вообще не соответствует.

Документальный материал, имеющийся в распоряжении исторической науки, в том числе из архивных фондов британской дипломатии и югославского эмигрантского правительства, свидетельствует, что Лондону и эмигрантскому правительству не удалось добиться от СССР ни согласия содействовать примирению партизан с четниками при подчинении Михайловичу, ни какого-либо одобрения самому замыслу подобного объединения, несмотря на то что британская сторона пыталась оказать на советскую даже определенный нажим, связывая данный вопрос с возможностью более широкого англо-советского сотрудничества [26].

Как уже говорилось, в Лондоне отдавали себе отчет в тактическом характере советского ответа, расценив его как отказ от осуществления британского предложения. Правительство Англии было уверено в существовании связи СССР с НОД. Поэтому в марте 1942 г., озабоченное тем, что еще с начала декабря 1941 г. прервалась радиосвязь с Михайловичем, британское правительство обратилось к Советскому правительству с просьбой оказать через партизан содействие англичанам в восстановлении контакта с четническим предводителем. Но ответ был получен тот же, что и в конце 1941 г.: правительство СССР не имеет никакой связи с Югославией [27].

Тактический характер и этого ответа был очевиден в еще большей степени: с начала 1942 г., когда руководящие органы Коминтерна вновь стали получать сообщения от руководства КПЮ и НОД, а в феврале между ними была установлена и прямая радиосвязь, советские средства массовой информации, используя указанные сообщения, еще шире развернули освещение и пропаганду борьбы югославских партизан против фашистских захватчиков. В. В. Зелениным и Г. М. Славиным уже приводился фактический материал на сей счет из тогдашней советской прессы [28], свидетель-

inslav

ствующий, кстати, о безосновательности постулата С. Нешовича, будто в 1942 г. печать и радио СССР «и далее воздерживались от всякой публичной поддержки «партизанского дела в Югославии» [29]. Отметим, что наряду с систематически помещаемыми информационными сообщениями в советской печати был опубликован и ряд статей, в которых давались анализ и высокая оценка партизанского движения в Югославии. Как раз в марте 1942 г., когда англичане адресовались со своей просьбой, на его размах и значение было указано в появившихся в «Правде» обширных статьях Б. Н. Пономарева «Европейский вулкан» и особенно «Югославия в огне партизанской войны» [30]. Последняя, написанная на основе информации, полученной от руководства НОД, знакомила читателя с основными этапами развития партизанского движения с лета 1941 г., созданием «Ужицкой республики», ее героической обороной во время вражеского наступления в конце осени 1941 г., усилением борьбы зимой 1942 г. в Боснии, куда отступило ядро партизанских сил после падения свободной территории в Сербии. Когда в феврале 1942 г. в Москве было получено от И. Броз Тито приветствие Верховного штаба народно-освободительной партизанской армии по случаю дня Красной Армии, его сразу же опубликовали не только в журнале «Коммунистический Интернационал», но и — в начале марта — в официальном издании посольства СССР в Англии — бюллетене «Soviet War News», где приветствие было помещено за подписью Тито [31]. Это явилось первым упоминанием его имени в печати союзных стран. Все перечисленное ясно показывало, что на деле СССР находился в контакте с НОД и выступал в его поддержку.

В то же время после декабря 1941 г., когда от руководства КПЮ и НОД стали поступать сведения о вооруженной борьбе четников против НОД в сотрудничестве с оккупационно-квислинговским режимом (первоначально на рубеже 1941—1942 гг.— с квислинговской администрацией Недича и итальянскими оккупантами), советские средства массовой информации перестали воспроизводить западные сообщения о Михайловиче и его четниках как якобы борцах Сопротивления. Через несколько месяцев советская сторона заявила югославскому эмигрантскому правительству, что это было сознательной линией, обусловленной поступлением информации о предательской роли четников [32].

Советская позиция фактически выступала в качестве противовеса британской политике поддержки Михайловича, рекламирования его как руководителя югославского Сопротивления, попыток подчинить ему партизанские силы и одновременно приписать их боевую активность четникам. Вместе с тем в условиях, когда в СССР только начала поступать информация от руководства НОД о положении в Югославии, и в частности о деятельности четников, не представлялось целесообразным сразу же вступать в прямую полемику с Лондоном. Предстояло еще проанализировать положение. Первые сведения о тотальном вооруженном выступлении четников против НОД и их превращении в коллаборационистов несли в себе значительный элемент неожиданности: ведь четническое движение возникло под

inslav

лозунгом противостояния оккупантам, было провозглашено вооруженной силой югославского эмигрантского правительства, выступавшего в составе антигитлеровской коалиции, Михайлович к тому времени был назначен военным министром этого правительства и популяризировался в Англии и США как герой антигитлеровской борьбы, а Тито в сентябре—октябре 1941 г. направил руководству Коминтерна информацию о сотрудничестве с четниками как с союзниками НОД. К тому же для непосредственного выступления против Михайловича и полемики с Лондоном были необходимы весомые фактические доказательства коллаборационизма четников (а их взаимодействие с оккупационно-квислинговским режимом в борьбе против НОД было, особенно на первых порах, скрытым). Не случайно, получив от ЦК КПЮ и Верховного штаба первые сообщения относительно четников, руководство Коминтерна запросило по радиосвязи дополнительные разъяснения и указало на желательность получения конкретных документированных данных[33]. В этих обстоятельствах и была временно продолжена тактика, выраженная в последовавшем на мартовский запрос англичан ответе Правительства СССР об отсутствии связи с Югославией.

Между тем британское и опекаемое им югославское эмигрантское правительства вслед за тем вновь активизировали югославский вопрос в межсоюзнических отношениях. Когда в конце марта 1942 г. после восстановления их радиосвязи с Михайловичем последний сообщил, что коммунисты якобы мешают его борьбе с оккупантами, правительство Англии известило об этом СССР и вновь предложило, чтобы из Москвы по радио призвали партизан к прекращению столкновений с Михайловичем и установлению сотрудничества с ним. Параллельно в аналогичном обращении к СССР югославское эмигрантское правительство настаивало на подчинении партизанских сил Михайловичу. В Лондоне опять не получили в тот момент официального советского ответа, однако в беседе между советским и английским дипломатическими представителями при югославском королевском правительстве англичанам было не только повторено, что правительство СССР не хочет вмешиваться в столкновения в Югославии, но и указано на сей раз, что у него имеются сомнения относительно роли Михайловича и его вклада в общее дело союзников[34]. Это было первое советское заявление о Михайловиче, прямо ставившее под вопрос версию британского и югославского эмигрантского правительств о якобы масштабной борьбе четников с оккупантами. Но сделано это было пока в сдержанной форме.

Переход СССР к непосредственному выступлению против четников и той политико-пропагандистской и дипломатической поддержки, которую им оказывало правительство Англии, действовавшее совместно с югославским эмигрантским правительством и практически поддерживаемое правительством США (хотя последнее проявляло меньшую активность), произошел в июле 1942 г. К тому времени в Советском Союзе располагали уже довольно значительным фактическим материалом о Михайловиче, полученным от руководства КПЮ и НОД. Одновременно сложились и более благоприятные ус-

inslav

ловия с точки зрения межсоюзнических отношений, поскольку по советской инициативе 26 мая 1942 г. был заключен советско-британский союзный договор, а 11 июня — советско-американское соглашение о принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии. В данной обстановке Правительство СССР в июле 1942 г. информировало британское правительство, что Михайлович поддерживает связь с квислинговским «правительством» Недича и поэтому ему нельзя доверять. Это официальное дипломатическое обвинение четнического предводителя и министра югославского эмигрантского правительства в коллаборационизме сопровождалось и публичной акцией: 19 июля ТАСС опубликовало переданную 6 июля радиостанцией «Свободная Югославия» резолюцию конференции патриотов Черногории, Боки и Санджака, указывавшую на предательство Михайловича. Через ТАСС резолюция получила широкое распространение в средствах массовой информации союзных и нейтральных стран [35].

В литературе встречаются ссылки на приведенное югославским историком П. Морачей утверждение, сделанное в 1958 г. бывшим руководителем редакции «Свободной Югославии» В. Влаховичем, согласно которому резолюция, полученная по радиосвязи от руководства КПЮ и НОД, не только была передана «Свободной Югославией» по его — Влаховича — собственной инициативе и попала в материалы ТАСС случайно, но ее опубликование вызвало даже острое недовольство Народного комиссариата иностранных дел СССР [36]. Однако данное утверждение, кстати отсутствующее в опубликованных позднее мемуарах Влаховича [37], никак не согласуется ни с советским обращением к правительству Англии в июле 1942 г. относительно связи Михайловича с администрацией Недича, ни с позицией, которую вслед за тем занял СССР перед лицом реакции Лондона и югославского эмигрантского правительства на сообщение ТАСС о резолюции патриотов Черногории, Боки и Санджака.

Британское и югославское эмигрантское правительства предприняли энергичные дипломатические демарши перед Советским Союзом, пытаясь оспорить обвинения, выдвинутые против Михайловича, и добиваясь их опровержения и прекращения дальнейшей публикации советскими средствами массовой информации. Англия вновь настаивала на принятии совместных с СССР мер в пользу сотрудничества между четниками и партизанами. Но эти демарши в августе 1942 г. вызвали решительные возражения Советского правительства, указавшего на конкретные факты коллаборационизма четников Михайловича, полученные от руководства НОД. Британское заявление о нежелательности того, чтобы было известно, что правительства Англии и СССР «поддерживают противоположные стороны в югославской борьбе», было оставлено без ответа. Одновременно данные, что четники Михайловича не борются, а сотрудничают с оккупантами и против захватчиков сражаются лишь партизаны, были опубликованы в августе в «Soviet War News», что вызвало крайнюю озабоченность и недовольство англичан [38].

inslav

Дипломатические и пропагандистские действия СССР в июле—августе 1942 г. знаменовали собой прямое столкновение в антигитлеровской коалиции по поводу отношения к НОД Югославии, с одной стороны, и четникам Михайловича — с другой. Тем самым югославский вопрос приобрел окончательные очертания как межсоюзническая проблема и из фазы возникновения вступил в фазу непосредственного политико-дипломатического противоборства между ведущими союзными державами — СССР, который выступил в поддержку НОД, и западными партнерами по коалиции, прежде всего Англией, а впоследствии и США, которые выступали покровителями югославской буржуазно-монархической контрреволюции, представленной четническим движением и прикрывавшим его эмигрантским правительством.

[1] *Plenča D.* Međunarodni odnosi Jugoslavije u toku drugog svjetskog rata. Beograd, 1962; *Kljaković V.* Velika Britanija, Sovjetski Savez i ustanak u Jugoslaviji 1941 godine.— Vojnoistorijski glasnik, 1970, br. 2; *Woodward L.* British Foreign Policy in the Second World War. L., 1971, v. III; *Roberts W. R.* Tito, Mihailović and the Allies, 1941—1945. New Brunswick (N. J.), 1973; [*Clissold S.*] Introduction.— In: Yugoslavia and the Soviet Union, 1939—1973: A Documentary Survey/Ed. by S. Clissold. L., 1975; *Barker E.* Some Factors in British Decision-making over Yugoslavia, 1941—1944.— In: British Policy Towards Wartime Resistance in Yugoslavia and Greece/Ed. by Ph. Auty, R. Clogg. L., 1975; *Eadem.* British Policy in South-East Europe in the Second World War. L., 1976; Советский Союз и борьба народов Центральной и Юго-Восточной Европы за свободу и независимость, 1941—1945 гг. М., 1978; *Wheeler M.* Britain and the War for Yugoslavia, 1940—1943. N. Y., 1980.

[2] *Marjanović J.* Ustanak i narodnooslobodilački pokret u Srbiji 1941. Beograd, 1963, s. 295—320, 333—362; *Tomasevich J.* War and Revolution in Yugoslavia, 1941—1945: The Chetniks. Stanford (Cal.), 1975, p. 145—155; *Auty Ph.* Tito: A Biography. L., 1970, p. 191, 311 (note 10); Из истории советско-югославских отношений в период второй мировой войны. Документация.— Междунар. жизнь, 1958, № 8, с. 154.

[3] *Deakin F. W. D.* The Embattled Mountain. L., 1971, p. 125—136 and f.; *Idem.* Britanija i Jugoslavija, 1941—1945.— Jugoslovenski istorijski časopis, 1963, br. 2.

[4] *Morača P.* Jugoslavija, 1941. Beograd, 1971, s. 549.

[5] *Marjanović J.* Velika Britanija i narodnooslobodilački pokret u Jugoslaviji, 1941—1945.— Jugoslovenski istorijski časopis, 1963, br. 2, s. 37—38; Oslobodilački rat naroda Jugoslavije, 1941—1945. Beograd, 1957, knj. 1, s. 115.

[6] *Barker E.* Some Factors.., p. 30, 33; *Eadem.* British Policy in South-East Europe.., p. 159; *Deakin F. W. D.* The Embattled Mountain, p. 130, 131; *Woodward L.* British Foreign Policy.., v. III, p. 283.

[7] *Zelenjin V. V.* Odnos sovjetske javnosti prema narodnooslobodilačkom ratu Jugoslavije protiv fašizma (1941—1945).— In: Prvo Zasjedanje Antifašističkog vijeća narodnog oslobođenja Jugoslavije. Bihać, 1967; *Гибианский Л. Я., Зеленин В. В.* СССР и борьба югославских трудящихся за народную республику (1941—1945).— Сов. славяновед., 1970, № 6, с. 8—13; *Славин Г. М.* Об откликах в СССР на восстание в Югославии (1941 год).— Сов. славяновед., 1972, № 4; *Он же.* Об освещении народно-освободительной борьбы в Югославии советской печатью (1941—1942 гг.).— Сов. славяновед., 1975, № 1; Советский Союз и борьба народов..., с. 85—86, 89, 93—94, 98—99; и др.

[8] *Broz Tito J.* Sabrana djela. Beograd, 1979, t. 7, s. 134, 145.

[9] См., например: Известия, 1941, 2, 12 авг.

[10] *Marjanović J.* Ustanak..., s. 369, 373; *Лековић М.* Значај скупштине родољуба Црне Горе и Санџака, одржане 16 јуна 1942 године у Тјентишту,

inslav

у борби за разобличавање Д. Михаиловића у светској јавности и за међународну афирмацију НОП-а.— Историјски записи, књ. XXIII [1966], св. 4, с. 726; *Morača P.* Jugoslavija 1941, s. 550, 555.

[11] *Dedijer V.* Tito. N. Y., 1953, p. 173; *Велебит В.* Борбата за меѓународно признавање на Нова Југославија низ Народноослободителната војна.— Нова Македонија. 1979, 5 дек.; *Auty Ph.* Tito, p. 195—196; *Roberts W. R.* Tito, Mihailović..., p. 43.

[12] Не может быть аргументом довод С. Нешовича, что в СССР должны были знать о коллаборационизме Михайловича из выступления главы квислинговской администрации Сербии Недича по белградскому радио 11 ноября 1941 г., где говорилось, что несколько раньше Михайлович согласился на призыв Недича к «сотрудничеству по уничтожению деструктивных и коммунистических элементов» и получил за это деньги. Нет данных, что это выступление было известно в СССР. Но и будь известно, оно, во-первых, должно было при отсутствии данных от НОД восприниматься как провокация врага с целью конфликта среди противников оккупантов; во-вторых, в заявлении Недича говорилось, что хотя ранее Михайлович согласился на сотрудничество с квислинговцами, «но сегодня он для немецких властей, так же как и для сербского правительства (т. е. «правительства» Недича.— *Л. Г.*), то же, что и каждый коммунист, раз он действует в пользу Англии, демократических стран, Лондона и красной Москвы» (*Nešović S.* Inostranstvo i nova Jugoslavija, 1941—1945. Beograd; Ljubljana, 1964, s. 62, 64).

[13] *Dedijer V.* Tito, p. 173; [*Clissold S.*] Introduction.., p. 17.

[14] *Zelenjin V. V.* Odnos..; *Гибианский Л. Я., Зеленин В. В.* СССР и борьба...; *Славин Г. М.* Об откликах...

[15] Правда, 1941, 28 нояб., 2 дек.; Известия, 1941, 27 нояб., 6, 11 дек.

[16] Ошибочно утверждение С. Нешовича, будто в «Правде» 25.XII 1941 г. говорилось о борьбе Михайловича против оккупантов (*Nešović S.* Inostranstvo..., s. 56). Судя по статье В. Кляковича, источник сведений, приведенных Нешовичем,— материалы югославского эмигрантского правительства, куда это попало из одного американского издания 1942 г. *Kljaković V.* Velika Britanija, Sovjetski Savez.., s. 97.

[17] Из истории советско-югославских отношений..., с. 154; *Kljaković V.* Velika Britanija, Sovjetski Savez.., s. 95, 101; *Barker E.* British Policy in South-East Europe.., p. 160; [*Clissold S.*] Introduction.., p. 98 (56).

[18] *Дедијер В.* Јосип Броз Тито. Прилози за биографију. Београд, 1953, с. 3[illegible] — 332.

[19] *Petranović B.* AVNOJ — revolucionarna smena vlasti, 1942—1945. Beograd, 1976, s. 65.

[20] *Auty Ph.* Tito, p. 193; *Kardelj E.* Borba za priznanje i nezavisnost nove Jugoslavije, 1944—1957. Sećanja. Ljubljana; Beograd, 1980, s. 26.

[21] *Broz Tito J.* Sabrana djela, t. 7, s. 194, 197; t. 8, s. 78.

[22] *Marjanović J.* Ustanak..., s. 368; *Morača P.* Jugoslavija 1941, s. 552.

[23] *Чолаковић Р.* Записи из Ослободилачког рата. Београд, 1956, књ. 1, с. 286; *Broz Tito J.* Sabrana djela, t. 7, s. 196.

[24] *Дедијер В.* Јосип Броз Тито, с. 332—333.

[25] *Broz Tito J.* Sabrana djela, t. 7, s. 198.

[26] [*Clissold S.*] Introduction.., p. 98 (note 56).

[27] Tito—Churchill. Strogo tajno/Izabrao i uredio D. Biber. Beograd; Zagreb, 1981, s. 247.

[28] *Zelenjin V. V.* Odnos...; *Гибианский Л. Я., Зеленин В. В.* СССР и борьба..., *Славин Г. М.* Об освещении... .

[29] *Nešović S.* Inostranstvo.., s. 73.

[30] Правда, 1942, 16, 23 марта.

[31] *Славин Г. М.* Об откликах.., с. 30.

[32] Yugoslavia and the Soviet Union, 1939—1973, doc. 39, p. 137. Исключением была статья известного историка-германиста А. С. Ерусалимского в «Красной звезде» 29 марта 1942 г. о непрочности европейского тыла Германии, где, указав и на борьбу в Югославии, автор назвал Михайловича как деятеля Сопротивления, пользуясь, видимо, упомянутыми сведениями конца 1941 г

inslav

[33] *Broz Tito J.* Sabrana djela. Beograd, 1979, t. 9, s. 224; Beograd, 1980, t. 10, s. 239(пар. 179).
[34] Из истории советско-югославских отношений.., с. 154; Tito—Churchill..., s. 247; *Woodward L.* British Foreign Policy..., v. III, p. 285; *Plenča D.* Međunarodni odnosi..., s. 109—110.
[35] Из истории советско-югославских отношений..., с. 154; *Plenča D.* Međunarodni odnosi..., s. 149; *Лековић М.* Значај..., с. 737—740.
[36] *Morača P.* Odnosi između Komunističke partije Jugoslavije i Kominterne od 1941 do 1943 godine.— Jugoslovenski istorijski časopis, 1969, br. 1/2, s. 120; см. также: *Plenča D.* Međunarodni odnosi..., s. 163.
[37] *Влаховић В.* Сећања.— Политика, 1975, 12—22 марта.
[38] Из истории советско-югославских отношений..., с. 154—155; Документы о советско-югославском боевом содружестве в годы второй мировой войны.— Воен.-ист. журн., 1978, № 5, док. 2, с. 74; *Славин Г. М.* Советская общественность и Антифашистское вече народного освобождения Югославии.— Сов. славяновед., 1969, № 3, с. 18; *Woodward L.* British Foreign Policy.., v. III, p. 286—288; *Plenča D.* Međunarodni odnosi..., s. 149—150.

Из истории разработки экономической политики правительства Отечественного фронта в Болгарии после 9 сентября 1944 г.

Т. В. ВОЛОКИТИНА

9 сентября 1944 г. в результате победы народного антифашистского вооруженного восстания в Болгарии к власти пришло правительство Отечественного фронта (ОФ) — блока левых политических сил. Как подчеркивает болгарский исследователь М. Исусов, было разрешено главное на том этапе исторического развития противоречие болгарского общества — между фашизмом и широкими антифашистскими массами — и положено начало разрешению основного противоречия — между буржуазией, с одной стороны, и рабочим классом и трудящимися массами деревни и города — с другой [1]. Приход к власти возглавляемого и руководимого коммунистами ОФ коренным образом изменил политическую обстановку в стране, обусловил настоятельную необходимость формулирования конкретной программы действий, соответствовавшей сложившейся реальности и отвечавшей классовому содержанию Фронта как боевого союза «рабочего класса, крестьянства, ремесленников, народной интеллигенции и демократической прогрессивной части буржуазии» [2].

Именно такой стала правительственная программа, провозглашенная 17 сентября 1944 г. В истории Болгарии она была основным политическим документом, действовавшим фактически вплоть до перехода к непосредственным социалистическим преобразованиям. В борьбе за ее реализацию укрепилась руководящая роль рабочего класса в революционном процессе, произошло объединение

inslav

вокруг его политического авангарда большинства нации, создались условия для установления диктатуры пролетариата. В связи с этим рассмотрение вопросов разработки и осуществления программы приобретает важное политическое значение, способствуя расширению и обогащению практики мирового социализма.

Программа от 17 сентября не обойдена вниманием исследователей: к этому документу обращаются все авторы, чей научный интерес связан с историей народно-демократической Болгарии. Однако высказываемые при этом суждения о характере программы, социальной направленности ее отдельных пунктов не являются результатом специального анализа. Такой подход сегодня не может быть признан достаточным. В настоящее время в исторической литературе зафиксированы весьма отличные друг от друга оценки программы, ее социальной направленности. Прежде всего это относится к экономическим разделам документа, центральным с точки зрения определения его характера. Диапазон оценок широк: буржуазно-демократический[3], антифашистский общедемократический[4], демократический с наличием известных антикапиталистических задач[5], антикапиталистический[6] и социалистический[7].

Неоднозначно решается исследователями вопрос о содержании и формулировках отдельных пунктов. По мнению М. Исусова, например, требования конфискации имущества и капиталов, нажитых спекуляцией и взяточничеством, отмены частных хозяйственных монополий и их привилегий, ликвидации паразитической промышленности и социально вредного посредничества и некоторые другие определили антикапиталистический характер задач программы в экономической области[8]. Р. П. Гришина, оценившая характер программы как антифашистский общедемократический, отмечает нечеткость разработки экономической части этого документа, подчеркивает, что такие формулировки, как уничтожение экономически и социально вредного посредничества, частных монополий и их привилегий, создание государственных монополий, уничтожение паразитической промышленности, «недостаточно ясно характеризовали отношение народно-демократической власти к частной собственности», что потребовало впоследствии специальных разъяснений. Тезис о наличии неясных формулировок поддерживает Н. К. Конаков, высказавший также мысль о том, что эта неясность не была случайной и обеспечивала народной власти возможность «организовать широкое наступление на частный капитал»[9]. Г. П. Мурашко констатирует использование в программе мелкобуржуазной терминологии, свойственной прежде всего БЗНС, и связывает этот факт со стремлением коммунистов сделать программу близкой и понятной широким массам болгарского крестьянства[10]. Важный вопрос о степени отражения в программе наиболее насущных проблем переживаемого момента поднял болгарский историк З. Златев, отметив наличие в документе «существенных пробелов» (отсутствие пунктов о развитии сельскохозяйственного и промышленного производства, борьбе со спекуляцией и черным рынком, организации снабжения населения всем необходимым и пр.)[11].

inslav

Учитывая все сказанное выше, автор считает целесообразным изложить в данной статье свои соображения о ходе разработки экономических разделов программы от 17 сентября 1944 г., остановившись особо на тех пунктах, которые вызывают расхождения в оценках у исследователей.

Прежде всего следует отметить, что сведения, проливающие свет на процесс разработки и принятия программы, весьма скудны.

По воспоминаниям представителя компартии в Национальном комитете (НК) ОФ К. Драмалиева, вопрос о программе правительства обсуждался в руководстве Фронта в конце августа 1944 г. вместе с текстом Манифеста к болгарскому народу. Манифест был тогда же принят и обнародован, а с программой будущего правительства дело обстояло иначе: поскольку, пишет Драмалиев, при формулировании отдельных пунктов возникли споры, обсуждение и принятие программы по предложению Политбюро ЦК БРП «были отложены на более поздний срок» [12]. Из другого источника явствует, что отсрочка принятия программы была вызвана возникшими разногласиями по ряду вопросов внутренней политики [13].

Состав правительства ОФ был объявлен 9 сентября 1944 г. И в тот же день в речи по софийскому радио глава кабинета К. Георгиев заявил, что программой правительства становятся соответствующие разделы Манифеста к болгарскому народу *. Но прошла еще неделя, и 17 сентября на митинге в Судебной палате К. Георгиев огласил новую правительственную программу, не упомянув о манифесте. Этот факт, обойденный до сих пор вниманием исследователей, свидетельствует о том, что именно в течение первой недели после победы восстания 9 сентября шла интенсивная работа по оформлению и согласованию правительственной программы.

Частичный ответ на вопрос о ходе дискуссии в процессе выработки этого документа дает анализ выступления по софийскому радио 13 сентября 1944 г. министра без портфеля, представителя БЗНС Н. Петкова. Он подчеркнул, что в платформу ОФ включены наиболее важные идеи, заимствованные из платформы «земледельцев» (традиционное название членов крестьянской партии в Болгарии), в частности создание системы кооперативного, планового, свободного от спекуляции, ограбления и эксплуатации народного хозяйства и введение коллективно-кооперативной обработки земли, а также создание новой справедливой налоговой системы и национализация природных богатств и системы кредитования [14]. Поскольку ни в манифесте, ни в программе от 17 сентября требований национали-

* Принятый в конце августа 1944 г. Манифест к болгарскому народу содержал призыв к гражданам страны развернуть энергичную борьбу против фашистской власти, за установление народного правительства. В социально-экономической области предусматривались конфискация имущества и капиталов гитлеровских агентов в Болгарии и незаконно разбогатевших лиц, «смелые экономические и социальные реформы», «уничтожение спекуляции и дороговизны» и другие мероприятия.

inslav

зации нет, то, следовательно, Петков имел в виду один из вариантов готовившейся программы.

Опираясь на выработанные в межвоенный период программные документы партий и группировок, позднее вошедших в состав ОФ, можно достаточно определенно констатировать, какие силы противодействовали предложению о национализации. Позиция БЗНС, исходя из заявления Петкова, ясна. Для БРП, определившей в качестве конечной цели своей политической борьбы «социальную революцию пролетариата» и построение социалистического общества, требования национализации крупных промышленных и торговых предприятий, шахт, банков, транспорта и т. д. являлись программными[15]. БРСДП еще на своем XXXVI съезде осенью 1933 г. провозгласила требование национализации кредита[16]. Непосредственно после 9 сентября социал-демократы заявили о необходимости «замены частного капиталистического хозяйства плановым социалистическим» со всеми сопутствующими такой коренной перестройке последствиями[17]. Иными словами, противиться предложению о национализации в момент обсуждения программы социал-демократы не могли. Политическая группа «Звено» с начала 30-х годов выступала с идеей известного реформирования капиталистического строя, устранения его «слабых» сторон и «недостатков». В разработанной в 1937 г. программе «Звена» предусматривалось создание в ряде отраслей экономики государственных монополий. Вместе с тем, разделяя по существу взгляды английских буржуазных экономистов Кейнса и Бевериджа, «звенари» не выдвинули в программе идею капиталистической национализации[18]. Тем более сдержанной была позиция «Звена» относительно планов национализации в условиях руководимой компартией борьбы против монархо-фашизма и непосредственно после 9 сентября. В обстановке революционного взрыва, резкого возрастания активности масс слово «национализация» становилось своего рода жупелом для буржуазных промышленных и финансовых кругов. В связи с этим думается, что именно «Звено», складывавшееся после 9 сентября как типично буржуазная партия, отвергло предложения о национализации, выступило в защиту частной собственности и инициативы.

Несомненно, эти вопросы волновали болгарское общество. Не случайно на митинге в Судебной палате после оглашения программы министр-коммунист А. Югов особо подчеркнул, что национализации крупных предприятий не будет. Подобное заявление косвенно подтверждает уже высказанную выше мысль о том, какие вопросы стали «камнем преткновения» при обсуждении правительственной программы и привели к отсрочке ее принятия.

Таким образом, уже попытка выработать первый правительственный документ вскрыла серьезные различия во взглядах союзников на масштабы и социальную направленность предстоявших в стране преобразований. Это обусловило компромиссный характер программы от 17 сентября. Стержнем компромисса явилось оформление в программе курса на ликвидацию торгово-спекулятивного капитала как экономической основы фашизма в стране. Представи-

inslav

телей этого капитала В. Коларов отнес к «наиболее отвратительному типу эксплуататоров народа»[19]. Линия борьбы против этого отряда национальной буржуазии четко прослеживается уже при рассмотрении первого из трех экономических разделов программы — раздела хозяйственной политики.

Он открывался требованием ликвидации экономически и социально вредного посредничества, являвшегося одним из традиционных программных требований БЗНС. В широких кругах крестьянской партии представление о посредническом институте утвердилось как синоним деятельности многочисленных торговцев-перекупщиков, заполнивших канал «производитель — потребитель» и наживавшихся на эксплуатации и тех и других. Еще правительство Стамболийского ставило своей задачей «избавиться» с помощью кооперации от посредников, уничтожить эксплуатацию с их стороны[20]. Нет сомнения, что для громадного большинства населения страны этот пункт правительственной программы был абсолютно ясен. Для сельских тружеников он означал надежду на конец жестокой эксплуатации, продажи ими по низким ценам плодов собственного труда, их полной зависимости от спекулянта-перекупщика. Кроме того, уничтожение посреднического института наносило сильный удар по иностранным торговым фирмам, картелям и трестам, которые широко пользовались услугами посредников для получения сельскохозяйственного сырья.

Задачу уничтожения эксплуатации со стороны посредников-торговцев путем передачи функций обмена и распределения продукции кооперации выдвигали и коммунисты Так, в избирательной платформе Рабочей партии (1938 г.) указывалось на необходимость «полного и всестороннего урегулирования с помощью закона» торговли сельскохозяйственной продукцией, установления минимальных закупочных цен и максимальных — для продажи потребителю. Выдвигалось требование «жестокого преследования» спекулянтов-перекупщиков[21]. Включение в платформу Рабочей партии столь важных для деревни требований отразило стремление коммунистов добиваться союза с мелкобуржуазными массами.

Требования, созвучные идее обуздания посредничества, в общем плане соответствовали выдвигаемым социал-демократами планам создания экономически благоприятной обстановки для всех трудящихся. В канун второй мировой войны «Звено», выражая интересы средних слоев населения, также выдвинуло требование борьбы против спекулятивного капитала, тесно связанное с идеей кооперации. На кооперацию возлагалась задача серьезно ограничить посреднический институт. Следовательно, требование обуздать и даже полностью устранить экономически и социально вредное посредничество не противоречило программным положениям партий ОФ. В этом вопросе, по крайней мере на данной стадии его рассмотрения, было достигнуто единство.

Сферы обмена непосредственно касались два следующих пункта раздела: о ликвидации частных монополий и их привилегий с последующей организацией государственной монополии на экспорти-

inslav

руемую продукцию сельского хозяйства и импорт промышленной продукции и об «общественно организованном экспорте и импорте главных предметов потребления». Государственной монополии предстояло охватить внешнюю торговлю и страховое дело, т. е. те отрасли экономики, где сильные позиции занимал иностранный капитал. Фактическая картина здесь была такова: в сфере импорта иностранный капитал опирался на местных торговцев-оптовиков или созданные им центры по импорту — акционерные общества; экспортные же операции осуществлялись с помощью сети местных торговцев и посредников в селах, куда необходимо было проникнуть в целях завладения рынками сырья, производившегося в сельском хозяйстве [22]. Вот как, например, обстояло дело с экспортом табака. Основным рынком для него с конца 30-х годов была Германия. Крупнейший германский концерн «Реемстма» организовал вывоз табака, используя в качестве посредников потерпевшие крах болгарские табачные фирмы, сотрудничавшие с «Реемстмой» на комиссионных началах, что твердо гарантировало им получение прибыли. Болгарский табачный капитал получал при этом возможность диктовать свои цены крестьянам-производителям, и это приносило ему баснословные прибыли. К примеру, лишь 1939 г. дал более 900 млн. левов дохода [23]. Иными словами, введение государственной монополии внешней торговли, как это предлагалось в программе, означало удар по связанным с иностранным капиталом торговцам-посредникам, что соответствовало требованиям всех партий ОФ, в том числе и «Звена». Напомним, что после 19 мая 1934 г. «звенари» попытались провести ряд мероприятий, объективно ограничивавших доходы и всевластие частных монополий. Среди них — попытка ввести государственную монополию на табак, включая операции по закупке, обработке и продаже табака и табачных изделий. При этом ожидалось получение колоссальных прибылей. Достаточно сказать, что, по подсчетам официальных кругов, только одна первичная обработка табака должна была ежегодно приносить 14 млн. левов прибыли. Однако осуществить на практике госмонополию на табак не удалось, хотя дело дошло до принятия специального закона и создания дирекции монополии. Сопротивление крупных торговцев-экспортеров сорвало планы «звенарей» [24]. В 1936 г. закон о государственной монополии на табак был официально отменен. В программе «Звена», разработанной в 1937 г., наблюдалась известная коррекция прежних позиций: подчеркивалась необходимость введения госмонополии прежде всего в сфере торговли и особенно на те виды продукции, которые в огромных количествах сосредоточивались в руках отдельных лиц или частных обществ. Иначе говоря, торговля такими продуктами уже превратилась в частную монополию. Здесь четко проявилась позиция «Звена» относительно устранения «недугов» капитализма через энергичное вмешательство государства в экономику, посредством планирования стабилизации капиталистического хозяйственного механизма, предусматривавшее такие методы, которые не шли вразрез с буржуазным классовым характером государства. После 9 сен-

inslav

тября «звенари» неоднократно заявляли о намерении болгарского общества создать «антифашистское буржуазное государство», оценивали народно-демократическую власть как «реформирующую капитализм»[25]. Следовательно, с определенностью можно говорить о расчетах «Звена» на использование своих старых концепций в новых условиях, т. е. о неизменности позиции «звенарей» относительно введения государственной монополии к моменту формирования правительственной программы.

Следует отметить несколько особую позицию БЗНС, традиционно широко ставившего вопрос о монополии на табак, не ограничиваясь монополизированием экспорта[26]. Среди «земледельцев» не было единства относительно формы монополии, но победила точка зрения с кооперативной монополии, что соответствовало концепциям БЗНС относительно создания «системы кооперативного народного хозяйства». Таким образом, включение в программу от 17 сентября требования введения государственной монополии означало, что крестьянская партия пошла на уступку своим партнерам по ОФ.

Но процесс этот был обоюдным. Это отчетливо видно из рассмотрения пункта об «общественно организованном экспорте и импорте главных предметов потребления». Реально речь могла идти о передаче определенного объема внешнеторговых задач в руки кооперации. Но совершенно очевидно при этом, что «главные предметы потребления» как статьи экспортно-импортной торговли предполагалось включить согласно рассмотренному выше пункту в государственную монополию. Следовательно, требование «общественно организованного экспорта и импорта» отразило определенную уступку авторов программы в пользу сторонников развития кооперативных форм экономики. Несомненно при этом, что для коммунистов определяющим моментом явились функции и роль кооперации как защитницы интересов мелких производителей[27], а также то значение, которое придавал ей БЗНС.

Нам представляется, что приведенный выше материал отчетливо демонстрирует компромиссный подход, воспринятый участниками обсуждения программы в качестве единственно возможного в данной ситуации.

Четко выявившуюся линию действия против торгово-спекулятивной буржуазии подкрепило сформулированное в разделе хозяйственной политики требование ликвидации «паразитической промышленности». Оно восходило к программным положениям БЗНС. «Паразитическая промышленность» была связана в основном с переработкой местного, в первую очередь сельскохозяйственного, сырья. Широкие круги деревни были заинтересованы в ликвидации существовавшей системы, при которой такие отрасли индустрии, как табачная, мукомольная, консервная и др.[28], превратились в «паразитическую промышленность». Исходя из этого, левица БЗНС еще в 1924 г. предложила весьма радикальную меру национализации промышленных предприятий, связанных с сельским хозяйством[29]. Лишенная рынков сбыта и источников сырья вне страны, болгарская промышленность развивалась в рамках внутреннего рынка,

inslav

диктуя высокие цены на произведенные ею продукты. Таким образом, ее «паразитизм» ощущал на себе в равной степени и внутренний потребитель. Это объясняет появление требования ограничить «паразитическую промышленность» в платформе так называемого Демократического объединения 1938 г., в состав которого входили партии крупной и средней буржуазии: демократическая, национал-либеральная, Демократический сговор А. Ляпчева. Нам представляется, что это требование отразило также весьма специфический конфликт, существовавший между двумя группировками болгарской буржуазии: промышленниками и торговцами-оптовиками. Последние испытывали давление местных промышленников, господствовавших на рынке и диктовавших невыгодные для оптовиков цены, а также ухудшавших условия их кредитования. Обстановка настолько обострилась, что, как указывают болгарские исследователи Ст. Цонев и П. Близнаков, в 30-е годы Союз болгарских торговцев потребовал начать наступление против «паразитической промышленности», в защиту интересов торговцев[30]. Не исключено, что союз, взяв в тактических целях из арсенала БЗНС термин «паразитическая промышленность», рассчитывал создать определенную психологическую обстановку для решения в свою пользу вопроса о господстве на местных рынках.

Таким образом, требование ликвидации «паразитической промышленности» имело достаточно долгую историю. Оно как бы замыкало цепь, ведущую от производителя сырья через посредника-торговца к промышленнику, перерабатывавшему это сырье. Удар по группировкам национальной буржуазии, связанным со скупкой и переработкой сельскохозяйственного сырья, наносился по мере осуществления требования крестьянства. Важно и то, что при этом учитывался факт сотрудничества этих отрядов буржуазии с германскими фирмами в годы войны. В политическом плане это открывало, с одной стороны, возможность мобилизовать антикапиталистические настроения трудового крестьянства на борьбу против главного эксплуататора деревни, а с другой — обеспечить сотрудничество с той частью буржуазного лагеря, которая соглашалась содействовать процессу восстановления и развития экономики. Следует отметить, что принятая в программе от 17 сентября формулировка не содержала конкретных указаний на способ реализации данного требования, что позволяло рассчитывать на вариантное решение. И здесь, думается, можно было ожидать существенных расхождений. В частности, болгарские коммунисты накануне второй мировой войны планы наступления на «паразитическую промышленность» связывали с отменой пошлин на импортируемое сырье[31], тогда как «Звено» считало возможным уничтожить «паразитический» характер болгарской промышленности через усиление ее экспорта[32], что снимало бы напряжение на внутреннем рынке.

Серьезные преобразования планировались программой в области кредитной политики. Хотя, как указывалось выше, предложение о национализации кредита было отклонено, все же предполагавшиеся действия серьезно ограничивали всевластие крупных акционе-

inslav

ров и ставили деятельность финансового капитала и его возможности свободно распоряжаться сосредоточенными в банках средствами под контроль государства. На это было направлено требование введения планового начала в деятельность банково-кредитных организаций, налаживания их взаимодействия и установления контроля над политикой кредитования. Поскольку специфической чертой деятельности частнокапиталистических предприятий в Болгарии была их сильная зависимость от получения государственных, кооперативных и прочих кредитов *, то реализация намеченного в программе передавала в руки государства мощный рычаг, позволявший влиять на развитие промышленности в целом и на деятельность отдельных предприятий. Таким образом, комплекс мероприятий, предусмотренных программой в этой области, носил весьма радикальный характер. В связи с этим встает вопрос о том, почему на их проведение соглашалась идти буржуазия, представленная в ОФ «Звеном»?

Видимо, в общем плане ответ следовало бы связать с имевшейся на этот счет практикой вмешательства государства в некоторые отрасли экономики, в том числе и в политику кредитования, до 9 сентября. Т. е. к идее о регулирующей роли государства и ее нарастании болгарское общество было как бы «приучено». Другое дело, что в условиях буржуазного государства вмешательство это недвусмысленно преследовало цель оздоровления частного кредита, его «санации», и прежде всего в пользу крупного монополистического капитала. Показательно в связи с этим, что, выражая одобрение отраженной в программе от 17 сентября линии государственного руководства кредитом и банковским делом, газета «звенарей» «Изгрев» вспоминала о «спасении банков благодаря вмешательству и поддержке государства» в годы экономического кризиса [34]. Речь шла о происшедшем в 1934 г. слиянии 19 частных банков и образовании с помощью государства смешанного частно-государственного банка «Болгарский кредит», вскоре превратившегося в один из крупнейших финансовых центров в стране. Факт этот болгарский исследователь В. Георгиев справедливо охарактеризовал как своеобразное проявление заботы «Звена» в отношении финансового капитала [35], стремление спасти частные банки от неминуемой катастрофы в условиях экономического кризиса. Несомненно, что и в новых условиях после 9 сентября «Звено» рассчитывало на возможность продолжения подобной политики. Характерно, что именно к «Звену» были устремлены в тот момент взгляды «народняков» (членов народно-прогрессивной партии), наблюдался перелив сил этой одной из наиболее реакционных партий прошлого, объединявшей в своих рядах представителей крупного финансового капитала, в «Звено».

Дважды в программе от 17 сентября констатировалась необходимость конфискации имущества и капиталов, нажитых спекуля-

* К концу второй мировой войны соотношение собственных и привлеченных средств в промышленности составило 45,5 : 54,5 [33].

inslav

цией и взяточничеством в условиях военного времени (пункты содержались в разделах внутренней и финансовой политики). Эти требования были направлены против того отряда буржуазии, который, по словам В. Коларова, активно «содействовал прогерманскому антинародному курсу и извлекал из него скандальные выгоды» [36]. Болгарские экономисты убедительно доказали, что с немецким капиталом был тесно связан прежде всего торгово-спекулятивный болгарский капитал. Следовательно, требование конфискации, облаченное в антифашистскую патриотическую форму, включало в себя серьезный социальный аспект и отвечало основной направленности программы от 17 сентября против наиболее сильных группировок болгарской буржуазии, связанных с торгово-спекулятивным капиталом.

Материалы более позднего времени свидетельствуют, что довольно широкие круги торговой и промышленной буржуазии, опасаясь за судьбу своих капиталов, потребовали в ходе обсуждения законопроекта о конфискации уточнения и даже отмены понятия «спекуляция» [37]. Вероятно, эти опасения сыграли важную роль и при разработке программы от 17 сентября, в которой специального пункта о развертывании борьбы со спекуляций нет. Вряд ли убедительна точка зрения З. Златева, объясняющего отсутствие этого и некоторых других пунктов, о чем говорилось выше, «нехваткой времени» на их разработку и принятие в приемлемой для партнеров форме [38]. Достаточно напомнить, что в Манифесте к болгарскому народу подчеркивалась необходимость «уничтожения спекуляции и дороговизны». Вообще вопрос этот был очень непростым: в условиях хозяйственной разрухи большие слои населения страдали от засилья спекулянтов, но вместе с тем для значительного числа рабочих, ремесленников, мелких служащих, крестьян «черный рынок» был нередко единственным «потребителем» их продукции, источником пропитания. По некоторым данным, через «черный рынок» реализовывалось до 70% промышленной и 30% сельскохозяйственной продукции [39]. Противопоставить ему было необходимо новую организацию обмена и торговли. В принципе такая организация была найдена в лице кооперации, однако процесс перестройки требовал определенного времени. Хотелось бы привести фрагмент одного из выступлений заведующего экономическим отделом ЦК компартии * П. Кунина в НК ОФ, в котором он призвал учитывать, кто занимается спекуляцией: «Тот, для кого спекуляция стала профессией (отсюда и ее масштабы), или же мелкий ремесленник, от спекуляции которого народному хозяйству ущерба не будет» [40]. Объективно такая посылка была весьма сомнительной, если учесть размах ремесленного производства и количественный состав этой группы населения **. В одном из документов БЗНС прямо указывалось, что

* В конце сентября 1944 г. БРП получила новое наименование — Болгарская рабочая партия (коммунистов) — БРП(к).

** В начале 1946 г. был принят даже специальный закон о ремесле, запрещавший кустарям без разрешения властей открывать новые отделения своих заведений.

inslav

на «ремесленное сословие сейчас остальное население смотрит как на самое спекулянтское в стране»[41]. Нередко к спекулянтам причисляли и тех крестьян-собственников, которые вывозили на рынок свою продукцию.

Таким образом, вопрос о борьбе против спекуляции фактически упирался в определение политики народной власти не только и даже не столько по отношению к определенным кругам буржуазии, но прежде всего к мелкобуржуазным массам города и деревни. При разработке программы предстояло учесть все стороны этого вопроса и занять правильную позицию. Видимо, найти компромиссный вариант формулировки данного требования не удалось. Отсюда и его отсутствие в совместном документе. Однако от четкой позиции относительно необходимости «пресечь путь спекуляции и черному рынку» коммунисты не отказались[42]. Сложность вопроса состояла в том, как этого достичь.

Рассмотренные пункты экономических разделов составили фактически целый комплекс взаимосвязанных мероприятий, последовательное осуществление которых означало настоящий разгром группировок болгарской буржуазии, связанных с переработкой сельскохозяйственного сырья и торговлей сельскохозяйственной продукцией. Проведение в программе мероприятий определенной социальной направленности было в немалой степени заслугой коммунистов. Только в этом смысле программу от 17 сентября можно считать антикапиталистической. Сосредоточение сил на направлении основного удара по определенному отряду национальной буржуазии соответствовало представлению большинства партнеров коммунистов по ОФ о границах развития революционного процесса в Болгарии. Однако за внешней умеренностью программы скрывались немалые потенциальные возможности, связанные с неизбежным ослаблением всего класса эксплуататоров, изменением структуры собственности в целом и, что особенно важно, изменением общего соотношения классовых сил в стране в пользу пролетариата. Большинство рассмотренных в статье требований носило специфическую, традиционную для Болгарии окраску, характерную для программных документов мелкобуржуазных партий, и прежде всего БЗНС. Этими требованиями оперировали и буржуазные партии, стремившиеся к распространению своего влияния на широкие круги болгарского общества. Таким образом, для абсолютного большинства населения страны эти требования были полностью ясны и понятны. И не слабостью, а именно сильной стороной программы от 17 сентября было включение данных пунктов и в данной конкретной формулировке в согласованный документ, которому предстояло стать программой *действия*.

Являясь главной силой, которая организовывала сотрудничество политических партий после 9 сентября, коммунистическая партия сумела правильно наметить те промежуточные цели, от достижения которых зависел исход борьбы за политическую армию революции и, следовательно, в конечном счете осуществление главной задачи классовой борьбы пролетариата. Достигнутый при разработке про-

inslav

граммы от 17 сентября 1944 г. компромисс оказывался с точки зрения исторической перспективы более выгодным для рабочего класса, а не для буржуазии.

Программа имела за собой поддержку огромного большинства нации. От того, какая из партий ОФ сыграет главную роль в ее осуществлении, в немалой мере зависело, чью руководящую роль это большинство в конце концов признает и чья руководящая роль определит перспективы развития революции. История однозначно ответила на этот вопрос — такой партией стала БРП(к).

[1] *Исусов М.* Политическите партии в България, 1944—1948. С., 1978, с. 20.
[2] *Димитров Г., Костов Т., Югов А.* Речи по отговора на Тронното слово пред XXVI Обикновено Народно събрание. С., 1945, с. 5.
[3] *Мозеров В. Д.* К вопросу о характере народно-демократической революции в Болгарии.— В кн.: Некоторые вопросы классовой борьбы в зарубежных странах. Саранск, 1976, с. 7.
[4] *Гришина Р. П.* Расстановка политических сил в Болгарии после установления народно-демократической власти (сентябрь 1944 — ноябрь 1945 г.).— В кн.: Из истории народно-демократических и социалистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977, с. 51.
[5] *Димитров И.* Провалът на контрареволюционния пристъп срещу народнодемократичната власт в края на 1944 г.— Известия на Българско историческо дружество, 1967, кн. 26, с. 12.
[6] *Златев З.* Проблеми на прехода от капитализма към социализма в България. С., 1982, с. 110; *Шарланов Д.* Отечественият фронт и социалистическата революция. С., 1975, с. 42—43; *Бонев В.* За единния, народния и Отечественния фронт. С., 1971, с. 243; *Позолотин М. Е.* Болгарский рабочий класс в борьбе за социализм.— В кн.: Рабочий класс и строительство социализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977, с. 33.
[7] *Куков К.* Разгром на буржоазната опозиция (1944—1947). С., 1965, с. 43.
[8] *Исусов М.* Политическите партии..., с. 22.
[9] *Конаков Н. К.* Политическая борьба в Болгарии (9 сентября 1944 — ноябрь 1945 г.): канд. дис. Л., 1976, с. 19.
[10] *Мурашко Г. П.* Борьба рабочего класса за национализацию промышленности: Из опыта революций 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1979, с. 141—142.
[11] *Златев З.* Стопанската политика на народнодемократичната власт непосредствено след 9 септември 1944 г.— В кн.: В чест на академик Христо А. Христов: Изследвания по случай 60 години от рождението му. С., 1976, с. 441—442.
[12] *Драмалиев К.* В Националния комитет на ОФ през ония дни.— В кн.: Спасителният за България Отечествен фронт: Статии и спомени. С., 1975, с. 199.
[13] Střední a Yihovýchodni Evrop a ve válce a v revoluci, 1939—1945. Pr., 1969, s. 434—435.
[14] Земеделско знаме, 1944, 14 септ.
[15] Българската комунистическа партия в резолюции и решения на конгресите, конференциите, пленумите и Политбюро на ЦК. С., 1955, т. 4, с. 9, 222, 227—229.
[16] *Григоров Б.* За някои идейно-политически тенденции в българската социалдемокрация (1931—1934).— Известия на Института по история на БКП, 1976, № 35, с. 135.
[17] Централен партиен архив при ЦК на БКП (далее — ЦПА), ф. 205, оп. 3, а. е. 47, л. 2.
[18] Народен съюз «Звено»: Нашата програма. С., 1945, с. 15.
[19] *Коларов В.* Избр. произв. С., 1955, т. 3, с. 211.
[20] *Стамболийски А.* Земеделско управление. Първа година. С., 1921, с. 96—97.

inslav

[21] Работническата партия в България, 1927—1938: Сб. от док. и материали. С., 1966, с. 517.
[22] *Чакалов А.* Форми, размер и дейност на чуждия капитал в България (1878—1944). С., 1962, с. 83.
[23] *Валев Л. Б.* Болгарский народ в борьбе против фашизма (накануне и в начальный период второй мировой войны). М., 1964, с. 48.
[24] Бразда, 1947, № 15, с. 165.
[25] Централен държавен архив на НРБ, ф. 68, оп. 1, а. е. 2, л. 97; Земеделско знаме, 1945, 11 март.
[26] *Стамболийски А.* Принципите на Българският земеделски съюз. София, 1919, с. 52; Земеделско знаме, 1944, 30 дек.
[27] Българската комунистическа партия в резолюции и решения..., т. 2, с. 234.
[28] 100 години българска индустрия, 1834—1937. С., 1937, с. 69.
[29] *Тишев Д.* Единодействието между комунисти и земеделци в борбата против фашизма. С., 1967, с. 173.
[30] *Цонев Ст., Близнаков П.* Икономическите предпоставки на социалистическата революция в България. Варна, 1964, с. 90.
[31] Работническата партия в България..., с. 517.
[32] Народен съюз «Звено»..., с. 11.
[33] *Симов Б., Благоев Б., Асланян О.* Възстановяване и развитие на промишлеността в НРБ, 1944—1948. С., 1968, с. 34.
[34] Изгрев, 1945, 9 марта.
[35] *Георгиев В.* Буржоазните и дребнобуржоазните партии в България, 1934—1939. С., 1971, с. 76.
[36] Стенографски дневници на XXVI Обикновено Народно събрание: I редовна сесия. С., 1946, кн. 2, с. 232.
[37] Изгрев, 1946, 31 януар.; Деп. 1946, 6 февр.; Народно земеделско знаме, 1946, 9 февр.; Свободен народ, 1946, 30 септ.
[38] *Златев З.* Стопанската политика..., с. 441.
[39] *Янчев Д.* Икономическите отношения между града и селото от 9.IX. 1944 г. до национализацията на промишлеността през 1947 г.— Научни трудове на Висшия институт по механизация и електрификация на селското стопанство (Русе). С., 1961, т. IV, с. 11.
[40] ЦПА, ф. 1, оп. 17, а. е. 19, л. 1.
[41] Земеделско знаме, 1945, 10 окт.
[42] Установяване и укрепване на народнодемократичната власт. Септември 1944 — май 1945: Сб. док. С., 1969, с. 302.

К 40-летию освобождения Балкан от фашизма

В. В. ЗЕЛЕНИН, Н. Д. СМИРНОВА

Во второй половине 30-х годов Балканы, весь регион Юго-Восточной Европы занимали видное место в политических и стратегических планах двух европейских империалистических группировок: ставших на путь развязывания новой войны держав фашистской «оси» и противостоявшего им англо-французского блока, проводившего политику «умиротворения» агрессоров, главной целью которой было направить военную машину гитлеровской Германии на Восток, против Советского Союза. Именно политика «умиротворения» привела во второй половине 30-х годов к разрушению существовавших там региональных союзов (Малая Антанта, Балканская Антанта), с одной стороны, и к значительной потере ими экономических по-

inslav

зиций на Балканах — с другой. Накануне второй мировой войны гитлеровская Германия практически превратила страны Юго-Восточной Европы в аграрно-сырьевой придаток своей военной экономики, а многие из правивших в них фашистских и диктаторских режимов — в своих сателлитов и сообщников.

Фашистская Италия, проводившая политику агрессии в бассейне Средиземного моря и в Северной и Восточной Африке и, в частности, выдвигавшая требование о превращении Адриатического моря во «внутреннее море» Италии, готовилась к захвату прибрежных областей Югославии, к аннексии Албании, угрожала независимости Греции. Опираясь на поддержку гитлеровской Германии и применяя «мюнхенский метод», Италия 6 апреля 1939 г. без объявления войны напала на Албанию, и в течение недели ее войска оккупировали всю страну.

22 мая 1939 г. нацистская Германия и фашистская Италия подписали военно-политический договор — родилась пресловутая «ось Рим—Берлин», с присоединением к которой 11 декабря 1940 г. милитаристской Японии оформился агрессивный Тройственный пакт.

Предпринятые в 1939—1940 гг. Англией и Францией попытки по сколачиванию блока балканских государств во главе с Турцией, некоего «Балканского фронта», который преградил бы путь германским войскам на Ближний Восток и в Индию, результатов не имели, а предоставленные Англией некоторым балканским странам «гарантии» их границ остались на бумаге ввиду отсутствия у нее реальной возможности оказания им эффективной помощи.

Все конструктивные шаги Советского Союза, направленные на создание эффективной системы коллективной безопасности против агрессии, наталкивались на отказ реакционных правительств Англии и Франции, в расчеты которых входило «канализировать» агрессию гитлеровской Германии против Советского Союза. Диктаторские и фашистские режимы, господствовавшие во всех балканских странах, в силу своей классовой природы и внешнеполитической ориентации не шли на укрепление дружественных отношений с СССР, предпочитали лавировать между двумя империалистическими блоками, надеясь сохранить «нейтралитет» в надвигавшейся войне.

С весны 1939 г. игравшая определяющую роль в «союзе агрессоров» гитлеровская Германия развернула дальнейшее широкое экономическое и политическое наступление на Балканах.

Навязав правительству Румынии еще в марте 1939 г. кабальное экономическое соглашение, в результате которого все нефтяные, сырьевые и продовольственные ресурсы страны фактически переходили в распоряжение Германии, последняя в октябре 1940 г. с согласия фашистского диктатора И. Антонеску ввела в Румынию свои войска, присутствие которых было в ноябре того же года закреплено официальным присоединением Румынии к Тройственному пакту.

Правившая в Болгарии монархо-фашистская клика под прикрытием заявлений о «нейтралитете» (1940 г.) на деле все больше втягивала страну в орбиту гитлеровской Германии. 1 марта 1941 г. премьер-министр Б. Филов подписал акт о присоединении Болгарии

inslav

к агрессивному Тройственному пакту, на следующий день в страну вступили немецко-фашистские войска.

Турции удалось сохранить положение нейтральной страны.

Разгром Франции летом 1940 г. и резкое ослабление военного положения Великобритании итальянское фашистское правительство расценило как благоприятные условия для реализации агрессивных планов на Балканах. 28 октября 1940 г. итальянские войска вторглись в Грецию, но были вскоре остановлены греческой армией, отстаивавшей независимость своей страны, и к весне 1941 г. греческая земля была полностью очищена от захватчиков, а бои велись на территории Албании.

После длительного лавирования между державами «оси» и англо-французским блоком вопреки требованиям возглавлявшей борьбу народных масс Коммунистической партии Югославии об ориентации внешней политики страны на союз с СССР югославское профашистское правительство Д. Цветковича, уступив посулам и шантажу гитлеровской дипломатии, 25 марта 1941 г. присоединилось к Тройственному пакту. Этот шаг реакционного правительства был расценен народными массами как акт национальной измены. Под лозунгами «Лучше война, чем пакт», «Долой пакт — требуем союза с Россией!» народ вышел на улицы. Во главе демонстрантов были коммунисты. В ночь на 27 марта группа проанглийски настроенных офицеров совершила государственный переворот, правительство и регентство во главе с принцем Павлом Карагеоргиевичем были отстранены, новое правительство возглавил генерал Д. Симович. Взбешенный провалом планов «мирного» захвата Югославии, Гитлер отдал директиву о разгроме ее военной силой. К тому же гитлеровское командование еще с осени 1940 г. начало подготовку к проведению весной 1941 г. операции «Марита», предусматривавшей оказание военной помощи итальянской армии, терпевшей поражение в Греции. 6 апреля 1941 г. немецкие войска одновременно напали на Югославию и Грецию. В агрессии против Югославии приняли участие итальянские войска.

Оккупировав Югославию и Грецию, фашистские агрессоры поделили их территории между собой, привлекши к разделу хортистских правителей Венгрии и монархо-фашистских правителей Болгарии. Так к июню 1941 г. фашистский «новый порядок» был установлен во всех странах Юго-Восточной Европы.

В результате агрессивных действий фашистского блока одни страны (Албания, Греция, Югославия) были оккупированы войсками стран «оси» и их союзников и лишены национальной независимости; их территории были произвольно перекроены оккупантами, природные ресурсы подверглись хищническому разграблению, а население — жестокой эксплуатации и преследованию. Главы этих государств (югославский король Петр II и греческий король Георг II) со своими правительствами находились в эмиграции в Лондоне (там же находился и албанский король Зогу, но на положении частного лица, в то время как правительства Югославии и Греции пользовались статусом союзных правительств). Другие страны региона

inslav

(Болгария и Румыния) являлись членами фашистского блока, их правители участвовали в политике держав «оси», их людские и материальные ресурсы были предоставлены в распоряжение гитлеровской Германии (22 июня 1941 г. армии фашистского режима И. Антонеску вместе с немецко-фашистскими войсками напали на Советский Союз).

В оккупированных странах подавляющая часть прежнего диктаторского аппарата управления, местные фашистские и профашистские партии и организации и группы перешли на службу к захватчикам, встали на путь коллаборации с оккупантами.

Оппозиционные фашистскому режиму буржуазные партии и группировки, экономически и политически тяготевшие к Западу, заняли пассивную выжидательную позицию, рассчитывая прийти к власти в результате победы западных союзников над фашистским блоком и восстановления довоенных порядков. И в странах фашистского блока имелись партии и группировки буржуазии, ориентировавшиеся на западные страны; некоторые их деятели выполняли задания английской спецслужбы. В условиях жестокого фашистского террора и разгула национализма и шовинизма, особенно в период начальных временных успехов фашистских армий, они не проявляли активности.

Самыми решительными противниками фашизма были трудящиеся массы — рабочий класс и трудовое крестьянство, которым установление фашистского «нового порядка» принесло кровавый террор, доведенную до предела эксплуатацию, ликвидацию всех завоеваний предшествующей классовой борьбы, полное бесправие. Наиболее стойким и последовательным выразителем интересов трудящихся был авангард рабочего класса — коммунистические и рабочие партии, закаленные в борьбе против реакционных режимов. Общественно-политической целью всех народных, демократических сил, группировавшихся вокруг коммунистических партий, были изгнание оккупантов, восстановление независимости родины (для оккупированных стран) и установление подлинно демократического строя, при котором судьбу страны решали бы сами народы, а не эгоистические реакционные клики, поставившие их на грань гибели (для всех стран региона).

Формой объединения всех антифашистских, демократических сил в борьбе за достижение указанных целей стали народные (национальные) фронты, руководящей силой в которых выступали коммунистические и рабочие партии.

При известных различиях в их структуре — в одних странах это были коалиции компартий с антифашистскими, демократическими (а в отдельных случаях и буржуазными) партиями и группировками (Отечественный фронт — в Болгарии, ЭАМ — в Греции), в других коммунисты сплачивали вокруг себя широкие демократические массы и способствовали созданию беспартийных антифашистских (молодежных, женских и др.) организаций, куда вовлекались и рядовые члены крестьянских и других мелкобуржуазных партий (Югославия, Албания, в менее развитой форме — Румыния),— глав-

inslav

ной задачей народных (национальных) фронтов было развертывание массовой политической и вооруженной борьбы против фашизма. Особый размах последняя получила в Югославии, Греции и Албании, где массовое партизанское движение переросло в освободительную войну, в ходе которой были созданы народно-освободительные армии.

Первостепенным фактором, способствовавшим возникновению и развертыванию движения Сопротивления и его высшей формы — вооруженной освободительной войны, была героическая борьба Советского Союза против гитлеровской Германии, окрылявшая народы порабощенных стран Европы верой в грядущую победу над фашизмом. С первых дней войны Коммунистическая партия Советского Союза и Советское правительство со всей определенностью заявили, что целью всенародной отечественной войны Советского Союза против фашистских угнетателей является не только ликвидация нависшей над ним опасности, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма.

Коммунистические и рабочие партии стран Юго-Восточной Европы, руководствовавшиеся стратегией и тактикой антифашистской борьбы, разработанной VII конгрессом Коминтерна и конкретизированной после нападения фашистской Германии на Советский Союз, возглавили борьбу народных масс против фашизма на широкой антифашистской платформе, отвечавшей интересам и чаяниям всех патриотов, способствовавшей сплочению всех демократических сил.

Складывавшемуся во главе с рабочим классом под руководством коммунистов народно-демократическому лагерю противостоял буржуазный лагерь, на крайнем правом фланге которого находились силы фашизма — оккупанты и коллаборационисты в оккупированных странах и фашистские режимы в странах — сателлитах гитлеровской Германии, полностью разоблачившие себя как враждебные интересам народа, антинациональные силы. Занявшие выжидательную, пассивную позицию нефашистские буржуазные партии и группы, отказавшиеся от союза с коммунистами в борьбе с фашизмом, лишились авторитета и влияния в народных массах. Созданные ими в оккупированных странах вооруженные формирования в силу своего антикоммунизма раньше или позже скатились к коллаборационизму (четники в Югославии, ЭДЭС в Греции, Балли комбетар в Албании). В обстановке крайней поляризации классовых и политических сил, углублявшейся в связи с приближением разгрома гитлеровской Германии при решающей роли Советского Союза, в условиях все большей компрометации буржуазии, показавшей свою полную неспособность отстаивать интересы народа, рабочий класс стал ведущей силой нации. Неизмеримо выросли влияние и авторитет коммунистических и рабочих партий, героическими делами доказавших свою верность народу, свой патриотизм, проявивших стойкость и самоотверженность в борьбе.

Все это позволило коммунистам взять в свои руки дело преобразования общественно-политического устройства своих стран. Еще в

inslav

ходе войны в Югославии, Греции и Албании зародилась и развилась новая государственность. Народно-освободительные комитеты в Югославии, национально-освободительные советы в Албании, комитеты ЭАМ в Греции, возникшие первоначально как органы вооруженной борьбы против захватчиков и их местных пособников, по мере расширения масштабов борьбы, поляризации внутренних политических сил, образования освобожденных территорий превратились в органы новой, народной власти, опиравшейся на народ и исходившей от народа. Становление и укрепление народно-демократической государственности проходили в острой борьбе не только против фашистских режимов, но и (Югославия, Греция) против отечественных буржуазных правительств, находившихся в эмиграции и пользовавшихся всесторонней поддержкой Лондона, стремившегося воспрепятствовать установлению в балканских странах народно-демократической власти, восстановить в них буржуазно-монархические порядки. Освобождение Румынии и Болгарии Советской Армией создало благоприятные условия для антифашистских восстаний в этих странах.

Разгром фашизма при решающей роли Советского Союза создал благоприятные условия для победы народно-демократических революций, к власти пришли правительства народных (национальных) фронтов, объединявших рабочий класс и непролетарские слои трудящихся и возглавляемых коммунистическими и рабочими партиями (в Греции этот процесс был прерван английской вооруженной интервенцией в октябре 1944 г.).

Завершение антифашистской национально-освободительной борьбы на Балканах открыло новый исторический этап в жизни народов этих стран. В результате революционных процессов, развивавшихся параллельно с движением за освобождение от фашистской оккупации, а в странах — сателлитах гитлеровской Германии в итоге вооруженных восстаний осени 1944 г., были созданы условия для победы народно-демократических революций и формирования новых органов власти, принципиально отличных от существовавших до начала второй мировой войны. Тогда, на рубеже 1944—1945 гг., не могло быть и речи о восстановлении старых порядков, т. е. диктаторских режимов фашистского или полуфашистского типа. Даже те монархи, которые стремились к восстановлению или сохранению своих позиций, были вынуждены декларировать свою приверженность демократии, отказ от старых методов правления. Речь шла о том, изберут ли народы в качестве альтернативы скомпрометировавшим себя режимам старую, буржуазную демократию или демократию нового типа, ставившую во главу угла суверенную власть народа. Политическое и социально-экономическое развитие подавляющего большинства стран Центральной и Юго-Восточной Европы на заключительном этапе мировой войны свидетельствовало о воле народов строить новое общество.

Исторический опыт стран Балканского полуострова подтвердил правильность законов общественного развития, выработанных теоретиками марксизма-ленинизма, внес большой вклад в теорию и прак-

inslav

тику коммунистических и рабочих партий. Выдержала испытание временем идея создания народного фронта борьбы против фашизма и реакции, в котором руководящая роль принадлежала коммунистическим и рабочим партиям. Широкий союз антифашистских сил, образовавшийся в годы войны во всех (кроме Турции) балканских странах, позволил создать оптимальные условия для прогрессивного развития общественных сил, слить в единое целое борьбу за уничтожение фашизма с обновлением и углублением демократии, найти правильное сочетание форм и методов разрешения национальных и социальных проблем.

Создание в балканских странах (за исключением Турции) на заключительном этапе войны нового типа государств, получившего затем название народной демократии, означало разрыв с буржуазно-помещичьим прошлым, принятие народами решения идти по пути социалистического развития, что и было закреплено в первых конституциях Албании (1946 г.), Болгарии (1947 г.), Румынии (1948 г.), Югославии (1946 г.). Конституции закрепили завоевания трудящихся, констатировав ликвидацию буржуазного государственного аппарата и замену его новыми органами власти, избираемыми и контролируемыми народом.

Разгром фашизма, ослабление позиций иностранного и местного капитала в балканских странах позволили сочетать восстановление хозяйства, разрушенного войной, с проведением коренных социально-экономических преобразований. И в этой области последовательное осуществление мероприятий в интересах в первую очередь трудового народа выводило народно-демократические государства на социалистический путь, подтверждая правильность прогнозов классиков марксизма-ленинизма о социалистическом будущем мира как о закономерном процессе развития человеческого общества. В налаживании социально-экономической жизни новых государств большую прогрессивную роль сыграли пример и помощь Советского Союза.

Советский Союз ставил целью своей послевоенной политики создание демократического антифашистского порядка в Европе и помощь в переустройстве национальной экономической жизни в соответствии с принципами, зафиксированными в принятой на конференции в Ялте «Декларации об освобожденной Европе». Она предусматривала достижение этого «таким путем, который позволит освобожденным народам уничтожить последние следы нацизма и фашизма и создать демократические учреждения по их собственному выбору. В соответствии с принципом Атлантической хартии о праве всех народов избирать форму правительства, при котором они будут жить, должно быть обеспечено восстановление суверенных прав и самоуправления для тех народов, которые были лишены этого агрессивными нациями путем насилия» [1].

Внешнеполитические усилия Советского правительства были направлены на защиту интересов народов — как боровшихся в рядах антигитлеровской коалиции, так и тех, которые были ввергнуты в пучину войны на стороне стран «оси» антинациональной политикой своих правительств.

inslav

В области внутренней политики это были восстановление государственной независимости, обеспечение свободного развития, восстановление (или установление) демократических прав и свобод, которые были попраны в условиях фашистского режима, искоренение фашизма там, где он имел корни в социально-политической области, наказание предателей и коллаборационистов, создание демократического государственного аппарата, закрепление и развитие социально-экономических завоеваний народов и т. п.

В области внешней политики борьба шла за ограждение зарождающейся новой государственности в народно-демократических балканских странах от вмешательства империалистических держав, пытавшихся добиться реставрации буржуазно-помещичьих порядков. Важное место в этой борьбе занимало обеспечение равноправного положения в послевоенном мире для всех государств и народов. Дипломатия Советской страны и других восточноевропейских стран—членов ООН (на Балканах это была Югославия) боролась за справедливые условия мирных договоров (репарации и территориальные проблемы), за дипломатическое признание правительств Албании, Болгарии и Румынии, за пресечение попыток западных держав вмешиваться во внутренние дела балканских стран путем включения в правительства своих ставленников, контроля над выборами и шантажа непризнания и т. п.

На том этапе, когда социализм вышел за пределы одной страны и стал превращаться в мировую систему, были заложены основы нового типа международных отношений, строившихся на дружбе, взаимной помощи и поддержке. СССР заключил соответствующие договоры с Югославией (12 апреля 1945 г.), Румынией (4 февраля 1948 г.), Болгарией (18 марта 1948 г.). Между балканскими народно-демократическими странами были также подписаны в период 1945—1948 гг. договоры о дружбе, взаимной помощи и сотрудничестве. Экономическое сотрудничество осуществлялось в форме двустороннего внешнеторгового обмена и на основе краткосрочных соглашений. Так подготавливались условия для перехода к более высокому типу взаимоотношений — многостороннему научно-техническому сотрудничеству, воплотившемуся в созданном в 1949 г. Совете Экономической Взаимопомощи.

По мере развития народно-демократических стран по пути социализма, утверждения в них диктатуры пролетариата в форме народной демократии, в конце 40-х годов создалось содружество свободных государств и народов — мировая социалистическая система. Это стало важнейшим итогом социально-политического развития стран Центральной и Юго-Восточной Европы в 40-е годы, а в мировом масштабе вторым по своему всемирно-историческому значению событием истории XX в. после Великой Октябрьской социалистической революции.

В послевоенной Европе развивался объективный процесс — постепенное изменение соотношения сил в пользу социализма за счет ослабления позиций империализма. Вместо реакционных авторитарных режимов с ярко выраженной антисоветской направленностью

inslav

утверждались на Балканах прогрессивные демократические силы общества. Правящие круги США, претендовавшие на лидерство в западном мире, возглавили борьбу за спасение устоев капитализма. Они выдвинули широкую программу, продиктованную новыми представлениями о роли США. Американский исследователь Дж. Гэддис объяснял этот новый феномен в политике тем, что у правящей верхушки США появилось ощущение всемогущества, возникшее в результате осознания возросшей американской экономической мощи и факта обладания атомной бомбой[2]. Речь пошла о навязывании своих принципов послевоенного переустройства мира. Причем Балканам была отведена роль испытательного полигона. Не случайно поэтому, что именно с Балканами, а точнее, с Грецией и Турцией было связано появление «доктрины Трумэна» как своеобразного законодательного оформления пресловутой «холодной войны».

На примере Греции, занимавшей ключевые позиции на стыке ближневосточного и балканского регионов, наиболее четко прослеживаются средства и методы, применявшиеся американским империализмом, связывавшим воедино две основные цели: выстеснение своих капиталистических конкурентов из района, который стал считаться им сферой национальных интересов США, и так называемое сдерживание коммунизма, т. е. недопущение утверждения, на Балканах в частности, новых демократических режимов.

Методы борьбы против «коммунистической опасности», отрабатывавшиеся в Греции, должны были стать универсальными для всего региона. Однако твердая последовательная политика Советского Союза на международной арене, решительное сопротивление правительств народно-демократических государств попыткам международной реакции вмешаться в их внутренние дела отвели угрозу от Албании, Болгарии, Румынии и Югославии. Были пресечены попытки вновь сделать Балканы «пороховым погребом» Европы, в который вел бикфордов шнур, находившийся в руках империалистических поджигателей. Победа социалистических отношений в большинстве государств Балканского полуострова заложила основы для превращения Балкан в зону прочного мира и сотрудничества между народами.

[1] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании, 4—11 февраля 1945 г. М., 1979, с. 248.

[2] *Gaddis J.* The United States and the Origins of the Cold War, 1941—1947. N. Y., etc., 1972, p. 36.

inslav

Восстановление дунайского судоходства после второй мировой войны

(Политико-экономические аспекты)

М. А. МУНТЯН

Возрождение торгового судоходства на Дунае являлось одной из главных задач прибрежных государств в их усилиях по нормализации послевоенной экономической жизни. Ограбленные фашистской Германией, понесшие значительный ущерб в ходе военных действий на своих территориях, придунайские страны были крайне заинтересованы в использовании возможностей речного судоходства в качестве важного элемента национальных транспортных систем и для организации международного экономического сотрудничества. В этом смысле международно-правовые, политико-дипломатические аспекты дунайской проблемы, ставшие в первые после войны годы сложнейшим вопросом мирного урегулирования в Европе, ни в коем случае не преуменьшали для прибрежных государств значимость хозяйственного использования Дуная еще до того, как будет выработан судоходный режим этой торговой магистрали. Более того, именно из-за упорных попыток империалистических держав закрепиться в Дунайском бассейне с помощью режима интернационализованного Дуная каждая конкретная акция прибрежных стран на данной реке сразу же приобретала политический характер, доказывая их способность организовать судоходство в интересах всех народов и без ущемления чьих-либо прав.

В то время как США и Англия на Потсдамской конференции глав правительств СССР, США и Великобритании и на Лондонской сессии Совета министров иностранных дел главных держав антигитлеровской коалиции беспрестанно поднимали вопрос о своем участии в контроле над дунайским судоходством, Советский Союз выделил значительные силы и средства для расчистки фарватера Дуная от мин, затопленных судов, остатков взорванных мостов, сумев к сентябрю 1945 г. создать необходимые условия для судоходства от устья до Вены [1]. Работы, осуществленные СССР на Дунае в этот период, имели такой размах, что корреспондент агентства Рейтер Джон Пит был вынужден признать в одной из своих статей, что «Советские власти всемерно помогают в деле движения по реке» [2]. Это был реальный вклад в организацию дунайского водного пути и навигации на Дунае, практическая помощь придунайским народам в первых их шагах по восстановлению национальных хозяйств.

В то время как дипломаты США и Англии прилагали максимум усилий для обеспечения преимущественного влияния неприбрежных государств в контроле над судоходством по Дунаю, Советский Союз содействовал укреплению позиций дунайских стран как хозяев этой реки. После изгнания гитлеровцев из Румынии и Югославии советское командование передало управление сложным для судоходства

inslav

участком Железные Ворота — Катаракты представителям указанных двух стран. В результате переговоров в августе—сентябре 1945 г. они образовали Временный комитет по управлению администрацией Железных Ворот и Катаракт [3]. М. Радович, сотрудник Главного управления речного судоходства Министерства путей сообщения Югославии, участник этих переговоров, отметил в своей книге: «По вопросу управления администрацией Железных Ворот и Катаракт Союзная Контрольная Комиссия в Румынии (руководство этой комиссией по соглашению между союзниками осуществлялось советскими представителями.— *М. М.*) стояла за принцип абсолютного равенства между Румынией и Югославией и за то, чтобы их полномочный орган имел право контроля и право консультации этой администрации в ее работе и принятии решений» [4].

Временный комитет представителей двух стран имел серьезные полномочия. В его обязанности входило общее финансирование администрации Железных Ворот и Катаракт, т. е. обеспечение ее деятельности, так как, по свидетельству В. Нинчича, расходы администрации из-за неудовлетворительного состояния навигации нельзя было покрыть сбором пошлин. Характерно, что в инструкции представителю Югославии во Временном комитете Министерство иностранных дел этой страны поручало внимательнейшим образом «следить за мерами, которые новый орган предпримет для обеспечения правильного функционирования этой администрации», наделяя его полномочиями, связанными с материальными обязательствами югославской стороны. В результате правительства Румынии и Югославии полностью взяли на себя расходы по финансированию мероприятий, связанных с улучшением судоходных условий на этом участке Дуная, выделяя на эти цели значительные суммы. Существенна еще одна деталь. Временный комитет, испытывая постоянную нужду в средствах, все же при назначении такс за проход судов по обводным каналам и на стремнине Железных Ворот исходил из того, что судоходные компании прибрежных государств находились также в тяжелых условиях. В. Нинчич пишет по этому поводу: «Материальное и финансовое положение судоходных обществ диктовало Временному комитету, особенно в начале его деятельности, умеренные таксы». Это был истинно хозяйский подход к эксплуатации одного из сложнейших участков Дуная. Не случайно, что в 1946 г. через Железные Ворота прошло в общей сложности 3217 судов с 816 830 т грузов, а в 1947 г.— уже 4334 судна с 1 090 866 т грузов [5].

Начиная со второй половины 1945 г., Советский Союз приложил огромные усилия для того, чтобы вдохнуть жизнь в замершее дунайское судоходство, восстановить деятельность национальных пароходных обществ освобожденных придунайских государств. Это его стремление отразилось, в частности, в передаче прибрежным странам принадлежавших им средств навигации, оказавшихся в распоряжении Советской Армии в качестве военных трофеев или же поднятых со дна реки, отремонтированных и готовых к осуществлению перевозок. Так, согласно подписанному 11 сентября 1945 г. согла-

inslav

шению, Правительство СССР в октябре этого же года передало Румынии большую часть трофейных судов румынского торгового и военного флотов [6]. Выступая на торжествах, посвященных этому, председатель кабинета министров Румынии П. Гро́за подчеркнул: «Благодаря великому соседнему другу мы имеем сейчас в своем распоряжении средства навигации по Дунаю и возможность осуществлять импорт и экспорт водным путем» [7]. Всего же в 1945 г. Советский Союз возвратил прибрежным государствам следующие количества судов и барж: Румынии — 405, Югославии — 181, Чехословакии — 37, Болгарии — 31, Венгрии — 11. Эта акция привела к тому, что все судоходные общества указанных стран к началу 1946 г. восстановили свою деятельность, перевезя в течение года почти 2,5 млн. т грузов [8].

В условиях, когда США отказывались возвратить придунайским государствам свыше 800 судов и барж, оказавшихся в их распоряжении в результате угона этих средств навигации гитлеровцами в верховья Дуная, требуя согласия прибрежных стран на участие империалистических держав в контроле над дунайским судоходством, серьезный вклад в решение транспортных задач начавшегося в долине Дуная экономического возрождения внесли акционерные общества, образованные в Румынии и Венгрии с участием Советского Союза. Создаваемые на строго паритетных началах, действовавшие в рамках национальных законодательств прибрежных стран, эти смешанные общества способствовали направлению советской помощи на решающие участки восстановления их экономики. В частности, при создании акционерного общества «Месхарт» в Венгрии СССР передал ему для эксплуатации 28 пароходов. Оценивая этот шаг Советского Союза, министр транспорта и связи Венгрии заявил 24 апреля 1946 г., что данный конкретный шаг «выходит за рамки обычного акта», так как «Советский Союз передает Венгрии корабли, когда наши пароходы, угнанные на Запад, все еще находятся далеко от родины». Он констатировал в этой связи, что «Советское правительство указанным актом укрепляет экономические основы венгерской демократии» [9]. Точно так же в отчете советско-румынского акционерного общества «Совромтранс» за 1946 г. отмечалось, что «в настоящее время общество имеет возможность обеспечить в стране речные перевозки в объеме 500 тыс. т за навигационный период и уже восстановило довоенную протяженность водных пассажирских линий» [10].

Успехи названных акционерных обществ послужили стимулом к образованию 7 декабря 1947 г. советско-югославского пароходного общества (ЮСДАП), целью которого стало развитие национального флота Югославии и обеспечение транспортных нужд страны. Первоначальные вклады сторон были определены в 400 млн. динаров, что сразу же превратило общество в серьезный фактор в речном судоходстве Югославии. Однако это общество просуществовало недолго, поэтому не сумело реализовать всех преимуществ соединенных усилий двух стран, сконцентрированных на одном направлении.

inslav

В Австрии под контролем Управления советским имуществом было создано Дунайское пароходное общество, владевшее несколькими десятками судов и выполнявшее заказы правительства страны. Вместе со 128 судами, переданными СССР австрийским компаниям в 1946 г., советские корабли обслуживали транспортные нужды Австрии, весьма острые из-за того, что в американской зоне оккупации были «законсервированы» сотни буксиров и барж, принадлежавшие собственникам этой страны [11]. Восстановление саперными частями Советской Армии мостов через Дунай в Вене улучшило условия для судоходства на всем австрийском участке реки. Авторы книги «Вена восстанавливается», изданной в Австрии в 1947 г., назвали эти мосты «мостами взаимопонимания между австрийским народом и народами Советского Союза» [12].

В то же время СССР активно поддерживал требования придунайских государств о возвращении в их распоряжение сотен судов, оказавшихся после завершения военных действий в Европе в американских зонах оккупации в Австрии и Германии. Дело в том, что правящие круги США и Великобритании, стремившиеся сделать Дунай «широким окном в Восточную Европу», добиться участия в контроле над дунайским судоходством, превратили вопрос о реституции навигационного парка прибрежных государств в объект торга, добиваясь реализации своих целей. СССР решительно поддержал официальное обращение Югославии и Чехословакии к правительству США с просьбой о возвращении соответственно 167 и 42 судов и барж [13], на что американцы ответили, что возвращение югославских и чехословацких судов будет ускорено лишь в том случае, если эти две страны поддержат требование США об интернационализации Дуная [14].

Но США «не полагались только на дипломатию в достижении своих целей» [15]. В мае 1946 г. они интернировали 372 принадлежавших различным придунайским государствам судна, находившихся в это время в порту Фильсгофен [16]. Председатель госдепартамента США заявил по поводу указанной акции: «Пока великие державы не договорятся о свободной навигации по Дунаю, мы не освободим эти суда» [17]. Пресса США откровенно писала о том, что захват судов в Фильсгофене непосредственно связан с требованием интернационализации Дуная. В частности, «Нью-Йорк геральд трибюн» освещала указанные события следующим образом: «Соединенные Штаты получили ценное имущество, чтобы иметь возможность вести торг во время переговоров» [18]. О желании правящих кругов США использовать оказавшиеся в их руках суда придунайских государств в качестве инструмента давления с целью добиться участия неприбрежных держав в контроле над Дунаем писал корреспондент газеты «Рейнольдс ньюс» Давид Раймонд, цитируя слова представителя штаба американских войск во Франкфурте-на-Майне: «У нас — суда, у них — река. Но суда можно обменять на уступки» [19].

Предприняв акцию в Фильсгофене, американские правящие круги продемонстрировали свой подход, как об этом писала газета «Известия», «к дунайскому вопросу как удобному объекту торга,

inslav

как к «обменной ценности» для достижения успехов в других вопросах»[20]. Этим шагом правительство США раскрыло истинное положение дел в дунайской проблеме. Для многих стало ясно, что «в настоящее время движение (на Дунае.— *М. М.*) парализовано вовсе не советским военным надзором за рекой,— как отмечала «Дейли уоркер»,— а намного более очевидным фактом — большая часть дунайских судов сконцентрирована в верхнем течении под контролем американцев, и США отказываются освободить их»[21].

В общем хоре западной прессы, поддержавшей «решительные действия» американцев в Фильсгофене, тем не менее слышались и трезвые голоса. Английский еженедельник «Экономист», анализируя возможные последствия подобных действий представителей США, отмечал: «Россия будет рассматривать эту меру как новую попытку навязать Советскому Союзу и придунайским странам волю западных держав»[22]. «Экономист» сомневался, что подобный шаг Соединенных Штатов способен содействовать достижению взаимопонимания в дунайской проблеме. И действительно, самочинные действия американцев вызвали возмущение в странах Дунайского бассейна. Обозреватель «Известий» А. Шатилов подчеркивал в этой связи, что «подход США к вопросу, имеющему жизненное значение для судеб придунайских стран, решительно отметается ими»[23].

7 июня 1946 г. генеральный секретарь правительства Югославии в беседе с представителем ТАНЮГ заявил об осуждении Советом министров ФНРЮ задержки военными властями США югославских судов. «В иностранной печати,—отметил он,— появились сообщения, что таким образом союзнические власти оказывают давление на Югославию и другие придунайские страны, чьи суда также находятся в верхнем течении Дуная, чтобы добиться так называемого свободного судоходства по Дунаю»[24]. 5 июня 1946 г. в специальной ноте правительство Чехословакии протестовало против действий США, настаивая на возвращении без каких-либо дополнительных условий чехословацкого имущества[25]. Аналогичные позиции заняли также правительства Болгарии, Венгрии и Румынии.

Пытаясь ускорить реституцию своих судов из американских зон оккупации в Австрии и Германии, Югославия и Чехословакия в августе 1946 г. апеллировали к Организации Объединенных Наций. И в югославской ноте, и в письме, с которым обратилось к генеральному секретарю ООН правительство Чехословакии, подчеркивался экономический аспект поднятого вопроса. Правительство ФНРЮ ставило, к примеру, в известность членов ООН, что задержка югославских судов на Верхнем Дунае в значительной мере ослабляет усилия страны по восстановлению своей экономики. Так, из-за отсутствия плавательных средств Югославия смогла получить из Польши и Чехословакии лишь около 10% необходимых ее народному хозяйству угля и кокса, сумев поставить этим странам не более 10% уже закупленной ими железной руды[26]. Югославский представитель С. Симич заявил на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН: «Из-за того, что указанные суда стоят без дела, наша промышленность, как и промышленность Чехословакии

inslav

и Венгрии, не получают в срок необходимые им уголь и железную руду; в Югославии это вызывает безработицу тысяч рабочих, частые перебои в работе доменных печей, влекущие за собой значительные задержки в производстве машин и оборудования, нужных в сельском хозяйстве и для восстановления промышленности. Такие же задержки наблюдаются и в перевозках продовольствия» [27].

В свою очередь чехословацкий делегат Я. Папанек подчеркивал: «Дунай представляет для Чехословакии один из удобнейших путей связи с морем. И хотя эта река на всем протяжении судоходна, невозможно восстановить чехословацкое судоходство в сколько-нибудь крупном масштабе, так как значительное количество судов было захвачено и насильно уведено из Чехословакии во время ее оккупации Германией. В настоящее время эти суда находятся в ведении союзных военных властей на Верхнем Дунае. Учитывая нынешнее тяжелое положение чехословацкой транспортной системы... я хочу обратить внимание на тот факт, что полное возвращение транспортных средств является существенно важным для экономического восстановления Чехословакии» [28].

Правительство США использовало обращение Югославии и Чехословакии за помощью к ООН по вопросу о возвращении их собственности для того, чтобы инспирировать «дополнительное обсуждение дунайского вопроса в Экономическом и социальном совете», как информировал находившегося в Париже государственного секретаря Дж. Бирнса его заместитель Д. Ачесон. «Нашей целью,— объяснял он,— является расширение темы от вопроса о возвращении 167 югославских судов до крупного вопроса о восстановлении свободы судоходства на Дунае» [29]. Английская «Обсервер» комментировала это намерение США в том смысле, что «задержка судов на Дунае представляет собой только один из многих рычагов, при помощи которых Америка стремится держать долину Дуная открытой для свободной торговой инициативы», называя столь деликатно «проникновение капиталистических средств и идей» в этот регион [30]. 24 августа 1946 г. Д. Ачесон заявил на пресс-конференции, что правительство США воспользуется югославской нотой для привлечения ООН к обсуждению всего комплекса вопросов, составляющих проблему судоходства на Дунае. Он дал понять, что если Югославия не согласится с предложением об интернационализации Дуная, то США провалят просьбу ФНРЮ с помощью подконтрольной им «машины голосования» в ООН. Югославская «Политика» отмечала незаконность метода, избранного Ачесоном: «Хотим сразу же констатировать, что не видим, на основании какого признанного международного права вопрос о возвращении югославских судов связывается с широкой проблемой дунайского судоходства». В своем заявлении Ачесон, как подчеркивала газета, соединил два различных вопроса, обусловив решение первого из них разрешением второго [31].

Заявление Ачесона было подкреплено рядом практических действий американских оккупационных властей в Австрии, что должно было убедить и Югославию, и другие придунайские страны в реши-

inslav

мости США идти последовательно по избранному ими пути. Так, 24 августа американская военная полиция блокировала зимний затон в Линце, где была сосредоточена часть югославских судов, а 26 августа начала перегонять их в Баварию, в порт Линдау [32]. «Правда» расценила эти действия американцев как «меру, подчеркивающую нежелание возвратить эти суда Югославии» [33]. А «Политика» прямо писала о грубом нажиме США на Югославию в дунайском вопросе [34]. Перевод югославских судов из Линца вверх по реке продолжался и после того, как правительство ФНРЮ обратилось в Союзный Контрольный Совет в Австрии с нотой протеста против этих незаконных акций американской военной администрации [35]. Столь же неправомерные действия в это же время предприняли американцы и по отношению к венгерским судам. Как сообщала «Правда», в конце августа американские власти передали немецкому пароходному обществу для эксплуатации около 40 судов и 200 барж венгерского происхождения. Эта же газета отмечала, что «венгерская общественность усматривает в задержке торгового флота попытку со стороны американского правительства сохранить в своих руках средство давления на Венгрию» [36].

Советский Союз, Югославия и Чехословакия сорвали реализацию одобренного Экономическим и социальным советом ООН предложения США о созыве конференции по определению режима судоходства на Дунае, где бы неприбрежные государства имели прочное большинство, а значит, и возможность навязать выгодные прежде всего им решения. В то же время в ООН США сумели торпедировать все попытки придунайских государств добиться положительного решения поставленного ими вопроса о возвращении транспортных средств. Проблема реституции судов и барж придунайских государств из американских зон оккупации в Австрии и Германии нашла свое разрешение на Нью-Йоркской сессии Совета министров иностранных дел США, Великобритании, Франции и Советского Союза в ноябре 1946 г., когда Соединенные Штаты попытались «извлечь выгоду» из возвращения судов государствам Дунайского бассейна, добиваясь включения в мирные договоры с Болгарией, Венгрией и Румынией статей, предрешавших характер судоходного режима Дуная. 11 ноября 1946 г. Бирнс объявил, что правительство США приняло решение вернуть Венгрии, а также другим придунайским странам их суда, находившиеся на Верхнем Дунае, и отдало распоряжение оккупационным властям своих зон в Австрии и Германии приступить к реализации этого решения [37]. В ответ представители СССР сняли свое категорическое несогласие с введением в мирные договоры с тремя побежденными прибрежными государствами каких-либо статей о судоходстве на Дунае, предложив включить в них положение о том, что «навигация на этой реке должна быть открытой и свободной для граждан, торговых судов и грузов всех государств на основе равноправия в отношении навигационных сборов и условий торгового судоходства в рамках обычных торговых связей», оговорив вопрос о созыве конференции по режиму дунайского судоходства и о ее составе в специальном постановле-

inslav

нии СМИД. Это был компромисс, оставлявший за прибрежными государствами решающее слово в определении условий осуществления и контроля над дунайским судоходством.

Уже в декабре 1946 г. из американских зон оккупации в Австрии и Германии было отправлено в Югославию 196, в Венгрию — 217, Чехословакию — 25 судов и барж [38], реституция всех навигационных средств была завершена весной 1947 г. В том году на участке Дуная, принадлежавшем Советскому Союзу и странам народной демократии, осуществляли навигацию более 1700 пароходов, буксиров, самоходных и несамоходных барж, танкеров общей грузоподъемностью более 1 млн. т [39]. Дунай, который, по образному выражению П. Анжеса, долгое время служил «лишь подъездным путем для империализма», стал включаться «в расчеты тех, кто осуществлял первые планы экономического развития народных демократий по пути к социализму» [40]. В 1947—1948 гг. придунайским народно-демократическим странам удалось стабилизировать экономическое положение, они ввели элементы плановости в народное хозяйство, осуществили широкие мероприятия по обобществлению основных средств производства. Многочисленные торговые соглашения, которые заключали между собой страны народной демократии Дунайского бассейна и Советский Союз, были дополнены в этот период договорами о торговле и мореплавании, ставшими правовой базой всех экономических отношений. Двусторонние договоры создали одновременно определенную систему навигационных правил на Дунае, так как значительная часть товарооборота между придунайскими странами шла по этой транспортной артерии. Прибрежные страны в договорных актах реализуют свои права хозяев реки для создания на ней такого судоходного режима, который соответствовал их коренным экономическим интересам, вырабатывая в двусторонних переговорах единую точку зрения по главным проблемам судоходства на Дунае. Дунайская конференция 1948 г. в этом отношении стала логическим завершением борьбы придунайских государств за свои суверенные права на этой международной водной магистрали, за такой судоходный режим, который, охраняя их национальные интересы, обеспечивал в то же время справедливые условия многостороннего экономического сотрудничества, включая и непребрежные государства. Х. Бокор-Сёдё отмечала в этой связи, что «вступление в силу белградской конвенции и обусловленная ею деятельность Дунайской комиссии могут служить примером, как соответствующее международное урегулирование эффективным образом содействует улучшению сотрудничества между государствами в различных областях, а в нашем случае — в деле навигации на Дунае» [41].

Дунай ныне является не только свидетелем новых отношений, сложившихся между государствами социалистического содружества. В гигантские социально-экономические преобразования, которые характеризуют развитие Болгарии, Венгрии, Румынии, Чехословакии и Югославии, «река внесла свой особый вклад» [42]. Символом сегодняшнего Дуная является одна из самых сложных и крупных гидро-

inslav

энергетических и судоходных систем в Европе — «Джердап», построенная в районе Железных Ворот СРР и СФРЮ при техническом содействии Советского Союза. Реализация этого дерзновенного проекта стала возможной лишь в результате перехода Дуная в руки придунайских народов, когда использование реки приобрело комплексный характер. У древнего Дуная полноводная жизнь в настоящем и блестящие перспективы в будущем. По реке осуществляют навигацию суда под флагом 30 государств, ежегодно транспортируя не менее 70 млн. т различных грузов. На Дунае построены 8 крупных гидротехнических сооружений, 4 находятся в стадии строительства, 17 проектируются. Комплексная программа социалистической экономической интеграции стран—членов СЭВ предусматривает ряд конкретных мероприятий по использованию Дуная. В частности, рассматривается грандиозный проект соединения Дуная с Одером и Эльбой. Нельзя также не учитывать возрастания значения дунайского водного пути в международном экономическом сотрудничестве в Европе после вступления в строй гидротехнических сооружений, которые соединят Дунай с Майном и Рейном, создав гигантскую трансевропейскую судоходную магистраль. Уже в настоящее время перед дунайскими странами стоит задача принять участие в сотрудничестве, как это зафиксировано в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, по «созданию единой судоходной системы» на континенте [43].

[1] *Баскин Ю. Я., Рыжкин П. И.* Дунайское судоходство и его правовой режим в XX веке. Измаил, 1968, с. 36.
[2] Цит. по газ.: Правда, 1946, 17 июня.
[3] *Мунтян М. А.* Дунайская проблема в международных отношениях (1945—1948 гг.). Кишинев, 1977, с. 78.
[4] *Радовић М.* Дунав и његов међународни положај. Београд, 1945, с. 44.
[5] *Мунтян М. А.* Дунайская проблема..., с. 170.
[6] Правда, 1945, 15 окт.
[7] Graiul Nou, 1945, 18 oct.
[8] *Юнкевич В. В., Капикраян Л. Я., Михайлов В. М., Баскин Ю. Я.* Дунай и дунайское судоходство. М., 1962, с. 100.
[9] Правда, 1946, 28 апр.
[10] ЦА МВТ СССР, ф. 52, оп. 8072, д. 3, л. 24.
[11] *Юнкевич В. В.* и др. Дунай..., с. 104.
[12] Цит. по кн.: *Белецкий В. М.* Советский Союз и Австрия. М., 1962, с. 166.
[13] Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers (далее — FRUS). The Conference of Berlin. Wash., 1960, v. 2, p. 331.
[14] FRUS, 1946, v. 5, p. 227.
[15] *Kolko J., Kolko G.* The Limits of Power. The World and United States Foreign Policy, 1945—1954. N. Y., 1972, p. 193.
[16] FRUS, 1946, v. 5, p. 260.
[17] The New York Herald Tribune, 1946, 23 June.
[18] Ibid.
[19] The Reinolds News, 1946, 2 June.
[20] Известия, 1946, 23 июня.
[21] The Daily Worker, 1946, 16 July.
[22] The Economist, 1946, 3 June.
[23] Известия, 1946, 23 июня.
[24] Правда, 1946, 17 июня.

inslav

[25] FRUS, 1946, v. 5, p. 262.
[26] United Nations Economic and Social Council: Official Record. Third Session. [N. Y., 1946] Supplement N 4, p. 54.
[27] Ibid.
[28] Ibid., p. 55.
[29] FRUS, 1946, v. 5, p. 671.
[30] The Observer, 1946, 25 Aug.
[31] Политика, 1946, 29 авг.
[32] Там же.
[33] Правда, 1946, 31 авг.
[34] Политика, 1946, 4 сент.
[35] Там же.
[36] Там же.
[37] FRUS, 1946, v. 5, p. 1099.
[38] FRUS, 1946, v. 2, p. 282.
[39] *Юнкевич В. В.* и др. Дунай..., с. 110.
[40] Сов. государство и право, 1949, № 2.
[41] *Bokor-Szedő H.* La Convention de Beograd et le regime du Danube.— In: Annuaire Française de Droit International, 1962. P., 1963, p. 205.
[42] *Gogeanu P.* Dunărea in relaţii internaţionale. Buc., 1970, p. 290.
[43] Правда, 1975, 2 авг.

Политика США в отношении социалистических стран Юго-Восточной Европы в послевоенные годы

(Основные аспекты проблемы)

А. А. ЯЗЬКОВА

Послевоенная политика западных государств в отношении отдельных стран Юго-Восточной Европы и балканского региона в целом может быть отнесена к числу недостаточно изученных проблем современной истории. В научной литературе социалистических стран наибольшее внимание уделялось истории народно-демократических и социалистических преобразований в каждой из них, отношений с ними Советского Союза. Проблемы их внешней политики и отношений с Западом освещены в меньшей степени, хотя на протяжении последнего десятилетия был опубликован ряд работ, трактующих отдельные аспекты американской политики в отношении стран Юго-Восточной Европы и прилегающих к ней районов Средиземноморья [1].

Круг исторических и политических работ, опубликованных в послевоенные годы на Западе, прежде всего в США, в связи с проблематикой Восточной Европы и Балкан, сравнительно широк. Американская историография прошла за это время ряд этапов, в основном соответствовавших этапам политики США в отношении социалистических стран Восточной Европы — от периода «холодной войны» с характерными для нее доктринами «сдерживания» и «освобождения» к периоду поиска «уязвимых звеньев», «наведения

inslav

мостов», нащупывания методов дифференцированной политики в отношении социалистических стран [2]. В 70-е годы, как это отмечалось в советской литературе, определенное воздействие как на историографию восточноевропейской политики США, так и на американский внешнеполитический курс в отношении стран данного региона оказали происходившие в этот период в мире позитивные перемены: изменения в соотношении сил государств двух систем на международной арене, дальнейшее укрепление позиций реального социализма и его возросшее воздействие на ход международных событий [3]. Наступившее на рубеже 80-х годов общее ужесточение политического курса США в отношении стран социализма наложило свой отпечаток также и на характер исторических и историко-политических публикаций американских авторов. Как в этих публикациях, так и в самом американском внешнеполитическом курсе все более отчетливо стали проявляться внешнеполитические доктрины времен «холодной войны», что выразилось в попытках фактического возрождения пресловутой «доктрины Трумэна».

Автор настоящего сообщения предпринял попытку вычленить наиболее существенные вопросы, связанные с послевоенной политикой США в отношении государств Юго-Восточной Европы, имея в виду необходимость выявления как методологических аспектов подхода США к проблемам балканского региона, так и главных направлений американской политики.

Касаясь вопросов методологии подхода американских историков и политиков к изучению поставленных проблем, нельзя не заметить, что само их отношение к вопросу об определении места и роли Восточной Европы и Балкан в европейской и мировой политике на протяжении послевоенных лет существенно не менялось. В работах подавляющего числа американских авторов мы встречаем изложенную по существу, а иногда и прямо сформулированную позицию о роли государств Юго-Восточной Европы как объекта, а не как субъекта мировой политики. Истоки такого подхода заложены в исторически сложившемся еще в XIX в. отношении европейских, а затем империалистических держав к малым государствам капиталистической Европы. В межвоенные годы правящие круги государств Восточной Европы и Балкан с готовностью восприняли возложение на них Западом функции «санитарного кордона» на границах с Советским государством и тем самым еще раз подтвердили свое зависимое положение в мировой политике. После второй мировой войны положение и роль этих стран, вступивших на путь революционных преобразований, коренным образом изменились, однако инерция политического мышления Запада, его негативное и даже враждебное отношение к процессам революционного обновления воспрепятствовало формированию более реалистического подхода к проблемам этого региона, пониманию его нового места и роли в мировой политике.

Указанные исходные позиции были восприняты идеологами и политиками США, активно вторгавшимися после второй мировой войны во все сферы европейских международных отношений. В те

inslav

же годы определялись также и основные цели, характерные для американской восточноевропейской политики второй половины 40-х годов: опираясь на представителей бывших господствующих классов, навязать странам Восточной Европы и Балкан отброшенную их народами роль объектов мировой политики и утвердить свое доминирующее положение в этих странах. Об этом откровенно писал известный американский дипломат и историк Дж. Кэмпбелл, признававший, что еще во времена подготовки послевоенных мирных договоров США и Великобритания стремились к достижению единой цели: «Поставить свою ногу в дверь, ведущую в Восточную Европу, политически и экономически» [4]. В 70-е годы эта мысль, хотя и не в столь прямолинейной форме, была продолжена и развита тем же автором в его рассуждениях по поводу «столкновения интересов» США и СССР на Балканах и в зоне Средиземноморья [5].

Несмотря на изменившиеся условия, по существу та же цель — «внедрение» США в Юго-Восточную Европу и использование этого региона в интересах реализации глобальных установок американской внешней политики — была в 60-е годы сформулирована одним из ведущих американских внешнеполитических идеологов Зб. Бжезинским, утверждавшим, что в отношении этого региона «созидательная инициатива должна прийти с Запада, в частности от Соединенных Штатов» [6]. И наконец, уже во второй половине 70-х годов авторы коллективного труда об экономических и политических изменениях в Восточной Европе после Хельсинки (!) еще более четко проводят ту же мысль. «В целом Восточная Европа как регион,— подчеркивают они,— остается, как она и была, скорее *объектом*, чем *субъектом* международных отношений (курсив наш.— *А. Я.*)» [7].

Подобная однозначность в оценке роли и места Восточной Европы, а соответственно и целей американской политики свидетельствует о наличии в этом вопросе устойчивых тенденций в американской внешнеполитической идеологии.

Разумеется, на различных этапах международных отношений эти тенденции проявлялись по-разному.

В 1945—1948 гг. общая направленность и цели американской политики в отношении стран Юго-Восточной Европы сводились к попыткам США сохранить и упрочить свое влияние в этом регионе. Речь шла о сохранении Юго-Восточной Европы в качестве объекта империалистической политики, а также об экономических интересах американских монополий. С учетом этих общих целей конкретная политика США в регионе в первые послевоенные годы строилась с расчетом опоры на уходившие с исторической арены эксплуататорские классы и совместного с ними противодействия внутренним революционным преобразованиям, равно как и упрочению международного положения молодых народно-демократических государств. Эта особенность американской политики критически оценивалась впоследствии даже некоторыми американскими историками и политологами. Как это отмечал автор опубликованной в США в 1970 г. книги, «в действительности вторая мировая война революционизировала политическую и военную обстановку в Восточной Европе...

inslav

Предвоенный мир не мог быть восстановлен — радикальные экономические и политические изменения стали неизбежными». А. Теохарис указывает на то обстоятельство, что непонимание президентом Трумэном происходивших в этой части Европы перемен вызвало к жизни наиболее негативные проявления «холодной войны», доктрину «сдерживания» во внешней политике и маккартизм во внутренней политике США [8].

Империалистическое вмешательство в дела стран, вступивших на путь социализма, не приняло, однако, форм вооруженной интервенции или же открытой поддержки контрреволюционных акций. Главной причиной этого были кардинальное изменение соотношения сил на мировой арене в пользу социализма, рост международного авторитета Советского Союза, что заставило империалистических политиков считаться с фактом послевоенных политических изменений в ряде стран Юго-Восточной Европы и позволило их народам относительно мирным путем отстоять свои революционные завоевания против посягательств со стороны империалистической реакции.

По-иному разворачивались события в южной части Балкан, в частности в Греции, где силы контрреволюции смогли одержать верх, опираясь на прямую поддержку западного империализма. В марте 1947 г. была, как известно, провозглашена так называемая «доктрина Трумэна», имевшая открыто выраженный антисоциалистический и антисоветский характер. Известный американский журналист У. Липпман, раскрывая подлинные цели этой доктрины, писал в свое время: «Мы выбрали Грецию и Турцию не потому, что они особенно нуждаются в помощи, и не потому, что они являются блестящими образцами демократии, но потому, что они представляют собой стратегические ворота, ведущие в Черное море и к сердцу Советского Союза». Еще более откровенно сформулировал эту мысль Л. Браун, автор изданной в США в 1947 г. книги: «Мы сможем бомбить мягкое подбрюшье России и почти все ее крупные города со сравнительно близкого расстояния. Наши же города находятся на чрезвычайно большом расстоянии от баз ее бомбардировщиков» [9].

В условиях «холодной войны» и перехода США в конце 40-х — начале 50-х годов к политике «освобождения» Восточной Европы, сопровождавшейся методами так называемой «тотальной дипломатии», отношения между США и народно-демократическими государствами Юго-Восточной Европы значительно ухудшились. Американские администрации повели против них фронтальное наступление, систематически обвиняя правительства Румынии и Болгарии в «нарушении прав человека» и «несоблюдении условий мирных договоров». Делегация США при поддержке союзных и зависимых от США государств вплоть до 1955 г. препятствовала осуществлению законного права Румынии, Болгарии и Венгрии занять свое место в ООН. Дипломатические отношения между Болгарией и США были в 1950 г. разорваны, отношения между Румынией и США были по вине американской стороны сведены к минимуму и продолжали оставаться незначительными на всем протяжении 50-х годов.

inslav

В первой половине 50-х годов правящие круги США предприняли попытку оказания давления на Югославию, воспользовавшись ухудшением ее отношений с СССР и народно-демократическими государствами после 1948 г. Предоставив Югославии кредиты и оказав ей значительную экономическую помощь, Запад попытался вписать Югославию и в свои военно-политические планы, приблизив ее к Греции и Турции. В феврале 1953 г. в Анкаре был подписан договор о дружбе и сотрудничестве трех стран сроком на 5 лет, а в августе 1954 г.— Договор о политическом сотрудничестве и взаимной помощи, который получил затем название Балканского пакта и оценивался в западной литературе как «успех американской внешней политики» [10].

Балканский пакт оказался недолговечным как из-за обострившихся в середине 50-х годов греко-турецких разногласий в связи с проблемой Кипра, так и из-за отказа Югославии усиливать военные стороны пакта, на чем настаивали западные державы. В 1955 г. после нормализации советско-югославских отношений И. Броз Тито заявил: «Если мы будем усиливать военные аспекты Балканского пакта, мы тем самым отойдем от принципов нашей собственной внешней политики»[11]. В результате Балканский пакт, так и не ратифицированный югославской стороной, прекратил свое существование, а империалистические планы в балканском регионе потерпели провал. Как признавал впоследствии американский автор, «Балканский пакт не смог, таким образом, стать каналом, через который Югославия была бы исподволь втянута в оборонительную систему Атлантического союза» [12]. Во второй половине 50-х годов отношения между Югославией, США и другими западными государствами значительно ухудшились.

Изменение характера отношений США с Румынией и Болгарией произошло лишь на рубеже 60-х годов, когда международные экономические и политические позиции этих государств значительно упрочились на основе их возросшего равноправного экономического и политического сотрудничества с Советским Союзом и другими странами, вставшими на путь социализма. В мае 1955 г. Румыния и Болгария совместно с другими социалистическими государствами Европы подписали Варшавский Договор, ставший серьезным препятствием на пути империалистической политики в отношении стран социализма.

Таким образом, можно констатировать, что в процессе послевоенной нормализации отношений между США и вставшими на путь социализма странами Юго-Восточной Европы их правительствам пришлось выдержать тяжелую борьбу за возможность поддержания и развития этих отношений на принципах мирного сосуществования, уважения суверенитета и независимости, равноправия и взаимной выгоды. Единство позиций, прочная опора на возросший в послевоенные годы авторитет социализма и международно-политический престиж СССР позволили этим странам отстоять свои интересы, решительно отклонить попытки вмешательства реакционных политических кругов США в их внутренние дела.

inslav

Особый интерес представляет исследование проблем политики США в отношении стран Юго-Восточной Европы в 60—70-е годы. В этот период в общем русле антисоциалистической линии США все более существенное место отводилось реализации целей и задач так называемой «дифференцированной политики», последствия которой ранее других испытали на себе социалистические государства Юго-Восточной Европы. Главная цель «дифференцированной политики» состояла и состоит в реализации конечных стратегических задач — «размывании» основ социализма в отдельных странах, их противопоставлении друг другу и Советскому Союзу. США стремятся также укрепить позиции НАТО в южной части Балканского полуострова, который по-прежнему расценивается как важнейший стратегический район. Специфика балканской политики Соединенных Штатов определяется, таким образом, не только общими антисоциалистическими целями, но также и их военно-стратегическими интересами с учетом близости балканского региона к границам СССР, Ближнему Востоку и Средиземноморью.

В соответствии с этими стратегическими задачами балканской политики США формировались и ее тактические направления, которые были суммарно изложены в публикациях члена Совета Национальной Безопасности в период администрации Дж. Картера, американского международника — эксперта по балканским странам Шт. Лэрэби, выступлениях помощников госсекретаря США Р. Берри и Д. Иглбергера [13].

Политика США и НАТО явилась существенным препятствием в деле обеспечения мира и безопасности на Балканах и прилегающих к ним районах Средиземноморья, что особенно ярко проявилось во второй половине 70-х — начале 80-х годов в условиях нового обострения международной напряженности. Как это неоднократно признавали сами руководящие деятели НАТО, США и другие страны Североатлантического блока прибегли в этот период к укреплению и расширению своих позиций в Восточном Средиземноморье, «районе вокруг Дарданелл», который, по словам бывшего командующего вооруженными силами НАТО в Южной Европе, американского адмирала Брауна «имел и имеет решающее значение» для всей системы НАТО в сфере южноевропейского командования [14]. Не случайно, что именно в Восточном Средиземноморье в 70-х годах проводились наиболее значительные маневры военно-морских сил НАТО, главную ударную силу которых представляет 6-й флот США. Обосновывая цели политики США и НАТО, Дж. Кэмпбелл писал о значении установления контроля над этим районом «для любой державы, желающей распространить сегодня свое влияние на Европу, Западную Азию, Африку, Атлантический и Индийский океаны» [15].

Большинство американских политиков и политологов в той или иной форме признают, что военное и политическое «присутствие» США в этом районе имеет одной из главных своих целей «противостояние» социалистическим государствам, в первую очередь странам Организации Варшавского Договора, и поддержание обстановки

inslav

военной угрозы на их южных рубежах. «Два авианосца 6-го флота придают ему мощное политическое и психологическое значение,— пишет американский автор.— Базирующаяся на них авиация может сбросить как обычные, так и ядерные вооружения на любую цель, удаленную более чем на тысячу километров от авианосцев, включая южные районы Советского Союза, Болгарию, Венгрию, Румынию» [16].

Стратегические цели США и НАТО в Восточном Средиземноморье тесно переплетаются с политическими задачами, которые, по признанию американских политологов, «с удивительным единодушием преследовали сменявшие друг друга американские администрации»,— укрепление своих пошатнувшихся позиций в южной части Балканского полуострова, имея в виду, что в кризисной ситуации, как это показал опыт ближневосточного конфликта 1973 г., «Балканы могут стать важным авиа- и морским путем» [17].

В свете сказанного значительный интерес представляет более подробное рассмотрение конкретных целей и задач, которыми американская сторона руководствовалась и руководствуется в своей политике в отношении отдельных балканских государств, равно как и подведение наиболее общих итогов этой политики, способствующее выяснению некоторых ее перспектив. При этом следует учитывать, что основные стратегические цели и направления политики США в балканском регионе остаются стабильными, имея под собой классовую антисоциалистическую основу.

Несмотря на усилившуюся на протяжении последнего десятилетия активность США в балканском регионе, в более широком плане очевидной представляется бесперспективность американского курса в отношении балканских социалистических стран. Это объясняется прежде всего социалистическим характером их внешней и внутренней политики, их заинтересованностью в продолжении разрядки, развитии мирного и равноправного сотрудничества, сохранении мира и безопасности на Балканах и прилегающих районах. Именно поэтому справедливую настороженность вызывают у всех государств Юго-Восточной Европы действия США и НАТО в Восточном Средиземноморье и капиталистической части Балкан.

Наконец, важнейшим направлением в политике подавляющего большинства стран Юго-Восточной Европы являются укрепление и развитие их отношений с Советским Союзом. СССР и в более широком плане реальный социализм выступают сегодня как главный фактор упрочения позитивных тенденций в отношениях государств двух систем, в том числе и в Юго-Восточной Европе. В этом и заложены гарантии противодействия «дифференцированной политике» США, укрепления единства действий социалистических государств Юго-Восточной Европы.

Таковыми в общих чертах представляются главные направления исследования основных аспектов политики США в Юго-Восточной Европе в послевоенные годы и реакции на эту политику балканских социалистических государств.

inslav

[1] В советской литературе эти проблемы рассмотрены в работах: *Мельников Ю. М.* От Потсдама к Гуаму. М., 1974; *Орлик И. И.* Империалистические державы и Восточная Европа. М., 1968; *Он же.* Политика западных держав в отношении восточноевропейских социалистических государств. М., 1979; *Шеин В. С.* США и Южная Европа: Кризис атлантического партнерства. М., 1979; *Давыдов Ю. П.* О новых тенденциях восточноевропейской политики США.— В кн.: Американская историография внешней политики США. М., 1972; *Языкова А. А.* США и Румыния в первые послевоенные годы.— В кн.: Американский ежегодник, 1980. М., 1981. В современной болгарской литературе упомянутый круг проблем частично рассмотрен в исследованиях: *Александров Е.* Средиземноморье в съвременния свет. С., 1974; *Боев И.* Политика на САЩ на Балканите, 1955—1965.— В кн.: Балканите след Втората световна война. С., 1978, т. 1; *Григорова Ж.* Балканската политика на социалистическа България.— В кн.: Девети сентембри и Балканите. С., 1974; *Недева И.* Балканские социалистические страны во внешнеполитической стратегии США: От «освобождения» к «наведению мостов».— Etudes balkaniques, Sofia, 1980, N 3. Вопросы послевоенной политики США нашли свое освещение также и в работах авторов из СРР и СФРЮ: *Božić N.* Globalna strategija SAD s osvrtom na Sredozemlje. Beograd, 1972; *Idem.* Posleratna globalna strategjia SAD. Beograd, 1974; *Gavranov V., Stoiković M.* Međunarodni odnosi i spoljna politika Jugoslavije. Beograd, 1972; *Vukadinović R.* Bezatomske zone i evropska sigurnost i suradnja. Zagreb, 1977; *Petković R.* Balkan: ni «bure baruta» ni «zona mira». Zagreb, 1980; *Popişteanu C., Bogdănescu M.* Europa, încotro? Buc., 1970; *Colţ Gh.* România şi colaborarea balcanică. Buc., 1970; *Верона С.* Румыния и процесс построения европейской безопасности и сотрудничества. Бухарест, 1974; România şi securitatea europeană. Buc., 1981.

[2] *Campbell J. C.* United States and World Affairs, 1945—1948. N. Y. L., 1947; *Black C.* Challenge in Eastern Europe. N. Y., 1954; *Kertesz St.* The Fate of East-Central Europe: Hopes and Failures of American Foreign Policy. Notre Dame, 1956; *Brzezinski Zb.* Alternative to Partition. For a Broader Conception of America's Role in Europe: Politics. N. Y., 1965; The United States and Eastern Europe: Politics, Revolution and Diplomacy / Ed. by *Byrnes R.* N. Y., 1970.

[3] *Давыдов Ю. П.* О новых тенденциях..., с. 171. *Theoharis A.* The Yalta Myths: An Issue in United States Politics, 1945—1955. Columbia, 1970; *Kovrig B.* The Myth of Liberation: East-Central Europe in U. S. Diplomacy and Politics since 1941. Baltimore, 1973; *Hunter Brian.* Soviet-Jugoslav Relations, 1948—1972. Wash., 1975; Europe, South and East; Redefining the American interests. Wash., 1975; *Clark C., Farlow R.* Comparative Patterns of Foreign Policy and Trade, The Communist Balkans in International Politics. Bloomington, 1976; *Larrabee St.* Balkan Security. L., 1977; *Braun A.* Romanian Foreign Policy since 1965. N. Y., 1978; Greek-American Relations: A Critical Review. N. Y., 1980.

[4] *Campbell J. C.* United States and World Affairs, 1945—1948. N. Y.; L., 1947, p. 66.

[5] Foreign Affairs, 1973, vol. 51, N 4, July.

[6] *Brzezinski Zb.* Alternative to Partition..., p. IX.

[7] East European Economics Post-Helsinki: A Compendium of Papers Submitted to the Joint Economic Committee Congress of United States. Wash., 1977, p. 518.

[8] *Theoharis A.* The Jalta Myths, p. 219.

[9] История дипломатии. М., 1974, т. V, кн. 1, с. 250—251.

[10] *Wolf R. L.* The Balkans in our Time. Cambridge, 1956, p. 416.

[11] Правда, 1955, 30 июля.

[12] *Iatrides J.* Balkan Triangle. Birth and Decline of an Allience Across Ideological Boundries. The Hague, 1968, p. 182.

[13] *Larrabee St.* Balkan Security. L., 1977; U. S. Policy and Eastern Europe.— Current Policy, 1980, N 169.

[14] *Бронин Я.* Империалистическая стратегия в Восточном Средиземноморье.— Мировая экономика и междунар. отношения, 1973, № 1, с. 31.

[15] *Campbell J. C.* Communist Strategies in the Mediterranean.— Problems of Communism, 1979, N 3, p. 1.

[16] *Lewis J. W., jr.* The Strategic Balance in the Mediterranean. Wash., 1976, p. 2.

[17] *Larrabee St.* Balkan Security, p. 2.

inslav

Основные проблемы изучения культурных взаимосвязей России с Дунайскими княжествами в XV—XVII вв.

А. И. РОГОВ

Молдавское и Валашское княжества чуть ли не с начала своего существования поддерживали тесные и многосторонние связи с Русским государством. Они базировались на общности интересов государств, особенно усилившейся по мере нарастания османской опасности. В экономическом отношении контактам в значительной мере способствовало географическое положение Молдавского княжества, через территорию которого проходил большой торговый путь, ведший из России через Великое княжество Литовское (а с 1569 г. Речь Посполитую) в страны Подунавья и Балкан и имевший ответвление на Константинополь. Это же географическое положение Молдавского княжества не могло в свою очередь не способствовать тому обстоятельству, что многие культурные связи Руси с южными славянами, столь интенсивные и плодотворные в рассматриваемый период, также осуществлялись нередко через это княжество. Кроме того, после захвата османами Болгарии, Сербии, Греции многие деятели культуры этих стран переселились в Дунайские княжества, прежде всего в Молдавское, откуда нередко переезжали в Россию, что также не могло не благоприятствовать развитию ее культурных взаимоотношений с этими княжествами.

В развитии связей в области литературы существенную роль играла общность с Россией кириллической письменности и церковнославянского литературного языка, вплоть до XVII в. преобладавших в Молдавском и Валашском княжествах. Эта общность заложила тот прочный фундамент традиционных литературных связей, которые продолжали развиваться и обогащаться и в последующие периоды истории.

Уже давно отмечалось исследователями, что в библиотеках Румынии хранится немало как русских рукописных книг, так и списков сделанных с них в Молдавском и Валашском княжествах. Интересно отметить при этом некоторую несинхронность создания списков и времени возникновения самих произведений. Так, в списках XV—XVII вв. до нас дошли: «Сказание о перенесении мощей Николая Мирликийского», написанное еще в Киевской Руси в конце XI в.; знаменитый шедевр киевского ораторского искусства «Слово

inslav

митрополита Илариона» (середина XI в.); сочинения одного из самых популярных писателей Руси XII в. Кирилла Туровского («Сказание о чернеческом чине», «Притча о душе и теле человеческом». Переписывались и некоторые светские (переводные с греческого) произведения, созданные в Древней Руси, например «Повесть о Варлааме и Иосафе». Показателен интерес и к памятникам древнерусской юридической мысли. Свидетельством его может служить список «Устава князя Владимира»[1].

Но может ли служить подобная асинхронность показателем какой-то несвоевременности, запоздалости интересов проявлявшихся в Дунайских княжествах к произведениям русской литературы? Ни в коей мере нет. Здесь мы сталкиваемся с интересом к своего рода «классическому» наследию Руси, видим хорошее знакомство с ним и умение отбирать лучшее. Подобное явление, между прочим, можно наблюдать в Первом Болгарском царстве и в самой Киевской Руси, где переводчики отбирали среди византийских памятников в преобладающем большинстве произведения ранних (а отнюдь не X -XII вв) византийских авторов[2].

И важно еще одно обстоятельство. Списки с русских сочинений в Дунайских княжествах не лежали мертвым сокровищем, их читали, ими интересовались. Об этом красноречиво свидетельствуют записи и пометки на рукописных книгах.

Есть, например, определенные основания полагать, что господарь Нягое Басараб (1512—1521) был знаком со знаменитым «Поучением Владимира Мономаха», как и его «Посланием к Олегу» и «Молением», и в своих «Наказательных словах к сыну Феодосию» воспользовался ими[3]. Об этом свидетельствуют некоторые общие черты названных произведений. Так, оба автора советуют гостеприимно принимать странников, которые потом разнесут славу о стране и правителе. Характерно для обоих авторов также преисполненное неповторимого лиризма сравнение плача находящейся в несчастье женщины с горюющей горлицей.

Следует отметить, что книгохранилища и архивы Румынии и СССР еще недостаточно обследованы и памятники письменности, имеющиеся в них, наверняка не все выявлены. Можно не сомневаться, что в будущих находках исследователей полнее предстанет картина литературных связей наших народов в эпоху средневековья, в частности известность русских памятников XIV--XVII вв. в Дунайских княжествах, как молдавских и валашских в России.

Уже известно, например, что в 1556 г. Иван IV просил молдавского господаря Александра Лапушняну прислать ему славянскую переработку византийского свода законов «Синтагмы» Матфея Властаря. Работу по ее переписке господарь поручил романскому епископу Макарию. В 1561 г. книга была написана и отослана в Москву. По неизвестным нам причинам она туда, однако, не попала и оказалась во Львове (по дороге в Москву) в Онуфриевском монастыре[4]. В настоящее время рукопись хранится в Государственной библиотеке АН УССР (г. Львов). К сожалению, она до сих пор не привлекла к себе внимания исследователей истории права, и мы не

inslav

можем поэтому дать сколько-нибудь определенный ответ на вопрос о том, что послужило ее оригиналом, в какой мере она была переработана и восполнена Макарием, в какой мере учитывала запросы русской действительности.

И еще один памятник литературных связей России с Дунайскими княжествами также ждет своего исследователя. Мы имеем в виду «Цветы дарований» — сборник, содержащий поучения отцов западной церкви, а также отдельные изречения латинских писателей. Сборник хранится в собрании П. Шафарика (№ 26), входящем в настоящее время в состав Рукописного отдела Национального музея в Праге. Согласно крайне лаконичному сообщению о нем М. Н. Сперанского, этот сборник в 1592 г. был переведен с итальянского в княжествах и уже после этого на русский (неизвестно когда). Во второй половине XVII в. русский перевод был переписан в Сербии, в этой редакции и дошел до нас. В рукописи содержатся здравицы московскому царю и патриарху [5].

Несмотря на недостаточность имеющихся у нас сведений об этом памятнике, он может быть оценен как особо интересный. Дунайские княжества выступали здесь как бы посредниками между западноевропейской и древнерусской культурой, а Россия обогащала переводными сочинениями литературу Сербии. Здесь мы наблюдаем обратный прежнему процесс: через Молдавию и Валахию в Россию проникали южнославянские произведения, но и Россия, получив их из этих княжеств, передавала своим славянским собратьям.

Интереснейшей страницей в истории культурных, в частности литературных, связей Молдавского княжества с Россией во второй половине XVII в. может быть названа деятельность сучавского митрополита Досифея. Досифей был довольно плодовитым писателем и переводчиком, владел многими языками, в том числе и церковнославянским и древнерусским. Он также проявил себя на ниве издательской и типографской деятельности. Так, в 1675 г. он обратился к московскому патриарху Иоакиму с просьбой прислать в Молдавское княжество типографское оборудование, жалуясь при этом: «А у нас бо исчезнуло есть ученье книжное и мало их есть, их же разумеют книжный язык» [6]. Можно подумать, что под книжным языком здесь Досифей понимает церковнославянский. Но это, оказывается, не так, что видно из повторной его просьбы, которую он направил в Москву патриарху Иоакиму в 1679 г. «Молимся святости Вашей пречестный отче и милостивый,— писал митрополит Досифей,— да сотвориши с нами человеколюбное милосердие и послеши нам типографию, да сотворим себе книги, их же претолковахам от грецка и словенска на волозкий язык» [7]. Таким образом, Досифей имел в виду только славянский шрифт, но не язык, на котором написаны книги. Как известно, многие книги так именно и печатались в то время в княжествах.

В 1679 г. типографское оборудование было доставлено в Яссы из Москвы. В 1682—1686 гг. там печатались 4 тома четьи-миней, составленных самим Досифеем. К сожалению, пока трудно сказать, использованы ли были при этом Досифеем столь многочисленные

inslav

списки русских четьи-миней. Этот вопрос необходимо исследовать.

В 1683 г. вышла подготовленная Досифеем «Книга паремий». По своему основному содержанию это обычные ветхозаветные чтения, но крайне интересно предисловие к ним. В нем есть такие стихи (даются в переводе на русский язык):

Поистине похвалу должно иметь подаянию
На небе и земле одинакову,
Ибо из Москвы сияет свет,
Простирая в даль лучи и доброе имя под солнцем [8].

Эти вдохновенные слова как нельзя лучше выражают благодарность России жителей Молдавского княжества за оказанную ему братскую помощь в деле просвещения и культуры.

Надо сказать, что митрополит Досифей не только словами, но и усердным делом выразил эту благодарность. По просьбе из Москвы он в 80-е — начале 90-х годов сделал ряд переводов с греческого. Среди них — сочинения «О толковании литургии» Симеона Солунского, «Церковная история» Германа Константинопольского, «Слова» Иоанна Златоуста. Интересно, что, не будучи русским по происхождению, Досифей выполнил первое из них лучше и яснее, чем сделавший это несколько ранее инок московского Чудова монастыря Иов, перевод которого является маловразумительной калькой с греческого [9].

Книгопечатные связи Молдавского княжества с Россией далеко не ограничивались деятельностью митрополита Досифея. Есть все основания считать, что московские издания и в более раннее время были хорошо известны в княжестве. В этом отношении показательна заставка Апостола, изданного в Яссах в 1643 г. Она в точности воспроизводит заставку знаменитого так называемого первопечатного Апостола Ивана Федорова (М., 1564), отличаясь в некоторых деталях от львовского Апостола, также изданного Иваном Федоровым (1574). Последнее особенно необходимо подчеркнуть, поскольку в Молдавии были распространены украинские издания, в том числе и книги, напечатанные Иваном Федоровым [10].

В конце XVII в. можно отметить и заметное усиление книжных связей России с Валашским княжеством. Русские книги привозят туда из Москвы паломники. Многие из них — с соответствующими записями на полях, свидетельствующими об их происхождении,— хранятся в настоящее время в Национальной библиотеке в Бухаресте. Таковы Пролог, изданный в Москве в 1698 г., Минея 1691 г. и даже знаменитая Острожская Библия 1581 г., изданная Иваном Федоровым. Названные книги были пожертвованы в различные монастыри. Были русские книги и в личной библиотеке валашского господаря Константина Брынковяну. Среди них можно назвать Апостол (М., 1688) и Псалтырь (М., 1689) [11].

Русская книга не только хорошо была известна в Валашском княжестве, но и активно использовалась в деле просвещения. Так, знаменитый деятель культуры и просвещения Антим Ивиряну (грузин по происхождению) перепечатал в 1697 г. в своей типографии в

inslav

Снагове Грамматику Мелетия Смотрицкого с ее московского издания 1648 г. Как говорилось в предисловии к снаговскому переизданию, оно должно было служить не только церковно-богословским потребностям, но и целям школьного обучения[12].

Проследив на ряде примеров характер литературных взаимосвязей России с Дунайскими княжествами, необходимо перейти к тесно связанным с ними и вместе с тем имеющими самостоятельный научный интерес контактам народов в области общественно-политической мысли.

Эти контакты прослеживаются на основе выявленных материалов начиная со второй половины XV в. Неизвестно точно, к какому году, но, по-видимому, ближе к концу этого века относится анонимное послание к Ивану III, в авторе которого все советские исследователи, обращавшиеся к этому памятнику, видят молдавского господаря Стефана Великого. В послании содержится предостережение России по поводу османской опасности: «Теперь Турци преступили Чръмное море, зан же взял Кафу»[13].

В очень сходных выражениях те же мысли изложены в ряде московских летописей под 1480 г. Видимо, послание Стефана Великого получило распространение в русской публицистике[14]. Не случайно оно дошло до нас в сборнике частного происхождения, хотя и носило официальный характер.

Идея необходимости борьбы с османской агрессией и неразрывно связанная с ней идея укрепления собственного государства находят место в древнерусской «Повести о Дракуле», валашском господаре Владе IV Цепеше[15]. Некоторые списки этой повести датируются самым концом XV в. Дракула изображен в «Повести» правдолюбцем, наказывавшем за зло всех, независимо от их богатства и положения.

Известный русский публицист середины XVI в. Иван Пересветов воспользовался именем и авторитетом молдавского господаря Петра IV Рареша, чтобы якобы от его лица изложить в так называемой «Большой челобитной» к Ивану Грозному свои мысли о необходимых реформах в Русском государстве[16]. Они были направлены на усиление власти государя, его войска, укрепление правосудия. Заметим, что, несмотря на литературный прием, бесспорно использованный Пересветовым (его творчеству это, как и средневековой публицистике вообще, чрезвычайно свойственно), Петр Рареш и молдавскими летописями неизменно характеризуется как мудрый правитель[17]. Кстати, сам Пересветов в течение пяти месяцев жил в Сучаве (конец 1534 — начало 1535 г.) в качестве русского посла именно к Петру Рарешу. Кроме того, воевода неизменно оставался верным союзником русского царя, что создавало доверие к его «светлой мудрости».

Образ мудрого молдавского господаря продолжал жить в русской публицистике и в XVII в. Как убедительно показал А. А. Зимин, в 20—30-е годы этого столетия в московской приказной среде возникло «Сказание о Петре Волосском»[18]. В основе его лежит «Большая челобитная» Ивана Пересветова, но в соответствии с требова-

inslav

ниями времени произведено много переделок и добавлений. В частности, особенно усилены противоосманские мотивы, что было связано с обострением в годы азовской войны русско-османских отношений.

Особой и все еще весьма далекой от своего решения остается в науке проблема происхождения в составе московской летописи, известной под названием Воскресенской, «Сказания вкратце о молдавских государях»[19]. Возникновение летописи, как убедительно показали исследования С. А. Левиной, относится ко времени между 1542 и 1544 г.[20] Это, естественно, еще ничего не говорит о датировке «Сказания вкратце...», так как Воскресенская летопись составлялась из материалов, возникших гораздо раньше ее создания. Обычное для русских летописей размещение статей под соответствующим годом в данном случае тоже не может способствовать установлению даты памятника, поскольку «Сказание вкратце...» находится в летописи в виде приложения, хотя и не в конце ее, а, наоборот, в виде завершения введения к ней, в котором вначале говорится о происхождении киевских, московских, смоленских, тверских князей, помещен список русских городов, даются краткие сведения по всемирной истории, а затем приводится родословная литовских князей.

Весьма, однако, характерно, что рассказ о молдавских воеводах наряду с краткими сведениями о византийских императорах, турецких султанах и литовских князьях оказался в центре внимания составителя летописи. Едва ли стоит объяснять интерес русских книжников к Византии, Турции и Литве, но такое их внимание к Молдавскому княжеству, несомненно, заслуживает внимания. В связи с этим представляется вполне убедительной точка зрения Л. В. Черепнина[21] и А. В. Болдура[22] о том, что возникновение данного памятника, вероятнее всего, относится к концу XV в., когда были столь тесные молдаво-русские отношения, а дочь Стефана Великого Елена, жена сына Ивана III, играла весьма активную роль в общественно-политической жизни русской столицы. Неясным остается при этом одно: целиком ли был составлен этот памятник в Молдавском княжестве, или на основе каких-то из него полученных материалов русские книжники придали ему тот вид, в котором он дошел до нас.

Обращаясь к самому содержанию «Сказания», мы замечаем его весьма существенные отличия от известных нам так называемых славяно-молдавских летописей, хотя и нельзя при этом отрицать знакомство с ними автора «Сказания». Это знакомство сводится, впрочем, к трем занимающим весьма незначительное место в памятнике моментам. Мы имеем в виду: 1) рассказ о воеводе Драгоше (в нашем памятнике несравнимо более подробном); 2) перечень воевод, правивших за ним, с указанием лет их владычества до Стефана Великого; 3) четыре кратких разрозненных известия под 1482, 1484, 1497, 1504 гг. При этом полностью идентичен славяно-молдавским летописям только перечень воевод. Перечисленные выше немногочисленные общие черты мы находим в ранних славяно-молдавских летописях, таких, как Бистрицкая, Путнянская I, Путнянская II и Молдаво-польская летопись[23].

inslav

Таким образом, есть все основания считать «Сказание» самостоятельным произведением по крайней мере по отношению к существовавшей, насколько нам пока известно, в Молдавии традиции летописания.

В «Сказании» обращает на себя внимание рассказ о том, что родоначальниками жителей Молдавского княжества были уроженцы Венеции «Роман да Влахта», «новые римляне», как их называет «Сказание». После отступничества папы Формозы от истинного христианства их потомки покинули Италию и переселились в Венгрию, где их приютил король Владислав, крещенный, по словам «Сказания», Саввой Сербским. Далее «Сказание» подробно говорит о нем как о столпе православия и повествует о его победе над татарским князем Неиметом.

В этой чисто легендарной, не имеющей ничего общего с историей части «Сказания» нельзя не обратить внимания на очевидное сходство с памятниками русской письменности. Выходцы из Рима как предки московских государей фигурируют в «Сказании о князьях владимирских»[24], возникшем также примерно на грани XV—XVI вв. Здесь следует особо обратить внимание, что вести свою фантастическую генеалогию от Рима было модно в эпоху средневековья. То же было в Литве, Сербии и других государствах. Но бросается в глаза одна характерная деталь: Владислав «Златый Затон рекше» — название, которое мы находим в «Сказании о князьях владимирских».

О самом Владиславе, его крещении и его ратных деяниях «Сказание вкратце...» рассказывает в полном соответствии с русской повестью об «Убиении Батыя», хотя вместо Батыя и называет татарского князя Неимета. Как убедительно показал С. Розанов, «Повесть об убиении Батыя» была написана сербом и переработана в России в середине XV в., получив в ней затем весьма большое распространение, войдя как в состав летописей, так и в четьи-минеи и просто в сборники[25]. Но, конечно, разительно различие в именах: Неимет вместо Батыя. Не дает ли это основание предположить, что в «Сказании вкратце...» эти сведения попали непосредственно из сербского источника до его переработки в России, где появилось имя столь печально, но незабываемо известного в ней Батыя. Учтем при этом, как много сербов и болгар нашли приют в Дунайских княжествах, равно как и в России, после гибели своих государств.

Принимая во внимание все это, вероятнее всего видеть в «Сказании вкратце...» плод совместного творчества книжников Молдавского княжества, южных славян и русских. Вполне возможно, как это считает большинство исследователей, «Сказание вкратце...» могло возникнуть в окружении Елены Стефановны в Москве[26], где вполне можно представить себе такое объединение усилий.

Упоминавшееся выше «Сказание о князьях владимирских» еще раз выступает в истории связей в области общественно-политической мысли между Молдавским княжеством и Россией. Правда, произошло это через три столетия, не позже середины XVIII в., когда возникло «Сказание о чудотворной иконе Нямецкой». А. Яцимир-

inslav

ский считал, что автором его, скорее всего, был ясский митрополит Иаков, правивший, как известно, в конце XVIII в. [27], однако этому противоречит тот факт, что уже в Постановлениях Ясского собора 1751 г. есть прямая ссылка на «Сказание» как на авторитетный источник. При этом в Постановлениях «Сказание» приписывается сучавскому митрополиту Георгию, как известно находившемуся на этой кафедре с 1723 по 1729 г.

Правда, нельзя с достоверностью утверждать, что первоначально «Сказание» имело тот вид, в каком оно дошло до нас в составе хроники логофета Стефана и в виде приложения к «Житию старца Паисия», списки которых датируются не ранее XIX в.

Но если даже взять ядро «Сказания», суть его идеологической направленности и предназначенности, то и здесь бросаются в глаза исторические анахронизмы, впрочем равно возможные для составителя памятника как в начале, так и в конце XVIII столетия.

В «Сказании» говорится о том, что Андроник, сын Мануила Палеолога, в 1401 г. исхлопотал у своего отца автокефалию церкви Молдавского княжества, в знак чего туда были отправлены из Константинополя митра, сакос для митрополита и корона и порфира для воеводы Александра. Кроме того, была послана двусторонняя икона (выносная) Богоматери и Георгия Победоносца, которая собственно и дала название «Сказанию». Между тем известно, что у Мануила Палеолога не было сына Андроника и что молдавские митрополиты в это время, как правило, посвящались сербскими патриархами.

Для нас в данном случае, впрочем, важно не это, а то, что книжник Молдавского княжества (кем бы он ни был) явно использует материал «Сказания о князьях владимирских», когда говорит о дарах, присланных из Константинополя воеводе, таких же, какие получил оттуда киевский князь Владимир Мономах. Не забудем, что весьма вероятно, как это уже говорилось выше, имя его и его сочинения издревле знали в Дунайских княжествах.

Так древнерусский памятник помог оформлению идей, связанных с борьбой за церковную и государственную самостоятельность Молдавского княжества.

В не меньшей степени, чем литература и общественно-политическая мысль, о тесных контактах в области культуры Дунайских княжеств и России свидетельствуют и памятники изобразительного искусства. И знаменательно, что одним из первых среди них по хронологии является тот, который теснейшим образом связан с общественно-политической ситуацией в России конца XV в., с деятельностью дочери Стефана Великого Елены. Мы имеем в виду пелену из собрания Государственного Исторического музея, куда она поступила из коллекции П. И. Щукина, к которому она в свою очередь попала из коллекции М. М. Зайцевского, неизвестно где ее приобретшего [28]. На шитье изображен крестный ход с иконой Одигитрии при участии великокняжеской семьи и народа. По предположению М. В. Щепкиной, здесь изображены Иван III, его сын Василий и внук Дмитрий в нимбе и Елена Стефановна в желтом

inslav

покрывале. Очевидно, пелена относится к периоду триумфа Елены после венчания ее сына в 1498 г.

Пелена, о которой идет речь, интересна с точки зрения нашей темы не только по сюжету, но и по своим художественным особенностям и даже технике (например, тафта песочно-желтого, а не червчатого цвета) своего исполнения. Отсутствие клейм, обрамляющих пелену, замена их орнаментом в виде трилистника, вписанного в четырехугольник, характерная угловатость очертаний, резкость красочных сопоставлений — все это не позволяет отнести пелену к кругу памятников древнерусского шитья и, наоборот, роднит с теми прославленными памятниками художественного шитья, которые происходят из Молдавского княжества. Не исключено поэтому, что пелена выполнена мастерами оттуда, но, возможно, жившими в Москве.

Они же, судя по всему, принимали участие в исполнении другого заказа Елены Стефановны — пелены «Усекновение главы Иоанна Предтечи», также из Собрания ГИМ, по орнаментике и технике крайне близкой к только что рассмотренной[29]. Впрочем, средник, скорее всего, выполнен русским мастером — настолько он близок к иконографической схеме, равно как и стилю древнерусских произведений такого рода XV—XVI вв. Не говорит ли это о факте взаимного сотрудничества мастеров шитья двух народов или по крайней мере пристального интереса и взаимного использования достижений друг друга?

Этому тем более могло содействовать проникновение в Россию памятников шитья, выполненных в Молдавии. Двумя их великолепными образцами могут служить плащаницы начала XVI в.— «Снятие со креста» и «Положение во гроб», хранившиеся в дореволюционное время в Петропавловском соборе Петербурга. На первой из них в углу вышиты изображения Деспины, жены Нягое Басараба, и трех ее дочерей Станы, Иованы и Ангелины с соответствующими надписями над ними. Вторая плащаница очень сходна по стилю и характеру исполнения с первой[30]. К сожалению, в настоящее время местонахождение этих драгоценных памятников неизвестно и что-либо более определенное сказать о них пока не представляется возможным.

Примерно к концу XVI в. можно отметить обратное явление — памятники русского художественного шитья становятся все более известными в Дунайских княжествах. Среди них можно назвать плащаницу Быстрицкого монастыря, датируемую 1601 г. В свое время, как гласит надпись на ней, она была вложена думным дворянином и постельничьим наместником Истомой Безобразовым и его женой в Успенский монастырь г. Тихвина, откуда была перенесена в Быстрицкий монастырь[31]. Как она попала в этот монастырь, неизвестно. Зато другая русская плащаница, шитая в 1598 г. в Ростове Великом и обрамленная поэтому медальонами с ликами ростовских святых, как достоверно известно, была подарена ростовским архиепископом Варлаамом митрополиту Анастасию Кримковичу[32].

inslav

На ряд русских икон XVI в. в румынских музеях и ризницах монастыря в свое время указал П. Константинеску-Яшь (монастыри Путна, Сучевица, Вэлений де Мунте). Им же было установлено, что валашским господарям в XVI в. принадлежали две русские иконы, на одной из которых были изображены русские святые[33]. Некоторые из указанных П. Константинеску-Яшь икон можно даже датировать более ранним временем. Такова сохранившаяся в ризнице монастыря Путна икона «Вознесения» явно новгородской школы XV в.[34]

Иконы у русских иконописцев в Москве заказывают приезжающие в Москву представители духовенства Молдавского княжества. О подобного рода заказах беспокоятся и посылают запросы сами господари Мирон Барновский в 1628 г. и Василий Лупул в 1636 г. Интересно, что среди икон, о которых шла речь в этих запросах, значится и икона Иоанна Белгородского с житием, почитаемого прежде всего в самом княжестве. Это означает, что знание жития этого молдавского святого и иконографическая традиция его изображения были знакомы в Москве, о чем были осведомлены и в Молдавском княжестве, раз заказали эту икону для церкви, посвященной этому святому в Сучаве[35]. Из Москвы были посланы в Молдавское княжество иконы «к церковному украшению» и в 1639[36] и 1680 гг.[37]

Молдавские господари не только приобретают иконы в Москве, но и просят прислать к ним русских иконописцев. Целая их группа в составе Демьяна Яковлева, Прокофия Микитина, Сидора Поспеева и Якова Гаврилова работала в 1641 г. над росписью «новозданного» храма Трех Святителей в Яссах[38]. Один из этих мастеров, Сидор Поспеев, был особенно выдающимся художником, очевидно зарекомендовавшим себя в Молдавском княжестве с наилучшей стороны. Через год после возвращения в Москву он был приглашен принять участие в росписи Успенского собора в Кремле. В списке награжденных за эту работу в 1664 г. он значится вторым[39]. К величайшему сожалению, фрески ясской церкви не сохранились, поэтому в настоящее время нет возможности сказать, в какой мере русские мастера внесли свои иконографические и стилистические особенности в эти росписи, как они сумели сочетать эти особенности с традициями монументального искусства Молдавского княжества[40].

Но все же о проникновении особенностей русского искусства в Молдавское княжество есть все основания говорить. Очень показательна в этом отношении роспись храма в монастыре Сучевица, датируемая 1598 г. Еще Н. П. Кондаков отметил, что изображение Софии Премудрости Божией на северной стене алтаря этого храма дано в новгородском типе[41]. Со своей стороны добавим, что на южной стене храма снаружи изображено явление Богоматери Сергию Радонежскому, в верхней части которого можно видеть характерную эмблему Троице-Сергиева монастыря — «Ветхозаветную Троицу»[42]. Справа от этой композиции размещается изображение чисто русского праздника Покрова[43]. Это изображение довольно близко

inslav

по композиции и отчасти по стилю новгородской иконе начала XVI в.[44] Храм, на фоне которого развертывается сцена Покрова на сучевицкой фреске, типично русский, пятиглавый с луковичными завершениями и трехлопастными позакомарными покрытиями. Другие фрески в Сучевице также имеют определенные черты сходства с архитектурными фонами русских икон[45].

Отмеченные весьма существенные проявления большого интереса в Молдавском княжестве к русскому искусству вполне сообразуются с весьма высокими отзывами о нем в этом государстве. В одной из молдавских господарских грамот русские художественные произведения прямо оцениваются как «прекрасные» и говорится, что ими украшается «въсе православнею вера повсюду»[46].

Не менее высоко оценивались работы русских мастеров и в Валашском княжестве. Итальянец Дель Киаро, живший при дворе Константина Брынковяну, описывая внутреннее убранство валашских храмов, особенно восхищался росписями, выполненными московскими художниками, являющимися, как писал он, «мастерами этого искусства»[47].

Таким образом, как показывают изложенные выше данные, культурные взаимосвязи России с Дунайскими княжествами в XV—XVII вв. были многосторонни и охватывали самые разнообразные сферы культуры. Связи эти были плодотворны и способствовали развитию собственной культуры каждой из стран, взаимно ее обогащая.

1 *Яцимирский А. И.* Из истории славянской письменности в Молдавии и Валахии XV—XVII вв. СПб., 1906, с. XCV, XVII—XCIX, CIII.
2 *Еремин И. П.* Литература Древней Руси. М.; Л., 1966, с. 9—17.
3 *Zamfirescu D.* Invăţăturile lui Neagoe Basarab. Problema autenticităţii.— Rominoslavica, [1963], t. VIII, p. 362, 364.
4 *Калужняцкий Е.* Обзор славяно-русских памятников языка и письма, находящихся в библиотеках и архивах львовских.— В кн.: Тр. III археол. съезда в Киеве. Киев, 1878, т. II, с. 213—321.
5 *Сперанский М. Н.* Деление истории русской литературы на периоды и влияние русской литературы на южнославянскую.— Русский филологический вестник, Варшава, 1896, № 3/5, с. 220—221.
6 *Чебан С. Н.* Досифей, митрополит сочавский и его книжная деятельность. Киев, 1915, с. 45.
7 Там же, с. 46.
8 Там же, с. 75.
9 Там же, с. 84—89.
10 *Коляда Г. И.* Из истории книгопечатных связей России, Украины и Румынии в XVI—XVII вв.— В кн.: У истоков русского книгопечатания. М., 1959, с. 81—100.
11 *Bogdan D.* Cărţi ruseşti in Tara Romînească sub Constantia Brîncoveanu.— Biserica ortodoxă romînă, [1956], t. 6/7, p. 543—557; *Bogdan D.* Între romîni şi ruşi. Legături şi influenţe din veacul XVII şi pînă la 1721.— In: Analele romîno-sovietice. Buc., 1947, t. 5, p. 518.
12 *Teodor (Bogdan) D.* Despre Antim Ivereanul.— Studii teologice, t. 3/4 [1955], an. VII, ser. II, p. 256—257.
13 См.: *Черепнин Л. В.* Из истории общественной мысли в России и Молдавии на рубеже XV и XVI вв.— В кн.: Вековая дружба. Кишинев, 1961, с. 89.
14 Типографская летопись (ПСРЛ. Пг., 1921, т. XXIV, с. 201); Воскресенская летопись (ПСРЛ. СПб., 1859, т. VIII, с. 207); Никоновская летопись (ПСРЛ. СПб., 1901, т. XII, с. 202) и др.
15 Повесть о Дракуле. М.; Л., 1964.

inslav

[16] Сочинения И. Пересветова. М.; Л., 1956, с. 170—184.
[17] *Двойченко-Маркова Е. М.* Из истории русско-румынских культурных связей XVI в.— В кн.: Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967, с. 115.
[18] Сочинения И. Пересветова, с. 340.
[19] ПСРЛ. СПб., 1857, т. VII, с. 256—259; Славяно-молдавские летописи. М., 1976, с. 55—59.
[20] *Левина С. А.* О времени составления и составителе Воскресенской летописи XVI в.— Тр. Отд. древнерусской литературы Ин-та русской литературы АН СССР, 1955, т. XI, с. 375—379.
[21] *Черепнин Л. В.* Из истории общественной мысли..., с. 101—102.
[22] *Болдур А. В.* Славяно-молдавская хроника в составе Воскресенской летописи.— В кн.: Археографический ежегодник за 1963 год. М., 1964, с. 72—76.
[23] Славяно-молдавские летописи, с. 24, 62, 68, 117.
[24] *Дмитриева Р. П.* Сказание о князьях владимирских. М.; Л., 1955.
[25] См.: *Розанов С.* Повесть об убиении Батыя.— Изв. Отд-ния русского языка и словесности, СПб., 1916, кн. 1, с. 131—132.
[26] *Черепнин Л. В.* Из истории..., с. 101; *Болдур А. В.* Славяно-молдавская хроника..., с. 83—84.
[27] *Яцимирский А.* Молдавские отголоски московских легенд о Мономаховых дарах.— Журнал министерства народного просвещения, СПб., 1903, № 10, с. 368.
[28] Этому памятнику посвящена специальная публикация. См.: *Щепкина М. В.* Изображение русских исторических лиц в шитье XV века. М., 1954.
[29] Там же, с. 19—20.
[30] *Двойченко-Маркова Е. М.* Из истории..., с. 110—112.
[31] *Одобеско А. И.* Воздух с вышитым изображением положения Спасителя во гроб, пожертвованный в 1601 г. в русский Тихвинский монастырь и найденный в Быстрицком монастыре в Валахии.— В кн.: Древности. М., 1874, с. 1—36 (Тр. Моск. археол. о-ва; Т. 4).
[32] Monumente istorice bisericesti din mitropolia Moldovei şi Suceavei. Iaşi, 1974, p. 263—264.
[33] *Constantinescu-Iaşi P.* Relatiile culturale romîne-ruse din treçut. Buc., 1954, p. 103—104.
[34] Monumente istorice..., p. 43.
[35] Исторические связи народов СССР и Румынии в XV — начале XVIII в.: Док. и материалы. М., 1965, т. I, № 91.
[36] Там же, т. II. М., 1968, № 11.
[37] Там же, т. III. М., 1970, № 20.
[38] Там же, т. II, № 15, 16, 19, 20.
[39] *Успенский А. И.* Царские иконописцы и живописцы XVII в. М., 1910, с. 221.
[40] Демонстрируемые в Ясском музее фрагменты фресок, видимо, относятся к другому времени. В них нет ничего общего с традициями древнерусской живописи. См.: Monumente istorice..., p. 296.
[41] *Кондаков Н. П.* Иконография Богоматери: Связи греческой и русской иконописи с итальянской живописью раннего Возрождения. СПб., 1910, с. 206. Кондаков датировал сучевицкие росписи 1578 г. Однако, как свидетельствует запись, недавно обнаруженная на одной из рукописей Сучевицы, роспись была завершена в 1598 г. мастерами Ионой и Софронием. Благодарю за указание на эту запись сотрудника Дирекции охраны памятников Румынии А. Л. Ефремова.
[42] *Musicescu M. A., Berza M.* Mănăstirea Suceviţa. Buc., 1958, fig. 78. В этой монографии композиция ошибочно определена как сцена из Акафиста. Между тем надпись над композицией сохранилась очень хорошо: «Явися святая Богородица игумену Сергею».
[43] Ibid., fig. 79.
[44] *Алпатов М. В.* Сокровища русского искусства: (Живопись). Л., 1970, табл. 208.
[45] *Musicescu M., Berza M.* Manastirea..., pl. 1.
[46] Исторические связи..., т. I, № 91.
[47] «Revoluţiile Valahiei» de A. Marta Del Chiaro. Iaşi, 1929, p. 53.

inslav

Новогреческое Просвещение и Россия

(К постановке проблемы)

Г. Л. АРШ

Период 1770—1820 гг. вошел в историю новогреческой культуры как эпоха Просвещения. В эти полвека греческое общество переживало большой культурный подъем. В Греции и зарубежных греческих общинах основываются новые училища, греческие юноши обучаются в университетах Италии, Германии, Франции, России. Резко увеличивается выпуск книг на греческом языке, появляются первые греческие газеты и журналы. В эту эпоху жили и творили Е. Вулгарис, Н. Теотокис, А. Кораис, А. Газис, А. Псалидас, К. Вардалахос, Г. Геннадиос и многие другие видные ученые, просветители, педагоги. Их мировоззрение складывалось под непосредственным воздействием передовой европейской философии XVII—XVIII вв. Само новогреческое Просвещение было производным от европейского Просвещения — большого духовного движения, в идеологическом и культурном плане подготовившего переход от феодального к буржуазному обществу. В то же время это было вполне самостоятельное движение с ярко выраженной национально-освободительной окраской. Оно было вызвано к жизни потребностями исторического развития новогреческого общества, необходимостью ликвидации феодального османского ига. Движение это было неразрывно связано с новогреческой культурой предшествующих веков. Воодушевленные освободительными стремлениями, просветители видели свою патриотическую миссию в распространении образования и знаний среди народа. Это определило по преимуществу популяризаторскую и педагогическую направленность новогреческого Просвещения. Просветители стремились сделать доступными для своих соотечественников достижения передовой европейской науки своего времени. Наряду с этим большое место в их деятельности занимали пропаганда древнегреческого культурного наследия, приобщение новых эллинов к славе и свободолюбивым традициям их знаменитых предков [1].

Особенностью новогреческого Просвещения, как и аналогичных балканских национально-просветительных движений, было то, что оно развертывалось в значительной мере не в Греции, а в других странах, где социально-политические условия были более благоприятными. Все книги не греческом языке печатались за рубежом — в самой Греции в начале XIX в. не существовало ни одной типографии [2]. Большая часть печатной греческой продукции распространялась за пределами Греции. Многие греческие ученые и просветители были вынуждены жить вдали от своей родины. Наиболее значительные в научно-педагогическом плане греческие учебные заведения также функционировали за рубежом. Наконец, следует иметь в виду, что важнейшим источником финансирования деятельности греческих типографий и училищ, включая учебные заведения в

inslav

самой Греции, были пожертвования греческих зарубежных общин и отдельных меценатов, живших в разных странах Европы.

В последние годы усилилось внимание к изучению зарубежных аспектов новогреческого Просвещения. Появились серьезные исследования и публикации о деятельности греческих училищ Венеции, Бухареста и Ясс [3], нашла отражение в литературе история крупных центров греческого книгопечатания в Венеции и Вене [4], вышли статьи и книги о ряде деятелей греческого Просвещения, живших в эмиграции [5]. Но история существенных аспектов греческого Просвещения, связанных с Россией, остается неизученной. Данное сообщение ставит своей задачей выделить некоторые конкретные вопросы этой большой темы, изучение которых представляется наиболее важным.

Прежде всего следует отметить, что начальный этап новогреческого Просвещения неотделим от России и ее политики. В 70-е годы XVIII в. в Россию по приглашению Екатерины II переселились выдающиеся ученые и просветители Евгениос Вулгарис и Никифорос Теотокис, которые по праву считаются родоначальниками новогреческого Просвещения. Оба ученых смогли написать и опубликовать в России многие свои труды по самым различным областям знания. Н. Теотокис умер в Москве в 1800 г. Е. Вулгарис же скончался в 1806 г. в Петербурге в возрасте 90 лет. Еще при жизни Е. Вулгариса А. Кораис, другой крупнейший деятель греческого Просвещения, назвал его «главой (le doyen) образованных людей нации» [6]. Труды этого гиганта греческой культуры, настоящего энциклопедиста не только по широте научных интересов, но и по духовной близости к французским энциклопедистам, во многом определили идейный облик новогреческого Просвещения. К сожалению, многогранная научная и национально-просветительская деятельность Е. Вулгариса и Н. Теотокиса в России пока не стала предметом специального исследования [7].

С Россией связана судьба и некоторых других видных представителей новогреческого Просвещения. На Украине в юности учился (1785—1787 гг.) известный ученый и педагог Афанасиос Псалидас. В 1811—1814 гг. в Петербурге находился известный ученый Димитриос Гобделас, добивавшийся помощи у русского правительства для издания своих трудов. В Одессе в основанном здесь в 1817 г. Греческом коммерческом училище преподавали маститые педагоги Георгиос Геннадиос и Константинос Вардалахос, а также видный деятель греческого национально-освободительного движения Георгиос Лассанис. В Москве и Одессе были опубликованы на новогреческом языке некоторые их научные труды и учебники. В период греческой национально-освободительной революции 1821—1829 гг., спасаясь от массовых репрессий Порты против греческого населения, в России нашли убежище: уже упоминавшийся Димитриос Гобделас, его однофамилец доктор философии и медицины Михаил Гобделас, известный филолог Константинос Икономос и другие деятели греческой культуры. Предметом специального изучения пока было лишь пребывание в России Д. Гобделаса [8].

inslav

Важной составной частью нашей темы является национально-культурная деятельность греческих общин России. Еще в XVII в. в ряде городов русского государства сформировались греческие общины. Центром греческой эмиграции в России стал тогда украинский город Нежин.

В конце XVIII — начале XIX в. в причерноморских областях, отошедших к России в результате трех войн с Османской империей, возникли новые греческие общины. Особенно много греческих поселенцев осело в Измаиле, Одессе, Балаклаве, Феодосии, Таганроге, Николаеве, Мариуполе, Керчи. Быстрый экономический прогресс Северного Причерноморья способствовал росту материального благосостояния его греческого населения, основной сферой деятельности которого были торговля и судоходство. В новой греческой диаспоре, возникшей в период османского господства, греческие общины юга России в начале XIX в. становятся основной базой национально-освободительного движения. В Одессе в 1814 г. была основана тайная национально-освободительная организация «Филики Этерия», через семь лет поднявшая знамя вооруженного восстания против османского ига. Патриотические чувства греческих поселенцев, осознание ими своей неразрывной связи с родиной находили выражение и в их интересе к национальной культуре. В черноморских городах России создаются греческие школы. Одна из этих школ приобрела общегреческое значение. Речь идет о Греческом коммерческом училище в Одессе.

Училище было основано в 1817 г. греческими коммерсантами Одессы и содержалось за их счет. Именно этим объясняется название училища. Хотя греческие купцы Одессы хотели дать своим сыновьям в училище необходимые практические знания для торговли, не подготовка коммерсантов была главной его целью, а «преподавание нашего родного языка» [9], как говорилось в его уставе. Новогреческий язык, история и культура Греции занимали первостепенное место в учебной программе училища.

В короткий срок одесское училище стало одним из самых престижных греческих учебных заведений своей эпохи. Некоторые профессора, ранее преподававшие в греческом училище Бухареста, стали преподавателями Греческого коммерческого училища. В Одессу для получения национального образования стекались молодые люди из Греции и других стран. В 1819 г. число учащихся Греческого коммерческого училища достигло 350. Известный русский востоковед и писатель О. И. Сенковский, побывавший в том же году в Греческом коммерческом училище, писал, что «Одесса становится важным пунктом в рассуждении наук греческих» [10]. История Греческого коммерческого училища нашла определенное отражение в литературе [11]. Но несомненно, что история этого учебного заведения, являвшегося до завершения войны за независимость Греции важнейшим очагом греческого образования и культуры, заслуживает более детального изучения. С этой точки зрения особый интерес представляет начальный период существования училища — 1817—1830 гг. Очень мало известна история греческого книгопечатания в России

inslav

в XVIII — начале XIX в. Между тем в этот период в России издание книг на греческом языке велось довольно интенсивно. Было напечатано (начиная с 1652 г.) более 50 книг[12], в том числе труды Е. Вулгариса, Н. Теотокиса, А. Маврокордитоса, учебники, словари, энциклопедии. Книги на греческом языке печатались в Петербурге в типографии Академии наук, в университетской типографии в Москве, а также в Вильне. С 1827 г. начала работать греческая типография в Одессе.

Издание книг всегда являлось дорогостоящим предприятием и было, как правило, не по плечу самим авторам. За чей же счет издавались в тот период греческие книги в России? Информацию об этом мы находим на титульных листах самих книг. Так, в заглавии морального трактата Е. Вулгариса «Διατριβὴ περὶ Εὐθανασίας» («Рассуждение об естественной смерти»), изданного в Петербурге в 1804 г., указано, что книга «напечатана за счет щедрости почтеннейших чытырех братьев Зосима: Анастасия, Николая, Зоя и Михаила»[13]. Подобные фразы встречаются в заглавиях многих греческих книг, причем изданных не только в России. Эта предприимчивая и патриотически настроенная семья купцов—эпиротов, разбогатевших в России, являлась одной из главных материальных опор греческого просветительства. Известно, что братья Зосима взяли на себя значительную часть расходов по изданию «Греческой библиотеки» — грандиозного литературно-патриотического предприятия, инициатором и исполнителем которого был выдающийся греческий просветитель Адамантиос Кораис[14].

И другие богатые греческие купцы, жившие в России, следуя примеру братьев Зосима, жертвовали большие средства на издание греческих книг, содержание школ в Греции, обучение греческих студентов в европейских университетах. Большой материальный вклад внесли в греческое Просвещение Иоаннис Варвакис, Иоаннис Доболис, Зоис Капланис[15]. Патриотическая деятельность братьев Зосима, И. Варвакиса, И. Доболиса и других купцов-меценатов, живших в России, их вклад в греческое Просвещение хорошо известны в Греции, причем не только историкам-профессионалам. Им сооружены памятники, их именами названы улицы греческих городов. Но в научном плане тема эта далеко не исчерпана. Пока не сделана попытка определить удельный вес пожертвований греческих купцов России в обеспечении материальной стороны греческого просветительства.

Заслуживает также внимания деятельность братьев Зосима и других меценатов по распространению греческой культуры в России. Об этом имеются современные свидетельства. Так, выходившая в Петербурге на французском языке газета «Беспристрастный консерватор» в номере от 5(17) сентября 1816 г. сообщала, что в 1815 г. братья Зосима основали кафедру греческого языка в Московской гимназии, пожертвовав на это 10 тыс. рублей. Московскому университету они подарили 90 книг на дренегреческом и новогреческом языке, большая часть которых была напечатана за их счет[16]. Пребывание греческих ученых в России, история существовавших здесь

inslav

греческих училищ, книгопечатание на греческом языке, деятельность греков-меценатов являются существенными, но не единственными компонентами темы «Новогреческое Просвещение и Россия». Представляет интерес также изучение отношения правительства России к греческому национально-просветительному движению, неотделимое от его общей политики в греческом вопросе. Не следует забывать об условиях самодержавной страны, где любая общественная деятельность, любые проявления духовной жизни находились под жестким контролем властей.

Как уже говорилось, виднейшие греческие ученые и просветители Е. Вулгарис и Н. Теотокис прибыли в Россию по приглашению Екатерины II. Оба ученых, принадлежавшие к духовному сословию, получили в России архиепископские кафедры, ордена, пенсии. Некоторые их труды были изданы за счет казны. Вулгарис был избран почетным членом Петербургской академии наук. Оказывая покровительство греческим ученым, царица не только стремилась поддержать свое реноме «просвещенного монарха», но и руководствовалась определенными политическими расчетами. Как известно, у Екатерины II одно время существовал радикальный, хотя и нереалистичный план решения Восточного вопроса, предполагавший создание на месте османских владений в Европе Греческой империи. Помимо того, Россия в своих войнах с Османской империей получала реальную помощь от греков. Все эти обстоятельства побуждали императрицу оказывать «покровительство» грекам, проявляя особое внимание и уважение к видным греческим ученым, принадлежавшим к тому же к столь влиятельной и могущественной в то время корпорации, как церковь.

Политика Александра I на Балканах была более умеренной и осторожной в сравнении с политикой его бабки. Но и при нем Россия продолжала оказывать поддержку греческому образованию и культуре. Длительная война с Османской империей (1806—1812 гг.), ознаменовавшая начало царствования Александра I, естественно, побуждала царское правительство не ослаблять «покровительственную» линию в своей балканской политике.

После Венского конгресса у Александра I появились новые мотивы для продолжения этой линии, особенно в сфере культуры. Придерживаясь в тот период курса на сохранение политического статус-кво на Балканах и поддержание нормальных отношений с Портой, российское правительство стремилось в то же время сохранить свое идейное влияние на православных подданных султана. В условиях национального пробуждения и подъема, охватившего в той или иной мере все порабощенные народы Балкан, возможности для сохранения такого влияния давали контакты с греческими учеными и просветителями, покровительство греческим национально-просветительным учреждениям и отдельным лицам. Материальной и моральной поддержкой российского правительства пользовалась, в частности, основанная в конце 1814 г. в Вене национально-просветительная организация «Филомузос Этерия» (Общество друзей муз), которая содействовала распространению просвещения в

inslav

Греции и в первую очередь обучению греческих студентов в европейских университетах [17]. Наряду с этим правительство России оказывало материальную помощь отдельным греческим ученым, субсидировало их научную деятельность, содействовало публикации их работ. Так, известный историк и филолог А. Мустоксидис, бывший историограф Ионической республики, в 1821 г. получил место при российской миссии в Турине, обеспечившее ему на какое-то время постоянный источник существования [18]. Формой помощи греческим ученым была также подписка на их труды. Так, в 1820 г. посланник России при Порте Г. А. Строганов в соответствии с полученными инструкциями подписался на 15 экземпляров греческого словаря в четырех томах, издававшегося в Константинополе, внеся при этом аванс — 1500 пиастров (полная стоимость 15 экземпляров должна была составить около 3 тыс. пиастров). Строганов характеризовал эту подписку как «новое свидетельство того интереса, который проявляет император к распространению словесности среди греческой нации» [18a].

В ту эпоху в писательской и ученой среде практиковалось посвящать труды влиятельным особам, от которых можно было ожидать поддержки. Некоторые греческие ученые посвятили свои труды Екатерине II и Александру I, рассчитывая получить их покровительство и помощь. Расчеты эти в определенной степени оправдывались. Д. Филиппидису, посвятившему Александру I свой труд по истории и географии Молдавии и Валахии, опубликованный в 1816 г., был пожалован бриллиантовый перстень стоимостью в 1 тыс. руб. Подобный же подарок был сделан Д. Гобделасу, посвятившему царю свою книгу «Основы алгебры», изданную в 1806 г. [19]

Заметим, что, посвящая свои труды царствующим особам России, греческие ученые руководствовались не одними материальными соображениями. Авторитет России в греческом обществе был тогда очень высок. С ее политикой широкие слои греческого народа связывали надежды на освобождение от османского ига. Своими посвящениями деятели новогреческого Просвещения выражали в рамках условностей той эпохи эти сокровенные надежды своих соотечественников.

В 1814—1820 гг. в акциях России, благоприятных для греческого национального-просветительного движения, активная роль принадлежала Иоанну Каподистрии. Этот греческий патриот, бывший государственный секретарь Ионической республики, в 1815—1822 гг. являлся статс-секретарем российского министерства иностранных дел и одним из доверенных советников Александра I. Будучи убежденным сторонником просвещения, считая его распространение обязательной предпосылкой освобождения Греции, Каподистрия энергично добивался поддержки российского правительства различным национально-просветительным предприятиям греческих патриотов, и в первую очередь для «Филомузос Этерии», фактическим руководителем которой он являлся. Однако Каподистрия, сторонник национального освобождения Греции и умеренный конституционалист, не мог изменить общего консервативного и охранительного направле-

inslav

ния политики царского правительства, проявлявшегося и в его отношении к новогреческому Просвещению.

При оказании покровительства отдельным ученым или просветительным учреждениям царскому правительству отнюдь не было безразлично их идейное лицо. «Аттестатом» политической благонадежности для него являлась прежде всего связь с церковью. Так, в 1820 г. Александр I согласился предоставить училищу в Мани (Пелопоннес) ежегодную субсидию в 3 тыс. пиастров при условии, что училище это будет «считаться детищем церкви» и будет зависеть от константинопольского патриарха [20].

По мере того как набирало силу освободительное движение в Европе и в самой Греции, возможность использования просвещения и греческих просветительских учреждений в целях национально-освободительной борьбы все больше беспокоила царское правительство. Это проявилось, в частности, при решении вопроса о создании греческой типографии в Одессе.

Вопрос этот рассматривался комитетом министров в июне 1819 г. В ходе обсуждения наиболее реакционно настроенные министры высказались вообще против создания типографии, мотивируя это тем, «что по малоизученности новогреческого языка весьма трудно будет иметь наблюдение, дабы не было пропускаемо и самою цензурою книг и сочинений, противных правилам и видам государственным». Большинство членов комитета высказали мнение, что, так как «во многих иностранных городах, в коих греки имеют пребывание, существуют типографии для печатания книг на их языке», можно разрешить и грекам Одессы учредить типографию, но «под строгой ответственностью цензуры». Александр I утвердил мнение большинства комитета министров. Печатание каких-либо политических сочинений в греческой типографии Одессы было запрещено, а все другие книги должны были проходить через руки назначенных для надзора за типографией цензоров [21].

«Покровительство» греческому просветительному движению оказывалось царским правительством в жестких идеологических рамках: оно не распространялось на живую демократическую струю новогреческой культуры, прежде всего выражавшую национально-освободительные стремления греческого народа. Но благожелательный интерес и внимание русского общества распространялись и на эту сторону новогреческого Просвещения. Отношение русской общественности к новогреческому Просвещению — в числе важных и малоизученных аспектов проблемы.

Прежде всего следует упомянуть примечательный факт — известность, которую приобрел в России крупнейший представитель демократического направления в новогреческом Просвещении А. Кораис. Выдержки из его работы «Записка о нынешнем состоянии цивилизации в Греции», вышедшей в 1803 г. в Париже, в том же году были опубликованы в одном из самых распространенных русских журналов того времени — «Вестнике Европы». В 1815 г. она вышла в Петербурге и отдельным изданием. В первые годы XIX в. была переведена на русский язык «Военная труба» Кораиса [22].

inslav

Стоит обратить внимание не только на довольно широкое распространение трудов Кораиса в России, но и определенное единомыслие между ним и авторами статей о новогреческом Просвещении, которые нередко появлялись в русских журналах того времени. Так, в статье «О состоянии словесности и наук у нынешних греков», опубликованной в 1809 г., автор полемизировал с немецким ученым и путешественником И. Бартольди, писавшим о «варварстве» современных греков.

Как известно, А. Кораис подверг уничтожающей критике этот тезис в своем предисловии к изданию речей Исократа, вышедшему в 1807 г.[23] Русский автор (это был историк-славист М. Т. Каченовский, подписавшийся инициалом К.) солидаризировался с греческим ученым и использовал его аргументы. Он опровергал утверждения Бартольди, приводя данные о росте числа школ в Греции, о греческих ученых, о переводах на новогреческий язык трудов Локка, Монтескьё, Руссо, о большой подписке на издаваемые греческие книги[24]. Есть один важный аспект русско-греческих культурных связей начала XIX в., заслуживающий внимания. Со времени принятия Русью христианства греки, несомненно, оказывали влияние на духовную жизнь России. Некоторые образованные греки внесли свой вклад в развитие общественной мысли, оставили заметный след в истории русского просвещения. Начавшаяся в России во второй четверти XVIII в. эпоха классицизма в литературе способствовала воздействию на русскую культуру древнегреческих классиков. Для своей «Риторики» М. В. Ломоносов перевел ряд произведений древнегреческих писателей. Древнегреческое культурное наследие и в дальнейшем оказывало воздействие на русскую культуру. Не ослабевает в России интерес и к культуре Новой Греции. В то же время и русская национальная культура к началу XIX в. добилась больших успехов. В результате наступил новый этап во взаимоотношениях двух культур. Русские современники вполне сознавали эту перемену. Любопытны в этом отношении суждения, высказанные ученым-эллинистом М. Дмитревским, автором книги «Взор на нынешнее состояние Греции», напечатанной в 1806 г. в Москве в университетской типографии на новогреческом и русском языках.

Дмитревский с большим уважением отзывался о современных ему греческих просветителях Е. Вулгарисе, Н. Теотокисе и А. Кораисе. Например, о Кораисе он писал образно, что, «находясь и за пределами своего отечества, подобно благотворному светилу, далеко простирающему лучи свои, свет учения своего разливает на всю Грецию»[25]. Одновременно ученый обращался к грекам с патетическим призывом изучать русский язык и знакомиться с достижениями русской культуры. «В бессмертных творениях Ломоносова и Феофана,— писал Дмитревский,— вы найдете своих Демосфенов, своих Эсхинов, в песнопениях Хераскова и Державина вы узнаете своих Гомеров, своих Пиндаров; в сочинениях Карамзина вы почувствуете приятную нежность Анакреона»[26].

Процесс знакомства греков с Россией и ее культурой шел в то время, можно сказать определенно, более интенсивно, чем в любую

inslav

предшествующую эпоху. В греческих изданиях конца XVIII — начала XIX в. большое место занимают история России, ее законодательство и военная система, русско-турецкие войны, разгром нашествия Наполеона[27]. Интерес к русской национальной культуре проявляется в переводах русских книг. Были переведены на новогреческий язык некоторые произведения видного писателя и историка Н. М. Карамзина. Возрастает потребность и в изучении русского языка: он входил, в частности, в программу Греческого коммерческого училища. Есть также данные об обучении греческих студентов в начале XIX в. в университетах России[28]. Знакомству греков с достижениями русской культуры способствовало пребывание в России значительного числа греческих эмигрантов, имевших широкие общественные связи. Особенно большой интерес к духовной жизни России проявил Иоанн Каподистрия. Он находился в дружеских отношениях с писателями Н. М. Карамзиным, В. А. Жуковским, И. И. Дмитриевым, принял участие в судьбе А. С. Пушкина и К. Н. Батюшкова. Свидетельством и признанием его широких связей с русскими литераторами было избрание Каподистрии почетным членом литературно-общественного кружка «Арзамас», объединявшего все, что было тогда прогрессивного и талантливого в русской литературе[29]. Греческий патриот и ревнитель просвещения был также избран в 1818 г. членом Петербургской академии наук. Высказанные соображения и приведенные конкретные факты, как представляется, показывают важность дальнейшего углубленного изучения проблемы «Новогреческое Просвещение и Россия». В то же время нельзя рассматривать эту проблему как нечто самодовлеющее. Речь идет прежде всего о методике исследования, о применении регионального подхода к изучению столь большого и сложного и при всем его многообразии органически связанного явления, как новогреческое Просвещение. В настоящее время все более очевидным становится тот факт, что лишь совместными усилиями специалистов ряда стран можно детально и всесторонне изучить это явление, определить его место в истории новогреческой и мировой культуры.

Обобщающие исследования о новогреческом Просвещении отсутствуют. Некоторые общие его характеристики см. в работах: *Demos R.* The Neo-Hellenic Enlightenment (1750—1821).— Journal of the History of Ideas, 1958, v. XIX, N 4; *Knös B.* L'histoire de la littérature néo-grecque. La période jusqu'en 1821. Uppsala, 1962; *Dimaras C.* La Grèce au temps des Lumières. Genève, 1969; *Mackridge P.* The Greek Intelligentsia, 1780—1830: A Balkan perspective.— In: Balkan society in the age of Greek independence. L., 1981.

[2] Исключение составляли лишь Ионические острова. Однако они не входили в состав Османской империи и с конца XVIII в. находились поочередно под контролем Франции, России и Англии.

[3] *Camariano-Cioran A.* Les Académies princières de Bucarest et de Jassy et leurs professeurs. Thessaloniki, 1974; Καραθανασης'Α. Ἡ Φλαγγίνειος σχολὴ τῆς Βενετίας. Θεσσαλονίκη, 1975.

[4] Probleme der neugriechischen Literatur. B., 1960, Bd. II, S. 55—215; *Veloudis G.* Das griechische Druck- und Verlagshaus «Glikis» in Venedig (1670—1854). Wiesbaden, 1974; *Vranoussis L.* L'hellénisme postbyzantin et l'Europe: Manuscrits, livres, imprimèries. S. l., 1981 (XVIe Congrès International d'Etudes Byzantines).

inslav

[5] Δασκαλάκη Ἀ. Ὁ Ἀδαμάντιος Κοραῆς καὶ ἡ ἀπελευθερωσις Ἑλλάδος Ἀθῆναι. 1965; Κουμαριανοῦ Αἰκ., Δανιὴλ Φιλιππίδης Barbie du Bocage—Ἄνθιμος Γαζῆς. Ἀλληλογραφία (1794—1819). Ἀθήνα, 1966; Κούκκου Ἑ. Κωνσταντίνος Βαρδαλάχος.— Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher, 1966, Bd. 19; Κούκκου Ἑ. Νικηφόρος Θετόκης (1731—1800). Ἐν Ἀθήναις, 1973; Καρᾶς Γ. Θεόζφιλος Καΐρης—Κωνσταντίνος Μ. Κούμας. Δυό πρωτοπόροι δάσκαλοι τοῦ Γένους. Ἀθήνα, 1977; Μουρούτη — Γκενάκου Ζ. Ὁ Νικηφόρος Θεοτόκης (1731—1800) καὶ ἡ συμβολή αὐτοῦ εἰς τὴν παιδείαν τοῦ Γένους. Ἀθῆναι, 1979.

[6] *Coray*. Mémoire sur l'état actuel de la civilisation dans la Grèce. [P., 1803]. p. 16.

[7] Имеющиеся на русском языке единственные биографии Е. Вулгариса и Н. Теотокиса написаны в начале XIX в. См.: Евгений (Болховитинов). Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви. СПб., 1827, т. I, с. 145—163; т. II, с. 97—101.

[8] См.: *Арш Г. Л.* Греческий ученый Д. Гобделас в России.— В кн.: Балканские исследования. М., 1980, вып. 6.

[9] Κανόνες τῶν διοκητῶν τοῦ Ἑλληνικοῦ ἐμπορικοῦ σχολείου τῶν ἐν Ὀδησσῷ Γραικῶν. Ἐν Βίλνῃ, 1819, σ. 4.

[10] *Сенковский О.* О греческом училище Одессы.— Вестник Европы, 1820, ч. 110, № 7, с. 206.

[11] [Βουλοδήμου Χ]. Πρώτη πεντηκονταετηρὶς τῆς ἐν Ὀδησσῷ Ἑλληνοεμπορικῆς σχολῆς. Ἐν Ὀδησσῷ, 1871.

[12] *Vranoussis L.* L'hellénisme postbyzantin..., p. 30.

[13] См.: *Шторх А., Аделунг Ф.* Систематическое обозрение литературы в России в течение пятилетия с 1801 по 1806 год. СПб., 1811, ч. 2, с. 38—39.

[14] Δασκαλάκη Ἀ. Ὁ Ἀδαμάντιος Κοραῆς. . ., σ. 247—253.

[15] Важным источником для изучения деятельности греческих меценатов в России являются их современные жизнеописания. См.: Редкий благодетельный подвиг Зоя Константиновича Каплани. М., 1809; Διαθήκη τοῦ αοιδίμου Νικολάου Π. Ζωσιμᾶ. Ἐν Μοσχα, 1844.

[16] Le Conservateur impartial, 1816, 5(17) sept.

[17] История «Филомузос Этерии» и ее взаимоотношений с правительством России основательно разработана в литературе. См.: Κούκκου Ἑ. Ὁ Καποδίστριας καὶ ἡ παιδεία. 1803—1822. Α'. Ἡ Φιλόμουσος Ἑταιρεία τῆς Βιέννης. Ἀθῆναι, 1958; Λαΐου Γ. Ἡ. Φιλόμουσος Ἑταιρεία τῆς Βιέννης. — Ἐπετηρὶς τοῦ Μεσαιωνικοῦ Ἀρχείου. Ἀθῆναι, 1965, τ. 12; *Арш Г. Л.* И. Каподистрия и греческое национально-освободительное движение (1809—1822 гг.) М., 1976, с. 124—169.

[18] *Papadopulo-Vreto A.* Biografia del cavaliere Andrea Mustoxidi. Athene, 1860, p. 4.

[18a] Центральный государственный исторический архив СССР, ф. 1630, оп. 1, д. 161, л. 2. Г. А. Строганов — К. В. Нессельроде, 8(20) июля 1820 г.

[19] *Арш Г. Л. И.* Каподистрия..., с. 165; *Он же.* Греческий ученый Д. Гобделас в России, с. 163—166.

[20] Внешняя политика России XIX и начала XX века. М., 1979, сер. II, т. 3(11), с. 222.

[21] *Арш Г. Л.* И. Каподистрия..., с. 149—151; *Он же.* Греческий вопрос во внешней политике России (1814—1820 гг.).— История СССР, 1978, № 3, с. 146.

[22] О нынешнем состоянии Греции и степени ее гражданского просвещения.— Вестник Европы, 1803, ч. 9, № 11, с. 214—218; *Корай А.* О нынешнем просвещении Греции / Пер. с фр. А. Негри. СПб., 1815; Военная Труба / С греч. пер. Сп. Дестуни. СПб., 1807.

[23] Δασκαλάκη Ἀ. Ὁ Ἀδαμάντιος Κοραῆς. . ., σ. 180—181.

[24] [*К.*] О состоянии словесности и наук у нынешних греков.— Вестник Европы, 1809, ч. 43, № 1, с. 23—38. О других публикациях «Вестника Европы» на темы новогреческого Просвещения см.: *Достян И. С.* Русская общественная мысль и балканские народы. М., 1980, с. 128—129, 149.

[25] *Дмитревский М.* Взор на нынешнее состояние Греции. М., 1806, с. 47—48.

[26] Там же, с. 6.

[27] *Knös B.* L'histoire de la littérature néo-grecque, p. 576—578.

[28] *Арш Г. Л.* И. Каподистрия..., с. 155.

[29] Там же, с. 41—47.

inslav

Сербское Просвещение
Люди и идеи

И. И. ЛЕЩИЛОВСКАЯ

Сербское Просвещение — комплексное общественное явление в истории сербского народа, связанное с зарождением капитализма и содействовавшее его дальнейшему развитию. Первые спорадические проявления идей Просвещения в сербской общественной мысли относятся к 60-м годам XVIII в. Как система взглядов и практики сербское Просвещение охватило период с начала 80-х годов XVIII в., когда в печати выступил Д. Обрадович с программой культурной деятельности, до Первого сербского восстания 1804—1813 гг.

Просвещение было связано с начальной стадией развития сербского буржуазного общества и отражало ее. Всенародное антиосманское восстание, которое было первой буржуазной и национально-освободительной революцией на Балканах, явилось формационным рубежом в истории Сербии, что имело принципиальное значение для общественного развития всего сербского ареала. В начале XIX в. сербы в составе Австрийской монархии, помимо воздействия освободительного восстания в Сербии, испытали потрясение, связанное с наполеоновскими войнами. С началом XIX в. для большей части сербского народа сложилась новая общественная ситуация, что привело к существенным сдвигам в национальной, идейной и культурной жизни.

Просвещение у сербов не было изолированным явлением на Балканах. В конце XVIII в. аналогичные процессы с разной степенью зрелости протекали в жизни и других балканских народов.

Сербское Просвещение недостаточно изучено наукой, хотя имеются обширная литература о жизни и деятельности Д. Обрадовича и отдельные работы о других представителях сербской культуры второй половины XVIII в.[1] Однако не выработан еще научный взгляд на Просвещение как на стадиально определенное, многоплановое, но целостное историческое явление. В настоящей статье делается попытка дать характеристику идейной стороны сербского Просвещения и очертить круг лиц, его представлявших.

Впервые у сербов ростки рационалистических идей, свойственных философии Просвещения, проявились в творчестве Захарии Стефановича Орфелина (1726—1785 гг.)[2]. Отличавшийся широким диапазоном интересов, он был первым светским лицом среди деятелей сербской культуры XVIII в. и одним из самых значительных писателей того времени. В его взглядах и деятельности старая богословская культурная традиция сочеталась с едва пробивавшимися новыми тенденциями.

Учитель, а затем чиновник при церковных сановниках, Орфелин выступил зачинателем многих видов культурной деятельности у сербов. Он был поэтом, историком, рисовальщиком, гравером по меди, каллиграфом, журналистом, популяризатором естественных знаний.

inslav

Идейная позиция Орфелина, в целом весьма противоречивая, наиболее отчетливо проявилась в поэтическом сочинении «Плач Сербии» (Венеция, 1762 или 1763), написанном на народном сербском языке[3], в предисловии-манифесте к первому сербскому журналу «Славено-сербский магазин» (Венеция, 1768) и в двухтомном труде «История о житие и славных делах великого государя императора Петра Первого» (Венеция, 1772). З. Орфелин впервые в сербских условиях выразил идею светской культуры, принцип «общей пользы» как основы деятельности, мысль о сообразовании литературно-языковой ситуации у сербов с требованием времени.

В середине XVIII в. у сербов функционировали три типа литературного языка: архаический вид русского языка («русско-славянский»), церковнославянский язык на русской основе и народный сербский[4]. Орфелин ощутил необходимость перемен в литературно-языковой сфере, диктовавшихся формированием сербской нации как потребность разных «стилей» для отдельных литературных жанров. Он первый стал издавать произведения на народном сербском языке. Он же положил начало переходу от церковного к гражданскому шрифту в печати.

Однако подлинный перелом в сербском общественном сознании связан с именем выдающегося мыслителя, писателя-просветителя, педагога Досифея Обрадовича, который не только ощутил наступление новой эпохи, но и дал идеологическое оформление ее потребностей. Д. Обрадович — центральная фигура сербской культуры XVIII в.— занимает одно из главных мест в истории сербской общественной мысли и культуры в целом. Сила воздействия его творчества намного пережила писателя. Д. Обрадович, несомненно, один из самых крупных и ярких представителей Просвещения на Балканах.

Димитрие Обрадович, принявший в монашестве имя Досифей, прожил удивительную, насыщенную событиями жизнь. Он родился в 1742 или 1743 г. в селе Чаково (Темишварский Банат)[5] в семье скорняка и мелкого торговца. Рано осиротев, Обрадович учился ремеслу, был монахом в сремском монастыре Хопово. Однако неудовлетворенность монашеской жизнью и проснувшаяся жажда знаний побудили его в 1760 г. бежать из монастыря. Он получил классическое образование в богословской школе в Хилендаре, а затем в Смирне. Сняв монашескую одежду, Обрадович слушал лекции в университетах Галле и Лейпцига. Это были лучшие в Германии университеты, атмосфера которых отличалась наибольшим свободомыслием. Благодаря своей настойчивости, неустанному труду и неодолимой тяге к знаниям Обрадович достиг европейского уровня образованности.

Постоянный поиск, желание узнать и увидеть лучшее, что создали человеческая мысль и труд, были побудительной причиной его многочисленных путешествий. Они способствовали познанию жизни и расширению его духовного горизонта. Обрадович объехал всю Европу от Гамбурга до островов в Эгейском море, от Лондона до западных пределов России, был в Малой Азии. Педагог и просвети-

inslav

тель по призванию, Обрадович жил частными уроками и литературным трудом. Он не был связан государственной или церковной службой, и это обеспечило ему свободу действий и творчества.

В 1807 г. Обрадович переехал в повстанческую Сербию. Здесь он был членом Правительствующего совета, выступая убежденным сторонником союза Сербии с Россией, закладывая основы новой культуры страны. Умер Обрадович, не дожив до освобождения Сербии, в 1811 г.[6]

Д. Обрадович прошел путь идейного развития, все глубже проникаясь надеждами и чаяниями своего народа. Формирование его рационалистического мировоззрения пришлось на 70-е годы XVIII в. Корнями связанное с жизнью сербов, оно сложилось под влиянием русской общественной мысли, немецкого, английского и французского Просвещения.

Д. Обрадович впервые выступил в печати, будучи в Лейпциге в 1783 г. В «Письме Харлампию» * он сформулировал программу культурно-просветительской деятельности на ближайшие годы. Его важнейшими сочинениями были «Жизнь и приключения Димитрия Обрадовича, нареченного в монашестве Досифеем, им самим написанная и изданная» (Лейпциг, ч. I, 1783; ч. II, 1788), «Советы здравого разума» (Лейпциг, 1784), «Басни» (Лейпциг, 1788), «Собрание разных нравоучительных вещей на пользу и увеселение» (Вена, 1793), «Этика» (Венеция, 1803). Обрадовичу принадлежат и другие сочинения. Вторая часть «Собрания...», остававшаяся в рукописи, была издана после смерти писателя его другом и соратником П. Соларичем в 1818 г. под названием «Мезимац» **.

Первое сербское восстание вызвало глубокий перелом в сознании Обрадовича. Безоговорочная поддержка восстания и переезд в Сербию означали его переход на революционные позиции.

Мировоззрение Д. Обрадовича по своей социальной сущности отражало раннюю стадию развития буржуазного общества, когда противоречия внутри него не выступали еще с достаточной ясностью и силой при всем том, что интересы формирующейся буржуазии и простого народа, сближаясь и соприкасаясь, отнюдь не совпадали. В идеях Обрадовича, глубинными нитями связанного с народом, нашли отражение как буржуазная тенденция, так и настроения крестьянства, антифеодальная устремленность которого питала демократизм его убеждений.

В области философии Д. Обрадович не был оригинальным мыслителем. Его эклектичное мировоззрение опиралось на прогрессивные концепции европейского Просвещения. Он заимствовал философские идеи у Декарта и Лейбница, в основном через философию Вольфа и Эберхарда, у Локка, Шефтсбери и других мыслителей[7].

Писатель-философ усвоил и широко пропагандировал прогрессивную для своего времени рационалистическую теорию «естественного здравого разума» как основы бытия, развития человеческой

* Харлампий Мамула был священником в Триесте.
** В переводе — младший любимый сын.

inslav

истории и жизни. В предисловии к книге «Жизнь и приключения...» Обрадович заявлял: «Я буду только стараться ничего не писать такого, что противоречило бы моей совести и правилам здравого разума»[8]. Одно из его главных сочинений так и называлось: «Советы здравого разума». Рационализм явился основополагающей доктриной мировоззрения и творчества сербского писателя.

Рационалистическая концепция с ее культом «здравого смысла», глубокой верой в безграничную мощь человеческого разума, провозглашением свободы мысли, отрицанием сверхъестественных сил и иррационализма отражала освобождение общественной мысли от оков теологии. Рационализм выступал одной из наиболее существенных черт философии Просвещения. «...Каждый из господствующих классов,— писал Ф. Энгельс,— использует свою собственную религию: ...либеральные и радикальные буржуа — рационализм»[9]. Эта теория была призвана обосновать реальную борьбу подымавшейся буржуазии против феодальных порядков и освящающей их церкви как институтов, противоречивших «здравому смыслу».

Рационалистический подход к природе и обществу, сознание развития мира по собственным законам сочетались у Обрадовича с признанием бога как его создателя. Доказательство божьего творения мира сербский мыслитель видел в его целесообразности, упорядоченности и гармоничности. В трактовке Обрадовича природа — «живая и подлинная» книга божьей доброты и мудрости[10]. Это была деистическая концепция, которую К. Маркс называл буржуазной разновидностью христианства[11].

Деизм означал отход от ортодоксальной теологической позиции и был шагом вперед в развитии философской мысли у сербов. Но деистическое мировоззрение заключало в себе компромисс между разумом и верой, наукой и религией. Такая философская позиция Обрадовича была не случайна. В ней отразилась социально-экономическая неразвитость сербского общества. Сказывалась также сложность общественной ситуации в условиях национального гнета.

Перед лицом господствующих инонациональных сил складывавшаяся сербская буржуазия для самоутверждения нуждалась в поддержке со стороны православного духовенства, которое имело большое влияние на народ, а в Воеводине располагало и большими материальными средствами. Практика совместного сопротивления горожан и церкви в Воеводине политике Габсбургов на протяжении XVIII в. порождала у сербской буржуазии сознание целесообразности контактов с духовенством в борьбе против национального угнетения. Житейские связи — личные, родственные, деловые — в свою очередь смягчали противоречия между буржуазией и церковной иерархией, порождая компромиссные тенденции. Все это получило своеобразное идейное преломление в половинчатой и умеренной философии деизма Обрадовича. Но его философский компромисс питали также традиционализм, приверженность к религиозной форме мышления, патриархальные иллюзии, свойственные сербскому крестьянству.

inslav

Важной стороной мировоззрения Обрадовича были убежденность в поступательном и непрерывном развитии человечества, вера в прогресс. Эта идея Просвещения была направлена против представлений о вечности и непреложности феодального мира. Мировоззрение сербского писателя было обращено к будущему. Однако в основе прогресса он видел развитие и совершенствование разума. В предисловии к первой части «Жизни и приключений...» Обрадович призывал сербов: «Нужно только решиться и начать мыслить так, как будут мыслить люди через сто лет после нас, если мы не хотим оставаться навсегда в первобытной неразвитости и детстве. Если бы европейцы не решились совершенствовать свои мысли и просвещать образованием ум, они до настоящего времени прозябали бы в первобытной глупости и варварстве и были бы подобны бедным африканским народам» [12].

Обрадович с идеалистических позиций объяснял исторический процесс. Но его оптимизм оказывал мобилизующее воздействие на национальные прогрессивные силы, вселяя в них уверенность в торжестве своего дела и веру в будущее.

Основу социологических воззрений Обрадовича составляла просветительская теория «естественного права». Он писал о «естественном законе», на котором якобы покоились неотчуждаемые права личности. Они были присущи ей, утверждал Обрадович, с доисторического состояния [13]. Тем самым обосновывались равенство людей от природы, внесословная ценность человека.

«Естественно-правовая теория» была важным идеологическим оружием подымавшейся европейской буржуазии в борьбе против феодального угнетения и бесправия личности, против «исторического права» сословий, цехов и других феодальных институтов И в сербских условиях эта теория отражала социальную тенденцию к свободе.

Важное место в творчестве Д. Обрадовича занимал церковно-религиозный вопрос [14]. В сербских условиях он имел особую сложность. С религией были связаны церковно-школьные привилегии православного населения в Австрийской монархии, определявшие его положение в государстве. Религия выступала символом политической значимости сербов. Тем не менее в религиозном отношении они подвергались притеснению не только в османском государстве, но и в Австрийской монархии. Наступление на православие сжилось в обыденном сознании сербов с представлением об иноземном гнете и традиционно вызывало отпор.

Православная религия в сочетании с другими, местными факторами во многом определила особенности культуры сербов, ее внешние связи и сферу восприимчивости. В условиях иноземного гнета эти процессы преломлялись в осознание жизненной важности православия для сербов как условия существования народа, его самобытности, неповторимости духовного облика.

Ситуация усугублялась противоречивостью положения церкви и сербского духовенства во второй половине XVIII в. Православная церковь в Воеводине, располагавшая земельными владениями и

inslav

финансовыми фондами, освящавшая феодальные порядки, была важнейшим оплотом феодализма. В то же время существование самостоятельной церковной организации — Карловацкой митрополии — утверждало положение сербов как особого народа в Австрийской монархии [15].

Церковное просветительство у сербов в габсбургском государстве во второй половине XVIII в., когда обнаружились принципиальные сдвиги в общественном сознании и началось формирование новой, национальной культуры, исторически изживало себя, но в глубине Балкан, где сохранялись патриархальные устои жизни, обедневшие монастыри и сельские священники полностью выполняли свою культурную миссию. Сербская церковь, сохраняя средневековые культурные достижения народа, поддерживала таким образом условия для преемственности историко-культурного развития.

Наконец, на Балканах в XVIII в. сербские священники в противовес протурецкой позиции высшего фанариотского духовенства принимали деятельное участие в антиосманской борьбе.

Позицию Д. Обрадовича в церковно-религиозном вопросе определяли разные факторы: с одной стороны, антифеодальные устремления крестьянства и потребность формировавшейся буржуазии в ликвидации препятствий на пути своего развития и в освобождении от мирской и духовной опеки со стороны церкви, с другой — слабость нового класса, традиционализм сербского общественного сознания, сохранение церковью по некоторым аспектам общественных функций. Существенное значение имела идеологическая философская концепция писателя.

Критика Д. Обрадовичем феодальных норм жизни раньше всего и особенно отчетливо проявилась в обличении православной церкви и существующей религии. Впервые он выразил отрицательное отношение к ним в 1783 г. в книге «Жизнь и приключения...». Д. Обрадович отвергал внешнюю, обрядовую сторону религии, не покушаясь на ее теорию. По его словам, он хотел освободить «чистое евангельское учение» от искажения людьми, отделить «истинную веру от суеверия» [16]. Сербский мыслитель не порывал с религией, но пытался ограничить ее «здравым разумом». Идейная противоречивость Обрадовича проистекала из сложности условий сербской жизни конца XVIII в.

Предметом острой критики сербского просветителя было многочисленное монашество. Еще Орфелин в предисловии к «Вечному календарю» критически высказался в адрес монахов. В 1788 г. Обрадович писал, что, издавая первую часть «Жизни и приключений...», он преследовал двоякую цель: «показать, во-первых, бесполезность монастырей в обществе, а во-вторых, настоятельную необходимость просвещения...» [17]. С гневом и болью, сарказмом и иронией Обрадович обличал вырождение институции монастырей, распущенность и паразитизм монахов, их общественный вред как носителей клерикализма, мракобесия и религиозного фанатизма. С особым негодованием он писал о вымогательстве монахов, прежде всего потому, что оно ложилось тяжким бременем на крестьян. Выступая

inslav

против монашества всех религий, Обрадович объявлял этот средневековый институт противным «здравому разуму» и «общей пользе» [18].

Писатель высмеивал «Жития святых», протестовал против христианской идеи божественного установления духовенства. Он клеймил «святых отцов», разоблачал невежество, жадность, своеволие и лицемерие церковной иерархии. Хотя его критика высшего православного духовенства по большей части касалась давних времен, что объяснялось вынужденной осторожностью писателя, она подрывала авторитет служителей церкви [19]. Особенно резко Обрадович писал о нравственном разложении фанариотского духовенства на территории, находящейся под властью Порты, о нещадном давлении его на простой народ. Негодованием проникнуты слова писателя: «Епископы! Духовные отцы! Пастыри христова стада! Постящиеся и богомольные монахи — все они жестокие и суровые волки-кровопийцы, которые под покровом религии сосут человеческую кровь там, где господствуют варварство и пытки» [20]. Господство на Балканах фанариотского духовенства усугубляло критическую позицию Обрадовича и в то же время облегчало ему публичное выступление против церковных верхов.

В 1792 г. М. Максимович, чиновник Иллирской придворной депутации, подверг осмеянию монашество и церковную знать в небольшой книге «Малый букварь для взрослых» [21].

Большое место в просветительской пропаганде Обрадовича занимала борьба против суеверия и предрассудков, противных, по его словам, евангелию, «здравому разуму» и «общей пользе» [22].

Вслед за Обрадовичем с критикой церковных обычаев в печати выступил Й. Мушкатирович (1743—1809), первый серб-адвокат, собиратель и издатель фольклора, один из образованнейших и ярких людей своего времени. В книге «Краткое размышление о праздниках» (Вена, 1786) он высказался за церковные реформы. Книга была с одобрением встречена Обрадовичем [23].

Бичуя православную церковь и духовенство, Обрадович и писатели его круга не были последовательны. Они не выступали против церкви как социального института, но критиковали отдельные явления церковной жизни. Сам Обрадович сознавал ограниченность своей позиции и объяснял ее как уступку идейной незрелости и консерватизму читателей. В «Советах здравого разума», говоря о суде «ученых, просвещенных и правдолюбивых людей», современников и потомков, он признавался: «Если меня в чем-либо и упрекнут, так только в том, что я недостаточно высказался против тех вещей, о которых говорю; но меня простят, когда примут во внимание, что при обстоятельствах, в коих ныне пребывают те, кого я желал бы иметь своими читателями, и этого достаточно» [24].

Критические выступления Обрадовича против православной церкви, несмотря на непоследовательность, имели большое общественное значение. Это был первый в сербских условиях открытый вызов духовной монополии церкви. Сочинения Обрадовича расшатывали исторические устои церковной жизни. Разоблачение писателем

inslav

духовенства было ударом по божественности, непреложности и вечности церкви как одного из наиболее мощных феодальных учреждений. Книги Обрадовича содействовали подрыву авторитета религии. «...Критика религии,— писал К. Маркс,— предпосылка всякой другой критики» [25].

Обличение церкви прокладывало дорогу светскому мировоззрению и культуре. Освобождение сербской культуры от оков средневековья было принципиальным поворотным моментом в ее развитии.

Критика Обрадовичем православной церкви была подготовлена нараставшим недовольством общества давлением и поборами церкви. Но выступил он с обличением церковных порядков в тот период, когда Австрийская монархия переживала церковные реформы «просвещенного» абсолютизма. Поскольку реформы в сфере православной церкви затрагивали привилегии православного населения, они вызвали в Воеводине ожесточенный отпор.

Обрадович мужественно выступил в защиту нововведений, но с собственной позиции, принципиально отличавшейся от церковной политики Марии-Терезии и Иосифа II. Сербский просветитель обличал церковь и существующую религию с точки зрения восходящих общественных сил, ратуя за развязывание энергии сербской нации и за ее возвышение среди просвещенных народов. Габсбурги же, проводя церковные реформы, руководствовались интересами абсолютизма и преследовали централизаторские цели. Они использовали объективную необходимость реформ для закрепления своего господства над сербским народом.

Но субъективно сербские писатели конца XVIII в., проводившие в своих сочинениях идеи иозефинизма (австрийского варианта Просвещения) — Д. Обрадович, Й. Мушкатирович, Э. Янкович,— одни в большей, другие в меньшей степени проявляли ограниченность в отношении церковной политики Иосифа II. Они видели в ней только антиклерикальную сторону и не сознавали угрозы германизации и бюрократического всевластья. Это было связано с характерными для просветительства иллюзиями в отношении «просвещенной» монархии, способной якобы перестроить жизнь на началах «здравого разума».

Отвергая фанатизм и конфессиональные гонения, Обрадович выступал сторонником свободы религии. «Все религии основаны на законе естества»,— утверждал он [26]. В идее веротерпимости проявился не только гуманизм сербского просветителя, но и его протест против неравноправного положения сербского народа. Эта идея имела важное значение для расширения культурного горизонта сербов и преодоления их культурной изоляции от народов католического мира.

Представители Просвещения были первыми глашатаями сербского национального самосознания. Оно пронизывало мировоззрение Обрадовича. Уже в «Письме Харлампию» сербский мыслитель охватил своим взором «сербский род», «от Черногории до Смедерево и до Баната» и поднялся до осознания общенациональных задач [27].

inslav

Он ввел новое для своего времени понятие «нация». Не религиозный, а языковый и родовой критерии были для него основой сербской общности, ибо «религия и вера могут измениться, а род и язык никогда» [28]. Это было утверждением приоритета национального фактора над религиозным.

Сербский просветитель понял важную роль национального чувства в деле национального прогресса и стремился к его укреплению в сербском народе. Д. Обрадовичу принадлежат пламенные слова: «Лежит и будет лежать вовеки в рабстве тот народ, сердце которого не знает, что такое национальная гордость» [29].

Взгляды Д. Обрадовича на положение и национальные судьбы сербов претерпели эволюцию. До Первого сербского восстания, возлагая надежды в деле национального подъема сербов в Австрийской монархии на «просвещенный» абсолютизм, он думал об освобождении лишь той части сербского народа, которая находилась под властью Порты, и полагался при этом на внешнеполитическую активность Австрии и России. С началом восстания внимание Обрадовича сосредоточилось на возрождении Сербии, но в поле его зрения оставались также Босния, Герцеговина и Черногория. В его «Песне на инсуррекцию сербов» (Венеция, 1804) звучала истинно революционная энергия. Обрадович связал дело ликвидации османского господства с действиями самих сербов. Он освободился от иллюзий относительно прогрессивной миссии на Балканах Габсбургской монархии. Истинного союзника самостоятельной Сербии он видел в лице России [30].

Национальным самосознанием было проникнуто творчество Э. Янковича (1758—1791), последователя Обрадовича, человека широкой образованности. В 1787 г. в предисловии к своему переводу комедии Гольдони «Торговцы» Янкович, мотивируя выбор народного, а не церковнославянского языка для перевода, писал: «Я не славянин, а серб и пишу не для славян, а для сербов» [31]. Национальное самосознание становилось фактором развития сербской литературы на народном языке.

Центральное место в системе взглядов Д. Обрадовича занимала концепция сербской национальной культуры. Хотя этого понятия он не употреблял, весь пафос его выступлений в пользу развития наук, светского образования, художеств и распространения знаний касался той сферы человеческой жизни, которая ныне именуется духовной культурой.

Развитие капитализма и формирование сербской нации в условиях национального угнетения обусловили насущную задачу создания сербской культуры нового исторического типа и подъема культурного уровня сербского народа. Объективная потребность преломлялась в сознании Обрадовича через рационалистическую философию. Сообразно ей просветитель рассматривал культуру как важнейший рычаг человеческого прогресса. Он подчеркивал, что наука не только указывает народам путь к благополучию, но и доставляет им «истинную и постоянную национальную славу» [32]. В «Советах здравого разума» он обращался к своим читателям со словами: «Книги,

inslav

братья мои, книги, а не колокольный звон! Книги — безмерно дорогой и бесценный небесный дар, гордые дочери просвещенных умов! Они теперь царствуют на земле и на воде и вещают премудрые законы! Они воюют и побеждают! Они поднимают и возвышают славу благополучных народов до самых звезд»[33]. Это был подлинный гимн в честь книги.

Развернутая Обрадовичем концепция национальной культуры заключала в себе теоретическое обоснование культурного перелома и намечала конкретные пути решения насущных вопросов культурного развития.

В поле зрения Обрадовича были прежде всего литература и ее язык. Он был первым сербским мыслителем, который обосновал необходимость и важность перехода всей сербской литературы на народный язык. Писатель аргументировал свою позицию принципами рационалистической философии и высоким этическим мерилом общественной пользы[34]. Обрадович имел в виду и национальный аспект проблемы, сознавая неразрывную связь между языком и нацией, подъемом культуры и национальным прогрессом. «... Пока какой-либо народ не имеет книг на своем родном языке,— заявлял сербский просветитель,— он вынужден пребывать в темноте ума и варварстве и все более приходить в упадок»[35]. Выступление Обрадовича за переход от разноязычия к единому литературному языку на народно-разговорной основе имело принципиальное значение для развития словесных форм сербской культуры, поскольку речь шла о ее повороте к актуальным вопросам времени и нуждам складывавшейся нации.

Принципиальной стороной культурной программы Обрадовича была ее нацеленность на подъем интеллектуального и нравственного уровня широких масс. Он призывал современников писать «для сербов — крестьян, для которых мы должны много стараться и трудиться, потому что в каждом народе крестьян большинство и сверх большинство»[36]. В этой позиции проявился глубокий демократизм сербского просветителя.

Смысл культурной программы Д. Обрадовича состоял в освобождении культуры от церковной опеки и ее развитии на светских началах, в отказе от церковнославянского языка в литературе и в переходе ее на народный язык, в ориентации культуры на широкие слои сербского народа.

Д. Обрадович на практике положил начало литературно-языковому перевороту у сербов. В первой части «Жизни и приключений...» писатель-новатор заявил: «Вот мои основные намерения: во-первых, дать пример ученым моего народа, чтобы писали и издавали сочинения на нашем простом диалекте; во-вторых, чтобы мои соплеменники решились о всякой вещи свободно мыслить и обо всем, что слышат, судить и рассуждать»[37]. Язык самого писателя, единый во всех произведениях, содержал, однако, наряду с чисто народной основой немногочисленные слова и обороты из книжного языка. В этом сказались как отсутствие ясных представлений у писателя о структуре нового литературного языка, стремление не нарушать связи с

inslav

традицией, так и неразвитость народного языка сербов[38]. Обрадович печатал свои книги гражданским шрифтом.

При зарождении буржуазного общества в недрах феодализма постановка вопроса о национальной культуре имела важное общественное звучание. В 1913 г. В. И. Ленин писал: «125 лет тому назад, когда не было еще раскола нации на буржуазию и пролетариат, лозунг национальной культуры мог быть единым и цельным призывом к борьбе против феодализма и клерикализма»[39]. В условиях национального гнета, которому подвергались сербы, антифеодальное и антиклерикальное, т. е. общедемократическое, содержание концепции национальной культуры дополнялось ее национально-освободительной направленностью.

Однако теория и практика Обрадовича в области культуры встретили противодействие со стороны православной иерархии и части светских кругов в Воеводине, вставших на защиту церковнославянского языка. Тем не менее в конце XVIII в. литературно-языковая концепция Обрадовича получила поддержку со стороны ряда деятелей культуры: П. Соларича, Й. Мушкатировича, Э. Янковича, А. Мразовича, М. Максимовича, А. Стойковича. Отдал дань духу века и Й. Раич (1726—1801), историк и церковный писатель, создавший ряд сочинений на народном языке, в том числе известную поэму «Бой змея с орлами» (Вена, 1791).

Твердо веря в неизбежную победу народного языка в литературе, Д. Обрадович в конце своей жизни мог с удовлетворением отметить, что он «имел радость дожить и видеть, что и другие начали делать то же самое»[40]. Однако потребовались еще многие десятилетия борьбы, чтобы народный язык окончательно утвердился в сербской литературе.

Политические взгляды Д. Обрадовича не отличались определенностью и последовательностью. Свои политические принципы он выразил в словах: «Нужны просвещенный государь и твердые законы»[41]. Это была идея ограниченной монаршей власти и защиты прав личности, но выраженная в элементарной форме. Обрадовичу были ненавистны деспотизм и феодальная анархия. Путь к монархии, основанной на законах, ему представлялся через реформы «просвещенного» абсолютизма. Как уже отмечалось, подобно многим умеренным представителям Просвещения, Обрадович верил в его способность избавить человечество от «тирании, глупости и варварства»[42]. В сербских условиях эта вера подкреплялась надеждами на освобождение сербов с помощью австрийской монархии из-под власти Порты путем войны с ней и на ослабление теократической власти карловацкой митрополии. У Обрадовича идея ограниченной монархии еще сплеталась с теорией «просвещенного» абсолютизма.

Обрадович нарисовал в своих сочинениях идеальный образ монарха, руководствовавшегося в своих действиях интересами народа, ставившего целью общее благоденствие и способного к широкой преобразовательной деятельности, к обновлению жизни[43]. Этот образ нес важную идейную нагрузку, представляя новый тип государ-

inslav

ственного деятеля, который по существу противостоял политическим нормам и традициям феодализма.

Сообразно этой модели Обрадович поддерживал деятельность Иосифа II, в особенности его церковную и восточную политику[44]. Буржуазные тенденции в политике Иосифа II имели некоторое историческое значение, но она была направлена на защиту феодализма и упрочение австрийского господства над угнетенными народами. Для Обрадовича и его последователей оставалась скрытой внутренняя противоречивость политики австрийского «просвещенного» абсолютизма. Иллюзии относительно Иосифа II были свойственны многим представителям Просвещения в Австрийской монархии.

Идея преобразовательной миссии «просвещенного» абсолютизма отражала стремление сербской буржуазии в габсбургском государстве к общественным переменам и одновременно ее слабость, неспособность осуществить их на деле, неготовность еще к подлинно политическим действиям. Питали ее и монархистские настроения крестьянства. Принцип правопорядка, основанного на законах, в свою очередь заключал в себе новую общественную тенденцию, отрицая сословное неравенство и феодальный произвол.

Обрадович придерживался патриархального взгляда на общество как на большую семью, которую возглавлял на отеческих началах монарх[45]. Сознание естественного равенства людей не исключало для него социального неравенства. Он отстаивал неприкосновенность частной собственности, считая, что часть доходов должна обращаться на благо общества[46].

Однако главное в общественной позиции Обрадовича состояло в том, что всеми помыслами и деятельностью он был повернут к крестьянству. «Я долгое время жил среди крестьян, да и мои прародители со стороны отца и матери были крестьяне,— писал он,— поэтому они для меня родные, милые и дорогие, и я стремлюсь, насколько могу, быть им полезным»[47]. Он видел в крестьянстве самый жизнеспособный, жизнедеятельный и здоровый в нравственном отношении слой общества[48].

Обрадович первый из сербских мыслителей обратил внимание на социальную действительность. Полный сочувствия тяжелой доле простых сельских тружеников, он писал в «Баснях»: «Правильно ли, что тысячи беззлобных семей изнемогают, чтобы только лучше можно было напихивать в сто праздных и неблагодарных животов? Но того требуют обычай и мода! Большие господа должны великолепно жить, а это невозможно без транжирства, но откуда брались бы средства, если бы у подданных не выжимали мозг из костей? Всевышний! Когда же, наконец, познают тебя и большие господа! Правда! Человечность! Добродетель! Когда же вас в конце концов и вельможи почувствуют?»[49]. В эти сильные слова выдающийся сербский просветитель вложил всю свою боль за угнетенное крестьянство.

Обрадович видел необходимость изменить положение в обществе, отталкиваясь от принципа естественного равенства людей. Он возлагал надежды на распространение знаний и воспитание членов

inslav

общества[50]. Сербский мыслитель был еще далек от понимания существа социальной проблемы и ее решения, сводя все к вопросам морали и нравственности. Путь к нему крестьянство Сербии на практике показало в ходе всенародного восстания 1804—1813 гг.

Культура сербского православного ареала в своей истории не прошла этапов Ренессанса и Реформации, означавших в Западной Европе глубокий перелом в общественном сознании. В сербских условиях гуманистические и реформационные идеи, переосмысленные в соответствии с новым временем, стали достоянием общественной мысли на стадии Просвещения. Сербское Просвещение решало исторические задачи, которые в ряде европейских стран выполнили Ренессанс и Реформация, и задачи, которые соответствовали стадиально новым потребностям сербского общества второй половины XVIII в.

Историческое значение сербского Просвещения состояло в создании основ сербской культуры нового исторического типа, подготовке сербского общественного сознания к формационному переходу и принципиально новой по своим целям и характеру национально-освободительной борьбе, в формировании человека нового времени.

[1] См., например: *Костић М.* Доситеј Обрадовић у историској перспективи XVIII и XIX века. Београд, 1952; *Маринковић Б.* Твораштво по сродности или Емануил Јанковић.— Годишњак Филозофског факултета у Новом Саду, Нови Сад, 1972, књ. XV/1; *Чурчић Л.* Павле Соларић.— Зборник за славистику, Нови Сад, 1979, № 17.

[2] О З. Орфелине см.: *Коларић М.* Захарија Орфелин — цртач, калиграф, бакрорезац.— Зборник Матице српске. Серија друштвених наука. Нови Сад, 1951, 2; *Бошков М.* Захарија Орфелин и књижевност руског просветитељства.— Зборник за славистику, Нови Сад, 1974, № 7.

[3] Несколько ранее вышел «Горестный плач... Сербии» на церковнославянском языке русского образца.

[4] *Толстой Н. И.* К историко-культурной характеристике «славяно-сербского» литературного языка.— В кн.: Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977, с. 275, 277; *Он же.* Литературный язык у сербов в конце XVIII — начале XIX в.— В кн.: Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М., 1978, с. 270, 271.

[5] Теперь в составе Румынии.

[6] Сведения о биографии Д. Обрадовича взяты из кн.: *Костић М.* Доситеј Обрадовић у историској перспективи XVIII и XIX века.

[7] Наиболее крупные работы, в которых освещаются взгляды Д. Обрадовича: *Костић М.* Доситеј Обрадовић...; *Деретић Ј.* Доситеј и његово доба. Београд, 1969; *Стојковић А.* Философски погледи Доситеја Обрадовића. Београд, 1980.

[8] *Обрадовић Д.* Сабрана дела. I—III. Београд, 1961, I, с. 81.

[9] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 315.

[10] *Обрадовић Д.* Сабрана дела, I, с. 134, 135, 320—321, 336, 354, 646, 654.

[11] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 23, с. 89.

[12] *Обрадовић Д.* Сабрана дела, I, с. 81.

[13] Там же, с. 615.

[14] Подробно см.: *Лещиловская И. И.* Философско-этическая проблематика Просвещения в сербской литературе второй половины XVIII в.— В кн.: Литература эпохи формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе: Просвещение. Национальное Возрождение. М., 1982.

[15] После ликвидации Печской патриархии в 1766 г. ее балканская территория попала под юрисдикцию Константинопольской патриархии, которая находилась в руках греческого фанариотского духовенства.

inslav

[16] *Обрадовић Д.* Сабрана дела, I, с. 165, 320, 335, 688.
[17] Там же, с. 252.
[18] Там же, с. 119, 548, 549.
[19] Там же, с. 141, 146, 163, 331—334, 651 и др.
[20] Там же, с. 566.
[21] *Скерлић J.* Српска књижевност у XVIII веку.— В кн.: Скерлић J. Сабрана дела. Београд, 1966, IX, с. 159—160.
[22] *Обрадовић Д.* Сабрана дела, I, с. 335, 336, 417.
[23] *Скерлић J.* Српска књижевност у XVIII веку, с. 164, 165, 376.
[24] *Обрадовић Д.* Сабрана дела, I, с. 338.
[25] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 1, с. 414.
[26] *Обрадовић Д.* Сабрана дела, I, с. 66.
[27] Там же, с. 63.
[28] Там же, с. 65.
[29] Там же, с. 323.
[30] Подробнее см.: *Лещиловская И. И.* Взгляды Досифея Обрадовича по национальному вопросу.— В кн.: Славяне и Россия. М., 1972, с. 89—98.
[31] Цит. по кн.: *Скерлић J.* Српска књижевност..., с. 180.
[32] *Обрадовић Д.* Сабрана дела, II, с. 320.
[33] Там же, I, с. 301.
[34] См.: Там же, с. 65.
[35] Там же, с. 284.
[36] Там же, II, с. 281.
[37] Там же, I, с. 161.
[38] *Костић М.* Доситеј Обрадовић..., с. 180—181; *Толстой Н. И.* Литературный язык у сербов..., с. 298—300.
[39] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 24, с. 9.
[40] *Обрадовић Д.* Сабрана дела, II, с. 277—278.
[41] Там же, I, с. 469.
[42] Там же, с. 156.
[43] Там же, с. 371—372, 472, 526.
[44] Там же, I, с. 61, 161; III, с. 9 и др.
[45] Там же, I, с. 371, 416, 539, 581.
[46] Там же, с. 110, 477; II, с. 490.
[47] Там же, II, с. 277.
[48] Там же, I, с. 679; II, с. 453.
[49] Там же, I, с. 648.
[50] Там же, с. 648—649.

Сербские мотивы в русской литературе

(А. Ф. Вельтман и В. А. Гиляровский)

Ю. Д. БЕЛЯЕВА

Восприятие русской литературой исторического и художественного опыта сербского народа — чрезвычайно важный и актуальный вопрос в исследовании русско-югославских культурных и литературных взаимосвязей. К нему в последнее время все чаще обращаются советские и югославские литературоведы[1]. Его изучение помогает более полно воссоздать картину культурных и литературных взаимодействий между русским народом и народами Югославии, глубже показать их многовековые традиции, их многообразие в

inslav

прошлом и настоящем, проследить этапы процесса вхождения культур и литератур югославян в литературную жизнь России.

Сербские мотивы активно входят в русскую литературу в начале XIX в. На протяжении всего XIX и в первые десятилетия XX в. этот процесс идет вглубь и вширь, охватывая творчество все большего числа русских писателей, разных по мировоззрению, таланту, стилю[2]. Достаточно сказать, что сербская проблематика — в той или иной форме — нашла отражение в творчестве крупнейших русских писателей: А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. И. Куприна. Вопросы исторического и культурного развития сербского народа получили освещение в публицистике, критике, переписке В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, В. Г. Короленко, Н. К. Михайловского, С. М. Степняка-Кравчинского, А. Блока и др. Сербские сюжеты вошли в жизнь и творчество А. И. Одоевского, А. К. Толстого, А. Ф. Вельтмана, А. Н. Майкова, В. А. Гиляровского, В. Хлебникова, А. Н. Маслова, И. Л. Щеглова, В. А. Тихонова и многих других русских литераторов. Уже одно только перечисление имен дает представление о масштабах присутствия сербских мотивов в русской литературе. Причин и импульсов для их вхождения в русскую литературу было множество: традиции исторического и культурного общения русских и сербов, восходящие к глубокой древности; осознание языкового и этнического родства наших народов, их конфессиональной общности, близости исторических судеб и задач социального и национального освобождения; надежда «единоверных» сербов на помощь России и русско-турецкие войны, эмиграция в Россию сербов и черногорцев и их продолжающиеся контакты со своим отечеством; рост революционных сербско-русских связей, начиная с декабристов и кончая народовольцами; открытие в России кафедр истории и литературы славянских народов и постоянно расширявшееся систематическое осмысление и оценка явлений культурной жизни югославян; взаимные поездки и другие контакты русских и сербских воинов, ученых, литераторов и многое другое. Но главным импульсом был подъем национально-освободительного движения югославян, формирование их национальной государственности и национальной культуры. Говоря об импульсах проникновения сербских мотивов в русскую литературу, нельзя забывать и о ее собственных внутренних задачах. Деятельное участие русских писателей в процессе утверждения национального самосознания русского народа, в создании и утверждении самобытной национальной культуры так или иначе обращало их к познанию собственной истории, к раздумьям о прошлом и настоящем русского народа, тысячами нитей связанного с югославянами, и в первую очередь с сербским народом. Сербская и шире — югославянская тема органично участвовала таким образом в решении жизненно важных для самой русской литературы проблем.

Сербские связи Вельтмана и Гиляровского специально не изучались ни у нас, ни в Югославии. Творчество этих писателей, один из которых (Вельтман) представляет (в главных тенденциях) развитие

inslav

русского романтизма в первой половине XIX в., а другой (Гиляровский) продолжает в последние десятилетия XIX и начале XX в. лучшие традиции русского критического реализма и участвует в становлении советской литературы, позволяет, на наш взгляд, показать своеобразие сербских мотивов, преемственность их воспроизведения на разных этапах развития русской литературы, глубже представить международные контакты русских писателей и многообразие их импульсов и причин.

Александр Фомич Вельтман (1800—1870), ныне почти забытый русский писатель, был очень популярен в 30—40-х годах прошлого столетия. Поэт, прозаик, историк, этнограф, лингвист, он создал более 45 художественных и научных сочинений. Его своеобразное дарование сразу же было замечено, о нем писали В. Г. Белинский, Н. А. Добролюбов, Ф. М. Достоевский, В. Г. Кюхельбекер и многие другие известные писатели и критики.

Немалое место в творчестве Вельтмана 30—40-х годов занимали славянские, и прежде всего сербские, сюжеты. В основу их легли материалы и впечатления, полученные им еще в 20-е годы.

Процесс духовного созревания Вельтмана совпал с Отечественной войной 1812 г. и победами русского оружия в Европе, закрепившими в сознании его поколения русской интеллигенции идеи национальной свободы и национальной самобытности. Именно в них следует прежде всего искать истоки и причины глубокого интереса будущего писателя к национально-освободительному движению югославян, к их жизни, истории, языку. Большое значение в развитии славянских симпатий Вельтмана сыграло его непосредственное участие в русско-турецкой войне 1828—1829 гг.[3], а также близкое общение с югославянами в течение его почти десятилетнего пребывания в Бессарабии (1818—1828 гг.).

Живя в Кишиневе и разъезжая по Бессарабии в качестве офицера военно-топографической комиссии при генштабе второй армии, он мог наблюдать жизнь представителей повстанческой Сербии, многие из которых эмигрировали в Россию, а также югославян — участников этеристского движения. В домах И. П. Липранди, А. Кантакузина и других представителей местной знати Вельтман имел возможность лично познакомиться с некоторыми из них[4]. Во всяком случае, когда он в 1818 г. приехал в Кишинев, все в городе было полно рассказов о Первом сербском восстании, о его легендарном вожде Карагеоргии, который с 1813 по 1817 г. жил в Хотине, о его трагической гибели от рук наемных убийц, о его боевых соратниках, оставшихся в Бессарабии. В Хотине, как известно, продолжала жить вдова Карагеоргия с двумя сыновьями и дочерью. «Дочери Карагеоргия» — стихотворение А. С. Пушкина, написанное в октябре 1820 г., вскоре после его приезда в Кишинев, и воспевавшее «свободы воина», грозного и мужественного Георгия Черного, было широко известно среди знакомых поэта и вряд ли могло пройти мимо внимания Вельтмана. На протяжении почти трех лет, которые Пушкин провел в Бессарабии (с осени 1820 до сере-

inslav

дины 1823 г.), он часто встречался с Вельтманом, тогда начинающим «кишиневским поэтом». Их знакомство, вскоре переросшее в сердечную дружбу, оказало огромное влияние на молодого Вельтмана[5]. Можно предположить, что Вельтман знал от Пушкина о его встречах в Кишиневе с сербскими воеводами, сподвижниками Карагеоргия. Наверняка Пушкин делился с Вельтманом и замыслами своих произведений на славянские сюжеты, возникшими именно здесь, в Бессарабии, рассказывал о своем увлечении сербскими народными песнями, языком и культурой югославян. Во всяком случае достоверно известно, что вместе с Пушкиным Вельтман часто бывал в доме кишиневского почтмейстера А. П. Алексеева, серба по национальности, вместе с Пушкиным участвовал во встречах с «известным физиком Стойковичем», уроженцем Сербии, эмигрировавшим в Россию и занимавшим ко времени своего приезда в Кишинев должность профессора Харьковского университета[6].

Вельтмана в Кишиневе окружала атмосфера пристального внимания к судьбе балканских народов. Штаб второй армии, среди офицеров которого было много его друзей, стал в начале 1820-х годов центром сбора документов о событиях на Балканах[7]. Сам Вельтман в «Воспоминаниях о Бессарабии» писал впоследствии, что его кишиневское окружение жило в ту пору ожиданием новой войны с Османской империей, «участием к грекам», которые «зажгли искру» этеристского освободительного движения, начавшегося на территории Молдавии и Валахии[8]. Кроме того, очень много для развития у Вельтмана симпатий к славянам и их борьбе за независимость могла дать и наверняка дала зародившаяся в Кишиневе и прошедшая через всю его жизнь дружба Вельтмана с «первым декабристом» В. Ф. Раевским[9]. Если учесть утверждение М. В. Нечкиной, что замысел славянского единения был «отнюдь не чужд вообще всему движению декабристов», то весьма вероятно, что он был одной из тем страстных и шумных споров на квартире у Раевского, в которых часто участвовали Вельтман и Пушкин. Человек умеренных взглядов, Вельтман не разделял революционных убеждений Раевского и его сподвижников по борьбе, но раздумья о социальных потрясениях в Европе, в том числе и на Балканах, о перспективах славянского единства и роли России в освобождении славян не могли не запасть в его сознание.

Говоря о становлении славяноведческих интересов Вельтмана, нельзя обойти и фигуру Юрия Венелина. Личность одаренная, чрезвычайно разносторонняя, Венелин немало способствовал знакомству Вельтмана со славянскими древностями, с народной поэзией южных славян, живыми славянскими языками. Вместе с Вельтманом Венелин составил в Кишиневе «Собрание русских летописей».

В 1831 г. Вельтман выходит в отставку в чине подполковника и навсегда поселяется в Москве. Помощник директора Оружейной палаты в Кремле, участник многих научных литературных и исторических обществ, Вельтман быстро завоевывает известность и как писатель. Славу ему приносят исторические и бытовые романы: «Странник» (1831—1832), «Кощей бессмертный» (1833), «Рукопись

inslav

Мартына Задеки» (1833), «Светославич, вражий питомец» (1835) и многие другие.

В. Г. Белинский, приветствуя рождение самобытного и оригинального таланта Вельтмана, подчеркивает особенность его романов: они «народны», «дружны с духом народных сказок, покрыты колоритом славянской древности»[10]. Восторженно отзывается он и об историко-приключенческом романе «Кощей бессмертный», в «ряде очаровательных картин» которого поэтически воспроизведен мир Древней Руси. Впервые в творчестве Вельтмана и в русской художественной прозе вообще в этом романе прозвучала сербская тема, своеобразно и необычно связанная с биографией главного героя романа — полуреального, полулегендарного Ивы Олельковича.

Историческим роман Вельтмана можно назвать лишь условно: исторические события XII—XIV вв. (раздоры новгородских бояр, набеги половцев, татаро-монгольское нашествие) и реальные исторические персонажи лишь называются, они играют роль фона и связующего звена в соединении ряда сцен и эпизодов. Автора не интересует ни историческая достоверность событий, ни раскрытие характеров героев. Он стремится к поэтической реконструкции картин старинного быта, старорусских и древнеславянских обрядов и обычаев, языка и тут дает волю своей причудливой фантазии, соединяя прошлое с настоящим, сказку с реальностью, чудеса фантастики с действительной жизнью. Эти черты присутствуют и в обрисовке образов сербов — далеких предков главного героя (Мильца, ее сын Лавр, его невеста Стана), и в описании сербских гайдуков (Младеня Черногорский и его дружина), и в раскрытии истории романтической любви Мильцы и Младени, Лавра и Станы, составляющих главные сюжетные линии первых двух частей романа.

Сознательно соединив русских и сербов узами кровного родства, Вельтман, очевидно, исходил не только из признания этнической и конфессиональной общности этих народов, но и из весьма распространенной в начале XIX в. теории о том, что древние славяне — это единый народ, от которого впоследствии отделились его ветви. Интересовало Вельтмана и боевое содружество русских и сербов, которому близкая и далекая история имела немало свидетельств. Писатель переносит его в далекое прошлое, делая гайдука Младеню Черногорского и его боевую дружину защитниками Древней Руси от набегов иноземцев на море и на суше. Борьба с татаро-монгольским игом на Руси ассоциировалась в сознании вельтмановского героя (эта ассоциация была весьма популярной в первой половине XIX в.) с борьбой против османского господства в Сербии. «Далече от отчины родной служу службу ей! — говорит Младеня, рассказывая своей возлюбленной Мильце историю своей ссоры с сербским воеводой и бегства на Днестр. — Из темного леса, с крутой горы, из глубокой воды, из-за черной тучи крадусь на вражьи нехрестные силы и бью ханских татар и жадных купцов морских...»[11].

Сведения о гайдуках и других реалиях сербского быта и истории, как видно из подробных примечаний к роману, Вельтман черпал из сербских первоисточников, по всей вероятности известных

inslav

ему еще в Бессарабии: из «Истории разных славянских народов, наипаче болгар, хорватов и сербов...» (1795) Йована Раича, первый том которой был опубликован в России; «Сербского словаря» (1818) Вука Караджича и издаваемого им же в Вене альманаха «Даница» (1826—1829). Кроме того, он, очевидно, опирался и на реальные события, наблюдателем которых был сам. И. П. Липранди рассказывает в своих воспоминаниях о реальном историческом лице — бывшем сербском воеводе, храбром гайдуке по имени Младен, который со своим отрядом спешил на помощь отрядам этеристов во главе с Г. Кантакузином и мужественно пал в неравной борьбе с турками при Скулянах[12]. Будучи в 1820-х годах в Бессарабии, Вельтман мог от Липранди и других своих знакомых слышать о сербском храбреце и его гибели. Возможно, именно этот реальный герой и стал прообразом романтического героя Вельтмана, который в романе умирает от ран на руках Мильцы.

Стремясь дать русским читателям более полное представление о гайдучестве как о явлении, распространенном в Сербии, в Боснии и Герцеговине и других югославянских землях, Вельтман не только с симпатией, в идиллически-сказочном ореоле рисует Младеню Черногорского, но и, опираясь на сведения о гайдуках, их нравах и образе жизни, содержащихся в альманахе «Даница» и трудах Вука Караджича, представляет их и в комментарии к роману как смелых и свободолюбивых людей, не желавших мириться с насилием, уходивших в горы и леса, навстречу смертельной опасности и повседневным лишениям, любимых и уважаемых народом и воспетых народными песнями. Он приводит имена реальных гайдуков (Стоян Янкович, Сеньянин Иво, Иво Голотрб, Илья Смилянич), «прославившихся своими набегами на турок»[13]. Эти сведения были во многом новыми для русской литературы. Они делали более емкими и пластичными скупо очерченные образы далеких предков русских богатырей. Широко использует Вельтман в романе и сербскую лексику, вводит (и поясняет в комментариях) многочисленные сербские слова (вила, ракия, кмет, пекмез, гибаница, убрус, капоран), чтобы приблизить читателя к приметам сербской жизни, вдохнуть в нее национальный колорит. Это стремление отвечало общей тенденции введения в русскую литературу народного русского и инославянского языкового материала и была характерна не только для творчества Вельтмана, но и для творчества Загоскина, Марлинского, В. И. Даля, Н. В. Гоголя и других русских писателей первой половины XIX в.

Наряду с романами в творчестве Вельтмана 30-х — начала 40-х годов немалое место занимают повести. Они построены в основном на бессарабских впечатлениях, на воспоминаниях о русско-турецкой войне 1828—1829 гг.

Повесть «Радой», одним из главных героев которой является серб — участник движения этеристов, впервые увидела свет в июльском номере журнала «Сын отечества» за 1839 г. (впоследствии она вошла в книгу «Повести А. Вельтмана». М., 1843). Спустя несколько месяцев, в ноябрьской книжке «Отечественных записок», Лермонтов

inslav

опубликовал новеллу «Фаталист», завершавшую роман «Герой нашего времени». Одним из главных действующих лиц новеллы тоже был серб — Вулич. Совпадение случайное, но симптоматичное (на него до сих пор не обращали внимания литературоведы), свидетельствующее о неизменном присутствии сербской темы в русской литературе. Между героем Вельтмана и героем Лермонтова есть общее: оба ищут «истинное наслаждение» в активном волеизъявлении, в «борьбе с людьми или судьбой» — мотив, очень важный для понимания идейных исканий русской литературы в пору, когда после поражения движения декабристов в творчестве многих писателей возобладали трагическое мироощущение, неверие в силы человеческого разума и воли. Обращение Вельтмана к теме национально-освободительной борьбы греков, сербов, молдаван, валахов — яркое свидетельство этих поисков.

Действие повести «Радой» происходит в 1821—1829 гг. Ее герой, русский офицер, возвращаясь весной 1821 г. из Европы в Россию, проезжает через Валахию и встречает в лесу отряд этеристов под командованием Александра Ипсиланти. Здесь он становится случайным свидетелем исторического разговора А. Ипсиланти с Тудором Владимиреску, возглавлявшим антитурецкое и антифанариотское крестьянское движение в Валахии. Ипсиланти дает в провожатые офицеру серба Радоя, который оказывается бывшим женихом Елены (она же Лиляна), супруги офицера. Радой рассказывает ему историю своей жизни и несчастливой любви.

В рецензии на «Повести А. Вельтмана» Белинский останавливается как раз на монологе серба Радое. Указав на то, что повесть «Радой» «ужасно запутана, перепутана и нисколько не распутана», критик продолжает: «В ней есть прекрасные подробности. Особенно прекрасно лицо серба с его восклицанием: „Теперь пие, брате, за здравье моей сестрицы Лильяны! Пие руйно вино! Была у меня сестра, да не стало!“ — и с его рассказом о своей судьбе: „Отец мой жил в особитом приятельстве и побратимстве с отцом Лильяны; еще в годину сербского воеванья с турками дали они друг другу слово породниться по детям, а в десяту годину отец Лильяны взял меня в полк свой, и жил я у него, как родной, и приехал с ним в Москву, а потом пошли на воеванье с французом. По возврате из Парижа отец Лильяны покинул службу, а мне сказал: „Айде служить еще царю и царству, пока будет твоя невеста на возрасте“.— Любил меня он, как сына, да не любила меня его жентурина, откинула сестрицу от сердца, разладила слово, раздружила дружбу, змея люта, Божья отпаднице!.. А как любила своего жениха моя Лильяна: звала златоем, соколом, милойцем! Давала за́лог за сердце!.. Вот, ту был тот за́лог... ту был лик божий, да образ сестрицы, да обрученья перстень... Все возвратил ей... Сестра, сестра, моя сладка рано!..» [14]

Белинский, как мы знаем, интересовался сербами и их культурой. В 1836 г. он восторженно отозвался о красоте формы и глубине содержания сербских эпических песен. А в 1843 г., рецензируя «Повести А. Ф. Вельтмана», снова привлек внимание читателей к

inslav

оригинальному раскрытию сербской темы в повести «Радой». Факт, мимо которого пройти нельзя.

Не случайно выделив эту повесть из числа других пяти повестей, составляющих сборник, Белинский обратил в ней внимание на «прекрасные подробности», «глубоко и верно воспроизведенные» писателем, на привлекательный образ серба Радоя, потомка тех бесстрашных сербов, которые первыми на Балканах зажгли пламя революционной борьбы против османского ига, участвовали в Отечественной войне 1812 г., в движении этеристов, в отрядах Тудора Владимиреску. Вельтман видел и наблюдал многих из них и стремился быть верным исторической истине.

Для Радоя свобода и честь превыше всего. Свобода личная и свобода его родины. Вельтман приводит строки прощального письма Радоя Лиляне и ее отцу: «Отчизна моя Сербия вздымает оружье на своего притеснителя турка; не время мне думать теперь о женитьбе; еду на родину, на воеванье, бритка сабля — моя невеста... нек погинет юнак на юнаштву» [15].

В финале повести Вельтман делает Радоя участником Скулянской битвы с турками.

Пушкинисты уже отмечали некоторое сходство повести «Радой» с ранее написанной повестью Пушкина «Кирджали» (1834) [16]. Возможно, что Вельтман знал повесть Пушкина. Сходство могло возникнуть и случайно, так как и Вельтман и Пушкин опирались в своих произведениях на впечатления и материалы кишиневской поры их жизни. Некоторые параллели между повестями действительно напрашиваются. Вельтман и Пушкин негативно рисуют образ генерала Александра Ипсиланти и с симпатией образ вождя национально-освободительного движения в Валахии Тудора Владимиреску. Кроме того, оба писателя отводят немалое место описанию Скулянской битвы. Правда, Пушкин концентрирует внимание на деталях самой битвы, романтик Вельтман — на фигуре серба Радоя, стойко сдерживающего натиск наступающего врага на переправе через Прут и спасающего от смерти сербку Миросаву.

Славянские сюжеты в творчестве Вельтмана этим не исчерпываются. В 1840 г. он выпускает книгу «Древние славянские имена». Вслед за тем переводит с чешского языка сказку «Златой и Бела», пишет повесть «Райна, королевна болгарская». В 1846 г. пишет сказание в стихах «Троян и Ангелица. Повесть, рассказанная светлой Денницей ясному Месяцу».

В основу поэтической повести «Троян и Ангелица» положено сербское предание о гибели влюбленных под воздействием лучей восходящего солнца. Возможно, что Вельтман встречал его в «Сербском словаре» Вука Караджича, который, очевидно, он изучал, еще будучи в Бессарабии [17]. Этот мотив поразил его воображение своей необычностью и вылился в произведение, которое было данью восхищения сербским народно-поэтическим творчеством.

Итак, мы остановились на трех произведениях Вельтмана. Они стали сейчас фактами литературной истории, но в 30—40-е годы участвовали в живом процессе познания и освоения русской литерату-

inslav

рой жизни и культуры братского славянского народа. И мотив исконного родства русских и сербов, и мотив их единения в борьбе за свободу и независимость, и ориентация на сербские национальные источники — исторические и фольклорные — были новыми чертами для русской литературы первой половины XIX в. Они свидетельствовали о росте сознания славянской общности как составной части русского национального самосознания и представляли собой одну из характерных особенностей русского романтизма того времени.

Вторая половина XIX в.— период еще бо́льшей, чем раньше, активизации культурных и литературных взаимосвязей между русским народом и югославянами. Он характеризуется увеличением творческого потенциала югославянских литератур в культурной жизни России. Именно в этот период русская наука о литературе создает целостную концепцию истории югославянских литератур, определяет их место в развитии мировой литературы. Значительно возрастают непосредственные контакты русских и югославянских деятелей культуры. На переломе веков в югославянских землях побывали Г. И. Успенский, В. Г. Короленко, С. М. Степняк-Кравчинский, В. А. Гиляровский, А. В. Амфитеатров; ученые России — Александр Н. Веселовский, П. А. Ровинский, Р. Ф. Брандт, Н. М. Петровский и многие другие. Их творчество, публицистика, переписка, научные исследования дают очень много для понимания нового этапа русско-сербских культурных и литературных взаимосвязей.

Начиная с 70-х годов XIX в. и на всю жизнь в «душевную родословную» Владимира Алексеевича Гиляровского (1853—1935), замечательного русского писателя и журналиста, в его творчество вошли образ Сербии, «великолепной и гордой страны», борьба ее народа за вольность. В конце 90-х годов в газете «Россия» он публикует серию репортажей под названием «В Сербии», печатается в газетах Сербии и Черногории, в начале XX в. выступает со статьей «Гоголь в Сербии» и пишет стихотворение «Сербия»; в 30-е годы, осмысляя свое прошлое, и в частности две поездки в Сербию, вновь возвращается к сербским сюжетам в очерках «Нечто о старом», «Россия», «Встречи с Горьким», «Поэт Блок», а также в рассказе «Моя табакерка».

Свой путь в искусстве Гиляровский, как известно, начал в середине 70-х годов актером на театральных подмостках Саратова, Воронежа, Пензы. Это время совпало со знаменательными событиями в жизни югославян. Восстание в Герцеговине против гнета Османской империи летом 1875 г., участие русских добровольцев в сербско-турецкой войне 1876—1877 гг.— все эти события, оживленно комментировавшиеся русской прессой, не могли пройти мимо Гиляровского, всегда находившегося в гуще народной жизни, человека неуемной отваги и энергии, влекомого к благородной борьбе за свободу. Отъезд на Кавказ и болезнь помешали Гиляровскому попасть в 1876 г. в Сербию, что, как сам он позднее признавал, «непременно бы случилось, если б я вернулся в театр или попал на Дон»[18]. Свою мечту сражаться за свободу славян Гиляровский, как и В. М. Гар-

inslav

шип, осуществил, уйдя добровольцем на русско-турецкую войну 1877—1878 гг., где за храбрость получил солдатского Георгия.

К середине 70-х годов относится и знакомство Гиляровского с большим актером русского театра В. П. Далматовым (1852—1912) [19]. Уроженец Далмации (отсюда псевдоним «Далматов»), Василий Пантелеймонович носил фамилию Лучич. Он часто рассказывал Гиляровскому о своем детстве и юности, проведенном в Кишиневе и Одессе среди югославян, бежавших на юг России от притеснения иноземцев, гордился свободолюбием своих предков. Среди любимых воспоминаний Далматова был рассказ о знакомстве одного из его родичей с Пушкиным. Действительно, живя в Одессе, Пушкин познакомился с Филипом Лучичем, посещал его, о чем писал 13 августа 1825 г. В. И. Туманскому [20]. Так своеобразно протягивается ниточка от Пушкина через Лучича-Далматова к Гиляровскому — ниточка взаимного притяжения русских и сербов, свидетельство их неизбывного интереса друг к другу.

Далматов был, по всей вероятности, первым человеком, приобщившим Гиляровского к истории и культуре югославян. Встреча с ним переросла в долгую и искреннюю привязанность. Сердечно опекает Далматов своего друга во время русско-турецкой кампании. По окончании войны они снова вместе, снова в театре. Человек щедрой души, незаурядного ума и таланта, режиссер, автор остросоциальных пьес, не раз запрещавшихся цензурой, книг о театре (По ту сторону кулис, 1908; Театр и искусство, 1912), Далматов сыграл немалую роль в жизни и творческой биографии Гиляровского. В книгах «Мои скитания» и «Люди театра» он позднее посвятил много теплых строк своему другу.

Осенью 1881 г. Гиляровский окончательно оставил театр и посвятил себя журналистике и литературе. К середине 80-х годов относится начало его дружбы с Г. И. Успенским, который почувствовал талант Гиляровского и ввел его в большую литературу.

Говоря о дружбе Гиляровского с Успенским, нельзя забывать, что их объединяли и симпатии к югославянам. Побуждаемый большим интересом в русских революционных кругах к событиям на Балканах, Успенский прямо из Парижа, где он встречался с П. Л. Лавровым, Г. А. Лопатиным, а также с С. Степняком-Кравчинским и Д. Клеменцем (последние еще в 1875 г. уехали помогать восставшим югославянам), едет в 1876 г. в Сербию в качестве корреспондента «Санкт-Петербургских ведомостей». В художественных очерках «Письма из Сербии» (1876—1877), рассказе «Не воскрес» (1877) Успенский проявил себя, по словам Салтыкова-Щедрина, как «глубоко правдивый исследователь славянской жизни» [21]. Можно предположить, что, встречаясь с Гиляровским, Успенский делился своими впечатлениями о поездке в Сербию, а его произведения, в которых звучала мысль о солидарности демократических сил русского и сербского общества в борьбе за социальную и национальную свободу, были наверняка известны Гиляровскому, созвучны его умонастроениям.

inslav

Итак, уже в 70—80-х годах XIX в. Гиляровский окунулся в атмосферу живого интереса к Сербии и ее народу. Но непосредственное знакомство с ними произошло позднее — в конце 90-х годов — и было связано со спортом.

В 1887 г. царская цензура запрещает первую книгу рассказов и очерков Гиляровского «Трущобные люди». Писатель на время оставляет беллетристику и целиком отдается репортерству. Он сотрудничает во многих газетах и журналах, в том числе спортивных. Серьезно увлекается спортом, является одним из основателей Русского гимнастического общества (1882), в 1892—1895 гг. его председателем, впоследствии членом совета. С этим обществом связана первая поездка Гиляровского в Белград летом 1897 г. Ему выпала честь представлять Россию на торжествах сербского гимнастического общества «Душан Сильный» (основано в 1892 г.). В Белграде Гиляровский принял участие в состязаниях по вольной борьбе и завоевал первую награду — золотую медаль, на которой было написано: «Наилучшему витязю Душана Сильнаго» (в 1907 г. медаль была лично передана им в дар Русскому гимнастическому обществу) [22].

Гиляровский был очарован Сербией, населенной «прекрасным трудящимся народом», восхищен Белградом, его крепостью Калемегдан и «поразительной красотой» сливавшихся под ее стенами Дуная и Савы, красочностью праздника и, конечно же, проявлениями дружеских чувств к нему как к представителю русского народа. «На третий день,— вспоминал впоследствии писатель,— раздавались награды лично королем, и, когда первым было объявлено мое имя, имя русского... весь цирк, где происходило заседание, как один человек, встал, и грянули „ура“ и „живио“. Я получил первую награду — большую золотую медаль, меня окружили сербские женщины и подарили мне подарок: шитый золотом шарф» [23]. Свои впечатления от сербского празднества Гиляровский выразил и в стихотворении «Перед знаменем Душана Сильного», которое дважды было напечатано в Сербии: сначала на русском языке в газете «Мале новине», а затем в том же 1897 г. в переводе на сербскохорватский язык в газете «Мали журнал».

В Белграде Гиляровский пробыл пять дней, приобрел немало друзей из числа сербских гимнастов-душановцев. Многие из них впоследствии приезжали к нему в Москву, в том числе профессор белградской гимназии Афанасий Попович [24], деятельный участник сербских спортивных обществ, автор «Учебника по гимнастике» (1898) и других книг о спорте.

Были у Гиляровского в Белграде и встречи личного характера. Одна особенно знаменательна. Это была встреча с семьей Милана Бойовича [25], серба, студента юридического факультета Московского университета, впоследствии навсегда связавшего свою судьбу с Россией. С М. Бойовичем Гиляровский познакомился в 1897 г., до поездки в Сербию, в редакции сытинской газеты «Русское слово» (1895—1917). В дальнейшем их связывали теплые и доверительно-дружеские отношения («Милаша» — ласково называл Бойовича Ги-

inslav

ляровский, а тот его просто «Гиляй»). Нередко бывал М. Бойович в гостеприимном доме Гиляровских в Столешниковом переулке.

В 1899 г. Гиляровский был приглашен А. В. Амфитеатровым заведовать московским отделением газеты «Россия» (1899—1902). Вспоминая это время, Гиляровский, в частности, писал: «Моим единственным помощником был сербский студент Милан Михайлович Бойович, одновременно редактировавший журнал „Искры", приложение к „Русскому слову" и сотрудничавший в радикальной сербской газете „Одъек". Его честность и деловитость мне были необходимы, я на него мог положиться как на самого себя. Я был знаком с его семьей, жившей в Сербии: отец — учитель, сестра — учительница, мать и еще малолетние братья и сестры. Я с письмом Бойовича был у них в 1897 году, когда ездил в Белград... Во время моих отъездов из Москвы он заменял меня» [26].

Милан Бойович, чей образ так тепло обрисован в знаменитом цикле очерков «Москва газетная», сыграл большую роль в жизни и творческой судьбе Гиляровского. Именно он помог писателю глубже познать Сербию, ее историю и современное положение, ближе познакомиться с простым народом, его тяготами, интересами, симпатиями.

С именем Бойовича связана вторая поездка Гиляровского на Балканы летом 1899 г. Бойович посоветовал писателю поехать в Албанию. Идея показалась заманчивой. А. В. Амфитеатров и В. М. Дорошевич — редакторы газеты «Россия» — пришли от нее в восторг. Зная мастерство Гиляровского, имевшего к тому времени славу «короля репортеров», они заранее предвкушали успех газеты.

Через три дня после разговора в редакции, в конце июня 1899 г., Гиляровский выехал на Балканы. Путь его лежал через Белград, и он решил заглянуть к своим друзьям из общества «Душан Сильный». Должен был Гиляровский выполнить и личные поручения М. Бойовича. «В кармане у меня,— вспоминал позднее писатель,— были письма в редакцию газеты „Одъек" и ее редакторам Пашичу и Протичу и к учителю М. М. Бойовичу от его сына литератора, студента Московского университета». Содержание писем Бойовича нам неизвестно, но в том, что в них были важные материалы, сомневаться не приходится, так как Гиляровский решил лично вручить их Пашичу и Протичу, лидерам радикальной партии. По всей вероятности, Бойович информировал Гиляровского о современной ситуации в Сербии. Страна была на грани банкротства, недовольство народа росло. Жестокий авторитарный режим фактического короля Сербии Милана Обреновича (в 1889 г., он вынужден был отречься от престола в пользу сына Александра) вел наступление на радикалов, препятствовавших установлению в стране полного самовластия.

К. Г. Паустовский верно заметил, что в жизни Гиляровского было много случаев, сделавших его «в нашем представлении человеком просто легендарным» [27]. На легенду похоже и то, что случилось с Гиляровским в Белграде 24—29 июня 1899 г.

inslav

Подъезжая 24 июня к Белграду, Гиляровский узнал о том, что несколькими часами раньше было совершено покушение на короля Сербии Милана Обреновича. Столица встретила Гиляровского мрачно. «Обычно оживленного Белграда нельзя было узнать: кафаны и пиварни были закрыты, в домах не видно огня, на улицах никого — только блестели ружьями патрули»,— так передал писатель свое впечатление первого дня[28]. Предчувствуя недоброе, Гиляровский сразу же решил пойти в редакцию газеты «Одъек», к Н. Пашичу и С. Протичу с письмами Бойовича. Но редакция была опечатана, все сотрудники и редакторы арестованы. На следующий день в гостиницу пришли два друга Гиляровского из сербского гимнастического общества и настойчиво советовали ему уехать из Белграда. «Они были правы,— вспоминал впоследствии Гиляровский,— меньше риска было бы уехать в тот день, но тогда не стоило бы ехать — это позор для журналиста убежать от такого события»[29]. И Гиляровский, который всегда вмешивался в жизнь без оглядки, презирая страх и опасность, решает действовать: дискредитировать короля Милана — ставленника австрийских верхов — и тем самым помочь радикалам. Открыто он отказывается от звания председателя собрания общества «Душан Сильный», когда присутствующие предлагают выразить сочувствие королю, а затем, собрав необходимые ему сведения о белградских событиях 24—25 июня, составляет в газету «Россия» телеграмму, в которой характеризует создавшееся в Сербии тревожное положение. Но телеграмму, естественно, перехватывают. Угроза расправы грозит не только Гиляровскому, но и его друзьям.

Обстановка в Белграде с каждым часом обостряется. 28 июня в городе объявлено осадное положение и введен чрезвычайный суд. Опасаясь за жизнь Гиляровского, его друзья-душановцы, переодетые в полицейскую форму, в ночь на 29 июня переправляют его через Дунай и устраивают на пароход, отходивший в Будапешт. 29 июня с венгерской пристани Оршава Гиляровский послал в газету «Россия» телеграмму, в которой, в частности, говорилось: «Лучшие, выдающиеся люди Сербии, закованные в кандалы, сидят в подземных темницах. Редакция радикальной газеты „Одъек“, находящаяся в оппозиции к Милану, закрыта. Все сотрудники и наборщики арестованы. Остальные газеты поют Милану хвалебные гимны. Если не последует постороннее вмешательство — начнутся казни. Вл. Гиляровский»[30].

Эта телеграмма, по свидетельству современников Гиляровского, произвела чуть ли не «всемирный газетный бум». Сообщение известного московского репортера, очевидца событий в Сербии, заинтересовало всех. Восхищению мужеством и оперативностью Гиляровского не было предела. Особенно восторгался А. В. Амфитеатров, писатель и журналист, побывавший в 1894 и 1896 гг. в Сербии и полюбивший эту страну, автор многих очерков и книг о южных славянах: «В моих скитаниях. Балканские впечатления» (1903), «Страна раздора» (1903), «Славянское горе» (1912) и др. Он считал, что работа Гиляровского — репортера в Сербии — это уже не информация о событиях, а их анализ, политика. Он был близок к истине. Ведь, кро-

inslav

ме телеграммы, приковавшей внимание общественности к сербским событиям, вошедших в историю под названием «иваньданский аттентат», Гиляровский после возвращения на родину, опубликовал в газете «Россия» 9—13 июля 1899 г. еще четыре репортажа «В Сербии», в которых подробно описал положение в Белграде после покушения на короля, охарактеризовал борьбу политических партий и группировок (прогрессисты, напредняки и радикалы) и стоявшие за ними внешнеполитические силы, раскрыл ориентацию Милана Обреновича на Австрию и его стремление расправиться с партией радикалов, занимавших в то время прорусскую позицию. «Милан зарвался и сорвался»,— так точно и лаконично определил Гиляровский провал неумной политики короля, который вскоре вынужден был навсегда покинуть Сербию. В репортажах приводились тексты выступлений Милана и Александра Обреновичей, воззвание белградского магистрата в связи с введением осадного положения, описывались казематы, в которых содержались радикалы, в том числе Н. Пашич и С. Протич, с которыми Гиляровскому так и не довелось познакомиться. В подборе и переводе всех этих материалов ему, по всей вероятности, оказывал помощь Милан Бойович.

Репортажи написаны живо, эмоционально, каждая строка их продумана, более того, выстрадана. В них видна рука друга и защитника унижаемых и притесняемых, рука писателя, стремящегося понять и донести до читателя социальные и политические причины истинной трагедии народа. И на этот раз, как, впрочем, и всегда, газетные репортажи Гиляровского имели высокое гражданственное звучание.

После возвращения из Белграда Гиляровский был так возбужден и измучен, что уехал отдыхать в Нижний Новгород, к А. М. Горькому и долго и увлеченно рассказывал ему подробности своего пребывания в Белграде, о которых тот уже знал из газет [31]. Известно, что Горький и в дальнейшем интересовался судьбой югославян. Когда в 1908 г. разразился Боснийский кризис, он присоединил свой голос протеста против аннексии Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией к голосу прогрессивной общественности мира, выражал сочувствие борьбе югославян за свободу, о чем писал весной 1909 г. А. В. Амфитеатрову, находившемуся в то время на Балканах [32].

В начале нашего столетия славянские связи Гиляровского расширились, стали еще более многообразными. В 1908 г. В. А. Гиляровский и М. М. Бойович были избраны в члены правления вновь образованного в Москве Общества славянской культуры (просуществовало до 1912 г.) [33]. Оно объединило в своих рядах многих видных деятелей русской культуры, искренно желавших процветания и свободы славянским народам. В него вошли академики В. И. Вернадский, Ф. Е. Корш, А. Н. Веселовский, С. А. Котляревский, А. А. Шахматов, актер и общественный деятель А. И. Сумбатов-Южин и многие другие. Общество выразило протест против аннексии Боснии и Герцеговины, многие его члены отказались участвовать в работе Софийского славянского съезда (1910 г.) из-за его откровенно реакционного характера.

inslav

В то время идеи дружбы и солидарности славян в борьбе за свободу, как и прежде, волнуют Гиляровского. Он переводит отрывок из поэмы Яна Коллара «Дочь славы», в том же 1902 г. выпускает книгу «Шипка прежде и теперь», в которой прославляет боевое содружество русских и болгарских воинов.

По-прежнему Гиляровский интересуется сербами, их культурой. В связи с торжествами, посвященными столетию со дня рождения Н. В. Гоголя, он выпускает интереснейшую книгу «На родине Гоголя» и помещает в газете «Россия» статью «Гоголь в Сербии», которая по сути дела представляет его беседу с профессором Белградского университета Стояном Новаковичем. Статья содержала интересные и новые для русских читателей сведения о переводах произведений Гоголя на сербскохорватский язык, о воздействии творчества великого русского писателя на развитие реализма в сербской литературе.

В начале века сербские мотивы звучат и в поэзии Гиляровского. Стихотворение «Сербия» он включил в небольшой поэтический сборник «Грозный год» (1916), написанный в память жертв первой мировой войны. Поэт рисует трагедию сербского народа, принявшего на себя грозные удары австрийских войск. Звучит в стихотворении и социальный мотив «измученного, израненного, ограбленного народа», пережившего бремя османского и австрийского рабства. Звучит вера в победу «великолепной и гордой страны»:

Нет Сербии, но Сербия живет!
Залечится дымящаяся рана,
Великим будет доблестный народ
Потомки сильного Душана!

После войны Гиляровскому не довелось побывать в Сербии, но память крепко хранила воспоминания прошлого. Вновь и вновь возвращаясь к сербским событиям далеких 90-х годов, к своим двум поездкам в Белград, Гиляровский делает достоянием и советских читателей свои сербские впечатления (очерки «Москва газетная», рассказ «Моя табакерка» и др.).

Отражение мотивов исторического прошлого сербского народа и его борьбы за свободу в творчестве Гиляровского, писателя, обладавшего «разносторонней бурной талантливостью» (Паустовский), чрезвычайно популярного и в дореволюционные годы и в Советской России вплоть до наших дней, свидетельствует о неуклонном расширении русской литературой ее познавательного содержания, ее международных связей, и прежде всего исконных связей с культурой народов братской Югославии.

[1] *Вулетић В.* А. Н. Пипин и руско-српске књижевне везе у другој половини XIX в.— Годишњак филозофског факултета у Новом Саду, 1969, књ. XII/1; *Јанићијевић.* М. Ј. Лермонтов и И. В. Вујић.— Филолошки преглед, 1967, св. 1—4; Прилози проучавању српско-руских књижевних веза. Прва половина XIX века. Нови Сад, 1980; Русско-югославские литературные связи. Вторая половина XIX — начало XX в. М., 1975; *Парнис А. Е.* Южнославянская тема Велимира Хлебникова: Новые материалы к творческой биографии поэта.— В кн.: Зарубежные славяне и русская культура. М., 1978; *Беляева Ю. Д.* Литературы народов Югославии в России. М., 1979.

inslav

[2] Русско-югославские связи после 1917 г. представляют собой особый этап и в данной статье не рассматриваются.

[3] Во время войны Вельтман выполнял обязанности старшего адъютанта генштаба и начальника исторического отделения армии. См.: *Погодин М. П.* Александр Фомич Вельтман.— Русская старина, 1871, № 10, с. 409—410.

[4] *Вельтман А. Ф.* Воспоминания о Бессарабии.— В кн.: Майков Л. Историко-литературные очерки. СПб., 1895, с. 96—111.

[5] Там же, с. 113—118; см. также: *Липранди И. П.* Из дневника и воспоминаний.— Русский архив, 1866, № 8/9, стб. 1251.

[6] *Вельтман А. Ф.* Воспоминания о Бессарабии, с. 119.

[7] *Достян И. С.* Участие декабристов в изучении Балкан и русско-турецких войн XVIII — начала XIX в.— Сов. славяновед., 1975, № 6, с. 31.

[8] *Вельтман А. Ф.* Воспоминания о Бессарабии, с. 111—112.

[9] Сохранились свидетельства многолетней дружбы Вельтмана с Раевским. См.: *Раевский В. Ф.* Соч. Ульяновск, 1961, с. 213—216; Письма В. Ф. Раевского к А. Ф. Вельтману 1859—1864 гг. Отдел рукописей Государственной библиотеки имени В. И. Ленина, ф. 47, п. 2, д. 33—34.

[10] *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13-ти т. М., 1953, т. 2, с. 115.

[11] *Вельтман А. Ф.* Кощей бессмертный, былина старого времени. М., 1833, ч. 1, с. 273.

[12] Из дневника и воспоминаний И. П. Липранди.— Русский архив, 1866, № 10, стб. 1401—1403.

[13] *Вельтман А. Ф.* Кощей бессмертный..., ч. 1, примеч., с. 285—286.

[14] *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. М., 1955, т. 7, с. 634—635; Ср.: Повести А. Ф. Вельтмана. СПб., 1843, с. 194—195.

[15] Повести А. Ф. Вельтмана, с. 197.

[16] *Оганян Л. Н.* А. С. Пушкин и молдавская тематика А. Ф. Вельтмана.— В кн.: Пушкин на юге. Кишинев, 1961; *Он же.* Новые архивные материалы о герое повести А. С. Пушкина «Кирджали».— В кн.: Пушкин на юге. Кишинев, 1958, с. 37—56.

[17] Югославские литературоведы приводят множество вариантов этого предания, встречающегося в фольклоре сербов и хорватов. См.: *Bošković-Stulli M.* Narodna predaja o vladarjevoj tajni. Zagreb, 1967, s. 225.

[18] *Гиляровский В. А.* Соч.: В 4-х т. М., 1967, т. 1, с. 375.

[19] *Михайлов К. Н.* Василий Пантелеймонович Далматов, артист императорских театров. СПб., 1914.

[20] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10-ти т. М.; Л., 1949, т. 10, с. 166—167.

[21] *Салтыков-Щедрин М. Е.* Полн. собр. соч. М., 1939, т. 19, с. 311.

[22] Двадцатипятилетие русского гимнастического общества в Москве / Ист. очерк сост. И. С. Беляев. М., 1909, с. 51.

[23] *Гиляровский В. А.* Соч. М., 1967, т. 3, с. 242.

[24] *Stanojević St.* Narodna enciklopedija. Zagreb, 1928, knj. III, s. 589. Пользуюсь возможностью поблагодарить Е. Г. Киселеву, которая указала мне на факт знакомства Гиляровского с Поповичем.

[25] В фонде Московского университета, хранящемся в Центральном государственном историческом архиве г. Москвы (ф. 418, оп. 306, д. 98, л. 36) нами обнаружено личное дело Милана Бойовича. Материалы этого архива, а также письма и другие документы Бойовича, которые находятся в Отделе рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина (ф. 259, оп. 2, д. 53—54; оп. 24; д. 45; оп. 1, д. 2), позволяют установить даты жизни Бойовича и некоторые факты его биографии. Уроженец г. Рашка в Сербии, Милан Бойович (1869—1917) после окончания 4-х классов реальной гимназии в г. Белграде уехал в Россию для продолжения образования. Он учился в Киевско-Софийском духовном училище, затем в Киевской духовной семинарии (1888—1892), бросил ее и поступил на юридический факультет Московского университета (1892—1898). Свою жизнь в России Бойович связал с журналистикой. С основания газеты «Русское слово» (1897) был до конца жизни ее постоянным сотрудником. Работал и в других русских газетах. Много сделал для укрепления русско-сербских культурных связей. Его деятельность заслуживает специального исследования.

[26] *Гиляровский В. А.* Соч., т. 3, с. 236.

inslav

[27] *Паустовский К. Г.* Собр. соч.: В 6-ти т. М., 1958, т. 5, с. 587.
[28] *Гиляровский В. А.* Соч., т. 3, с. 246.
[29] Там же, с. 246.
[30] Россия, 1899, 30 июня, с. 1.
[31] *Гиляровский В. А.* Соч., т. 3, с. 362.
[32] *Зимина С.* А. М. Горки и Југославија.— Совјетске новости: Информативни билтен АПН, 1962, бр. 18, с. 4.
[33] Известия Общества славянской культуры. М., 1912, т. I, кн. 2, с. 81. Подробнее о программе общества и его задачах см.: *Беляева Ю. Д.* Литературы народов Югославии в России. М., 1979, с. 27—28.

Балканская тема в литературно-публицистической деятельности Доры д'Истрии

О. А. КОЛПАКОВА

Имя Доры д'Истрии (1829—1888) известно сегодня узкому кругу специалистов-историков, в то время как в XIX в. оно не раз появлялось на страницах газет и журналов почти всех европейских стран. Дора д'Истрия была автором ряда сочинений по политическим, социальным и религиозным проблемам, по истории, литературе и искусству европейских народов.

Особую известность имели ее книги и статьи о балканских народах. Литературно-публицистическая деятельность Доры д'Истрии совпала с национальным возрождением на Балканах, с национально-освободительным движением угнетенных балканских народов за свою независимость. В своих сочинениях Дора д'Истрия выступила горячей и убежденной защитницей их прав.

Ее литературно-публицистическая деятельность представляет научный интерес, так как в ней поднимался главный вопрос, волнующий в то время балканские народы,— вопрос их борьбы за освобождение от османского ига и необходимости национального возрождения Балкан. Деятельность Доры д'Истрии способствовала объединению усилий передовых представителей балканских народов в этой борьбе, привлекала к ней внимание общественности Западной Европы и России.

«Между женщинами современной эпохи одно из первых мест занимает графиня (княгиня.— *О. К.*) Дора д'Истрия,— писала в 1860 г. русская газета „Иллюстрация". — Если многие женщины равняются с нею умом и талантом, то она превосходит почти всех ученостью, силой характера и твердостью своих убеждений» [1].

Кто же она, эта женщина, вызвавшая столь лестные отзывы своих современников?

Полиглот, эрудит, ученая, путешественница, журналистка, писательница, Дора д'Истрия действительно была человеком необыкно-

inslav

венным для своего времени. Албанка по происхождению, румынская княжна Елена Гика (в замужестве княгиня Елена Михайловна Кольцова-Масальская), была известна в литературе XIX в. под псевдонимом Дора д'Истрия.

Елена Гика принадлежала к албанскому княжескому роду, который начиная с XVII в. дал много молдавских и валашских господарей. Родилась она в Бухаресте[2]. Отец ее, Михаил Гика, был в то время губернатором Крайовы, а впоследствии, в правление своего брата Александра, министром внутренних дел. Человек весьма образованный, Михаил Гика был известен как собиратель предметов старины. Мать Елены, Катерина Фака, занималась переводами, а также писала сама. От отца Елена унаследовала жажду к знаниям, интерес к античной истории, к памятникам старины, от матери — любовь к литературе и склонность к сочинительству.

С раннего возраста проявились незаурядный ум и способности Елены в изучении истории, литературы, иностранных языков. Молодая княжна получила превосходное образование. Она свободно владела многими европейскими языками: французским, немецким, английским, итальянским, румынским, албанским, греческим, а также русским[3]. Первый литературный опыт Елены — романтическая новелла — была написана ею уже в 11 лет.

В дом Михаила Гики были вхожи многие представители прогрессивной интеллигенции Валахии, оказавшие большое влияние на формирование личности Елены. Близким другом Михаила Гики и его семьи был, например, известный общественный деятель и писатель, участник революции 1848 г. И. Элиаде-Рэдулеску, уделявший много внимания Елене и посвятивший ей одно из своих стихотворений.

Когда ей исполнилось 13 лет, Михаил Гика для завершения образования своей дочери отправился с семьей за границу. Четыре года провела Елена в Дрездене, затем семья Михаила Гики посетила Вену, откуда они направились в Венецию. Путешествуя по Европе, молодая княжна по-прежнему проявляет интерес к истории и культуре различных европейских народов, посещает литературные салоны Европы. В Потсдаме, например, Елена часто встречалась со знаменитым немецким ученым Александром Гумбольдтом, который оказывал ей особое внимание. Интерес к античной истории, хорошее знание истории и языков — вот что восхищало в молодой Елене известного европейского ученого. Александр Гумбольдт, дивившийся ее познаниям и уму, уверял, что он гораздо слабее знает язык Гомера[4].

Пребывание в крупнейших культурных центрах Европы, общение с образованнейшими людьми того времени не прошли бесследно для Елены. Это наложило заметный отпечаток на формирование ее личности, на ее взгляды и интересы, обогатило ее новыми знаниями и впечатлениями.

В эти годы формировались общественно-политические взгляды будущей писательницы. Она находилась под влиянием идей французского Просвещения, главным образом философско-этического

inslav

учения Ж.-Ж. Руссо. Елена видела в Руссо гуманиста, поборника равенства и братства, защитника нравственной правды, отрицавшего в своем учении саму идею монархии. Благодаря научным занятиям Елены, хорошему знанию истории и философии и под влиянием идей французских просветителей она сделалась «решительной поборницей политической и религиозной свободы всех народов» [5].

В конце 1848 г. князь Гика со своей семьей возвратился в Валахию. Здесь, в Бухаресте, в начале 1849 г. Елена Гика познакомилась с молодым русским офицером, впоследствии генерал-лейтенантом, князем Александром Александровичем Кольцовым-Масальским (1826—1875). В феврале 1849 г. она вышла за него замуж и уехала с ним в Петербург.

Во всех зарубежных исследованиях жизни и творчества Елены Гики сведения о русском периоде ее жизни отсутствуют [6]. Чаще всего упоминается факт ее участия в выставке Санкт-Петербургской Академии художеств в 1854 г., на которой Елена получила серебряную медаль за два своих пейзажа. Кроме того, все без исключения биографы отмечают, что свободолюбивые идеи Елены встретили в России сильных противников, а климат оказался вредным для ее здоровья. Это были причины, которые, по мнению биографов, заставили Елену в дальнейшем покинуть царскую Россию.

До сих пор материалы русской печати не привлекались исследователями творчества Доры д'Истрии. Не исследовался также период ее жизни в России. В этой связи в статье уделяется особое место описанию жизни и деятельности Доры д'Истрии в тот период, а также тем оценкам, которые давала русская печать ее творчеству.

Молодая княгиня Кольцова-Масальская попадает в Петербург в то время, когда после военного вмешательства Николая I в революционные события 1848 г. в России усилилась правительственная реакция. Чтобы предотвратить революционный взрыв, царское правительство усилило полицейские репрессии и цензурный террор, тяжело сказавшийся на общественной жизни России и на русской литературе и журналистике. Период с 1848 по 1855 г. получил название «мрачного семилетия». С этим временем совпало и пребывание будущей писательницы в России.

Энергичная и очень деятельная по натуре, Елена эти годы проводит довольно активно. Она продолжает свои научные занятия, путешествует, знакомится с политической системой России, с историей и культурой русского народа. Ее интересуют почти все аспекты общественно-политической жизни страны — от законодательства Российской империи до роли женщин в русском обществе. Знание русской жизни отразится позднее в ее книгах и статьях.

Елена проявляет большой интерес к культурной жизни русской столицы, которая оставит у нее неизгладимые впечатления. Будучи представительницей высшего света, она появляется при дворе и в столичных литературных салонах.

Имя Е. М. Кольцовой-Масальской фигурирует в списках Женского патриотического общества — первой женской организации в России, созданной еще во время Отечественной войны 1812 г.[7] Чле-

inslav

нами ее были многие русские женщины из семей декабристов. Функции этой организации сводились в основном к просветительной и благотворительной деятельности. Как член Женского патриотического общества, Елена руководила женской школой на Васильевском острове. Это сказалось на формировании ее взглядов по вопросам женского воспитания и образования.

Общественная активность Елены в Петербурге была связана и с филантропической деятельностью В. Ф. Одоевского (1803–1869). Друг Пушкина, композитор, писатель и педагог, В. Ф. Одоевский наряду с другими представителями прогрессивной русской интеллигенции активно занимается в эти годы устройством школ, приютов и больниц для народа. Е. М. Кольцова-Масальская управляла одним из приютов, основанных В. Ф. Одоевским[8]. Кроме того, их связывала и совместная работа по организации Крестовоздвиженской общины сестер милосердия. Она была основана в 1854 г. во время Крымской войны и во главе ее стоял известный русский хирург Н. И. Пирогов. Сестры милосердия этой общины впервые в русской истории вышли на поле боя, чтобы оказывать помощь раненым. Их самоотверженная деятельность послужила в дальнейшем поводом для практической постановки женского вопроса в России. Участие в организации этой общины не могло не сказаться на позиции Елены в женском вопросе. Пройдет несколько лет, и она в своих сочинениях выступит решительной поборницей женской эмансипации и борцом за равноправие женщин.

Годы жизни в России можно считать начальным периодом литературно-публицистической деятельности Доры д'Истрии. В то время она работает над первым своим сочинением «Монастырская жизнь восточной церкви», в котором описывает монастыри и монашество Юго-Восточной Европы и России. Она решительно восстает против монастырской замкнутой системы воспитания, особенно требуя уничтожения «расслабляющих умы» женских монастырей.

Живя в России, Елена не прерывает связей со своей родиной: она поддерживает переписку со своими родственниками в Валахии и Молдавии, следит за общественно-политической жизнью Дунайских княжеств[9].

Покинув Россию в 1855 г., Елена несколько месяцев провела в Брюсселе, где под псевдонимом Дора д'Истрия издала свою первую книгу, которая привлекла к себе внимание общественности и выдержала одно за другим три издания[10].

Последующие годы Дора д'Истрия проводит в Швейцарии, где была написана ее вторая книга — «Немецкая Швейцария», переведенная на немецкий, английский и русский языки[11].

Сторонница женской эмансипации, Дора д'Истрия в 1859 г. выступает с книгой «Женщины на Востоке», в которой подробно описывает образ жизни, нравы, домашнее, общественное и политическое положение женщин у румын, болгар, сербов, албанцев, греков и русских. Как бы продолжением этого сочинения стала написанная позднее книга «Женщина о женщинах», которая была посвящена положению женщин в Западной Европе[12]. В этих сочинениях Дора

inslav

д'Истрия высказывает мысль о том, что женщины лишь тогда займут достойное их место в обществе, когда «введена будет более разумная система воспитания, которая, распространяя просвещение во всех классах, положит конец невежеству и средневекоым тенденциям» [13].

В последующие годы научные интересы Доры д'Истрии в большей мере сосредоточиваются на проблемах балканского региона. Справедливая борьба балканских народов за независимость против иностранного господства, необходимость общественно-политического и культурного возрождения Балкан — вот основные вопросы, поднимаемые почти во всех ее дальнейших работах.

Подвергая критике «неразумие» окружающего мира, и прежде всего феодальную систему угнетения народов, Дора д'Истрия стремилась к утверждению идей гуманизма, просвещения, борьбы против невежества и религиозного фанатизма. Она пропагандировала идеи политической и религиозной независимости всех народов, выступая убежденной защитницей прав угнетенных балканских народов, и это в период, когда национальное освобождение балканских народов было главным вопросом их общественной жизни.

Сходная историческая судьба балканских народов, на протяжении веков находящихся под османским игом, определила и общие духовные устремления; их взаимодействие стало осознанной необходимостью и в борьбе против турецкого господства, и в культурном возрождении балканских народов. Это прекрасно понимала Дора Д'Истрия, которая призывала, «чтобы они (балканские народы.— *О. К.*) отказались от известных предрассудков и поняли, что их будущее зависит от тесной связи между ними и от слияния их интересов» [14].

После непродолжительного путешествия к берегам Дуная и на Ионические острова Дора начинает активно сотрудничать в европейской печати: во французских («Ревю де дю монд», «Иллюстрасьон»), итальянских («Дирито», «Нуова антология»), греческих («Спектатор де л'Ориен», «Нувель Пандор»), швейцарских и бельгийских изданиях. Она пишет о жизни балканских народов о своих путевых впечатлениях от поездки по Балканам и Ионическим островам. В туринской газете «Дирито», например, появляется несколько ее статей о Дунайских княжествах Молдавии и Валахии. При этом надо отметить популяризаторский характер публикаций Доры д'Истрии: она пишет о странах и народах, о которых в Европе знали еще недостаточно.

Вдохновенная любовь Доры д'Истрии к Греции и глубокое изучение ее истории и искусства естественно выработали в авторе желание изучить на месте эту страну, где, как она сама пишет, «с детства носилась ее фантазия, потому что Греция — умственная родина всех мыслящих людей» [15]. Интересу к античности, ко всему греческому способствовали в этот период и исторические события. Героическая борьба греческого народа, восставшего против турецкого ига, привлекла симпатии всех передовых людей Европы.

inslav

Весной 1860 г. Дора д'Истрия отправляется в путешествие по Греции. Она проехала по многим провинциям материка и Пелопоннеса, посетила также некоторые острова. Итогом ее пребывания в Греции была книга «Путешествие в Румелию и Морею», изданная в 1863 г. в Париже [16].

Откликом на эту книгу в русской печати была рецензия «Графиня Дора д'Истрия и ее сочинение о Греции», помещенная в «Учено-литературном прибавлении к „Биржевым ведомостям"», в которой давался анализ книг и статей Доры д'Истрии о балканских странах [17]. Отмечая «богатство знаний, счастливую память, здравый свободный ум, решительный характер и энергию воли автора», рецензент пишет, что сочинения Доры д'Истрии имеют двойную цель: во-первых, ближе познакомить европейскую общественность с Балканами и, во-вторых, способствовать возрождению балканских народов, Дора д'Истрия выражает твердое мнение, отмечается в рецензии, что угнетенные народы балканских стран «имеют все необходимые элементы и условия для своего возрождения», более того, «она твердо убеждена и прямо высказывает, что общие интересы Европы требуют возрождения Востока» (т. е. Юго-Восточной Европы.— *О. К.*) [18].

Настроения эллинофильства получили отражение в многочисленных статьях Доры д'Истрии, опубликованных в «Ревю де дю монд», «Иллюстрасьон», «Ревю сюис» и др. В этих статьях прямо звучит восхищение героической борьбой греков. Она видит в них «непоколебимую веру в будущее их прекрасной родины, веру, поддержавшую их среди всех страданий, гонений, когда они героически выдерживали борьбу с могуществом султана» [19].

Дора д'Истрия постоянно сотрудничала в нескольких греческих изданиях. Интересен тот факт, что в апреле 1867 г. греческий парламент, высоко оценивший деятельность Доры д'Истрии, единодушно присвоил ей звание почетной гражданки Греции. Впервые в истории страны этого высокого звания удостаивалась женщина. Вслед за этим многие итальянские города избрали ее своей почетной гражданкой. Ученые общества Греции награждали ее дипломами за сочинения [20].

После возвращения из Греции Дора д'Истрия поселилась во Флоренции. Здесь она продолжает серьезно заниматься журналистским и литературным трудом: за период с 1858 по 1888 г. она опубликовала более 150 статей и несколько книг.

Особенно длительным было ее сотрудничество в «Ревю де дю монд», одном из самых влиятельных парижских журналов того времени. Так, например, в период с 1859 по 1873 г. Дора д'Истрия опубликовала в этом журнале цикл из семи статей об устном народном творчестве румын, сербов, греков, албанцев, болгар, венгров и европейских турок. Утверждая в этих статьях самобытный характер культуры народов Балканского полуострова, она в то же время отмечает и наличие этнической, языковой и культурно-исторической общности балканских народов, порабощенных турками, рассуждает об их предстоящем освобождении и национальном возрождении.

Албанка по происхождению, Дора д'Истрия естественно не могла

inslav

быть равнодушной к многострадальной родине своих предков. Она была одной из первых, кто вызвал интерес в Европе к албанскому народу. В разное время, в различных европейских изданиях она публиковала статьи об этом малоизвестном тогда народе, знакомила читателей с его историей, народной культурой, литературой[21]. И ее статьи сыграли очень важную роль на раннем этапе становления албанской национальной культуры, когда все силы передовых представителей албанского народа были направлены на утверждение национального самосознания и самобытности, на развитие просвещения.

Лозунг просвещения у Доры д'Истрии был неразрывно связан с борьбой за развитие национального самосознания. «Первое, что нужно сделать,— писала Дора д'Истрия о задачах национального возрождения в Албании,— это пробудить в народе чувство национального сознания, национального единства»[22].

Она имела дружеские связи и переписку со многими деятелями албанского национального возрождения. Среди них — поэты Иероним де Рада, Зеф Серембе, Леонардо де Мартино, собиратели фольклора Зеф Юбани, Эфтим Митко, Димитр Камарда и др. Из писем Доры д'Истрии видно, что она всегда была в курсе событий, происходящих в Албании и албанских колониях в Италии, Румынии, Египте, была знакома со всеми новыми произведениями албанской литературы того периода.

В переписке с деятелями албанского национального возрождения она излагает свои планы: целью национального просвещения албанского народа она считает необходимость организации национальной академии наук, национального университета для подготовки кадров, выпуск газет и журналов на албанском языке, создание литературных организаций, выработку единого литературного языка, работу над словарем албанского языка и т. д.[23]

Деятельность Доры д'Истрии имела огромное значение для албанского национального возрождения. Благодарные албанцы называли Елену с любовью «Звездой Албании», на одном из празднеств 300 молодых девушек из Албании поднесли ей серебряное перо и благодарственный адрес[24]. А группа деятелей албанского возрождения издала в 1870 г. в городе Ливорно книгу стихов, ей посвященную[25].

Дора д'Истрия всегда уделяла много внимания вопросам истории культуры Румынии, поддерживала контакты со многими румынскими учеными[26]. Так, например, она вела переписку и с одним из своих родственников, Ионом Гикой, общественным деятелем Румынии, участником революции 1848 г., первым президентом румынской Академии[27]. Интересовалась она и вопросами албанских поселений в Румынии. В 1873 г. появилось ее сочинение «Албанцы в Румынии», в котором она дает историю этих поселений, в частности историю албанского княжеского рода Гика.

Немаловажное значение в формировании европейского общественного мнения по вопросам балканских стран имели и многочисленные контакты Доры д'Истрии со многими общественно-политиче-

inslav

скими деятелями, учеными, журналистами, деятелями искусства и культуры Европы.

Среди друзей Елены был, например, прогрессивный французский историк Эдгар Кине, поддерживавший справедливую борьбу балканских народов за независимость и часто выступавший во французской печати по проблемам балканских стран [28].

Весьма интересен еще один факт из биографии Доры д'Истрии — ее переписка с героем итальянского народа Джузеппе Гарибальди. В 1861 г. он обращается к ней с письмом, в котором, учитывая влияние писательницы в Молдавии и Валахии, просит ее содействовать в оказании поддержки восставшим со стороны ее соотечественников.

Дора д'Истрия была на стороне гарибальдийцев, боровшихся за объединение Италии. Она считала, что борьба итальянских патриотов может послужить толчком для подъема национально-освободительного движения на Балканах. Этой своей мыслью она делится с Джузеппе Гарибальди, посылая ему рекомендательные письма для своих друзей в Южной Италии и Валахии. Среди соратников Гарибальди было много жителей Сицилии и Калабрии, албанцев по происхождению. Это было поводом для обсуждения в переписке Доры с Гарибальди судеб албанского народа, а также положения «арберешей» — выходцев из Албании, живущих в южных районах Италии.

В июне 1880 г. Дора д'Истрия предпринимает путешествие в Соединенные Штаты Америки. За несколько лет до этого она начала сотрудничать в некоторых американских газетах и журналах. В Бостоне она встречается с великим американским поэтом Г. Лонгфелло, и не случайно после этой встречи появлется поэма Лонгфелло о национальном герое Албании Скандербеге.

Стремление к справедливому общественному строю, к защите национальных интересов угнетенных народов проявилось во всех сочинениях Доры д'Истрии. Постановка вопроса о самоопределении наций, о праве каждого народа решать вопрос о своей государственной принадлежности свидетельствовала о прогрессивном подходе Доры д'Истрии к решению национального вопроса.

В творчестве Доры д'Истрии внешне не проявился классовый подход к изучению общественно-политической жизни, он был как бы оттеснен вопросом национальным. И все же, несмотря на то что вся деятельность Доры д'Истрии была отмечена печатью ее аристократического положения, она сумела преодолеть ограниченность своего круга и стать на защиту прав угнетенных народов.

Значение ее деятельности для национально-освободительного движения на Балканах (особенно в Албании, Греции, Молдавии и Валахии) велико: ее статьи и книги тесно связаны с важнейшими событиями общественно-политической жизни этих стран.

Многие проблемы, стоявшие в этот период перед балканскими народами, Дора д'Истрия рассматривала с просветительских позиций. Естественно, работы ее не лишены описательности и других недо-

inslav

статков, но они пронизаны искренним чувством, написаны живо и легко и снискали этим популярность среди читателей.

Преследуя просветительские цели, Дора д'Истрия сочетала в своих исследованиях задачи историка, филолога, фольклориста, этнографа. И это не случайность. Известная доля синкретизма была свойственна для общественных наук на раннем национально-патриотическом этапе развития культуры.

Особенностью литературно-публицистической деятельности Доры д'Истрии было и то, что сочинения ее были обращены не только к читателю балканских стран, но и ко всем европейским народам, в том числе и к угнетающим нациям. Они были обращены к общественному опыту всех народов. Знакомя европейских читателей с положением балканских народов, книги и статьи Доры д'Истрии влияли на формирование общественного мнения по балканскому вопросу в Европе. Это было важно, так как общественное мнение было своеобразной ареной борьбы прогрессивных деятелей за права угнетенных народов, за их национальную независимость.

Литературно-публицистическая деятельность Доры д'Истрии дает ценный материал для изучения эпохи национального возрождения стран балканского региона, особенно Албании, Румынии, Греции. Ее книги и статьи и сейчас используются в исследовательской работе ученых балканистов — историков, этнографов, фольклористов, историков культуры [29].

[1] Иллюстрация, 1860, 26 июля, с. 62.
[2] По некоторым источникам — в 1828 г.
[3] Русский биографический словарь. СПб. и Пб., 1896—1918, т. IX, с. 84. В пятнадцать лет Елена Гика, будучи в Германии, перевела гекзаметром «Илиаду» Гомера с древнегреческого на немецкий.
[4] Новое время, 1888, 17 (29) нояб.
[5] Учено-литературное прибавление к «Биржевым ведомостям», 1866, № 6, с. 2.
[6] *Joan M.* Dora d'Istria. Buc., 1931; *Bala V.* Jeta e Elena Gjikës (Dora d'Istrias). Tiranë, 1967.
[7] *Шумигорский Е. С.* Императорское женское патриотическое общество. СПб., 1912.
[8] Иллюстрация, 1860, 26 июля, с. 62.
[9] *Bala V.* Në dritën e dokumentave të pabotuara.— Buletini shkencor i institutit dyvjeçar pedagogjik të Shkodrës, 1975, N 1, f. 189.
[10] *Istria (d') Dora.* La vie monastique dans l'église orientale. Paris, 1855.
[11] Сокр. пер. см.: Рассвет, 1861, № 1—3. В этом же журнале был опубликован занимательный рассказ Доры д'Истрии «Восхождение на Менх». Елена была одной из первых женщин, совершивших высокогорные восхождения.
[12] Сокр. пер. см.: Заграничный вестник, 1865, вып. X. Полный перевод на русский язык см.: *Истрия (д') Дора.* Женщина о женщинах. СПб., 1866.
[13] Цит. по: Заграничный вестник, 1865, вып. X, с. 115.
[14] Цит. по: Учено-литературное приложение к «Биржевым ведомостям», 1866, № 6, с. 3.
[15] Там же, с. 4.
[16] *Istria (d') Dora.* Excursions en Roumélie et en Morée. Zurich — Paris, 1863. V. 1, 2.
[17] В этом издании буржуазно-либерального направления, редактируемом К. В. Трубниковым наряду с беллетристикой печатались серьезные статьи по экономике, истории, этнографии, естествознанию.
[18] Цит. по: Учено-литературное приложение к «Биржевым ведомостям», 1866. № 6, с. 4.

inslav

[19] Там же, с. 5.
[20] См. об этом: Новое время, 1888, 17(29) нояб.
[21] См., например, статьи: La nationalité albanese d'après les chants populaires.— Revue des Deux Mondes, P., 1866, 15 maj; Gli Albanesi Musulmani.— Nuova Antologia, Firenze, 1866, v. 8; 1870, v. 14, 15.
[22] Dora d'Istria për çështjen kombëtare shqiptare. Tiranë, 1977, f. 45.
[23] Ibid., f. 14.
[24] Новое время, 1888, 17(29) нояб.
[25] A Dora d'Istria gli Albanese. Livorno, 1870.
[26] См. об этом: *Jorga N.* Lettres de Dora d'Istria.— Revue historique du Sud-Est-Européen, 1932, v. IX, p. 134—209.
[27] *Bala* V. Në dritën e dokumentave të pabotuara.— Buletini shkencor i institutit dyvjeçar pedagogjik të Shkodrës, 1975, N 1, f. 186.
[28] См. об этом: *Breazu I.* Dora d'Istria si Edgar Quinet. Cluj, 1931.
[29] В советской историографии работы Доры д'Истрии использованы Г. Л. Аршем в монографии «Албания и Эпир в конце XVIII — начале XX в.» (М., 1963).

Судьбы народного искусства в XX в. и балканская художественная традиция

Н. В. ЗЛЫДНЕВА

Народное искусство и современный примитив; примитив и традиция — эти, казалось бы, взаимоисключающие понятия в последние годы стали объектом пристального внимания советского искусствоведения [1]. Балканский художественный регион дает новые аспекты в решении актуальных проблем, расширяя наши научные представления о своеобразии культуры нынешнего столетия.

Искус общепринятой тавтологии, согласно которой самосознание каждой исторической эпохи суть современность, опрокинутая в прошлое, не должен закрывать перед исследователем перспективы выявления парадигматики в развитии художественной культуры отдельного региона. Вместе с тем очевидна условность понятия «регион» применительно к широкому интернационализированному маршу искусства новейшего времени, как, впрочем, и сама постановка вопроса об объектно-субъектных отношениях внутри процесса культуронаследования в целом. Поэтому лишь гибкое понимание художественной традиции как мобильной, открытой переменам новых времен эстетической системы, обеспечивающей культурную преемственность, может помочь осмыслению важнейших событий в искусстве балканских народов XX в. Ведь парадоксальность эстетических обращений при смене типа культуры может быть столь велика, что традиция в отдельных случаях начинает действовать по чуждым ей прежде законам, расширяя (а порой и разрушая) традиционные представления о типологическом сходстве. Убедительным примером служат судьбы народного творчества в современном искусстве балканских стран. Задачей данной статьи является иссле-

inslav

дование искусства примитива в его связи с изобразительным фольклором в специфических условиях культуры Югославии.

Известно, что народное искусство сыграло важную роль в формировании художественной культуры балканского региона. В новое время по мере истощения запасов средневековой культуры здесь, в стороне от магистральных путей западноевропейского искусства, сформировалась самостоятельная модель художественного развития, некий «третий мир» в рамках европейской общности. Это обстоятельство, получившее отражение в научной литературе, проявилось главным образом в устойчивости местных художественных форм, в постоянном взаимодействии «ученого» искусства с народным, в наличии сильной фольклорной струи внутри профессиональной сферы [2]. На протяжении веков народный компонент в том или ином обличьи составлял центральный нерв региональной художественной традиции. Мощный пласт «низовой» культуры оказывал решающее воздействие на смену историко-художественных фаз, пропуская через свой фильтр оригинальные и заимствованные концепции и целые стилевые формации [3]. Так было в эпоху барокко, чрезвычайно глубоко укоренившегося в недрах сознания балканских художников: «глас» народного искусства оказался здесь созвучным открытому характеру этой эстетической системы. Так было и в период романтизма, когда народный элемент культуры стал существенным фактором подъема национального самосознания балканского славянства и одновременно провозвестником нового эстетического идеала, осью гигантского по своим социокультурным масштабам внестилевого потока. Фольклорный элемент сохраняет свое ведущее значение и в искусстве балканских народов XX в., однако в изменившемся художественном климате эпохи он меняет свой модус. Что и как было почерпнуто современной культурой из сокровищницы народного творчества на Балканах?

Очевидно, говоря о роли фольклорного компонента в формировании художественного облика Балкан, следует различать несколько функциональных аспектов народного искусства. Прежде всего это влияние собственно народного искусства на складывание того или иного стилевого направления в искусстве профессиональном при сознательном обращении мастеров к материалу фольклора, что, например, имело место в эпоху романтизма. Во-вторых, это факты синкретичного слияния «низовой» и «высокой» сфер искусства, давшего явление примитива — органического звена всей художественной истории балканских народов. Наконец, это роль народного искусства в образовании специфики балканского художественного темперамента, обусловленного извечной близостью к земле, крестьянскому труду и народному типу мышления художников Сербии, Болгарии, Румынии. Народной духовностью с характерным отзвуком языческого пантеизма овеяны многие века культурной истории балканских славян. Народное сознание, определившее структуру традиции, оказало воздействие на характер протекания всего художественного процесса: им, с одной стороны, определилась инерционность в смене фаз, традиционализм как единый принцип художест-

inslav

венной культуры на Балканах; с другой — оно обусловило подвижность отношений внутри отдельных этапов художественной истории, мобильность эстетических планов; взаимоперетекание стилевых форм, обратимость значений стали в этих условиях нормой. Последнее наглядно проявилось в искусстве XX в.

В условиях развивающегося индустриализированного общества народное искусство в его традиционном понимании утрачивает социальную и духовную основу своего существования. Членение на народное и «ученое» искусство уступает место делению на элитарную и массовую буржуазную культуру. Первая при этом включает фольклор в формах салонной экзотики, вторая образует пространство, где распыляется сама социальная целостность народного искусства. В известной мере фольклор еще живет в искусстве народных промыслов. Однако и здесь диктат рынка столь велик, что, сталкиваясь с разновидностями массовой культуры, фольклорный элемент приобретает порой форму так называемой кич-культуры, которая принципиально противостоит художественности.

По существу, вступив в XX в., цивилизованное человечество навсегда распрощалось с изобразительным фольклором, хотя мы и находим порой его незримые следы в супер- и субкультурной «речи» эпохи. Вместе с тем современная художественная культура явилась питательной средой для разнообразных проявлений народного искусства в сублимированном виде.

Чтобы представить себе механизм усвоения современным искусством югославских народов традиционного народного компонента и формы его преображения, следует бегло очертить некоторые общие особенности европейской поэтики XX в. Это тем более уместно, что нынешняя эпоха, особенно период социализма, способствовала выходу изобразительного искусства Югославии на международную арену: художники всех республик страны влились в единое русло интернационального художественного развития.

Переход от традиционных (в гегелевском понимании) эстетических представлений к новой, разомкнутого типа эстетике XX в. происходил на основе радикальной перестройки структуры всей художественной системы. Следствием коренных перемен явилось, в частности, расширение поля эстетического. Отринув греко-италийскую линию художественных ценностей, европейские живописцы обратились к экспрессивно-органическому пласту архаики и примитивных культур, что означало изменение понятий основных принципов отношения искусства к действительности. Круг народного искусства, произведения городского фольклора стали не только источником вдохновения для художников, искавших путей прямого выхода в мир, но и непосредственным предметом изображения, «мотивом для живописи»[4]. Присущая фольклору внеэстетическая функциональность совпала с переменами всей системы поэтики на основе введения в искусство внеэстетических факторов[5]. Благодаря этому произошло фактическое растворение народного творчества в урбанистической культуре, которая приняла его под свою кровлю естественно, но изменив его прежнее содержание.

inslav

Сказанное выше по поводу народного искусства и его места в современном художественном процессе было бы полностью приложимо и к искусству балканских стран новейшего времени, если бы уникальная модель развития этого региона не внесла в общую картину своего важного дополнения. Активность фольклорного компонента повлияла на сохранение народного искусства, а точнее, народного эстетического сознания — в виде субстрата, т. е. элемента остаточного фольклора. В этом отношении субстративный характер обнаруживает, на наш взгляд, поэтика югославского примитива.

Искусство так называемых «наивных» художников, т. е. людей, занимающихся искусством без специальной подготовки,— характерное явление художественной культуры XX в. Особенность югославского примитива состоит в том, что это примитив по преимуществу крестьянский. Он создан жителями села, в чьем сознании крепко переплелись судьбы «низовой» городской культуры и древнего народного ремесла. Картины, которые пишут крестьяне в свое удовольствие в свободное от хозяйственных забот время, напоминают о древнем искусстве бродячих художников, которые продавали в хорватских и словенских селах самодельные иконки на стекле.

Югославский примитив родствен народному искусству, но не сводится к нему, ибо основан на личном, индивидуальном переживании и способе выражения художника. Его следует отличать также от творчества художников-примитивистов профессионалов, намеренно стилизующих свои произведения под работы «наивных». Югославскому примитиву нет прямой аналогии и в других странах: остаточная фольклористичность отличает его и от изысканного французского примитива, и от художников «воскресного дня» американской провинции, и от польских самодеятельных живописцев.

Лишенный условностей школьной традиции, югославский примитив занимает периферийное положение в национальной художественной истории, но связан с ней узами кровного родства. Его типологический прообраз определил собой весь ход художественного развития югославянства, несмотря на все различия судеб западной и восточной частей страны. Проникая в глубь эстетического содержания эпохи, примитив становился ее стержневым опорным звеном. Функционально-поэтическую модель примитива можно обнаружить в лапидарных рельефах богомильских надгробий — «стечков» Боснии и Герцеговины, а также сербских каменных надгробиях, созданных руками средневековых умельцев, в росписях на пчелиных ульях Словении XVI в. Позднебарочный портрет в Хорватии и Словении, парсуна начала прошлого столетия в Воеводине относятся к кругу так называемых «пограничных» художественных явлений, родственных русскому купеческому портрету. Своеобразным вариантом массовой художественной продукции допромышленного периода может служить уже упомянутая иконопись цеховиков приальпийских областей. Наконец, в живописи Джуры Якшича, сербского романтика XIX в. слились воедино элементы фольклора и «высокого» стиля, рождая полные грубоватой экспрессии образы народных повстанцев. По-своему примитивны и явления стадиально-свернутого типа:

inslav

«наивная» повествовательность исторической живописи сербских художников Пайи Йовановича и Уроша Предиача на рубеже веков, половинчатое поваторство хорватского стиля «модерн», фигуративизм словенского импрессионизма.

Таким образом, хотя «наивное» творчество современных крестьян Хорватии и Сербии — конкретно-историчский феномен, не выводимый из примитива прошлых веков как восходяще-нисходящего пласта культуры, своим возникновением он отражает логику общего процесса. Его принадлежность национальной и региональной традиции — в присущей ему глубокой народности как в плане социального функционирования, так и на уровне поэтического строения. Сама история его появления в искусстве Югославии XX в. и то, каким образом примитив утвердился в профессиональных кругах, проливает свет на важные свойства балканской художественной традиции.

Возникновение живописи примитива в Югославии связано с бурным периодом социальной борьбы конца 20-х — начала 30-х годов нынешнего столетия. В области изобразительного искусства это было время борьбы левоориентированной интеллигенции, в первую очередь художников группы «Земля», за создание широкого и прочного фундамента национальной культуры, за смелое воплощение общественной проблематики в искусстве, за принципиальность политической позиции в эстетической мысли. Деятели художественной культуры Хорватии, вдохновленные прогрессивными социальными идеями М. Крлежи, обратились к творчеству сельских художников-самоучек в поисках основ национального художественного характера, видя в утверждении самобытности своего народа «первые шаги в решении и формулировке ... крупнейших и насущнейших художественных проблем» [6].

Открытие живописи «наивных» и приобретение ею статуса в глазах культурной общественности связаны с первым показом произведений художников хорватского села Хлебине И. Генералича и Ф. Мраза в залах загребского Павильона искусств в 1931 г., вызвавшим большой интерес публики. Активный организатор выставки член группы «Земля» К. Хегедушич стал часто приезжать в Хлебине, где давал советы крестьянским мастерам по технике живописи, композиции, способам построения перспективы, показывал репродукции нидерландской живописи XVI в., созвучной по духу народному искусству. Хлебинская «школа» [7] повлияла на художественную практику самого учителя: в его живописи возникла «примитивная» манера, изображение жизни хорватского села обогатилось социальной тематикой.

Пропаганда крестьянского искусства как символа национального сознания отвечала объективным потребностям демократизации художественной культуры в Югославии межвоенного двадцатилетия, расширения ее социальной базы, идейной актуализации творчества. Вместе с тем эстетических предпосылок для активного развития в этот период непрофессионального изобразительного искусства еще не было. Не случайно тип эпико-повествовательного реалистическо-

inslav

го изображения, давший свои яркие плоды в творчестве одного из талантливейших мастеров югославского примитива, Ивана Генералича (р. 1914), был практически единственной формой манифестации «наивного» эстетического переживания.

Подлинного расцвета искусство примитива достигло после войны, когда реакцией на упрощенное понимание социалистического реализма конца 40-х годов в народной Югославии явилось переосмысление в последующее десятилетие национальной традиции в плане поисков художественно полноценного решения фигуративного образа. В переломной художественной ситуации конца 50-х годов примитив обрел новое социальное значение: творчество «наивных» как бы балансировало процесс взаимного смещения пластов культуры и переход профессионального искусства на новые эстетические рубежи. Круг создателей примитива расширился: кроме хорватов, в него вошли сербские, македонские, словенские мастера; к сельским художникам присоединились «наивные» горожане. Возник примитив в скульптуре.

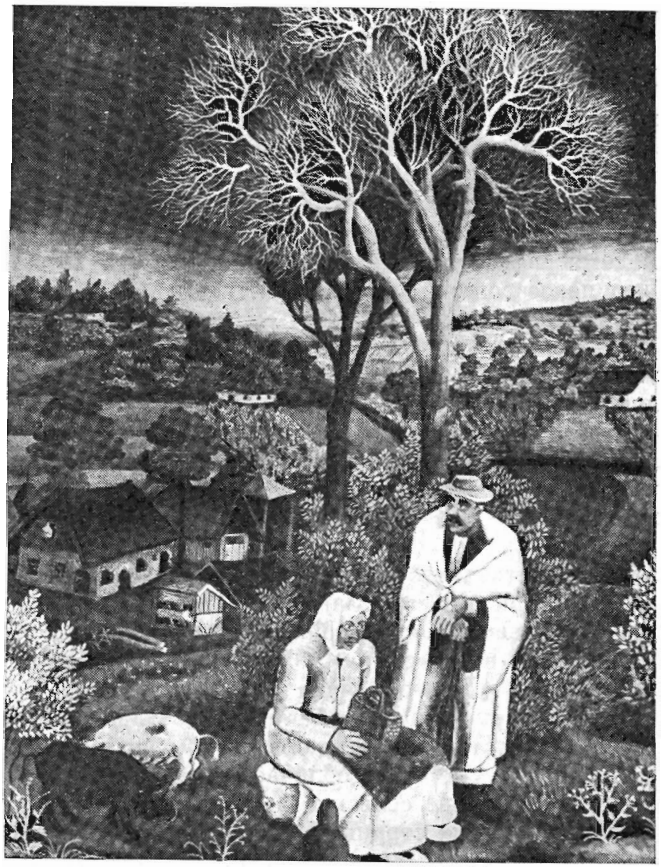
Искусство югославского примитива живой струей влилось в интернациональный художественный процесс и получило большую популярность на гребне «бума» «наивных» в Европе 60-х годов. Симптомами общественного признания стали создание в 1952 г. галереи живописи примитива в Загребе, а на мировой арене успехи югославских самодеятельных художников на Биеннале в Сан-Паоло (1955 г.), выставке в Брюсселе (1958 г.), международных смотрах примитива в Базеле и Баден-Бадене (1961 г.).

Особенностью искусства современной Югославии является наличие большого количества очагов крестьянского непрофессионального искусства, каждый из которых обладает характерной стилевой гаммой. По примеру Хлебине сельские живописные «школы» возникли в самых разных областях страны. На весь мир прославились своими мастерами сербские села Опарич, Ковачица, Светозарево. В Обиличево — на Косово — организована даже целая художественная колония. Много талантов расцвело и в словенских селах.

Среди мастеров югославского примитива особенно выделяются три крупных дарования. Это Иван Генералич (р. 1914), представитель старшего поколения самодеятельных художников Хлебине, заслуженно снискавший славу «патриарха» наивного искусства своей страны, выразитель эпически-сказочного начала крестьянской живописи. Кроме того, это Матия Скурени (р. 1898) из села Запрешич близ Загреба — тонкий лирик, певец романтических сновидений и нежной живописной фактуры. Наконец, это житель Хорватского загорья Иван Рабузин (р. 1921) — смелый фантазер и мечтатель, поклонник конструктивной четкости композиции и стройности философского осмысления жизни. Творчество названных художников представляет как бы целостную панораму югославского примитива в концентрированном виде и потому является удобным материалом для нашего последующего анализа.

Народный по происхождению, социальной базе, массовый по характеру обращения, югославский примитив относится к тому роду

inslav



И. Генералич. Под грушевым деревом. 1943 г.

феноменов современной культуры, в котором связь с национальной (и региональной) художественной традицией осуществляется на глубинном уровне, на уровне структуры поэтики, и не благодаря, а скорее вопреки лежащим на поверхности типологическим схождениям, которые прослеживаются в истории. Фольклорный тип мышления выразился как в иконографии, выборе тем, а точнее, их визуальной интерпретации, так и в построении самого зрительного ряда произведений «наивных» художников.

В сравнении с тщеславным артистизмом «образованного» искусства примитив весь обращен в себя, как бы создан «внутренней точкой зрения» автора [8]. «Стилю» или, точнее, индивидуальной манере, набору выразительных приемов «примитивного» живописца свойственна высокая стабильность, опирающаяся на постоянство пластической концепции, которая живет в сознании «наивного» мастера. Герметичность поэтики примитива порождает конструктивную жест-

inslav

И. Рабузин. Мой мир. 1970 г.

М. Скурени. Цыганская любовь. 1966 г.

inslav

кость, экономичность в отборе изобразительных средств, лапидарность содержательного плана. Так, при всем, казалось бы, безграничном разнообразии сюжетного репертуара нетрудно заметить относительное однообразие иконографической модели. Например, наиболее «фабульный» из всех живописцев — Иван Генералич — демонстрирует широчайшее поле повествовательных возможностей картины, насыщая художественную ткань подробным бытоописанием окружающей его жизни. Высокий горизонт, характерный для многих его композиций, взгляд как бы с конька крыши дает многофигурные панорамные изображения сезонных работ на селе, сцен деревенских бед и радостей на фоне родного пейзажа. И вместе с тем художник проявляет предельную монотонность в отношении оранжировки избранных мотивов, постоянно воспроизводя одно и то же драматургическое клише.

Столь же статично и композиционное мышление крестьянских художников, подчиненное строгой арматуре «наивной» логики. Рационализм в организации изобразительного пространства прочитывается в жестком геометризме композиционной схемы картин И. Рабузина, тяготеющих к центрической радиальной симметрии. Достаточно очевидна и симметрия в произведениях Матии Скурени, расстилающего изображение фризообразными рядами («Цыганская любовь», 1966). Даже раскованные в своей натурной достоверности композиции Ивана Генералича подчинены острому членению на правое—левое, верх—низ; встречается и мотив геральдического предстояния в зеркальных отражениях «дуэтов»: две коровы на опушке леса, два вздыбленных жеребца на лужайке, совсем как на древних гербах хорватской знати.

Принцип симметрии свидетельствует о последовательной линейности эстетического мышления крестьянского живописца. Как и в искусстве архаических культур, симметрия призвана сообщить порядок и гармонию художественному пространству произведения примитива, противопоставив его хаосу окружающей среды. Этот принцип сближает примитив и с народным искусством, где структурная определенность композиции наделяет сакральной значимостью созданное рукой художника, включая изображение в символический мир непреходящих ценностей осознанного бытия.

Той же задаче служит и ритм, которым проникнута живопись примитива. Он сообщает космогоническую пульсацию «наивным зеркалам» и убедительно раскрывает орнаменталистский способ художественного видения крестьянских мастеров, хранящих в глубинах своей памяти узорочье народных вышивок. Ритм достигается расчлененностью целого построения, плоскостностью планов с их декоративной игрой цветовых пятен и главное — приемом многократного умножения отдельной детали. Об этом говорит аккуратно выписанная листва в картинах И. Генералича, ковровые россыпи цветов у М. Скурени и особенно мозаичность произведений И. Рабузина, составленная из виртуозного сплетения пестрых кружков. Атомарная структура композиций в примитиве, очевидно, соответствует принципу тиражирования изобразительного элемента в

inslav

фольклоре: народному художественному мышлению свойственно обозначать целое через часть, когда всеобщность мироздания явлена в его детали.

Конструируя пластический объем не столько по велению зрения, сколько тем единственным способом, которым он может передать суть вещи, «наивный» мастер достигает непринужденной раскованности выражения. Радостный и серьезный мир живописи примитива проникнут — при всей индивидуальности таланта каждого автора — единым духом крестьянской культуры: угловатая экспрессия плотно сбитых фигур на картинах И. Генералича, аппликативно раскрашенных, напоминает глиняные народные игрушки; мерцание живописной поверхности картин М. Скурени, написанных дробным нервным мазком, сближает эти полотна с полихромией балканских ковров.

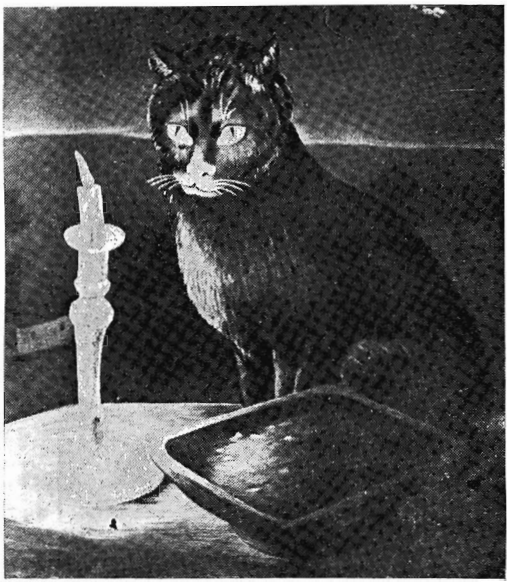
Наконец, областью, где мастера проявляют наибольшую близость фольклорному типу мышления, является образное строение искусства примитива. «Наивной» живописи всех национальностей изначально присуща мифотворческая поэтизация действительности, но только в мифах югославских мастеров так сильно ощутимо звучание народного элемента национальной художественной традиции.

Поэтический дар И. Генералича сообщает интонацию лирической отрешенности в передаче чисто бытовых сцен, напоенных теплом патриархальной идиллии, и достигает символистической значительности в стихии сказки. Автор часто обращается к сюжетам народных легенд (о белом олене, о встрече в лесу с единорогом и т. п.), насыщая произведения духом языческих таинств. Художественная речь И. Генералича проникнута образностью праславянской демонологии, а в композиции и семантике его картин, в характерном приеме «кулисной» перспективы и «сценичности» изображения заметно влияние народного театра, который живет в народном сознании в синкретическом слиянии с ритуально-культовым началом[9].

Отзвук коллективного творца ощутим и в философских фантазиях И. Рабузина: цветные «молекулы» его картин складываются в кроны деревьев, облака и горы — в своеобразную пиктограмму — символ мироздания. Этот геометрически правильный мир озарен мифическим светом разумного, нездешнего обитания: гигантский цветок, в чаше которого уютно покоится село художника, излучает радостную гармонию слияния с миром. Столь же глобален и образ горы («Мой край весной», 1969), символизирующий начало всеобщего единения, содержащееся в народной крестьянской духовной культуре. Бесконечность времени и отвлеченность пространства картин И. Рабузина передают поэтическое видение родных мест как края вечного совершенства, как мечту об утраченной первозданности миросозерцания.

Мифотворческое воображение И. Рабузина, концептуальность образной системы «наивного» мыслителя при всей «внекнижности» исходной посылки как бы чреваты словом, стремятся заговорить. Эмблематичность сближает эту живопись с каноническим типом искусства.

inslav



И. Генералич. Кот со свечой. 1971 г.

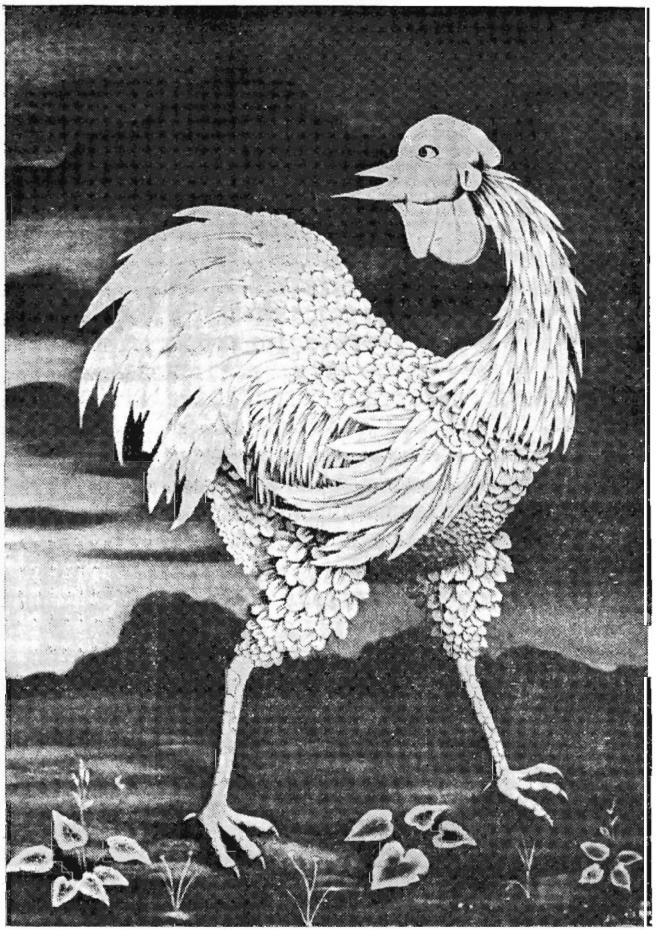
Известная каноничность присуща и другим мастерам югославского примитива: «фразовая» интонированность неторопливой речи И. Генералича — в постоянстве образных формулировок и повторяющихся мотивов, в дискретности сюжетных «сериалов». В лирическом символизме М. Скурени звучат темы и образы народных песен, и этот своеобразный рефрен наделяет его произведения сходством с формой клишированного поэтического высказывания.

Однако в то время как традиционное каноническое искусство опирается на выразительные возможности стиля, примитив раскрывает себя более непосредственно — он говорит как бы на языке самого бытия. Тема как стиль, а стиль как сам образ жизни образуют сплошной изоморфизм поэтической конструкции. Нерасчлененность, синкретизм художественного мышления крестьянских живописцев служит одним из важнейших показателей фольклорного типа их самосознания.

Указанные совпадения примитива с народным искусством не должны заслонять от нас самобытности творчества «наивных». Онтологичность примитива, свойственная ему редуцированность отношения «искусство — действительность», создают ощущение первозданности художественного сознания непрофессионального автора, оригинальную непредвзятость его миропонимания. Активно-личностное начало властно доминирует в творчестве сельских мастеров, раскрывая свою принадлежность индивидуализированному искусству нынешней эпохи.

XX век нередко называют на Западе цивилизацией визуального знака: запечатлев свой лик в анонимном герое рекламы и плаката, в изображениях на экране телевизоров и на витринах супермаркетов, он часто дегероизирует собственный образ, обыгрывает собственную роль. Примитив активно взаимодействует с продукцией массовой культуры. В произведениях крестьянских художников видны следы знакомства со всевозможными проявлениями промышленного и народного кича. «Олени в лесу» И. Генералича, вероятно, имеют простую родню — изображения на ковриках фабричной ра-

inslav



И. Генералич. Хребинская Мона Лиза. 1972 г.

боты, которыми на селе любят украшать стены; недалеко ушел от своего прообраза — рыночной копилки — и «Кот со свечой». Однако творческая сила одаренной личности перерабатывает впечатления в полнокровные художественные образы.

Вместе с тем бытование «наивного» искусства в современной культуре не лишено определенной противоречивости. Интересно отметить, что, родившись в сельской тиши, где зрителем является сам же художник, искусство югославского примитива, обретя свою вторую жизнь в условиях городского «потребления», по существу создало широкий круг публики. Любителей творчества «наивных» можно в Югославии найти практически в любой социальной среде — от разношерстного массового зрителя до требовательных протагони-

inslav

стов новейших художественных концепций. Чем обеспечивается подобная всепроникаемость примитива в современном мире?

Чтобы не стать анахронизмом, самобытная целостность «наивного» искусства в контексте XX в. реализует себя как объект динамического восприятия, отражая тем самым свойство высокой лабильности самой культуры наших дней. Примитив будто обретает качество прозрачности социального функционирования, отражая неоднородность эстетических сплетений новейшего времени.

Искусство нынешнего столетия, вырвавшись за пределы академизма, искало форм воплощения своего нового бытия для осознания постигшего ее «пассионарного взрыва» [10]. Европейские художники потянулись к культуре «младшего собрата»: Гоген — к первобытной чистоте Океании, Пикассо — к экспрессии африканской пластики. Полюбив Инородца, Пришельца, открыв третий мир своей собственной культуры — культуры массовых коммуникаций,— западное общество само оказалось в положении Постороннего. Рефлексирующее самосознание культуры «открыло себя» во внерефлексивности примитива как явления, лежащего в стороне от колеи опыта художественного наследования, профессиональной образованности, эстетической мысли. Однако в круговерти иронического самоотрицания имперсональная, идущая от фольклора индивидуальность примитива приобрела известную двойственность. В последней нетрудно узнать приметы художественного восприятия, которым окрашена эпоха широкого движения поп-арта в западном искусстве 50—60-х годов.

Разумеется, прямого контакта мастеров югославского примитива с графикой Лихтенштейна или живописью Раушенберга быть не могло. Моменты схождения угадываются лишь в характере общественного «потребления» примитива, в его несводимости к собственной визуальной данности. Классический станковизм примитива в среде разорванного урбанистического сознания обретает смысл как проявление образа действия, как сама деятельность.

Один из принципов поэтики авангарда в начале века — деэстетизация литературы и искусства при одновременной эстетизации жизни,— усвоенный позже всей западной художественной культурой, изменил соотношение понятий профессионального и непрофессионального творчества. Если способность к творчески волевому усилию, направленному на транссемантизацию реальности, объявлялась главным (и самодостаточным) критерием художественности, т. е. художником мог быть каждый, то и, наоборот, искусство художника-самоучки, лишенного академической выучки, наполняется эстетическим содержанием в силу того, что новая культура наделяет значением символа сам акт спонтанного жизнеизъявления.

Характерно и то, что в потоке продукции «наивных» невычленимы качественные различия: здесь нет падений и взлетов «настоящего» искусства. В обыденном сознании «наивный» художник привлекателен уже одной своей «наивностью», в сознании, опосредованном высокой культурой, он романтически равнозначен отпечатку самой эпохи, ее иносказательному истолкованию.

inslav

Однако, коль скоро примитив по природе своей эстетической реализации ориентируется не на «текст», а на нашу интерпретацию последнего, можно сказать, что он опирается на антиканон и, следовательно, апеллирует к трансформированной (анти-)традиции. В этом смысле искусство художников-самоучек образует нерасторжимое целое с породившей его культурой XX в. Югославский примитив как интернациональное явление демонстрирует открытый характер региональной художественной традиции на современном этапе, черпая живительные импульсы в народном искусстве.

Аналогичные судьбы изобразительного фольклора в художественной культуре XX в., его перерождение в массовую культуру индустриализированного общества, с одной стороны, и в продукцию разомкнутой эстетической системы — с другой, а главное — его проявление в форме современного примитива свойственны не только Югославии. Данный процесс можно проследить и на материале искусства Болгарии и Греции, что в пределах объема настоящего исследования не представляется возможным. Творчество «наивных» в этих странах органически влилось в русло региональной традиции. Отражая развитие этой традиции на базе современной эстетической мысли, оно выступает убедительным свидетельством общности исторических судеб народов, населяющих Балканы, их самобытных культур.

[1] См., например: *Шкуровская Н.* Народное самодеятельное искусство. Л., 1973; *Тананаева Л. И.* Сарматский портрет. М., 1979; *Прокофьев В. Н.* О примитиве.— Декор. искусство, 1981, № 4; *Матусовская Е. М.* Эндрью Уайес и традиция американской живописи.— В кн.: Советское искусствознание'74. М., 1975, с. 297—312; *Злыднева Н. В.* Творчество Ивана Генералича.— Сов. славяновед., 1982, № 4, с. 71—81.

[2] *Полевой В. М.* Искусство Греции. Новое время. М., 1975; *Он же.* Романтизм и фольклор, исторические параллели в искусстве Латинской Америки и Средневековья первой половины XIX в.— В кн.: Советское искусствознание'73. М., 1974, с. 185—192; *Львова Е. П.* Изобразительное искусство Болгарии эпохи национального Возрождения. М., 1975.

[3] Термин «низовая» культура (или искусство) используется в том смысле, в котором он впервые был употреблен М. Бахтиным. См.: *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле. М., 1965.

[4] См.: *Поспелов Г. Г.* М. Ф. Ларионов.— В кн.: Советское искусствознание'79. М., 1980, вып. 2, с. 248.

[5] В этом отношении интересен анализ поэтики XX в. в сравнении с барокко. См.: *Смирнов И. П.* Барокко и опыт поэтической культуры начала XX века.— В кн.: Славянское барокко. М., 1979.

[6] *Depolo I.* Zemlja, 1929—1935.— In: 1929—1950. Nadrealizam. Socijalna umetnost. Beograd, 1969, s. 41.

[7] Когда говорят о школах примитива в современной Югославии, имеют в виду скорее территориальные гнезда — отдельные села или группы сел, где особенно активно развивается творчество «наивных».

[8] Об исторических типах искусства, созданных «внутренней точкой зрения», и о самом термине см.: *Успенский Б. А.* Поэтика композиции. М., 1975.

[9] О народном театре у южных славян см.: *Толстой Н. И.* Элементы народного театра в южнославянской святочной обрядности.— В кн.: Театральное пространство: (Материалы научной конференции ГМИИ им. А. С. Пушкина). М., 1979, с. 308—326.

[10] Понятием «пассинарный взрыв» Л. Н. Гумилев обозначает эпохи резких скачков в историческом развитии см.: *Гумилев Л.* Пространство и Время Великой Степи.— Декор. искусство, 1979, № 5, с. 31—35.

inslav

Антифашистское искусство Болгарии и его международное значение

(Опыт сравнительного изучения)

Е. П. ЛЬВОВА

В истории болгарской художественной культуры существует ряд периодов особенно динамичного развития, в процессе которого содержание и пластический язык искусства обретают новые качества. Рождаются новые образы, меняется язык художественной выразительности. Именно таким явился этап зарождения и утверждения в болгарском искусстве 20—30-х годов XX в. нового героя, пролетария, антифашиста, вызванного к жизни революционной политической ситуацией, сложившейся во многих странах мира после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Антифашистское болгарское искусство — это мощный пласт народной культуры, которая имеет яркий художественный облик, отличаясь широтой своего размаха и разнообразием форм образного выражения. Это искусство родилось в стране, где в 1923 г. произошло первое в мире антифашистское Сентябрьское восстание. Столкнувшись лицом к лицу с фашизмом, болгарское пролетарское искусство заняло ясную боевую позицию. Возникнув, антифашистская тема прошла красной нитью через болгарское искусство XX в., оно отразило события, связанные с жестоким подавлением Сентябрьского восстания, репрессии, обрушившиеся на болгарский народ в 1925 г.; они вызвали к жизни революционную пролетарскую графику и поэзию, которые наполнились новым содержанием в период усиления сопротивления фашизму в 30-е годы, когда на весь мир прозвучал гневный голос Георгия Димитрова, с трибуны Лейпцигского процесса заклеймившего звериную суть и облик фашизма. Общественные и художественные позиции болгарского искусства окрепли в многогранных интернациональных связях в годы, предшествовавшие началу второй мировой войны. Творчество болгарских художников показало всему миру смелые образцы антифашистской графики, политической сатиры не только в самой Болгарии, но и за ее рубежами. Живописцы, графики, скульпторы Болгарии в 30-х годах утверждали в своих произведениях основы социалистического реализма. Не устрашившись тюрем и концлагерей, пыток и полицейских арестов, воспитанные в духе пролетарского интернационализма Коммунистической партией, болгарские художники воевали с фашизмом в годы войны, жертвуя жизнью во имя победы. В монументальных ансамблях и скромных памятных знаках, поставленных на братских могилах советских воинов и болгарских партизан, в настенных росписях, скульптурных группах и живописных полотнах, созданных художниками после освобождения от фашизма, продолжает жить антифашистская тема, найдя свое продолжение и в современном искусстве Болгарии. Она не только отражает всенародную благодарную па-

inslav

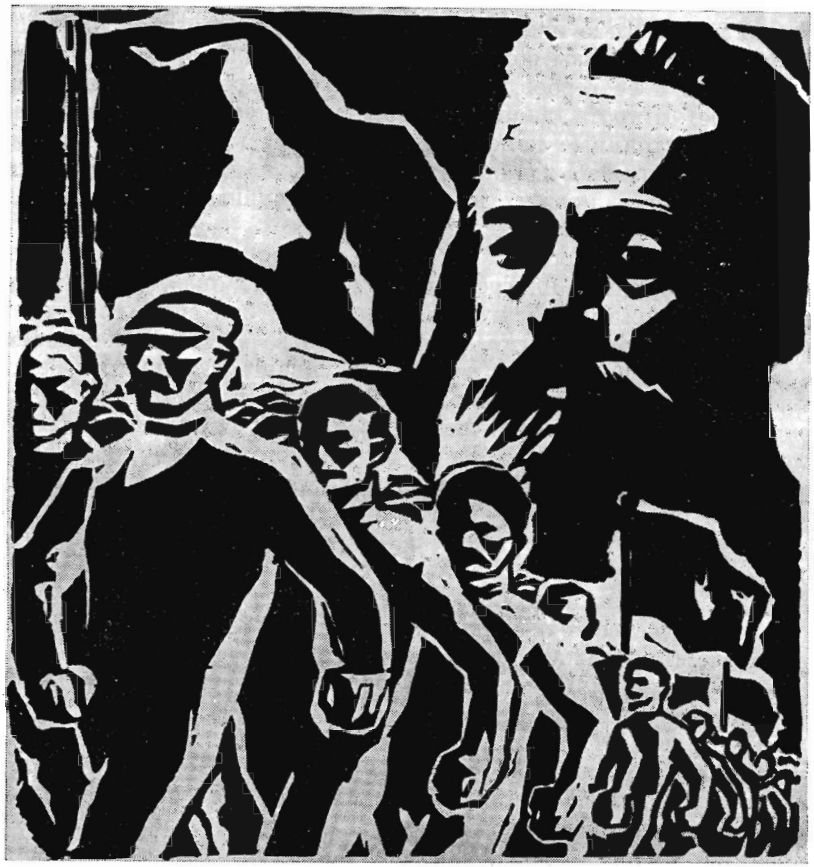
мять, но в искусстве наших дней наполняется новым содержанием, включая в себя образы борцов с неофашизмом, раскрывая трагедию народа Чили и ее героев, остро реагируя на революционные события в мире. Широта диапазона образов современного болгарского искусства, постоянные поиски правдивого раскрытия значительных социальных мотивов, ясная общественная направленность болгарского искусства основаны на тех прогрессивных художественных традициях, которые являются его основой.

В наши дни болгарская художественная культура заняла достойное место в мировой прогрессивной культуре, она прочно связана общими тенденциями с искусством других стран социалистического содружества. Изучая болгарское искусство во всем разнообразии его творческих проявлений, мы стремимся увидеть его место в системе революционных, интернациональных художественных связей, оригинальность болгарского искусства в развитии общих прогрессивных тенденций искусства XX в. Опыт болгарского антифашистского искусства, рассмотренный на нескольких этапах его развития, показывает, что оно, отражая революционный процесс и создавая образы героев-антифашистов, активно участвовало в этом процессе. По мере увеличения исторической перспективы отсеиваются второстепенные явления в историко-художественном процессе; антифашистское искусство, отражающее мужественный характер борющегося народа, продолжает свою жизнь, яснее выступают его основные грани, определяя место болгарского искусства в европейской прогрессивной культуре XX в.

Обилие разнообразного материала и все еще малая степень его изученности определили конкретную задачу данной работы: попытаться показать масштабы антифашистского искусства Болгарии в сравнительно-типологическом плане. Такой угол зрения поможет в дальнейшем увидеть болгарское искусство в различных аспектах: в системе других видов национальной художественной культуры, в соприкосновениях и взаимосвязях с эстетическими воззрениями, и прежде всего с литературой; в то же время болгарское антифашистское искусство с момента своего появления развивается в контактах с передовым искусством других балканских народов. Некоторые общие для региона закономерности развития искусства, давшие значительные художественные результаты, появляются именно в 20—30-х годах; наконец, активно включаясь в борьбу с фашизмом, болгарское искусство входит в интернациональное международное антифашистское движение, что ставит перед ним и новые задачи.

На первом этапе, в 20-е годы, характерные черты складывающегося пролетарского искусства Болгарии были определены конкретными событиями в стране и за ее рубежами. Развитие революционных тенденций было основано и на живых народных традициях демократической культуры, и том новом, что внесло в нее осмысление всемирного значения Октябрьской революции. Ясность и твердость общественных позиций и социальных воззрений художников, очень рано вставших на путь революционной борьбы за социалисти-

inslav

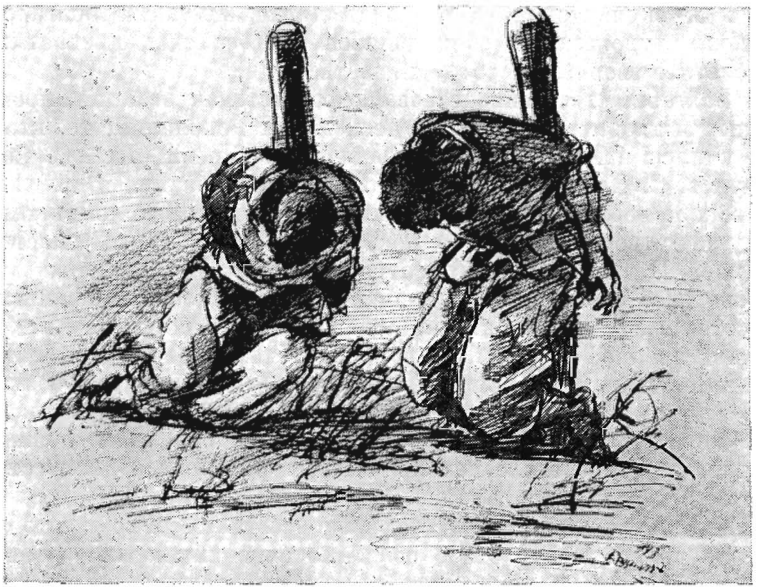


А. Жендов. Вождь. 1931 г.

ческие идеалы, их тесная связь с БКП и определили социально-гражданский облик пролетарской литературы и искусства, близкого к жизни, выражающего интересы трудового народа [1].

Художники рисуют образ пролетария как могучего, гордого человека, ему противостоят реакционные силы, враги народа — крупная буржуазия, монархо-фашисты. Перед искусством встают задачи изображения вполне реальных, сложных жизненных общественных конфликтов. Художники и писатели работают вместе, ощущая себя бойцами единого революционного отряда. Литература и искусство активно относятся ко всему происходящему в Болгарии и других странах мира, находясь в самой гуще общественных событий. На этом этапе самым важным видом изобразительного искусства является графика, особое место принадлежит политической карикатуре [2]. Новые тенденции проявились в юмористическом издании «Червен смях». Его редактировали К. Кюлявков и Х. Ясенов, со-

inslav



И. Бешков. Расстрел. 1943 г.

трудничали А. Жендов, С. Венев, И. Милев, Г. Писков, Д. Грынчаров. Постоянными сотрудниками журнала были Х. Смирненский, А. Каралийчев, А. Разцветников, Д. Осинин, а также многие выдающиеся, близкие к БКП прогрессивные писатели, художники, общественные деятели, работа которых помогла успешному завоеванию популярности и у многотысячной аудитории. Кроме того, «Червен смях» способствовал консолидации прогрессивных творческих сил, стал их центром; на страницах журнала регулярно печатались статьи и острые политические карикатуры на современные темы, пропагандировались идеи пролетарской солидарности, братской дружбы с народами Советского Союза. Журнал смело отстаивал завоевания Октябрьской революции и разоблачал происки международной империалистической реакции. Художники и поэты закалялись в столкновениях с полицией и цензурой. Когда же произошло антифашистское Сентябрьское восстание 1923 г., силы фашизма и реакции с безудержной жестокостью обрушились на «Червен смях». В период 1923—1925 гг. жертвами фашизма стали Гео Милев, Х. Ясенов, С. Румянцев, художники-коммунисты Д. Грынчаров и Г. Писков[3]. В условиях жесточайшего фашистского террора представители болгарской демократической интеллигенции объединили свои силы, многие талантливые художники были вынуждены скрываться в подполье, уехать в эмиграцию, перейти на нелегальное положение. Советская страна предоставила убежище многим болгарским антифашистам, среди которых были молодые художники А. Жендов, К. Кюлявков, В. Валев и ряд других графиков, живо-

inslav

писцев и скульпторов. Непосредственные контакты болгарских и советских художников, сложившиеся в 20-е годы, превратились в многолетнее творческое сотрудничество[4].

В Болгарии, где свирепствовала фашистская реакция, продолжали жить и творить художники нескольких поколений: те, кто в эти годы учился в Художественной академии (среди них — С. Сотиров, И. Фунев, С. Венев), и те, кто, получив образование в других странах, вскоре вернулся на родину и стал их единомышленником, и те, кто уже утвердил себя в искусстве оригинальным мастером,— И. Милев, П. Георгиев, В. Димитров-Майстора, И. Лазаров.

Говоря об особой роли и значении болгарского антифашистского искусства в 20—30-х годах как основной в прогрессивном искусстве, мы, естественно, не снимаем вопроса о тех разнообразных творческих направлениях и поисках, которые существовали в болгарской художественной культуре первых десятилетий XX в. Важно отметить то обстоятельство, что официальной салонной буржуазной культуре противостояло, очень быстро развиваясь, искусство социально острое, обладавшее своими пролетарскими идеалами. После жестокого подавления Сентябрьского восстания 1923 г. это размежевание двух культур стало особенно очевидным. Свое отношение к общественным событиям ясно выразили и те художники, которые искали в легендарных романтических и символических мотивах собирательный образ народа, порой наделяя его то патриархальными, то сказочно-фантастическими чертами.

В искусстве второй половины 20-х годов, в частности, в таком издании, как «Звънар» (1924—1925), работает И. Бешков, один из самых значительных графиков Болгарии. Именно ему принадлежат графические произведения, с особой трагической силой показавшие злодеяния фашистов на болгарской земле, их жертвы, и одновременно сатирически разоблачавшие звериную сущность и духовное ничтожество фашизма как реакционного международного явления.

Формы художественного выражения в искусстве, разоблачавшем фашизм, становились все более многообразными. И здесь можно говорить о необычайной яркости творческих поисков и решений — от метафоры, гротеска в скульптуре и графике, звучащей плакатно, до тонкой сатиры, трагического обобщения в живописи. В болгарском искусстве этой поры открыто и последовательно утверждается образ народа как подлинного героя, достигая вершин художественного синтеза в живописи, графике и скульптуре 30-х годов. Антифашистское искусство несло в себе активное творческое и общественное начало, определяя и основную эстетическую концепцию, утверждая на новом этапе прочные демократические принципы и цели прогрессивного болгарского искусства. Это развитие сжимается во времени, словно пружина, концентрируя все лучшее, передовое, что с такой силой выявилось в 30-х годах, войдя в европейское прогрессивное искусство как целостное художественное явление со своим ярким социальным обликом и художественными тенденциями.

В своем развитии болгарское искусство соприкасалось с антифашистским искусством других стран, сближаясь с отдельными его

inslav

тенденциями, или, напротив, отталкивалось от них. Это был процесс активного взаимодействия. Болгарские мастера, окунаясь в атмосферу культуры других стран, участвовали в общем культурном процессе, воспринимали и творчески перерабатывали те тенденции, которые им были особенно близки. Именно поэтому антифашистское, гражданственное искусство прославленных немецких художников (К. Кольвиц, Э. Барлаха, О. Дикса, Г. Гросса, Д. Хартфилда, Г. и Л. Грундигов), подвергавшихся преследованиям фашистской реакции у себя на родине, было особенно живо и творчески воспринято болгарскими художниками.

Творчество талантливого болгарского графика Б. Ангелушева, много лет работавшего в труднейших условиях Германии под псевдонимом Бруно Фук, органически вписалось в историю антифашистского немецкого искусства. Другой пример — взаимодействие с советским искусством (и в первую очередь плакатами окон РОСТА, традициями революционного искусства Маяковского, Моора, советской живописью, графикой, поэзией первого в мире социалистического государства во всем его богатстве) таких художников, как, например, А. Жендов. Хорошо знакомый с тенденциями прогрессивной европейской культуры, А. Жендов получил образование в Москве, во ВХУТЕМАСе. Свой опыт и разносторонний талант художник внес в болгарское искусство, создав незабываемые героические образы В. И. Ленина, Э. Тельмана, Д. Благоева, серию ярких антифашистских рисунков, перекликающихся с работами Д. Моора, К. Кольвиц, Г. Зиндберга своей лаконичностью, остротой мысли и точностью графического исполнения. Агитационно-пропагандистская основа диктовала художнику плакатную форму его произведений. В тех же случаях, когда А. Жендов работал над серией картин, посвященных жертвам капиталистического города — детям, истощенным непосильным трудом, изнуренным голодом, он рисовал многогранные их образы в конкретной обстановке.

В эти годы болгарские художники находят своих единомышленников в разных странах мира. Так, например, устанавливаются контакты прогрессивных болгарских художников с белградским художественным обществом «Живот» («Жизнь»), загребским объединением «Земля»[5]. Они организуют совместные выставки, объединенные общей задачей: правдиво показать картины из жизни трудового люда. В то же время известный болгарский график К. Кюлявков совместно с советским художником, мастером политического плаката Д. Моором разрабатывает проект создания международного рабочего журнала «Пролетарская графика». В проекте предлагалось привлечь всемирно известных художников, писателей, поэтов для работы в журнале: А. Барбюса, В. Маяковского, А. Безыменского, К. Кольвиц, Г. Гросса, Б. Уитца, У. Гроппера, Мазереля и др.[6] Идея интернационального единства пролетарских художников, консолидация передовых творческих сил, объединяющихся против фашизма и наступления реакции, волновали многих прогрессивных деятелей культуры. Явления, происходившие в искусстве 30-х годов других балканских стран, в частности в Греции[7]

inslav

и Румынии, свидетельствовали о повороте многих художников к пролетарской тематике, о формировании сложной системы взглядов на искусство как одну из форм революционной идеологии пролетариата[8].

В начале 30-х годов живопись, скульптура и графика Болгарии заключают конкретные реалистические образы действительности. Герои показаны художниками в повседневной трудовой жизни, с индивидуальными характерами и внутренним миром. Через них ясно просматриваются общие тенденции революционного, антифашистского искусства. К этому времени складывается и сама концепция образа героя, борца за народные идеалы. Он обогащается, становится сложнее и содержательней. В 30-х годах болгарское прогрессивное искусство, накопив определенный художественный опыт, вплотную подходит к осознанию и приятию социалистического реализма как метода познания действительности. Гуманизм, лежавший в его основе, уже получивший в те годы яркое художественное воплощение в многонациональном советском искусстве, противостоял темным силам буржуазной реакции, фашистского насилия. Именно в эти годы и создается Общество новых художников, объединившихся на общей идейно-художественной платформе «художественного реализма», названное так по конспиративным соображениям. Салонному буржуазному искусству было противопоставлено творчество молодых художников, посвятивших себя всецело революционному, боевому искусству, показывающему суровую правду жизни и его истинных героев. Антифашистская направленность пронизывала и творческую, и общественно-политическую деятельность общества[9].

Организаторами широкой пропаганды новых идей, образов и выразительных средств выступили художники А. Жендов, С. Сотиров, И. Фунев, С. Венев, Н. Шмиргела, К. Цонев, Б. Иванов, М. Цончева, И. Ненов и другие живописцы, скульпторы и графики. Одновременно появились и новаторские произведения И. Бешкова, И. Петрова, Н. Балканского, М. Маркова, Д. Узунова, З. Бояджиева, В. Стайкова, В. Емануиловой, М. Георгиевой. Их искусство, столь различное по характеру изобразительных средств, обладало новаторской социальной силой.

Утверждая характер нового героя современности — сознательного борца, пролетария, его силу, образы прогрессивной творческой интеллигенции, правдиво рисуя картины стачек и борьбы за свободу, болгарские художники последовательно выступали в одном ряду с мастерами пролетарского антифашистского искусства других стран мира. В своей известной серии графических работ, посвященной гражданской войне в Испании, И. Петров исходил из великих традиций Домье и Гойи, наглядно реализуя безграничные возможности творческого освоения великих традиций мирового художественного наследия. Сатира и злободневная агитация — одна из сторон болгарского антифашистского искусства. Другая — героическая, связанная с размахом революционных сил народных масс, здесь есть широта обобщения, звучит пафос гражданственности. В то же время в болгарском искусстве межвоенного двадцатилетия стойко живет та ли-

inslav

ния искусства балканского ареала, которую называют фольклорной.

Сопоставляя болгарское искусство с работами художников этого же направления в Греции и Югославии, мы отмечаем в них много общего: речь идет о стремлении сохранить в искусстве XX в. поэтику фольклора, особенно важную для балканских народов, долгие годы боровшихся за национальное освобождение. Иконографические особенности произведений этого ряда, их типологические черты нуждаются в особом рассмотрении. Отметим здесь следующее: творчество таких болгарских художников, как Ц. Лавренов, В. Димитров-Майстора, З. Бояджиев, утверждало красоту и незыблемость народных традиций и образов, художники воспевали величие и художественное совершенство памятников древней Болгарии, запечатлевая архитектуру старинных монастырей и образы городов эпохи национального Возрождения. Но в годы антифашистской борьбы Ц. Лавренов создал свое известное произведение — картину «Сентябрь 1923 г.» (1932), в которой изобразил болгарскую крестьянку, оплакивающую казненных сыновей,— одно из самых ярких произведений, содержащих смелое осуждение фашизма. В те же годы были созданы героические образы болгарских крестьян В. Димитрова-Майсторы, а затем и многофигурные полотна З. Бояджиева, по-новому увидевшего и показавшего революционный порыв болгарского крестьянства.

Н. Шмиргела. Никола Вапцаров. 1967 г.

Начало второй мировой войны, вероломное нападение гитлеровской Германии на Советский Союз и начало Великой Отечественной войны советского народа с фашизмом резко активизировали антифашистские силы мастеров искусства во всем мире, открыв новую страницу и в истории антифашистского искусства. Оно явилось живым протестом против жестокости, варварства, разрушений, которые нес фашизм всему человечеству. Под угрозу были поставлены все великие завоевания мировой культуры и сами их создатели. Советское искусство во всех своих видах включилось в борьбу с фашиз-

inslav

мом, выражая общенародное отношение к событиям. Объединяли свои силы и многие художники-антифашисты разных стран мира. Искусство Сопротивления принимало все более широкий размах, обретая черты интернационального характера: речь идет о качественно новых явлениях прогрессивного искусства как социально-политического и художественного явления.

Огромные общественные потрясения, носившие глобальный характер, вовлечение в борьбу с фашизмом миллионов людей различных стран и народов способствовали активизации передового искусства, в котором переплетаются национально-патриотические и интернациональные черты. Антифашистское искусство становится генеральной линией мировой прогрессивной культуры. В эти годы серьезным и суровым испытаниям подверглись болгарские писатели и художники. Многие из них были арестованы и брошены в тюрьмы, попали в концлагеря и были расстреляны. Но все лучшие силы передовой художественной интеллигенции Болгарии объединяли свои силы для борьбы с фашизмом. С. Сотиров, друг и соратник Н. Вапцарова, был арестован и заключен в концлагерь. Мужественного художника не сломили пытки и допросы. В самых тяжелых условиях художник-антифашист создавал свои графические работы, полные страшной правды. Этот своеобразный дневник — один из ярких художественных документов антифашистского искусства.

В те же годы создавали свои рисунки и карикатуры С. Венев и И. Бешков. С. Венев вел постоянную борьбу с болгарской реакционной буржуазией, бичуя ее нравы, высмеивая фашистских заправил в своих политических карикатурах; его графические работы исполнены едкой иронии и сарказма. Работы С. Венева несут в себе яркие, убийственные для врагов социальные обобщения — это короткие рассказы с конкретным сюжетом. В сентябрьские дни 1944 г. С. Венев принимал участие в народном восстании с оружием в руках[10]. Выдающийся художник-философ И. Бешков создал целую серию антифашистских произведений — это рисунки тушью, пером, акварели, разоблачавшие в гротескной форме звериный лик фашизма (серия «Блокада»). И. Бешков оставил работы, многозначные по гамме чувств и мыслей. В его емких по мысли работах есть большой внутренний трагизм, особенно в сценах, изображающих народных героев-повстанцев в момент расстрела, страдания их матерей[11].

Болгарские художники разных поколений — Б. Ангелушев, А. Поплилов, М. Бехар, Н. Мирчев, А. Петров, Б. Иванов, С. Сотиров — правдиво и ярко отразили антифашистскую борьбу болгарского народа; они раскрывали ее как всенародное, мощное движение, в котором принимали участие тысячи людей, становившихся сознательными борцами за народное дело, за освобождение страны от фашизма. Нередко художники рисуют моменты боя, схватки, стремительное движение вперед, предвещающее победу; особое место занимает партизанская тема, художники рисуют образы болгарских партизан и их помощников — крестьян.

Антифашистское искусство Болгарии имело тесные идейно-художественные связи с прогрессивным искусством соседних балкан-

inslav

ских стран. С огромным мужеством вели борьбу с фашизмом художники Югославии. Среди них — М. Детони, принимавший непосредственное участие в войне, что нашло отражение в его серии экспрессивных гравюр 1941—1942 гг. В них художник показывал жестокость гитлеровцев, страдания тех, кто, подобно ему самому, познал пытки и жестокие испытания. В партизанских отрядах народно-освободительной армии сражался художник Ф. Мраз; Д. Андреевич Кун, ранее принимавший участие в гражданской войне в Испании, автор серии работ «За свободу», создал в 1941—1945 гг. рисунки, раскрывавшие борьбу и повседневную жизнь югославских партизан. Д. Андреевич Кун явился автором и ряда полотен, в которых рассказал о страшной жизни тех, кто попал в фашистские застенки. Образы людей, мужественных и сильных духом, ставших активными борцами с фашизмом, создали в своих рисунках и офортах Б. Якац, Н. Пирнат, И. Шубиц. Талантливый художник М. Вириус, автор известных произведений о народной жизни, был расстрелян фашистами в концлагере в 1943 г. Личное участие в войне явилось основой жизненно правдивых скульптурных образов. Непосредственные впечатления И. Радауша отразились в скульптурах «Раненый», «Гранатометчик», «Похороны партизана» [12]. Это были работы драматические, исполненные суровой жизненной правды, эмоционального напряжения. Отметим общие черты указанных произведений с работами греческих художников, внесших свой важный вклад в искусство Сопротивления, искусство борьбы с фашизмом. С особенной силой выразились антифашистские тенденции греческого искусства в графике — в экспрессивных графических работах передаются ужасы войны, страдания, которые она несет народу. Патриотическим призывом звучали гравюры и политические плакаты В. Катраки и Я. Кефалиноса. Многие греческие художники вступили в ряды народно-освободительной армии и с оружием в руках боролись с фашистскими захватчиками, прошли через тюрьмы и концлагеря. Антифашистская тема греческой поэзии нашла свой отзвук в графике (гравюры С. Василиу).

В те же годы с рядом острых работ выступили и передовые румынские художники. Упомянем выразительный плакат Г. Густи «Вперед, борьба продолжается», созданный в 1944 г., и полную глубокого драматизма линогравюру Г. Вида «Из лагеря в лагерь».

Говоря о творчестве художников-антифашистов Болгарии, Югославии, Румынии, Греции, мы выделяем его как особую страницу в истории культуры каждого из балканских народов и в то же время говорим об их вкладе в европейскую прогрессивную культуру. Художники-антифашисты оставили после себя рисунки, выполненные в концлагерях, на клочках бумаги, являющиеся бесценными документами их мужества, духовной стойкости. До нас дошли их записки и дневники, зарисовки с натуры, сделанные в партизанских отрядах, антифашистские плакаты и листовки, созданные от руки и затем тайком расклеенные на стенах домов оккупированных городов, политические карикатуры, напечатанные в коммунистических изданиях. Художники, создававшие их, подвергались смертельной

inslav

опасности, но мы видим в них моральную силу, мужество, страсть подлинных борцов за правое дело.

В годы борьбы с фашизмом объединились, встали плечом к плечу мастера искусства разных школ и поколений. В своем творчестве они неизменно исходили из традиций национальной художественной школы своей страны, сохраняя ее особенности. Но в то же время работы этого периода имеют и много общих точек соприкосновения. Они спаяны единством гражданственных и творческих целей, ясностью мысли и чувства. За строгим лаконизмом художественного языка графики стоит правдивость документа, желание авторов сохранить для истории облик мужественных людей, ее творивших, конкретную обстановку, в которой они жили и боролись.

Как правило, графики целенаправленно опускают подробности, ограничиваясь передачей самого главного. Если графическая работа связана с текстом (в карикатуре или плакате), то художник стремится спаять их в единое целое, объединить в решении единой задачи. Отсюда порой и та жесткость и лаконизм, которые сближают эти произведения, при неизменной ясности в передаче образа, темы, сюжета. Общность в решении общественно-нравственных задач не мешает им быть разнообразными по своему конкретному художественному решению: экспрессивным, романтичным, реалистически-правдивым, гротескным.

Новый этап развития искусства, начавшийся после разгрома фашизма, был насыщен историческими событиями и переменами, которые нашли свое яркое отражение в художественной культуре.

В болгарское искусство за последние четыре десятилетия пришли новые поколения художников, воплотивших в своих произведениях облик и характер строителей нового социалистического общества. Но тема борьбы с фашизмом, история героической борьбы народа продолжают жить в искусстве художников всех поколений. Их неизменно вдохновляет память о народном подвиге, духовной силе и мужестве тех, кто боролся за свободу.

В 50-е годы в Болгарии был создан ряд памятников павшим героям (работы скульпторов И. Фунева, В. Радославова, С. Тодорова, М. Георгиевой, В. Емануйловой) [13]. Болгарским ваятелям предстояло работать над монументальными комплексами, решая новые сложные задачи синтеза различных видов искусств. И хотя монументальная болгарская скульптура ранее не имела значительных традиций, уже первые созданные в Болгарии памятники раскрыли многие основные тенденции болгарского прогрессивного искусства в целом: правдивость, глубокое проникновение в героические характеры, мастерство исполнения памятников, созданных в разнообразных материалах. В те же годы были созданы монументальные настенные росписи на тему антифашистской борьбы И. Петрова, его полотна «Партизаны в засаде», «Расстрел», написаны «Связная партизан» Н. Балканского, «Встреча», С. Венева, а также картины, плакаты и графические произведения С. Сотирова, Б. Иванова, Б. Ангелушева, А. Жендова, А. Поплилова, М. Бехара, З. Бояджиева, Д. Узунова и других болгарских художников.

inslav

С. Русев. Хлеб для отряда. 1972 г.

Уже в первые годы после окончания войны во всех странах началось сооружение памятников героям войны, среди них были и те, которые ставились как временные, в дни различных революционных празднеств, манифестаций и собраний. Другие были задуманы и решались как монументальные по своему характеру. В каждой из балканских стран памятники, естественно, отражают традиции, художественный опыт данной страны и народа, так же как и уровень развития того или иного вида или жанра искусства национальной художественной школы[14]. Но есть в искусстве этого периода то общее, что их объединяет, дает основание для сравнения: это демократический революционный пафос, показ решающей роли народа, освободившегося от общего врага — фашизма и обретшего свободу. Словно открылись горизонты нового художественного восприятия мира, и художники увидели вновь героев антифашистских битв в их величии, стремясь глубже осмыслить их подвиг в связи с судьбами народов других стран мира.

В данном случае мы не касаемся некоторых важных вопросов, например стилевых эволюций. Отметим лишь, что реалистическая форма передачи конкретных исторических событий недавнего прошлого свободно переплетается с романтически-приподнятой и лишь в отдельных случаях в эти годы дается метафорическое решение образов; экспрессивность, ясно проявившая себя в болгарской антифашистской графике, нетипична для скульптуры 50-х годов. В то время были созданы, например, такие работы, как памятник болгарским партизанам в г. Златица И. Фунева и ансамбль в Софии в честь воинов Советской Армии, павших в боях за освобождение Болгарии

inslav

В. Старчев. Расстрел. 1973 г.

(автор центральной группы — М. Георгиева и В. Емануйлова). В последующие годы были также воздвигнуты монументальные памятники в других городах, уже вошедшие в историю болгарской монументальной скульптуры. В Румынии в 1945—1946 гг. были сооружены монументы воинам Советской Армии в г. Бухаресте (автор — известный румынский скульптор К. Бараски), в г. Яссы (автор — Б. Караджа). Выдающийся югославский скульптор А. Августинич в эти же годы (1945—1947) работал над созданием монументальной скульптурной группы на месте встречи частей Советской Армии с воинами югославской народно-освободительной армии в Батиной скеле на Дунае. Это монументальное сооружение, включающее символическую фигуру Победы и группы устремившихся в движении бойцов, были созданы зрелым мастером, скульптором-монументалистом, последователем И. Мештровича, в лучших традициях национальной художественной школы.

Л. Долинар завершает в те же годы памятник патриотам, расстрелянным в Яинцах. Иной была судьба прогрессивных художников Греции. В 1946—1949 гг. в стране вспыхнула гражданская война, и они оказались в концлагерях или были вынуждены эмигрировать. Так, известный греческий скульптор А. Макрис уехал в Венгрию и создал в этой стране ряд монументальных произведений.

Портреты героев Великой Отечественной войны, памятники советским воинам, сражавшимся за свободу народов, попавших в фашистскую оккупацию, были в те годы и в последующий период сооружены многими выдающимися современными скульпторами. На мрачных местах концлагерей — в Бухенвальде, Освенциме, Маутхаузене, Майданеке возникли памятники в память сотен тысяч жертв фашизма. Мемориалы были сооружены в городах-героях Советского Союза и тех местах, где фашистские палачи расстреляли или сожгли местных жителей. В Хатыни, Лидице, Саласпилсе и многих других городах и селениях были созданы за последние десятилетия памят-

inslav

Т. Вырбанов. Соколы. 1979 г.,

ники советскими, немецкими, югославскими, венгерскими, болгарскими, чешскими, словацкими, польскими мастерами.

В 60—80-х годах болгарское искусство переживает период обновления и подъема, освободившись от известной скованности и повествовательности. Историко-революционная линия обогащается и расширяет свои границы. Многие художники стремятся глубже, по-новому осмыслить и выразить свое отношение к событиям революционного прошлого. Для некоторых художественных решений социалистических стран свойственны полифоничность, стремление к философскому осмыслению событий. Такой подход характерен и для некоторых произведений болгарских авторов — С. Русева, С. Сотирова, В. Старчева, К. Тасевой, Т. Вырбанова и других живописцев, скульпторов, графиков, идущих к монументальным образным решениям [15]. Другие художники Болгарии обращают особое внима-

inslav

ние на достоверность в передаче атмосферы революционных событий, стремясь с особой, порой документальной точностью воспроизвести ее во всех деталях, показав образы героев-антифашистов в повседневной жизни. Это рассказ, цепь воспоминаний или монолог художника — прием, характерный и для современной болгарской литературы (работы И. Димова, С. Куюджиева, Хр. Брайкова и др.). Образная трактовка передачи антифашистской борьбы, характер участников Сопротивления могут быть различны, например определенная экспрессивность свойственна произведениям Д. Кирова, Й. Левиева, С. Гацева, А. Пацева.

Продолжает свою жизнь в творчестве болгарских мастеров нескольких поколений и фольклорная линия — от С. Венева до Р. Неделчева[16]. При всем многообразии творческих поисков болгарских художников наших дней объединяет основное: они постоянно внимательно всматриваются в человеческие характеры, анализируют их, стремясь глубже проникнуть в психологию своих героев, в историю родины. Об этом свидетельствуют живописные портреты Н. Ванцарова, Б. Дановского, А. Жендова, созданные С. Сотировым, скульптурные портреты Г. Димитрова, Ц. Радойнова, В. Хары работы Д. Остоича, скульптурные произведения В. Минекова, А. Апостолова, Д. Бойкова, М. Георгиевой, С. Тодорова и др., а также графические листы Х. Нейкова, П. Чуклева, Ю. Минчева, Р. Скорчева, Т. Панайотова, З. Дыбовой, Т. Атанасова и многих молодых авторов, принявших эстафету традиций революционного гуманного искусства[17].

В наши дни болгарская художественная культура развивается в постоянных, живых контактах с искусством других стран мира, обогащаясь прогрессивным опытом и щедро делясь с ними своим. Болгарское искусство находит путь к сердцам людей на родине и за ее рубежами, так как оно несет в себе значительные идеи и образы людей мужественных и значительных, утверждая силу человека, победу самых передовых идей современности. И пока в мире идет жестокая борьба с неофашизмом, колониализмом, болгарские художники продолжают вести с ними активную борьбу, внося свой вклад в прогрессивное, революционное искусство XX в.

[1] Д. Ф. Марков, анализируя развитие болгарской литературы первых десятилетий XX в., проблему своеобразия реализма в его соотношении с другими творческими методами, выделяет мысль об особой интенсивности происходивших в литературе процессов. В частности, он указывает на раннее зарождение и формирование пролетарской литературы как самостоятельного течения. См.: *Марков Д. Ф.* Генезис социалистического реализма. М., 1970, с. 157—158. Общую оценку процессов развития пролетарского искусства см. в кн.: Развитие социалистического искусства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1979.

[2] *Остоич Д.* Из борбата за социалистически реализъм в българското изобразително изкуство. С., 1967; *Дончева М.* Прогресивни тенденции и направления в българското изобразително изкуство.— В кн.: Революция и изкуството. С., 1970, с. 134; *Львова Е.* Искусство Болгарии. М., 1971, с. 148—150.

[3] *Божков А.* Художници-антифашисти. С., 1956; *Он же.* Болгарская революционная графика. С., 1958.

inslav

[4] *Львова Е. П.* Из наследия Александра Жендова.— Сов. славяновед., 1969, № 1; *Она же.* Болгарское изобразительное искусство межвоенного двадцатилетия.— Сов. славяновед., 1966, № 5.
[5] *Львова Е. П.* Стоян Сотиров. М., 1978, с. 30—32; *Остоич Д.* Слово за новите художници.— Изкуство, 1982, № 5, с. 6.
[6] *Львова Е. П.* Из истории болгарской ленинианы.— Сов. славяновед., 1969, № 5; *Она же.* Из истории русско-болгарских художественных связей 20—30-х годов XX в.— В кн.: Формиране и развитие на социалистическата култура в България. С., 1971.
[7] *Полевой В. М.* Искусство Греции. Новое время. М., 1977.
[8] *Кузьмина М. Т.* Искусство Румынии. М., 1969; Каталог международной художественной выставки «30 победных лет». М., 1975, ч. 1, с. 10, 13, 15, 16, 19.
[9] *Русев С.* Уроци на Новите художници.— Изкуство, 1982, № 5, с. 8—9.
[10] *Львова Е. П.* Стоян Венев. М., 1968; *Дончева М., Воейкова И., Иванова В.* Современное искусство Болгарии. М., 1974.
[11] *Чуховски П.* Илия Бешков: Предисловие к альбому. С., 1980.
[12] *Trifunović L.* Od monumentalnog do intimnog, od herojskog do poetičkog.— NIN, Beograd, 1964, 26.I; 1929—1950: Nadrealizam, postnadrealizam, socijalna umetnost, umetnost NOR-a, socijalistički realizam. Muzej savremene umetnosti. Beograd, 1969; *Stele F.* Petdeset let jugoslovanskog slikarstva, 1900—1950.— In: Katalog. Beograd, 1953, sept.; *Radauš V.* O radu likovnih umjetnika u narodnooslobodilačkoj borbi.— Novi list, Rijeka, 29, 30.IX i 1, 2, 3.X 1966.
[13] *Иванова В.* Българска монументална скулптура. С., 1978.
[14] *Валериус С. С.* Скульптура нового мира. М., 1970.
[15] Съвременна българска живопис: Албум. С., 1969; *Львова Е. П.* Светлин Русев. М., 1981; *Степовик Д. В.* Сучасне образотворче мистецтво Болгарії. Київ, 1978.
[16] *Львова Е. П.* Художественный опыт современного болгарского искусства и некоторые тенденции его развития.— В кн.: История и культура Болгарии. М., 1981.
[17] *Русев С.* Развитието на Априлската линия в пластическите изкуства. С., 1982.

Жанрообразующие принципы прозы И. Андрича

О. Л. КИРИЛЛОВА

Иво Андрич, крупнейший писатель XX в., лауреат Нобелевской премии,— одна из центральных фигур югославской литературы, определяющая во многом ее лицо, художественный уровень традиции. Творчеству Андрича посвящена огромная литература, видимо уже в несколько раз превышающая по объему последнее наиболее полное 16-томное собрание его сочинений, изданное в 1976—1977 гг. усилиями пяти основных издательств Югославии. Среди статей, эссе и монографий (большая часть которых принадлежит югославским ученым) преобладают работы, посвященные выяснению философских, эстетических истоков творчества Андрича, проблем истории, взаимодействия личности и среды, сосуществования двух миров — Запада и Востока на страницах его произведений и различных интерпретаций этих аспектов[1]. В СССР большинство работ, посвященных И. Андричу, написаны как предисловия к переводам его сочинений. Их авторы представляют творчество писателя крупными мазками. Но и в рамках этого жанра ощутимо движение исследо-

inslav

вательской мысли в сторону все более углубленного понимания художественного материала. В работах советского исследователя Н. Б. Яковлевой Андрич впервые в отечественном литературоведении поставлен в контекст исканий современной югославской и мировой литературы [1α].

Но при всем многообразии проблем и аспектов в изучении творчества писателя в литературе о нем, на наш взгляд, существует явный пробел: практически неисследованным остается круг вопросов, связанных с жанровым своеобразием произведений Андрича, хотя многие авторы так или иначе касались этой проблематики.

При этом многие исследователи творчества Андрича вольно или невольно отмечали редкую цельность философско-эстетических взглядов писателя, которые, по их мнению, не знают заметной смены или эволюции идей. Эта мысль звучит либо в самом общем виде, либо конкретизируется, когда речь заходит о тяготении писателя к мифу, легенде, о постоянстве многих мотивов, тем и образов в его творчестве.

Действительно, большинство произведений И. Андрича строится на материале истории Боснии, едва ли не уникального места в Европе, с чрезвычайно пестрым населением, на территории которого веками сосуществовали ислам, католичество, православие, иудаизм. Босния вынесла иго Османской империи и монархии Габсбургов, до нее докатывались волны наполеоновских войн. Этот сложный исторический, национальный, религиозный конгломерат становится для Андрича предметом пристального изучения, ему удается поднять рассказ об узконациональном, всегда основанный на точно выверенном историческом материале [2] и наполненный легко узнаваемыми реалиями местного бытования, до уровня общечеловеческих интересов, вдохнуть в него объемность повествования о проблемах непреходящих. И все же точка зрения об однородности философско-эстетических решений в творчестве Андрича представляется односторонней. Обращение к одним и тем же идеям, темам, мотивам, образам определялось не простым возвращением к ним, но потребностью расширить, дополнить, углубить уже найденное Андричем, всякий раз заново осмысливающим в процессе художественного воплощения «привычные» темы и образы, которые становились материалом для выражения каких-то иных, новых аспектов его понимания мира.

Эволюция художественного мышления писателя становится наиболее очевидной, если подойти к ней с точки зрения поисков формы, наиболее адекватной данному уровню его творческого развития, при обращении именно к жанровому своеобразию его произведений, в частности к процессу модификации цикла новелл, основного компонента жанровой структуры крупных прозаических форм у Андрича.

В этой связи нам представляется возможным выделить три этапа. В первом из них, «дороманном», нас в первую очередь будет интересовать конец 30—40-х годов, когда создавались новеллы, объединяемые образом католического монаха фра Петара: «Туловище» (1937), «Чаша» (1940), «На мельнице» (1941), «Шутка на Самсари-

inslav

ном заезжем дворе» (1946), «Проклятый двор» (1954) *, которые наиболее характерны для типа циклизации, названного нами «ретроспективным». Андрич никогда не объединял эти новеллы в отдельный цикл и не публиковал под общим названием, поэтому цикличность здесь выявляется ретроспективно при соотнесении новелл по мере их написания и публикации и не становится еще функционально значимым приемом для художественной системы всей группы произведений.

Но, несмотря на это, они, по нашему мнению, представляют собой определенную художественную цельность не только благодаря сквозному герою-повествователю и связанной с ним сюжетно-композиционной и тематической общности, но и благодаря единой художественной задаче: здесь во взаимодействии авторского начала с образной структурой произведений [3], составивших цикл, формировалась та повествовательная манера Андрича, которая затем легла в основу его романов, а наиболее полно выкристаллизовалась в книге «Дом на отшибе».

Ко второму этапу относятся романы Андрича «Мост на Дрине» и «Травницкая хроника», которые представляют собой два пути в развитии романного жанра у Андрича. Третий период охватывает послевоенное творчество. Наиболее интересно единственное крупное произведение этого времени — новеллистический цикл «Дом на отшибе» (1976) [4].

На протяжении всего творческого пути писатель последовательно шел от «простейшего» объединения группы новел в цикл к расширению границ этого жанра за счет их сложного синтеза в романную форму и, наконец, в «Доме на отшибе» происходит возвращение к циклу как бы на следующем витке развития его творчества; перед нами уже не «ретроспективная» циклизация, а циклизация, ставшая важным компонентом художественной системы произведения в целом.

В апреле 1942 г. Андрич закончил роман «Травницкая хроника» и тут же начал работу над романом «Мост на Дрине», который был завершен к концу 1943 г. Оба романа опубликованы одновременно в 1945 г., сразу после освобождения Белграда от оккупантов, и отражают всю сложность размышлений писателя над вопросами исторического развития народов, представляя как бы две стадии в процессе постижения им этой проблематики на пути от частного к общему.

Андрич принадлежал к художникам, тяготевшим к осмыслению современной действительности посредством анализа событий далекого прошлого. В речи, произнесенной писателем в Стокгольме в 1961 г. по случаю вручения ему Нобелевской премии за роман «Травницая хроника», Андрич сказал: «...существует мнение, согласно которому истинно писать о прошлом — значит пренебречь современностью и в какой-то мере повернуться спиной к жизни.

* Специалисты считают, что автор писал это произведение с 1928 по 1952 г.

inslav

Думается, что создатели исторических произведений не согласились бы с этим, и прежде всего потому, что и сами в действительности не знают ни как, ни когда переносятся из того, что мы зовем настоящим, в то, что считаем прошлым... Кроме того, разве в прошлом так же, как и в современности, мы не сталкиваемся с подобными событиями и теми же проблемами?» [5].

В романе «Травницкая хроника» Андрич обращается к истории Боснии, в частности к тому периоду ее развития, когда волей исторических судеб она косвенно оказалась втянутой в эпопею наполеоновских войн. В основе повествования семь лет (1807—1814) жизни Травника, когда французские и австрийские консулы делили там власть с турецкими визирями. История взаимоотношений консулов и их семей проходит на фоне европейских событий того времени (возвышение и падение Наполеона и султана-реформатора Селима III), отражавшихся на судьбах их подданных, в том числе консулов и визирей. Непосредственного описания этих событий в романе практически нет, все европейские события даются в тексте в той форме, которую они неизбежно принимают вследствие отдаленности Травника от столбовых дорог истории,— в восприятии и пересказе персонажей хроники и в описании тех новшеств, которые и свидетельствуют в повествовании о причинах, их породивших.

Стремление проанализировать важный, переломный этап в истории Боснии, взятый относительно локально от общего хода истории этого края, определило особенности романа: с одной стороны, Андрич здесь пристально вглядывается в каждую отдельную судьбу, подробно прослеживая ее связи с окружающим миром и людьми; с другой — небольшой отрезок времени, как бы замкнутый в своей обособленности, позволяет автору сделать основной акцент на отчужденности Травника, который на протяжении многих веков был огражден от мира, что и породило застойную неподвижность его жизни. Казалось бы, на первый взгляд, события, бушующие в Европе, произвели здесь не бóльшее впечатление, чем камень, брошенный в стоячую воду.

Роман обрамляют пролог и эпилог с описаниями беседы турецких бегов, обсуждающих вначале предстоящее прибытие консулов в Травник, а затем их отъезд. «Ничья звезда не горела до зари, не будет гореть и этого»,— так заключает старейший в городе Хамди-бег длинную беседу горожан о предстоящих изменениях в жизни Травника [6]. Его же слова завершают эпилог романа. «Семь лет,— произносит Хамди-бег, задумчиво растягивая слова.— А помните, сколько волнений и шума было тогда из-за этих консулов и этого... этого Бонапарта? И тут Бонапарт, и там Бонапарт. Это ему требуется, того он не хочет. Мир ему тесен, силе его нет границ и нет ему подобного... Ну что же, было да сплыло... И все опять по воле божьей пойдет, как шло спокон веков» [7]. Здесь явно намечена ассоциативная связь с древневосточной философией («Что было, то и будет, и что творилось, то творится, и нет ничего нового под солнцем. Бывает, скажут о чем-то: смотри, это новость! А уже было оно в

inslav

веках, что прошли до нас»[8]). Это дает возможность некоторым исследователям творчества Андрича абсолютизировать подобные мотивы, рассматривая их как свидетельства пессимистического мировоззрения писателя. С этим трудно согласиться, во-первых, потому, что на фоне событий 1942 г., когда писался роман «Травницкая хроника», эта мысль наполнялась своим гуманистическим содержанием, приобретая характер приговора над, казалось бы, торжествующим злом, напоминая о его недолговечности. Во-вторых, думается, что такое толкование романа возможно лишь при полном отождествлении авторской концепции с позицией отдельных персонажей произведения, в то время как мысль о возвращении истории «на круги своя», будучи существенной частью авторской концепции, уже и в этом произведении испытывает сопротивление романного материала: Андрич не может обойти вниманием те подспудные перемены в жизни Травника, которые неизбежно привносятся в замкнутое бытование восточной провинции событиями в Европе и которые не хотят, а зачастую и не могут видеть беги. Для них отъезд консулов — возвращение к прежнему течению жизни. Этому уровню осмысления исторического процесса соответствует и избранный Андричем тип романа, который является первым шагом в творчестве писателя от новеллистической циклизации к романному синтезу. Здесь влияние традиционной формы объективизированного повествования, когда автор не выступает открыто с изложением своей позиции, и общность авторского аспекта видения истории определили особенности композиции произведения, связанной судьбами персонажей, единством места и времени.

В то же время в романе еще явно ощутима разобщенность элементов композиции: жизнеописания и психологические портреты консулов — Давиля, Дефоссе, фон Миттерера, переводчиков Давны и Ротты, визирей Колоньи, консульских жен даны не в живой динамике действия, а в авторско-повествовательном рассуждении. Причем, как правило, основной объем описания судьбы персонажа приходится на «дороманное время» его жизни. Сюжетная линия произведения формально строится на хронологически последовательном описании семи лет пребывания консулов в Травнике, но по сути она представляет собой цепь достаточно замкнутых повествовательных структур, организованных по принципу новеллы, которая становится здесь одним из композиционных элементов романного целого.

Следующим, более полным воплощением стремления Андрича к крупной эпической форме является роман «Мост на Дрине», где акцент в авторской концепции истории переносится на ее поступательное развитие, на незаметные, постепенно накапливаемые изменения, в которых проявляется движение времени и которые влекут за собой перемены в судьбах народов.

Своеобразие формы романов И. Андрича привлекало и привлекает внимание исследователей его творчества. Этого вопроса касались так или иначе многие ученые. Сложная структура его произведений вызывала «жанровые» сомнения уже у первых литературоведов, за-

inslav

нимавшихся их анализом. Характерны в этом смысле статьи М. Богдановича, опубликованные в 1946 г. вслед за появлением романов «Мост на Дрине» и «Травницкая хроника». В статье, посвященной роману «Мост на Дрине», автор замечает, что это произведение в сущности «своеобразная широкая хроника, нежели роман», но хроника, которую объединяет в роман центральный образ произведения (образ моста), являющийся стержнем, формирующим вокруг себя весь романный организм, хотя в нем и отсутствует «единое содержание, единое действие, персонажи» [9]. Коснувшись вскользь вопроса о жанре романа, М. Богданович переходит далее к идейно-тематическому разбору его содержания. Однако в следующей статье по поводу романа «Травницкая хроника» он вновь обращается к этой проблеме. По его мнению, роман «Травницкая хроника» в отличие от романа «Мост на Дрине» «*со спокойной душой* можно назвать романом» благодаря сконцентрированности событий и персонажей во времени. «Более того,— пишет автор,— можно было бы сказать, что эта хроника о Травнике — первый *настоящий* (в обоих случаях подчеркнуто мной.— *О. К.*) роман, который был написан Андричем» [10].

Мнение М. Богдановича представляет для нас интерес потому, что здесь выразились основные тенденции в отношении к жанру романов Андрича, бытующие и поныне в исследованиях, посвященных его творчеству. Принимая мысль, высказанную М. Богдановичем, о жанровом различии романов «Мост на Дрине» и «Травницкая хроника», мы не можем в принципе согласиться с его оценкой «романности» этих произведений. Исследователь считает, что «Мост на Дрине» — «широкая хроника жизни Боснии» — превращается в роман лишь благодаря центральному образу книги. Действительно, произведение, состоящее из множества новелл, обладающих самостоятельным сюжетом, композиционно связывается в единое целое, в том числе и при помощи образа моста, который обязательно фигурирует в каждой из них. Более того, роман начинается строительством моста и кончается его взрывом (между двумя этими событиями проходит более пяти веков исторического и романного времени). Сквозной в произведении образ моста, композиционно скрепляя повествование, однако не может обусловить жанр произведения: «мост» в структуре романа функционально тождествен «дому» в цикле «Дом на отшибе» и аналогичен образу фра Петара в упомянутых новеллах. Объединение множества новелл в «Мосте на Дрине» в роман становится возможным, на наш взгляд, благодаря синтезирующей роли общей идеи произведения, выраженной в нем,— идее движения времени.

Время в своем неизменном движении, неторопливом, но неуклонном, является главным предметом изображения и осмысления в романе, наполняя собой каждый элемент структуры произведения, форма которого подчинена стремлению наиболее адекватно воспроизвести это движение, облечь в образную ткань, сделать осязаемым и видимым его невидимый ток и тем самым приблизиться к пониманию его закономерностей и смысла.

inslav

Эта цель обусловила своеобразную, как бы «скользящую» композицию романа, где единый сюжет заменен цепью внешне несвязанных между собой, плавно сменяющих друг друга сюжетов, но взаимообусловленных общей идеей романа. Каждое из звеньев этой цепи в свою очередь обладает композиционной целостностью и самостоятельностью новеллы со своим развитием действия и героями.

Образ моста, в качестве рефрена появляющийся в каждой из глав произведения, становится немым участником почти всех описанных событий и одним из самых значительных символов романа. Это, как правило, провоцирует исследователей творчества Андрича рассматривать роман как замкнутую структуру, центром которой является образ моста с момента создания до его гибели. Однако отличительной чертой композиции романа является как раз ее разомкнутость, которая скорее может быть уподоблена движению реки (реки времени или Дрины), чем статичности моста. Поэтому «зеленая Дрина» является столь же полноправным в композиционном отношении, но более значимым — в идейном образом романа.

Статичность моста и вечное движение реки под ним — два основных начала в образной системе повествования: неподвижность моста как бы подчеркивает вечное движение жизни вокруг него, неуклонный ход времени (с древности в образной системе мышления всех народов течение реки уподобляется течению времени — «в одну и ту же реку нельзя войти дважды»). Не случайно в заглавие романа «Мост на Дрине» вынесены оба образа: моста и реки. «Казалось, что смысл и суть его существования заключались в неизменности. Его светлые линии на фоне города никогда не менялись, так же как и силуэт окрестных гор в небе. В череде перемен и стремительно отцветающих людских поколений он оставался неизменным, как неизменным было течение воды под ним» (перевод мой.— *О. К.*) [11]. Поэтому Андрича занимает не столько своеобразие и неповторимость каждого отдельного персонажа или явления из череды ненадолго появляющихся на страницах романа, сколько извечная повторяемость человеческой жизни, непрекращающееся течение времени, состоящее в нарождении нового и отмирании старого. Описывая радости и страдания множества людей, не останавливаясь надолго ни на одном из них, Андрич тем самым выражает важное положение своей эстетики: жизнь каждого отдельного человека, как бы ярка и неповторима она ни была, в определенный момент — лишь часть жизни человечества, в нескончаемой жизни прошлых и будущих поколений и всего миг во времени.

Если отталкиваться от представления о композиции романа как о замкнутой центричной системе, такой важный идейно-композиционный момент, каковым является гибель моста, становится фактически необъяснимым исходя из внутренней логики самого произведения. Так, Л. Соболев в предисловии к первому изданию перевода романа на русский язык рассматривает взрыв моста как символ вступления мира в войну 1914 г., ознаменовавшую собой начало «новой небывалой за долгие тысячелетия жизни эры», как «конец

inslav

рассказа о боснийском народе, связанном с туретчиной»[12]. Н. Б. Яковлева в статье «Человек и история в творчестве Андрича», касаясь этого вопроса, отвечает на него, апеллируя ко всему творчеству писателя, как бы не видя в самом романе достаточных оснований для сделанных ею совершенно правильных выводов. «Роман,— пишет она,— в котором писатель стремился максимально полно воссоздать образ мира, писался в разрушенном немецкими бомбардировками оккупированном Белграде. Большая часть Европы была под властью гитлеризма. Война, террор, массовые убийства, лагери уничтожения — все происходящее внушало мысль о крушении мира.

Действительность исключала возможность художественного синтеза гармонической жизни, к которой стремился писатель... Андрич не нашел гармонии в действительности, но все его творчество указывает на возможность формирования гармонии в результате движения жизни»[13]. Гибель моста является событием, логично завершающим ход авторской мысли: нет в вещном мире ничего вечного. Все проходит и уходит. И даже мост, веками казавшийся людям символом вечности, не может противиться этому непреложному закону: «Старел, конечно, и мост, но по меркам временной шкалы, настолько раздвинутой в своих границах по сравнению не только с человеческим веком, но и с продолжительностью жизни целого ряда поколений, что это старение невозможно ощутить на глаз. Его век, хотя мост сам по себе был смертен, представлялся беспредельным, потому что конец его не был виден»[14]. Конец моста является не столько следствием взрыва, сколько результатом постепенной и незаметной утраты им того значения, которое он имел в жизни города. Ведь мост — часть мира и творение рук человека и поэтому подвластен и вечным законам мира, и воздействию конкретных обстоятельств в истории Боснии.

Вечно, по Андричу, лишь доброе, мудрое начало, приносимое в мир человеком, его неизбывное стремление к созиданию. Именно потому в финале романа на фоне взрыва моста звучат предсмертные мысли Али-ходжи, персонажа, олицетворяющего во второй части романа накопленную веками народную мудрость: «Если рушат здесь, то где-то, надо полагать, должны возводить... Все может быть. Одного только не может быть: не может быть, чтобы на свете перевелись и вымерли великие и мудрые, наделенные душевной щедростью мужи, возводящие во имя божье вечные постройки для украшения земли и облегчения жизни человеческой»[15].

В. Шкловский в статье «Об истинном единстве художественных произведений вообще и о единстве «Декамерона»», перефразируя высказанную Л. Толстым в предисловии к произведениям Г. де Мопассана мысль, пишет: «...единство художественного произведения состоит не в том, что в произведении говорится об одних и тех же героях, а в том, что в произведении к героям одного или разных событийных рядов писатель относится на основании своего мировоззрения так, что его анализ объединяет их в единое целое»[16].

Книга «Дом на отшибе» (1976) наиболее «чистое» с точки зре-

inslav

ния структуры жанра произведение Андрича, в котором выкристаллизовалась та жанровая структура, которая начинает зарождаться в «дороманном» творчестве писателя и которая лежит в разной мере в основе его романов «Травницкая хроника» и «Мост на Дрине». Новеллы, составившие это произведение, объединены в цикл и самой композицией книги, и единством авторского замысла, они как бы написаны автором по возвращении его из Боснии, где в невысоком доме на крутом склоне Алифаковца, у самой вершины чуть в стороне от других, он «как-то провел лето». Именно здесь он принимает многочисленных «гостей», пришельцев из прошлого, персонажей своих уже написанных произведений. «Это мои воспоминания о том доме и о том времени. Точнее говоря, лишь некоторые из воспоминаний — то, о чем я могу говорить и о чем сумею что-то сказать»,— так определен Андричем во вступлении жанр книги[17]. Все это определяет вводимый автором в художественную структуру сборника элемент литературной игры, композиционно связывающей воедино отдельные новеллы сборника и как бы нацеленной на воспроизведение и реконструкцию творческого процесса писателя. Эта «игра» с самим собой, она же истинная, скрытая от глаз жизнь художника, вне которой его существование обессмысливается, или, иными словами, исследование процесса творчества становится и своеобразным сюжетом, и одной из ведущих тем книги, выдвигающей на первый план произведения образ автора.

«Следует помнить,— пишет Л. Гинзбург,— что каждая самобытная художественная система возникает путем выбора средств (следовательно, отказа от других средств), самых нужных для познавательных целей писателя... Видение большого писателя не бывает всесторонним — это всегда угол зрения»[18]. Это общее положение, выдвинутое исследовательницей применительно к рассматриваемому циклу новелл, характеризует конкретную художественную задачу, стоявшую перед его автором и определившую собой своеобразие книги. Это попытка писателя систематизировать созданные им за долгую творческую жизнь образы и мотивы, собрать воедино наиболее важные и характерные темы, вычленить выработанные в течение многолетнего литературного труда стилистические приемы, четко определить жанр книги, т. е. обозначить принципы своей поэтики. Выбор средств здесь является и целью, и ключевым художественным приемом. Новеллы сборника рассказывают не столько о жизни какого-либо единого героя, как это сделано в цикле о фра Петаре, где каждая следующая новелла добавляет лишь некоторые детали к истории жизни, портрету или внутреннему облику персонажа, сколько представляет собой авторский самоанализ сделанного.

Югославский литературовед И. Тарталья, автор множества работ о творчестве Андрича, легших в основу изданной им недавно книги «Эстетика рассказчика. К изучению поэтики Андрича», обращается в ней к «Дому на отшибе», подчеркивая, что изучение поэтики Андрича целесообразно было бы начать с этого произведения писа-

inslav

теля не только потому, что это его последняя книга, но и из-за ее темы. «Книга прозы „Дом на отшибе“ — необычный сборник рассказов,— пишет он— короткие рассказы о судьбах людей... нанизаны на нить единого вводного повествования, оно... туго связывает каждое отдельное повествование и обрамляет каждого персонажа. Эта нить, словно фабула, проходящая сквозь книгу и связывающая все новеллистические „медальоны“ в ней, является отдельным повествованием, которое могло бы быть понято и как интимная исповедь, и как эссеистическое исследование о процессе творчества. Во всяком случае оно представляется в известном смысле обобщением опыта художника» [19]. С этим нельзя не согласиться. Однако, на наш взгляд, неизбежно вызывает возражение то, что автор доказывает это утверждение, обращаясь лишь к «обрамляющей» части сборника, т. е. к собственно авторской линии, оставляя без внимания сами новеллы.

Обрамляющая канва книги, композиционно связывающая вошедшие в нее новеллы, является наиболее бросающимся в глаза объединительным приемом. Образ автора, ритмично появляющийся в каждой новелле, несмотря на свою очевидную композиционную и идейную нагрузку, является как бы необходимым знаком единой фабулы книги, как совершенно правильно замечает И. Тарталья. Однако истинное единство сборника создается не столько за счет этих появлений автора, сколько за счет «повышенной» отобранности материала, составившего сборник, и прежде всего собственно новеллистического материала.

«Дом на отшибе», пишет И. Тарталья, прощание Андрича со своими героями, прощание не с конкретными, «любимыми» персонажами (добавим мы), а с целыми тематическими пластами своего творчества. Поэтому композиция книги естественно и органично распадается на отдельные новеллы, и их тематика узнаваема для читателя, знакомого с предшествующим творчеством Андрича. Каждая из этих новелл представляет какого-либо персонажа, за которым при полном сохранении иллюзии художественной первозданности (для человека, впервые обратившегося к творчеству Андрича, книга «Дом на отшибе» — сборник изящных, мастерски написанных новелл) угадывается целая вереница персонажей из прежних произведений Андрича. Степень обобщенности или собирательности такого образа выше, чем в «обычном» образе, так как в данном случае осмыслению подлежит не первичный (жизненный) материал, а материал, ранее уже художественно рафинированный. Андрич стремится подвести итоги многолетним творческим раздумьям на материале своего творчества», «проигрывая» еще раз излюбленные им мотивы и сюжеты.

Герой новеллы «Али-паша», прототипом которого является герцеговинский правитель Али-паша Ризванбегович Сточевич (1783—1850), продолжает целую вереницу образов турецких правителей, созданных Андричем. Здесь и визирь Юсуф из рассказа «Мост на Жепе», которого поразил «страх перед жизнью» в самом расцвете его могущества, и Джелалутдин-паша— герой «Рассказа о слоне

inslav

визиря», который всю жизнь носит в себе страх смерти, тщетно пытаясь избавиться от него, то придаваясь злодеяниям, то детским забавам, и Мехмед-паша Соколович — «строитель» моста на Дрине, выходец из христианской семьи: в детстве он был взят в янычары и с тех пор носит в себе «ощущение почти физической муки», хотя судьба сделала его великим визирем. Новелла «Али-паша» рассказывает о последних днях старого визиря, смещенного интригами со своего поста и приговоренного к смерти. Но не история жизни Али-паши и его падения занимает автора. В этой судьбе Андрича интересует ее трагический конец. По дороге в ссылку этот немощный старик, посаженный изощренными палачами задом наперед на мула, «с пъедестала своих страданий... постиг и познал истину о людях и человеческих отношениях полнее и лучше, нежели когда-либо прежде в своей жизни... Это познание погасила солдатская пуля... оно... утрачено навсегда» [20].

Здесь мы встречаемся с характерным для Андрича приемом ретроспективного взгляда на историю жизни его персонажа, взгляда, где точкой отсчета становится смерть или, как в данном случае, последние дни жизни героя. Очень важным моментом в композиции повелл «Туловище» и «Проклятый двор» является упоминание в обоих случаях в начале произведения о смерти их главного героя — рассказчика фра Петара. Факт смерти рассказчика, композиционно вынесенный автором в начало произведения, окрашивает все последующее повествование, придает рассказам старого монаха фра Петара оттенок значительности, весомости, неизбежной завершенности *.

Аналогичный процесс происходит и в новелле «Али-паша». Здесь вслед за личной трагедией конкретного героя, за первым смысловым планом литературной конкретики возникает более общий глубокий уровень осмысления материала, когда отдельная судьба становится символом судьбы человека, которому через страдания открылся истинный смысл сущего.

В новеллах «Рабыня» и «Зуя» созданы женские образы, отразившие многолетние раздумья Андрича о тяжелой судьбе женщины на Востоке. Они вобрали в себя судьбы красавицы Мары («Наложница Мара»), которую шестнадцатилетней девочкой купил главнокомандующий турецких войск в Боснии Велиудин-паша. Уехав, он оставляет ее, обреченную на позор и одиночество, просто и естественно, как оставляют ненужную вещь. Вся жизнь героини новеллы «Времена Аники» — редкой красавицы, женщины, наделенной умом и достоинством,— вызов окружающим ее устоям и традициям. Эта короткая и яркая жизнь становится платой за иллюзию свобо-

* Л. С. Выгодский в своей книге «Психология искусства» (М., 1968), разбирая рассказ И. Бунина «Легкое дыхание», очень убедительно доказывает, что предшествие факта смерти главной героини в композиции рассказа совершенно определенным образом влияет на читательское восприятие, превращая банальную историю любовной интрижки провинциальной гимназистки и офицера в рассказ о «легком дыхании».

inslav

ды, которую Аника пытается создать для себя. Цена свободы — смерть, но иногда героини Андрича предпочитают ее. Такова тема и новеллы «Рабыня». Девятнадцатилетняя девушка Ягода из села Прибиловичи, попавшая в рабство, олицетворяет собой этот выбор. Посаженная в клетку с толстыми железными прутьями, она думает о своей жизни и мире вокруг: «Люди рождаются для того, чтобы быть рабами у рабской жизни и умирают рабами болезни и смерти. Раб в рабстве у раба, поскольку рабом является не только тот, кого связанным ведут на продажу, но и тот, кто его продает, как и тот, кто его покупает. Да, раб каждый, кто не дышит и не живет среди своих, в Прибиловичах»[21]. Стремясь во что бы то ни стало обрести свободу, Ягода погибает, задушенная железными прутьями клетки, из которой она пытается вырваться.

Одиннадцать новелл сборника представляют собой многочленное художественное целое, единство которого создается не только и, может быть, не столько за счет общей пронизывающей их линии, связанной с авторским началом, но и за счет всей идейно-художественной структуры сборника. Причем композиционная разделенность книги на отдельные новеллы в данном случае является одним из ключевых приемов, сознательно направленных на усиление этого единства, создает наиболее точную и выразительную форму для воплощения авторского замысла.

Эта книга занимает совершенно особое место в творчестве Андрича. Она, с одной стороны, не похожа на все, что создано писателем в течение жизни, с другой—«Дом на отшибе», в определенном смысле вобрав в себя творческий путь Андрича, обобщил и подвел итог, как бы расставил акценты в сделанном, прояснил ключевые моменты в поэтике писателя.

[1] См., например, следующие библиографические указатели к литературе о творчестве И. Андрича: *Јовановић Ж.* Важнија литература о Иви Андрићу.— Политика, 1961, 29 окт., с. 9; *Јовановић Ж.* Иво Андрић. Биобиблиографска грађа.— Библиотекар, 1961, N 6, с. 558—574; *Морачић Д.* Библиографска грађа о Иви Андрићу.— Књижевность и језик, 1965, N 3, с. 119—124; *Vučković R.* Najnačajnije strane studije o Andriću.— Putevi, 1965, N 6, s. 625—637; Иво Андрич: Библиогр. указатель / составит. Доронина Р. Ф., Лихачева Л. П. М., 1974. (Здесь впервые наиболее полно представлен библиографический материал, относящийся к творчеству писателя).

[1a] См., например, предисловие Р. Ф. Дорониной в кн.: Иво Андрич: Библиогр. указатель...; *Яковлева Н. Б.* Человек и история в творчестве Иво Андрича.— В кн.: Критический реализм XX века и модернизм. М., 1967; *Она же.* Стилевые черты современного исторического романа-эпопеи.— В кн.: Художественная форма в литературах социалистических стран. М., 1969; *Она же.* Современный роман Югославии. М., 1980.

[2] М. Шамич в капитальном исследовании «Исторические источники «Травницкой хроники» И. Андрича» (Сараево, 1962) показывает, как педантично точен был Андрич в обращении с историческими документами.

[3] Об этом подробнее см.: *Кирилова О.* Ауторски поступак у новелама И. Андрића.— В кн.: Дело Иве Андрића у контексту европеске књижевности и културе. Београд, 1981.

inslav

[4] Мы сознательно не касаемся изданного посмертно незаконченного произведения И. Андрича «Омер-паша Латас», которое скомпоновано издателями в хронологическом порядке из отчасти опубликованных при жизни, отчасти сохранившихся в архиве писателя отрывков и черновых набросков.
[5] *Andrić I.* O priči i pričanju.— Sabrana djela: Istorija i legendi. Sarajevo, 1977, s. 66.
[6] *Андрич И.* Травницкая хроника. Мост на Дрине. М., 1974, с. 21.
[7] Там же, с. 379.
[8] Поэзия и проза древнего Востока. М., 1973, с. 638.
[9] *Богдановић М.* На Дрини ћуприја.— В кн.: Критичари о Андрићу. Београд, 1962, с. 39—40.
[10] *Богдановић М.* Травничка хроника.— Там же, с. 47.
[11] *Andrić I.* Na Drini ćuprija.— Sabrana djela...
[12] *Андрич И.* Мост на Дрине. М., 1956, с. 10.
[13] Критический реализм XX века и модернизм. М., 1967, с. 175.
[14] *Андрич И.* Травницкая хроника. Мост на Дрине, с. 437.
[15] Там же, с. 666.
[16] *Шкловский В.* Повести о прозе. М., 1966, с. 116.
[17] Цит. по публикации избранных новелл из сборника «Дом на отшибе» в переводе А. Романенко: Иностр. лит., 1980, № 6, с. 155.
[18] *Гинзбург Л.* О литературном герое. Л., 1979, с. 91.
[19] *Тартаља И.* Приповедачева естетика: Прилог познавању Андрићеве поетике. Београд, 1979, с. 61.
[20] Иностр. лит., 1980, № 6, с. 162.
[21] Там же, с. 167.

inslav

Этнокультурные особенности календарной обрядности народов Юго-Восточной Европы

Ю. В. ИВАНОВА

В обрядах календарного цикла (как и многих других) нашли отражение хозяйственная деятельность людей, связанная в первую очередь с природными условиями бытования, их повседневные нужды и заботы. В обрядах сложным образом преломились взгляды людей разных эпох, их отношение к природе и миру людей, формы общественного сознания, в частности религиозные представления (т. е. фантастическое отображение реального мира), общественные и семейные отношения, устное народное творчество, музыкальное и хореографическое искусство, народный театр. Эта многослойность в обрядах, восходящая к архаической стадии развития культуры [1], была характерна и для более поздних доиндустриальных эпох. Одним словом, календарные обычаи и обряды — это одна из тех сфер традиционной культуры, в которой фольклористический и этнографический аспекты очень близки.

Рассматривать календарную обрядность в этнографическом аспекте — значит видеть в ней составной элемент культуры: либо одного этноса, либо группы этносов (региональный аспект), либо еще шире — культуры общечеловеческой.

Явления конкретной жизни закрепляются в традициях как каждого данного этноса, так и в традициях, общих для группы этносов, создавших определенное историко-культурное единство — историко-этнографическую область [2].

Юго-Восточную Европу, населенную народами, разными по происхождению, но имеющими много общего в культурном фонде (прежде всего на бытовом уровне), можно признать историко-этнографической областью [3]. Цель данной статьи — выявить в календарной обрядности общие черты, возникшие в процессе взаимосвязанного развития этой группы народов [4].

Народный календарь — одно из наиболее устойчивых явлений культуры. И хотя в доиндустриальные эпохи изменения и в хозяйстве, и в быту протекали медленно и, следовательно, календарные обряды и обычаи выстраивались в устойчивую традицию, все же в них прослеживаются исторические напластования.

Древнейшие и наиболее общие (относящиеся к общечеловеческой культуре) компоненты календарной обрядности — приметы о

inslav

погоде (и соответственно о видах на урожай, об успехах в других областях человеческой деятельности) — результат наблюдения человека над природой, а также гадания, табу; это и магическое воздействие на природу (т. е. содержащее какие-то активные действия), и в первую очередь магия плодородия [5].

Обрядовые действия, нацеленные на увеличение плодородия зверей, промысловых рыб, существовали еще в пору присваивающего хозяйства у охотников, собирателей и рыболовов. С началом производящего хозяйства у ранних земледельцев они получили особенное развитие. Балканский полуостров, острова Крит и Кипр входили в обширную зону Восточного Средиземноморья, где в XVIII—V тысячелетиях до н. э. возникли древние формы земледелия, а также в зону разведения овец, коз, свиней, крупного рогатого скота.

Для земледельческих культур важнейшее значение имела идея плодоносящей силы зерна, отождествление земли с женщиной, носительницей идеи бессмертного круга жизни. Главный персонаж культа — женщина (или девушка), начиная от глиняных статуэток, обнаруженных на памятниках Ближнего Востока и Восточного Средиземноморья (женщины с преувеличенными признаками пола, с руками, положенными на грудь), до богинь греко-римского пантеона (Деметра и Кора, Артемида, Гера и др.) [6]. По этой причине со всеми аграрными праздниками так или иначе связаны элементы эротизма, мотивы семейно-брачной обрядности [7].

Еще в эпоху неолита в ритуальном искусстве первых земледельцев возник образ оранты, богини-девы с воздетыми к небу руками. Древний земледельческий культ богини-девы сделал особо популярным позднейший образ богородицы, девы-покровительницы. Следы поклонения местным богиням-покровительницам, контаминировавшимся с богородицей, можно проследить в обрядности даже у исламизированной части албанцев. Недаром один из основных церковных праздников, посвященных деве Марии,— успение богородицы приходится на период уборки урожая зерновых, фруктов и овощей (15 августа); благовещение (25 марта) у православных балканских народов — большой многофункциональный обрядовый комплекс (в отличие от других европейских народов, в том числе от хорватов и словенцев — католиков).

Существенные ритуалы аграрной обрядности — символические запашка и посев, яркие моменты зимнего и весеннего праздничных циклов — известны многим народам за пределами Европы. Известны также и человеческие жертвы (истинные или символические), совершавшиеся ради плодородия полей [8]. Специфика обрядов Юго-Восточной Европы заключается в сохранении архаических обрядовых форм. Главный персонаж дружины ряженых живо напоминает правителя («царя») древних восточных цивилизаций, который проводил первую ритуальную борозду перед началом пахоты (в Болгарии этот персонаж так и называется «царь» или же «кукер», «старец», в Албании — «старец», в Греции — «монах»). Он производил ритуальную запашку, после чего разыгрывалось его «убийство» и «воскрешение».

inslav

Символический посев совершали одновременно с пахотой или же как отдельное действие, зачастую его совершали колядующие — группы исполнителей песен-пожеланий, посещавшие жилые дома под рождество, Новый год и другие праздники. Обсыпание зерном — это не только символическое засевание хлебного поля: зерно (основа питания, как и его производные — каша, хлеб) означало всяческое благополучие, здоровье и обилие. Недаром зерном обсыпали хозяина дома, скотину (характерно для румын обсыпание ягненка или теленка, которых приводили с этой целью в дом), молодых на свадьбе, желанного гостя в доме; зерно наряду с кашей и хлебом фигурировало на крестинах, на похоронах[9]. Известны и другие символы множественности, обилия: гранат, сушеные фрукты (что особенно характерно для греческой обрядности); в последнее время природные символы заменены конфетами, мелкими монетами (ими осыпают новобрачных).

В серии обрядов, приуроченных к периоду созревания злаков, весьма примечателен обряд, известный у славян, восточных романцев, в ослабленной форме у албанцев, называемый Калоян (Скалоян, Герман). Обряд воспроизводил «похороны» и «оплакивание» глиняной фигурки мужчины (реже женщины), которую потом вырывали из «могилы», топили в реке или же разрывали на куски и разбрасывали по полям. Это отголоски очень древней связи аграрных культов с человеческими жертвоприношениями: женская и мужская сила плодородия непосредственно переносилась на поля. Земледельческие обряды Калояна у славян и восточных романцев по сути (типологически) древнее античных культов Озириса, Таммуза, Адониса, которые являются божествами плодородия, характерными для развития государственных религий. Со временем магические функции обряда сузились: его задача ограничилась только вызыванием дождя[10].

Земледельческая обрядность включает особое отношение к первому и последнему сжатому на хлебном поле снопу, в котором как бы сосредоточивалась созидательная сила природы[11]; магические действия с соломой хлебных злаков, а также с сеном особенно характерны для славянских народов[12].

В аграрной обрядности в разных формах (более полных, чем у других народов Европы) проявляется культ умерших и культ предков. Функциональное назначение ритуалов заупокойного культа состояло в воздействии на урожай хлебов, плодовитость скота, благополучие людей[13].

Непосредственно к магии плодородия примыкает обрядовая пища — необходимая часть всякого праздника. Среди обязательных ритуальных блюд особое значение имела каша из сваренных вместе зерен всех злаковых и бобовых культур, употребляемых в пищу (*панспермия* древних греков), замененная позже кашей из пшеничных зерен (*коливо*, *кутья*, *варица*), а также хлебный каравай[14]. В Юго-Восточной Европе особенно ярко прослеживается связь обрядовой пищи с хозяйственной деятельностью: изображение на обрядовом каравае орудий труда, виноградных лоз, загонов для

inslav

скота и т. п.; кормление не только людей, но и скота, символическое «кормление» пашен и других угодий, инвентаря, стихий (в последнем случае кормление может быть рассмотрено как жертва); передача силы, заложенной в еде, деревьям, орудиям труда и т. д. Живо проявляются и древние представления о плодоносящей силе земли, о роли женщины в цикле плодородия: тесто для хлеба замешивает беременная женщина, трапеза совершается непосредственно на земле.

Чрезвычайно характерны для народов Юго-Восточной Европы обычаи и обряды, связанные со скотоводческим хозяйством. Скотоводство в двух его формах — кочевой и отгонной — охватывало горные зоны обширной Карпато-Балканской области и способствовало формированию общих бытовых навыков и многих одинаковых обычаев ее разноэтничного населения.

Скотоводческие обряды в календарном цикле сконцентрированы преимущественно вокруг даты традиционного выгона скота на летние пастбища. Во всей Юго-Восточной Европе она приходится на день св. Георгия (23 апреля ст. ст.). Это был сложный, многоплановый и многофункциональный праздник. Своими корнями он связан со скотоводческим хозяйством (особенно овцеводческим) и с архаической пастушеской культурой (св. Георгий считается покровителем стад, пастухов, а также повелителем волков). По этой причине у народов Юго-Восточной Европы, в хозяйстве которых был велик удельный вес отгонного скотоводства, георгиев день стал важнейшим из годовых праздников, считался началом года. Горцы северной Албании, например, совершали восхождение на горные вершины, чтобы встретить там восход солнца, хотя день этот не совпадает с датой весеннего солнцестояния. Главный ритуал георгиева дня — торжественное заклание жертвенного животного — *курбан* (курбан делали и в дмитриев, и в другие дни года по разным поводам). Вторичным слоем в этом сложном комплексе были аграрные обряды (в некоторых местностях производили символический посев, пахоту), а также эротическая и брачная символика [15].

Преобладание в праздновании георгиева (юрьева) дня обрядов, связанных со скотоводством, характерно для народов Юго-Восточной Европы, а также для населения горных и предгорных районов Центральной Европы. У восточных славян, особенно у русских, и у расселенных в равнинных районах западных славян, у финнов преобладают обряды и поверья земледельческого характера. Во всей остальной Европе св. Георгий почитается преимущественно как победитель змея (дракона).

Пограничной датой между летним и зимним сезонами традиционно считается день св. Дмитрия (26 октября ст. ст.), день св. Мартина (11 ноября), иногда и другие даты в зависимости от естественногеографических условий. К этой дате стада должны вернуться с летних высокогорных пастбищ, разрешается их выпас на убранных полях [16].

Мы охарактеризовали в самых общих чертах обряды, отразившие хозяйственную деятельность населения Юго-Восточной Европы.

inslav

В действительности каждый праздник календарного цикла представляет собой сложный комплекс, совместивший разные верования и различные действия, нацеленные на успехи не только в хозяйстве, но и в разнообразной повседневной жизни: на обеспечение здоровья людей, вступление в брак, приумножение потомства и т. п.

Древнейший исторический слой календарной обрядности народов Юго-Восточной Европы общий для всех европейских народов (как и самого широкого круга народов мира). Региональные отличия в этом слое обусловлены экологическими зонами. Для нашего региона это сочетание горного скотоводческого хозяйства, земледелия с высокой степенью специализации (разведение пшеницы и культур, характерных для южной зоны: маслин, винограда, плодовых деревьев, табака) и морских промыслов [17].

Однако культурная общность народов Юго-Восточной Европы не может быть объяснена только общностью хозяйственного быта. Разумеется, имел место интенсивный обмен культурными навыками между древними этносами — предшественниками современных балканских народов [18]. Обрядовая культура народов Юго-Восточной Европы связана теснейшим образом с культурой соседних народов, особенно генетически родственных [19].

*

Значительный слой календарных обрядов отразил верования, сформировавшиеся в среде этнических образований (племен, союзов племен, а также этнических общностей, существовавших в рамках рабовладельческих и раннефеодальных государств) до распространения христианства. Эта категория верований сохраняет в той или иной степени местные мифологические образы и предания. Образы и имена древнегреческих и древнеримских богов по большей части плохо сохранились в народной памяти (так же, как и в других областях Европы древнегерманских, кельтских, древнеславянских божеств), зато остались достаточно памятными персонажи так называемой низшей мифологии. Они олицетворяют силы природы, географическую специфику местности («хозяева» гор, лесов, перевалов, водоемов и т. п.— это Оры албанских народных верований, Нереиды в греческих верованиях), особенности производственного быта («покровители» пастухов и стад, землепашцев и рабочего скота, ремесел, патроны городов и т. п.). Эта категория верований восходит к анимизму. Прослеживается она преимущественно в фольклорных текстах, а также в традиционных формах прикладного искусства, главным образом в орнаментальных композициях, где имеет место антропоморфизация сил природы [20].

В календарных обрядах анимистические верования прозрачно проступают в принесении жертв пищей — так сказать, «кормлении» стихий (ветра, моря), водоемов и т. д.

Очень примечательны следы солярного культа, сохранившиеся особенно заметно в обрядах и верованиях албанских горцев, в образах болгарского Еню (Иоанн), славянского и румынского Крэчу-

inslav

на. Солярный культ возник в областях развития земледельческой культуры, одним из древних центров которой была Юго-Восточная Европа. Естественно поэтому, что здесь более четко, чем в других областях Европы, зафиксированы солнечные мифологические образы, сохранились ритуальные действия, связанные с этим культом[21].

Верования, связанные с огнем, не выделяют балканские народы из общеевропейского ареала (хотя обряды различаются, безусловно, внешним оформлением). То же можно сказать об обрядах с зеленью и водой.

Есть одна сторона «огненных» обрядов, характерная для Балкан: почитание домашнего очага как символа и покровителя семьи (домохозяйства). Сожжение большого полена в рождественско-новогодние праздники было известно всем европейским народам, дома которых обогревались открытым очагом или камином. Однако в обрядах балканских народов очень четко проступает отождествление рождественского полена (серб. *бадњаяк*, болг. *бъдняк*, *коледник*, словен. *božić*, албан. *buzmi*) с каким-то древним местным божеством или живым существом. Заметна и связь с культом предков, а через них с культом плодородия.

Возможно, что отзвуки каких-то древних, общих для Средиземноморья культов, связанных с огнепоклонством, таятся в нестинарстве — хождении босиком по горячим углям прогоревшего костра. Этот обычай известен в Европе у испанцев и болгар, а также в области, где в прошлом жили смешанно греки и болгары.

Для всех народов Балканского полуострова и шире — Карпато-балканского региона характерно существование двух противоположных мифологических образов: доброй змеи — покровительницы дома (семьи), округи, подательницы всякого благополучия, возможно, персонифицированного предка (такие представления широко распространены у народов Европы и вне ее пределов, например на Кавказе), и злого змея-дракона, образ которого известен в мифологии восточных, отчасти и западных славян[22]. Отсюда и двойственность обрядов: почитание домашней змеи и изгнание змей из прилегающей к дому округи (весенние обряды греков и албанцев и др.).

Культурное наследство фракийских племен в специальной литературе изучено в гораздо большей степени, нежели иллирийских. Верования, восходящие к фракийскому миру, обнаруживаются в календарных обрядах болгар, македонцев, отчасти и других южнославянских народов, румын. Сюда относится упоминавшийся уже выше обряд погребения и уничтожения фигурки мужчины — Калояна. Хотя обряд этот имеет многие аналогии у европейских народов, в том числе у восточных и западных славян, конкретное содержание, оформление и терминология балканских вариантов позволяют выделить их в специфический тип, ареал его распространения совпадает с территорией расселения северной группы фракийских племен[23].

Сложен вопрос о происхождении кукерского обряда. М. Арнаудовым и другими исследователями была выдвинута мысль о заимст-

inslav

вовании его болгарами от древнегреческих дионисий (фаллические моменты, связанные с культом плодородия, имитация свадьбы, рождения ребенка, убийства и воскрешения главного персонажа). Т. Д. Златковская, подчеркивая фракийское происхождение культа Диониса, отмечая развитие кукерских игр на территории, где некогда жили южнофракийские племена, выдвинула предположение о фракийской основе как древнегреческих дионисий, так и кукерских игр[24].

Т. Д. Златковская полагала, что в основе обряда *сурвакания* (болгарский термин, у румын называется *соркова*) — ритуального хлестания людей свежей зеленой веткой с целью передать им здоровье и силу — лежат фракийские традиции[25]. Однако подобные обрядовые действия широко известны в Европе и вне ее и имеют, очевидно, весьма глубокие корни.

Культ так называемого фракийского всадника отложился в образах святых-всадников — Георгия и Федора (Тодора); у болгар в феврале празднуется тодорова неделя, у сербов, черногорцев и македонцев — «конская слава», румыны считают Тодора покровителем лошадей.

Весьма значителен местный элемент в обряде весенне-летнего периода, называемом *русалии* (у южных, восточных и западных славян, у румын и молдаван, греков и албанцев свои варианты названия, близкие к италийским *розалиям*), и в действиях дружин игроков, совершающих ритуальные пляски и игры на русальной неделе,— *калушаров*. В то время как римские розалии были поминальным обрядом, в Юго-Восточной Европе главным элементом стала врачующая магия. Вероятно, италийский обряд розалий наслоился на некую местную обрядность, сохранившуюся, несмотря на эллинское, а позднее римское влияние[26]. Дружины игроков, подвергавшиеся на время игр отлучению от церкви, персонифицировали одновременно и зловредные существа, связанные каким-то образом со скотоводством, известные в верованиях балканских народов (болг. *русары, русали, русалимки*, румын. *žine*, албан. *zanët*), и соседствующих молдаван, украинцев, южных русских.

Более поздний исторический пласт обрядов сформировался по мере распространения христианства. Обряды отмеченных выше категорий не исчезли — для календарного цикла всех европейских народов характерен религиозно-обрядовый синкретизм: зачастую к древним магическим обрядам механически прибавлялись молитвы вместо магического заклинания, заговора. Таков, например, обряд вызывания дождя, известный у многих балканских народов под именем *паперуда* или *додола* (в разных диалектных вариантах): в архаических типах обрядовых песен содержится просьба к Паперуде (бабочке) полететь на небо и открыть его, чтобы дождь мог пролиться на землю; в более поздних вариантах ее просят полететь к богу и попросить у него дождя.

Иногда же связь была более сложной и опосредованной. Например, пасхальные обряды включали в себя заклание жертвенного животного, воскрешение умерщвленного божества растительно-

inslav

сти, встречу солнечного света на заре, ритуальное очищение, обычай качания на качелях и многое другое.

Равным образом и славянское язычество несло в себе определенные элементы, вошедшие важными компонентами в христианскую культовую систему. Это касается главным образом аграрных культов, и в первую очередь земледельческого культа богини-девы.

Христианская религия, сложившаяся в Восточном Средиземноморье, впитала в себя множество черт, особенностей, мифических образов и фольклорных творений, характерных для жизненных навыков, общественных отношений и религиозных воззрений жителей этой области. Поэтому нельзя категорично противопоставлять христианские и дохристианские («языческие») обряды, как это делается иногда в специальной литературе.

Популярность святых в бытовом христианстве объясняется их контаминацией с дохристианскими мифологическими существами и соединением дней, посвященных тому или иному святому, со значительными элементами народного сельскохозяйственного календаря (обрядовая сторона в праздничном комплексе устойчивее религиозной догмы).

Признание христианства официальной религией Римской империи (IV в.) означало разрыв постепенности в развитии народных традиций; более четко наметилось разделение культовой системы на миф и ритуал. В результате раскола христианской церкви на православную и католическую (оформленного схизмой 1054 г., но наметившегося, конечно, ранее) в значительной части культурных традиций, в том числе и в календарных обрядах, обозначилась граница между православным, католическим, а позже (с XVI в.) протестантским миром. Православие объединяло народы, подвластные Византийской империи, и отделяло их от католических стран. В рамках Византийской империи, как и во всех феодальных государствах Европы, закреплялись хозяйственные и культурные связи. Две суперэтнические силы — церковь и государство — в этом случае объединились в один мощный формообразующий фактор региональной культуры. Особенно значительным он был в эпоху османского владычества, когда религия зачастую становилась знаменем, символом национально-освободительной борьбы.

Ислам, распространившийся в некоторых областях Балканского полуострова, не уничтожил местные верования, как не уничтожило их христианство, а только видоизменил внешне некоторые обряды. Примечательно, что турецкие крестьяне на Балканах, которые так же, как и местные народы, распределяли работы по датам солнечного календаря, выполняли и некоторые христианские обряды, например празднование георгиева дня [27].

Не только для исламизированного населения, но и для всех народов, в разное время включенных в состав Османской империи, пребывание в рамках этого крупнейшего феодального государства имело важное значение как для внутреннего культурного взаимообмена, так и для обособления от соседних народов (в том числе части южных славян в пределах империи Габсбургов).

inslav

Сохранение в Юго-Восточной Европе наиболее архаичных форм обрядов (по сравнению с другими народами Европы) объясняется, по-видимому, не только тяжелыми условиями жизни подвластных Османской империи народов, замедленными темпами общего развития, но и повышенным интересом к национальным и локальным формам разных сторон быта, некоторой нарочитой их консервацией, противопоставлением их официальной османской культуре. Вероятно, по этой причине сохранились полнее, чем в других странах Европы, следы половозрастных организаций [28]. То же следует сказать о южных славянах, находившихся под властью империи Габсбургов.

В эпоху национального возрождения и национально-освободительной борьбы балканских народов, в период становления национальных государств, естественно, развивался интерес к этническим традициям. Формировалось национальное сознание, возникали представления (зачастую иллюзорные) о формах культуры как национальных (этнических) и создавались условно-традиционные, обобщенные, общенациональные формы. С государственной жизнью связаны включение в календарную обрядность памятных дней исторических событий, оформление некоторых традиционных праздников как общенациональных. Развиваются вторичные формы культуры, возрожденные движением фольклоризма и индустрией туризма [29].

Именно с развитием туризма и профессионализацией культурной деятельности связано, с одной стороны, расширение обряда, превращение его в массовое зрелище, разделение присутствующих на исполнителей и пассивных зрителей (пример тому — карнавал в городах). С другой стороны, с течением времени происходит отмеченное уже выше сужение среды исполнителей более интимных обрядов до рамок семьи, дружески-родственного кружка. Например, принесение в жертву животного (*курбан*), которое совершалось сообща односельчанами и завершалось коллективной трапезой, ныне зачастую делают от имени семьи и съедают в семейном кругу.

В новейшее время, несмотря на отход значительной части населения от религии, календарные обряды не потеряли своего значения: они естественным образом входят в фонд этнических традиций. Бесспорно, каждый обряд полигеничен и многофункционален. В каждом из них есть элемент игровой культуры. В тех сторонах обряда, которые отражают хозяйственную деятельность, больше черт общебалканских (и даже принадлежащих более широкому кругу народов), в то время как в игровой деятельности, отражающей человеческие эмоции, эстетические идеалы народа, его творческие возможности, не говоря уже о вербальных компонентах обряда, ярче проявляются особенности этнической культуры.

В новое, а тем более в новейшее время ускоряющийся процесс культурно-исторического развития увеличил удельный вес скачкообразных изменений в судьбах традиций. Общая тенденция — уменьшение, а в некоторых случаях (что особенно характерно для стран социалистической системы) — отмирание религиозной сущности об-

inslav

ряда (как и праздника в целом), усиление эстетической, даже развлекательной его стороны.

Резкое расширение информации о жизни других стран и континентов ведет к внедрению в балканский быт общеевропейских (шире — американо-европейских) обрядов. Примером может служить празднование Нового года, отнюдь не характерное в прошлом на Балканах: на западный манер в празднестве участвуют две символические фигуры: седобородый старик (Дед Мороз, Санта-Клаус, Пер-Ноэль и т. п.) и молодая девушка (Снегурочка, Фея зимы и пр.), появились наряженные елки. Переосмыслились традиционные праздники в соответствии с социалистическим образом жизни. Например, в Болгарии георгиев день стал профессиональным праздником животноводов, бабин день — медицинских работников, день св. Трифона — праздник виноградарей и т. д. Рассмотрев календарную обрядность народов Юго-Восточной Европы, мы убедились, что отдельно взятый обряд или обрядовый комплекс не могут служить критериями для выделения историко-этнографической области: ареалы их бытования выходят за географические рамки области, а их содержательная сторона и причинно-следственные толкования их исполнителями обрядов присущи более широкому кругу народов. Решающее значение для выделения культуры историко-этнографической области имеет единство стадий в историческом развитии обрядности.

Календарная обрядность народов Юго-Восточной Европы имеет единый древний пласт. Здесь простиралась зона древнего земледелия. Поэтому весь набор архаических обрядов (которые в значительной мере здесь и сложились), в том числе особая роль женщины в обрядах, прослеживаются в Юго-Восточной Европе особенно ярко по сравнению с другими европейскими регионами.

Сохранению архаических форм обрядности способствовали исторические судьбы народов: объединение в единое государство (Византийскую империю, Османскую империю) разных по происхождению этносов, разъединение государственными границами родственных этносов (южные славяне в Османской империи и государстве Габсбургов), их включение в сферу действия мировых религий: православия, католицизма, ислама — все это вело к интенсивному обмену культурными традициями, их известной нивелировке. В то же время подчиненное положение балканских народов в рамках отсталой по сравнению со странами Западной Европы феодальной Османской империи тормозило их культурно-экономическое развитие, способствовало архаичности быта.

Итак, мы убедились, что обряд — категория историческая. В результате наряду с культурным фондом конкретных этносов возникла общность историко-этнографической области, которая выражается в общности социального поведения, в данном случае — в поведенческой культуре, в празднике, обряде, в наличии символов, знаков, присутствующих в обрядовом комплексе, т. е. во всем, что составляет устойчивую традицию.

inslav

В рассмотренных нами календарных обрядах соединились разнопорядковые элементы, отражающие различные навыки реальной жизни, имевшие практическое значение в разные временные отрезки; будучи закреплены как устоявшиеся образцы, они становились традициями; спрессованные воедино в одном комплексе, они воспринимаются как нечто неразрывное, одномоментное[30].

[1] *Чистов К. В.* Фольклор и этнография.— СЭ, 1968, № 5; *Он же.* О взаимоотношении фольклористики и этнографии.— СЭ, 1971, № 5.

[2] *Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н.* Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области.— СЭ, 1955, № 4.

[3] *Иванова Ю. В.* Формирование культурной общности народов Юго-Восточной Европы.— В кн.: Балканские исследования. М., 1982, вып. 7.

[4] В настоящей работе конкретные материалы заимствованы преимущественно из коллективного труда: Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы: Зимние праздники. М., 1973; Календарные обычаи...: Весенние праздники. М., 1978; Календарные обычаи...: Летне-осенние праздники. М., 1979. Далее ссылки на эти издания не даются.

[5] *Токарев С. А.* Сущность и происхождение магии.— В кн.: Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. М., 1959.

[6] *Богаевский Б. Л.* Мужское божество на Крите.— В кн.: Яфетический сборник. Л., 1930; *Бибиков С. Н.* Поселение Лука-Врублевецкая.— В кн.: Материалы и исследования по археологии СССР, 1953, т. 38; *Рыбаков Б. А.* Славянское язычество. М.; 1981.

[7] *Семенов Ю. И.* Как возникло человечество. М.; 1966, с. 292—302; *Аничков Е. В.* Весенняя обрядовая песня на западе и у славян. СПб., 1905, ч. 2, с. 210—304; *Богаевский Б. Л.* Земледельческая религия Афин. Пг., 1916, т. 1, с. 57—60, 180—187; *Пропп В. Я.* Русские аграрные праздники. Л., 1963, с. 54; *Фрэзер Дж.* Золотая ветвь. М., 1980, с. 158—170.

[8] *Фрэзер Дж.* Золотая ветвь, с. 428—435; *Васильков Я. В.* К реконструкции ритуально-магических функций царя в архаической Индии.— В кн.: Письменные памятники и проблемы культуры Востока. М., 1972; *Попович Ю. В.* Молдавские новогодние праздники. Кишинев, 1974.

[9] *Бибиков С. Н.* Поселение..., с. 253; *Афанасьев А.* Поэтические воззрения славян на природу. М., 1869, т. III, с. 746—747.

[10] *Зеленчук В. С., Попович Ю. В.* Антропоморфные образы в обрядах плодородия у восточнороманских народов в XIX — начале XX в.— В кн.: Балканские исследования. М., 1976, вып. 2; *Пропп В. Я.* Русские аграрные праздники, с. 92—98. Иное толкование обряда предлагает Н. Н. Велецкая: эта исследовательница видит в нем одну из рудиментарных форм обряда отправления посланца к космическим предкам, явления столь архаического, что еще у древних индоевропейцев оно выступало в пережиточных формах. См.: *Велецкая Н. Н.* Рудименты индоевропейских и древнебалканских ритуалов в славяно-балканской обрядности медиации сил природы.— Македонски фолклор, Скопје, 1979, № 23.

[11] *Кашуба М. С.* Сельскохозяйственные элементы в обычаях летнего календарного цикла народов Югославии.— Македонски фолклор, 1977, № 19/20.

[12] *Кашуба М. С.* Характерные черты зимней календарной обрядности у славянских народов.— Македонски фолклор, 1975, № 15/16.

[13] *Фрэзер Дж.* Золотая ветвь, с. 299 и след.; *Пропп В. Я.* Русские аграрные праздники; *Велецкая Н. Н.* Языческая символика славянских языческих ритуалов. М., 1978.

[14] *Соколова В. К.* Хлеб (злаки, солома) в зимней обрядности восточных и южных славян.— Македонски фолклор, 1975, № 15/16.

[15] *Колева Т. А.* Гергьовден у южните славяни. С., 1981; *Кашуба М. С.* Сеоски привредни обичаји и обреди народа Југославије у пролећном календарском циклусу.— Гласник Етнографског музеја у Београду, Београд, 1974, књ. 37; *Zojzi Rr.* Gjurmimët e një kalendari primitiv në popullin t'one.— Buletin i Institutit të shkencavet, Tiranë, 1949, N 1.

inslav

[16] *Кашуба М. С.* Скотоводческие обряды в осеннем календарном цикле народов Балкан в XIX веке.— Македонски фолклор, 1979, № 23.

[17] *Иванова Ю. В.* Отображение хозяйственной деятельности в зимних календарных обрядах народов Балканского полуострова.— Македонски фолклор, 1975, № 15/16.

[18] *Бромлей Ю. В.* Культура и этнические аспекты экологии.— В кн.: Общество и природа. М., 1981.

[19] Ср., например, *Толстые Н. И.* и *С. М.* Заметки по славянскому язычеству.— В кн.: Славянский и балканский фольклор. М., 1978; Славянский и балканский фольклор. М., 1981; Русский фольклор. Л., 1981, т. XXI; Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982.

[20] *Рождественская С. Б.* Отражение отношения «человек — природа» в народном искусстве.— В кн.: Общество и природа.

[21] *Tritja M.* Elemente të kulteve ilire të shqiptarët: kulti i diellit.— Etnografia shqiptare, Tiranë, 1974, V, f. 31—41; *Zojzi Rr.* Gjurmët..., f. 107; *Berisha R.* Personifikimi në poezinë popullore shqipe. Prishtinë, 1976, f. 57—61; *Кашуба М. С.* Сельскохозяйственные элементы....

[22] *Златковская Т. Д.* Некоторые древнебалканские элементы в фольклоре и этнографии южных славян и восточных романцев.— В кн.: Этническая история и фольклор. М., 1974. Однако, по нашему мнению, Т. Д. Златковская неоправданно сужает ареал и сущность этих верований, возводя их только к древней индоевропейской общности.

[23] *Зеленчук В. С., Попович Ю. В.* Антропоморфные образы..., с. 7, 17 (картосхема).

[24] *Арнаудов М.* Кукери и русалии.— В кн.: Сборник за народни умотворения и народопис. С., 1920, кн. XXXIV; *Златковская Т. Д.* О происхождении некоторых элементов кукерского обряда у болгар: к вопросу о фракийских традициях у народов Юго-Восточной Европы.— СЭ, 1967, № 3.

[25] *Златковская Т. Д.* Следы индоевропейских верований в этнографии современных народов Карпато-балканского региона.— В кн.: Античная балканистика. М., 1975, т. 2.

[26] *Арнаудов М.* Кукери и русалии, с. 210; *Златковская Т. Д.* К проблеме античного наследства у южных славян и восточных романцев.— СЭ, 1978, № 3.

[27] *Еремеев Д. Е.* Этногенез турок. М., 1971, с. 136—137, 142—149; *Pllana Sh.* Kangët e motmotit ndër shqiptarë.— Gjurmime albanologjike, Prishtinë, 1965, N 2, f. 267—283.

[28] *Колева Т. А.* За происхода на пролетните момински обичаи — лазуроване, кумичене и буенец.— В кн.: Проблеми на българския фолклор. С., 1972.

[20] *Чистов К. В.* Проблема «вторичных» форм в фольклористике и этнографии.— В кн.: Расы и народы. М., 1975, вып. 5; *Он же.* Фольклор и культура этноса.— СЭ, 1979, № 4.

[30] Вопрос о традициях и инновациях довольно подробно разработан в советской научной литературе. См., например: *Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н.* Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества.— В кн.: Расы и народы, 1972, вып. 2; *Бромлей Ю. В.* Современные проблемы этнографии. М., 1981, с. 64, 358—366, 369 и др.; *Першиц А. И.* Традиции и культурно-исторический процесс.— Народы Азии и Африки, 1981, № 4; *Он же.* Динамика традиций и возможности их источниковедческого истолкования.— Народы Африки и Азии, 1981, № 5.

inslav

Некоторые проблемы этнической истории народов Юго-Восточной Европы

(Балканский субстрат в традиционной одежде восточнороманских народов)

В. С. ЗЕЛЕНЧУК

Народная традиционная одежда является одним из относительно стабильных элементов культуры. В отличие от костюма городского населения, часто менявшегося под влиянием моды, крестьянская одежда эволюционировала медленно, сохраняя устойчивость основных форм покроя и конструктивных приемов.

Народная одежда, формирующаяся под влиянием типа хозяйства, географических условий, исторических традиций, отражает этнические особенности культуры. Устойчиво сложившиеся части или комплексы одежды, особенности кроя и украшений, сохраняющие на протяжении многих веков древние черты, являются своеобразным историко-этнографическим источником, позволяющим выявить различные этнокультурные напластования.

В определенные исторические периоды, в частности в докапиталистическую эпоху, народная одежда, как и язык, выступает как один из наиболее устойчивых этнических определителей. Не только феодальная замкнутость, но и общественные отношения способствовали бытованию архаичных видов одежды. Правящие классы, заинтересованные в изоляции народных масс от иноземных влияний и сохранении этнической стабильности, нередко издавали законы, запрещавшие изменять традиционный костюм. По молдавским обычаям XVI в. крестьяне и жители городов должны были строго соблюдать ношение традиционной одежды, а заимствование и ношение турецкой или одежды других народов карались [1].

В Дунайских княжествах, так же как и в других европейских странах, существовали законодательно установленные правила, определявшие типы одежды и украшений для различных социальных групп.

В Валахии, Трансильвании и Молдавии запрещалось всем, кроме бояр высшего ранга (*боерь де сфат*), носить одежду из позолоченных или серебряных нитей, обувь желтого и красного цвета, золотые украшения. Сословные различия в костюме регламентировали, например, величину боярского головного убора *ишлик*, которая зависела от принадлежности бояр к тому или иному рангу.

Одной из характерных черт народной одежды восточных романцев был белый цвет ткани, преобладавший в летней одежде. Эта особенность имела не только этническое значение, но и социальное, так как она была присуща исключительно крестьянской одежде. Когда хотели наказать и опозорить боярина, его одевали в белые крестьянские одежды [2].

Главным фактором, обусловившим сохранение древних черт в быту населения Дунайских княжеств, как и влахов Балкан, на про-

inslav

тяжении ряда веков, явилось замедленное социально-экономическое развитие народов этого региона в результате османского господства.

Складывание традиционной одежды восточнороманских народов следует отнести к периоду формирования их этнической индивидуальности.

Наиболее древний период, по отношению к которому можно говорить о сложившемся костюме восточнороманских народов,— XIV в., хотя отдельные его элементы возникают раньше. Начиная с этого времени мы располагаем достоверными данными о терминологии костюма и его главных частях, особенностях покроя, украшений.

На протяжении веков сложились характерные закономерности в одежде, общие для всех восточных романцев,— белый цвет одежды, вырезной ворот рубахи, обязательное ношение пояса мужчинами и женщинами, свободный покрой верхней плечевой одежды. Этими чертами одежда восточнороманских народов отличалась от одежды других крупных этнических групп Центральной и Восточной Европы (например, славян, немцев), хотя в процессе формирования она испытала значительное влияние славянской культуры. Этническая специфика, в том числе и черты, отличающие восточнороманскую одежду от славянской, сложилась в более поздний период развития восточнороманского этноса.

Термин «одежда восточнороманских народов» следует рассматривать как обобщенное определение для обозначения одежды трех самостоятельных впоследствии этносов: румын, молдаван и балканских влахов. Единство происхождения и ранних этапов этнического развития этих близкородственных народов обусловило наличие в их культуре многих общих черт. Тем не менее следует отметить, что в ходе длительного исторического и этнического развития у каждого из народов сложилась своя собственная культура, в том числе и народная одежда.

Не рассматривая проблему этнической специфики одежды каждого из восточнороманских народов, которая требует специального исследования, отметим только некоторые общие закономерности. Культура балканских влахов (македонских, истрийских и мегленских влахов), будучи изолированной от романизированного населения, живущего к северу от Дуная, развивалась под сильным влиянием южнославянских, албанских и греческих традиций. Из всех восточнороманских народов культура балканских влахов менее всего исследована.

В общих чертах описания одежды влахов представлены в работах Г. Вейганда, Т. Папахаджи, Т. Капидана, И. Неницеску, И. Бэчилэ и др. В традиционной одежде фессалийских, пиндских, македонских влахов начала XX в. выделялись типы одежды, значительно отличавшиеся от костюма молдаван и румын [3].

К характерным видам мужской одежды можно отнести фес красного или белого цвета (*кэчулэ, киляфе, барбарусэ*), длинную, ниже колен мужскую рубаху туникообразного покроя (*кэмяшэ ку клине*), белые штаны из тонкой хлопчатобумажной ткани (*змяне*), двуборт-

inslav

ную суконную нагрудную одежду без рукавов с разрезом на левую или правую сторону (*джимэдане*, *джуминдане*), тиникообразную шерстяную накидку без рукавов с клиньями на спине (*ципуня, шигуне*), суконную нагрудную одежду с рукавами, имевшими вертикальный разрез от плеча до локтя (*кундуше*, *скурту*), длинную плечевую одежду, скроенную в талию и застегивающуюся только до пояса, так чтобы нижние полы расходились (*малот*, *тэлэган*). Поверх верхней одежды повязывали один на другой шерстяной пояс (*брын*, *бырну*) и кожаный ремень (*силяфе, чиляхе*). Самодельная кожаная обувь (*цэрухе*), имея общие черты с восточнороманскими *опинчь*, отличалась своим кроем и отсутствием связующих кожаных ремешков[4].

Специфический облик традиционному мужскому костюму влахов придавала длинная рубаха с многочисленными складками на полах, которая полностью скрывала штаны, так что видны были только ноги ниже колен, обтянутые в белые обертки.

В женском костюме выделялись такие части, как красный фес, который в некоторых местностях украшали лентой с монетами (*лиличе ди мэрдзяле*), полотенчатообразный головной убор белого или черного цвета (*балцу*, *шимие*), белая рубаха, рукава которой украшены многочисленными поперечными вышитыми полосками (*кэмяшэ ку лиличе*), суконный жилет (*кептар*), платье темного цвета (*фустаня*), шерстяной передник (*поала*), повязанный поясом с крупной металлической пряжкой (*чупрекэ*). Поверх жилета в холодное время года женщины надевали верхнюю плечевую одежду, аналогичную мужской,— ципуня, дулумэ[5].

В традиционной одежде влахов выделялись древние элементы, состоявшие из меховой шапки, белой рубахи, белых штанов, безрукавки, шерстяного пояса, накидки из шерстяной ткани, верхней одежды с капюшоном из козьей шерсти[6]. Сравнение этих древнейших типов одежды влахов с архаичными типами одежды восточных романцев, живших к северу от Дуная, показывает их общность.

Однако взятый в целом весь комплекс традиционной влашской одежды как по внешнему облику, покрою, способам ношения, так и по терминологии значительно отличался от румынского и молдавского. Не был он похож и на одежду окружающих народов: Г. Вейганд писал, что костюм влахов настолько отличается от одежды албанцев, турок, греков и болгар, что их никогда нельзя спутать[7]. В то же время есть отдельные элементы и названия, общие у влахов, албанцев, греков и южных славян. Некоторые исследователи, например Т. Капидан, неоправданно отрицали в костюме влахов наличие славянских влияний[8]. В действительности славянский характер носят некоторые термины одежды: змяна— от славянского «смена», кундушу — от славянского «контуш», в свою очередь заимствованного от тюркского «контош». Одинаковый покрой имели болгарские и влашские мужские рубахи.

В одежде населения Валахии, Трансильвании и Молдавии имелось много общих черт как в покроях одежды, так и в терминологии. К ним можно отнести мужские рубахи туникообразного покроя,

inslav

суконные жилеты или меховые безрукавки, кожаные или шерстяные пояса, различные типы штанов (летние, зимние, кожаные), самодельную обувь, барашковые шапки и войлочные или соломенные шляпы, меховые шубы или суконные свиты с капюшоном.

В женской одежде можно отметить такие распространенные у обоих народов части, как рубаха (с цельнокроенным рукавом или туникообразная), полотняная блуза, несшитая юбка, состоявшая из одного или двух полотен, головные уборы полотенцеобразного типа или с твердой основой в комплексе с покрывалом, верхняя одежда халатообразного типа, мокасинообразная обувь, аналогичная мужской.

При общей, характерной для всех восточных романцев основе одежда каждого из народов содержала особенности, придававшие ей неповторимый облик. Эти этнические черты сформировались в условиях длительного исторического развития каждого народа в рамках самостоятельных государств — Валахии и Молдавии. Своеобразие одежды молдаван по сравнению с одеждой жителей Валахии (мунтян) отмечалось путешественниками XVI в. Антон Веранчич писал, что мунтяне отличаются от молдаван своей одеждой. В качестве одной из главных причин этого он считал приверженность молдаван к своим традициям и в то же время проникновение турецких влияний в костюм мунтян[9]. Другой путешественник, Николай Олахус, ограничился констатацией того, что одежда обоих народов «в определенной мере отличается»[10].

Не рассматривая всех аспектов общностей и различий народной одежды молдаван и румын, которые требуют специального исследования, отметим только некоторые общие закономерности в этой области. Они могут быть сведены к нескольким морфологическим признакам: наличие различных типов одежды, существование различных вариантов одного и того же типа, разная терминология, используемая для обозначения одних и тех же типов одежды. В Молдавии не были известны некоторые типы мужской и женской одежды, распространенные в Валахии. Например, мужские суконные штаны, широкие в верхней части и сужающиеся книзу (*дими*), штаны с вышитым орнаментом (*нэдражь*), мужские полотняные короткие и широкие штаны (*гачь*), женские юбки — одноплатовые с длинной бахромой (*опрег*), двухплатная со сборками (*вылник*), женские головные уборы в форме чепца (*чапсэ*, *конч*), мужские и женские зипуны без рукавов (*джубя*), глухого покроя (*шубэ ынфундатэ*), мужской тулуп с длинными рукавами (*битушкэ*). Имеются также различия в женских украшениях, в орнаментике мужского и женского костюмов.

В генезисе одежды восточнороманских народов выявляется ряд древних пластов, восходящих к культуре индоевропейской этнической общности, и в частности к ее варианту, развивавшемуся в Юго-Восточной Европе, в ареале Балканского полуострова и Карпат. Особый интерес представляет так называемый балканский субстрат — общность элементов культуры, свойственных многим народам Балканского полуострова.

inslav

Проблема выявления балканского субстрата в определенной мере связана с изучением ранних форм одежды восточных романцев в целом, их происхождения и этнической специфики. Первые попытки определения истоков происхождения костюма относятся к XVI в. Они связаны с так называемой «латинской школой» в историографии, представители которой считали влахов Трансильвании, как и другое восточнороманское население, прямыми потомками римлян. Исходя из такой посылки, они рассматривали восточнороманскую одежду как идентичную древнеримской.

Впервые эти положения были высказаны в работах саксонских историков из Трансильвании Иоганна Тростера и Лаурентиуса Топпельтинуса[11]. Доводы Топпельтинуса были воспроизведены в летописи Мирона Костина, который разделял эту же точку зрения. Молдавский летописец допускал, что в древности одежда предков румын (как тогда считалось, переселенцев из Рима) была римской, но впоследствии, в условиях более сурового климата, она претерпела изменения[12]. Что касается традиционной крестьянской обуви (*опинчь*) и формы мужской прически, то Костин считал их заимствованными от римлян[13].

Современные этнографические исследования на основе анализа барельефов Траяновой колонны в Риме и монумента из Адамклисси (Добруджа), на которых изображены римляне и пленные геты и даки, выявили значительные различия между римской кожаной обувью (*cento*) и гето-дакийской обувью типа *опинчь*[14].

Попытки подкрепить теорию о латинском происхождении восточных романцев этнографическими данными, в частности материалами по народной одежде, предпринимались и в XIX в., хотя к этому времени «латинская школа» уже начала утрачивать свое влияние. Г. Барициу в 1860 г. стремился доказать существование покроев античной италийской одежды, принесенных римскими колонистами[15]. Однако уже через несколько лет А. Одобеску заметил, что наряду с романскими заимствованиями в одежде румын имеются славянские, венгерские и «восточные»[16]. В дальнейшем А. Одобеску стал одним из основоположников фракийской теории в исследованиях генезиса восточнороманской культуры. Обращение к фракийскому культурному наследию стало возможным лишь в результате достижений археологии, данные которой начали использоваться историками культуры более широко с конца XIX — начала XX в. Одновременно с этим совершенствовались методы этнографических исследований, которые давали возможность более объективно оценивать эволюцию материальной культуры.

В начале XX в. латинское направление в трактовке этногенеза восточных романцев, считавшее румын, молдаван и влахов прямыми потомками римлян, окончательно уступило место фракийскому, хотя роль романизации как определенного этапа этногенеза не отрицалась. Определяя генезис одежды, сторонники латинского направления пытались дедуктивным методом с позиций общей теории этногенеза доказать ее римское происхождение. Иначе сложилось соотношение понятий «генезис одежды» — «этногенез» в конце

inslav

XIX — начале XX в. В определенной мере «фракийская теория» происхождения восточных романцев базировалась на этнографических и археологических данных. Одним из импульсов ее развития, помимо политических и идеологических факторов, явился повышенный интерес общественности к изображениям даков и гетов на античных памятниках.

Одними из первых к этим источникам обратились румынские археологи А. Одобеску и В. Пырван. Комментируя изображения гето-даков на колонне Траяна в Риме, А. Одобеску писал в 1874 г.: «Когда мы видим на колонне одежды, которые носили даки: их рубаху с рукавами, собранную в средней части, с разрезом на обеих сторонах полы; узкие белые штаны и кожаную обувь, которая покрывает их ноги; пушистый капюшон или накидку, наброшенную на плечо; длинные волосы воинов и в особенности шапка, которая надета на голове их предводителей „зарабов", как их называет Иордан, не можем не признать в них ту же самую одежду наших мунтян» [17]. К этому же выводу пришли впоследствии и другие исследователи румынской и молдавской культуры: В. Пырван, Г. Опреску.

Если заключение Одобеску основывалось только на интуиции, то работы последующих исследователей дали возможность более аргументированно обосновать параллели между одеждой восточнороманских народов и костюмом северных фракийцев. Были высказаны предположения о более древних истоках одежды балканских народов, восходящих к эпохе бронзы. В утверждении нового методологического подхода, основывавшегося на широком использовании и смелой интерпретации арехологических данных, большую роль сыграли работы немецких историков культуры: Э. Фишера, Г. Гирке, К. Шухардта, поставивших своей задачей реконструировать костюм древнего населения Центральной Европы и Балкан [18]. В центре внимания исследователей оказались археологические находки периода неолита, бронзы, железного века, содержавшие изображения одежды. Особенно подробно были исследованы памятники начала II в. н. э., монумент из Адамклисси и колонна Траяна, которым посвятили свои работы Г. Точилеску, А. Фюртвэнглер, О. Бендорф, Ф. Студничка, Е. Петерсен, Г. Пикар, К. Чихориус, Р. Вуйя, В. Пырван, А. Цигара-Самуркаш, Ф. Флореску и др. Хотя некоторые исследователи пытались идентифицировать фигуры пленных на барельефах как представителей германских народов, большая часть специалистов видит в них северных фракийцев — даков и гетов.

В результате анализа сравнительных материалов выявилась древность и историческая преемственность ряда элементов одежды народов Балкано-Карпатского ареала, восходящая к эпохе железного века, а некоторых — к бронзовому веку. В мужском костюме это такие части одежды, как узкие длинные штаны (*ицарь*), мешковидный капюшон (*глугэ*), стянутая обувь из сыромятной кожи (*опинчь*). В женском костюме — рубаха с цельнокроенным рукавом (*кэмашэ ынкрецитэ ла гыт*), одноплатовая юбка (*фотэ* — в Валахии и *катринцэ* — в Молдавии).

inslav

Румынские исследователи включают в число древних элементов одежды еще некоторые, как, например, мужскую рубаху с разрезом на полах, конусообразную шапку из ткани, пояс, кафтан, короткую мужскую стрижку, женскую прическу с прямым пробором[19]. Однако такие части одежды, как шапка, кафтан, пояс, и манера укладки волос не могут считаться специфичными, так как они были распространены у всех народов Европы. Что касается мужской рубахи, то из барельефов римских памятников не видно покроя рубахи, а разрез на полах не может быть положен в основу классификации. Более убедительно выглядит обоснование древности других видов одежды.

На барельефах монумента из Адамклисси различаются узкие штаны, образующие поперечные складки. Этот тип одежды известен у румын и молдаван под названием *ицарь*. Следует отметить, что ареал распространения узких штанов шире и включал в прошлом и славян, у которых наряду с широкими штанами (*гати*, *шаровары*) были известны и узкие (*ногавицы*, *портяницы*)[20]. Если ногавицы — это древний вид одежды, то *портяницы*, известные еще и под названиями *гачи*, *порты*, являлись характерной одеждой украинцев Подолии, Буковины, Галиции, Закарпатья и были распространены также у словаков и польских гуралей[21]. Плотно облегающие штаны белого цвета были в прошлом распространены и у албанцев (*тирчи*)[22]. Узкие шерстяные штаны не представляли собой типа одежды, свойственного только одному этносу — северным фракийцам, а впоследствии восточным романцам. Можно предположить, что одежда типа ицарь—гачи—порты—тирчи была в прошлом распространена у фракийцев, иллирийцев, славян, населявших Балкано-Карпатский ареал. Для этого типа одежды характерна не столько этническая специфика, так как он полиэтничен, сколько социально-профессиональная. Это одежда горных пастухов, изготовлявшаяся из шерстяной ткани и приспособленная для условий жизни в горной местности. У славян, албанцев этот тип одежды постепенно был вытеснен другими и сохранился только у отдельных этнических групп, в то время как у румын и молдаван он получил более широкое распространение, хотя также не являлся единственным типом мужских штанов.

Характерной для фракийцев в первых веках нашей эры была стянутая кожаная обувь, идентичная восточнороманским опинчь. Исследователями античных памятников было отмечено, что у фракийцев существовала обувь двух типов: в виде коротких чулок из войлока (*кэлцунь*), близких по форме римским (calceus), и специфичная для фракийцев стянутая кожаная обувь. Происхождение обуви типа опинчь исследовано румынским этнографом Ф. Флореску, который установил их бытование в античный период у фракийского и иллирийского населения в двух вариантах: с равномерно стянутой передней частью (*ынгрузите униформ*), с острым носком (*ку гургуй*). Первый тип характерен для иллирийцев, второй — для фракийцев[23]. В качестве аналогии фракийской опинке приводится такая же обувь, обнаруженная Г. Кирлем в культурном слое I

inslav

тысячелетия до н. э. на памятнике латенского периода у селения Дюрнберг в Австрии[24]. Вызывает сомнение вывод автора о том, что морфологическая структура восточнороманской опинки не имеет якобы аналогий у окружающих народов[25]. Подобная стянутая обувь из сыромятной кожи (*постолы*, *моршунци*, *моршуни*) была широко распространена в западных и центральных областях Украины[26].

Одним из распространенных типов женской рубахи у румын и молдаван является рубаха с цельнокроенным рукавом, имеющая ряд подтипов. По единодушному мнению исследователей, идентичный покрой четко изображен на барельефах монумента из Адамклисси. В связи с этим данный тип рубахи получил наименование «дакийского». В то же время некоторые другие исследователи относят его к славянам и считают подтипом рубахи с поликами[27]. Есть еще одно определение этого типа рубах, связанное с областью его наибольшего распространения,— «карпатский»[28]. Следует отметить, что наименования «дакийский», «карпатский» неоправданно ограничивают ареал бытования данного вида рубах, который в действительности намного шире и охватывает, кроме территории восточных романцев и зоны Карпат, западные и центральные области Украины. Вряд ли правильно было бы считать рубаху с цельнокроенным рукавом происходящей от поликовой. Простота края позволяет считать ее более древним типом, чем поликовый. Учитывая частое изображение вшивной орнаментированной вставки на рубахах на древнерусских фресках и миниатюрах, можно предположить, что этот тип рубахи являлся общим для всех восточных славян.

К древним элементам восточнороманской одежды относится одноплатовая юбка, состоящая из прямоугольного куска шерстяной ткани (*катринцэ*, или *фотэ*). В другом варианте подобная юбка состоит из двух фартуков и имеет те же названия.

Археологические находки на поселении Кырна (область Крайова в Румынии), относящиеся к эпохе бронзы, дали возможность определить древность бытования в Карпатском ареале женской поясной одежды типа «катринцэ-фотэ»[29]. Однако было бы неправильным, как и в отношении ранее упоминавшихся типов одежды (узких штанов, женской рубахи), связывать одноплатовую юбку только с фракийским этносом, а для эпохи нового времени ограничивать ее бытование исключительно территорией расселения восточных романцев. Близкий по покрою вид одежды был распространен на Ближнем Востоке. Несшитая юбка из двух передников известна у русских, украинцев, белорусов, болгар, сербов, поляков, чехов, словаков. Поневные ткани, изготовлявшиеся для несшитной поясной одежды, упоминаются в русских летописях XII в.[30] Г. С. Маслова справедливо считает, что понева была наиболее распространенным типом женской поясной одежды в период формирования древнерусской народности[31]. В то же время ареал ее бытования в древности был намного шире и включал ряд крупных этнических общностей: иллирийцев, фракийцев, славян, ираноязычные народы.

inslav

Анализ традиционной народной одежды восточнороманских народов дает возможность заключить, что на протяжении длительного времени в ней сохранились древние элементы одежды, общие для многих народов Балканского полуострова. К общему древнему фонду можно отнести такие виды мужской одежды, как узкие белые штаны, кожаную безрукавку, широкий кожаный пояс, стянутую кожаную обувь, конусообразную меховую шапку. В женском костюме — рубаху с цельнокроенным рукавом, несшитую поясную одежду, полотенчатообразный головной убор.

Балканский субстрат является древним наследием фракийского и иллирийского населения Балкан и прилегающих областей Подунавья. На рубеже I и II тысячелетий в период формирования народностей он вошел в культуру народов различных этнических групп: — славян, восточных романцев, греков, албанцев. Можно предположить, что балканский субстрат, не являясь изолированной культурой, представлял собой часть более широкого круга индоевропейской культуры, охватывавшей Юго-Восточную Европу и Малую Азию.

[1] *Verancsics A.* Descrierea Transilvaniei, Moldovei şi Ţării Românesti.— In: Călători străini despre Ţările Române. Buc., 1968, v. 1, p. 405.
[2] *Urechia V. A.* Istoria românilor. Buc., 1900, v. X, p. 518.
[3] *Weigand G.* Die Aromunen. Leipzig, 1894—1895, T. I, II; *Papahagi T.* Images d'ethnographie roumaine. Buc., 1929; *Capidan Th.* Românii nomazi. Dacoromânia. Cluj, 1927, Anul IV, p. 183—352; *Neniţescu I.* De la romînii din Turcia Europeană. Buc., 1930; *Băcilă I.* Tipuri şi costume. Vederi de la românii din Peninsula Balcanică. Buc., 1929.
[4] *Capidan Th.* Românii nomazi, p. 256—260.
[5] Ibid., p. 260—262.
[6] Ibid., p. 262.
[7] *Weigand G.* Die Aromunen, t. I, S. 264.
[8] *Capidan Th.* Românii nomazi, p. 267.
[9] *Verancsics A.* Descrierea Transilvaniei, p. 405.
[10] *Olahus N.* Hungaria.— In: Călători străini despre Ţările Române. Buc., 1968, v. I, p. 488.
[11] *Troster I.* Das Alt-und Neu-Teutsche Dacia. Nürnberg, 1666; *Toppeltinus L.* Origines et occasus Transsylvanorum. Lion, 1667.
[12] *Kogălniceanu M.* Cronicele României seu letopiseţele Moldaviei şi Valahiei. Buc., 1872, p. 26—27.
[13] Ibid., p. 27.
[14] *Florescu F. B.* Monumentul de la Adamklissi. Tropeum Traiani. Buc., 1960, p. 539.
[15] *Bariziu Gh.* Porturile romîneşti.— In: Calendariu pentru poporul romîn... pe anul 1860.
[16] *Odobescu A. J.* Notice sur les antiques de la Roumanie. Buc., 1867.
[17] *Odobescu A. J.* Artele din Romînia în periodul preistoric. Opere complete. Buc., 1908., v. 3, p. 198.
[18] *Fischer E.* Die Haar und Kleidertracht vorgeschichtlicher Karpatchen und Balkanvölkerschaften. Braunschweig, 1908; *Girke G.* Tracht der Germanen in der vor- und frühgeschichtlichen Zeit. Leipzig, 1922. Bd. I; *Schuhhardt C.* Die Urilyrier und ihre Indogermanierung. B., 1937.
[19] *Florescu F. B.* Monumentul de la Adamklissi, p. 575—614.
[20] *Нидерле Л.* Славянские древности. М., 1956, с. 228.
[21] *Матейко К. И.* Український народний одяг. Київ, 1977, с. 71; *Moszyński K.* Kultura ludova Slovian. Kraków, 1929, cz. 1, s. 450.

inslav

[22] Народы зарубежной Европы. М., 1964, т. 1, с. 545.
[23] *Florescu F. B.* Opincile la romîni. Buc., 1957.
[24] *Florescu F. B.* Monumentul de la Adamklissi, p. 597—600.
[25] Ibid., p. 601.
[26] *Zelenin D.* Russische (Ostslavische) Volkskunde. Berlin; Leipzig, 1927, S. 239.
[27] *Лебедева Н. И., Маслова Г. С.* Русская крестьянская одежда XIX — начала XX в. Русские: Ист. этногр. атлас. М., 1968.
[28] *Токарев С. А.* Этнография народов СССР. М., 1958, с. 72.
[29] *Florescu F. B.* Geneza costumului popular romînesc.— Studii şi cercetări de istoria artei, 1959, N 1, p. 21.
[30] Полное собрание русских летописей. СПб., 1913, т. XVIII, с. 758.
[31] *Маслова Г. С.* Одежда в XIX — начале XX в. как материал к этнической истории народа.— СЭ, 1956, № 4, с. 23.

Поздний героический эпос на Балканах: проблемы типологии и истории

Б. Н. ПУТИЛОВ

Историческая типология получила в советском эпосоведении широкое и плодотворное применение. Можно сказать, что именно она дала нашей науке новые теоретические импульсы и позволила успешно решать сложнейшие вопросы генезиса, исторического развития народного героического эпоса, его жанровой специфики. Сравнительный историко-типологический анализ эпических памятников многих народов мира выявил единство закономерностей эпического творчества при многообразии его конкретных этнических форм и позволил многое понять в принципах художественного отношения эпоса к действительности[1].

Одно из важнейших теоретических положений, достаточно хорошо аргументированное и развитое в серии современных исследований, может быть сформулировано как *закон типологической последовательности эпического творчества.* Зарождаясь в недрах мифологического синкретизма, героический эпос развивается от форм архаических к реально-историческим, проходя на этом длительном пути ряд закономерных стадий. Этот процесс носит универсальный характер, он в принципе необратим, т. е. эпическая архаика как система, как исторически сложившийся способ объяснения мира не может возобновиться в ходе народного творчества. Это равным образом относится к классическому эпосу, выражающему народные представления и героические идеалы определенной исторической ступени. Ему на смену приходит конкретный эпический историзм, он появляется как художественная доминанта в итоге длительного процесса.

Эти принципиальные положения противостоят известным постулатам «исторической школы», согласно которым песни реаль-

inslav

но-исторического типа составляют начальный этап эпического творчества и затем совершают эволюцию к фантастике, архаике, утрачивая эмпирическую конкретность. Поздний эпос в таком случае рассматривается как эпос, «не успевший» пережить подобную эволюцию и «задержавшийся» в своем «первоначальном» виде[2]. На самом же деле определяющей тенденцией надо считать движение от архаики к реальной истории.

Другое столь же важное теоретическое положение можно формулировать как *закон типологической преемственности эпического творчества.*

Новый тип эпоса зарождается в недрах исторически предшествующего ему, преемственно с ним связан, несет в себе его традиции. Формы преемственности до сих пор изучены еще недостаточно. Мы имеем дело как с развитием, продолжением, сохранением, так и с отрицанием, качественной трансформацией, переосмыслением, преодолением. Преемственность распространяется на сюжетику, героев, предметный мир, пространственно-временные категории, поэтику в узком смысле, способы исполнения. Преемственность может носить характер открытый и скрытый, она нередко получает форму «следов»[3]. Важно, что вне изучения преемственности ни эпос в целом, ни отдельные эпические памятники не могут быть поняты должным образом. Анализ и выявление как можно более широкого круга преемственных связей — обязательное условие эпосоведческого исследования в наши дни. Типологическая преемственность — это характерная для эпоса форма взаимоотношения с традицией. Преемственные связи, т. е. связи с традицией, заключают нередко ключ к выявлению основных значений эпического памятника либо целой разновидности эпического жанра[4].

Развитие эпоса и возникновение новых типов его идет двумя путями: один путь — эволюция, другой — перерывы постепенности; первый порождает явления переходные, «гибридные», при втором возникают явления, отмеченные резкими чертами новизны и необычности.

Когда мы говорим о процессе создания нового типа эпоса, то очень важно при этом знать, что происходит с предшествующим типом. Собственно, здесь налицо альтернатива — либо предшествующая традиция «поглощается» новообразованием, т. е. превращается в него и перестает существовать как самостоятельное явление; либо параллельно начинают существовать новый и старый типы, они по-своему взаимодействуют. В первом случае старшая эпическая традиция может быть частично, более или менее убедительно реконструирована в ходе сравнительного историко-типологического анализа поздних типов[5].

Все сказанное имеет самое непосредственное отношение к проблемам позднего эпоса на Балканах. Не ошибусь, если замечу, что новейшие теоретические достижения эпосоведения, и в частности принципы сравнительного историко-типологического подхода, пока еще слабо коснулись этого раздела эпического наследия балканских

inslav

народов. Между тем материал здесь чрезвычайно значительный и очень интересный, широкий подход к нему может оказаться весьма перспективным для уяснения общих закономерностей и особенностей развития героического эпоса на завершающих стадиях.

Понятие «поздний эпос» еще недостаточно закреплено в современной историко-типологической классификации героического эпоса. Это можно объяснить тем, что внимание исследователей преимущественно сосредоточивается на отдельных жанрах или разновидностях эпоса, который по существу принадлежит к позднему типу.

Разумеется, основное значение определения «поздний» в данном случае историко-типологическое: эпос этого типа представляет собой следующую за классическим типом богатырского (юнацкого, войницкого и т. д.) эпоса стадию, он возникает позднее этого типа. Конечно, предлагаемый термин условен, не во всех отношениях удобен, но то же самое можно было бы сказать и относительно типологических определений — «архаический», «классический». Поскольку типология эпоса определяется прежде всего по характеру историзма, в самих терминах следовало бы отразить соответствующие различия. Однако, до тех пор пока в наших представлениях о типах эпического историзма немало спорного, гипотетичного, незавершенного, преждевременные терминологические определения вряд ли стоит канонизировать [6].

«Поздний» эпос является таковым не только в историко-типологическом, но и в хронологическом отношении. Это во всяком случае справедливо для основного массива его, для большей части национальных (этнических) традиций. Правда, мы знаем случаи относительно раннего возникновения образцов «позднего» эпоса, но все же они не столь часты.

К таким ранним образчикам на Балканах относятся, на наш взгляд, сербский цикл песен о Косовской битве и болгарские песни о царе Шишмане. Существенные приметы типологии позднего эпоса здесь налицо: не фантастические ситуации и коллизии, отмеченные слиянием мифологических традиций и исторического опыта народа, не вымышленные конструкции, соответствующие народному пониманию идеального течения истории, но реальные исторические события во всем их драматизме, в трагических исходах составляют содержание новых песен; героями их выступают реальные лица с реальной судьбой, что резко расходится с эпической традицией, возвышающей богатырей и юнаков-победителей; реальности событий и персонажей соответствует реальность пространственно-временных показателей в этих песнях, реальность фона. Не углубляясь в подробности, отметим, что названные эпические песни сохраняют многие существенные черты эпической эстетики, они узнаваемы как принадлежащие эпическому творчеству, связанные с классической эпической традицией, продолжающие ее. В особенности Косовский цикл показывает, что рождение нового типа происходит в недрах эпической традиции путем развития, переосмысления, трансформации и отрицания различных ее элементов и принципов [7].

inslav

Разумеется, не случайно возникновение первых (ранних) образчиков нового эпоса было связано с историческими потрясениями, имевшими столь громадное воздействие на судьбы народов: битвой 1389 г. на Косовом поле и падением Второго Болгарского царства в 90-е годы XIV в. Сходную картину мы наблюдаем в русском фольклоре: татарское нашествие получило реальное отражение в рязанском песенном цикле, а татарское иго и народное сопротивление ему — в песне о Щелкане (середина XIV в.).

Несомненно, ждет объяснения тот факт, что важные сдвиги — не побоимся сказать, художественные открытия,— совершившиеся в эпосе славянских народов в условиях великих исторических потрясений, оказались затем как бы перекрытыми классической эпической традицией, которая на время возобладала и в рамках которой нашли выражение народные чаяния, связанные с борьбой против иноземного ига: реальная история подверглась эпической обработке. Поздний эпос как устойчивая система обнаруживает себя в фольклоре балканских народов с полным размахом в XVII в. Следовательно, нужна была целая эпоха, нужны были значительные перемены в народной жизни, в народном сознании, чтобы новая эпическая система утвердилась.

Основной жанр позднего героического эпоса на Балканах — это гайдуцкий эпос. В фольклоре южнославянском и восточнороманском он занимает видное место [8].

Богатство сюжетов, содержательность, масштабность и идейная значительность гайдуцкого эпоса, а также наличие его у ряда народов, свойственная ему межэтническая общность — все это делает его явлением общебалканским и ставит в центр внимания исследователей типологии позднего эпоса. В то же время в фольклоре отдельных народов выделяются специфические жанры, также по-своему выражающие типологию позднего эпоса. Здесь в первую очередь необходимо назвать героический эпос черногорцев (XVII—XIX вв.), песни ускоков, песни Военной границы [9]. Если принадлежность их к области героического эпоса не подвергается сомнению (речь должна идти о месте каждого из жанров в общеэпической системе), то в отношении ряда жанров героической поэзии балканских народов вопрос о такой принадлежности остается более или менее открытым. Это касается греческих клефтских песен и разновидностей исторической песни южнославянской и восточнороманской, а также албанской. Можно ли сказать, что эти песни складывались в недрах героической эпической традиции, что они являются этапом в ее развитии и могут рассматриваться как результат качественной ее переработки?

Вопрос этот требует специальных скрупулезных сравнительных исследований отдельных песенных циклов, сюжетов, прежде всего с точки зрения взаимоотношения их с типологически предшествующей эпической традицией. Как один из немногих примеров такого исследования назову здесь работу Н. Л. Ручкиной [10]. И результаты ее, и сама методика заслуживают внимания. Автор проводит сопостав-

inslav

ления между акритским эпосом и клефтскими песнями на уровне поэтики (характерные описания, поэтические обороты, композиционные приемы), «типических мест», образов, мотивов. Анализ выявляет ряд сходных моментов, несомненных параллелей и зависимостей и позволяет сделать вывод о родственных связях двух жанров, разделенных многими веками. В статье эти жанры четко разграничены в типологическом плане. Клефтская песня «представляет собой качественно новое явление в развитии героического фольклора». Отношение ее к предшествующей эпической традиции характеризуется как «использование» тех мотивов и образов акритского эпоса, которые «не противоречили идейно-эстетическим задачам нового жанра» [11].

Вслед за Н. Л. Ручкиной скажем, что, скорее всего, клефтская песня как целое складывалась не в недрах акритского эпоса, а где-то рядом с ним. Однако, думается, ее связи с эпической традицией много шире, чем это можно представить на основании сделанных сопоставлений. Полагаем, что эмпирических сопоставлений двух жанров в данном случае недостаточно. В клефтских песнях можно обнаружить эпические реминисценции более широкого плана, и довольно близкие параллели обнаруживаются в иноэтнической традиции, в частности в южнославянской. Будем учитывать при этом существенные различия в поэтическом строе, характере развертывания сюжетов, в композиционных принципах песен клефтских, с одной стороны, и гайдуцких или черногорских — с другой. Для последних характерна в принципе традиционная эпическая манера повествования, организации сюжетов, в первых традиция предстает как бы в свернутом виде, повествование уплощается, принимает дискретную форму, многое уходит во второй сюжетный план. Однако если бы мы попробовали «развернуть» клефтскую песню, реконструировать ее эпическое прошлое, результаты в ряде случаев оказались бы поразительными: мы бы получили тексты, во многом близкие к южнославянским песням поздней эпики. Я имею в виду не только очевидные соответствия на уровне сюжетных тем (таких, например, как «Освобождение героя, которого ведут на казнь», «Битва, кончающаяся повальным бегством турок», «Герой вырывается из осады», «Герой выручает девушку из плена»), мотивов, ситуаций, развязок, но вообще эпический характер сюжетики, изображения людей и событий, пронизывающее песни героико-эпическое начало, которое в конечном счете определяет меру эмпирической правды, отбор реалий и оценку поведения людей. Клефтские песни в этом отношении не одиноки: к ним близки многие исторические песни XVII—XVIII вв., известные в фольклоре балканских народов и их ближайших соседей, песни западных славян о збойниках, украинские — об опришках.

Категорию позднего героического эпоса не следует расширять до того, что она может утратить реальные очертания, но нельзя ее также замыкать в границах жанров, непосредственно связанных с эпической национальной традицией. Живой процесс эпического творче-

inslav

ства на Балканах (так же, как и у ряда соседних народов, в частности у восточных и западных славян) в поздних исторических условиях характеризуется своеобразной расщепленностью и неоднородностью. С одной стороны, происходит развитие и трансформация устойчивых, все еще популярных и достаточно живых старых эпических систем, что приводит к появлению гайдуцких, черногорских и подобных им песен. Преемственность здесь носит явный и открытый характер. С другой стороны, в отношении ряда поэтических жанров о такой преемственности не может быть и речи, однако сравнительные исследования обнаруживают скрытые связи, наличие преемственности особого рода, которую следовало бы определить как опосредованную, многоступенчатую, дискретную. Она обнаруживает себя в сфере сюжетики, изображения людей, в поэтике.

При всех различиях двух основных направлений в позднем эпосе, при всем многообразии жанровых и национальных (этнических) реализаций можно — пока в самом общем и предварительном плане — попытаться выделить некоторый набор универсалий, характеризующих поздний эпос как тип эпического творчества. При этом важно не только учесть признаки преобладающие, но и уловить некоторые тенденции, указывающие на перспективы его развития.

Выделяя универсалии, мы будем все время встречаться с характерными столкновениями традиционного и нового, с различными соотношениями того и другого, с разными формами преобразования, отталкивания, обновления...

Героический характер — важнейшая особенность позднего эпоса, перешедшая к нему «по наследству» от традиции. Открытые конфликты, непримиримая борьба, кровавые развязки органичны для эпоса. Поздний эпос по преимуществу воинский в том смысле, что военные столкновения, поединки, битвы неизменно составляют узлы повествований, коллизии разрешаются с помощью оружия. В этом смысле поздний эпос более цельный по сравнению с типологически ранним, где значительную долю составляли новеллистические сюжеты. Поздний эпос отличается тем, что в изображении основных коллизий определяющими оказываются реально-исторические мотивы, в качестве противоборствующих выступают реальные исторические силы. Этим в конечном счете определяется характер эпического историзма позднего типа. Его главная особенность заключается, на наш взгляд, в следующем: стремление к изображению и воспеванию конкретной героической современности, осознание поэтической значимости и эпической сущности окружающей реальности, «своей» среды, осмысление исторического смысла повседневной борьбы и «своих» героев — все это получает реализацию в формах, так или иначе связанных с традицией, нередко ей подчиненных, ею обусловливаемых.

В итоге мы имеем дело с художественным феноменом, где одновременно сплав традиции и нового, яркие черты поэтической новизны, но и следы несостоявшегося еще синтеза. Это вполне отчетливо

inslav

проявляется в изображении людей и сюжетике. Герои позднего эпоса в абсолютном своем большинстве идентифицируются как персонажи, имеющие реальных прототипов, реально соотносимые с определенными местностями и временем. В их песенных биографиях уловимы черты действительных биографий гайдуков, клефтов, воевод, воинов-пастухов и т. д. Вместе с тем это песенные образы, типы, наделенные устойчивыми, из песни в песню повторяющимися и варьируемыми характеристиками, стереотипами, персонажи, одновременно реальные и вполне условные, в своем поведении следующие разработанному эпическому кодексу. Понять по-настоящему весь смысл, всю значимость этих образов можно не через реально-биографические летописные сопоставления, а соотнося их с общеэпическими идеалами и эпической эстетикой, выражающей нормы и представления той среды, которая творила этот эпос. Обобщающее начало в конце концов оказывается сильнее эмпирических тенденций, эпический вымысел и эпическая условность переплавляют конкретную реальность. Другое дело — что под влиянием новых представлений о героизме и героической личности поздний эпос либо вовсе расстается с наиболее характерными универсалиями в изображении людей, выработанными классическим эпосом, либо сохраняет некоторые из них в значительно преображенном виде, в качестве слабых следов и т. д.

Это относится в первую очередь к изображению героев как богатырей, наделенных фантастическими и гиперболическими качествами, к мотивам чудесного рождения, чудесного обретения силы, к последовательно осуществляемой в старом эпосе идее запрограммированности эпической биографии и т. д. Таким образом, говоря о качественных сдвигах в изображении эпического героя, необходимо главное внимание обратить не на принципиально новое решение проблемы «герой-прототип», а на существенные изменения и новшества в художественном изображении героя, в понимании природы, поведения, судьбы героической личности. Поздний эпос здесь остается эпосом, т. е. искусством со своей спецификой, своими устойчивыми принципами отношения к действительности, искусством обобщения и стереотипизации, но он оказывается эпосом нового типа: преобразование и отрицание традиции приводит как к значительным открытиям в сфере изображения человека, героической личности, так и к невосполнимым утратам. Если же говорить о том, в каком направлении развивались в позднем эпосе особенности изображения героя, то — судя по произведениям позднейшего времени — здесь на первый план выдвигались, с одной стороны, поэтизация, лирическая характеристика, а с другой — усиление эмпирического начала и схематизации эпических описаний. И то и другое по-разному в конечном счете размывали эпическую эстетику, нередко приводили к тому, что терялась эпическая значительность, герои лишь обозначались, а не изображались.

В сфере сюжетики поздний эпос отмечен резким и многосторонне проявившимся поворотом в сторону хроникальности: содержание

inslav

подавляющего большинства песен оказывается связанным с реально происходившими событиями, с текущей историей; комментирование песен данными летописей, документов, датировка событий, в песнях воспеваемых, становится вполне реальным; вполне обоснованно восприятие таких песен как отклика на определенные события.

При этом стоит подчеркнуть, что наряду с событиями общенародного, общегосударственного масштаба песни широко откликаются на события местной истории, вследствие чего собственно хроникальный интерес ряда песен ограничен нередко пределами небольшой территории. В сюжетике песен усиливается роль разного рода конкретных, местных подробностей и реалий, что придает им дополнительную достоверность.

Между тем художественные законы эпоса остаются действительными для позднего его типа, хотя и претерпевают немалую эволюцию. Прежде всего не будем упускать из виду, что в произведениях позднего эпоса мы имеем дело с *сюжетами*, т. е. организованными в рамках известной системы, основанными на определенных правилах, «изобретенными» повествованиями. Эпический сюжет не повторяет реальных событий и не совпадает с ними, он неизменно и последовательно трансформирует жизненный материал, производит в нем отбор, композиционно организует движение событий, вычленяет ведущую коллизию, дает свое решение конфликта. Эпический сюжет есть концепция действительности, а не простое воспроизведение ее — этот закон остается в силе и для позднего эпоса.

Эпический вымысел, опирающийся на систему норм, ограничений возможностей, на традиционный опыт и обогащающийся движением истории и новым народным опытом,— это главный инструмент эпической сюжетики. Эпическое творчество на позднем этапе, как и прежде, идет в пределах некоторого набора тем, коллизий, ситуаций, мотивов. Вполне возможно составить указатель сюжетных тем и мотивов — как для отдельных национальных традиций, так и для более широкого регионального материала. Типовая сюжетика в полной мере позволяет выразить пафос эпоса, его героическую сущность, понимание народом смысла борьбы, а одновременно и реализовать задачу летописно-поэтической фиксации истории. Сюжетика позднего эпоса — явление чрезвычайно сложное, она может быть сколько-нибудь полно прочитана на основе анализа ее реально-исторических связей, характера переработки и обобщения эмпирического материала, а также отношения к предшествующей сюжетной традиции. Эта традиция заключает в себе нередко важный семантический фон, вне которого событийная сторона поздних песен не может быть понята.

Возрастающие со временем тенденции к усилению хроникального начала сродни усилению эмпирического начала в изображении героев, и они также в конце концов оборачиваются схематизацией, художественным обескровливанием эпоса.

inslav

Поздний эпос — важное завоевание народного творчества. Он сохраняет свою художественную значительность, оказывается существенным элементом народного исторического сознания постольку, поскольку в нем конкретный историзм получает подлинно эпическое выражение.

[1] См., например: *Жирмунский В. М.* Сравнительное литературоведение: Восток и Запад. Л.: Наука, 1979; *Он же.* Тюркский героический эпос. Л.: Наука, 1974; *Мелетинский Е. М.* Происхождение героического эпоса: Ранние формы и архаические памятники. М.: Изд-во АН СССР, 1963; *Он же.* Народный эпос.— В кн.: Теория литературы: Основные проблемы в историческом освещении. Роды и жанры. М., 1964; *Он же.* Палеоазиатский мифологический эпос: Цикл Ворона. М.: Наука, 1979; *Пропп В. Я.* Русский героический эпос. М., 1958; *Он же.* Фольклор и действительность: Избр. ст. М.: Наука, 1976; *Путилов Б. Н.* Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л.: Наука, 1976; *Он же.* Русский и южнославянский героический эпос: Сравнительно-типологическое исследование. М.: Наука, 1971; *Гринцер П. А.* Древнеиндийский эпос: Генезис и типология. М.: Наука, 1974; Эпическое творчество народов Сибири и Дальнего Востока: (Материалы Всесоюзной конференции фольклористов). Якутск, 1978; «Джангар» и проблемы эпического творчества тюрко-монгольских народов: Материалы Всесоюзной научной конференции, Элиста, 17—19 мая 1979. М.: Наука, 1980; Типология народного эпоса. М.: Наука, 1975.

[2] См., например: *Миллер В. Ф.* Очерки русской народной словесности. т. III. Былины и исторические песни. М.; Л., 1924; *Шамбинаго С.* Песни времени царя Ивана Грозного. Сергиев Посад, 1914.

[3] См. об этом: *Путилов Б. Н.* О типологической преемственности в эпосе славянских народов.— В кн.: Межславянские культурные связи. М.: Наука, 1971.

[4] См.: *Путилов Б. Н.* Сюжетная замкнутость и второй сюжетный план в славянском эпосе.— В кн.: Славянский и балканский фольклор. М.: Наука, 1971; *Он же.* Об эпическом подтексте: (На материале былин и юнацких песен).— В кн.: Славянский фольклор. М.: Наука, 1972; *Он же.* Песня: История. Традиция.— В кн.: Культурное наследие Древней Руси: Истоки. Становление. Традиции. М.: Наука, 1976.

[5] См. соответствующие разделы в монографиях: *Пропп В. Я.* Русский героический эпос; *Путилов Б. Н.* Русский и южнославянский героический эпос; *Гацак В. М.* Восточнороманский героический эпос. Исследование и тексты. М.: Наука, 1967.

[6] Сошлюсь на собственный опыт историко-типологической классификации славянского героического эпоса (см.: *Путилов Б. Н.* Проблемы жанровой типологии и сюжетных связей в русском и южнославянском эпосе.— В кн.: История, культура, фольклор и этнография славянских народов: VI Международный съезд славистов. Прага, 1968. Доклады советской делегации. М.: Наука, 1968). Предложенные здесь определения типов эпоса частично получили обоснование в монографии автора «Русский и южнославянский эпос», но, конечно, остаются рабочими, требующими дальнейшей проверки и уточнений. Это особенно касается определения позднего эпоса как «реально-исторического».

[7] Подробно об этом см.: *Путилов Б. Н.* Русский и южнославянский героический эпос, с. 281—309; о болгарских песнях см.: *Динеков П.* Български фолклор, С., 1980, ч. 1, с. 529—533.

[8] Ограничусь здесь ссылкой на издания, представляющие собой обобщение и монографическое исследование либо публикацию текстов и содержащие достаточную библиографию темы: Хайдушки песни. Отбрал и редактирал

inslav

Димитър Осинин. С., 1961; *Шептунов И. М.* Хайдуцкое движение в фольклоре южных славян и болгарской литературе. М.: Наука, 1982; Песни южных славян/Вступит. ст. сост. и примеч. Ю. Смирнова. М., 1976; *Nazečić S.* Iz naše narodne epike. 1 Dio. Hajduške borbe oko Dubrovnika i naša narodna pjesma. Sarajevo, 1959; *Гацак В. М.* Восточнороманский героический эпос; *Он же.* Фольклор и молдавско-русско-украинские исторические связи. М.: Наука, 1975.

[9] См.: *Новак Килибарда.* Поезија и историја у народној књижевности. Београд, о. г.; *Он же.* Легенда и поезија. Београд, 1976; Епска народна поезија Црне Горе. Предговор и биљешке Видо Латковића. Титоград, 1964; *Зоговић Р.* Црногорске епске пјесме разних времена. Антологија. Титоград, 1970; *Матицки М.* Српскохрватска граничарска епика. Београд, 1974; *Путилов Б. Н.* Героический эпос черногорцев. Л., 1982.

[10] *Ручкина Н. Л.* Генетические связи акритского эпоса и клефтских песен.— В кн.: Славянский и балканский фольклор: Обряд. Текст. М.: Наука, 1981.

[11] Там же, с. 209.

inslav

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (В. Н. Виноградов) 3

ИСТОРИЯ

Древний мир и средние века

Вяч. Вс. Иванов. Древнебалканская культура и письменность . 5

Г. Г. Литаврин, Е. П. Наумов. Особенности становления раннефеодальных славянских государств на Балканах 15

Е. П. Наумов. Государственная власть и сословное деление феодального класса на Балканах в XIII—XV вв. (К истории феодальной социальной терминологии и иерархии) 29

М. М. Фрейденберг. Далматинцы в балканской торговле XIV—XVI вв. 38

НОВОЕ ВРЕМЯ

Л. Е. Семенова. Константин Ипсиланти и Первое сербское восстание (1804 — август 1807 г.) 50

И. С. Достян. Балканские проблемы в русской общественной мысли (конец XVIII — первая четверть XIX в.) 63

В. И. Шеремет. Русско-турецкая торговля и балканские земли (конец XVIII — первая половина XIX в.) 74

В. Н. Виноградов. Процессы образования государств в Юго-Восточной Европе в XIX — начале XX в. (Некоторые проблемы типологии. Соотношение внутренних и внешних факторов) . . . 87

В. Я. Гросул. Реформы и революции на Балканах в XIX в. . . 98

Э. А. Джапаридзе, Н. В. Кабакова. Русские архивные материалы о политике Франции в Дунайских княжествах (1830—1848 гг.) 111

С. И. Данченко, А. В. Карасев. Основные этапы развития сербской буржуазной государственности и Россия (1858—1903 гг.) . . . 123

Д. Ф. Поплыко. Революция и реформа в идеологии балканской революционной демократии (60—70-е годы XIX в.) 138

М. М. Залышкин. Военно-политическое сотрудничество между Румынией и Россией в войне 1877—1878 гг. (По материалам русских и румынских газет) 148

З. С. Ненашева. Славянский вопрос и буржуазно-дворянские общественные круги России на рубеже XIX и XX вв. 176

Ю. А. Писарев. Образование Югославского государства (Итоги изучения и новые материалы) 186

НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

Т. Ф. Маковецкая, Т. А. Покивайлова. Крестьянские партии в политической структуре Болгарии и Румынии в первой четверти XX в. 199

М. Д. Ерещенко. Роль иностранного капитала в Румынии, Болгарии и Югославии накануне второй мировой войны 223

inslav

Г. М. Славин. О советско-югославском Договоре о дружбе и ненападении (1941 г.) 232

Л. Я. Гибианский. Югославский вопрос в антигитлеровской коалиции и позиция СССР (1941—1942 гг.) 240

Т. В. Волокитина. Из истории разработки экономической политики правительства Отечественного фронта в Болгарии после 9 сентября 1944 г. 254

В. В. Зеленин, Н. Д. Смирнова. К 40-летию освобождения Балкан от фашизма 266

М. А. Мунтян. Восстановление дунайского судоходства после второй мировой войны (Политико-экономические аспекты) 275

А. А. Язькова. Политика США в отношении социалистических стран Юго-Восточной Европы в послевоенные годы (Основные аспекты проблемы) 284

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

А. И. Рогов. Основные проблемы изучения культурных взаимосвязей России с Дунайскими княжествами в XV—XVII вв. . . . 292

Г. Л. Арш. Новогреческое Просвещение и Россия (К постановке проблемы) 304

И. И. Лещиловская. Сербское Просвещение. Люди и идеи . . . 314

Ю. Д. Беляева. Сербские мотивы в русской литературе (А. Ф. Вельтман и В. А. Гиляровский) 327

О. А. Колпакова. Балканская тема в литературно-публицистической деятельности Доры д'Истрии 343

Н. В. Злыднева. Судьбы народного искусства в XX в. и балканская художественная традиция 352

Е. П. Львова. Антифашистское искусство Болгарии и его международное значение (Опыт сравнительного изучения) 366

О. Л. Кириллова. Жанрообразующие принципы прозы И. Андрича 381

ЭТНОГРАФИЯ И ФОЛЬКЛОР

Ю. В. Иванова. Этнокультурные особенности календарной обрядности народов Юго-Восточной Европы 394

В. С. Зеленчук. Некоторые проблемы этнической истории народов Юго-Восточной Европы (Балканский субстрат в традиционной одежде восточнороманских народов) 406

Б. Н. Путилов. Поздний героический эпос на Балканах: проблемы типологии и истории 415

inslav

CONTENTS

Preface (V. N. Vinogradov) 3

HISTORY

Ancient Wolrd and Middle Ages

V. V. Ivanov. Ancient Balkan culture and writing 5

G. G. Litavrin, E. P. Naumov. Special features of the formation of early feudal states in the Balkans 15

E. P. Naumov. State power and group division of feudal class in the Balkans in the 13th — 15th cc. (On the history of feudal social terminology and hierarchy) 29

M. M. Freidenberg. Dalmatians in the Balkan trade in the 14th — 16th cc. 38

MODERN HISTORY

L. Ye. Semyonova. Constantine Ypsilanti and the First Serbian Uprising (1804 — August 1807) 50

I. S. Dostyan. The Balkan Problem in the Russian public thought (late 18th — the first quarter of the 19th c.) 63

V. I. Sheremet. Russian-Turkish trade and the Balkan lands (late 18th — the first half of the 19th c.) 74

V. H. Vinogradov. The processes of the state formation in South — East Europe in the 19th — early 20th c. (Some problems of typology. The correlation of internal and external factors) 87

V. Ya. Grosul. Reforms and revolutions in the Balkans in the 19th c. 98

E. A. Dzhaparidze, N. V. Kabakova. Russian archives' material about the French policy in the Danubian principalities (1830—1848) . . 111

S. I. Danchenko, A. V. Karasyov. The main stages of development of the Serbian bourgeois political system and Russia (1858—1903) . . 123

D. F. Poplyko. Revolution and reform in the ideology of the Balkan revolutionary democracy (1860s — 1870s) 138

M. M. Zalyshkin. The military-political collaboration between Romania and Russia during the war of 1877—1878 (Based on the material from Romanian and Russian newspapers) 148

Z. S. Nenasheva. The Slavonic question and Russian bourgeois-aristocratic circles (on the border of the 19th and 20th cc.) 176

Yu. A. Pisarev. Formation of the Yugoslavian state (Results of the study and some new materials) 198

CONTEMPORARC HISTORY

T. F. Makovetskaya, T. A. Pokivaylova. The peasant parties in the political structure of Bulgaria and Romania in the first quarter of the 20th c. 199

inslav

M. D. Yereshchenko. The role of foreign capital in Romania, Bulgaria and Yugoslavia on the eve of World War II 223

G. M. Slavin. On the Soviet-Yugoslav Treaty of Friendship and Non — Aggression (1941) 232

L. Ya. Gibiansky. The Yugoslavian question in the anti-Hitler coalition and the position of the USSR (1941—1942) 240

T. V. Volokitina. On the history of the elaboration of economic policy of the Fatherland Front government in Bulgaria after September 9, 1944 254

V. V. Zelenin, N. D. Smirnova. On the 40th anniversary of liberation of Balkans from the fascism 266

M. A. Muntyan. The restoration of the Danubian navigation after World War II (political-economic aspects) 275

A. A. Yazkova. The policy of the USA concerning the socialist countries of South — East Europe after World War II (the main aspects of the problem) 284

HISTORY OF CULTURE

A. I. Rogov. The main problems of study of the cultural ties of Russia and the Danubian principalities in the 15th — 17th cc. 292

G. L. Arsh. The New Greek Enlightenment and Russia (the propounding of the problem) 304

I. I. Leshchilovskaya. The Serbian Enlightenment. Men and Ideas. 314

Yu. D. Belyayeva. Serbian motives in Russian literature (A. F. Veltman and V. A. Ghilyarovsky) 327

O. A. Kolpakova. The Balkan theme in the literary-publicistic activities of D. d'Istria 343

N. V. Zlydneva. The future of folk art in the 20th c. and the Balkan artistic tradition 352

Ye. P. Lvova. Bulgarian anti-fascist art and its international significance (An essay on comparative study) 366

O. L. Kirillova. The genre-forming principles of prose of I. Andrić 381

ETHNOGRAPHY AND FOLKLORE

Yu. V. Ivanova. Ethno-cultural peculiarities of calendar rituals of the peoples of South — East Europe 394

V. S. Zelenchuk. Some problems of the ethnic history of the peoples of South — East Europe (The Balkan substratum in the traditional clothes of the East Romanic peoples) 406

B. N. Putilov. The late heroic epos in the Balkans: Problems of typology and history 415

inslav

БАЛКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ.
Вып. 9

Утверждено к печати
Институтом славяноведения
и балканистики АН СССР

Редактор издательства *Г. В. Моисеенко*
Художественный редактор *Н. А. Фильчагина*
Технический редактор *Т. С. Жарикова*
Корректоры *Ф. А. Дебабов, Л. И. Кириллова*

ИБ № 28274

Сдано в набор 14.09.83.
Подписано к печати 17.11.83.
Т-21708. Формат 60×90 1/16
Бумага типографская № 1
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 27 Уч.-изд. л. 33,8 Усл. кр.-отт. 27
Тираж 1200 экз. Тип. зак. 3178
Цена 4 р. 20 к.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва В-485 Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

inslav

В 1984 Г. В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «НАУКА» ВЫЙДУТ В СВЕТ:

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО СЛАВЯНОВЕДЕНИЮ И БАЛКАНИСТИКЕ

20 л., 2 р. 50 к.

Книга посвящена истории изучения стран Центральной и Юго-Восточной Европы в дореволюционной, советской и отчасти зарубежной историографии. Рассматриваются проблемы становления советской славистики, а также вопросы формирования и развития славяноведения в России с XVI до начала XX в. Статьи сборника опираются на широкий круг опубликованных и архивных источников, впервые вводимых в научный оборот. Публикуются также неизвестные ранее материалы по истории дореволюционного и советского славяноведения и балканистики.

Б. Й. Желицки

РАБОЧИЙ КЛАСС СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВЕНГРИИ. 60-е — ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 70-х ГОДОВ

(социальное развитие)

18 л., 2 р.

В монографии привлечен богатый фактический материал, почерпнутый преимущественно в текущих архивах и учреждениях ВНР. Работа носит глубоко исследовательский характер, раскрывает процессы развития рабочего класса Венгрии с позиций марксистско-ленинской методологии, основное внимание уделено рабочему классу как ведущей социальной силе современного общества. Особая ценность монографии заключается в том, что она является первым в советской историографии комплексным исследованием о важнейших аспектах социального развития рабочего класса ВНР, об изменениях в его структуре и структуре венгерского общества в целом.

inslav

И. И. Удальцов

ИСТОРИОГРАФИЯ ЧЕШСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ. НОВЕЙШИЕ ЧЕХОСЛОВАЦКИЕ И СОВЕТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ (1950—1980 гг.)

25 л., 3 р. 20 к.

Книга — первое в советской и зарубежной историографии исследование, в котором с учетом современной идейно-политической борьбы даны аналитический обзор и характеристика работ по социально-экономической, национально-политической и культурной проблематике чешского национального возрождения; критически рассмотрены попытки чехословацких ревизионистов и реакционеров использовать национально-политические концепции прошлого в ходе событий 1968 г. в ЧССР для своих выступлений против интернациональных связей ЧССР; автором показан крах этих попыток.

inslav

Книги можно предварительно заказать в магазинах Центральной конторы «Академкнига», в местных магазинах книготоргов или потребительской кооперации без ограничений.

ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ КНИГ ПОЧТОЙ ЗАКАЗЫ ПРОСИМ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ:

117192 **Москва**, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»;

197345 **Ленинград**, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига»

ИЛИ В БЛИЖАЙШИЙ МАГАЗИН «АКАДЕМКНИГА»:

480091 **Алма-Ата**, ул. Фурманова, 91/97 («Книга — почтой»);

370005 **Баку**, ул. Джапаридзе, 13 («Книга — почтой»);

320093 **Днепропетровск**, проспект Гагарина, 24 («Книга — почтой»);

734001 **Душанбе**, проспект Ленина, 95 («Книга — почтой»);

375002 **Ереван**, ул. Туманяна, 31;

664033 **Иркутск**, ул. Лермонтова, 289;

252030 **Киев**, ул. Ленина, 42;

252030 **Киев**, ул. Пирогова, 2;

252142 **Киев**, проспект Вернадского, 79;

252030 **Киев**, ул. Пирогова, 4 («Книга — почтой»);

277012 **Кишинев**, проспект Ленина, 148 («Книга — почтой»);

343900 **Краматорск**, Донецкой обл., ул. Марата, 1;

660049 **Красноярск**, проспект Мира, 84;

443002 **Куйбышев**, проспект Ленина, 2 («Книга — почтой»):

191104 **Ленинград**, Литейный проспект, 57;

199164 **Ленинград**, Таможенный пер., 2;

196034 **Ленинград**, В/О, 9 линия, 16;

220012 **Минск**, Ленинский проспект, 72 («Книга — почтой»);

103009 **Москва**, ул. Горького, 19а;

117312 **Москва**, ул. Вавилова, 55/7;

630076 **Новосибирск**, Красный проспект, 51;

630090 **Новосибирск**, Академгородок, Морской проспект, 22 («Книга — почтой»);

142292 **Пущино**, Московской обл., МР «В», 1;

620151 **Свердловск**, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»);

700029 **Ташкент**, ул. Ленина, 73;

700100 **Ташкент**, ул. Шота Руставели, 43;

700187 **Ташкент**, ул. Дружбы Народов, 6 («Книга — почтой»);

634050 **Томск**, наб, реки Ушайки, 18;

450059 **Уфа**, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»);

450025 **Уфа**, ул. Коммунистическая, 49;

720001 **Фрунзе**, бульвар Дзержинского, 42 («Книга — почтой»);

310078 **Харьков**, ул. Чернышевского, 87 («Книга — почтой»).

inslav

inslav

1723

БАЛКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ • Вып. 9